Е. В. Васьковскій.

ОРГАНИЗАЦІЯ АДВОКАТУРЫ.

ЧАСТЬ I.

ОЧЕРКЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ АДВОКАТУРЫ.

ИЗДАНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Н. К. МАРТЫНОВА,
КОММИСІОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. № 12
1893

10с
2и 1К3

Посвящается

Юліи Владиміровнѣ

ВАСЬКОВСКОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ I ЧАСТИ.

Стр.

Введеніе. § 1. Опредѣленіе адвокатуры. § 2. Происхожденіе адвокатуры. § 3. Происхожденіе судебнаго представительства . 1— 24

Глава I. **Грецiя.** § 1. Происхожденіе и развитіе греческой адвокатуры. § 2. Организація греческой адвокатуры. § 3. Особенности греческой адвокатуры. § 4. Судебное представительство въ Греціи . . . . . 25— 39

Глава II. **Римъ.** § 1. Происхожденіе римской адвокатуры. § 2. Виды юридической профессіи въ Римѣ. § 3. Организація адвокатуры въ республиканскій періодъ. § 4. Внутреннее состояніе республиканской адвокатуры. § 5. Организація адвокатуры во времена имперіи. § 6. Внутреннее состояніе адвокатуры въ императорскій періодъ. § 7. Судебное представительство. § 8. Общій взглядъ на римскую адвокатуру . . . . . 40— 79

Глава III. **Франція.** § 1. Древнее время и средніе вѣка. § 2. Новое время до революціи 1789 г. § 3. Революція 1789 г. и послѣдующее время. § 4. Современная организація. § 5. Дѣятельность и общественное положеніе адвокатуры со временъ революціи. § 6. Институтъ повѣренныхъ. § 7. Причины процвѣтанія адвокатуры во Франціи и общій характеръ ея. . . . . 80—193

Глава IV. **Англія.** § 1. Англійская адвокатура съ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка. § 2. Реформы XIX вѣка и современная организація адвокатуры. § 3. Институтъ повѣренныхъ. § 4. Общій характеръ англійской адвокатуры и принципы ея организаціи. . 194—227

Глава V. **Германія.** § 1. Средніе вѣка. § 2. Новое время до XIX в. § 3. Дореформенный періодъ. § 4. Современная организація. § 5. Внутреннее состояніе современной адвокатуры. § 6. Общій взглядъ на германскую адвокатуру . . . . . 228—284

Глава VI. **Австрія.** § 1. Дореформенная адвокатура. § 2. Современная организація. . . . . 285—305

Глава VII. **Россія.** § 1. Съ древнѣйшихъ временъ до судебной реформы 1864 г. § 2. Современная организація. § 3. Внутреннее состояніе русской адвокатуры . . . . . 306—358

Глава VIII. **Остальныя государства.** § 1. Бельгія. § 2. Голландія. § 3. Италія. § 4. Испанія и Португалія. § 5. Швейцарія. § 6. Венгрія. § 7. Боснія и Герцоговина. § 8. Скандинавскія государства. § 9. Турція. § 10. Сербія. § 11 Болгарія и Румынія. § 12. Грецiя. § 13. Соединенные Штаты. § 14. Бразилія. § 15. Мексика и Перу. § 16. Канада. § 17. Египетъ. . . . . 359—386

Заключеніе 387

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская адвокатура находится въ настоящее время наканунѣ реформы. Организація, данная ей Судебными Уставами 1864 года и дополнительными законами 1874, 1875 и 1889 г.г., принесла на практикѣ неудовлетворительные результаты. Въ послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться въ обществѣ и печати жалобы на современное положеніе вещей. Правительство, со своей стороны, обратило вниманіе на необходимость пересмотра законодательныхъ постановленій объ адвокатурѣ, и выработанный особой коммиссіей проектъ со дня на день ждетъ своего утвержденія.

При такихъ обстоятельствахъ; появленіе труда, посвященнаго изслѣдованію принциповъ организаціи адвокатуры, не можетъ быть названо несвоевременнымъ.

Задача и методъ настоящаго сочиненія станутъ ясны читателю, когда онъ ознакомится съ содержаніемъ его. Но авторъ считаетъ умѣстнымъ сдѣлать на этотъ счетъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Выраженіе «организація адвокатуры» можетъ быть понимаема двоякимъ образомъ: въ смыслѣ организаціи профессіональной дѣятельности адвокатуры (т. е. опредѣленія ея роли, правъ и обязанностей на судѣ) и въ смыслѣ внутренняго устройства самого сословія адвокатовъ.

Въ заглавіи настоящаго сочиненія оно употреблено въ послѣднемъ значеніи. Такимъ образомъ, предметъ сочиненія—организація сословія адвокатовъ, и если

авторъ касался ихъ профессіональной дѣятельности, то лишь по-стольку, по-скольку это представлялось необходимымъ для главной цѣли.

Переходя къ методу изслѣдованія, нужно, въ виду большой важности этого вопроса, войти въ нѣкоторыя подробности.

Наука объ обществѣ (политика или соціологія) распадается на теоретическую и практическую (прикладную [1]) или, употребляя выраженіе Милля, на науку въ собственномъ смыслѣ слова и искусство [2]). Теоретическая наука описываетъ различныя формы организаціи общественной жизни и «изслѣдуетъ причины и слѣдствія въ области политическихъ учрежденій, какъ факты естественные, такимъ же образомъ, какъ физика и химія объясняютъ явленія неорганическаго міра, а біологія—явленія жизни» (Бэнъ). Единственный методъ, который она можетъ употреблять съ увѣренностью, что достигнетъ истины и не впадетъ въ ошибки, это такъ наз. историческій или обратно-дедуктивный, впервые рекомендованный для соціологическихъ изслѣдованій творцомъ положительной философіи Огюстомъ Контомъ [3]), а затѣмъ принятый всѣми авторитетными писателями по этому вопросу (Миллемъ, [4]) Льюисомъ, [5]) Бэномъ [6]) и др.). Онъ слагается изъ двухъ частей: индуктивнаго изслѣдованія фактовъ и дедуктивной повѣрки ихъ. Задача теоретической науки—раскрытіе причинной связи между общественными явленіями и опредѣленіе законовъ ихъ сосуществованія и послѣдовательности. Ея выводы

---

[1]) *Бэнъ*: Логика общественныхъ наукъ, 1882, с. 4.

[2]) *Милль*: Система логики, 1866, II, 527 и сл.

[3]) *A. Comte*: Cours de philosophie positive, v. IV. 418 ss.

[4]) *Милль*: Система логики, II, 490 и сл. см. также его «автобіографію» (рус. пер., стр. 221, 222).

[5]) *G. C. Lewis*: A treatise on the methods of observation and reasoring in polities, 1852.

[6]) *Бэнъ*: у. с., 40. См. также сочиненія проф. *Сергѣевича*: Задача и методы государственныхъ наукъ, 1871, 178 и сл. и г. *де-Роберти*: политико-экономическіе этюды, 1869, 192 и сл.

служатъ матеріаломъ для практической науки, которая, подобно каждому искусству, какъ напр., медицинѣ, технологіи и т. п., занимается приспособленіемъ средствъ къ намѣченной практической цѣли. «Отношеніе, въ которомъ правила искусства стоятъ къ ученіямъ науки», говоритъ Милль: «можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ. Искусство предлагаетъ себѣ цѣль, опредѣляетъ ее и передаетъ наукѣ. Наука принимаетъ ее, разсматриваетъ какъ явленіе или дѣйствіе, которое нужно изучить, и, изслѣдовавши ея причины и условія, возвращаетъ ее назадъ искусству, вмѣстѣ съ теоремою того сочетанія обстоятельствъ, которымъ она можетъ быть произведена» [1]). Другими словами наука изслѣдуетъ причины и производимыя ими слѣдствія, а искусство ставитъ прежде всего опредѣленную цѣль и, пользуясь выводами науки, рѣшаетъ, какія обстоятельства приведутъ къ этой цѣли, какъ причины къ слѣдствію.

Адвокатура, какъ явленіе юридическое, а слѣдовательно, соціальное, можетъ составить предметъ изслѣдованія и теоретической науки (юриспруденціи) и практической (юридической политики), причемъ послѣдняя въ своихъ выводахъ должна опираться на первую. Такимъ образомъ, научное изслѣдованіе адвокатуры должно состоять изъ двухъ частей: 1) теоретической (изслѣдованіе причинъ процвѣтанія и упадка адвокатуры) и 2) практической (опредѣленіе желательной организаціи адвокатуры). Первая часть, въ свою очередь, раздѣляется на два отдѣла: 1) индуктивное изученіе фактовъ и 2) дедуктивную повѣрку.

По такому плану было задумано настоящее сочиненіе. Но, выполняя его, авторъ счелъ цѣлесообразнымъ соединить вмѣстѣ дедуктивную повѣрку съ опредѣленіемъ идеала организаціи адвокатуры и вести изслѣдованіе параллельно, въ видахъ большей крат-

---

[1]) *Милль:* Логика, II, 529.

кости и ясности изложенія. Вслѣдствіе этого, содержаніе труда распалось на двѣ части: 1) индуктивную, названную имъ «очеркомъ всеобщей организаціи адвокатуры» и 2) дедуктивную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прикладную, озаглавленную «изслѣдованіемъ принциповъ организаціи адвокатуры».

На сколько автору удалось исполнить предположенную задачу—судить не ему. Но онъ надѣется, что компетентныя лица, знакомыя съ трудностью предмета и скудностью разработаннаго матеріала, отнесутся снисходительно къ его попыткѣ подвергнуть научному изслѣдованію вопросъ, составлявшій до настоящаго времени почти исключительное достояніе практическихъ юристовъ и представителей журнальной публицистики.

ЧАСТЬ I.

ОЧЕРКЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ АДВОКАТУРЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1.

Опредѣленіе адвокатуры.

Слово «адвокатура» [1]) имѣетъ въ русскомъ разговорномъ языкѣ два значенія. Во первыхъ, имъ обозначается профессія адвокатовъ, т. е. извѣстнаго рода дѣятельность, заключающаяся въ веденіи на судѣ чужихъ процессовъ. Въ такомъ смыслѣ говорятъ, напримѣръ: «необходимость адвокатуры въ уголовныхъ дѣлахъ», «роль адвокатуры на судѣ» и т. д. Во вторыхъ, адвокатурой называется также само сословіе адвокатовъ, т. е. классъ лицъ посвятившихъ себя этой профессіи. Такой смыслъ имѣетъ слово «адвокатура» въ выраженіяхъ: «русская адвокатура», «самоуправленіе въ адвокатурѣ», и т. д. Но въ наукѣ и въ западноевропейскихъ языкахъ съ терминомъ «адвокатура (advocatio, l'avvocatura, abogacia, die Advocatur, the advocacy, le ministère d'avocat) соединяется иное, совершенно спеціальное понятіе: онъ служитъ для обозначенія дѣятельности адвокатовъ въ отличіе отъ дѣятельности повѣренныхъ или судебныхъ представителей. Чтобы выяснить это спеціальное значеніе слова «ад-

[1]) Оно происходитъ отъ латинскаго корня „advocare, advocatus“ (призывать, призванный). Первоначально римляне обозначали именемъ „адвокатовъ“—родственниковъ и друзей тяжущагося, которыхъ онъ просилъ сопровождать его на судъ. Только во времена имперіи этотъ терминъ сталъ прилагаться къ судебнымъ защитникамъ.

вокатура» необходимо войти въ разсмотрѣніе понятія судебнаго представительства.

У насъ, какъ въ обыденной жизни, такъ подчасъ и въ юридической литературѣ не проводятъ никакого различія между адвокатурой и судебнымъ представительствомъ. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что по русскимъ законамъ адвокаты, по крайней мѣрѣ, въ гражданскомъ процессѣ, дѣйствительно являются полными представителями тяжущихся. Въ ст. 249 уст. гражд. суд. прямо сказано: «повѣренный представляетъ лицо тяжущагося въ судѣ». Но не говоря уже о томъ, что даже по русскому праву отождествленіе адвокатуры съ судебнымъ представительствомъ не имѣетъ мѣста въ уголовномъ процессѣ, гдѣ защитникъ не замѣняетъ вполнѣ обвиняемаго, и гдѣ во многихъ случаяхъ требуется личная явка послѣдняго [1]), исторія и наблюденіе надъ современной юридической жизнью другихъ народовъ свидѣтельствуютъ, что адвокатура и судебное представительство два различныя учрежденія, вызванныя разными потребностями, развившіяся отдѣльно другъ отъ друга и даже въ настоящее время существующія самостоятельно во многихъ государствахъ Европы.

Дѣйствительно, что такое судебное представительство по своей сущности? Оно ничто иное, какъ одинъ изъ частныхъ видовъ того института гражданскаго права, который носитъ названіе представительства и заключается въ томъ, что одно лицо (представитель, повѣренный) совершаетъ какія либо юридическія дѣйствія взамѣнъ другаго (представляемаго, довѣрителя), причемъ всѣ послѣдствія дѣятельности перваго переходятъ на второе [2]). Существованіе этого института вызвано насущ-

---

[1]) Уст. уг. суд, ст. 583 (по продол. 1889 г.).

[2]) Ученіе о представительствѣ стало разрабатываться въ видѣ самостоятельнаго правоваго института только со временъ Савиньи. Прежніе писатели разсматривали его по частямъ въ спеціальныхъ отдѣлахъ гражданскаго права. Такъ, о представительствѣ по договору они говорили въ обязательственномъ правѣ, представительство въ силу закона относили къ семейному праву и т. д. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ фактомъ, что римское право не выработало цѣльнаго ученія о представительствѣ. Опредѣленія права представительства столь же различны, какъ и воззрѣнія на сущность его. Тѣ и другія сведены въ новѣйшихъ германскихъ сочиненіяхъ. (*Hellmann:* Die Stellvertretung in Rechtsgeschäften, 1882, I Theil; *Mitteis:* Die Lehre von der Stellvertretung nach römischem Rechte mit Berücksichtigung des österreichischen Rechtes, 1885, S. 80 ff.). Самое общее опредѣленіе даетъ Барнау (*Barnau:* Stellvertretung im Strafrecht und Strafprocess, 1890, S. 5): „представительство есть веденіе дѣлъ за другихъ", но оно настолько широко, что обнимаетъ собой и такія

ною потребностью поручать въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеніе того или иного дѣйствія другому лицу. «Онъ даетъ возможность», говоритъ г. Гордонъ: «отправлять посредствомъ представителей свою юридическую дѣятельность такимъ лицамъ, которыя сами не могутъ этого сдѣлать вслѣдствіе какихъ либо естественныхъ, юридическихъ и нравственныхъ препятствій (болѣзнь, отдаленность мѣста дѣятельности, отсутствіе дѣеспособности, неумѣніе защищать свое дѣло на судѣ и проч.). Въ этомъ смыслѣ представительство имѣетъ значеніе замѣны одного лица другимъ. Понятіе о юридической замѣнѣ лицъ составляетъ основную, фундаментальную идею представительства. Но, съ большимъ развитіемъ экономической жизни и ея потребностей, эта основная идея получаетъ болѣе широкое практическое примѣненіе; представительство становится средствомъ для расширенія сферы юридической дѣятельности лица. Посредствомъ представителей лицо можетъ одновременно совершать юридическія дѣйствія въ различныхъ и самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Одно лицо представляется дѣйствующимъ въ нѣсколькихъ лицахъ» [1]).

Представительство можетъ основываться: 1) на постановленіи закона, 2) на договорѣ, 3) на законѣ и на договорѣ вмѣстѣ и 4) на простомъ фактѣ. Сообразно съ этимъ оно бываетъ законнымъ или необходимымъ, договорнымъ, смѣшаннымъ и фактическимъ. Необходимое имѣетъ мѣсто тогда, когда представляемый по своимъ физическимъ или нравственнымъ качествамъ неспособенъ къ совершенію юридическихъ дѣйствій. Оно опредѣляется закономъ и основывается, главнымъ образомъ, на семейныхъ и подобныхъ имъ отношеніяхъ. Таково представительство несовершеннолѣтнихъ дѣтей родителями, сиротъ, безумныхъ, расточителей опекунами и т. п. Договорное представительство выражается въ томъ видѣ обязательственнаго права,

---

явленія, которыя не относятся къ представительству, какъ напр., личный наемъ. Крайне неточно также опредѣленіе г. *Казанцева* (Ученіе о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ, 1879, I, ст. 120): „представительство есть такое юридическое понятіе, гдѣ (т. е. въ понятіи?!) одно лицо, имѣя на основаніи какого-нибудь правоваго момента полномочіе со стороны другаго (представительство возможно и безъ всякаго полномочія, каково напр. negotiorum gestio), заключаетъ юридическую сдѣлку (вѣрнѣе: производитъ юридическое дѣйствіе, такъ какъ подъ понятіе сдѣлки не подойдетъ, напр, веденіе на судѣ чужаго процесса) на имя этого другаго". Г. *Гордонъ*, превосходно разъяснившій идею представительства, говоритъ: „существо представительства состоитъ въ томъ, что одно лицо отправляетъ юридическую дѣятельность вмѣсто другаго", забывая указать, что послѣдствія этой дѣятельности переходятъ непосредственно на представляемаго. *Гордонъ:* Представительство въ гражданскомъ правѣ, 1879, с. 8.

[1]) *Гордонъ:* у. с., 7.

который называется договоромъ довѣренности (mandatum). Смѣшанное совмѣщаетъ въ себѣ признаки, свойственные какъ необходимому, такъ и договорному: основываясь на законѣ, оно въ тоже время опредѣляется договоромъ. Примѣромъ этого могутъ служить всякаго рода юридическія лица: они по закону должны имѣть представителя, но выборъ его производится самими членами. Наконецъ, фактическое представительство, не вытекая ни изъ одного изъ указанныхъ источниковъ, выражается въ веденіи чужаго дѣла безъ просьбы заинтересованнаго лица (negotiorum gestio [1]). Каждый представитель можетъ быть уполномоченъ на совершеніе какого-либо дѣйствія, входящаго въ сферу гражданскаго права (напр., купли—продажи, аренднаго договора), уголовнаго права (напр., возбужденіе отцомъ преслѣдованія за обиду, нанесенную малолѣтнему сыну), гражданскаго процесса (веденіе чужаго дѣла) и уголовнаго процесса (тоже [2]) Представительство въ двухъ послѣднихъ случаяхъ носитъ названіе процессуальнаго или судебнаго.

Итакъ, *судебное представительство есть такая замѣна въ процессѣ тяжущагося другимъ лицомъ, при которой всѣ послѣдствія судебной дѣятельности представителя падаютъ непосредственно на тяжущагося.* Основная цѣль этого института заключается въ томъ, чтобы избавить тяжущагося отъ личной явки въ судѣ, часто очень затруднительной для занятаго человѣка, а иногда просто невозможной. Римское право съ обычной ясностью указало эту цѣль. „Такъ какъ“, говорится въ институціяхъ Юстиніана: „то обстоятельство, что отъ чужаго имени не дозволялось ни искать, ни отвѣчать на судѣ, причиняло немалое неудобство, то люди начали судиться черезъ повѣренныхъ. Вѣдь и болѣзнь, и возрастъ и необходимое путешествіе, и многія другія причины часто мѣшаютъ имъ вести свои дѣла лично» [3]). Изъ этого видно, что по своей идеѣ судебное представительство вовсе не требуетъ ни спеціально-юридическаго образованія, ни какой-бы то ни было особой организаціи.

---

[1]) Подробный анализъ всѣхъ видовъ представительства сдѣланъ въ капитальномъ трудѣ г. Гордона.

[2]) Въ уголовномъ правѣ и процессѣ представительство допускается только по исключенію, такъ какъ основнымъ принципомъ служитъ здѣсь личная отвѣтственность: ни совершать преступленій, ни отбывать наказаній черезъ представителя нельзя. Замѣна одного лица другимъ можетъ происходить только для возбужденія преслѣдованія за нѣкоторыя преступленія и для веденія неважныхъ процессовъ. *Barnau:* l. c., passim.

[3]) Inst. Just., L. IV, t. X. О томъ же, *Dig.* L. III, t. III, f. 1.

Каждый представитель, будь то отецъ, опекунъ или повѣренный, можетъ явиться взамѣнъ представляемаго лица въ судъ точно такъ-же, какъ можетъ заключить арендный договоръ или купить какую-либо вещь. Необходимость организаціи судебнаго представительства можетъ возникнуть только тогда, когда оно становится профессіональнымъ занятіемъ особаго класса лицъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится адвокатура. Ея существованіе вызвано другою жизненной потребностью. На первыхъ ступеняхъ юридическаго развитія всякаго народа, когда правовыя нормы на столько просты и несложны, что доступны пониманію всѣхъ и каждаго, тяжущіеся имѣютъ возможность вести свои дѣла лично, не прибѣгая къ посторонней помощи. Но съ развитіемъ культуры жизненныя отношенія становятся разнообразнѣе и запутаннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и соотвѣтствующія юридическія нормы. Знаніе и примѣненіе ихъ дѣлается затруднительнымъ для большинства гражданъ; тяжущіеся, не обладая спеціальной подготовкой, уже не въ состояніи сами вести своихъ дѣлъ; имъ необходима помощь человѣка, хорошо знакомаго съ постановленіями матеріальнаго права и формами процесса; является потребность въ особомъ классѣ лицъ, который-бы спеціально занимался изученіемъ законовъ и могъ оказывать нуждающимся юридическую поддержку или правозаступничество (Rechtsvertheidigung) [1]). Эти-то спеціалисты-правовѣды или правозаступники носятъ на западѣ Европы названіе адвокатовъ. Такимъ образомъ, *адвокатура въ собственномъ смыслѣ слова представляетъ собой правозаступничество, т. е., другими словами, юридическую помощь, оказываемую нуждающимся въ ней лицамъ спеціалистами-правовѣдами.* Отсюда вполнѣ понятно, что въ то время, какъ судебное представительство имѣетъ цѣлью устранить неудобство личной явки сторонъ въ судъ и, по своей идеѣ, не предполагаетъ спеціальной подготовки, сущность адвокатуры, являющейся подобно медицинѣ, результатомъ раздѣленія труда и спеціализаціи знаній, состоитъ именно въ знакомствѣ съ матеріальнымъ и процессуальнымъ правомъ, т. е. въ юридическомъ образованіи. Помимо того, въ интересахъ правосудія чрезвычайно важно, чтобы адвокаты, выступая на судѣ защитниками сторонъ, не злоупотребляли своими знаніями, не тормозили,

---

[1]) Этотъ терминъ мы заимствуемъ у проф *Малышева*. (Курсъ гражд. судопроизв. I т., 1874, с. 205).

а ускоряли отправленіе правосудія, были не врагами, а союзниками суда. Другими словами, государство должно обставить дѣятельность адвокатовъ извѣстными условіями, дать имъ особую организацію, которая предупреждала бы возможность злоупотребленій и въ то же время гарантировала-бы добросовѣстность и знаніе.

Если, такимъ образомъ, адвокатура и судебное представительство вызваны къ жизни различными потребностями, то и кругъ ихъ дѣятельности долженъ быть неодинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый представитель вообще замѣняетъ въ данной юридической дѣятельности личность своего довѣрителя. Слѣдовательно, судебный представитель обязанъ замѣстить тяжущуюся сторону на судѣ. Принимая на себя веденіе дѣла, онъ получаетъ право совершать всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершалъ-бы самъ тяжущійся, если-бы явился лично: онъ можетъ дѣлать признаніе отъ лица своего довѣрителя, подавать и получать судебныя бумаги, просить о назначеніи или отсрочкѣ дѣла, прекращать его миромъ, присутствовать при исполненіи рѣшенія, вести дѣло единолично или приглашать къ себѣ на помощь адвоката,— словомъ, какъ принято говорить, онъ является полнымъ хозяиномъ дѣла (dominus litis). Не такова дѣятельность адвоката въ своемъ чистомъ видѣ, т. е. въ качествѣ правозаступника. Внѣ суда она заключается въ подачѣ юридическихъ совѣтовъ, руководствѣ при заключеніи сдѣлокъ, сочиненіи важныхъ судебныхъ бумагъ и тому подобныхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ правовой характеръ и требующихъ спеціальныхъ знаній. На судъ адвокатъ является по приглашенію тяжущагося или его представителя только для участія въ преніяхъ. Никакихъ другихъ обязанностей по производству дѣла и исполненію рѣшенія онъ не принимаетъ на себя: онѣ относятся къ сферѣ дѣятельности самого тяжущагося или его судебнаго представителя. Въ качествѣ правозаступника, адвокатъ участвуетъ только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о правѣ. Онъ по преимуществу и даже исключительно законовѣдъ, юрисконсультъ, помощникъ стороны въ процессѣ, между тѣмъ, какъ судебный представитель—ходатай по дѣлу, уполномоченный стороны, хозяинъ тяжбы.

Было бы ошибочно думать, что столь строгое отдѣленіе дѣятельности адвоката отъ обязаннностей судебнаго представителя является результатомъ теоретическаго отвлеченія и не встрѣчается на практикѣ. Совсѣмъ напротивъ. Такой порядокъ вещей выработался многовѣковой исторической жизнью самыхъ цивилизованныхъ государствъ Европы. Во Франціи, Англіи, Бельгіи, Италіи и Испаніи на ряду съ классомъ адвокатовъ (avocat, barrister, avvocato, abogado) дѣй-

ствуетъ институтъ судебныхъ представителей, носящихъ названіе повѣренныхъ [1]) (procureur, avoué, solicitor or attorney, procuratore, procurador). Кромѣ того, и въ республиканскомъ Римѣ, и въ древней Германіи, и до послѣдняго времени во многихъ другихъ странахъ (напр. въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ, въ Голландіи и т. д.) адвокаты (advocatus, Fürsprecher, Vorsprecher, Redner) не исполняли обязанностей судебныхъ представителей (procurator, Gewalthaber, Klagführer).

Но хотя адвокатура и судебное представительство рѣзко различаются между собой по своей сущности и по сферѣ дѣятельности, тѣмъ не менѣе они имѣютъ одну общую точку соприкосновенія: оба учрежденія являются дѣятельностью судебной: какъ адвокаты, такъ и повѣренные дѣйствуютъ на судѣ. Такая тождественность поприща дѣятельности привела къ двумъ результатамъ. Съ одной стороны, когда судебное представительство сдѣлалось профессіональнымъ занятіемъ особаго класса лицъ, то произошло нѣкоторое смѣшеніе функцій адвокатовъ и повѣренныхъ. Такъ напримѣръ, французскіе и англійскіе повѣренные (avoués, solicitors) получили съ теченіемъ времени право исполнять въ опредѣленныхъ случаяхъ обязанности адвокатовъ, а итальянскіе адвокаты—заниматься судебнымъ представительствомъ.

Съ другой стороны, на практикѣ возникла мысль соединить представительство съ правозаступничествомъ въ рукахъ одного класса лицъ и, уничтоживъ институтъ повѣренныхъ, предоставить его функціи адвокатамъ. Такъ и случалось во многихъ государствахъ. Въ современной Германіи, напримѣръ, уничтожено искони существовавшее различіе между адвокатурой (Fürsprecheramt, Advocatur) и судебнымъ представительствомъ (Anwaltschaft) и оба учрежденія слиты въ одно (Rechtsanwaltschaft). Точно также русскіе присяжные повѣренные,

---

[1]) Русскіе авторы обыкновенно называютъ французскихъ avoués, англійскихъ solicitors, итальянскихъ procuratori и т. д. стряпчими, но мы въ послѣдующемъ изложеніи будемъ постоянно придерживаться по отношенію къ судебнымъ представителямъ всѣхъ государствъ термина „повѣренные“ по слѣдующимъ причинамъ: 1) этотъ терминъ ни болѣе, ни менѣе, какъ буквальный переводъ названій „avoué, procuratore“ и т. п.; 2) слово „повѣренный“ содержитъ въ себѣ указаніе на представительство, такъ какъ въ договорѣ довѣренности (мандата) представитель носитъ названіе повѣреннаго; 3) наконецъ, терминъ „стряпчій“ заимствованный изъ нашего дореформеннаго процесса, гдѣ онъ означалъ помощника прокурора, должностное лицо, совершенно не соотвѣтствуетъ понятію судебнаго представителя западно-европейскихъ государствъ.

созданные судебными уставами 1864 г., являются вмѣстѣ и правозаступниками и представителями сторонъ. Вообще, новѣйшія законодательства обнаруживаютъ тенденцію къ сліянію этихъ двухъ учрежденій. Австрійскій законъ 1868 г., венгерскій 1874 г., турецкій 1876 г., германскій 1878 г., голландскій 1879 г., швейцарскіе 1878 и 1880 г., всѣ они построены на такомъ сліяніи.

Подводя итогъ всему сказанному, мы видимъ, что, терминъ «адвокатура» кромѣ тѣхъ двухъ значеній, которыя придаются ему въ нашемъ разговорномъ языкѣ, имѣетъ еще одно, и что, слѣдовательно, онъ можетъ быть употребляемъ для обозначенія трехъ понятій. Въ тѣсномъ научномъ смыслѣ, принятомъ западноевропейскими языками, адвокатурой называется правозаступничество въ противоположность судебному представительству. Въ обширномъ смыслѣ подъ адвокатурой понимается всякаго рода профессіональная дѣятельность, заключающаяся въ веденіи на судѣ чужихъ дѣлъ, т. е. правозаступничество вмѣстѣ съ судебнымъ представительствомъ. Такое значеніе имѣетъ слово «адвокатура» у насъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ отдѣльнаго института повѣренныхъ. Наконецъ, адвокатурой можно называть, какъ сдѣлано нами въ заглавіи настоящаго сочиненія, само сословіе адвокатовъ [1]). Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ употреблять слово «адвокатура» преимущественно въ смыслѣ правозаступничества, придавая ему однако въ случаѣ надобности также и два другія значенія, и замѣняя его, когда могло бы возникнуть недоразумѣніе, соотвѣтствующими синонимами.

§ 2.

Происхожденіе адвокатуры.

Въ литературѣ часто высказывалось и высказывается въ настоящее время мнѣніе, что адвокатура представляетъ собой древнѣйшее и въ то же время общечеловѣческое учрежденіе, т. е. что она существовала во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Старые авторы приписывали ей божественное происхожденіе. «Адвокатская профессія», говоритъ Фіо-де-ля-Маршъ: «восходитъ до Божественнаго Слова, которое защи-

[1]) Иностранные языки выражаютъ это понятіе или особыми терминами (le barreau, the bar) или сложными словами (l'ordre des avocats, Advocatenstand, l'ordine degli avvocati etc.).

щало передъ Господомъ потомство Авраама, болѣе несчастное, чѣмъ виновное» [1]). Гуссонъ посвящаетъ свое изслѣдованіе этому-же Божественному Слову, первому по его выраженію, адвокату человѣческаго рода [2]). Другіе писатели, признавая адвокатуру учрежденіемъ естественнаго права, полагали что она возникла вмѣстѣ съ судомъ. «Происхожденіе адвокатуры», замѣчаетъ Грелле-Дюмазо: «по всей вѣроятности, современно первому процессу и первому суду» Энциклопедисты думали, что «возникновеніе этой профессіи современно цѣлому міру» [4]). По словамъ Форсита, «съ того времени, какъ люди впервые усвоили формы гражданскаго устройства, принципъ адвокатуры долженъ былъ существовать, хотя названіе ея могло быть неизвѣстнымъ [5]). Авторъ одного изъ новѣйшихъ сочиненій объ адвокатурѣ Пришль повторяетъ тотъ же взглядъ: «передъ первымъ судьей, вѣроятно, выступили и первые адвокаты» [6]). Въ противоположность этому взгляду другіе писатели утверждаютъ, что «адвокатура самый поздній цвѣтъ цивилизаціи», что «проходили тысячелѣтія, разрастались сильныя цивилизаціи изъ зачатковъ патріархальнаго быта; издавались законы, устраивались суды, писались книги о правовѣдѣніи и управленіи государствомъ, но не учреждались адвокаты [7]), что «есть народы столь-же древніе, какъ пирамиды, но не имѣющіе адвокатуры» [8]).

Какое изъ этихъ двухъ мнѣній справедливѣе? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, а также, чтобы узнать, какъ возникла адвокатура, и изъ какого зародыша она развилась, необходимо разсмотрѣть три группы фактовъ. Во-первыхъ, нужно обратиться къ даннымъ антропологіи и этнографіи, касающимся юридическаго строя первобытныхъ народовъ; во-вторыхъ, слѣдуетъ ознакомиться съ состояніемъ правосудія въ современныхъ полу-цивилизованныхъ государствахъ, и въ третьихъ, заглянуть въ глубь исторіи древнихъ и новыхъ культур-

---

[1]) *Fiot de la Marche:* L'eloge et les devoirs des avocats, 1713, p. 23. *A. Liouville:* Abrégé des règles de la profession d'avocat, 1883, p. 105.

[2]) *Husson:* De advocato libri quatuor, 1666: Verbo increato eidemque incarnato humani generis, ab origine mundi Patrono nec non apud Patrem usque ad consummationem seculi Advocato...

[3]) *Grellet-Dumazeau:* Le Barreau romain, 1858, p. 36. То же говоритъ и *Gans:* Von dem Amte der Fürsprecher vor Gericht, 1827, S. III.

[4]) *Стояновъ:* Исторія адвокатуры, 1869, с. 2. Тамъ-же приведены аналогичныя мнѣнія Мерлэна, Дюпэна и др.

[5]) *Forsyth:* Hortensius, 1879, p. 13.

[6]) *Prischl:* Advocatur und Anwaltschaft, 1888, S 1.

[7]) *Стояновъ:* у. с., с. 19.

[8]) *Le Berquier:* Le Barreau moderne, 1882, p. 11.

ныхъ народовъ. Вотъ три единственные источника, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о происхожденіи адвокатуры и о первичныхъ формахъ ея. У первобытныхъ народовъ Африки, Азіи, Америки и Австраліи встрѣчаются зачатки суда. Въ полуцивилизованныхъ государствахъ, каковы, напримѣръ, Китай, Японія и страны, гдѣ господствуетъ исламъ, юстиція уже достигаетъ значительнаго развитія. Наконецъ, исторія древнихъ и новыхъ культурныхъ народовъ можетъ непосредственно указать, какъ произошла и развилась адвокатура. Прежде чѣмъ обратиться къ послѣдовательному обозрѣнію этихъ трехъ группъ фактовъ, слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Можно напередъ сказать, что на первыхъ ступеняхъ юридическаго развитія мы не встрѣтимъ адвокатуры въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время у европейскихъ народовъ. Подобно всѣмъ соціальнымъ учрежденіямъ, она не возникаетъ сразу въ совершенно организованномъ видѣ, а появляется въ жизни сначала въ формѣ незначительнаго зародыша, который можетъ при благопріятныхъ условіяхъ развиться и достигнуть пышнаго разцвѣта, а при неблагопріятныхъ чахнуть и прозябать въ глуши. Правозаступничество, какъ мы видѣли, представляетъ собой результатъ процесса раздѣленія труда. Поэтому, его развитіе и усовершенствованіе должно идти параллельно съ усложненіемъ юридическаго строя общества. «Нельзя надѣяться», справедливо замѣчаетъ Форситъ; «найти въ младенческой цивилизаціи какое-либо формальное признаніе необходимости адвокатуры, какъ отдѣльнаго ремесла или профессіи» [1]) Подобное признаніе возможно только на высокой ступени развитія юридической жизни, когда знаніе права стало недоступнымъ для неспеціалистовъ. Точно также нельзя думать, что первые зачатки судебной защиты сразу получили названіе адвокатуры. «Профессія адвокатовъ гораздо древнѣе ея названія», говоритъ Буше д'Аржи [2]). Такимъ образомъ, мы должны быть заранѣе увѣрены въ томъ, что встрѣтимъ въ странахъ съ неразвитымъ юридическимъ строемъ зачатки правозаступничества въ такихъ формахъ и подъ такими названіями, которыя не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ цивилизованныхъ государствахъ Европы.

Переходя къ даннымъ антропологіи, мы должны замѣтить, что появленіе суда въ смыслѣ мирнаго разрѣшенія правовыхъ столкновеній предполагаетъ нѣкоторую политическую организацію. Судъ воз-

---

[1]) *Forsyth:* Hortensius, p 14.
[2]) *Dupin:* Profession d'avocat, 1834, p. 18.

моженъ только при существованіи извѣстной, хотя-бы и слабой, общественной власти, которая была бы въ состояніи сдерживать произволъ спорящихъ и ограничивать частную месть. Отсюда понятно, что ничего, подобнаго юстиціи, не можетъ быть у тѣхъ племенъ, которые не имѣютъ никакой политической организаціи, каковы, напримѣръ, бродячіе дикари Австраліи, мало чѣмъ отличающіеся отъ звѣрей [1]), африканскіе бушмены, эскимосы [2]) и тому подобные представители до-общественнаго индивидуализма [3]). Первичной формой политической власти является главенство случайнаго характера [4]). Оно имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя лица или семьи соединяются для какого-либо опредѣленнаго предпріятія (напр. охоты, войны) и избираютъ себѣ вождя [5]). Само собой понятно, что и въ такомъ случаѣ еще не можетъ быть рѣчи о судѣ. Только образованіе постояннаго главенства влечетъ за собой и появленіе суда. Дѣйствительно, антропологія учитъ, что первыми судьями человѣчества являются племенные вожди и главари [6]). Въ своемъ лицѣ они совмѣщаютъ зародыши всѣхъ функцій правительственной дѣятельности: они вмѣстѣ и военачальники, и администраторы, и судьи. Но ихъ судебная дѣятельность вначалѣ ограничивается только тѣми случаями, когда затронуты интересы цѣлыхъ семействъ или всего племени. Во всѣхъ остальныхъ господствуетъ частная месть. Примѣромъ этого могутъ служить многія индѣйскія племена Америки [7]). Объ адвокатурѣ при такомъ порядкѣ вещей еще нѣтъ упоминанія. Такимъ образомъ, она несовременна суду и не возникаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

По мѣрѣ того, какъ усложняется политическая организація вслѣдствіе соединенія отдѣльныхъ племенъ подъ властью общаго главы отправленіе правосудія становится не подъ силу одному лицу. «Глава», говоритъ Спенсеръ: «начинаетъ нуждаться въ по-

---

[1]) *Muller:* Allegmeine Ethnographie, 1873, 51.

[2]) *Waitz:* Anthropologie der Naturvölker, III B. 1862, 309.

[3]) *Ratzel:* Völkerkunde, 1885, I, 72.

[4]) *Спенсеръ* (Основанія соціологіи, 1877, II, 606) различаетъ слѣдующіе типы политической организаціи простыхъ обществъ: 1) полное отсутствіе всякаго главы или вождя; 2) главенство случайнаго характера; 3) неопредѣленное и неустойчивое главенство и 4) прочное главенство.

[5]) *Спенсеръ;* у. с, II, 577. *Bastian:* Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde, 1872, S. VI.

[6]) *Post:* (Die Anfänge des Staats-und Rechtslebens, 1878, s. 244): Der älteste Richter ist unzweifelhaft überall auf der Erde der geschlechts-genossenschaftliche Häuptling, in dessen Hand Vermögen und Leben aller Seinigen steht.

[7]) *Waitz:* Anthropologie der Naturvölker, III, 128.

мощникахъ для успѣшнаго выполненія правительственнаго контроля. Онъ собираетъ вокругъ себя такихъ людей, которые добываютъ для него нужныя свѣдѣнія; такихъ, которые подаютъ ему совѣты, и, наконецъ, такихъ, которые выполняютъ его приказанія» [1]). Нѣкоторые изъ нихъ помогаютъ ему, между прочимъ, отправлять правосудіе, и, такимъ образомъ, появляются органы суда. У народовъ, которые достигли этой ступени развитія, уже можно найти первые зачатки адвокатуры.

Таковы королевства зулусовъ и бечуановъ, представляющія собой ограниченныя деспотіи.

У зулусовъ верховная власть принадлежитъ королю, управляющему совмѣстно съ двумя избираемыми имъ министрами, а у бечуановъ мѣсто этихъ министровъ занимаетъ совѣтъ старѣйшинъ, большей частью состоящій тоже изъ двухъ лицъ. Низшими органами управленія являются племенные вожди и старшины деревень. Зулусское судопроизводство имѣетъ слѣдующій видъ. «Лицо, намѣревающее возбудить искъ противъ кого-нибудь», говоритъ Ратцель: «собираетъ своихъ друзей или сосѣдей, которые, вооружившись, отправляются вмѣстѣ съ нимъ къ хижинѣ или къ селенію отвѣтчика и располагаются тамъ, на какомъ-либо видномъ мѣстѣ, чтобы спокойно выждать дѣйствіе своего присутствія. При несомнѣнности намѣреній, съ какими они пришли, имъ не приходится долго ждать; вскорѣ собираются насупротивъ нихъ въ такомъ-же безмолвномъ ожиданіи взрослые сосѣди отвѣтчика или жители его селенія. Одинъ изъ нихъ восклицаетъ, наконецъ, обращаясь къ этимъ обыкновенно нежеланнымъ пришельцамъ: «разскажи намъ новость»! Тогда истецъ излагаетъ подробно свое требованіе, причемъ его обыкновенно прерываютъ товарищи своими добавленіями и поправками, а противники перекрестными вопросами. Но эти пренія не приводятъ ни къ чему, такъ какъ послѣ обмѣна мыслей, продолжавшагося, быть можетъ нѣсколько часовъ, партія отвѣтчика все-таки рѣшительно заявляетъ, что способныхъ разсуждать мужей нѣтъ дома, и что тамъ остались только дѣти, которыя ничего не понимаютъ въ такихъ важныхъ вещахъ. На слѣдующій день они собираютъ какъ можно больше мужей и между ними *такихъ*, *которые извѣстны*, *какъ искусные ораторы;* доводы за и противъ изслѣдуются въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Отвѣтная сторона начинаетъ излагать свое мнѣніе; партія истца должна снова изложить свое, причемъ его стараются опроверг-

[1]) *Спенсеръ:* у. с., II, 584.

нуть самымъ настойчивымъ и ловкимъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ. Если одинъ ораторъ утомляется, то выступаетъ другой и съизнова проходитъ по уже воздѣланному полю съ сошникомъ новыхъ аргументовъ. Когда всѣ доводы за и противъ исчерпаны обѣими сторонами, тогда партія истца удаляется, и обѣ онѣ обсуждаютъ выгоды и невыгоды достигнутаго ими положенія. Если одна сторона чувствуетъ, что она не можетъ устоять, то она предлагаетъ наименьшее возможное вознагражденіе. Если соглашеніе не состоится, то тяжущіеся обращаются къ умпакати (главарю, старостѣ) сосѣдняго округа, въ присутствіи котораго еще разъ повторяется весь споръ съ возможно большей полнотой. Самыя интимныя отношенія и въ особенности раздоры между семействами обсуждаются тамъ съ большой охотой. Когда умпакати думаетъ, что онъ понялъ дѣло, то онъ произноситъ рѣшеніе, что, впрочемъ, можетъ потребовать съ недѣлю времени. Если-же онъ не въ состояніи сдѣлать этого, или если одна изъ сторонъ недовольна рѣшеніемъ, то можетъ произойти аппеляція къ главному вождю племени и совѣту умпакати». Передъ этимъ новымъ судилищемъ еще разъ происходитъ такая-же процедура, какъ и раньше, пока вождь не произнесетъ рѣшенія, на которое можно жаловаться только королю [1]). Изъ этого описанія видно, что судопроизводство находится у зулусовъ на весьма низкой степени развитія, но что тѣмъ не менѣе у нихъ существуетъ адвокатура, хотя и въ самой простой формѣ. Адвокатами являются сосѣди, друзья и земляки (односельчане) тяжущихся и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые «извѣстны, какъ искусные ораторы». Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается указаніе на разрядъ лицъ, которыя по преимуществу призываются для защиты на судѣ, т. е. являются примитивными адвокатами по профессіи. Конечно, они имѣютъ еще очень мало общаго съ правозаступниками въ собственномъ смыслѣ этого слова. Они не правовѣды, не спеціалисты; они такъ же относятся къ адвокатамъ цивилизованныхъ государствъ, какъ первобытный юридическій строй къ развитой правовой жизни. Тѣмъ не менѣе въ нихъ нельзя не видѣть зародыша адвокатуры, такъ какъ они исполняютъ одну изъ ея обязанностей, именно защищаютъ чужіе интересы на судѣ.

Подобные зачатки адвокатуры встрѣчаются и у нѣкоторыхъ другихъ первобытныхъ народовъ. Судопроизводство бечуановъ въ существенныхъ чертахъ одинаково съ зулусскимъ. У многихъ негрскихъ племенъ процессы ведутся передъ собраніемъ старшинъ; главный

[1]) *Ratzel;* Völkerkunde, 1885, I, 260—266.

вождь открываетъ засѣданіе, ораторы сторонъ выступаютъ впередъ и по очереди произносятъ рѣчи [1]). «Негры» замѣчаетъ Вайцъ: «въ такихъ случаяхъ держатъ себя съ извѣстнымъ достоинствомъ и торжественностью и не прерываютъ говорящаго рѣчь оратора» [2]). У кафровъ тяжущіеся являются на судъ со своими родными, которые замѣняютъ имъ адвокатовъ [3]). Судебная защита извѣстна также жителямъ Сьера-Леоне и Анголы, но у нихъ она, по всей вѣроятности, появилась, благодаря вліянію завладѣвшихъ этими мѣстностями англичанъ и португальцевъ [4]). Изложенные факты свидѣтельствуютъ, что потребность въ адвокатурѣ чувствуется даже некультурными народами, находящимися на низкой ступени юридическаго развитія.

Теперь намъ предстоитъ посмотрѣть, какую форму имѣетъ адвокатура въ современныхъ полуцивилизованныхъ государствахъ.

«Въ Китаѣ», говоритъ Реклю: «нѣтъ адвокатовъ. Если мандаринъ позволяетъ родителямъ или друзьямъ защищать обвиняемаго, то это простое снисхожденіе съ его стороны» [5]). Въ этихъ словахъ заключается очевидное противорѣчіе. Если особаго класса адвокатовъ и нѣтъ въ Китаѣ, тѣмъ не менѣе тѣ родные и друзья, которые защищаютъ подсудимаго, несомнѣнно являются въ данномъ процессѣ адвокатами. Такимъ образомъ, въ Китаѣ допускается, какъ и у кафровъ, родственная адвокатура. Объ адвокатурѣ въ Японіи не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ источниковъ [6]). Тѣ страны и народы, которые исповѣдуютъ магометанскую религію, какъ-то: Персія, Аравія, Турція и т. д., обладаютъ почти одинаковымъ юридическимъ строемъ, вслѣдствіе того, что ихъ законодательство проистекаетъ изъ одного и того-же источника, именно изъ

---

[1]) *Bastian:* Die deutsche Expedition an der Coango-Küste, 1874, I, 182.

[2]) *Waitz:* Anthropologie, II. 156.

[3]) *Post:* Afrikanische Jurisprudenz, 1887, I, 256.

[4]) *Post:* ib., 256. Существуютъ свѣдѣнія, что въ Сьера-Леоне адвокатура была извѣстна еще въ XVII вѣкѣ.

[5]) *Reclus:* Nouvelle géographie universelle, t. VII, 1882, p. 629. Другіе авторы, писавшіе о Китаѣ, совершенно не касаются этого вопроса. Даже въ такихъ спеціальныхъ трудахъ, какъ сочиненія Плата (*Plath:* Gesetz und Recht im alten China nach chinesischen Quellen, 1865, или Стаунтона (*Staunton:* Ta-tzing-leu-lée, trad. par Renouard de Sainte Croix, 1812, 2 vls.) нѣтъ ни слова объ адвокатурѣ.

[6]) *Reclus:* Nouv. géogr. univ., t. VII; *Rein:* Japan nach Reisen und Studien, 1881, 2 Bände; *Dalmas:* Les Japonais; *Венюковъ:* Очерки Японіи, 1869; *Диксонъ:* Японія; *Зибольдъ:* путешествіе по Японіи и др., а также журнальныя статьи: въ Вѣстникѣ Европы 1870, № 7, Revue de deux Mondes 1875, № 14, 16, 18, 19 и т. п.

корана [1]). Священная книга Магомета является вмѣстѣ и религіознымъ, и гражданскимъ кодексомъ для мусульманъ. Въ виду этого вполнѣ понятно, что отправленіе правосудія организовано во всѣхъ мусульманскихъ странахъ приблизительно одинаково, и что всюду мы находимъ классъ лицъ, спеціально занимающихся изученіемъ магометова кодекса и оказывающихъ правозаступничество гражданамъ. Такъ, въ Турціи, гдѣ въ 1876 г. введена адвокатура по европейскому образцу, издревле существовали такъ называемые муфтіи, ученые знатоки магометанскаго права. Ихъ дѣятельность представляетъ поразительное сходство съ дѣятельностью юрисконсультовъ императорскаго Рима. Они не были ни судьями, ни адвокатами, а вѣщателями права. Ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы давать отвѣты на предлагаемые имъ спорящими лицами юридическіе вопросы. Подобно мнѣніямъ римскихъ юрисконсультовъ (responsa prudentium), отвѣты муфтіевъ имѣли силу закона, но для этого должны были быть составляемы по извѣстной формѣ, именно должны были заключать въ себѣ: 1) печать муфтія; 2) адресъ его; 3) дословный арабскій текстъ, относящійся къ данному случаю и 4) указаніе на каноническое сочиненіе, на которомъ основанъ отвѣтъ [2]). Подобные же ученые правовѣды существуютъ въ настоящее время въ другихъ мусульманскихъ странахъ, причемъ въ однѣхъ они являются только юрисконсультами [3]), а въ другихъ принимаютъ на себя и судебную защиту. Такъ, Мунго-Паркъ нашелъ еще въ концѣ прошлаго вѣка у племени мандинго (въ западномъ Суданѣ) настоящихъ адвокатовъ. «Такъ-какъ», говоритъ онъ: «судьи часто ссылаются на писанные (магометанскіе) законы, которые несомнѣнно должны быть незнакомы туземнымъ язычникамъ, то они ввели (чего я никакъ не ожидалъ встрѣтить у африканцевъ) въ своихъ судахъ адвокатовъ изъ ученыхъ, которые, какъ и у насъ, въ Англіи, излагаютъ требованія истца или отвѣтчика. Этими адвокатами являются негры-магометане» [4]). Такіе-же знатоки

---

[1]) *Торнау:* Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія, 1850, с. X, прим.

[2]) *Hammer:* Staatsverfassung und Staatsverwaltung des osmanischen Reichs, 1815, II, 373—378, 390.

[3]) *Kohler:* Rechtsvergleichende Studien, 1889, 146.

[4]) *Mungo Park:* Reisen im Innern von Afrika, 1800, 17. Желая похвалить адвокатовъ мандинго, Мунго Паркъ замѣчаетъ, что они „нисколько не уступаютъ европейскимъ адвокатамъ ни по хитрости, ни по умѣнію запутывать и затягивать дѣла". (Повидимому, знаменитый путешественникъ былъ невысокаго мнѣнія объ адвокатурѣ своего отечества). Въ доказательство Мунго Паркъ приводитъ слѣдующій фактъ. Одинъ туземецъ убилъ чужаго осла, забравшагося на его поле. Владѣлецъ осла предъявилъ

корана ведутъ судебную защиту въ странѣ племени фула [1]). У іолофовъ, живущихъ недалеко отъ мандинго, тоже практикуютъ постоянные наемные адвокаты [2]). Въ государствѣ Марокко стороны имѣютъ право приводить съ собой въ засѣданіи своихъ защитниковъ [3]). Къ числу полукультурныхъ странъ слѣдуетъ отнести христіанскую Абиссинію, гдѣ тоже существуютъ адвокаты, хотя и не въ видѣ особаго класса [1]).

Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ полуцивилизованныхъ государствахъ, преимущественно магометанскихъ, правозаступничество уже достигаетъ значительнаго развитія и даже становится профессіональнымъ занятіемъ спеціальнаго класса лицъ.

Если знакомство съ состояніемъ правосудія у первобытныхъ и полуцивилизованныхъ народовъ даетъ намъ указаніе относительно первичныхъ формъ правозаступничества, то исторія древнихъ и новыхъ культурныхъ народовъ должна познакомить насъ непосредственно съ процессомъ постепеннаго развитія интересующаго насъ института. Къ сожалѣнію, скудность сохранившихся памятниковъ дѣлаетъ это въ значительной мѣрѣ невозможнымъ. Дѣло въ томъ, что только древнѣйшая исторія европейскихъ государствъ достаточно разработана и можетъ служить источникомъ необходимыхъ для такой цѣли свѣдѣній. Что-же касается государствъ другихъ частей свѣта, то наука застаетъ ихъ уже на довольно высокой ступени культуры. Ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать первобытными въ антропологическомъ смыслѣ слова. Они вышли изъ младенческаго состоянія цивилизаціи, и аѳоризмъ Сенеки: «древность—дѣтство міра», можетъ быть примѣненъ къ нимъ только съ большими оговорками. Политическое устройство и юстиція находились у нихъ не въ зародышѣ, а уже въ значительно развитомъ видѣ, такъ что мы имѣемъ основаніе думать, что встрѣтимъ у нихъ болѣе или менѣе организованныя формы адвокатуры. Впрочемъ, скудность матеріаловъ заставляетъ насъ ограничиться только бѣглымъ очеркомъ.

искъ о вознагражденіи, на который собственникъ поля отвѣчалъ встрѣчнымъ искомъ о потравѣ. Благодаря стараніямъ адвокатовъ, это простое дѣло было такъ запутано, что, по словамъ Мунго Парка, послѣ трехдневныхъ преній судъ разошелся, не постановивъ никакого рѣшенія.

[1]) *Waitz:* Anthrop., II, 467.

[2]) *Post:* Afrik. Jurispr. I, 256.

[3]) *Post:* ib., 256. Эти факты опровергаютъ мнѣніе проф. Колера, утверждающаго, что подъ господствомъ ислама нигдѣ не возникло особаго класса адвокатовъ. *Kohler:* Rechtsvergleich. Stud., 147.

[4]) *Post:* Afrik. Jurispr. I, 256

На всей поверхности земнаго шара насчитывается шесть главныхъ культурныхъ очаговъ, т. е. такихъ районовъ, гдѣ возникла и развилась болѣе или менѣе самостоятельная культура, именно восточная Азія (Китай и Японія), Индостанъ (Индія), Месопотамія (Іудея), сѣверная Африка (Египетъ), средняя Америка (Мексика и Перу), и Малая Азія вмѣстѣ съ ея островами и противулежащими полуостровами Европы (Греція и Римъ [1]).

О государствахъ восточной Азіи, достигшихъ полукультуры, именно о Китаѣ и Японіи, мы только что говорили.

Въ древней Индіи [2]) правосудіе отправлялось царемъ въ качествѣ верховнаго судьи и коллегіальными судами. Процессъ основывался на принципахъ устности, гласности и состязательности, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ противоположность господствовавшему раньше мнѣнію, новѣйшими изслѣдованіями доказано, что древней Индіи была извѣстна адвокатура, причемъ обязанности правозаступничества и представительства совмѣщались въ одномъ классѣ лицъ [3]).

Древній Египетъ въ достовѣрный періодъ исторіи тоже достигъ значительной степени юридическаго развитія. Существовали постоянные суды. Процессъ изъ устнаго и гласнаго, какимъ онъ бываетъ на низшихъ ступеняхъ культуры, уже обратился въ письменный и тайный. По свидѣтельству Діодора Сицилійскаго [4]), подтвержденному новѣйшими изслѣдованіями папирусовъ [5]), обѣ тяжущіяся стороны дважды обмѣнивались состязательными бумагами, и вслѣдъ затѣмъ постановлялось рѣшеніе. «Такимъ способомъ» говоритъ Діодоръ: «египтяне разрѣшаютъ всѣ тяжбы, считая, что рѣчи защитниковъ сильно затемняютъ справедливость». По его словамъ, египтяне опасались, чтобы искусственныя уловки и краснорѣчія ораторовъ» не побуждали судей смягчать строгость законовъ и относиться съ меньшимъ вниманіемъ къ требованіямъ справедливости [6]). И дѣйствительно, ни въ гражданскомъ процессѣ, ни въ уголовномъ, какъ видно изъ

---

[1]) *Muller:* Allgemeine Ethnographie, 1873, 54—58.

[2]) *Duncker:* Geschichte des Alterthums, III B., 1879, 157; *Bohlen:* Das alte Indien, II, B., 1830, 55; *Стояновъ:* Ист. адвок. 1869, 7—10; *Kohler:* Altindisches Prozessrecht. 1891, 11, 14; *Jolly:* in d. Zeitschrift der morgenländ. Gesellsch. 1890, S. 342.

[3]) *Kohler:* Altindisches Prozessrecht, 1891, 20.

[4]) *Diod. Sic.*, L I, 75. ἀμφοτέρων δὲ τῶν ἀντιδίκων τὰ γεγραμμένα δὶς τοῖς δικασταῖς δόντων... (ed Müller, 1842).

[5]) *Duncker:* Geschichte des Alterthums, I, B, 1878, 187.

[6]) *Diod Sic.* I, 76 ...ἐκ τῶν λεγέιν τοὺς συνηγόρους πολλὰ τοῖς, δικαίο ἐπισκοτῆσειν...

сохранившихся папирусовъ [1]), адвокатура не допускалась въ Египтѣ. Но уже то обстоятельство, что египтяне были знакомы съ опасностями и темными сторонами адвокатуры, свидѣтельствуетъ, что у нихъ она существовала раньше, именно до введенія письменнаго производства. Нѣкоторые факты даже указываютъ, что она была сохранена и позже для исключительныхъ случаевъ. Такъ, изъ одного папируса видно участіе адвокатовъ въ гражданскомъ процессѣ, происходившемъ между жрецомъ и греческимъ наемнымъ воиномъ. Защитниками были два грека. Послѣ подачи прошеній и объясненій со стороны тяжущихся, адвокаты тоже представили по одному писанному мемуару [2]) Это изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства объясняется тѣмъ, что одной изъ сторонъ процесса былъ иностранецъ—грекъ.

Такимъ образомъ, въ Египтѣ адвокатура, по всей вѣроятности, появилась въ древнѣйшее время, но не успѣла развиться и съ введеніемъ письменнаго производства была почти совсѣмъ уничтожена.

У древнихъ іудеевъ право отождествлялось съ религіей [3]). Судьи считались намѣстниками Іеговы. Главной обязанностью ихъ было безпристрастіе и милосердіе. Производство основывалось на принципахъ устности, гласности и состязательности, и права подсудимыхъ тщательно охранялись. При такихъ обстоятельствахъ появленіе адвокатуры было не только возможно, но даже неизбѣжно. Въ древнѣйшее время въ качествѣ защитника могъ являться всякій желающій. Это допускалось безпрепятственно и даже считалось священной обязанностью. «Учитесь», говоритъ Исайя: «дѣлать добро, стремитесь къ справедливости, помогайте угнетеннымъ, воздавайте право сиротамъ и защищайте вдовъ» [4]). Его заповѣдь не оставалась мертвой буквой, а была осуществляема на дѣлѣ лучшими и способнѣйшими людьми. «Когда я» говоритъ Іовъ: выходилъ къ воротамъ города и на площади ставилъ себѣ стулъ, князья прекращали рѣчь и полагали руку на уста свои; голосъ знаменитыхъ мужей скрывался, и языкъ прилипалъ къ гортани ихъ. Ибо ухо слышало и ублажало меня, и око

---

[1]) У Эрмана (*Erman:* Aegypten und aegyptysches Leben in Alterthum, I, 189) приведенъ любопытный процессъ грабителей могилъ. Производство было тайнымъ и инквизиціоннымъ, безъ участія адвокатовъ.

[2]) *Стояновъ:* Ист. адвок., 4, 5.

[3]) *Duncker:* Gesch. des Alterth. II, 427; *Jost* Allgemeine Geschichte des Israelitischen Volkes, 1832, I; *Michaelis:* Mosaisches Recht, 1775; *Шафиръ:* Очеркъ Моисеево.-талмудическаго права, 1871; *Vargha:* Vertheidigung in Strafsachen, 1879, 1—16; *Стояновъ:* Ист. адв., 10—19.

[4]) *Vargha:* l. c., 7

видѣло и восхваляло меня. Ибо спасалъ я страдальца вопіющаго, и сироту, когда не было помогающаго ему. Благословеніе погибавшаго приходило на меня, и сердце вдовицы было мною обрадовано. Я облекался въ праведность, и она одѣвала меня собой; плащомъ и увяслемъ служило мнѣ правосудіе. Слѣпому я былъ глазами, а хромому ногами. Нищимъ я былъ отецъ и вникалъ въ дѣло незнакомаго мнѣ. И сокрушалъ беззаконному челюсти и изъ его зубовъ исторгалъ похищенное... Внимали мнѣ и въ ожиданіи совѣта моего безмолвствовали. Послѣ рѣчей моихъ уже не возражали, и капало на нихъ слово мое. И ждали меня, какъ дождя, и какъ позднему отверзали уста свои» [1]). Такова была патріархальная форма судебной защиты передъ патріархальнымъ судомъ старѣйшинъ, собиравшихся у городскихъ воротъ для отправленія правосудія. Она не была профессіей, а представляла собой чисто благотворительную дѣятельность, благороднѣйшую, по выраженію Михаелиса, форму милостыни [2]).

Въ позднѣйшее время адвокатура приняла другую форму. По талмудическому праву, при судахъ синедріона находились лица, готовившіеся быть судьями и носившія названіе кандидатовъ. Они присутствовали на засѣданіяхъ и могли говорить рѣчи въ защиту обвиняемыхъ. Будучи спеціалистами, они нѣсколько болѣе приближались къ адвокатамъ въ собственномъ смыслѣ. Но такъ какъ они выступали не по приглашенію подсудимыхъ и безъ предварительнаго соглашенія съ ними, то ихъ все-таки нельзя признать настоящими адвокатами [3]).

Впослѣдствіи въ еврейскомъ языкѣ появляется терминъ «адвокатъ», заимствованный изъ греческаго [4]). Это, повидимому указываетъ, что іудеи стали перенимать у грековъ настоящую адвокатуру. Но ничего достовѣрнаго на этотъ счетъ донынѣ неизвѣстно [5]).

Древняя Мексика и Перу въ моментъ ихъ завоеванія европейцами представляли слѣды значительной культуры. Въ обоихъ государствахъ, подобно тому, какъ въ Египтѣ, существовали постоянные суды, а въ процессѣ преобладала письменность. Но относительно адвокатуры не встрѣчается никакихъ указаній [6]). Можно предположить, что здѣсь,

---

[1]) *Стояновъ:* у. с., 13.
[2]) *Michaelis:* l. c., VI B.. 124.
[3]) *Стояновъ*, 16; *Vargha*, 8.
[4]) Dicologos, nicologos, sanigur etc. *Michaelis*, VI, 123.
[5]) *Vargha*, 6. *Стояновъ*, 17.
[6]) *Bastian:* Die Culturländer des alten Amerika, 1878, B. I, 548, B. II, 694; *Bertillon:* Les races sauvages, 1883, 144; *Waitz:* Anthropolog., IV, 82.

какъ и въ Египтѣ, она оффиціально не допускалась вслѣдствіе господства письменнаго процесса.

Что касается, наконецъ, Греціи и Рима, а также другихъ цивилизованныхъ государствъ Европы, то ихъ исторіи будутъ посвящены особые отдѣлы въ нашемъ изслѣдованіи.

Изложенные факты даютъ право сдѣлать слѣдующіе выводы.

Во первыхъ, изъ нихъ видно, что хотя адвокатура не возникаетъ одновременно съ судомъ, тѣмъ не менѣе зародыши правозаступничества появляются на самыхъ низкихъ ступеняхъ юридическаго развитія.

Во вторыхъ, первыми правозаступниками служатъ лица, связанныя съ тяжущимися какими-либо отношеніями, именно родственники (Китай, земли каффровъ) друзья или сосѣди (страны зулусовъ и бечуановъ).

Въ третьихъ, особый классъ адвокатовъ, т. е. лицъ, всецѣло посвятившихъ себя правозаступничеству и занимающихся имъ, какъ профессіей, возникаетъ только на болѣе высокой ступени развитія юридическаго строя, когда обычное право, живущее въ сознаніи народа, замѣняется писаннымъ закономъ, и когда знаніе этого закона перестаетъ быть доступнымъ для всѣхъ и каждаго (мусульманскія страны).

Въ четвертыхъ, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ особый классъ адвокатовъ еще нельзя найти никакихъ слѣдовъ организаціи профессіи.

Наконецъ, въ пятыхъ, исторія Египта даетъ первое указаніе на фактъ, съ которымъ мы постоянно будемъ встрѣчаться впослѣдствіи, именно на то, что письменный и тайный процессъ крайне неблагопріятенъ для развитія адвокатуры.

§ 3.

Происхожденіе судебнаго представительства.

Чтобы опредѣлить, какъ произошло судебное представительство, слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ-же тремъ источникамъ, изъ которыхъ были почерпнуты нами свѣдѣнія о происхожденіи адвокатуры. Антропологія первобытныхъ народовъ не даетъ никакихъ указаній на этотъ счетъ. Даже въ тѣхъ странахъ, которыя достигли нѣкоторой степени политическаго развитія, и гдѣ мы встрѣтили зачатки адвокатуры (земли зулусовъ и бечуановъ), не видно никакихъ слѣдовъ существованія судебнаго представительства.

«По общему правилу» говоритъ Постъ: «на низшихъ ступеняхъ культуры стороны являются лично предъ судьями» [1]). И это вполнѣ естественно. Представительство одно изъ самыхъ отвлеченныхъ юридическихъ понятій. Для первобытнаго ума совершенно непостижимо, какимъ образомъ постороннее лицо можетъ являться вмѣсто тяжущагося въ судъ и дѣйствовать такъ, чтобы послѣдствія его дѣйствій переходили на заинтересованное лицо. Какъ мы увидимъ ниже, даже римляне, наиболѣе богато одаренный юридическими способностями народъ, долго не могли выработать понятія представительства и освоиться съ нимъ. Если у первобытныхъ народовъ и встрѣчаются, быть можетъ, по исключенію, случаи представительства на судѣ, то навѣрное можно сказать, что они основываются на родственныхъ отношеніяхъ. Только право вмѣшательства родственниковъ заинтересованнаго лица въ его дѣла, только замѣститѣльство отца сыномъ, жены мужемъ или вообще одного члена семьи другимъ доступно пониманію неразвитаго народа. Помимо того, на первичныхъ ступеняхъ развитія общественной жизни не можетъ быть настоятельной надобности въ свободномъ представительствѣ. Мы замѣтили уже, что оно вызывается потребностью поручать исполненіе извѣстныхъ юридическихъ дѣйствій постороннимъ лицамъ, когда какія нибудь обстоятельства (отдаленность мѣста жительства, болѣзнь, отсутствіе дѣеспособности и т. п.) препятствуютъ личному выполненію ихъ. Чѣмъ больше развивается экономическая жизнь народа, чѣмъ сложнѣй становится гражданскій оборотъ, тѣмъ болѣе увеличивается число такихъ обстоятельствъ, и тѣмъ болѣе усиливается потребность въ представительствѣ. Конечно, и въ неразвитомъ юридическомъ быту встрѣчаются случаи, когда веденіе своихъ дѣлъ бываетъ невозможно (болѣзнь, малолѣтство, дряхлость, и т. п.), и весьма вѣроятно, что въ этихъ случаяхъ допускается родственное представительство. Но, впрочемъ, даже относительно этого обстоятельства нельзя привести никакихъ фактическихъ данныхъ изъ области антропологіи. Первые зародыши судебнаго представительства можно встрѣтить только въ полукультурныхъ государствахъ. Въ Китаѣ, а также въ Анамѣ, гдѣ дѣйствуетъ кодексъ, всецѣло основанный на китайскомъ законодательствѣ, судебное представительство допускается прежде всего для старцевъ и немощныхъ, которые могутъ присылать вмѣсто себя членовъ своего семейства, живущихъ вмѣстѣ съ ними. Изъ терми-

---

[1]) *Post:* Die Anfänge des Staats-und Rechtslebens, 1878, 252:

новъ, употребленныхъ въ этомъ постановленіи, повидимому, слѣдуетъ, что здѣсь идетъ рѣчь только объ уголовныхъ процессахъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ въ виду того, что китайцы до сихъ поръ не научились различать неправды уголовной отъ неправды гражданской [1]). Далѣе, представительство не только допускается но даже предписывается для должностныхъ лицъ (мандариновъ). Считая, что мандаринамъ не приличествуетъ являться въ качествѣ тяжущихся, законъ приказываетъ имъ вести свои частные процессы черезъ посредство лицъ, принадлежащихъ къ ихъ семьѣ или живущихъ въ ихъ домѣ [2]). Наконецъ, привиллегіей представительства пользуются также женщины. За ихъ преступленія отвѣчаютъ мужья и сыновья и притомъ, отвѣчаютъ всецѣло, т. е., даже подвергаются тѣмъ наказаніямъ, къ которымъ приговорены женщины. Надо замѣтить, что въ Китаѣ широко развито такое замѣстительство въ наказаніяхъ. «Не только сынъ вмѣсто отца» говоритъ Реклю: «но и постороннее лицо можетъ за плату принять на себя чужое наказаніе» [3]), и бѣдняки нерѣдко соглашаются подвергнуться смертной казни, лишь бы только осужденный уплатилъ ихъ семейству опредѣленную сумму денегъ. Этотъ порядокъ вещей свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ юридическихъ понятій китайцевъ, которые не дошли еще до уразумѣнія основнаго принципа уголовнаго права: наказываемъ долженъ быть только виновный [4]).

На значительно высшей ступени развитія стоитъ судебное пред-

---

[1]) *Aubaret:* Code anamite, 1865, I, 295; *Staunton:* Ta-tzing-leu-lée, trad. par Renouard de Sainte Croix, 1812, II, 169.

[2]) *Aubaret:* l. c., I, 298; *Staunton:* l. c, I, 199.

[3]) *Reclus:* Nouv géogr. univ, VII v., 630.

[4]) Подобное извращеніе понятія представительства встрѣчается и у другихъ мало-развитыхъ народовъ. Такъ напр., въ Армянскомъ Судебникѣ, составленномъ въ Астрахани во второй половинѣ прошлаго вѣка и заключающемъ въ себѣ наряду съ юстиніановыми постановленіями древніе армянскіе обычаи, находятся двѣ слѣдующія статьи:

„Ст. 21: если кто предъявитъ долговую претензію на женщину, то не должно призывать ее въ судъ, а, объявивъ прошеніе истца, понудить ее, чтобы она прислала вмѣсто себя повѣреннаго, и если случится, что будетъ обвинена сторона женщины, то можно задержать ея повѣреннаго въ темницѣ".

„Ст. 22: при задержаніи его, довѣрительницѣ дается знать, чтобы она не выходила со двора до тѣхъ поръ, пока повѣренный ея будетъ содержаться въ темницѣ. И если она дерзнетъ нарушить запрещеніе, то за таковое ослушаніе взять ее и заключить въ темницу, а повѣреннаго освободить". *Алексѣевъ:* Изложеніе законоположеній, заключающихся въ Армянскомъ Судебникѣ, 1870, 69, 70.

ставительство въ мусульманскихъ странахъ. Вначалѣ оно допускалось только съ согласія противной стороны, а безъ такого согласія въ случаяхъ болѣзни или отсутствія изъ данной мѣстности самого тяжущагося. Но въ настоящее время каждый тяжущійся можетъ посылать въ судъ вмѣсто себя повѣреннаго [1]). Мусульманскому праву извѣстенъ даже договоръ довѣренности (венолетъ) [2]).

О положеніи судебнаго представительства въ государствахъ древняго міра, можно сказать весьма немногое въ виду того, что этотъ вопросъ мало разработанъ изслѣдователями-спеціалистами.

Въ древней Индіи, какъ уже было замѣчено, обязанности правозаступничества и представительства были совмѣщены въ одномъ разрядѣ лицъ. Помимо того, право представительства на судѣ принадлежало ближайшимъ родственникамъ или управляющимъ дѣлами сторонъ безъ всякаго спеціальнаго полномочія [3]). Лица, необладавшія процессуальной дѣятельностью (дѣти, бездомные, пьяные, женщины, рабы), не могли выступать на судѣ лично, а должны были дѣйствовать черезъ представителей. Въ важныхъ уголовныхъ дѣлахъ представительство совершенно не допускалось [4]).

О судебномъ представительствѣ въ древнемъ Египтѣ, Мексикѣ и Перу, мы не имѣемъ свѣдѣній.

У древнихъ іудеевъ дѣйствовалъ вначалѣ принципъ личной явки, такъ что даже женщины вели свои дѣла сами. Но впослѣдствіи, повидимому, было допущено судебное представительство. По крайней мѣрѣ, въ еврейскомъ языкѣ появился терминъ, означающій это понятіе [5]).

Такимъ образомъ, у нѣкоторыхъ изъ современныхъ полуцивилизованныхъ и древнихъ культурныхъ народовъ мы находимъ судебное представительство. Тѣмъ не менѣе объ особомъ институтѣ повѣренныхъ въ отличіе отъ адвокатовъ нѣтъ никакого упоминанія. Въ однѣхъ странахъ представительство совмѣщалось съ правозаступничествомъ [6]) (Индія, мусульманскія земли), въ другихъ вовсе не

---

[1]) *Kohler:* Rechtsvergl. Stud., 147.

[2]) *Торнау:* Излож. нач. мусульм. законовъ, 263.

[3]) *Kohler:* Altind. Proz.-recht, 20. Римляне тоже знали такое „безмолвное порученіе“ (mandatum tacitum). *Ковалевскій:* Первобытное право, 1886, 62.

[4]) *Kohler:* ib., 19, 20.

[5]) Baal-rib – dominus litis, т. е. повѣренный. *Vargha:* Die Vertheid. in Strafsach, 6.

[6]) Было ли такое совмѣщеніе исконнымъ явленіемъ или-же вначалѣ правозаступничество и судебное представительство существовали самостоятельно и только впослѣдствіи соединились вмѣстѣ, это донынѣ представляется неразрѣшеннымъ вопросомъ.

допускалось свободное представительство въ процессѣ [1]), но отдѣльная профессія повѣренныхъ насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по скуднымъ матеріаламъ, нигдѣ не успѣла образоваться. Выработка этого института точно такъ-же какъ и организація адвокатуры, была задачей цивилизованныхъ государствъ Европы. Къ нимъ намъ и предстоитъ теперь обратиться.

---

[1]) Зачатки свободнаго представительства встрѣчаются также у нѣкоторыхъ инородцевъ, кочующихъ въ Россіи, какъ, напр., у калмыковъ (*Леонтовичъ:* Калмыцкое право, 1880, 45) и киргизовъ (*Самоквасовъ:* Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, 1876, 277), а наемныхъ адвокатовъ можно найти у туземцевъ Кавказа (*Леонтовичъ:* Адаты кавказскихъ горцевъ, 1882, I, 197), но трудно рѣшить, самостоятельно-ли возникли эти институты, или же они представляютъ результатъ заимствованія.

I.

ГРЕЦІЯ.

Литература.

Egger: Si les Athéniens ont connu la profession d'avocat, 1860.

Perrot: L'Eloquence à Athènes (Revue de 2 mondes, 1870—1873).

Forsyth: Hortensius, an historical essay on the office and duties of an advocate, 1879, Ch. II.

Le Berquier: Le Barreau moderne français et étranger. 1882, Ch. XI.

Meier und Schönmann: Der attische Process, bearb. von Lipsius, 1883—1887.

Vargha: Die Vertheidigung in Strafsachen, 1879, 16—33.

Стояновъ: Исторія адвокатуры, 1869, 19—46.

Происхожденіе и развитіе греческой адвокатуры.

Греческія государства въ древнѣйшее время, о которомъ сохранились историческія свѣдѣнія, представляли собой политическіе союзы первичной формаціи, но уже съ прочно установившимся, опредѣленнымъ главенствомъ [1]). Все внутреннее управленіе находилось въ рукахъ наслѣдственной династіи царей. Судъ производился или самими царями или старыми, опытными мужами знатнаго происхожденія. Въ

[1]) *Спенсеръ:* Основанія соціологіи, II, 606, 607

процессѣ господствовали, какъ это всегда бываетъ на низшихъ ступеняхъ юридическаго развитія, принципы устности, гласности и состязательности. Тяжущіеся являлись на судъ лично и сами защищали свои права [1]). Картина такого суда мастерски нарисована Гомеромъ:

„Много народа толпится на торжищѣ; шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два человѣка о пенѣ,
Мздѣ за убійство; и клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ; а другой отрекался въ пріемѣ.
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вкругъ ихъ кричатъ, своему доброхотствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе,
Молча на тесанныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга;
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ;
Съ ними встаютъ и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ“. [2])

Но съ развитіемъ юридической жизни появилась и адвокатура. Процессъ ея возникновенія можно прослѣдить довольно подробно въ исторіи Аѳинъ, такъ какъ другія греческія государства стояли несравненно ниже Аттики въ культурномъ отношеніи и не оставили никакихъ памятниковъ относительно адвокатуры. Еще Цицеронъ говорилъ, что ораторское искусство развилось исключительно въ Аѳинахъ, и что онъ не знаетъ ни одного греческаго оратора, который-бы происходилъ изъ другаго государства [3]). Даже соперница Аттики Спарта вслѣдствіе своей военной организаціи не могла дать простора для развитія общественной жизни и искусствъ [4]). Только въ Аѳинахъ были на лицо всѣ условія, необходимыя для появленія адвокатуры: демократическое устройство республики, развитая общественная жизнь, процвѣтаніе ораторскаго искусства, устность и публичность производства предъ судомъ, состоявшимъ изъ народа, и, вдобавокъ, господство состязательнаго принципа какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессѣ. При такихъ условіяхъ должна была очень рано сказаться потребность въ судебной защитѣ для лицъ, необладавшихъ юридическими знаніями и краснорѣчіемъ. Въ особенности важное значеніе имѣло въ греческой жизни краснорѣчіе. «Стыдно» говоритъ Аристотель: «не умѣть защищать себя рукою, но еще

---

[1]) *Duncker:* Geschichte des Alterthums, B. V, 1881, 339.

[2]) *Иліада*, XVIII, 497—306, (пер. Гнѣдича).

[3]) *Cic.* Brutus, § 13: hoc studium non erat commune Graeciae, sed proprium Athenarum. Quis enim aut Argivum oratorem, aut Corinthium, aut Thebanum scit fuisse temporibus illis?

[4]) Какъ извѣстно спартанцы презирали краснорѣчіе. *Cic.* Brut., § 13; *Plut.* Lycurg., § 20.

стыднѣе не умѣть защищаться словомъ» [1]). «Аристотель». замѣчаетъ Перро: «вѣрно передаетъ аѳинскую или, скорѣе, античную идею: каждый гражданинъ, чтобы быть совершеннымъ, долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ и обязанностямъ политической жизни. Привыкшій съ дѣтства къ гимнастическимъ упражненіямъ, обученный военному дѣлу, каждый аѳинянинъ долженъ былъ служить во время войны,— если онъ былъ богатъ, въ кавалеріи, а если былъ бѣденъ, въ пѣхотѣ или во флотѣ, въ качествѣ гребца. Въ мирное время онъ былъ обязанъ знать интересы, дѣла и законы своей страны настолько, чтобы слѣдить за разсужденіями на Пниксѣ, чтобы подавать голосъ съ знаніемъ дѣла и предсѣдательствовать въ народномъ собраніи въ качествѣ проэдра, въ сенатѣ—въ качествѣ притана, и въ судѣ въ качествѣ архонта: на всѣ эти должности граждане назначались по жребію» [2]). При такихъ обстоятельствахъ понятно, что каждый гражданинъ, желавшій принимать дѣятельное участіе въ общественной жизни, долженъ былъ обладать даромъ слова, и что краснорѣчіе стало однимъ изъ главныхъ средствъ къ тому, чтобы пріобрѣсти вліяніе на согражданъ и выдвинуться. «Поразительное совершенство, котораго достигло ораторское искусство въ Аѳинахъ», говоритъ Маколей: «должно быть, главнымъ образомъ, приписано вліянію, какое оно тамъ имѣло. Въ смутныя времена, при чисто демократическомъ государственномъ устройствѣ, среди народа, образованнаго до той степени, на которой люди дѣлаются наиболѣе воспріимчивы къ сильнымъ и неожиданнымъ впечатлѣніямъ, дѣлаются быстрыми, но не глубокими мыслителями, пылкими въ чувствахъ, но нетвердыми въ убѣжденіяхъ, страстными поклонниками изящныхъ произведеній ума, ораторское искусство пользовалось такимъ поощреніемъ, какого съ тѣхъ поръ не встрѣчало нигдѣ» [3]).

Что касается спеціально судебной сферы, то и въ ней краснорѣчіе играло важную роль. Такъ какъ судьями являлись обыкновенные граждане, мало понимавшіе въ юриспруденціи, то не удивительно, что главное вниманіе ихъ было обращено на краснорѣчіе тяжущихся, и что плохо говорить значило почти навѣрное проиграть дѣло. Между тѣмъ лица, не обладавшіе даромъ слова, должны были все-таки лично защищать себя на судѣ въ силу аттическаго принципа, подтвержденнаго даже закономъ [4]). Столкновеніе этого принципа съ насущной

---

[1]) *Arist.* rhet. L I, c. I, § 16
[2]) *Perrot:* (Rev. de deux Mondes, 15 août 1871, 850).
[3]) *Маколей:* Сочин., т. IV, 363.
[4]) *Meier und Schömmann,* II B., 919, Anm. 438

потребностью жизни привело къ обходу его въ видѣ сочиненія рѣчей для тяжущихся, которыя заучивались ими и произносились на судѣ [1]). Вначалѣ такія рѣчи, носившія названіе логографій, сочинялись для родныхъ и друзей, но затѣмъ писаніе ихъ сдѣлалось занятіемъ особаго класса лицъ, которыя назывались логографами или дикографами. Первымъ профессіональнымъ логографомъ считается Антиѳонъ (V в. до Р. Х.), который по словамъ Амміана Марцеллина и Плутарха, ввелъ обычай брать плату за сочиненіе судебныхъ рѣчей [2]). За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ логографовъ, въ числѣ которыхъ находятся такіе знаменитые ораторы, какъ Лизій, Исократъ, Эсхилъ и Демосѳенъ.

Такова была первичная форма адвокатуры въ Греціи, форма, которую одинъ писатель остроумно назвалъ «нѣмой адвокатурой» [3]). Она оставалась господствующей до самого конца республики, и многочисленныя дошедшія до насъ логографіи выдающихся греческихъ ораторовъ ясно показываютъ, какъ она была распространена [4]).

Тѣмъ не менѣе логографіи не могли вполнѣ удовлетворить потребности въ судебной защитѣ. Не говоря уже о трудности выучивать наизусть цѣлыя сочиненія [5]), логографіи годились только для обвинительныхъ и исковыхъ рѣчей и могли имѣть весьма ограниченное и несовершенное примѣненіе къ защитительнымъ рѣчамъ и репликамъ. Въ самомъ дѣлѣ, логографъ могъ заранѣе приготовить для тяжущихся искъ или обвиненіе, но былъ-ли онъ въ состояніи возражать обвинителю или истцу, еще не зная въ точности, какія доказательства приведутъ они на судѣ? Могъ-ли логографъ предугадать съ достовѣрностью всѣ доводы противной стороны, чтобы опровергнуть ихъ прежде, чѣмъ они будутъ высказаны? Не рисковалъ-ли онъ промахнуться и направить свои возраженія совсѣмъ не въ ту сторону, куда слѣдовало? Очевидно, логографіи не могли замѣнить устныхъ рѣчей. Кромѣ того, допущенія защиты, по крайней мѣрѣ, въ уголовныхъ дѣлахъ стала требовать простая справедливость. Дѣло

---

[1]) *Quintil.* Instit. orat. L. II, § 75: tum maxime scribere litigatoribus quae illi pro se dicerent erat moris: atque ita juri, quo non licebat pro altero agere, fraus adhibebatur. *Cic.* Brut., § 12.

[2]) *Amm. Marcel.* Res gestae, L. LXXX, c. IV: Antiphontem ob defensum negotium omnium primum antiquitas prodidit accèpisse mercedem. *Plut.* Vitae X orat., I.

[3]) *Le Berquier*, 482.

[4]) Изъ 110 дошедшихъ до насъ рѣчей греческихъ ораторовъ не болѣе десяти были произнесены самими авторами. *Egger*, 10.

[5]) Въ комедіи Аристофана „Всадники“ выведенъ нѣкій колбасникъ, день и ночь зубрящій наизусть написанную для него логографію.

въ томъ, что въ Аѳинахъ появился институтъ, напоминающій современную прокуратуру. Частному обвинителю было предоставлено право избрать себѣ одного или даже нѣсколькихъ помощниковъ изъ числа выдающихся ораторовъ, а въ важныхъ случаяхъ народъ или высшія правительственныя учрежденія и при отсутствіи частныхъ жалобщиковъ назначали такихъ оффиціальныхъ обвинителей, которые носили названіе категоровъ или синегоровъ [1]). Въ качествѣ ихъ являлись важнѣйшіе ораторы Греціи, начиная съ Перикла, который былъ назначенъ народомъ для обвиненія Кимона [2]) и кончая Демосѳеномъ, также выступавшимъ въ роли синегора. Справедливо-ли было оставлять подсудимыхъ безъ защиты передъ лицомъ такихъ могучихъ противниковъ? [3]). И вотъ, съ одной стороны, недостаточность логографій, а съ другой стороны, требованія справедливости привели къ тому, что суды стали въ отдѣльныхъ случаяхъ разрѣшать устную защиту тяжущихся посторонними лицами. Это происходило, въ большинствѣ случаевъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ законъ требовалъ, чтобы стороны лично являлись и сами защищали свои интересы, то суды, не имѣя права нарушать это постановленіе, прибѣгали къ обходу: стороны по прежнему должны были являться на судъ и вести пренія, но имъ было дозволено послѣ произнесенія первой рѣчи просить судъ, чтобы вторую рѣчь сказалъ кто-нибудь изъ постороннихъ лицъ. Вторая рѣчь называлась девтерологіей, а произносившіе ее—синегорами, по аналогіи съ уголовными обвинителями. Этимъ способомъ достигалась двоякая цѣль: принципъ личной защиты оставался въ полной силѣ, и въ тоже время была допущена судебная помощь со стороны неучаствующихъ въ процессѣ лицъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что суды не сразу допустили такой обходъ закона. Естественнѣй всего предположить, что вначалѣ къ защитѣ сторонъ стали допускать только лицъ, связанныхъ съ ними узами кровнаго родства, и что по истеченіи нѣкотораго времени, эта привиллегія была распространена на друзей тяжущихся, а затѣмъ и на всѣхъ постороннихъ лицъ. Несмотря на скудность историческихъ матеріаловъ, можно привести не мало фактовъ въ под-

---

[1]) Число ихъ нерѣдко простиралось до 10. *Forsyth*, 37. *Böhnecke:* Demosthenes Lycurgos, Hyperides und ihr Zeitalter, 1864, 47. *Н. Муравьевъ:* Прокурорскій надзоръ, 1889, I, 40.

[2]) *Plut.* Pericl., § 10.

[3]) Что этотъ мотивъ дѣйствительно имѣлъ вліяніе на допущеніе защитниковъ, видно изъ нѣкоторыхъ рѣчей, напр изъ рѣчи Гиперида за Ликофрона (*Böhnecke*, l. c., 113).

твержденіе этого предположенія. Законы Солона, установившіе принципъ личной защиты на судѣ, были изданы въ началѣ VI в. Ровно черезъ сто лѣтъ въ процессѣ Мильтіада была уже допущена родственная защита на судѣ. Мильтіадъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, но такъ какъ вслѣдствіе тяжкихъ ранъ полученныхъ на войнѣ онъ былъ не въ силахъ говорить на судѣ, то защиту велъ его братъ Стесагоръ [1]). Другой примѣръ, относящійся, впрочемъ, къ болѣе позднему времени, представляетъ логографія Изея за Эвфилета, отрывокъ которой сохраненъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ [2]). Лицо для котораго написана эта рѣчь дважды, въ началѣ и въ концѣ ея, указываетъ на свое родство съ Эвфилетомъ, побуждающее его выступить въ защиту подсудимаго. Еще больше фактовъ можно привести въ доказательство допущенія друзей и вообще близкихъ тяжущимся лицъ къ судебной защитѣ [3]). Главнымъ источникомъ служатъ въ этомъ отношеніи сохранившіяся судебныя рѣчи лучшихъ греческихъ ораторовъ, именно Антифона (въ V в. до Р. Х.), Лизія (тоже), Изея (въ началѣ IV в.), Исократа (тоже), Демосѳена и Эсхина. Четвертая часть одной тетралогіи Антифона начинается слѣдующимъ образомъ: «такъ какъ подсудимый не явился въ судъ (не потому, что онъ призналъ себя виновнымъ, а потому, что устрашился настойчивости обвинителей), то мы, какъ его друзья, сочли своей священной обязанностью выступить въ его защиту» [4]) Лизій въ рѣчи за Ферениқа точно также указываетъ на дружбу съ обвиняемымъ, какъ на причину своего вмѣшательства въ его дѣло: «мнѣ кажется нужнымъ, судьи, сказать нѣсколько словъ о дружбѣ моей съ Ферениқомъ, чтобы никто изъ васъ не удивился, видя, что я, который донынѣ никогда не защищалъ никого изъ васъ, выступаю теперь въ защиту Ферениқа» [5]). Таково-же начало рѣчей Изея о наслѣдствѣ Никострата и за Эвмата. Въ первой изъ нихъ говорится слѣдующее: «Агнонъ и Агноѳей мои друзья, о мужи, какъ и ихъ отецъ былъ

---

[1]) *Corn Nep.* Milt. VII, 5: eo tempore aeger erat vulneribus... itaque cum ipse pro se dicere non posset, verba fecit frater ejus Stesagoras.

[2]) *Dion. Halic.* de Isaeo judic., § 17. ὅτι μὲν τοίνυν ἀδελφὸς ἡμῖν ἐστὶν οὑτοσὶ ὁ Εὐφίλητος...

[3]) Эти лица носятъ въ рѣчахъ слѣдующія названія: φίλος, ἐπιτήδειος, ξένος.

[4]) Ἀντιφῶντος τετφαλογία γ, ἐξ απολογίας ὁ ὕστερος. (Oratores attici, ed. Bekker, 1823, v. I, 41).

[5]) Λυσίου ὑπὲρ Φερενίκου. (Bekker, I, 407),

раньше, а потому мнѣ показалось необходимымъ помочь имъ» [1]). Во всѣхъ этихъ рѣчахъ дѣло идетъ или о родственникахъ или о друзьяхъ сторонъ. Впервые у Исократа встрѣчается указаніе на допущеніе въ качествѣ синегора посторонняго лица. Въ логографіи противъ Лохита лицо, для котораго она написана, заканчиваетъ свою рѣчь словами: «Я сказалъ о дѣлѣ, сколько могъ; если-же кто нибудь изъ присутствующихъ имѣетъ что-либо сказать въ мою пользу, то пусть взойдетъ на трибуну и скажетъ [2]). Таково-же заключеніе логографіи Гиперида за Ликофрона [3]). Изъ многочисленныхъ логографій Демосѳена въ двухъ призывается въ качествѣ синегора другъ [4]), а въ двухъ другихъ произнесеніе девторологіи предоставляется посторонним лицамъ [5]). Одна логографія Демосѳена даетъ возможность объяснить, какимъ образомъ къ защитѣ подсудимыхъ были допущены вслѣдъ за друзьями—еще и постороннія лица. Именно рѣчь противъ Діонисидора, написанная для нѣкоего Дарія, оканчивается такимъ заявленіемъ: «я защищалъ себя, какъ могъ; я хотѣлъ-бы, чтобы кто нибудь изъ моихъ друзей сказалъ въ мою пользу. Взойди-же Демосѳенъ»! [6]). Вы замѣчаете, что подъ видомъ друга тяжущійся приглашаетъ въ качествѣ защитника самаго автора логографіи, знаменитаго оратора. Былъ-ли Демосѳенъ дѣйствительно другомъ Дарія,—неизвѣстно, да и неважно. Этотъ случай ясно показываетъ, что тяжущіеся могли предоставлять защиту своихъ интересовъ фиктивнымъ, быть можетъ, даже наемнымъ друзьямъ [7]), такъ какъ судъ рѣшительно не имѣлъ возможности контролировать ихъ заявленій, и что, такимъ образомъ, мало по малу вошло въ обычай допускать къ защитѣ всякое указанное стороной лицо.

---

[1]) Ἰσαίου ὑπὲρ τοῦ Νικοστράτου κλήρου (Bekker, III, 46). Отрывокъ изъ рѣчи за Эвмата у Діонисія. *Dion. Halic.* de Isaeo judic., § 7: ἐμοὶ ξένος ἦν Κηφισόδοτος, ὁ τοιούτου πατήρ.

[2]) Ὑπερ. κατὰ Λοχίτου *(Bekker, II)*.

[3]) Ἐὰν οὖν κελεύητε, ὦ ἄνδρες δικασταί, καλῶ τινα βοηθήσοντα. Ἀναβήθι μοι Θεόφιλε καὶ συνειπὲ ὅ τι ἔχεις· κελεύουσιν οἱ δικασταί. Текстъ и переводъ этой рѣчи помѣщены въ сочиненіи *Böhnecke* (Demosthenes, Lycurgos etc., 113). Въ извѣстномъ процессѣ Фрины Гинеридъ выступилъ, повидимому, потому, что былъ привлеченъ къ отвѣтственности въ качествѣ соучастника. *Plut.* Vitae X orat., XI. Впрочемъ, можно также допустить, что онъ былъ избранъ чужестранной Фриной патрономъ (προστάτης) подобно тому, какъ Аспазія избрала своимъ патрономъ Перикла. *Meier und Schömann*, II, 765. См. § 4 настоящей главы.

[4]) Πρὸς Φορμίωνα, κατὰ Διονυσιδώρου.

[5]) Κατὰ Νεαίρας, κατὰ Θεοκρίνου.

[6]) Κατὰ Διονυσιδώρου (Oeuvres complètes de Demosthène et d' Eschine, éd. Auger, 1820, v. IX).

[7]) Λυκουργ. Κατὰ Λεωκράτους (Bekker, III).

Таковъ естественный процессъ возникновенія и развитія греческой адвокатуры. На ряду съ сочиненіемъ логографій возникла устная защита, сначала въ видѣ родственной адвокатуры, а затѣмъ въ видѣ свободно-договорной. Хотя логографы существовали до послѣднихъ лѣтъ греческой независимости, тѣмъ неменѣе нѣкоторые факты показываютъ, что устная защита постепенно вытѣснила «нѣмую». Какъ извѣстно, первый профессіональный логографъ Антиѳонъ никогда не говорилъ на судѣ, а только писалъ рѣчи-для тяжущихся. Его современникъ Лизій, судя по его рѣчамъ, выступалъ всего 2—3 раза въ качествѣ защитника друзей и родныхъ [1]). То-же самое относится и къ Изею (IV в.). Исократъ, обладавшій тихимъ голосомъ и слабымъ здоровьемъ, не рѣшался говорить передъ народомъ и ограничивался преподаваніемъ риторики и писаніемъ логографій [2]). Но ораторы послѣдняго періода, именно Демосѳенъ [3]), Эсхинъ и Гиперидъ, наряду съ сочиненіемъ рѣчей для тяжущихся занимались и устной защитой и, притомъ, не только друзей, но, какъ мы видѣли, и постороннихъ лицъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что логографіи современемъ были-бы совершенно вытѣснены устными рѣчами синогоровъ, и что единственной формой адвокатуры осталась-бы устная защита. Точно также весьма вѣроятно, что въ силу жизненной потребности появился-бы особый классъ профессіональныхъ адвокатовъ. Къ несчастію, въ то самое время, когда аѳинская адвокатура, повидимому, готовилась сдѣлать этотъ шагъ, паденіе политической свободы на долго пріостановило самостоятельное теченіе аттической жизни. За македонской гегемоніей послѣдовало римское владычество, и юридическая жизнь Греціи пошла по чуждому ей, проложенному могучимъ завоевателемъ, пути. Римляне ввели всюду свои судебныя учрежденія и только въ видѣ особой милости предоставляли покореннымъ грекамъ участвовать въ отправленіи правосудія [1]). Во времена имперіи правовой строй Греціи былъ окончательно преобразованъ, и исторія греческаго права слилась съ исторіей римскаго.

---

[1]) *Cic.* Brut., 9; Lysias ipse in causis forensibus non versatus..

[2]) *Cic.* ib., 8: Isocrates... forensi luce caruit... Плутархъ говоритъ, что Исократъ произнесъ лично, повидимому, только одну рѣчь. *Plut.* Vit. X arat., IV.

[3]) Демосѳенъ началъ свою карьеру писаніемъ логографій. *Grote:* Geschichte Griechenlands, übers von Meissner, 1856, VI, 217.

[4]) *Финлей:* Греція подъ римскимъ владычествомъ, 1877, 31, 36.

§ 2.

Организація греческой адвокатуры.

Предшествующее изложеніе ясно показываетъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ старинному спору о томъ, существовала-ли адвокатура въ Греціи. Нѣтъ такого общественнаго учрежденія, которое явилось-бы въ жизни вполнѣ развитымъ и законченнымъ. Всѣ они создаются медленной, тысячелѣтней работой, всѣ они органически выростаютъ изъ жизненныхъ отношеній и потребностей, какъ выростаетъ дерево изъ незначительнаго зерна, брошеннаго на плодородную почву. Вмѣстѣ съ Ле-Беркье, Молло и Малышевымъ можно признать, что адвокатура существовала въ Греціи въ томъ самомъ смыслѣ, какъ мы говоримъ, закапывая зерно въ землю, что посадили яблоню. Съ другой стороны, слѣдуетъ согласиться съ Эгжеромъ и Форситомъ, что аѳиняне не знали адвокатуры въ томъ смыслѣ, какъ мы утверждаемъ, что зерно не яблоня. Тѣ первичныя формы адвокатуры, которыя мы встрѣчаемъ у грековъ, такъ-же мало походятъ на современную адвокатуру, какъ греческіе обвинители-категоры на нашихъ прокуроровъ. Тѣмъ не менѣе онѣ все-таки формы адвокатуры, какъ категоры зачатки прокуратуры.

Разногласіе названныхъ писателей объясняется тѣмъ, что они, упустивъ изъ виду генетическую связь между институтами логографовъ и синегоровъ, полагали, что тѣ и другіе возникли и существовали одновременно. Усматривая затѣмъ черты сходства и различія между ними и современными адвокатами, они то признавали существованіе адвокатуры въ Греціи, то отрицали, смотря потому, на что они обращали главное вниманіе: на сходство или различіе.

Итакъ, особого сословія адвокатовъ не существовало въ Греціи. Поэтому, не можетъ быть и рѣчи о какой-либо организаціи этого института или о правилахъ для подготовки и принятіи въ число адвокатовъ. Впрочемъ, въ рѣчи Эсхина противъ Тимарха приведены два закона, имѣющіе отношеніе къ этому предмету. Въ одномъ изъ нихъ запрещается говорить публично цѣлому разряду лицъ,—именно тѣмъ, кто оскорбилъ дѣйствіемъ или отказался содержать своихъ родителей, кто уклонился отъ военной службы, расточилъ свое имущество и т. п. [1]). Второй налагаетъ

[1]) Κατὰ Τιμάρχου· ἄν τις λέγῃ ἐν τῷ δήμῳ, τὸν πατέρα τύπτων ἢ τὴν μητέρα etc. (Oeuvres complètes de Demosthène et d' Eschine, éd. Auger, 1820, III, 330).

штрафъ въ размѣрѣ 50 драхмъ на тѣхъ ораторовъ, которые, держа рѣчь передъ ареопагомъ или народнымъ собраніемъ, «будутъ уклоняться отъ предмета обсужденія, говорить дважды объ одномъ и томъ-же, и, притомъ, предъ тѣми-же слушателями, позволять себѣ оскорбительныя и бранныя выраженія, говорить о постороннихъ вещахъ, безпокоить или оскорблять эпистата» [1]). Какъ видно, эти законы относились вовсе не къ адвокатамъ, а ко всякаго рода ораторамъ, какъ политическимъ, такъ и судебнымъ, говорившимъ, какъ за другихъ, такъ и за себя. Поэтому, ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признавать профессіональными правилами адвокатуры [2]). Точно также, если женщины, рабы, чужестранцы, несовершеннолѣтніе и лишенные чести не могли быть синегорами, то это происходило не вслѣдствіе спеціальнаго запрещенія, а вслѣдствіе того, что всѣмъ этимъ лицамъ вообще былъ закрытъ доступъ въ суды и народныя собранія. Никакихъ другихъ правилъ не было, да и, какъ мы показали, быть не могло. Равнымъ образомъ, не могло быть и рѣчи о профессіональной чести. Логографы, скрываясь за спиной тяжущихся, не стѣснялись принимать защиту какихъ угодно дѣлъ и даже писать рѣчи для обѣихъ тяжущихся сторонъ сразу. Такъ напр., дошедшія до насъ тетралогіи Антиѳона состоятъ каждая изъ 4 рѣчей: двѣ написаны для одного тяжущагося, а двѣ для его противника [3]). Точно также Демосѳенъ написалъ одну рѣчь за Форміона противъ Аполлодора, а затѣмъ другую для Аполлодора противъ Стефана, главнаго свидѣтеля со стороны Форміона, обвиняя его въ ложномъ показаніи въ пользу своего бывшаго кліента». «Такимъ образомъ», замѣчаетъ Плутархъ по этому поводу: «Демосѳенъ какъ-бы продалъ обѣимъ сражающимся сторонамъ по кинжалу изъ своего оружейнаго склада» [4]). Продажность логографовъ привела къ тому, что ихъ профессія стала считаться позорной, и что торговцевъ рѣчами нерѣдко привлекали къ отвѣтственности. Такъ было, напр., съ Антифономъ и Исократомъ [5]). Чтобы

---

[1]) Τῶν ῥητόρων ἐάν τις λέγῃ ἐν βουλῇ etc. (ib., 336).

[2]) Повидимому, эти законы ввели въ заблужденіе Boucher d' Argis, Mollot и другихъ писателей, упоминающихъ о профессіональныхъ правилахъ греческой адвокатуры.

[3]) Впрочемъ, нѣкоторые считаютъ тетралогіи Антифона просто школьными образцами, написанными имъ для своихъ учениковъ. *Perrot* (Rev. de 2 Mondes, 1871, № 3, 425).

[4]) *Plut. Demosth.*, § 15. Интересно, что въ послѣдней рѣчи Демосѳенъ задѣваетъ самого себя. Κατὰ Στεφάνου β· οἱ γράφοντες καὶ οἱ συμβουλεύοντες ὑπὲρ Φορμίωνος πολλοὶ etc. (ed. Auger, X).

[5]) *Cic.* Brut., § 12.

снять съ себя подозрѣніе, многіе ораторы должны были заявлять, что они не пишутъ логографій, хотя, впрочемъ, большинство этихъ заявленій—ложно. Такъ напр., Исократъ въ своей знаменитой апологіи прямо говорилъ: «я утверждаю, что никогда не занимался ни логографіями, ни процессами» [1]). Демосѳенъ поступилъ въ одномъ случаѣ еще безцеремоннѣе. Въ логографіи, написанной для нѣкоего Демона, онъ вложилъ въ уста тяжущагося слѣдующія слова: «Демосѳенъ—мой родственникъ, но, когда я пришелъ къ нему и просилъ помочь мнѣ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что, съ тѣхъ поръ, какъ началъ заниматься общественными дѣлами, онъ не вмѣшивается въ дѣла частныхъ лицъ» [2]). Что касается синегоровъ, то и они готовы были за плату произносить девтерологію въ пользу любаго тяжущагося. Ораторъ Ликургъ, современникъ Демосѳена, въ одной рѣчи прямо говоритъ, что прежде синегоры выступали въ защиту по дружбѣ, а теперь за плату [3]). Такіе-же упреки встрѣчаются у Демосѳена [4]).

§ 3.

Особенности греческой адвокатуры.

Говоря о греческой адвокатурѣ, нельзя пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ особенностей ея, знакомство съ которыми необходимо для дальнѣйшаго изложенія. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на томъ уже указанномъ раньше обстоятельствѣ, что греческая адвокатура была связана болѣе съ ораторскимъ искусствомъ, чѣмъ съ правовѣдѣніемъ. Это объясняется разными причинами. Съ одной стороны, греки вообще не отличались способностью къ юриспруденціи, которая была у нихъ мало развита. Съ другой стороны, будучи народомъ въ высшей степени художественнымъ, они ревностно предавались изученію всякихъ искусствъ и, между прочимъ, ораторскаго. Если еще принять во вниманіе простоту и общедоступность законодательства, устность и гласность судопроизводства предъ обширной народной аудиторіей, то станетъ вполнѣ понятенъ тотъ фактъ, что всѣ извѣстные намъ профессіональные синегоры были ораторами или,

---

[1]) *Bekker*, II.

[2]) Πρὸς Ζηνόθεμιν· ἐμοὶ συμβέβηκεν ἀφ' οὗ περὶ τῶν καινῶν λέγειν ἠρξάμην, μηδὲ πρὸς ἓν πρᾶγμα ἴδιον προσεληλυθέναι (*Auger*, IX).

[3]) Κατὰ Λεωκράτους (Bekker, II).

[4]) Περὶ στεφάνου τῆς τριηραρχίας (*Auger*, X).

другими словами, что только ораторы, привыкшіе говорить предъ народомъ въ политическихъ дѣлахъ, исполняли обязанности адвокатовъ. Юридическихъ познаній отъ нихъ не требовалось. Для этого существовалъ особый классъ юрисконсультовъ, законниковъ (прагматиковъ), которые сопровождали ораторовъ на судъ и сообщали имъ въ случаяхъ надобности нужныя юридическія свѣдѣнія. Ихъ профессія не пользовалась почетомъ. По крайней мѣрѣ, Цицеронъ говоритъ, что это были обыкновенно люди низкаго происхожденія, привлекаемые къ такому занятію ничтожной платой [1]). Сообразно съ характеромъ адвокатуры, подготовка къ ней состояла не въ изученіи юриспруденціи, а въ занятіяхъ ораторскимъ искусствомъ. Демосѳенъ учился у Изея [2]), Изей, Ликургъ и Гиперидъ у Исократа, который былъ ученикомъ Горгія и т. д. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ были хорошо знакомы съ законами; тѣмъ не менѣе на первомъ планѣ стояло краснорѣчіе.

Другая, еще болѣе замѣчательная особенность греческой адвокатуры заключается въ томъ, что тяжущіеся и ихъ защитники не всегда могли говорить на судѣ, сколько имъ казалось нужнымъ. Какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе пренія сторонъ были ограничиваемы извѣстнымъ періодомъ времени. И, что всего замѣчательнѣе, такое ограниченіе существовало для наиболѣе важныхъ дѣлъ, между тѣмъ какъ другія, мелкія и незначительныя, не подвергались никакимъ стѣсненіямъ. Время опредѣлялось водяными часами, носившими названіе клепсидры [3]). По этой-то причинѣ всѣ дѣла раздѣлялись на «дѣла съ водою» и «дѣла безъ воды». Для разныхъ дѣлъ полагалось разное количество воды, смотря по большей или меньшей важности процесса. Но такъ какъ устройство клепсидры въ точности неизвѣстно, то нѣтъ возможности опредѣлить среднюю продолжительность судебныхъ преній. Можно только сказать, что каждой сторонѣ предоставлялось опредѣленное количество воды, не взирая на то, сколько ораторовъ выступало въ ея защиту. Теченіе воды пріостанавливалось во время допроса свидѣтелей и чтенія документовъ или законовъ [4]). Несомнѣнно, что употребленіе клепсидры было вызвано

---

[1]) *Cic.* de orat. I, 45: apud Graecos infimi homines mercedula adducti ministros se praebent in judiciis oratoribus, ii qui apud illos πραγματικοί vocantur.

[2]) *Plut.* Demosth., § 5.

[3]) *Apul.* Metam. III: vasculum quoddam in vicem coli graciliter fistulatum, ac per hoc guttatim defluens infusa aqua.

[4]) Желая пріостановить теченіе воды по одному изъ указанныхъ поводовъ, ораторъ обращался къ особому прислужнику, стоявшему возлѣ клепсидры со словами: „останови воду“ (ἐπίλαβε τὸ ὕδωρ). Въ концѣ рѣчи,

многорѣчивостью ораторовъ, но нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что ограниченіе преній опредѣленнымъ временемъ было несправедливо, нецѣлесообразно и вредно для интересовъ защиты [1]).

Далѣе необходимо замѣтить, что помимо логографовъ, синегоровъ и прагматиковъ въ Греціи существовалъ еще одинъ разрядъ лицъ, дѣятельность которыхъ соприкасалась съ дѣятельностью первыхъ. Это были такъ называемые параклеты. Нѣкоторые писатели (напр. Стояновъ) видятъ въ нихъ особый родъ адвокатуры, но такъ какъ ихъ роль заключалась не въ защитѣ тяжущагося, а въ удостовѣреніи его нравственныхъ качествъ, то ихъ слѣдуетъ отнести не къ адвокатамъ, а скорѣе къ свидѣтелямъ. Другимъ народамъ тоже былъ извѣстенъ этотъ институтъ «свидѣтелей чести». Въ Римѣ они носили названіе хвалителей (laudatores), въ древней Россіи—послуховъ, въ Чехіи помочниковъ и очистниковъ, въ Полицѣ—поротниковъ [2]). Сами ораторы зачастую конкуррировали съ параклетами, превознося нравственныя качества своего кліента. Вообще, они не стѣснялись въ средствахъ защиты: они умоляли судей о помилованіи подсудимаго, приводили съ собой его дѣтей, родныхъ и друзей, которые своими слезными просьбами должны были смягчить строгость суда, прибѣгали къ разнымъ театральнымъ выходкамъ, какъ поступилъ, напр., Гиперидъ въ процессѣ Фрины и т. п. [3]).

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ еще одной стороны греческой адвокатуры: крайней неразборчивости въ выраженіяхъ, рѣзкости и даже просто неприличія многихъ рѣчей ораторовъ. Въ пылу ораторскаго увлеченія адвокатъ не щадилъ ничего: ни добраго имени своего противника, ни чести его жены и матери, ни скромности слушателей. Въ гражданскихъ дѣлахъ адвокаты были еще болѣе или менѣе сдержаны и умѣренны. Но уголовныя защиты нерѣдко представляли собою

съ цѣлью показать, что онъ не будетъ больше говорить, ораторъ произноситъ: „вылей воду“ (ἐξέρα τὸ ὕδωρ). Примѣры: Δημοσθ. Πρὸς Εὐβολίδην, πρὸς Ζηνόθεμιν, ὑπὲρ Φορμίωνος etc.

[1]) *Vargha*, 25—27. Интересно, что во время французской революціи 1789 г. въ учредительномъ собраніи было сдѣлано предложеніе ввести въ судахъ греческую клепсидру въ видѣ песочныхъ часовъ (sablier de cinq minutes), но учредительное собраніе отвергло этотъ проэктъ. *Brédif:* Demosthène, 1879, 288, rem.

[2]) *Ѳ. Леонтовичъ:* Древнее Хорвато-далматское законодательство, 1868, I, 146, 147.

[3]) Фрина была обвинена въ безбожіи (ἀσέβεια). Гиперидъ, доказывая, что женщина, одаренная богами такой чудной красотой, не можетъ быть неблагодарна имъ, сорвалъ съ обвиняемой одежду, чтобы въ полномъ блескѣ обнаружить ея красоту передъ судьями. Фрина была оправдана.

на половину памфлеты [1]). Нѣкоторыя рѣчи Демосѳена [2]) были-бы такъ-же невозможны въ современномъ судѣ, какъ многія эпизоды Аристофановыхъ комедій на нынѣшней сценѣ.

§ 4.

Судебное представительство въ Греціи.

Послѣ всего, что было сказано, едвали нужно останавливаться подробно на объясненіи того обстоятельства, что въ древней Греціи не могло существовать свободнаго представительства на судѣ. Если античный принципъ «самопомощи» не дозволялъ тяжущемуся приводить въ судъ своего адвоката, который бы вполнѣ замѣнилъ его въ преніяхъ, то какимъ образомъ могло быть разрѣшено сторонамъ не являться лично, а присылать вмѣсто себя кого либо другаго? Это было-бы явной непослѣдовательностью, прямымъ нарушеніемъ основнаго принципа, и, дѣйствительно, мы видимъ, что греческое право допускало судебное представительство только въ видѣ изъятія, въ случаяхъ настоятельной необходимости. Ему были извѣстны два вида представительства, именно законное или необходимое представительство и смѣшанное. Такъ какъ право искать и отвѣчать на судѣ принадлежало только лицамъ право- и дѣе-способнымъ, и такъ какъ женщины и несовершеннолѣтніе не входили въ число этихъ лицъ, то они должны были дѣйствовать на судѣ черезъ посредство своихъ опекуновъ (κύριοι) которыми были: отцы, мужья, старшіе братья и другіе родственники. Точно также страдающихъ умственными или физическими недостатками замѣняли ихъ родственники [3]). Но за сиротъ, какъ лицъ неимѣющихъ естественныхъ опекуновъ, могли заступаться даже посторонніе [4]). Въ особомъ положеніи находились чужеземцы. Все населеніе Аттики раздѣлялось на три разряда: 1) гражданъ; 2) метэковъ, т. е. чужеземцевъ, постоянно живущихъ въ Аттикѣ; и 3) чужеземцевъ, временно пребывающихъ въ ней. Метэки уплачивали опредѣленный налогъ за право жить въ аѳинской землѣ и пользовались покровительствомъ закона, но должны были въ тоже время избирать себѣ патрона (προστάτης) изъ числа прирожденныхъ

[1]) *Brédif:* Demosthène, 1879, 318.
[2]) Напр. Κατὰ Τιμωκράτους, κατὰ Νεαίρας etc.
[3]) *Meier und Schömann,* II, 747, 748.
[4]) Ib., 749.

гражданъ. Временно пребывающіе тоже были обязаны исполнять послѣднее условіе. Въ процессуальномъ отношеніи разница между метэками и остальными иностранцами заключалась въ слѣдующемъ. Метэки могли вчинать всѣ безъ исключенія иски, но при участіи своего патрона. «Хотя», говорятъ Мейеръ и Шенманъ: «мы не имѣемъ достаточно указаній на взаимныя отношенія метэковъ и ихъ патроновъ, тѣмъ не менѣе можно, повидимому, принять съ большей вѣроятностью, что для вызова въ судъ противника и принесенія жалобы метэкъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи своего патрона, но что, напротивъ, жалоба писалась отъ его собственнаго имени, и въ послѣдующемъ производствѣ онъ могъ вести дѣло самостоятельно и безъ содѣйствія патрона» [1]). Впрочемъ, нѣкоторые метэки, такъ сказать, привиллегированные (ἰσοτελεῖς) могли обходиться вовсе безъ патрона.

Остальные чужестранцы, временно пребывавшіе въ Аѳинахъ, тоже имѣли патроновъ (πρόξενοι), и могли вчинать при ихъ содѣйствіи иски, но не всѣ, а только касавшіеся ихъ личныхъ интересовъ [2]).

Помимо этихъ случаевъ, допускалось еще смѣшанное представительство, примѣняемое, какъ было указано во введеніи, въ отношеніи юридическихъ лицъ [3]).

Въ такомъ видѣ было извѣстно представительство древнимъ грекамъ.

---

[1]) Ib, 753.
[2]) Ib., 754.
[3]) Ib., 756.

II.

РИМЪ.

Литература.
Grellet-Dumazeau: Le Barreau romain, 1858.
Forsyth: Hortensius, Ch. III—VI.
Vargha: Die Vertheidigung in Strafsachen, 33—68.
Стояновъ: Исторія адвокатуры, 42—103.

§ 1.

Происхожденіе римской адвокатуры.

По общепринятому въ литературѣ мнѣнію, римская адвокатура развилась изъ патроната [1]). Это не совсѣмъ вѣрно въ томъ отношеніи, что въ Римѣ, какъ и въ Греціи, первичной формой адвокатуры была родственная адвокатура, а патронатъ являлся только переходной ступенью отъ родственной къ договорной. Въ самомъ дѣлѣ, сохранившіяся въ нѣкоторыхъ памятникахъ извѣстія о древнѣйшихъ судебныхъ процессахъ свидѣтельствуютъ, что родственная адвокатура съ давнихъ поръ существовала у итальянскихъ народовъ. Если вѣрить Діонисію Галикарнасскому, еще до основанія города Рима въ

[1]) *Le Berquier* (Le Barreau moderne, p. 6, 7) ошибочно приписываетъ другое мнѣніе *Grellet-Dumazeau*, который хотя и говоритъ, что патронатъ—чисто феодальное учрежденіе (p. 39, 41), и что происхожденіе адвокатуры, какъ особой профессіи, относится къ изданію XII таблицъ (p. 51, 129), тѣмъ не менѣе нѣсколько разъ повторяетъ, что непосредственнымъ источникомъ адвокатуры былъ патронатъ (p. 42, 233: nous avons essayé de démontrer que la profession d'avocat était sortie de l'institution du patronat).

процессѣ Реи Сильвіи, матери Ромула и Рема, горячее участіе принималъ ея отецъ Нумиторъ [1]). Точно также при третьемъ римскомъ царѣ (Туллѣ) въ защиту Горація, обвиненнаго въ убійствѣ своей сестры, выступилъ предъ судомъ царя отецъ подсудимаго [2]). Въ извѣстномъ процессѣ Виргиніи во время правленія децемвировъ (V в.) защиту вели отецъ, дядя и женихъ ея [3]). Когда черезъ нѣсколько лѣтъ Аппій Клавдій, разбиравшій дѣло Виргиніи, въ свою очередь подвергся суду народнаго собранія, дядя Клавдія, въ сопровожденіи родныхъ и кліентовъ, явился на форумъ и умолялъ гражданъ помиловать его племянника [4]). Въ пользу Цезона говорили на судѣ его родственники [5]), Сервилія (V в.) оправдывали его товарищи и друзья [6]), а Фабія (IV) защищалъ отецъ [7]). Всѣ эти факты относятся къ древнѣйшей римской исторіи, къ тому ея періоду, когда о свободной адвокатурѣ еще не было и рѣчи, и всѣ они несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что родственная защита была изстари обычнымъ явленіемъ въ Римѣ. Если теперь разсмотрѣть сущность института, извѣстнаго подъ именемъ патроната, то станетъ вполнѣ ясно, какимъ образомъ совершился въ Римѣ переходъ родственной адвокатуры въ свободную. Когда и какъ появился патронатъ, и какое значеніе онъ имѣлъ въ древнѣйшемъ быту, это очень темный и спорный вопросъ. «Возникновеніе патроната», говоритъ Нибуръ: «такъ же мало доступно историческому изложенію, какъ и происхожденіе Рима» [8]). Неудивительно, что на этотъ счетъ высказываются самыя разнообразныя мнѣнія. Грелле-Дюмазо принимаетъ на вѣру передаваемый Діонисіемъ Галикарнасскимъ и Плутархомъ миѳъ о томъ, что патронатъ былъ учрежденъ Ромуломъ [9]). Моммсенъ отождествляетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти кліентовъ съ плебеями [10]). За нимъ слѣдуетъ

---

[1]) Dion. *Halic.* Antiqu. roman I, 78.

[2]) Id., III, 22. *Tit. Liv.*, (I, 26) говоритъ, что этотъ процессъ происходилъ передъ дуумвирами, а затѣмъ по провокаціи передъ народомъ.

[3]) *Dion. Halic*, ib., XV, 28. *Tit. Liv.*, III, 44. Впрочемъ, въ процессѣ Виргиніи можно видѣть случай судебнаго представительства «pro libertate» (См. § 7 настоящей главы). *Bethmann-Hollweg*: Der Civilprocess des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwickelung, 1864, I B., S. 110, Anm. 5.

[4]) *Tit. Liv.* III, 58.

[5]) *Id.*, III. 12.

[6]) *Dion. Halic.*, IX, 33: Σερουίλιος παρέδωκε λόγον τοῖς συναγορεύειν ἢ μαρτυρεῖν βουλομένοις. πολλοὶ μὲν οὖν καὶ ἄλλοι παριόντες ἀπέλυον αὐτὸν τῆς αἰτίας.

[7]) *Tit. Liv.*, VIII, 33.

[8]) *Niebuhr*: Histoire romaine, trad. par Gobbéry, 1830, II, 26.

[9]) *Dion. Halic.*, II, 7, 8. *Plut.* Romul, 12; *Grellet-Dumazeau*, 36—39.

[10]) *Моммсенъ*: Римская исторія, 1851, 66.

Іеринг[1]). Нибуръ, наоборотъ, проводитъ между ними строгое различіе[2]). Наконецъ, Фюстель - Куланжъ признаетъ въ патронатѣ обще-арійскій институтъ, возникшій еще во время пребыванія арійскихъ народовъ въ Средней Азіи[3]). Но какого-бы изъ этихъ мнѣній мы ни держались, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что отношенія между патронами и кліентами, какъ указалъ еще Діонисій Галикарнасскій, были построены по аналогіи съ родственными отношеніями[4]). Кліентъ, избравъ себѣ патрона изъ числа кровныхъ римскихъ гражданъ (патриціевъ), приписывался къ его роду, пріобщался къ родовому культу и получалъ право называться родовымъ именемъ. Онъ считался какъ бы усыновленнымъ патрона. Его отношенія къ патрону были не только подобны родственнымъ, но считались даже выше, священнѣе[5]), такъ какъ родственники не всегда участвовали въ родовомъ культѣ, а кліентъ принимался въ родѣ только при этомъ условіи[6]). Ни онъ, ни патронъ не могли вести тяжбы другъ съ другомъ, ни свидѣтельствовать одинъ противъ другаго. Кліентъ былъ обязанъ относиться къ патрону со всевозможнымъ почтеніемъ, оказывать ему услуги, одарять его дочерей приданнымъ, уплачивать за него и за его дѣтей выкупъ въ случаѣ, если они попали въ плѣнъ къ непріятелю, участвовать своимъ имуществомъ въ платежѣ его долговъ или покрытіи издержекъ при отправленіи общественной службы и т. п. Связь его съ патрономъ считалась постоянной и даже наслѣдственной, и если онъ умиралъ бездѣтнымъ, то его имущество переходило къ патрону. Взамѣнъ этого патронъ долженъ былъ всячески покровительствовать кліенту и, между прочимъ, защищать его интересы передъ судомъ подобно тому, какъ защищалъ интересы своихъ родственниковъ[7]). Такимъ образомъ, патронатъ самъ по себѣ не внесъ новаго принципа въ

---

[1]) *Ihering*: Geist des römischen Rechts, 1866, I, 244

[2]) *Niebuhr*: l. c., II, 143; 146, *Пухта*: Исторія римскаго права, 1864, 33.

[3]) *Фюстель-Куланжъ*: Древнее общество, 1867, 160—163.

[4]) *Dion. Halic*, II, 10: διέμειναν ἐν πολλαῖς γενναῖς οὐδὲν διαφέρουσαι συγγενῶν ἀναγκαιοτήτων αἱ τῶν πελατῶν τε καὶ προστατῶν συρυγίαι. *Niebuhr*, II, 25. *Ihering* (Geist d. röm. R.. I, 236): Der erste Ausdruck stellt das Verhältniss als eine Nachbildung der väterlichen Gewalt dar, und mit dieser Bezeichnung hat die Sprache das Wesen desselben trefflich ausgedrückt.

[5]) Законы XII таблицъ налагали самое высшее наказаніе на патрона, причинившаго несправедливость кліенту: patronus si clienti fraudem fecerit sacer esto (t. VIII, fr. 21).

[6]) *Фюстель-Куланжъ*, 164, 165.

[7]) *Dion. Halic.*, II, 10: δίκας δὲ ὑπὲρ τῶν πελατῶν ἀδικουμένων λαγχάνειν, εἴ τις βλάπτοιτο περὶ τὰ συμβόλαια, καὶ τοῖς ἐγκαλοῦσιν ὑπέχειν. Plut. Romul., 12.

развитіи адвокатуры: защита патроновъ была результатомъ распространенія родственной адвокатуры на лицъ, находившихся въ отношеніяхъ, подобныхъ родственнымъ. Такое-же самое явленіе, только въ другой формѣ, мы видѣли въ Греціи. Тѣмъ не менѣе патронатъ былъ непосредственнымъ источникомъ, изъ котораго развилась свободная адвокатура. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, знаніе и примѣненіе права находились въ древнемъ Римѣ исключительно въ рукахъ патриціевъ. Одни они допускались къ исполненію жреческихъ обязанностей; одни они принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ, въ отправленіи правосудія и судебной защитѣ своихъ кліентовъ [1]). При отсутствіи писанныхъ законовъ они вплоть до изданія XII таблицъ и даже позже являлись единственными свѣдущими въ правѣ людьми. Пока институтъ патроната находился въ полной силѣ, потребность въ юридической защитѣ всецѣло удовлетворялась адвокатурой родственниковъ и патроновъ. Но уже при первыхъ царяхъ вслѣдствіе новыхъ соціальныхъ и политическихъ условій патронатъ сталъ расшатываться и распадаться. Быстрый ростъ римской территоріи и увеличеніе населенія массою покоренныхъ племенъ сдѣлали его совершенно непригоднымъ и неприложимымъ на практикѣ. При небольшомъ числѣ патриціанскихъ родовъ и при громадномъ количествѣ гражданъ низшаго класса, раскинутыхъ на обширномъ пространствѣ, патріархальныя отношенія древняго патроната стали физически невозможны. Патронатъ утратилъ свой обязательный характеръ [2]). Крѣпость узъ, связывавшихъ патроновъ съ кліентами ослабѣла, и патронатъ, представлявшій собой цѣльный общественно-политическій институтъ, распался на свои составныя части. Съ одной стороны, изъ него выдѣлился частно-правный элементъ въ видѣ патроната господина надъ вольноотпущенными рабами, продолжавшаго существовать до позднѣйшихъ временъ [3]), а съ другой стороны судебно-процессульный элементъ, выражавшійся въ юридической защитѣ, которую знатный и вліятельный патрицій оказывалъ лицамъ, прибѣгавшимъ къ его помощи [4]). Эти лица по-

---

[1]) *Dion. Halic.* II, 8—10.

[2]) Id., II, 11.

[3]) *Муромцевъ:* Гражданское право древняго Рима, 1883, 38, 39. *Dig.* L. II, t. IV, f. 8.

[4]) Названіе „кліентовъ“ носили впослѣдствіи также лица, которыя толпились вокругъ выдающихся дѣятелей, сопровождая ихъ, когда тѣ шли на форумъ или въ сенатъ, и пользуясь за то ихъ покровительствомъ. Эти отношенія не имѣли юридическаго характера. *Grellet-Dumazeau*, 56.

прежнему носили названіе кліентовъ, а ихъ покровитель—патроновъ, но старые термины прикрывали совершенно новое явленіе. Патронъ освободился отъ всѣхъ обязанностей относительно кліента, за исключеніемъ обязанности судебной защиты. Равнымъ образомъ, кліентъ долженъ былъ только отплатить какой-нибудь услугой или подаркомъ за покровительство, оказанное ему патрономъ въ данномъ процессѣ. Отношенія между ними уже не были постоянными, пожизненными и даже наслѣдственными, какъ это было раньше,—они возникали только на время процесса и прекращались вмѣстѣ съ нимъ. Прежде кліентъ могъ избрать только одного патрона; теперь онъ былъ въ правѣ переходить отъ одного къ другому и даже имѣть нѣсколькихъ. Словомъ, подъ видомъ и подъ именемъ патроната появилась настоящая адвокатура. Въ первое время, какъ уже было замѣчено, она всецѣло находилась въ рукахъ патриціевъ, какъ потомковъ древнихъ патроновъ и, вдобавокъ, знающихъ право лицъ. Первымъ шагомъ къ новому порядку вещей было изданіе XII таблицъ. Но хотя оно и сдѣлало общедоступнымъ знаніе законовъ, тѣмъ не менѣе патриціи съумѣли удержать въ своихъ рукахъ ключъ къ примѣненію ихъ на практикѣ. Дѣло въ томъ, что XII таблицъ касались только матеріальнаго права. Процессуальныя-же формы, которыя состояли въ росписаніи дней и часовъ, когда можно было отправлять правосудіе (fastes), и въ правилахъ пользованія исковыми формулами (legis actiones), не были обнародованы и составляли, въ качествѣ священнаго предмета, тайну коллегіи жрецовъ, членами которой могли быть только патриціи. Благодаря этому, тяжущіеся все-таки не имѣли возможности обойтись безъ содѣйствія патриціевъ. Только опубликованіе Флавіемъ (V в.), а затѣмъ Эліемъ (IV в.) таблицы присутственныхъ дней и исковыхъ формулъ, нанесло окончательный ударъ юридической монополіи патриціевъ. Изученіе и примѣненіе права стало доступнымъ для всѣхъ желающихъ, и адвокатура сдѣлалась вполнѣ свободной профессіей.

Лучшій историкъ римской адвокатуры Грелле-Дюмазо иначе объясняетъ развитіе адвокатуры изъ патроната. «Первымъ результатомъ опубликованія законовъ XII таблицъ», говоритъ онъ: «былъ переходъ судебной защиты изъ рукъ патриціевъ въ руки родныхъ и друзей тяжущагося. И тѣ и другіе вначалѣ являлись на судъ магистрата, сопровождая тяжущагося по его приглашенію; они составляли «advocatio». Титъ Ливій разсказываетъ, что Виргинія явилась къ децемвиру «cum ingenti advocatione». Но такъ какъ вскорѣ, помимо патриціевъ, нѣкоторыя лица спеціально занялись изученіемъ

законовѣдѣнія, то было вполнѣ естественно, что къ нимъ обращались за совѣтами, прежде чѣмъ начать процессъ, подобно тому, какъ кліентъ обращался къ своему патрону. Какой-нибудь тяжущійся, не имѣвшій ни родственниковъ, ни друзей, способныхъ защищать его интересы, предложилъ своему совѣтнику вести тяжбу и выигралъ ее. Побужденные этимъ успѣхомъ, другіе послѣдовали его примѣру, и такимъ образомъ возникла профессія» [1]). Какъ видно изъ этихъ словъ, Грелле-Дюмазо, совершенно игнорируя родственную адвокатуру въ древнѣйшія времена, производитъ ее изъ патроната. Такое объясненіе извращаетъ естественный порядокъ вещей, такъ какъ патронатъ былъ построенъ по образцу родственныхъ отношеній, а не наоборотъ, и противорѣчитъ многочисленнымъ фактамъ, приведеннымъ нами.

§ 2.

Виды юридической профессіи въ Римѣ.

Итакъ, первыми юристами въ Римѣ были патроны. Въ лицѣ ихъ совмѣщались двѣ профессіи: юрисконсультовъ и адвокатовъ. Они не только защищали своихъ кліентовъ въ судѣ, но и разъясняли имъ законы [2]), давали юридическіе совѣты, руководили ими при заключеніи сдѣлокъ. Но когда патронатъ окончательно распался, и изученіе права сдѣлалось достояніемъ всѣхъ желающихъ, развитіе юридической профессіи пошло двумя различными путями. Одни юристы, не обладавшіе краснорѣчіемъ, занялись исключительно юридической консультаціей. Другіе, наоборотъ, предались адвокатурѣ, причемъ иногда совмѣщали съ нею и консультацію, иногда же оставляли эту дѣятельность, какъ почетную и менѣе утомительную, на старость [3]). Первые носили названіе юрисконсультовъ или правовѣдовъ [4]). Ихъ дѣятельность заключалась въ подачѣ юридическихъ совѣтовъ (respondere), участіи при заключеніи сдѣлокъ для соблюденія требуемыхъ формальностей (cavere) и поддержекъ на судѣ адвокатовъ, ко-

---

[1]) *Grellet-Dumazeau*, 52. 53.
[2]) *Dion. Halic.*, II, 10.
[3]) *Cic.* de orat., I, 45: senectuti vero celebrandae et ornandae quod honestius potest esse perfugium, quam juris interpretatio?
[4]) Juris consulti, juris prudentes, juris periti.

торые невсегда были основательно знакомы съ правомъ (agere) [1]). Консультаціи давались или на дому или на форумѣ. Сидя по патріархальному обычаю у пороговъ своихъ домовъ [2]) или гуляя по форуму [3]), гдѣ впослѣдствіи правительство выстроило особое зданіе для консультацій, они помогали своими совѣтами всѣмъ обращавшимся къ нимъ. Въ случаѣ надобности они отправлялись со своими кліентами въ судъ и сообщали адвокату, говорившему рѣчь, юридическія свѣдѣнія, необходимыя для даннаго дѣла и часто неизвѣстныя оратору. Но не только тяжущіеся совѣтовались съ ними,—нерѣдко сами судьи обращались къ нимъ, чтобы, постановивъ рѣшеніе въ извѣстномъ смыслѣ, сослаться на авторитетъ ученаго юриста [4]). Юрисконсультами были обыкновенно патриціи, и это обстоятельство вмѣстѣ съ безвозмездностью ихъ дѣятельности, вознаграждавшеюся только добровольными приношеніями кліентовъ, и высокой пользой профессіи придавало ей особый почетъ. «У грековъ», съ гордостью замѣчаетъ Цицеронъ: «помощниками ораторовъ являются въ судахъ люди—низкаго происхожденія, привлекаемые ничтожной платой, у насъ же, наоборотъ, лучшіе и знатнѣйшіе мужи» [5]). Въ такихъ же выраженіяхъ говорятъ о правовѣдахъ Ульпіанъ и Помпоній [6]). Даже безпощадный Ювеналъ и насмѣшливый Марціалъ называютъ ихъ дѣятельность—священной [7]). Съ теченіемъ времени юрисконсульты постепенно все больше и больше отдѣлялись отъ адвокатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ теряли свой первоначальный характеръ. Изъ простыхъ совѣтниковъ они обратились послѣ изданія XII таблицъ въ толкователей права. Главнѣйшею ихъ дѣятельностью стала интерпре-

---

[1]) *Cic.* de orat. I, 48: sin autem quaereretur quisnam juris consultus vere nominaretur, eum dicerem, qui legum et consuetudinis ejus, qua privati in civitate uterentur, et ad respondendum et ad agendum et ad cavendum peritus esset.....

[2]) *Cic.* de orat. I, 45: est enim sine dubio domus jurisconsulti totius oraculum civitatis.

Horat. epist. L. II, V, 103:

Romae dulce diu fuit et solemne reclusa
Mane domo vigilare, clienti promere jura. *Id.*, Sat. L. I, I, 9:
Agricolam laudat juris legumque peritus
Sub galli cantum consultor ubi ostia pulsat.

[3]) *Cic.* de leg. I, 3.

[4]) *Пухта*: Исторія рим. права, 178.

[5]) *Cic.* de orat. I, 45.

[6]) *Dig.* L. L., t. XIII, f. 1, § 5; Ib. L. I, t. 1, f. 2, § 35: juris civilis scientiam plurimi et maximi viri professi sunt.

[7]) *Juven.*: interpres legum sanctissimus...

Mart.: juris et aequarum cultor sanctissime legum (X, 37).

тація этихъ законовъ, но интерпретація не буквальная, а распространительная. Вновь возникавшія жизненныя явленія они подводили подъ формы стараго «строгаго» права [1]). Вслѣдствіе этого они еще въ республиканскій періодъ пріобрѣли значеніе творцовъ права [2]). Августъ оффиціально призналъ за ними это значеніе и, вполнѣ понимая важность ихъ дѣятельности, съ цѣлью больше упорядочить ее постановилъ, что мнѣнія тѣхъ юристовъ, которые получатъ отъ него право высказывать ихъ (jus respondendi), будутъ имѣть для судовъ силу закона [3]). Въ случаѣ, если бы нѣсколько юристовъ разошлись въ мнѣніяхъ, судъ могъ по своему усмотрѣнію выбирать любое изъ нихъ [4]). Золотымъ вѣкомъ римской науки право считается время отъ рожденія Цицерона (106 до Р. Х.) до Александра Севера (III в.), послѣ котораго творческій духъ правовѣдовъ совсѣмъ угасъ, и дѣятельность ихъ стала чисто компилятивной [5]).

Въ противоположность юрисконсультамъ, адвокаты занимались судебной защитой. Они попрежнему продолжали называться патронами (patroni causarum) до самаго конца республики. Терминъ же «адвокатъ» (advocatus) прилагался, какъ будетъ сказано сейчасъ, совсѣмъ къ другому разряду лицъ и только во времена имперіи отождествился съ терминомъ «патронъ». Подобно тому, какъ въ Греціи, адвокатура была тѣсно связана съ ораторскимъ искусствомъ. Патроны не столько заботились о пріобрѣтеніи юридическихъ познаній, сколько объ изученіи краснорѣчія. Многіе изъ нихъ, поэтому, были круглыми невѣждами въ юриспруденціи и должны были за юридическими свѣдѣніями обращаться къ юрисконсультамъ и законникамъ (прагматикамъ) [6]). Въ то же время они не были представителями сторонъ на судѣ. По древнѣйшему римскому праву представительство допускалось только по исключенію [7]), и древніе патроны являлись на судъ вмѣстѣ съ тяжущимися кліентами. Что касается адвокатовъ (advocati), то подъ этимъ названіемъ разумѣлись родственники и друзья тяжущагося,

---

[1]) *Мэнъ*: Древнее право, 1873, 21.

[2]) *Dig.* L. I, t. II, f. 2, § 5: hoc jus, quod sine scripto venit compositum a prudentibus, propria parte aliqua non appellatur .. sed communi nomine appellatur jus civile.

[3]) *Ib.*, § 47.

[4]) *Gai*, Inst., I, 7.

[5]) *Gibbon:* Geschichte des Verfalles des römischen Weltreiches, übers. von Sporschil, 1843, S. 1535.

[6]) *Cic.* de orat. I, 45.

[7]) См. § 7 настоящей главы.

которые являлись вмѣстѣ съ нимъ въ судъ и подавали ему совѣты или просто своимъ присутствіемъ выражали сочувствіе къ нему [1]). Съ теченіемъ времени названіе «адвокатовъ» было распространено на лицъ, которыя помогали тяжущемуся вести процессъ, собирали документы, покрывали издержки, приготовляли средства защиты и сообщали ихъ патрону. Иногда даже адвокатами именовались обыкновенные свидѣтели. Но преимущественно этотъ терминъ употреблялся, какъ уже было сказано, для обозначенія родныхъ и друзей, сопровождавшихъ тяжущагося на судъ. Такой обычай, существовавшій издавна и аналогичный съ древне-русскимъ институтомъ пособниковъ, удержался до позднѣйшихъ временъ. Извѣстно напр., что римскіе императоры не разъ являлись въ судъ въ качествѣ такихъ адвокатовъ. Разница между всѣми этими, соприкасающимися съ настоящей адвокатурой родами судебной дѣятельности ясно выражена въ классическомъ мѣстѣ Асконія: «кто защищаетъ кого-либо въ судѣ, тотъ называется патрономъ, если онъ ораторъ; адвокатомъ, если онъ помогаетъ юридическими совѣтами (jus suggerit) или своимъ присутствіемъ выражаетъ дружеское участіе (praesentiam commodat amico); повѣреннымъ, если ведетъ дѣло, и когниторомъ, если принимаетъ на себя дѣло присутствующаго и защищаетъ какъ будто свое» [2]). Кромѣ того, въ Римѣ существовали хвалители (laudatores), которые въ качествѣ свидѣтелей выставляли на видъ заслуги и достоинства подсудимаго, соотвѣтствуя греческимъ параклетамъ; напоминатели (monitores) [3]), подсказывавшіе оратору юридическія положенія, а иногда даже участвовавшіе въ преніяхъ; замедлители (moratores), [4]) задача которыхъ заключалась въ томъ, чтобы говорить рѣчь въ то время, когда главный ораторъ отдыхалъ, и законники (leguleii sive formulares) юрисконсульты низшаго разбора [5]). Всѣ эти разновидности юридической профессіи не могутъ быть признаны адвокатурой. Только патроны (patroni causarum) были адвокатами въ полномъ смыслѣ слова.

---

[1]) *Terent*, Adelph., IV, 5, 649: Amicus quidam me a foro abduxit modo
Huc advocatum sibi.
Ib. Phormio, II, 1, 313: Inde ibo ad forum atque aliquot mihi
Amicos advocabo.
Ib: Eunuch II, 4, 338; IV, 7, 763. *Tit. Liv.* III, 44.
[2]) *Ascon.* ad Cic. divin. in Verrem., c. 4.
[3]) *Cic.* de Cael., 15; *Quintil.* Inst. orat. XII, 3; VI, 4.
[4]) *Cic.* de Cael., 15.
[5]) *Cic.* de orat. I, 55; I, 45.

§ 3.

Организація адвокатуры въ республиканскій періодъ.

Какъ-же была организована адвокатура во времена республики? Опредѣлилъ-ли законъ какія-либо условія для поступленія въ число адвокатовъ? Обозначилъ-ли онъ права и обязанности ихъ?

На всѣ эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ. Республиканская адвокатура была въ полномъ смыслѣ слова свободной профессіей. Законодательная регламентація почти не коснулась ея. Только практика и обычай выработали нѣкоторыя правила, касающіяся различныхъ сторонъ профессіональной дѣятельности.

Хотя порядокъ пріема въ адвокатуру вовсе не былъ опредѣленъ, но, по свидѣтельству Плинія младшаго, съ давнихъ поръ существовало обыкновеніе, по которому молодые люди, вступающіе въ адвокатуру, являлись въ первый разъ на форумъ въ сопровожденіи и какъ-бы подъ покровительствомъ какого-либо важнаго лица, напримѣръ бывшаго консула [1]). Точно также изъ нѣкоторыхъ данныхъ видно, что еще во времена республики выработались на практикѣ отрицательныя условія для занятія адвокатурой, т. е. такія условія, наличность которыхъ устраняло право отправлять профессію. Эти условія, принятыя впослѣдствіи въ сводъ Юстиніана, были установлены преторскимъ эдиктомъ [2]). Говоря о правѣ ходатайствовать (de postulando) [3]), преторъ различаетъ три категоріи лицъ. Къ первой онъ относитъ тѣхъ, которые не могли вести ни чужихъ, ни своихъ дѣлъ, а должны были брать себѣ адвоката. Таковы: 1) несовершеннолѣтніе, т. е. не достигшіе 17 лѣтъ и 2) глухіе, въ виду того, что они не въ состояніи слышать распоряженій суда [4]). Если они не имѣли адвоката, то преторъ самъ назначалъ имъ его [5]). Вторая категорія со-

---

[1]) *Plin.* ep II, 14: ante memoriam meam ne nobilissimis quidem adolescentibus locus erat nisi aliquo consulari producente. Объ адвокатахъ своего времени (I в. по Р. Х.) Плиній съ негодованіемъ замѣчаетъ: „nunc nec inducuntur sedirrumpunt“ (теперь не вводятся, а врываются).

[2]) *Dig.* L. III, t. I, f. 1, §§ 3—8.

[3]) Понятіе ходатайства опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: „postulare est desiderium suum, vel amici sui in jure apud eum, qui jurisdictioni praeest, exponere vel alterius desiderio contradicere“, т. е., говоря короче, „право искать или отвѣчать на судѣ за себя или за своего друга“. *Ib.*, f. 2.

[4]) *Ib.*, § 3

[5]) Ib., § 4: si non habebunt advocatum, ego dabo.

стояла изъ лицъ, которыя могли вести только свои дѣла именно: 1) слѣпые на оба глаза, въ виду того, что они не могли видѣть знаковъ преторской власти [1]) и 2) женщины, на томъ основаніи, что «онѣ не должны въ противность приличной ихъ полу скромности вмѣшиваться въ чужія дѣла и браться за мужскія занятія» [2]). Впрочемъ, вначалѣ, не смотря на запрещеніе Нумы Помпилія [3]), женщины, повидимому, выступали въ судахъ за другихъ лицъ, такъ какъ приведенное распоряженіе претора было вызвано назойливостью нѣкоей Каіи Афраніи, безстыднѣйшей, по словамъ Ульпіана, женщины, постоянно надоѣдавшей своими кляузами магистрату [4]). Исторія сохранила свѣдѣнія еще о двухъ женщинахъ, хотя не занимавшихся адвокатурой, но обладавшихъ ораторскимъ талантомъ, именно объ Амезіи Сентіи и Гортензіи. Первая сказала блестящую рѣчь въ свою защиту, такъ что была почти единодушно оправдана во взведенномъ на нее обвиненіи, а вторая, дочь знаменитаго оратора Гортензія, говорила передъ тріумвирами противъ налога, которымъ были по одному случаю обложены римскія женщины, и, благодаря ея замѣчательной рѣчи, налогъ былъ значительно уменьшенъ [5]).

Наконецъ, третья категорія лицъ обнимала собой тѣхъ, которые могли выступать не за всѣхъ тяжущихся, а только за нѣкоторыхъ, какъ-то: за своихъ родителей, дѣтей, патроновъ, супруговъ, вольноотпущенныхъ, родственниковъ, свойственниковъ и тѣхъ, надъ которыми они состояли опекунами или попечителями [6]). Другими словами, они могли выступать только въ случаяхъ родственной защиты. Къ этимъ лицамъ принадлежали: лишенные гражданской чести, подвергшіеся уголовному наказанію, занимающіеся позорными ремеслами, напр. гладіаторы [7]), и вообще всѣ тѣ, которымъ по закону, рѣшенію народнаго собранія, сенатскому постановленію и эдикту претора дозволено было ходатайствовать только за опредѣленныхъ лицъ.

Какъ видно, приведенныя постановленія преторскаго эдикта, собственно говоря, не относились спеціально къ адвокатурѣ, но, опредѣляя общія условія судебнаго ходатайства, тѣмъ самымъ затронули и вопросъ объ адвокатурѣ, а потому могутъ быть отнесены къ пра-

---

[1]) Ib., § 5.
[2]) Ib.
[3]) *Plut* Comp. Lyc. et Num., 3.
[4]) *Dig.* ib., § 5
[5]) *Valer.* Max VII, 3, § 1; *Quintil.* I, 1.
[6]) *Dig.* ib., f. 2, §§ 6—11; f. 2—6.
[7]) А также тѣ, „qui corpore suo muliebria passi sunt“ (§ 6).

виламъ профессіи. Въ самомъ дѣлѣ, если несовершеннолѣтніе и глухіе не могли выступать въ судахъ, если женщинамъ и слѣпымъ не дозволялось ходатайствовать за другихъ, если, наконецъ, лица третьей категоріи могли выступать только въ защиту своихъ родныхъ, то само собой разумѣется, что всѣ перечисленные разряды лицъ не имѣли доступа къ адвокатской профессіи.

Положительныя условія для занятія адвокатурой, какъ-то образовательный цензъ, практическая подготовка, нравственныя качества и т. п., вовсе не были опредѣлены. Молодые люди, желавшіе посвятить себя адвокатурѣ, слушали курсы риторики у преподавателей-ораторовъ, присутствовали при консультаціяхъ знаменитыхъ правовѣдовъ, посѣщали засѣданія судовъ и т д. Но ни порядокъ, ни срокъ, ни даже обязательность этихъ занятій не были установлены закономъ.

Зато одна сторона адвокатской дѣятельности и, притомъ, одна изъ самыхъ существенныхъ и важныхъ, подверглась законодательной регламентаціи,—именно гонораръ. Въ 204 г. до Р. Х. былъ изданъ законъ Цинція. Отъ него дошло до насъ одно только заглавіе: «Законъ о дарахъ и приношеніяхъ» [1]). Изъ нѣкоторыхъ источниковъ видно, что онъ былъ вызванъ корыстолюбіемъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые требовали щедраго вознагражденія за каждую оказываемую ими по долгу службы услугу. По крайней мѣрѣ, Катонъ весьма ясно говоритъ: «чему былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Цинціевъ законъ, какъ не тому, что простой народъ началъ становиться какъ-бы данникомъ сената?» [2]). Точно также Цицеронъ проводитъ ѣдкій отвѣтъ Цинція, который на вопросъ сенатора Цента: «что это ты предлагаешь, Цинцій?» отвѣтилъ: «чтобы ты покупалъ то, что хочешь имѣть» [3]). Съ другой стороны, Тацитъ свидѣтельствуетъ, что законъ Цинція направленъ былъ преимущественно противъ жадности ораторовъ [4]).

Трудно рѣшить съ достовѣрностью, въ чемъ именно заключались постановленія Цинціева закона. Нѣкоторые думаютъ, что онъ запрещалъ лицамъ, занимавшимъ публичныя должности или дѣйствовавшимъ въ публичномъ интересѣ, принимать за это подарки въ качествѣ гонорара [5]). Другіе, наоборотъ, держатся того мнѣнія, что этимъ закономъ предписывалось «разсматривать все полученное или обѣ-

---

[1]) *Cic.* de orat. II, 71. *Tacit* Ann. VI, 5.
[2]) *Tit. Liv* XXXIV. 4.
[3]) *Cic.* de, orat. II, 71.
[4]) *Tacit.* Ann. XV, 20.
[5]) *Grellet-Dumazeau*, 117.

щанное за такого рода дѣйствія, какъ подарки, т. е. необязательныя и добровольныя приношенія [1]). Какъ-бы тамъ ни было, для насъ важно только одно: что законъ Цинція содержалъ въ себѣ постановленіе относительно адвокатовъ, которое, по свидѣтельству Тацита, имѣло слѣдующій видъ: «ne quis ob causam orandam pecuniam donumve accipiat» [2]), т. е. чтобы никто не бралъ денегъ или подарковъ за предстоящее къ защитѣ дѣло». Большинство писателей полагаетъ, что этими словами было безусловно запрещено адвокатамъ брать какое-бы то ни было вознагражденіе [3]). Но намъ кажется правильнѣе другой взглядъ, который высказалъ, между прочимъ, Варга. «Этотъ, часто ошибочно понимаемый законъ» говоритъ Варга: «запрещалъ адвокату принимать или выговаривать себѣ вознагражденіе ob causam orandam, т. е. за процессъ, который еще только предстояло вести. До разбора дѣла онъ не могъ обусловливать себѣ опредѣленнаго вознагражденія, но послѣ окончанія процесса ему былъ дозволено принимать предложенный гонораръ» [4]). Дѣйствительно можно привести много фактовъ въ подтвержденіе этого мнѣнія. Единственный писатель, точнѣе другихъ опредѣляющій содержаніе закона Цинція, — Тацитъ, какъ мы видѣли, выражается буквально слѣдующимъ образомъ: «закономъ Цинція запрещалось принимать деньги или подарки за предстоящее къ защитѣ дѣло» [5]). Въ этомъ-же смыслѣ, вѣроятно, понималъ законъ Цинція и Цицеронъ, когда онъ писалъ Аттику: «Папирій подарилъ мнѣ тѣ книги, которыя оставлены Клавдіемъ. Такъ какъ твой другъ Цинцій говоритъ, что по закону Цинція я могу принять ихъ, то я отвѣтилъ, что охотно прійму, если онъ принесетъ» [6]). Можно сослаться также на позднѣйшее подтвержденіе Цинціева закона, о которомъ говоритъ Плиній младшій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ упоминаетъ, что по поводу процесса адвоката Номината, трибунъ Нигронъ сказалъ рѣчь, въ которой, жалуясь на

---

[1]) *Vargha.* 35, Ann 6.

[2]) *Tacit.* Ann. XI, 5.

[3]) *Grellet-Dumazeau*, *Стояновъ*, и мн. др.

[4]) *Vargha*, 35. Онъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи за Цумптомъ (*Zumpt*: Der Criminalprocess der römischen Republik, 1871).

[5]) Въ другомъ мѣстѣ Тацитъ употребляетъ тѣ-же выраженія: „ne quis ob orandam causam mercede aut donis emeretur“ (Ann., XIII, 5). Если-бы рѣчь шла о процессѣ, уже оконченномъ, то было-бы сказано точнѣе: ob causam oratam.

[6]) *Cic.* Ep. ad. Attic., I, 20. Впрочемъ, это мѣсто допускаетъ иное объясненіе. Дѣло въ томъ, что „другъ Цинцій“, о которомъ упоминается здѣсь, былъ агентомъ Аттика, и можно предполагать, что Цицеронъ, принимая подарокъ вопреки закону Цинція, шутя оправдывалъ себя разрѣшеніемъ, даннымъ ему агентомъ Аттика, однофамильцемъ автора закона.

продажность и вѣроломство адвокатовъ и вспоминая строгіе законы стараго времени на этотъ счетъ, выразилъ желаніе, чтобы императоръ обратилъ вниманіе на развращенность адвокатуры. Голосъ трибуна былъ услышанъ, и черезъ нѣсколько дней императоръ предписалъ сенату принять нужныя мѣры. Результатомъ этого было сенатское постановленіе, въ которомъ, между прочимъ, предписывалось всѣмъ, имѣющимъ дѣла, приносить присягу въ томъ, что они за веденіе дѣла «никому ничего не дали, не обѣщали, не гарантировали». «Въ такихъ выраженіяхъ», говоритъ Плиній «запрещалось продавать и покупать судебную защиту. Но по окончаніи дѣла позволялось давать деньги въ размѣрѣ не свыше десяти тысячъ сестерціевъ» [1]). Судя по этому отрывку, съ большой вѣроятностью можно заключить, что сенатъ просто возобновилъ законъ Цинція, прибавивъ къ нему таксу. Всѣ приведенные факты вполнѣ согласны съ нашимъ мнѣніемъ о томъ, что законъ Цинція, запрещая брать и выговаривать себѣ гонораръ до начала процесса, дозволялъ получать его по окончаніи въ видѣ подарка. И если въ нѣкоторыхъ источникахъ говорится о безвозмездности адвокатуры [2]), то это объясняется просто тѣмъ, что добровольные, не обусловленные заранѣе и не подлежащіе требованію посредствомъ суда подарки не считались за возмездіе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Помимо того, самый мотивъ абсолютнаго запрещенія гонорара, если оно и существовало, представлялся бы рѣшительно непонятнымъ. Почему адвокаты были лишены возможности пожинать какіе-либо матеріальные плоды отъ своихъ трудовъ въ то время, какъ всѣ другія свободныя профессіи оплачивались и оплачивались щедро? Совсѣмъ наоборотъ, адвокатура, какъ показалъ еще Грелле-Дюмазо, въ сущности никогда не была безвозмездной въ Римѣ [3]). Во времена патроната кліенты оплачивали патронамъ за судебную защиту — различными услугами. Позже адвокаты стали получать послѣ процессовъ подарки [4]), которые хотя и не могли быть требуемы судомъ, но въ силу установившагося обычая подносились аккуратно. Тѣмъ не менѣе, желая обезпечить себѣ гонораръ, адвокаты начали требовать подарковъ до разбирательства дѣла. Противъ этого-то и былъ направленъ

---

[1]) *Plin.* Ep. V, 21.

[2]) Напр. *Cic.* de offic. II, 19: diserti hominis et facile laborantis, quodque in patriis est moribus, multorum causas et non gravate et *gratuito defendentis* beneficia et patrocinia late patent.

[3]) *Grellet-Dumazeau*, 128: nous croyons pouvoir conclure contre opinion commune qu'aucun temps le ministère de l'avocat ne fut exercé à titre gratuite.

[4]) Они носили слѣд. названія: palmarium, solatium, merces, honorarium, xenium.

Цинціевъ законъ. Хотя самъ Грелле-Дюмазо держится того мнѣнія, что этотъ законъ безусловно запрещалъ всѣ приношенія какъ до процесса, такъ и послѣ, тѣмъ не менѣе онъ говоритъ, что на практикѣ, адвокаты никогда не соблюдали запрещенія. Такимъ образомъ, выходя изъ другаго объясненія Цинціева закона, онъ высказываетъ мнѣніе, тождественное съ нашимъ, именно, что римскіе адвокаты республиканскаго періода не имѣли права заключать условій о гонорарѣ и требовать его по суду, но могли получать и дѣйствительно получали подарки отъ кліентовъ.

Помимо отрицательныхъ условій для допущенія къ адвокатурѣ и вопроса о гонорарѣ, законодательство республиканскаго періода коснулось еще одной стороны адвокатской дѣятельности, именно продолжительности судебныхъ преній. Вначалѣ она зависѣла отъ усмотрѣнія суда. Но въ самомъ концѣ республики Помпей, по словамъ Тацита, «наложилъ узду на краснорѣчіе» [1]), назначивъ для рѣчи обвинителя максимумъ два часа, а для обвиняемаго три [2]). Время измѣрялось подобно тому, какъ и въ Греціи, водяными часами, называвшимися также клепсидрой. Впрочемъ, ограниченіе преній опредѣленнымъ временемъ существовало недолго. Съ паденіемъ республики законъ Помпея былъ отмѣненъ, и опредѣленіе продолжительности рѣчи снова предоставлено суду. По крайней мѣрѣ, Плиній младшій, который не разъ исполнялъ обязанности судьи, пишетъ, что онъ даетъ каждому «столько воды, сколько тотъ проситъ». «Хотя», продолжаетъ онъ: «часто говорятъ излишнее, но лучше, чтобы и это было сказано, чѣмъ чтобы не было высказано необходимое. Притомъ-же, пока не выслушаешь, нельзя сказать, что излишне и что нѣтъ» [3]). Въ Дигестахъ приведенъ законъ, прямо предписывающій терпѣливо выслушивать адвокатовъ [4]).

§ 4.

Внутреннее состояніе республиканской адвокатуры.

О нравственномъ состояніи адвокатуры республиканскаго періода можно сказать весьма немногое вслѣдствіе скудности матеріаловъ. Не-

[1]) *Tacit.* de orat., 38: primus tertio consulatu Cn. Pompejus adstinxit imposuitque veluti frenos eloquentiae.
[2]) *Vargha*, 52.
[3]) *Plin.* Ep. VI, 2.
[4]) *Dig.* L. I, t. XVI, f. 9, § 2: circa advocatos patientem esse proconsulem opportet.

сомнѣнно, что въ первое время, когда она составляла привиллегію патриціевъ, ее окружалъ ореолъ почета и славы. Привлекаемые къ этой профессіи не матеріальными разсчетами, такъ какъ они безъ того были богаты, патриціи видѣли въ ней только благородное поприще, на которомъ они могли выдвинуться и обнаружить свои дарованія. Адвокатура была для нихъ путемъ къ высшимъ и почетнѣйшимъ должностямъ въ государствѣ. Когда послѣ изданія XII таблицъ она стала доступна для всѣхъ, наряду съ патриціями въ нее вошло много бѣдныхъ и незнатныхъ лицъ, точно также стремившихся этимъ путемъ возвыситься и достигнуть прочнаго положенія. Тѣмъ не менѣе аристократическая тенденція господствовала въ адвокатурѣ все время, и въ большинствѣ случаевъ ею занимался обезпеченный и образованный классъ патриціевъ, попеременно чередуя ее съ государственной службой. «Со времени Гракховъ», справедливо замѣчаетъ Грелле-Дюмазо: «республика управлялась адвокатами» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, кто, какъ не знатнѣйшіе и богатѣйшіе граждане, привыкшіе говорить публично и управлять чувствами толпы съ помощью рѣчи, имѣлъ возможность выдвинуться и занять первое мѣсто у кормила правленія въ томъ государствѣ, гдѣ при демократическомъ устройствѣ вся власть находилась въ рукахъ народа? И, дѣйствительно, мы видимъ, что наиболѣе выдающіеся политическіе дѣятели республики были адвокатами. Суровый цензоръ Катонъ часто выступалъ не только въ качествѣ обвинителя, но и въ качествѣ защитника [2]). Знаменитый побѣдитель Карѳагена Сципіонъ Африканскій младшій былъ выдающимся ораторомъ [3]). Маркъ Антоній, дѣдъ тріумвира, Кай Гракхъ, Крассъ, Юлій Цезаръ, Помпей, Цицеронъ, всѣ они выдвинулись путемъ адвокатуры. Почти всѣ первые императоры, если и не были профессіональными адвокатами до восшествія на престолъ, то все-таки выступали въ судахъ: какъ Августъ, такъ и Тиверій, какъ Калигула, такъ и Клавдій. Но и на солнцѣ есть пятна. Несмотря на весь блескъ, окружавшій профессію, отсутствіе какой-бы то ни было организаціи не замедлило принести свои плоды, когда, вслѣдствіе паденія нравовъ и вторженія въ адвокатуру новыхъ элементовъ, аристократическія традиціи патроната утратили свою первоначальную силу, и когда, такимъ образомъ, поколебался единственный сдерживающій принципъ. Корпораціи и корпоративной чести не существовало; за-

[1]) *Grellet-Dumazeau*, 55.
[2]) *Cic.* Brut., c. 17.
[3]) Ib., c. 21.

конодательныя опредѣленія были скудны и легко обходимы; что-же могло положить преграду ненасытной жаждѣ наживы? И вотъ появляется цѣлый рядъ нарушеній не только основныхъ требованій адвокатской этики, но даже прямыхъ запретовъ уголовнаго закона. «Всѣ упреки» говоритъ Буасье: «дѣлаемые, конечно, несправедливо нашему адвокату, были вполнѣ заслужены адвокатомъ того времени. Именно о немъ можно было сказать, что онъ безразлично брался за всѣ дѣла, мѣнялъ мнѣнія при всякомъ процессѣ и считалъ для себя искусствомъ и славой находить доводы для подтвержденія всяческихъ софизмовъ. Молодой человѣкъ, обучавшійся краснорѣчію въ древнихъ школахъ, никогда не слышалъ въ нихъ, что надобно говорить только по убѣжденію и сообразно своей совѣсти. Ему говорили, что есть разнаго рода дѣла, честныя и нечестныя, но при этомъ не трудились прибавлять, что надо избѣгать послѣднихъ» [1]). Адвокаты не стѣснялись, въ выборѣ средствъ для выигрыша процесса. Маркъ Антоній никогда не записывалъ своихъ рѣчей, чтобы имѣть возможность сказать, если его слова будутъ приведены противъ него, что онъ не произносилъ ихъ [2]). Извѣстно, къ какимъ способамъ прибѣгалъ Гортензій. Въ дѣлѣ Верреса, котораго онъ защищалъ противъ Цицерона, онъ подкупилъ сицилійскихъ депутатовъ, старался запугать судей, замедлить процессъ до вступленія въ должность новаго претора и т. п. [3]). Въ другомъ дѣлѣ онъ купилъ голоса большинства присяжныхъ и чтобы узнать, исполнятъ ли они свое обязательство, роздалъ имъ таблички особаго цвѣта, на которыхъ они должны были подавать свои мнѣнія. Даже адвокатская дѣятельность великаго оратора и государственнаго мужа Цицерона не свободна отъ упрековъ. Хотя Плутархъ [4]) ставитъ его въ нравственномъ отношеніи выше Демосѳена и превозноситъ его безкорыстіе, тѣмъ не менѣе многіе факты свидѣтельствуютъ, что это мнѣніе ошибочно. Уже то обстоятельство, что, будучи незнатнаго и бѣднаго происхожденія, Цицеронъ составилъ себѣ громадное состояніе, свидѣтельствуетъ, что его адвокатская дѣятельность вовсе не была безвозмездна, какъ думаетъ Плутархъ. Впрочемъ, если Цицеронъ бралъ гонораръ за свои труды, то въ этомъ еще нѣтъ ничего постыднаго. Несравненно болѣе предосудительны другіе поступки его. По свидѣтельству Квинтиліана,

---

[1]) *Буасье*: Цицеронъ и его друзья, 1880, 37.
[2]) *Cic.* pro Cluent., c. 50.
[3]) *Cic.* in Verrem.
[4]) *Plut.* Compar. Demosth. et Cic.

онъ хвасталъ, что запуталъ и затемнилъ дѣло Клуэнція [1]). Въ этомъ самомъ процессѣ ему нужно было доказать въ интересахъ кліента справедливость одного судебнаго рѣшенія, которое въ рѣчи противъ Верреса онъ назвалъ «чудовищнымъ плодомъ обмана и подкупа». Онъ не постѣснился сдѣлать это, и когда другая сторона уличила его въ противорѣчіи самому себѣ, онъ съ большей развязностью, чѣмъ достоинствомъ отвѣтилъ: «ошибаются тѣ, которые думаютъ, что наши рѣчи суть выраженіе нашихъ личныхъ убѣжденій; это языкъ дѣла и обстоятельствъ, а не человѣка или адвоката, такъ какъ если-бы дѣло могло говорить само за себя, никто не прибѣгалъ-бы къ помощи чужаго голоса. Нашей профессіей пользуются для того, чтобы мы говорили не сообразно со своими личными впечатлѣніями, а съ особенными обстоятельствами и требованьями дѣла» [2]). Другими словами, адвокатъ—говорильная машина, которая за извѣстное вознагражденіе готова превозглашать сегодня бѣлымъ то, что вчера называла чернымъ... Примѣняя на практикѣ такое воззрѣніе, Цицеронъ, не отказывался расточать свое краснорѣчіе въ защиту лицъ, которыхъ раньше преслѣдовалъ обидами и клеймилъ презрѣніемъ,—если только надѣялся получить какую-либо выгоду отъ такой перемѣны тактики. Чтобы угодить Цезарю, онъ принялъ защиту Ватинія, бывшаго раньше предметомъ его жестокихъ нападокъ. Подобныя-же побужденія руководили имъ, когда онъ выступилъ въ защиту Габинія [3]). Если такъ поступали лучшіе представители адвокатуры, высокообразованные люди и государственные дѣятели, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что общій нравственный уровень адвокатуры былъ въ концѣ республики еще ниже.

Несмотря на все это, республиканскій періодъ все-таки долженъ быть признанъ лучшимъ временемъ римской адвокатуры. При устности и гласности обвинительнаго процесса, при полномъ развитіи юрисдикціи самого народа, адвокатурѣ представлялось широкое поприще дѣятельности. Она была совершенно свободной профессіей и создала цѣлый рядъ первоклассныхъ ораторовъ. Именъ Цицерона и его соперника Гортензія, находящимся къ Цицерону въ такомъ-же приблизительно отношеніи, въ какомъ Эсхинъ находится къ Демосѳену, было-бы достаточно, чтобы прославить ихъ вѣкъ. Прибавьте сюда Марка Аврелія Цетега, котораго поэтъ Энній назвалъ

---

[1]) *Quintil.* Inst. orat. II, 17: nec. Cicero cum se tenebras offudisse judicibus in causa Cluentii gloriatus est, nihil ipse vidit.

[2]) *Cic.* pro Cluent., 50.

[3]) *Grellet-Dumazeau*, 242—244.

«медомъ убѣжденія», Катона старшаго, сжатое и энергичное краснорѣчіе котораго соотвѣтствовало непреклонной суровости его характера, патетическаго Сервія Сульпиція Гальбу, сладкорѣчиваго Лелія, Сципіона Африканскаго младшаго, отличавшагося красотой и въ то-же время солидностью рѣчи, Кая Гракха, возвышеннаго оратора, Марка Эмилія Скавра, прославившагося, впрочемъ, не столько краснорѣчіемъ, сколько безпристрастіемъ сужденій и профессіональной честностью, Марка Антонія, элегантнаго оратора-актера съ замѣчательной дикціей и жестикуляціей, Люція Красса, котораго Цицеронъ называлъ первымъ адвокатомъ своего времени и о которомъ говорилъ, что изъ всѣхъ ораторовъ онъ наилучшій юрисконсультъ, Люція Филиппа, стоявшаго наряду съ Антоніемъ и Крассомъ, Аврелія Котту, замѣчательнаго изяществомъ рѣчи, Сульпиція Руфа, котораго Цицеронъ признавалъ самымъ величественнымъ изъ ораторовъ, Помпея, Юлія Цезаря, Полліона,—все это были свѣтила первой величины, составлявшія яркое созвѣздіе вокругъ царя римской адвокатуры—Цицерона [1])

§ 5.

Организація адвокатуры во времена имперіи.

Съ паденіемъ республиканскаго образа правленія адвокатура, какъ и вообще судебныя учрежденія, подверглась большимъ измѣненіямъ. Судебная власть мало по малу перешла отъ представителей народа къ императору, верховному совѣту и правительственнымъ чиновникамъ. Принципы гласности и состязательности стали ограничиваться. Появились зачатки слѣдственнаго процесса и письменной аппеляціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ развилось въ широкихъ размѣрахъ заочное производство. Законодательная дѣятельность стала понемногу захватывать и адвокатуру. Впрочемъ, въ первое время, до перенесенія столицы изъ Рима въ Константинополь, вниманіе императоровъ было обращено преимущественно на вопросъ объ адвокатскомъ гонорарѣ. Это вполнѣ понятно: алчность и безцеремонность адвокатовъ, развившіяся къ концу республики, достигли теперь колоссальныхъ размѣровъ. И вотъ

---

[1]) Характеристики всѣхъ этихъ ораторовъ даетъ Цицеронъ въ сочиненіяхъ: „Brutus“, „De oratore“ и „Orator“. Нѣкоторыя свѣдѣнія можно найти у Квинтиліана. См. также *Grellet-Dumazeau.* (ch. XV et XVII) и *Forsyth* (ch. V)

уже Августъ долженъ былъ возобновить пришедшій въ забвеніе законъ Цинція [1]). Но не тѣ были времена, чтобы адвокаты довольствовались добровольными приношеніями кліентовъ, которые, въ силу общечеловѣческой слабости, были склонны слишкомъ скоро забывать оказанныя имъ благодѣянія и черезчуръ долго помнить невольные промахи и неудачи. «Рѣдка благодарность кліента», жалуется одинъ писатель IV вѣка [2]).

„Если услужишь кому, легче пера благодарность
Если-же въ чемъ согрѣшишь, гнѣвъ тяжелѣе свинца [3]),

говоритъ Плавтъ.

Весьма понятно, что законъ снова пересталъ соблюдаться на практикѣ, и жадность адвокатовъ сдѣлалась еще сильнѣе, еще необузданнѣе. Въ царствованіе Клавдія адвокатъ Суилій, получивъ отъ своего кліента, знатнаго гражданина Самія, 400 тысячъ сестерціевъ (20 тысячъ рублей), внезапно измѣнилъ ему. Узнавъ объ этомъ, Самій въ порывѣ отчаянія лишилъ себя жизни въ домѣ Суилія. Тогда консулъ Силій вошелъ въ сенатъ съ предложеніемъ возстановить и примѣнить къ Суилію Цинціевъ законъ. По словамъ Тацита, онъ приводилъ въ примѣръ древнихъ ораторовъ, которые стремились только къ славѣ, какъ лучшей наградѣ за краснорѣчіе, и доказывалъ, что, если-бы процессы не приносили адвокатамъ прибыли, то было-бы меньше вражды, исковъ и обвиненій. Сенатъ уже готовъ былъ возобновить законъ Цинція, но Суилій со своими приверженцами обратился къ самому императору и произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что Цинціевъ законъ отжилъ свое время и не долженъ имѣть примѣненія. «Краснорѣчіе не можетъ быть безвозмезднымъ», говорилъ онъ: «такъ какъ въ противномъ случаѣ, заботясь о чужихъ интересахъ, мы упускали-бы изъ виду свои собственные. Многіе живутъ военной службой, другіе земледѣліемъ; никто не ставитъ цѣлью того, отъ чего онъ не можетъ предвидѣть никакого плода. Хорошо было какому-нибудь Азинію или Мессалѣ, обогащеннымъ войнами между Антоніемъ и Августомъ, разыгрывать роль великодушныхъ. Но можно привести много примѣровъ, за какую громадную цѣну обыкновенно говорили передъ народомъ Публій Клавдій и Кай Куріонъ. Пусть обратитъ вниманіе императоръ на лицъ низшаго класса,

---

[1]) *Dio Cass* LIV, 18.
[2]) *Auson.* Idyl., 15: Rara gratia clientis...
[3]) *Plaut.* Paenul.:

Si quid bene facias, levior pluma est gratia,
Si quid peccatum est, plumbeas iras gerunt.

которые могутъ блистать только въ тогѣ, и пусть онъ помнитъ, что если занятія будутъ лишены вознагражденія, то они погибнутъ» [1]). Результатомъ этой, хотя и не отличающейся, по словамъ Тацита, особеннымъ достоинствомъ, но все-таки не безосновательной рѣчи, было то, что императоръ дозволилъ адвокатамъ брать гонораръ въ размѣрѣ не свыше 10 тысячъ сестерціевъ [2]).

Какъ понимать это постановленіе? Отмѣняло-ли оно законъ Цинція, разрѣшая условія о гонорарѣ и предварительное его полученіе въ предѣлахъ таксы? Или-же оно удерживало прежній порядокъ вещей и опредѣляло только максимумъ вознагражденія по окончаніи процесса? Повидимому, болѣе вѣроятнымъ кажется первое предположеніе. Но, сопоставивъ съ этимъ мѣстомъ Тацита другіе факты, мы должны принять второе. Прежде всего, слѣдуетъ вспомнить то сенатское постановленіе, о которомъ упоминаетъ Плиній, и которое было приведено нами раньше. Оно буквально повторяло законъ Клавдія, понимаемый во второмъ смыслѣ, такъ какъ, по словамъ Плинія, запрещая продавать и покупать судебную защиту, оно дозволяло по окончаніи дѣла брать деньги въ размѣрѣ не болѣе 10 тысячъ сестерціевъ. Затѣмъ при преемникѣ Клавдія—Неронѣ то-же было издано сенатское постановленіе относительно гонорара, но о немъ существуютъ два, повидимому, противорѣчивыя показанія. Именно, Тацитъ говоритъ, что имъ былъ снова подтвержденъ законъ Цинція [3]), а по словамъ Свѣтонія, Неронъ только позаботился о томъ, чтобы тяжущіеся давали за защиту адвокатамъ опредѣленную и справедливую плату [4]). Это противорѣчіе двухъ авторитетнѣйшихъ писателей весьма легко устраняется, если понимать законъ Клавдія въ томъ смыслѣ, какой мы ему придаемъ, и если считать сенатское постановленіе Нерона простымъ подтвержденіемъ Клавдіева закона. Въ самомъ дѣлѣ, Тацитъ утверждаетъ, что Неронъ возобновилъ законъ Цинція, а Свѣтоній говоритъ, что онъ дозволилъ адвокатамъ брать «опредѣленную»

---

[1]) *Tacit.* Ann. XI, 5—7. Въ рѣчи Суилія говорится о законѣ Цинція въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто онъ запрещалъ брать вознагражденіе какъ до, такъ и послѣ процесса. Но весьма вѣроятно, что Суилій, получивъ гонораръ отъ Самія до процесса, имѣлъ въ виду именно такой способъ вознагражденія и не считалъ добровольныхъ подарковъ по окончаніи дѣла возмездіемъ за адвокатскій трудъ.

[2]) Ib. XI, 7: capiendis pecuniis posuit modum usque ad dena sestertia, quem egressi repetundarum tenerentur.

[3]) Ib. XIII, 5, 42.

[4]) *Sueton.* Nero, 17: cautum, ut litigatores pro patrociniis certam justamque mercedem darent.

(то есть, по всей вѣроятности, опредѣленную таксой Клавдія) и «справедливую», то есть, соотвѣтствующую дѣлу плату. Если соединить оба эти положенія вмѣстѣ, то получится ничто иное, какъ законъ Клавдія, который, не отмѣняя Цинціева закона, установилъ таксу для приношеній кліентовъ. Несовпаденіе извѣстій, сообщаемыхъ Тацитомъ и Светоніемъ объясняется просто тѣмъ, что каждый изъ нихъ сообщалъ только ту часть закона, которая ему была нужна при его повѣствованіи, или которая казалась важнѣе.

Внутренній смыслъ этихъ распоряженій заключался въ стремленіи обуздать непомѣрную жадность адвокатовъ. Но, какъ показываютъ факты, запрещеніе составлять условія о гонорарѣ и требовать его судомъ, а съ другой стороны, опредѣленіе максимума платы, не могли предотвратить ловкихъ обходовъ Цинціева закона и тайнаго вымогательства громадныхъ гонораровъ. Въ такомъ положеніи вопросъ о гонорарѣ, повидимому, находился до временъ Александра Севера. По крайней мѣрѣ, источники не сохранили никакихъ извѣстій о промежуткѣ между царствованіями Траяна (I в. по Р. Х.) и Александра Севера (III в.), изъ чего можно заключить, что никакихъ важныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не было сдѣлано. При Александрѣ Северѣ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ Ульпіана [1]), прежній порядокъ вещей былъ принципіально измѣненъ. Хотя всякія условія о гонорарѣ, заключенныя до судебнаго засѣданія, были, какъ и раньше, ничтожны, но во 1) они имѣли полную силу, если были заключены послѣ защиты дѣла, хотя бы до постановленія рѣшенія, и во 2) адвокаты получили право иска о гонорарѣ. Послѣднее постановленіе наиболѣе важно, такъ какъ оно шло въ разрѣзъ съ прежними законами и обычаями и установляло новое начало. Право иска осуществлялось путемъ экстра-ординарнаго процесса [2]) слѣдующимъ образомъ. Если адвокатъ выговорилъ себѣ послѣ защиты дѣла опредѣленный гонораръ, то онъ могъ его требовать судомъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы уплоченная ему впередъ сумма вмѣстѣ съ обѣщанной не превышала 100 золотыхъ (= 10,000 сестерціевъ), т. е. таксы Клавдія. Если же не было сдѣлано никакого условія, то судъ по требованію адвоката долженъ присудить ему вознагражденіе, «смотря по роду дѣла, таланту адвоката, обычаямъ адвокатуры и важности судебной инстанціи, въ количествѣ, тоже не превышаю-

---

[1]) *Dig*, L. L., t. XIII, f. 1. §§ 10–12.
[2]) Ib., f. 1: praeses provinciae de mercibus jus dicere solet

щемъ таксы» [1]). Такимъ образомъ законодательство признало возмездность адвокатуры.

Дополняя эти положенія, Константинъ (въ 326 г.) предписалъ исключать изъ списка каждаго адвоката, который будетъ вымогать или выговаривать себѣ подъ видомъ гонорара чрезмѣрныя суммы или опредѣленную часть спорнаго имущества [2]). Императоры Валентиніанъ и Валентій (въ 368 г.) снова подтвердили, что «адвокатъ не долженъ заключать съ тяжущимися (до защиты дѣла) никакихъ условій, а принимать безпрекословно ту сумму, какую по доброй волѣ дастъ ему тяжущійся» [3]). Обѣщаніе гонорара, скрытое подъ видомъ уплаты займа, могло быть уничтожено въ теченіи двухъ лѣтъ возраженіемъ о фиктивности его (exceptio non numeratae pecuniae) [4]). Всѣ эти постановленія были приняты Юстиніаномъ въ его законодательные сборники.

Бросая общій взглядъ на вопросъ о гонорарѣ въ римской адвокатурѣ, мы замѣчаемъ, что черезъ всю его исторію проходитъ красной нитью одна тенденція, именно тенденція «относительной безвозмездности адвокатуры», т. е. приравненіе гонорара къ добровольному, почетному дару со стороны кліента. Основываясь на традиціяхъ древняго патроната, она была впервые возведена въ правовую норму закономъ Цинція. Послѣдующіе законодатели не разъ возвращались къ ней и подтверждали ее, такъ что можно безъ преувеличенія сказать, что безвозмездность была основнымъ принципомъ римской адвокатуры, начиная съ древнѣйшихъ временъ вплоть до Александра Севера, когда ей былъ нанесенъ рѣшительный ударъ признаніемъ за адвокатами права иска о гонорарѣ. Разъ такое признаніе свершилось, разъ гонораръ изъ дара обратился въ вознагражденіе за услугу, принципъ безвозмездности былъ нарушенъ, и адвокатура утратила свой первоначальный характеръ.

Съ перенесеніемъ столицы изъ Рима въ Константинополь законодательная регламентація стала мало по малу охватывать всѣ стороны

---

[1]) Это мѣсто („in honorariis advocatorum ita versari judex debet, ut pro modo litis proque advocati facundia et fori consuetudine et judicii, in quo erat acturus, aestimatione adhibeat“) дало поводъ къ противорѣчивымъ толкованіямъ. Нѣкоторые писатели, несмотря на явный смыслъ приведеннаго постановленія, все-таки отрицали право иска, но новѣйшіе изслѣдователи пришли къ обратному выводу (*Massol*: Des honoraires des avocats, 1879, p. 17; *Lachapelle-Montmoreau:* Etudes sur la profession d'avocat, 1880, I, 19).

[2]) *Cod. Just.* L. II, t. VI, c. 5.

[3]) Ib. c. 6, §§ 2, 3.

[4]) Ib., § 5.

адвокатской дѣятельности. До сихъ поръ адвокатура была во всѣхъ отношеніяхъ свободной профессіей и не имѣла никакой организаціи. Теперь она получаетъ постепенно правильное устройство. Съ IV в., въ законодательныхъ памятникахъ появляется терминъ «сословіе адвокатовъ» (ordo, collegium, consortium advocatorum, causidicorum, togatorum). Затѣмъ, адвокаты раздѣляются на штатныхъ и сверхштатныхъ; при императорѣ Львѣ устанавливается экзаменъ для кандидатовъ въ адвокатуру (V в.); ограничивается комплектъ штатныхъ адвокатовъ въ каждой провинціи; предоставляются различныя привиллегіи какъ всему сословію, такъ и нѣкоторымъ изъ его членовъ, словомъ, законодательство стремится подробно опредѣлить всѣ стороны профессіи. Было бы крайне утомительно и для нашей цѣли безполезно слѣдить за долгимъ процессомъ превращенія свободной адвокатуры въ организованную. Несравненно интереснѣе и цѣлесообразнѣе сразу обратиться къ окончательному результату этой двухвѣковой эволюціи и разсмотрѣть адвокатуру въ томъ видѣ, какой она имѣла по Юстиніановымъ кодексамъ, представляющимъ собою, такъ сказать, законодательную кристаллизацію всего предшествующаго развитія римскаго права.

Въ Юстиніановыхъ сводахъ мы находимъ стройно организованную систему адвокатуры. Основной принципъ этой организаціи — приравненіе адвокатской профессіи къ должностной службѣ. Адвокаты носили названіе сословія (ordo), но это названіе понималось въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится военное или учительское сословіе, т. е. просто въ смыслѣ разряда лицъ, занимающихся одной и той же профессіей безъ всякаго отношенія къ ихъ внутренней организаціи. Допущеніе къ адвокатурѣ зависѣло отъ начальника провинціи или города (въ столицахъ), т. е. отъ высшаго административно-судебнаго чиновника [1]). Отрицательныя условія для принятія въ число адвокатовъ были тѣ же, что и въ республиканское время. По прежнему не допускались къ адвокатурѣ несовершеннолѣтніе, страдающіе нѣкоторыми физическими недостатками (глухіе, слѣпые), женщины, лишенные гражданской чести, подвергшіеся уголовному наказанію, занимающіеся позорными ремеслами и т. п. [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ кандидатовъ въ адвокатуру требовались нѣкоторыя положительныя условія, именно: 1) окончаніе курса въ одной

---

[1]) *Cod.*, L. II, t. VII, c. 18: οὐδεὶς ἐμπιμπᾷ τοῖς ἐν τάξει οὖσι δικολόγοις, εἰ μὴ μόνον ὁ τῶν παιτωρίων ἔπαρχος.

[2]) *Dig.* L. III, t. 1, f. 1. Сюда-же были отнесены впослѣдствіи также вольноотпущенные и еретики. *Cod.*, L. II, t. VI, c. 2 et 8.

изъ юридическихъ школъ и 2) экзаменъ. При Юстиніанѣ юридическія школы существовали только въ Константинополѣ, Римѣ и Беритѣ. Всѣ остальныя были запрещены. Изъ предисловія къ Дигестамъ видно, что до Юстиніана весь учебный матерьялъ, преподававшійся въ этихъ школахъ, былъ распредѣленъ на четыре года. Юстиніанъ прибавилъ сюда еще одинъ годъ, причемъ постановилъ, что первые четыре года должны посвящаться прохожденію Институцій и Дигестъ, а пятый—спеціальному изученію шестой и седьмой части Дигестъ и Кодекса [1]). По окончаніи этого курса, кандидаты въ адвокатуру должны были подвергнуться государственному экзамену, который производился учеными правовѣдами въ присутствіи правителя провинціи (rector provinciae) или коменданта города (defensor oppidi). Экзаменаторы должны были удостовѣрять подъ присягой, обнаружилъ-ли кандидатъ достаточныя познанія или нѣтъ [2]). Выдержавшій экзаменъ кандидатъ могъ быть допущенъ съ дозволенія начальника провинціи къ занятію адвокатурой.

Адвокаты вносились въ списки (rotula) по префектурамъ въ порядкѣ ихъ допущенія къ профессіи. Первый по списку назывался старшиной (primas). Всѣ адвокаты раздѣлялись на два разряда: штатныхъ (statuti) и сверхштатныхъ (supernumerarii) Разница между ними состояла въ томъ, что первые были ограничены опредѣленнымъ комплектомъ и имѣли право выступать во всѣхъ судахъ, а вторые не были ограничены въ числѣ и практиковали въ низшихъ судахъ [3]). Штатные назначались начальникомъ провинціи изъ числа сверхштатныхъ. Комплектъ штатныхъ былъ опредѣленъ для каждой префектуры отдѣльно: въ префектурахъ Восточной и Иллирійской ихъ было по 150, въ Римской и Константинопольской — по 80, въ Александрійской—50 и т. п. [4]). Дисциплинарный надзоръ за адвокатами принадлежалъ такъ-же, какъ и принятіе въ число ихъ, начальнику провинціи. Главными профеессіональными преступленіями считались: вѣроломная измѣна кліенту (praevaricatio) [5]), вымогательство большихъ гонораровъ, выговариваніе себѣ части спорнаго имущества [6]) и кляузничество [7]). За эти и имъ подобныя нарушенія профессіональныхъ

---

[1]) *Dig.* Praefat. I: de concept Digest.
[2]) *Cod.*, L. II, t. VII, c. 11, § 1.
[3]) *Cod.* L II, t VII, c. 11, § 2.
[4]) *Cod.* L. II, t. VII, c. 13, 17; t. VIII, c. 5 etc.
[5]) *Dig.* L. XLVII, t. XV, f. 1.
[6]) *Cod.* L. II, t. VII, VI c. 5.
[7]) *Dig.* L. I, t. XVI, f. 9, § 2.

обязанностей налагалось одно наказаніе: запрещеніе практики. Но оно варьировалось на разные лады. Практика могла быть воспрещена навсегда или на извѣстное время, при всѣхъ судахъ или при нѣкоторыхъ, притомъ, всякая вообще практика или одинъ видъ ея, напримѣръ, составленіе судебныхъ бумагъ, завѣщаній [1]). Для адвокатовъ была установлена особая профессіональная присяга, которую они должны были произносить не при вступленіи въ сословіе, а въ началѣ каждаго защищаемаго дѣла на подобіе того, какъ у насъ произносятъ свидѣтели. Въ этой присягѣ они клялись: 1) что приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы оправдать законныя и справедливыя требованія кліента, и 2) что не замедлятъ отказаться отъ веденія дѣла даже во время производства, если убѣдятся въ его неправотѣ, все равно будетъ-ли эта неправота нравственной или юридической, т. е. будетъ-ли дѣло нечестнымъ (causa improba) или юридически неосновательнымъ (penitus desperata) [2]). Въ случаѣ отказа адвоката отъ такого дѣла, тяжущійся не имѣлъ права приглашать другаго, чтобы, какъ говорится въ законѣ, «пренебрегая лучшими адвокатами, стороны не стали избирать нечестныхъ» [3]). Если тяжущійся имѣлъ нѣсколькихъ адвокатовъ, изъ которыхъ одни считали возможнымъ вести дѣло, а другіе нѣтъ, то первые могли продолжать защиту, но на мѣсто вторыхъ нельзя было приглашать новыхъ. На судѣ адвокату предписывалось воздерживаться отъ оскорбительныхъ выраженій [4]) и не затягивать нарочно процессовъ [5]). Вопросъ о гонорарѣ, какъ было уже сказано раньше, разрѣшался въ томъ смыслѣ, что до защиты дѣла адвокатъ не имѣлъ права обусловливать себѣ вознагражденія, но послѣ защиты могъ заключать такое условіе и требовать вознагражденіе судомъ. Если условіе было заключено, то размѣръ гонорара опредѣлялся имъ; если-же не было, то по иску адвоката судъ назначалъ ему гонораръ, смотря по роду дѣла, таланту адво-

---

[1]) *Dig* L. XLVIII, t. XIX. f. 9.

[2]) Вотъ текстъ присяги: „Juramentum praestant, quod omni quidem virtute sua omnique ope, quod verum et justum existimaverint, clientibus suis inferre procurent, nihil studii relinquentes, quod sibi possibile est. non autem credita sibi causa cognita, quod improba sit vel penitus desperata et ex mendacibus allegationibus composita, ipsi scientes prudentesque mala conscientia liti patrocinentur, sed etsi certamine procedente aliquid tale sibi cognitum fuerit, a causa recedent, ab hujusmodi communione sese penitus separantes. *Cod.* L. III, t. 1, c. 14, § 1.

[3]) *Cod.* L. III, t. 1, c. 14, § 1: ne melioribus contemptis improba advocatio subrogetur.

[4]) *Cod.* L. II, t. VII, c. 6, § 1.

[5]) *Ib.*, § 4.

ката, обычаямъ адвокатуры и важности судебной инстанціи. Но размѣръ гонорара ни въ какомъ случаѣ не могъ превышать 10 тысячъ сестерціевъ (500 р.). Что касается, наконецъ, несовмѣстимости, то законодательство указывало очень мало случаевъ ея: только судьямъ и начальникамъ провинцій было запрещено занятіе адвокатурой [1]).

Въ такомъ видѣ представляется организація римской адвокатуры по Юстиніанову законодательству. Она вовсе не была сословной въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя и носила такое названіе. Разъ дисциплинарная власть и право принятія въ сословіе не принадлежали самому сословію, разъ адвокаты не имѣли никакихъ общесословныхъ учрежденій и были соединены только внѣшней связью, то не могло быть и рѣчи ни о независимости, ни о самоуправленіи ихъ, а эти-то два обстоятельства и служатъ существенными чертами сословной организаціи. Напротивъ, организацію римской адвокатуры можно было бы съ полнымъ правомъ назвать «должностной». Принятіе въ число адвокатовъ въ сущности было назначеніемъ со стороны правительственной власти. Комплектъ адвокатовъ былъ ограниченъ, подобно государственнымъ должностямъ, опредѣленнымъ числомъ штатныхъ мѣстъ. Надзоръ принадлежалъ не самому сословію и даже не судамъ, а просто администраціи. Словомъ, адвокатская профессія отличалось отъ должностной службы только нѣкоторыми несущественными деталями.

§ 6.

Внутреннее состояніе адвокатуры въ императорскій періодъ.

Обращаясь къ изложенію нравственнаго состоянія римской адвокатуры въ императорскій періодъ, мы должны замѣтить, что въ первое время оно было въ высшей степени печально. При общемъ паденіи нравовъ, при растлѣвающемъ вліяніи цезаризма, адвокаты менѣе, чѣмъ какой либо другой классъ общественныхъ дѣятелей, были въ состояніи поддерживать завѣщанные имъ патронатомъ принципы честности и безкорыстія. Всеобщая развращенность окончательно освободила ихъ отъ всякихъ сдерживающихъ узъ, и ненасытная жажда

[1]) *Cod.* L. II, t. VI, c. 6; L I, t. LI, c. 14; L. II, t. VII, c. 9.

наживы стала единственнымъ побужденіемъ къ позорной и зачастую просто преступной дѣятельности.

Двѣ традиціи, какъ справедливо говоритъ Грелле-Дюмазо, оставилъ патронатъ адвокатурѣ. Первая заключалась въ безвозмездности защиты. Она, какъ мы видѣли, потеряла свою силу еще въ республиканскій періодъ. Вторая состояла въ томъ, что адвокаты считали своею обязанностью защищать обвиняемыхъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ выступали въ качествѣ обвинителей. «Изъ двухъ родовъ судебныхъ рѣчей, защиты и обвиненія», говоритъ Цицеронъ: «защита славнѣе, хотя и обвиненіе нерѣдко оказывается похвальнымъ... Но его слѣдуетъ употреблять рѣдко и вообще только въ интересахъ государства, или чтобы отомстить за какое-нибудь нарушеніе права, или въ чью-либо защиту» [1]). Такого-же воззрѣнія держится Квинтиліанъ, доказывая, что честный адвокатъ «предпочитаетъ защищать подсудимыхъ, чѣмъ обвинять ихъ» [2]).

И дѣйствительно, въ республиканскій періодъ мы видимъ, что адвокаты выступали обвинителями, только руководствуясь тѣми возвышенными мотивами, которые указываетъ Цицеронъ. Совсѣмъ не то замѣчается въ первые вѣка имперіи. Дрожа за собственную безопасность и въ то-же время съ завистью взирая на богатства знатныхъ гражданъ, цезари развили въ широкихъ размѣрахъ преслѣдованіе за «оскорбленіе величества», результатомъ котораго почти всегда была казнь подсудимаго и конфискація его имущества. Уже Августъ завелъ судебное дознаніе относительно пасквилей, и Тиверій пошелъ по его слѣдамъ [3]). Вскорѣ обвиненіе въ оскорбленіи величества стало, по словамъ Тацита, дополненіемъ всякихъ обвиненій [4]). Само понятіе его было расширено до nec plus ultra. Не только сочиненіе пасквиля или произнесеніе непочтительныхъ словъ по адресу цезаря считалось тягчайшимъ государственнымъ преступленіемъ, — нѣтъ, обвиняли за мысли, жесты, даже за сны. Кремуцій Кордъ былъ подвергнутъ преслѣдованію за свое сочиненіе, въ которомъ онъ похвалилъ Марка Брута, а Кассія назвалъ послѣднимъ римляниномъ [5]). Одного знатнаго римлянина осудили за то, что онъ видѣлъ во снѣ Клавдія съ вѣнкомъ изъ колосьевъ или, по другому варьянту, изъ винограда, и что онъ истолковалъ этотъ сонъ, какъ предвѣщаніе смерти импера-

---

[1]) *Cic.* de offic., II, 14.
[2]) *Quintil.* Inst orat. XII, 7.
[3]) *Tacit.* Ann. I, 72. *Suet.* Octav, LV; Tiber, LVIII.
[4]) *Tacit.* Ann III, 49.
[5]) *Ib.*, IV, 34.

тора съ наступленіемъ осени [1]). Другой обвинялся въ томъ, что спрашивалъ оракула о судьбахъ имперіи [2]). Считалось даже государственнымъ преступленіемъ переодѣваться вблизи статуи императора [3]). Нѣкая Витія была казнена за то, что оплакивала казнь своего сына [4]). При такихъ обстоятельствахъ весьма понятно, что обвиненіе въ оскорбленіи величества равнялось осужденію въ немъ. Кто подвергся преслѣдованію, тотъ могъ быть увѣренъ въ своей погибели, какъ-бы незначителенъ ни былъ его проступокъ, и какъ-бы сомнительны ни были улики. Обвиняемые могли быть, по капризу тирана, лишены всѣхъ законныхъ средствъ защиты. Такъ напр., процессъ Валерія Азіатика происходилъ не въ сенатѣ, а во дворцѣ, въ присутствіи Клавдія и Мессалины, безъ участія защитника [5]). Зачастую сами адвокаты отказывались отъ защиты, боясь навлечь на себя гнѣвъ тирана, и помня, что одинъ изъ товарищей, былъ, по приказанію Тиверія, которому не понравилась его рѣчь, брошенъ въ рѣку [6]). Будучи увѣрены въ исходѣ процесса, обвиняемые зачастую предпочитали до произнесенія приговора или даже до начала судебнаго разбирательства покончить жизнь самоубійствомъ. Такъ поступили: Либонъ, Друзъ, Силій, Кальпурній Пизонъ, преторъ Корнутъ, историкъ Кремуцій Кордъ, о которомъ только что было говорено, и многіе другіе [7]). Въ обвинителяхъ недостатка не было. Такъ какъ по закону четвертая часть конфискованаго имущества отдавалась доносчику-обвинителю, то нашлось не мало охотниковъ разбогатѣть на чужой счетъ [8]). Квесторъ Криспинъ, выступившій обвинителемъ своего претора Гранія Марцелла въ оскорбленіи величества, началъ по словамъ Тацита, «тотъ образъ жизни, который впослѣдствіи несчастія эпохи и людская дерзость ввели въ большую моду». Жадный, неизвѣстный, безпокойный, втираясь посредствомъ доносовъ въ довѣріе деспота, онъ вскорѣ сталъ опаснымъ для каждаго выдающагося человѣка [9]). Его примѣру послѣдовали многіе другіе и, къ стыду римской адвокатуры, въ числѣ этихъ продажныхъ доносчиковъ (delatores) были и адвокаты. Позорную славу пріобрѣли такой дѣятель-

---

[1]) Ib., XI, 4.
[2]) *Amm. Marcel.* L. XIX, c. XII.
[3]) *Sueton.* Tiber., LVIII.
[4]) *Tacit.* VI, 10.
[5]) Ib., XI, 2.
[6]) *Grellet-Dumazeau*, 378.
[7]) *Tacit.* Ann. II, 31; IV, 19, 21, 28, 34; XI, 4 и др.
[8]) Ib., IV, 20.
[9]) Ib., I, 74

ностью Суилій, клевретъ и орудіе Клавдія и Мессалины, погубившій, по словамъ Тацита, цѣлую толпу знатныхъ гражданъ [1]), Аферъ, посягавшій даже на родственниковъ Цезаря [2]), Регулъ, едва-ли не превзошедшій ихъ обоихъ своей низостью и наглостью [3]), и др.

Далѣе, профессіональное преступленіе, носящее названіе «вѣроломной» измѣны (praevaricatio) стало чрезвычайно распространеннымъ, несмотря на то, что строго наказывалось. Оно имѣло двѣ формы. Въ уголовныхъ дѣлахъ оно состояло въ томъ, что обвинитель отступалъ во время процесса отъ обвиненія, получивъ отъ обвиняемаго взятку. Уличенный въ такомъ отступничествѣ по корыстному побужденію лишался навсегда права быть обвинителемъ и подвергался тому наказанію, которое слѣдовало за взведенное имъ преступленіе. Обвиняемый-же, подкупившій обвинителя, признавался совершившимъ преступленіе [4]). Въ гражданскихъ дѣлахъ вѣроломная измѣна заключалась въ тайномъ содѣйствіи противной сторонѣ въ ущербъ интересамъ кліента [5]). По свидѣтельству Плинія, адвокаты его времени, побуждаемые корыстолюбіемъ, часто совершали оба указанные вида измѣны [6]). Продажность адвокатовъ достигла гигантскихъ размѣровъ. «Ни одинъ изъ предметовъ государственной торговли», говоритъ Тацитъ: «не былъ до такой степени продаженъ, какъ вѣроломство адвокатовъ [7]). Они пріобрѣтали такимъ путемъ громадныя состоянія. Эпрій Марцеллъ, напримѣръ, нажилъ адвокатурой 200 милліоновъ сестерціевъ (10 милліоновъ рублей), а Вибій Криспъ 300 милліоновъ [8]). «Если хочешь быть богатымъ», говоритъ Марціалъ (I в. по Р. Х.): «сдѣлайся адвокатомъ» [9]). Въ другой эпиграммѣ онъ замѣчаетъ, что «если-бы онъ хотѣлъ продавать свои слова тяжущимся», онъ вскорѣ былъ-бы осыпанъ золотомъ [10]). Но чтобы добиться этого, адвокаты должны были

---

[1]) Ib., XIII, 43.
[2]) Ib., IV, 52, 66.
[3]) *Tacit.* Hist. IV, 42.
[4]) *Dig.* L. XLVII, t. XV, f. 1—7.
[5]) Ib., f. 1.
[6]) *Plin.* Ep. V, 4, 14 etc.
[7]) *Tacit.* Ann. XI, 5: nec quicquam publicae mercis tam venale fuit, quam advocatorum perfidia.
[8]) *Tacit.* de orat., 8.
[9]) *Mart.* II, 30.
[10]) *Mart.* V, 16:

Si falciferi defendere templa Tonantis
Sollicitisque velim vendere verba reis,
Plurimus Hispanus mittet mihi nauta metretas
Et fiet vario sordidus aere sonus.

пускаться на разныя хитрости. Прежде всего они старались обзавестись роскошной обстановкой, блистать дорогой одеждой и драгоцѣнными каменьями. Ювеналъ по этому поводу говоритъ:

„Вѣрпмъ-ли мы краснорѣчью? Никто двухъ сотенъ сестерціевъ
Нынѣ не дастъ Цицерону, коль онъ безъ огромнаго перстня". [1])

Далѣе, они не брезгали прибѣгать къ наемной клакѣ, которая за вознагражденіе апплодировала оратору въ судѣ и расхваливала его на всѣхъ перекресткахъ [2]). Плиній младшій въ одномъ изъ писемъ разсказываетъ, что два его раба получили по три динарія (по 60 коп.) за то, что отправились однажды въ судъ въ качествѣ клакеровъ. «За такую цѣну», замѣчаетъ Плиній: «можно прослыть краснорѣчивѣйшимъ изъ ораторовъ» [3]). Добившись столь дешеваго успѣха, адвокатъ брался за какія угодно дѣла [4]), готовъ былъ обращать черное въ бѣлое [5]), отрицая самые очевидные и доказанные факты [6]) и уснащая свою рѣчь, какъ говоритъ Марціалъ, по поводу кражи трехъ козъ громкими фразами о битвѣ при Каннахъ и войнѣ съ Митридатомъ, о Маріѣ, Суллѣ и Муціѣ [7]). Образовался цѣлый разрядъ бездарныхъ кляузниковъ, у которыхъ, по выраженію Марціала, воняло изо рта [8]), и которые получили прозвище «лаятелей» [9]). Не будучи

---

[1]) *Juven.* VII, 139 (перев. г. Фета).

[2]) *Juven.* XIII 33; *Mart.* VI, 48:
Quod tam grande sophos clamat tibi turba togata?
Non tu, Pomponi, coena diserta tua est.

[3]) *Plin.* Ep. II, 14,

[4]) *Mart.* II, 6.
Quidquid venerit obviam loquamur
Morosa sine cogitatione.
Quintil, IV, 1, § 2.

[5]) *Ovid.* Ex ponto, III, 5:
Quaelibet eloquio fit bona causa tua.
Juven: nigra in candida vertunt.

[6]) *Plaut.* Menech.:
Tabulae notantur; adsunt testes duodecim;
Tempus locumque scribit actuarius:
Tamen invenitur rhetor qui factum negat.

[7]) *Mart.* VI, 1:
Tu Cannas mitridatumque bellum,
Et perjuria punici furoris,
Et Syllas, et Marios, et Mucios
Magna voce sonas, manuque tota.
Jam dic, Posthume, de tribus capellis.

[8]) *Mart.* XI, 30.

[9]) *Quintil.*: non agunt, sed latrant.

въ состояніи связно сказать трехъ словъ [1]), и вызывая смѣхъ всей аудиторіи неумѣлымъ изложеніемъ дѣла [2]), эти «грабители имуществъ и извратители законовъ» [3]), представляли собою, по выраженію Апулея, настоящихъ «коршуновъ въ тогахъ» (togati vulturii) [4]), которыхъ, какъ свидѣтельствуетъ Сенека, Неронъ приказывалъ выгонять изъ форума собаками, спеціально пріученными къ этой травлѣ [5]). Развращенность адвокатуры достигла высшей степени, повидимому, въ IV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, Амміанъ Марцеллинъ рисуетъ ужасающую картину продажности и безстыдства адвокатовъ того времени. «Теперь», говоритъ онъ: «всѣ окрестности Востока наводнены наглой и хищной породой людей, которая толпится во всѣхъ судахъ и осаждаетъ богатые дома, чутко выискивая слѣды, подобно спартанскимъ или критскимъ псамъ, и проникаетъ въ самое логовище тяжбъ. Ихъ можно раздѣлить на четыре разряда.

Къ первому принадлежатъ тѣ, которые сѣютъ разные ссоры, обивая двери вдовъ и пороги сиротъ, и чуть только замѣтятъ малѣйшее зерно раздора между спорящими друзьями или родственниками, возбуждаютъ непріязнь и ненависть. Возрастъ не уменьшаетъ ихъ пороковъ, какъ это бываетъ съ другими людьми, а усиливаетъ все больше и больше. Будучи нищими, несмотря на ненасытные грабежи, они употребляютъ свой умъ на то, чтобы ловкими рѣчами опутать честность судей. Ихъ свобода—наглость, ихъ настойчивость — дерзость, ихъ краснорѣчіе—многорѣчивость.

Второй разрядъ состоитъ изъ спеціалистовъ въ юриспруденціи, заглохшей въ хаосѣ противорѣчивыхъ законовъ, молчаливыхъ, словно уста ихъ скованы, и похожихъ по своему безпрерывному молчанію на свои собственныя тѣни. Они, словно предвѣщая, подобно оракулу, будущую судьбу или истолковывая Сибиллины предсказанія, съ лицомъ, серьезнымъ до наглости, даютъ свои небрежные отвѣты. Они цитируютъ Требація и Касцеллія, и Алфена, и давно уже забытые законы Аурунковъ и Сикановъ, и скажи ты, что убилъ свою мать,

---

[1]) *Mart.*, VI, 54:
Junget vix tria verba miser.
[2]) *Horat.* Sat. I, VII, 23:
Persius exponit causam; ridetur ab omni
Conventu...
[3]) *Terent.* Phormio, II, 3, 373:
Bonorum extortor, legum contortor.
[4]) *Apul.* Metam., X.
[5]) *Senec.* Ep. 49, 2.

они пообѣщали-бы добиться оправданія съ помощью никому неизвѣстныхъ текстовъ, еслибъ только знали, что ты богатъ.

Къ третьему разряду относятся тѣ, которые, чтобы выдвинуться въ этой безпокойной профессіи, употребляютъ свои продажные рты для пораженія истины и быстро открываютъ себѣ доступъ, куда хотятъ, своими мѣдными лбами и презрѣннымъ лаемъ. Связывая дѣла неразрывными узами, они стараются чтобы всякое спокойствіе было нарушено тяжбами и обращаютъ суды, которые въ нормальномъ состояніи являются святилищами правосудія, въ какіе-то тайные капканы, откуда нельзя вырваться, пока изъ тебя не высосутъ всѣхъ соковъ.

Наконецъ, четвертый разрядъ, безстыдный, наглый и невѣжественный, состоитъ изъ тѣхъ, которые, слишкомъ рано вырвавшись изъ школъ, рыщутъ по всѣмъ закоулкамъ, обдумывая не способы веденія дѣлъ, а балаганные фарсы, обивая пороги богачей, гоняясь за изысканными обѣдами и блюдами. Получивъ какое-либо дѣло, что имъ удается рѣдко, они узнаютъ причину и сущность его на глазахъ у судей, въ самый рѣшительный моментъ процесса, и щедро разсыпаютъ нескладныя разглагольствованія, грязный потокъ которыхъ можно принять за крикливое завываніе Терсита. Когда же они дойдутъ до подкрѣпленія скудныхъ доказательствъ, они ударяются въ необузданно-дерзкую ругань... Нѣкоторые изъ нихъ до того невѣжественны, что не помнятъ, чтобы когда-либо держали въ рукахъ книгу, и если въ кругу образованныхъ лицъ будетъ приведено имя древняго автора, они его сочтутъ за названіе какой-нибудь иноземной рыбы или какого-либо кушанья... Кто разъ попалъ въ ихъ сѣти, тотъ уже не вырвется» [1]).

Конечно, описанію Амміана Марцеллина нельзя придавать большой вѣры. «Трудно допустить», говоритъ Форситъ: «чтобы это не была каррикатура, подобная той, которую нарисовалъ Свифтъ въ одномъ мѣстѣ «Путешествія Гулливера» [2]). При томъ же извѣстно, что Марцеллинъ имѣлъ личные счеты съ адвокатами, такъ какъ онъ принужденъ былъ покинуть городъ Антіохію вслѣдствіе своихъ ссоръ съ ними [3]). Тѣмъ не менѣе въ основѣ каррикатуры лежала истина, засвидѣтельствованная, какъ мы видѣли, и другими писателями.

Послѣ перенесенія столицы изъ Рима въ Константинополь, когда

---

[1]) *Amm. Marcel.* Res gestae, L. XXX, c. IV.
[2]) *Forsyth*, 186.
[3]) *Grellet-Dumazeau*, 249.

правительство стало заботиться объ организаціи адвокатуры, нравственное состояніе сословія, насколько можно судить по скуднымъ источникамъ, значительно поднялось. Въ законодательныхъ памятникахъ не разъ говорится объ адвокатской профессіи въ самыхъ возвышенныхъ выраженіяхъ. Императоры Левъ и Антемій въ одномъ законѣ пишутъ слѣдующее: «адвокаты, которые рѣшаютъ сомнительную судьбу тяжбъ и силами своей защиты, какъ въ публичныхъ, такъ и частныхъ дѣлахъ поднимаютъ то, что упало, и подкрѣпляютъ то, что ослабѣло, не менѣе приносятъ пользы людямъ, чѣмъ если бы они спасали битвами и ранами свое отечество и своихъ родныхъ. Мы думаемъ, что нашей имперіи служатъ не только тѣ, которые вооружены мечами, щитами и панцырями, но и адвокаты, такъ какъ они, полагаясь на славное краснорѣчіе, защищаютъ надежды, жизнь и семью несчастныхъ». [1]). Точно также выражается императоръ Анастасій: «славная и необходимая для человѣчества адвокатская профессія должна быть щедро одаряема самыми большими наградами [2]). И дѣйствительно, правительство осыпало адвокатовъ многочисленными привиллегіями. Они были избавлены отъ нѣкоторыхъ муниципальныхъ и общегосударственныхъ повинностей, наравнѣ съ лицами военнаго званія; на большинство ихъ были распространены привиллегіи, которыми пользовались адвокаты казны [3]), выбиравшіеся изъ числа адвокатовъ на два года; ихъ имущество было приравнено къ имуществу военныхъ (peculium castrense) [4]); они были избавлены отъ исполненія всякихъ порученій со стороны судебныхъ и административныхъ властей [5]); по выходѣ изъ сословія имъ присваивался титулъ свѣтлѣйшихъ [6]) и т. д. Словомъ, императоры всячески старались возвысить достоинство и значеніе адвокатуры. Несомнѣнно, что это стремленіе было вызвано нѣкоторыми дѣйствительными заслугами адвокатуры, и что, такимъ образомъ, адвокаты V и VI вѣковъ стояли въ нравственномъ отношеніи выше своихъ предшественниковъ.

---

[1]) *Cod. Just* L. II, t. VII, c. 14.

[2]) Ib., t. VIII, c. 4 Императоръ Валентиніанъ въ одной новеллѣ (II, 2, § 1) говоритъ въ такомъ же смыслѣ: „oportet, eos, quos semel adsciveris in seminarium dignitatum, omnino ita ad omnia esse aedificatos, ut idcirco digni universis honoribus habeantur, quod advocati esse meruerunt.

[3]) *Cod.* L, X, t. LV; L II, t. VII, c. 15, 16.

[4]) Ib. L. II, t. VII, c. 4.

[5]) Ib., c. 6.

[6]) Ib. L. II, t VIII, c. 1; post depositum officium clarissimi primi ordinis perfrui dignitate.

Тѣмъ не менѣе похваламъ, расточаемымъ деспотическимъ правительствомъ, нельзя придавать большаго значенія. Весьма вѣроятно, что они вызывались не столько профессіональными заслугами адвокатовъ, сколько ихъ «благонадежностью», угодничествомъ и льстивымъ низкопоклонствомъ. Отсутствіе литературныхъ источниковъ не позволяетъ намъ привести документальныхъ данныхъ, но если принять во вниманіе общія условія государственной жизни императорскаго Рима, то нельзя не прійти къ заключенію, что состояніе адвокатуры ни въ какомъ случаѣ не могло быть блестящимъ. При деспотическомъ образѣ правленія, при слѣдственномъ тайномъ и письменномъ процессѣ, при полномъ подчиненіи адвокатовъ правительственнымъ чиновникамъ не могло быть и рѣчи о независимости адвокатуры въ своей профессіональной дѣятельности. «Когда исчезло», справедливо говоритъ г. Стояновъ: «древнее правило частнаго обвиненія, адвокатамъ приходилось отстаивать подсудимыхъ, которыхъ привлекали къ отвѣтственности, лично или черезъ своихъ агентовъ, губернаторы, Но если обвиненіе возникало по внушенію самовластныхъ разсчетовъ сановника? Если притязаніе кліента противорѣчило интересамъ казны или могущественной личности? Свободное слово было, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ предъ трибуналомъ, гдѣ засѣдалъ въ качествѣ судьи обвинитель, надѣленный безграничной властью надъ адвокатами. При подавленіи всякой независимости сословія, роль защитниковъ обращалась въ пустую формальность, безъ серьезнаго смысла для правосудія. Адвокатура теряла истинное значеніе свое предъ юстиціей и цѣлымъ обществомъ. Политическій и административный гнетъ приводилъ въ немощь юридическую силу защиты. Талантъ и независимыя убѣжденія оказывались излишними для адвокатской профессіи» [1]).

Такое положеніе вещей не могло благопріятствовать развитію ораторскихъ талантовъ. «Сколько», жалуется Тацитъ: «отнимаютъ у оратора силъ аудиторіи и архивы, въ которыхъ разбирается чуть ли не большая часть дѣлъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ благородные кони могутъ проявить себя въ бѣгахъ и на извѣстномъ разстояніи, такъ и у ораторовъ есть нѣкоторое поле, и если они на немъ не носятся свободно и безъ стѣсненій, то краснорѣчіе приходитъ въ упадокъ и теряетъ всякую силу... Часто судья самовольно останавливаетъ изложеніе доказательствъ и показанія свидѣтелей. Среди такихъ обстоятельствъ присутствуетъ 1 или 2 человѣка и дѣло ведется словно въ

[1]) *Стояновъ*, 127.

пустынѣ» [1]). Это было во времена Тацита, но если еще принять во вниманіе, что судопроизводство съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе тайнымъ и письменнымъ, что пренія сторонъ всячески ограничивались, и что неизвѣстный дотолѣ канцелярскій формализмъ достигъ громадныхъ размѣровъ, то станетъ вполнѣ понятенъ тотъ фактъ, что адвокаты императорскаго Рима постепенно утратили прежній характеръ судебныхъ ораторовъ и обратились въ повѣренныхъ, а ихъ профессія изъ благороднаго искусства въ простое ремесло. И дѣйствительно, если въ спискѣ адвокатовъ императорскаго періода встрѣчается нѣсколько славныхъ именъ, то всѣ они относятся къ первымъ вѣкамъ имперіи, т. е, къ тому періоду, когда новая организація профессіи только начиналась и когда еще не заглохли традиціи республики. Таковы были: Мессала, превосходившій, по отзывамъ современниковъ, плавностью рѣчи самого Цицерона, Африканъ, пламенный и возвышенный ораторъ, Вибій Криспъ, любимецъ Веспасіана и вмѣстѣ съ Эпріемъ Марцелломъ глава адвокатуры своего времени, Трахаллъ, богато одаренный всѣми ораторскими качествами и обладавшій такимъ громовымъ голосомъ, что когда онъ говорилъ въ одномъ судѣ, его слова были слышны въ остальныхъ трехъ судахъ базилики, къ великой досадѣ другихъ адвокатовъ [2]), Квинтиліанъ, знаменитый своимъ трактатомъ объ ораторскомъ искусствѣ, и Плиній—типъ идеально-честнаго и безкорыстнаго адвоката [3]). Но адвокатура послѣдующаго времени не выставила ни одного знаменитаго оратора.

§ 7.

Судебное представительство.

Въ древнѣйшемъ римскомъ процессѣ строго примѣнялся принципъ личной явки тяжущихся. «Въ прежнее время», говоритъ Гай: «никто не могъ дѣйствовать на судѣ отъ чужаго имени» [4]). Даже такія препятствія, какъ болѣзнь и преклонный возрастъ, не избавляли

---

[1]) *Tacit.* de orat, 39. Въ виду такихъ соображеній нельзя согласиться съ тѣми писателями, которые признаютъ положеніе адвокатуры императорскаго Рима сноснымъ и даже «счастливымъ». (Напр., *Bethmann-Hollweg:* Der Civilprocess des gemein. Rechts in geschicht. Entwick. 1864, III, B., 166).

[2]) *Quintil.*, XII.

[3]) *Plin.* Ep. V, 14: in causis agendis non modo pactione, dono, munere, verum etiam xeniis semper abstinui...

[4]) *Gai*, IV, 82: cum olim quamdiu solae legis actiones in usu fuissent, alterius nomine agere non liceret... *Inst. Just.*, IV, t. X.

тяжущагося отъ необходимости личнаго веденія дѣла [1]). «Замѣщеніе одного лица другимъ на судѣ», говоритъ С. Муромцевъ: «вообще не было извѣстнымъ до послѣднихъ вѣковъ республики» [2]). Хотя въ институціяхъ Юстиніана упоминаются нѣкоторые случаи, когда можно было дѣйствовать отъ чужаго имени, однако эти изъятія только кажущіеся [3]). «Если опекунъ», замѣчаетъ С. Муромцевъ: «искалъ на судѣ за опекаемаго и кураторъ за сумасшедшаго, если виндексъ защищалъ неисправнаго должника или увлекаемаго въ рабство, если, наконецъ, магистратъ выступалъ въ судѣ въ защиту государственнаго интереса, то все это не носило и тѣни замѣщенія: опекунъ и кураторъ согласно съ тѣмъ, какъ понималось это положеніе въ то время, защищали въ приведенномъ случаѣ свои интересы, свою опекунскую власть надъ имуществомъ опекаемаго; виндексъ былъ выразителемъ родовыхъ интересовъ, а что касается до магистрата, то не могло быть и рѣчи о замѣщеніи или представленіи имъ государства въ такое время, когда политическая власть отличалась личнымъ характеромъ» [4]). Отрицаніе судебнаго представительства обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что римское право по общепринятому въ литературѣ мнѣнію, принципіально не признавало представительства и допускало его только по исключенію [5]).

Въ теченіе первыхъ вѣковъ римской республики требованіе личной явки примѣнялось во всей строгости. Въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, когда тяжущіеся имѣли надобность въ судебныхъ представителяхъ, личная явка могла быть избѣгнута косвеннымъ путемъ, именно посредствомъ такъ называемой адстипуляціи, которая заключалась въ томъ, что лицо, вступающее въ договоръ (stipulator), привлекало въ качествѣ соучастника кого нибудь другаго (ad-

---

[1]) Leg. XII tabul.: si morbus aevitasve vitium escit, qui in jus vocabit, jumentum dato, si nolet arceram ne stemito.

[2]) *Муромцевъ:* Гражданское право древняго Рима, 1883, 81 Впрочемъ, не всѣ писатели раздѣляютъ это мнѣніе. Такъ, напр., *Eisele* (Cognitur und Procuratur, 1881), слѣдуя за К. Шмидтомъ (*Schmidt:* M. Tul. Ciceronis pro Roscio oratio, 1839) доказываетъ, что судебное представительство существовало въ древнѣйшія времена, хотя и допускалось не во всѣхъ стадіяхъ процесса (только въ такъ наз. judicium).

[3]) *Inst. Just.* IV, t. X: alterius nomine agere non posse, nisi pro populo, pro libertate, pro tutela.

[4]) *Муромцевъ:* у. с. 81, 82.

[5]) Таково господствующее мнѣніе. Но Савиньи держался противоположнаго взгляда (см. объясненія у *Mitteis*'a: Die Lehre von der Stellvertretung nach römisch. R. 1885, 9 ff). Въ новѣйшее время мнѣніе Савиньи нашло новаго приверженца въ лицѣ Helmann'a (Die Stellvertretung in Rechtsgeschäften, 1882).

stipulator) и, такимъ образомъ, могло или лично предъявить искъ изъ даннаго договора или предоставить это своему фиктивному сотоварищу [1]). Но съ большимъ развитіемъ гражданскаго оборота появилась настоятельная потребность въ представительствѣ. Результатомъ этого было возникновеніе института когниторовъ, а съ VII вѣка по основаніе Рима и прокураторовъ [2]). Разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что назначеніе когнитора происходило въ присутствіи противной стороны, въ торжественныхъ выраженіяхъ и, сверхъ того, только для представительства на судѣ, тогда какъ прокураторы могли быть назначаемы безъ этихъ формальностей и для самыхъ различныхъ цѣлей [3]).

Не останавливаясь на болѣе мелкихъ подробностяхъ и не касаясь спорнаго вопроса о томъ, существовало ли когда нибудь въ Римѣ судебное представительство въ полномъ объемѣ [4]), мы перейдемъ прямо къ непосредственно интересующему насъ предмету, именно къ организаціи института повѣренныхъ.

Въ источникахъ не сохранилось никакихъ данныхъ, которыя бы давали право думать, что повѣренные (cognitores, procuratores) составляли въ республиканскій періодъ отдѣльный классъ на ряду съ адвокатами. Если нѣкоторыя лица, быть можетъ, и занимались судебнымъ представительствомъ, какъ постоянной профессіей, то выдѣлиться въ особое сословіе они не успѣли. Само собой разумѣется, что о какой либо организаціи института повѣренныхъ при такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи.

Въ императорскій періодъ произошелъ поворотъ къ другому порядку вещей. До сихъ поръ адвокаты были по преимуществу ораторами. Теперь съ постояннымъ ограниченіемъ устности и гласности судопроизводства, съ введеніемъ письменности и развитіемъ формализма, судебное краснорѣчіе отошло на задній планъ. Адвокаты не могли болѣе полагаться только на свое ораторское искусство и представлять юридическую подготовку дѣла юрисконсультамъ и прагматикамъ. Они должны были сами быть спеціалистами въ правовѣдѣніи, и

---

[1]) *Rein:* Das Privatrecht und der Civilprocess der Römer, 1858, 668.

[2]) *Муромцевъ*, 313.

[3]) Ib., 312. *Dig.* L. III, t. III, f. 1: procurator est, qui, aliena negotia mandatu domini administrat.

[4]) *Amman* (Ueber den Begriff des Procurator und des Mandatarius nach römisch. Recht, 1879) считаетъ procurator'а представителемъ, а Мандатарія только замѣстителемъ (т. е. дѣйствовавшимъ отъ своего имени и передающимъ послѣдствія особымъ актомъ уполномочившему его лицу). Г. *Муромцевъ* (у. с., 672) тоже считаетъ прокураторовъ замѣстителями.

мы видѣли, что законодательство имперіи дѣйствительно гарантируетъ юридическое образованіе адвокатовъ посредствомъ системы экзаменовъ. Въ виду такихъ условій различіе между адвокатами, повѣренными и юрисконсультами начало мало по малу сглаживаться, и всѣ три функціи совмѣстились въ лицѣ адвокатовъ. Такимъ образомъ, правозаступничество слилось съ судебнымъ представительствомъ, и институтъ повѣренныхъ не успѣлъ добиться самостоятельнаго существованія [1]).

§ 8.

Общій взглядъ на римскую адвокатуру.

Жизнь римской адвокатуры, по справедливому замѣчанію г. Стоянова, протекла между двумя крайностями: неограниченной свободой и безпредѣльной регламентаціей. Въ республиканскій періодъ она была абсолютно свободной профессіей. Каждое лицо, чувствовавшее охоту и надѣявшееся на свои силы, могло оказывать своимъ согражданамъ юридическую защиту. Далѣе, правозаступничество было отдѣлено отъ судебнаго представительства; гонораръ считался почетнымъ даромъ, не допускающимъ ни условія, ни иска; внутренняя организація сословія отсутствовала; адвокатура служила путемъ къ достиженію высшихъ должностей въ государствѣ.

Во времена имперіи организація адвокатуры основывалась на діаметрально противоположныхъ принципахъ. Свобода профессіи была ограничена, во-первыхъ, образовательнымъ цензомъ, во-вторыхъ, комплектомъ, въ третьихъ, локализаціей, т. е. пріуроченіемъ дѣятельности къ одному опредѣленному судебному округу и, въ четвертыхъ, зависимостью отъ назначенія со стороны правительства. Далѣе, правозаступничество соединилось съ судебнымъ представительствомъ; гонораръ сталъ опредѣляться договоромъ и допускать судебное требованіе; сословіе было поставлено въ дисциплинарную зависимость отъ судовъ.

Ни та, ни другая организація не принесла вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Адвокатура республиканскаго періода выдвинула много выдающихся судебныхъ ораторовъ, окружившихъ ее ореоломъ почета и славы,—но отсутствіе какой-бы то ни было вну-

---

[1]) *Стояновъ*, 115. *Bethmann-Hollweg:* Der Civilprocess des gemein. Rechts, III, 162, 168. У него же приведены извлеченія изъ Симмаха (Ep. X, 39, 48) См. Anhang.

тренней организаціи сословія привело къ нравственной распущенности и злоупотребленіямъ. Въ императорскій періодъ, наоборотъ, профессіональная дѣятельность, благодаря правительственному надзору, избавилась отъ многихъ покрывавшихъ ее пятенъ, зато вслѣдствіе перемѣны въ системѣ судоустройства и судопроизводства, а также развитія бюрократизма, представители адвокатуры утратили свой прежній характеръ и обратились изъ судебныхъ ораторовъ въ простыхъ стряпчихъ и ходатаевъ по дѣламъ.

Обѣ формы организаціи, республиканскій патронатъ и императорское стряпчество, оказали вліяніе на устройство адвокатуры въ государствахъ западной Европы. Юстиніаново право, какъ извѣстно, послужило основой для законодательствъ почти всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Что касается самой Византійской имперіи, то преемники Юстиніана довольствовались богатымъ кладомъ, полученнымъ отъ него въ наслѣдство, изрѣдка измѣняя и дополняя его кодексы, сообразно съ измѣнявшимися условіями жизни. «Эклога» Льва Исаврiянина (VIII в.), «Прохейронъ» Василія Македонянина (IX в.), вскорѣ замѣнившій ее, и «Базилики» Льва Философа (IX, X в.), все это переводы на греческій языкъ съ незначительными передѣлками законовъ Юстиніана. Но вліяніе римскаго права распространилось далеко за предѣлы Византіи. До XII вѣка оно сказывалось въ тѣхъ странахъ, которыя были подъ владычествомъ Западной Римской Имперіи до ея паденія (476 г.), т. е. въ Италіи, Галліи, Великобританіи и нѣкоторыхъ германскихъ земляхъ. Послѣ XII вѣка оно получило силу въ остальныхъ земляхъ германскаго происхожденія [1]), такъ что въ XV и въ XVI вѣкахъ почти всѣ христіанскіе народы западной Европы усвоили себѣ кодексы. Юстиніана. Само собой разумѣется, что та организація адвокатуры, которая была начертана въ нихъ, оказывала большее или меньшее вліяніе, сообразно съ условіями времени и мѣста, на устройство этого института у каждаго изъ указанныхъ народовъ.

Но и традиціи республиканскаго Рима не погибли безслѣдно въ исторіи. Прорвавшись мало по малу сквозь сухую оболочку Юстиніановыхъ нормъ, онѣ привились на почвѣ Франціи, Англіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ и распустились пышнымъ цвѣтомъ.

Вліяніе обѣихъ этихъ формъ организаціи адвокатуры намъ не разъ придется отмѣчать въ послѣдующемъ изложеніи.

---

[1]) *Пахманъ:* Исторія кодификаціи, 1876, I, 32.

III.

ФРАНЦІЯ.

Литература.

Loisel: Pasquier ou Dialogue des Avocats du Parlement de Paris, 1652.

Husson: De Advocato, libri quatuor, 1666.

Boucher d'Argis: Histoire abregée de l'Ordre des Avocats, 1753.

Fournel: Histoire des Avocats au Parlement et du Barreau de Paris, 2 vol., 1813.

Dupin: Profession d'Avocat, 1834.

Joly: Le Barreau de Paris, 1863.

Gaudry: Histoire du Barreau de Paris depuis son origine jusqu'à 1830, 2 vol. 1864.

Pinard: Le Barreau au XIX siècle, 2 vol. 1864.

Mollot: Règles de la Profession d'Avocat, 2 vol. 1866.

Bataillard: Les origines de l'histoire des procureurs et des avoués depuis le cinquième siècle jusqu'au quinzième, 1868.

Bataillard et Nusse: Histoire des procureurs et des avoués, 2 vol., 1882.

Bendu: Les avocats d'autrefois, 1874.

Munier-Jolain: Vieux avocats—vieux procès, 1879.

Massol: Des honoraires des avocats, 1879.

Lachapelle-Montmoreau: Etudes sur la profession d'avocat, 1880.

Le Berquier: Le Barreau moderne français et étranger, 1882.

Liouville: Abrégé des règles de la profession d'avocat, 1883.

Delachenal: Histoire des avocats au Parlement de Paris (1300—1600), 1885.

Cresson: Usages et règles de la profession d'avocat, 2 vol. 1888.

Le Palais de Justice de Paris, son Monde et ses Moeurs, par la presse judiciaire parisienne, 1892.

Brix: Organisation der Advocatur, 1868, s. 306—343.

Forsyth: Hortensius, ch. VII.

Vargha: Die Vertheidigung in Strafsachen, 219—239.

§ 1.

Древнее время и средніе вѣка.

Римляне, завоевавъ Галлію, перенесли въ нее вмѣстѣ съ другими своими учрежденіями также и адвокатуру [1]), которая нашла себѣ благодарную почву въ лицѣ живыхъ, болтливыхъ и, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, любящихъ споры галловъ [2]). «Изъ всѣхъ государствъ Европы», такъ начинаетъ свою исторію Фурнель: «Галлія выказала наиболѣе склонности и расположенія къ адвокатурѣ» [3]). Уже при первыхъ римскихъ императорахъ слава галльскихъ ораторовъ и школъ риторики была такъ распространена, что жители другихъ странъ посылали туда молодыхъ людей учиться судебному краснорѣчію [4]). По словамъ Ювенала, краснорѣчивая Галлія обучила британскихъ адвокатовъ [5]). Римское владычество въ ней продолжалось четыре съ половиной столѣтія. Она представляла собой римскую префектуру, а потому всѣ постановленія объ адвокатурѣ, издававшіяся римскими императорами, относились и къ ней. Здѣсь тоже существовало сословіе адвокатовъ въ томъ видѣ, какъ было изложено въ предыдущей главѣ. Судя по нѣсколькимъ сохранившимся извѣстіямъ, можно заключить, что въ этотъ періодъ времени галльская адвока-

---

[1]) Что до римскаго завоеванія въ Галліи не было адвокатуры, это видно изъ описанія Юлія Цезаря.

[2]) *Amm. Marcel.*, XV, 12: avidi jurgiorum, metuendae voces complurium et minaces.

[3]) *Fournel*, p. 1. Катону приписываютъ слѣдующія слова о Галліи: pleraque Gallia duas res consequitur: rem militarem et argute loqui.

[4]) Наиболѣе славились школы Марсели, Ліона, Руана, Тура, Реймса, Безансона, Бордо. Норбонны и нѣк. др. *Gaudry*, I, 18.

[5]) Juv. XV, 110:

Gallica causidicos docuit facunda Britannos.

Въ другомъ мѣстѣ (VII, 147) тотъ-же авторъ говоритъ:

Accipiat te
Gallia vel potius nutricula causidicorum
Africa...

тура достигла высокой степени процвѣтанія. Св. Іеронимъ (IV в.) говоритъ о «плодовитости и блескѣ галльскаго краснорѣчія», Авзоній (IV в.) превозноситъ «краснорѣчіе галльскаго языка», а Сидоній Аполлинарій (V в.) упоминаетъ о знаменитомъ ораторѣ Флавіѣ Ницетіѣ, которому, по его выраженію, рукоплескало все собраніе лучшихъ адвокатовъ Галліи [1]).

Въ V вѣкѣ Галлія была завоевана франками. Вначалѣ ея юридическія учрежденія не подверглись никакимъ измѣненіямъ. Клотаръ I (590) предписалъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ сохранялись формы стараго права, и чтобы процессы между римлянами (т. е. галлами) рѣшались по римскимъ законамъ [2]). Адвокатура тоже продолжала существовать въ прежнемъ видѣ. Бургундскій законъ подтвердилъ распоряженіе Клотара и въ тоже время запретилъ адвокатамъ брать гонораръ [3]). Въ капитуляріяхъ Карла Великаго, какъ мы увидимъ при изложеніи исторіи германской адвокатуры, содержатся также постановленія объ адвокатахъ.

Но съ распаденіемъ монархіи Карла Великаго и развитіемъ феодализма отправленіе правосудія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и адвокатура стали приходить въ упадокъ. Главными формами процесса сдѣлались судебные поединки и Божьи суды и, притомъ, не только въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ. Любопытнымъ образчикомъ этого можетъ служить процессъ изъ-за одного пожертвованія между Парижской церковью и аббатствомъ С. Дени (въ 773). Каждая сторона избрала себѣ человѣка, который долженъ былъ поднять руку и держать ее до изнеможенія. Первымъ ослабѣлъ и опустилъ руку представитель церкви, и потому дѣло было рѣшено въ пользу аббатства [4]). Еще курьезнѣе случай, происшедшій въ 1018 г. Одинъ монастырскій настоятель, отказываясь причислить святаго Марціала къ числу апостоловъ, предложилъ всякому, кто будетъ ему противорѣчить, рѣшить дѣло поединкомъ [5]). «Съ этого времени», говоритъ Годри: «наши древнія лѣтописи наполнены испытаніями и поединками».

Дѣло дошло даже до того, что въ 1168 г. Людовикъ VII въ одномъ указѣ, относящемся къ городу Орлеану, долженъ былъ запре-

---

[1]) *Gaudry*, I, 20—24.
[2]) *Gaudry*, 28.
[3]) Lex Burg, praef.
[4]) *Rendu*, 18. *Gaudry*, I, 40.
[5]) Ego proelium faciam, quod sanctus Martialis non est apostolus, si quis mihi contradixerit. *Gaudry*, I, 55.

тить дуэль для дѣлъ ниже 5 су (около 70 франковъ) [1]). Само собой понятно, что при такомъ способѣ рѣшенія дѣлъ адвокатура не могла развиваться. Задача ея въ подобныхъ процессахъ заключалась только въ обсужденіи вопроса, слѣдуетъ ли допустить Божій судъ въ данномъ случаѣ. Обыкновенно адвокатъ, изложивъ требованія своего кліента, подтверждалъ ихъ юридическими доводами и въ концѣ рѣчи просилъ судъ назначить судебный поединокъ, если противникъ не признаетъ себя неправымъ. При этомъ онъ отъ имени своего кліента дѣлалъ вызовъ противнику, бросая къ его ногамъ перчатку [2]). Адвокатъ противника, въ свою очередь, защищалъ интересы своей стороны и доказывалъ, что судебный поединокъ излишенъ, но что въ случаѣ надобности его довѣритель готовъ рѣшить дѣло оружіемъ лично или посредствомъ наемнаго бойца. Если его кліентъ не признавалъ себя неправымъ и соглашался на поединокъ, то судъ назначалъ мѣсто и время для него. Приготовленія къ поединку, заключавшіяся въ принесеніи присяги и совершеніи религіозной церемоніи, происходили въ присутствіи адвокатовъ. Но когда герольдъ подавалъ сигналъ къ битвѣ, обязанности адвокатовъ прекращались, и тяжущіеся предоставлялись самимъ себѣ.

Дальнѣйшее развитіе феодализма, результатомъ котораго было образованіе во Франціи цѣлаго ряда самостоятельныхъ вассальныхъ владѣній, закрѣпощеніе низшаго класса и господство частныхъ войнъ вмѣстѣ съ кулачнымъ правомъ, привело къ окончательному паденію законнаго порядка и правосудія. Адвокатура совершенно заглохла. Только въ духовныхъ судахъ, гдѣ не допускались поединки, было больше простора для дѣятельности адвокатовъ. Каноническое право заимствовало цѣлый рядъ постановленій объ адвокатурѣ изъ римскаго права. Оно требовало отъ адвокатовъ трехлѣтняго изученія каноническаго и гражданскаго права, практической подготовки и ежегоднаго принесенія присяги. Отрицательныя условія для занятія профессіей были почти тѣ же, что и въ римскомъ правѣ [3]). Къ практикѣ при духовныхъ судахъ допускались какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Но въ виду того, что между свѣтскими было немного свѣдущихъ въ правѣ,

---

[1]) *Gaudry*, I. 55.

[2]) Адвокатъ долженъ былъ соблюдать крайнюю осторожность въ выраженіяхъ, чтобы судьи не подумали, что онъ дѣлаетъ вызовъ отъ своего имени, и чтобы ему не пришлось самому вступить въ поединокъ. Подобный случай произошелъ съ адвокатомъ Hugues de Fabrefort *Loisel*, 126 (въ сборникѣ *Dupin'a:* Profession d'Avocat).

[3]) *Delachenal*, XI

большинство адвокатовъ принадлежало къ духовенству. Мало по малу въ ихъ руки перешли не только церковныя, но и гражданскія, феодальныя и уголовныя дѣла, такъ что афоризмъ «никто не можетъ быть адвокатомъ кромѣ духовнаго» (nemo causidicus, nisi clericus) имѣлъ въ это время полную силу на практикѣ. Первый толчекъ къ новому порядку вещей былъ данъ, съ одной стороны, открытіемъ Дигестъ Юстиніана въ Амальфи (1135 г.), а съ другой стороны, постановленіями вселенскихъ соборовъ Латеранскаго (1179 г.) и Турскаго (1180), запретившихъ духовнымъ адвокатамъ выступать въ свѣтскихъ судахъ [1]). Свѣтскіе юристы усердно предались изученію римскаго права; вліяніе каноническаго права уменьшилось; вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло значеніе гражданскихъ судовъ, и стала все больше и больше развиваться свѣтская адвокатура.

Съ конца XIII в. адвокатура начинаетъ подвергаться законодательной регламентаціи. Въ 1270 г. появились знаменитыя «Учрежденія Людовика Святаго», положившія первыя основы французскаго судоустройства и судопроизводства. Ограничивъ примѣненіе судебныхъ поединковъ [2]) и тѣмъ самымъ предоставивъ больше простора для дѣятельности адвокатовъ, Людовикъ помѣстилъ въ свои своды нѣсколько постановленій, касающихся отправленія этой профессіи и почти буквально повторяющихъ римское право. Прежде всего, Людовикъ предписываетъ имъ «не защищать на судѣ незаконныхъ дѣлъ» (causes déloyales). Далѣе, онъ требуетъ, чтобы они были «оффиціальными защитниками бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ», и чтобы въ преніяхъ съ противниками они «говорили вѣжливо и безъ грубости». Наконецъ, ссылаясь на постановленіе Юстиніанова кодекса, онъ запрещаетъ «заключать какія бы то ни было сдѣлки относительно гонорара съ кліентами во время производства дѣла» [3]). Сынъ Людовика Филиппъ Смѣлый развилъ и дополнилъ эти постановленія. Указомъ 1274 года онъ опредѣлилъ: 1) что адвокаты при поступленіи въ сословіе должны приносить присягу по формулѣ, весьма близкой къ формулѣ

---

[1]) Несмотря на свой санъ, духовные адвокаты отличались корыстолюбіемъ и запятнали себя многими нарушеніями профессіональныхъ обязанностей, такъ что значительное число ихъ было даже отлучено отъ церкви (*Fournel*, I, 82). *Pierro de Blois* писалъ объ адвокатахъ XII вѣка: „hodie avaritia militant patroni causarum. *Rendu*, 25) Этимъ-то, главнымъ образомъ, вызваны запретительныя мѣры соборовъ.

[2]) Они были окончательно уничтожены въ половинѣ XVI вѣка. *Gaudry*, 66.

[3]) Establissements, l. II, ch. XIV; Comment avocas se doit contenir en cause.

римскаго права [1]), но дополненной пунктомъ о гонорарѣ; 2) что эту присягу они должны повторять ежегодно, и 3) что размѣръ гонорара долженъ опредѣляться, сообразно съ родомъ дѣла и способностью адвоката [2]), но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть больше 30 турскихъ ливровъ [3]).

Первые зачатки сословной организаціи адвокатуры видны уже въ XIV вѣкѣ. Когда высшій судъ королевства—парламентъ, бывшій вначалѣ разъѣзднымъ, сдѣлался осѣдлымъ (1302 г.), адвокаты, которые практиковали при немъ и сопровождали его въ путешествіяхъ по государству, образовали свободную ассоціацію, получившую названіе сословія по образцу римской адвокатуры императорскаго періода (ordo, ordre), и въ противоположность многочисленнымъ цехамъ и промышленнымъ корпораціямъ того времени. Сословная организація не была сразу опредѣлена закономъ; она возникла независимо отъ законодательной власти путемъ практики и обычая, и только впослѣдствіи подверглась правительственной регламентаціи. Адвокаты самопроизвольно образовали ассоціацію и присвоили ей названіе «сословія»; парижскій парламентъ въ своихъ актахъ охотно признавалъ ее, а законодательство, не касаясь внутреннихъ отношеній и дисциплины сословія, ограничивалось опредѣленіемъ внѣшней ея организаціи. Несмотря на столь ограниченную сферу дѣятельности, законодательная власть обнаружила чрезвычайную плодовитость. Въ теченіи XIV, XV и XVI столѣтій было издано около 50 указовъ, относящихся къ адвокатурѣ. Разсматривать въ хронологическомъ порядкѣ эти отрывочныя, другъ друга дополняющія, измѣняющія и отмѣняющія постановленія было-бы чрезвычайно утомительно и, сверхъ того, нераціонально, такъ какъ читатель не могъ-бы составить себѣ яснаго представленія о средневѣковой французской адвокатурѣ по одному сухому перечню правительственныхъ узаконеній. Въ виду этого, мы предпочитаемъ обозрѣть весь законодательный и литературный матеріалъ въ систематическомъ порядкѣ и представить читателю сжатую картину того состоянія, въ какомъ находилась адвокатура во второй половинѣ сред-

---

[1]) Ordon. du 23 oct. 1274: jurabunt advocati, quod... nihil ultra summam recipient pretaxatam (art. 3).

[2]) Ib.: pro modo litis et advocatorum peritia (art. 2).

[3]) Ib.: pro tota causa summam triginta librarum turonensium unius advocati salarium non excedat (art. 2).

30 турскихъ ливровъ равнялись 672 тогдашнимъ франкамъ или 3600 нынѣшнимъ.

Gaudry, 91 См. прим. 2 на стр. 91.

нихъ вѣковъ. Намъ предстоитъ дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: о допущеніи къ адвокатурѣ, о сословныхъ учрежденіяхъ, дисциплинарной власти, гонорарѣ, профессіональной дѣятельности и общественномъ положеніи адвокатовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому изложенію, необходимо замѣтить, что мы будемъ говорить, какъ это обыкновенно дѣлается, преимущественно объ адвокатурѣ парижскаго парламента, такъ какъ она имѣла первенствующее значеніе и служила моделью организаціи провинціальной адвокатуры.

Парижскій парламентъ состоялъ изъ главной палаты, въ которой разбирались наиболѣе важныя дѣла (Grand-Chambre), и нѣсколькихъ другихъ для мелкихъ дѣлъ (chambres des requêtes). Кромѣ того, въ Парижѣ былъ еще низшій судъ (Châtelet), при которомъ состояли особые адвокаты.

Допущеніе къ адвокатурѣ. Древнѣйшіе указы требуютъ только одного условія для допущенія къ адвокатурѣ,—именно принесенія присяги, которая затѣмъ должна была быть повторяема ежегодно [1]). Формула ея вначалѣ мало чѣмъ отличалась отъ римской присяги. Адвокаты давали клятву въ томъ, что они будутъ добросовѣстно и усердно исполнять свои обязанности, ведя только правыя дѣла и отказываясь отъ защиты или подачи совѣта, какъ только убѣдятся въ несправедливости или нечестности принятаго дѣла [2]). Впослѣдствіе формула присяги была расширена. Помимо указанныхъ пунктовъ, въ нее были внесены еще нѣсколько другихъ, именно адвокаты обязывались «увѣдомлять судъ, если замѣтятъ въ дѣлѣ что-нибудь касающееся короля; не употреблять дерзостей въ судебныхъ бумагахъ; не предлагать и не защищать обычаевъ, которыхъ они не считаютъ истинными; вести дѣла по возможности быстро; не прибѣгать злонамѣренно къ проволочкамъ и увертками; не брать гонорара свыше 30 ливровъ; опредѣлять его сообразно съ родомъ дѣла и положеніемъ тяжущихся; не заключать договоровъ о части спорной вещи (pactum de quota litis [3])».

Въ XIV вѣкѣ было установлено второе условіе для принятія въ число адвокатовъ: внесеніе въ списокъ. Хотя указъ, впервые упоминающій о спискѣ, относится къ адвокатамъ, состоявшимъ не при парижскомъ парламентѣ, а при низшемъ судѣ «Châtelet» [4]) но, какъ

---

[1]) Ordon. 1274, art. 1,4. Ord 1291, art. 11.
[2]) Ord. 1274, art. 1.
[3]) Ord. 1345.
[4]) Ordon. 1327, art. 41.

справедливо замѣчаетъ Молло, трудно допустить, чтобы веденіе списка не практиковалось въ то время въ высшемъ судѣ [1]). Указъ 1345 г. оффиціально предписалъ вести списокъ парламентскихъ адвокатовъ, внося въ него достойныхъ и способныхъ и не допуская неопытныхъ [2]). «Было-бы ошибочно думать», говоритъ Делашеналь, изучавшій парламентскіе архивы: «что адвокаты должны были подвергаться формальному экзамену... Мы не находимъ въ регистрахъ парламента никакого упоминанія о подобномъ экзаменѣ. На практикѣ прибѣгали къ болѣе простому и быстрому способу: наводили справки только относительно религіи и нравственности адвоката; что-же касается его способности, то она удостовѣрялась его дипломомъ лиценціата правъ» [3]). Такимъ образомъ, требованіе высшаго юридическаго образованія установилось на практикѣ само собой. Законодательство формально подтвердило его не ранѣе конца XV вѣка [4]). Но многіе факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что оно существовало несравненно раньше. Въ самомъ дѣлѣ, ректоръ и доктора университета въ Анжэ подали въ парижскій парламентъ заявленіе, что многія лица, не имѣющія диплома лиценціата правъ, принимаются въ адвокатуру, несмотря на то, что «безчисленнымъ множествомъ указовъ было опредѣлено и издавна ненарушимо соблюдалось во всѣхъ судахъ королевства, чтобы никто не допускался къ адвокатурѣ безъ такого диплома» [5]). Кромѣ того, Делашеналь удостовѣряетъ, что всѣ адвокаты, о принятіи которыхъ въ сословіе сохранились свѣдѣнія въ парламентскихъ архивахъ, были лиценціатами правъ [6]).

Представивъ свой дипломъ, кандидатъ при отсутствіи всякихъ препятствующихъ причинъ допускался къ присягѣ. Обыкновенно она приносилась въ день открытія парламентскихъ засѣданій, когда практикующіе адвокаты возобновляли свою присягу. «Каждый годъ», говоритъ Делашеналь: «12 ноября, на слѣдующій день послѣ праздника св. Мартина, парламентъ собирался подъ предсѣдательствомъ канцлера или-же перваго президента въ большой залѣ дворца, чтобы выслушать мессу св. Духа. Она пѣлась торжественно между шестью

---

[1]) *Mollot*, I, 204, note 2. *Delachenal*, упустивъ изъ виду этотъ указъ, полагаетъ, что веденіе списка началось съ 1340 г. (*Delachenal*, 2).

[2]) Ordon. 1345: ponantur in scriptis nomina advocatorum; deinde rejectis non peritis, eligantur ad hoc officium idonei et sufficientes, *Delachenal* 2.

[3]) *Delachenal*, 6. *Cresson* (I, 7), слѣдуя за *Gaudry* (I, 127), держится противоположнаго взгляда.

[4]) Ordon. du 8. janv. 1490.

[5]) *Delachenal*, 391.

[6]) *Delachenal*, 7.

и семью часами утра духовенствомъ одного изъ четырехъ нищенскихъ орденовъ въ присутствіи многочисленной публики. По окончаніи мессы, предсѣдатель и члены суда удалялись въ большую камеру (grand'-chambre). Сначала при закрытыхъ дверяхъ читались указы, касавшіеся членовъ и приставовъ парламента. Затѣмъ, двери отворялись, и прочитывались указы, относящіеся къ адвокатамъ, повѣреннымъ и сторонамъ. Далѣе, слѣдовали просьбы новыхъ адвокатовъ о допущеніи къ профессіи; онѣ также читались громко. Наконецъ, адвокаты и повѣренные приносили обычную присягу» [1]). Къ этому описанію слѣдуетъ еще прибавить, что молодые кандидаты вводились подобно тому, какъ въ республиканскомъ Римѣ, старыми адвокатами. Имена практикующихъ адвокатовъ заносились въ списокъ (rôle, а впослѣдствіи tableau) въ порядкѣ ихъ допущенія къ профессіи. Древнѣйшій, сохранившійся до настоящаго времени списокъ относится къ 1340 г. и заключаетъ въ себѣ всего 51 фамилію [2]). Первый адвокатъ списка назывался деканомъ (doyen). Онъ предсѣдательствовалъ на общихъ собраніяхъ адвокатовъ и пользовался нѣкоторыми привиллегіями [3]).

Итакъ, дипломъ лиценціата правъ, присяга и внесеніе въ списокъ,—вотъ три условія, которыя требовались для допущенія къ адвокатурѣ Что касается практической подготовки, то она, повидимому, не была обязательна. По крайней мѣрѣ, указъ 1345 г., хотя и предписываетъ молодымъ адвокатамъ (novi, audientes) не начинать практики сразу, а сначала «въ теченіи достаточнаго времени» слушать рѣчи старшихъ адвокатовъ и изучать формы процесса [4]), но не упоминаетъ о томъ, что эта подготовка должна происходить до внесенія адвоката въ списокъ. Напротивъ, изъ его постановленій видно, что подъ «новыми адвокатами» онъ разумѣетъ недавно внесенныхъ въ списокъ. Во всякомъ случаѣ, какъ замѣчаетъ Делашеналь: «нельзя сказать съ достовѣрностью, чтобы подготовка предшествовала внесенію въ списокъ» [5]).

Каждый вносимый въ списокъ адвокатъ долженъ былъ уплатить

---

[1]) Ib., 20.

[2]) Онъ перепечатанъ у *Delachenal'я* (p. 398). Въ 1562 г. число адвокатовъ, внесенныхъ въ списокъ парламента, превышало 400 (*Delach.*, 399).

[3]) Такъ напр., въ случаѣ отсутствія судьи на него возлагалось исполненіе судейскихъ обязанностей. *Delach.*, 36.

[4]) Ordon. 1345: ne ex abrupto et imprudenter advocationis officium exerceant, sed per tempus sufficiens advocatos antiquos et expertos audiant diligenter.

[5]) *Delachenal*, 25.

два экю, которые шли на устройство «обычныхъ мессъ» [1]). Хотя вселенскіе соборы запретили духовнымъ лицамъ быть адвокатами въ свѣтскихъ судахъ, но это запрещеніе не соблюдалось на практикѣ. Въ числѣ адвокатовъ было много лицъ духовнаго званія не только во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но даже и въ новое время, вплоть до революціи. «И дѣйствительно», замѣчаетъ Годри: «если званіе священника не служило препятствіемъ къ исполненію обязанностей магистратуры, если для нѣкоторыхъ членовъ парламента оно было условіемъ для ихъ допущенія туда, то какъ оно могло быть препятствіемъ къ занятію адвокатурой?» [2]).

Но монахи, какъ лица, отрекшіеся отъ міра и обязанные безпрекословнымъ повиновеніемъ духовному начальству, никогда не принимались въ адвокатуру.

Сословныя учрежденія. Хотя адвокаты постоянно присваивали себѣ названіе сословія, но внутренняя организація ихъ имѣла въ средніе вѣка совсѣмъ не тотъ видъ, какъ въ новое время. Прежде всего, они не только не были отдѣлены отъ института повѣренныхъ, но, наоборотъ, составляли вмѣстѣ съ нимъ одну ассоціацію. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ помѣщеніи парламента съ давнихъ поръ существовала капелла св. Николая, который во Франціи считался патрономъ юристовъ подобно тому, какъ у насъ онъ признается покровителемъ моряковъ. Для поддержки его культа образовалось въ XIV вѣкѣ религіозное «братство св. Николая» (la confrèrie de St. Nicolas), членами котораго были адвокаты и повѣренные. Благодаря такой ассоціаціи, между адвокатами и повѣренными установилось мало по малу тѣсное общеніе, результатомъ котораго было возникновеніе наряду съ братствомъ «общины адвокатовъ и повѣренныхъ» (la communauté des avocats et procureurs). Въ сущности, по словамъ Делашеналя, братство и община представляли собою одно и тоже, такъ какъ каждая изъ этихъ ассоціацій обнимала собой всю совокупность адвокатовъ и повѣренныхъ. Онѣ различались только по своимъ цѣлямъ: одна преслѣдовала исключительно религіозную цѣль, другая — практическую [3]). Во главѣ общины стояли депутаты, избранные ея членами (procureurs de la communauté). Они управляли имуществомъ общины, являлись представителями

---

[1]) Ib., 27.
[2]) *Gaudry*, I, 418.
[3]) *Delachenal*, 47.

ея въ сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями и защищали права и привиллегіи ея членовъ. Имъ было предоставлено право наблюдать за исполненіемъ указовъ, относящихся къ судопроизводству, и имѣть надзоръ за дѣятельностью адвокатовъ и повѣренныхъ. Такимъ образомъ, депутаты общины представляли собой зародышъ органа сословнаго самоуправленія. Другихъ подобныхъ органовъ въ средніе вѣка еще не существовало.

Дисциплинарная власть принадлежала всецѣло парламенту. Адвокаты, какъ было не разъ подтверждаемо указами, входили въ составъ «парламентскаго корпуса» (le corps du Parlement) и занимали въ немъ мѣсто, слѣдующее за судьями и прокурорами. Парламентъ имѣлъ право издавать всякаго рода распоряженія, касающіяся своего внутренняго устройства, а, слѣдовательно, могъ регламентировать и дѣятельность адвокатуры. Сами адвокаты не хотѣли признавать надъ собой никакой другой власти и подчинялись только распоряженіямъ парламента. Въ парламентскихъ архивахъ сохранилось много случаевъ дисциплинарнаго производства надъ адвокатами. Изъ нихъ видно, что парламентъ примѣнялъ къ провинившимся въ нарушеніи его постановленій слѣдующія наказанія: денежный штрафъ, удаленіе изъ засѣданія, запрещеніе практики и арестъ. Проступки адвокатовъ заключались въ несоблюденіи установленныхъ закономъ и обычаемъ правилъ и нарушеніи парламентскихъ распоряженій. Такъ напримѣръ, адвокатская присяга, содержаніе которой было изложено раньше, налагала на адвокатовъ обязанность не вести неправыхъ или несправедливыхъ дѣлъ. Нѣкоторые факты свидѣтельствуютъ, что въ средніе вѣка, не всѣ адвокаты строго исполняли это постановленіе. Между ними находились такіе, которые были неособенно разборчивы въ выборѣ дѣлъ. Адвокатъ XIV вѣка Гильомъ-дю-Брюейль (Guillaume-du-Brueil) прямо рекомендовалъ своимъ коллегамъ предпочитать богатыхъ кліентовъ бѣднымъ [1]). Самъ онъ пользовался плохой репутаціей и не разъ подвергался дисциплинарному преслѣдованію [2]). Парламентъ, какъ видно изъ его архивовъ, требовалъ отъ адвокатовъ аккуратнаго исполненія своихъ обязанностей и наказывалъ ихъ за опаздываніе на засѣданія и за отлучку безъ спроса изъ города. Наказаніями въ этихъ случаяхъ были штрафы не свыше 10 парижскихъ ливровъ [3]).

---

[1]) Preferens in expediendo solventes non solventibus, vel maxime actorisabiles .. *Delach*, 262 n. 4.

[2]) *Gaudry*, I, 141.

[3]) *Delachenal*, 125.

Обвинительные приговоры по дисциплинарнымъ дѣламъ были въ общемъ рѣдки. «Регистры парламента», говоритъ Делашеналь, «упоминаютъ объ очень небольшомъ числѣ ихъ, и ничто не заставляетъ предполагать, чтобы тамъ были сдѣланы пропуски [1]).

Гонораръ. Первые указы, касающіеся вопроса объ адвокатскомъ гонорарѣ, идутъ по пути, намѣченному юстиніановымъ законодательствомъ. Они ограничиваются установленіемъ максимума вознагражденія, которое могъ требовать и получать адвокатъ. Вначалѣ предѣльная сумма гонорара за одно дѣло равнялась 30 турскимъ ливрамъ (3,600 современныхъ франковъ) [2]). Въ XIV в. турскіе ливры были замѣнены парижскими (3,500 современныхъ франковъ) [3]). Но на практикѣ эта такса не принималась во вниманіе, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ въ парламентскихъ архивахъ [4]). Опредѣленіе и взысканіе гонорара производилось согласно съ постановленіями римскаго права. Адвокатъ могъ обусловливать себѣ вознагражденіе до процесса. Но если онъ не заключилъ такого условія, или если кліентъ требовалъ уменьшенія гонорара, то размѣръ его опредѣлялся парламентомъ. Нерѣдко адвокаты прямо обращались къ парламенту съ просьбой опредѣлить ихъ гонораръ. Въ другихъ случаяхъ они сами назначали размѣръ его, и парламентъ ограничивался провѣркой, причемъ часто уменьшалъ требованія адвокатовъ. Въ случаѣ проигрыша процесса и уклоненія кліента отъ платежа, адвокаты прибѣгали къ суду. Искъ о гонорарѣ въ то время считался, согласно съ юстиніановымъ правомъ, дозволеннымъ и нисколько не предосудительнымъ. Сохранилось свѣдѣніе, что два адвоката XV вѣка (Pierre de Maucreux и Gacques la Vache) описали и продали съ публичнаго торга домъ своихъ кліентовъ, которые не уплатили гонорара [5]).

Въ случаѣ выигрыша процесса вознагражденіе адвоката взыскивалось съ противной стороны въ качествѣ части судебныхъ издержекъ. Обыкновенно эти издержки сильно преувеличивались, такъ что парламентъ долженъ былъ назначить одного изъ судей спеціально для провѣрки и уменьшенія счетовъ, представляемыхъ тяжущимися (juge

---

[1]) *Delachenal.* 124.

[2]) Ordon. 1274, art. 2; 1291, 1315 etc. Гонораръ въ теченіи среднихъ вѣковъ носилъ названіе „salarium“ или „salaire“. Въ текстѣ мы придерживаемся вычисленія Делашеналя, по которому турскій ливръ равнялся въ XIII в. 120 современнымъ франкамъ, а въ XIV в. 93—94. *Delach.*, 278.

[3]) Ordon. 1345.

[4]) *Delachenal*, 279.

[5]) *Delach.*, 275.

taxateur). Въ счетахъ должно было быть обозначаемо имя адвоката, тѣ дѣйствія и услуги, за которыя ему причитывается вознагражденіе, и размѣръ этого вознагражденія. Въ случаѣ неозначенія какого-либо изъ этихъ обстоятельствъ, просьба о возмѣщеніи судебныхъ издержекъ отвергалась [1]).

Провѣряя или опредѣляя размѣръ гонорара, парламентъ руководствовался тоже постановленіями римскаго права. Согласно съ Дигестами, онъ принималъ во вниманіе 1) родъ дѣла (modus litis), 2) талантъ адвоката (facundia advocati) и 3) судебные обычаи. Хотя сохранилось много свѣдѣній о суммахъ, которыя получали адвокаты, тѣмъ не менѣе невозможно опредѣлить средней величины гонорара въ виду того, что онъ уплачивался не цѣликомъ, а порознь за отдѣльные фазисы процесса. Подъ «дѣломъ» (la cause) въ средніе вѣка вовсе не разумѣлась вся тяжба отъ начала до конца. При тогдашнемъ судопроизводствѣ многія тяжбы продолжались по цѣлымъ годамъ и десяткамъ лѣтъ. «Потому», говоритъ Делашеналь: «названіе дѣла» давалось каждому фазису производства, заканчивавшемуся рѣшеніемъ, хотя-бы и предварительнымъ» [2]).

Какъ-бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ профессія оплачивалась хорошо, и многіе адвокаты составляли себѣ огромныя состоянія. Гильомъ-дю-Брюейль, напримѣръ, нѣсколько разъ былъ милліонеромъ и оставилъ послѣ себя состояніе въ 15—20 милліоновъ франковъ [3]), а Реньо д'Аси ежегодно зарабатывалъ около 200 тыс. франковъ [4]).

Взамѣнъ гонорара нѣкоторые адвокаты получали отъ своихъ постоянныхъ кліентовъ годовыя пенсіи. Точно также имъ дозволялось принимать подарки и легаты. Но по примѣру римскаго права было запрещено заключать условія относительно части спорнаго имущества [5]) и пріобрѣтать спорныя права [6]).

Профессіональная дѣятельность. Обязанности адвокатовъ выражались въ подачѣ юридическихъ совѣтовъ (consulter), устной защитѣ дѣлъ на судѣ (plaider) и составленіи нѣкоторыхъ судебныхъ бумагъ (écrire). Подобно тому, какъ и въ республиканскомъ Римѣ, французскіе юристы-практики раздѣлялись на двѣ группы. Одни занимались преимущественно или даже исключительно подачей

---

[1]) „Nihil, quia non apparet“ рѣшалъ парламентъ. *Delachen.*, 276.
[2]) *Delachenal*, 281.
[3]) *Gaudry*, I, 142.
[4]) *Gaudry*, I, 282.
[5]) Ordon. 1345.
[6]) *Delachenal*, 283.

совѣтовъ, другіе-же помимо этого вели дѣла въ судахъ. Первые назывались, какъ и въ Римѣ, юрисконсультами (jurisconsulti, avocats consultants),—вторые адвокатами (avocats plaidants). Юрисконсульты не только подавали устные и письменные совѣты, но и нерѣдко сочиняли и печатали цѣлыя юридическія статьи (мемуары) по просьбѣ тяжущихся. Помимо того, они занимались научнымъ толкованіемъ права. Ихъ дѣятельность имѣла чрезвычайно важное значеніе для развитія французской юриспруденціи. «Благодаря ихъ терпѣливымъ трудамъ», говоритъ Рандю: «были подготовлены и созрѣли положенія новѣйшаго права. Имъ мы обязаны тѣми прочными принципами, которые нѣкогда оспаривались, и на которыхъ основывается все наше законодательство» [1]). Исторія юридической консультаціи не входитъ въ нашу задачу. Мы должны только замѣчать, что юрисконсульты процвѣтали во Франціи отдѣльно отъ адвокатуры до XVIII вѣка включительно, и что только въ XIX вѣкѣ они окончательно слились съ адвокатами.

Устная защита составляла монополію адвокатовъ. Кромѣ нихъ, никто не имѣлъ права говорить на судѣ по чужому дѣлу [2]). Въ XIV и XV вв. это правило было еще болѣе расширено. Парламентъ пересталъ допускать даже самихъ тяжущихся къ устной защитѣ, требуя, чтобы они избирали себѣ адвоката. Одинъ адвокатъ XIV в. прямо говоритъ, что личная защита своего дѣла не допускалась и не допускается во Франціи [3]). Только процессы между духовными лицами или между членами суда происходили безъ участія адвокатовъ. Это объясняется тѣмъ, что подобныя дѣла разбирались при закрытыхъ дверяхъ, и что обыкновенно для разрѣшенія ихъ достаточно было выслушать тяжущихся, такъ какъ никакихъ особыхъ затрудненій при рѣшеніи ихъ не встрѣчалось. Вести дѣла въ парламентѣ могли и адвокаты, не состоявшіе при немъ, но каждый разъ съ особаго его разрѣшенія.

Многіе тяжущіеся, въ особенности юридическія лица (города, церкви, монастыри) имѣли постоянныхъ адвокатовъ, которымъ уплачивали годовое жалованье. Но большинство, конечно, должно было приглашать себѣ адвоката на каждое данное дѣло. Если тяжущійся почему-либо не могъ или не хотѣлъ сдѣлать этого, то онъ просилъ судъ о назначеніи себѣ защитника. Надо замѣтить, что въ средніе

---

[1]) *Rendu*, 187.

[2]) Ordon du 13 fév. 1327: nul ne s'efforse de plaider, s'il n'est advocat, si ce n'est pour sa cause propre.

[3]) *Delachen.*, 51.

вѣка назначеніе на защиту имѣло совсѣмъ не то значеніе, какое оно получило въ новое время. Просить о назначеніи могли не только бѣдныя лица, но и всѣ, которыя хотѣли обезпечить себѣ помощь какого-нибудь выдающагося адвоката. Такъ напримѣръ, такіе защитники были назначены парламентомъ епископу парижскому и графу Фландрскому (1366 г.), графинѣ Фландрской (1368), герцогамъ Анжуйскому и Орлеанскому (1370, 1375) и т. п. [1]). Назначеніе на защиту основывалось на извѣстномъ правилѣ преторскаго эдикта (si non habebunt advocatum, ego dabo), перешедшимъ въ феодальное право, и имѣло троякое значеніе. Во первыхъ, оно служило для установленія равенства между тяжущимися. Нерѣдко могло случиться, что даже богатый и знатный тяжущійся не могъ найти себѣ адвоката вслѣдствіе того, что противникъ его былъ еще вліятельнѣе или успѣлъ раньше пригласить наилучшихъ адвокатовъ. Въ такомъ случаѣ парламентъ, назначая просителю одного или нѣсколькихъ хорошихъ адвокатовъ, предотвращалъ невыгодныя послѣдствія процессуальнаго неравенства. Во вторыхъ, парламентъ такимъ способомъ выводилъ изъ затруднительнаго положенія тѣхъ адвокатовъ, которые состояли постоянными патронами обѣихъ тяжущихся сторонъ. Въ случаѣ подобной коллизіи интересовъ парламентъ опредѣлялъ, котораго изъ своихъ кліентовъ адвокатъ долженъ защищать въ данномъ случаѣ. Въ третьихъ, оффиціальное назначеніе избавляло адвоката отъ опасности повергнуться впослѣдствіи преслѣдованію со стороны вліятельнаго противника. Въ подтвержденіе этого можно привести любопытный случай, происшедшій въ началѣ XVI вѣка. Адвокатъ Дизомъ долженъ былъ вести дѣло противъ медицинскаго факультета. Врачи, узнавъ объ этомъ, пригрозили, что отомстятъ ему, если онъ когда-либо прибѣгнетъ къ медицинской помощи. Испуганный угрозой Дизомъ попросилъ у парламента оффиціальнаго назначенія и, когда оно было объявлено, спокойно принялъ дѣло, какъ-бы подчиняясь парламентскому рѣшенію [2]).

Въ уголовномъ процессѣ адвокаты могли выступать въ качествѣ защитниковъ при устномъ разбирательствѣ по всѣмъ дѣламъ Защита на предварительномъ слѣдствіи не допускалась [3]). Засѣданія были публичными [4]). Въ гражданскомъ процессѣ адвокаты не были представителями сторонъ. Они отправляли только обязанности правоза-

[1]) Ib., 65.
[2]) *Delach.*, 75.
[3]) *Vargha*, 222.
[4]) Съ 1498 разбирательство „crimes grandes“ стало тайнымъ.

ступничества. Представительство принадлежало повѣреннымъ, которые носили званіе прокураторовъ (procurator, procureurs). Стороны должны были или являться лично или присылать вмѣсто себя повѣренныхъ. Адвокатамъ предписывалось приходить въ судъ рано [1]), такъ какъ засѣданія начинались съ разсвѣтомъ [2]). За неявку къ разбору дѣла безъ уважительной причины полагался штрафъ въ размѣрѣ десяти парижскихъ ливровъ [3]). Въ парламентѣ адвокаты должны были быть въ профессіональномъ костюмѣ [4]). Начиная говорить рѣчь, они вставали и надѣвали свои шляпы [5]). Это считалось символическимъ выраженіемъ свободы защиты. Время преній не было ограничено, но указы предписывали адвокатамъ говорить кратко [6]) и не болѣе двухъ разъ [7]). Адвокаты пользовались на судѣ свободой рѣчи. По общему правилу, они могли говорить все, что относилось къ дѣлу, но при этомъ не должны были употреблять рѣзкихъ и обидныхъ выраженій по отношенію къ противникамъ [8]) и не смѣли критиковать парламентскихъ распоряженій [9]). Судьямъ предписывалось не прерывать рѣчей, а выслушивать ихъ терпѣливо [10]). На практикѣ однако эта свобода рѣчи нерѣдко ограничивалась посторонними соображеніями. Прежде всего, вліятельные противники не только словесными угрозами, но и фактическимъ ихъ осуществленіемъ заставляли адвокатовъ быть крайне осторожными. Мы только-что упомянули объ угрозахъ врачей по поводу процесса съ медицинскимъ факультетомъ. Въ XIV вѣкѣ одинъ военный грозилъ на судѣ адвокату противной стороны въ случаѣ проигрыша дѣла отрѣзать языкъ и вырвать по одиночкѣ всѣ зубы [11]). Подобныя угрозы не всегда оставались пустыми словами. Извѣстно не мало случаевъ физическаго насилія надъ адвокатами, начиная отъ оскорбленій дѣйствіемъ и кончая изувѣченіемъ [12]).

---

[1]) Ordon. du 13 fév. 1327: les avocats viennent au Châtelet après le soleil levent... Ord. du 11 mars. 1345.

[2]) Ordon. 1320, art. 1 Съ половины XV в. засѣданія стали открываться въ 7 часовъ утра. (Ordon. 1453, art 68).

[3]) Ordon. 1318, 1345, 1453 etc.

[4]) Форма его измѣнялась въ разныя эпохи. *Delachen*, ch. XV.

[5]) *Delach*, 95.

[6]) Ordon. 1291, 1345, 1363, 1364, 1446, 1493 etc.

[7]) Ordon. 1363, art. 12.

[8]) Establissements de St. Louis; Ordon. 1345, 1453 etc.

[9]) *Delach.*, 198

[10]) Ordon. du 7 janv. 1277, art. 11: nules du conseil n'ose contredire ou contrealer aux parties plaidans, mais chacun des plaidans paisiblement escoute...

[11]) *Delachenal*, 190.

[12]) Ib., 190, n. 1.

Далѣе, адвокаты, находившіеся въ вассальной зависимости, не могли вести дѣла противъ своихъ сюзереновъ. Если такимъ сюзереномъ являлся самъ король, то адвокатъ не имѣлъ права выступать противъ генералъ-прокурора, который считался представителемъ короля. Съ конца XIV вѣка строгость феодальнаго права ослабѣваетъ, и парламентъ стремится проводить принципъ свободы защиты. «Адвокатъ», говоритъ одинъ писатель XVI в. (Papon): «владѣющій леномъ, можетъ выступать на судѣ и подавать совѣты противъ своего непосредственнаго сюзерена. Исключеніе составляютъ два случая: одинъ, когда дѣло идетъ о чести, а другой, когда дѣло идетъ о ленѣ феодальнаго владѣльца. Такъ установлено въ 1384 г. парламентскимъ распоряженіемъ» [1]).

Несмотря однако на всѣ эти неблагопріятныя для свободы защиты условія, адвокаты нерѣдко обнаруживали такую отвагу при исполненіи своихъ профессіональныхъ обязанностей, которая граничила съ самопожертвованіемъ. Извѣстно, напримѣръ, что адвокатъ Кузино (Cousinot) не побоялся выступить въ защиту вдовы герцога Орлеанскаго, который былъ убитъ въ 1407 году по приказанію могущественнаго герцога Бургундскаго. Вначалѣ герцогъ Бургундскій удалился было во Фландрію, но вскорѣ вернулся въ Парижъ съ многочисленнымъ войскомъ и потребовалъ у короля публичнаго оправданія въ совершенномъ имъ преступленіи. Король не посмѣлъ отказать и назначилъ особую коммиссію для разбора этого дѣла. Интересы герцога защищалъ привезенный имъ съ собой францисканскій монахъ Jean Petit. Герцогъ, повидимому, не смотря на все свое могущество, не надѣялся найти адвоката, который согласился-бы выступить въ его защиту,— и этимъ, какъ замѣчаетъ Годри, сдѣлалъ честь адвокатскому сословію. Но несчастная вдова герцога Орлеанскаго (Valentine de Milan) легко нашла себѣ адвоката въ лицѣ Гильома Кузино (Cousinot). Рѣчь франциканца, доказывавшаго, что герцогъ Орлеанскій былъ тиранъ, и что, поэтому, убійство его было вполнѣ законно и справедливо, была, по словамъ Даніеля, несмотря на свою наглость и гнусность, выслушана съ большимъ терпѣніемъ, которымъ ораторъ былъ обязанъ единственно страху, внушаемому герцогомъ Бургундскимъ [2]). Но Кузино не устрашился могущества противника и произнесъ мужественную рѣчь, требуя правосудія для герцогини Орлеанской. Хотя его голосъ не былъ услышанъ, и герцогъ Орлеанскій добился оправданія, тѣмъ

[1]) Ib., 196
[2]) *Gaudry*, I, 161.

не менѣе «защита Кузино», говоритъ Годри: «была актомъ удивительной храбрости. Соглашаясь сражаться съ страшнымъ Іоанномъ Бургундскимъ, адвокатъ рисковалъ своей жизнью» [1]). Несмотря на это, онъ не побоялся выступить противъ того, кто наводилъ страхъ на судей и даже на самого короля.

Черезъ 13 лѣтъ Іоаннъ Бургундскій, въ свою очередь, былъ убитъ по приказанію дофина, и сынъ Іоанна—Филиппъ явился въ парламентъ требовать возмездіе за смерть отца. Защиту Филиппа велъ адвокатъ Рулэнъ (Nicolas Roulin), котораго сопровождали на судъ двѣнадцать другихъ адвокатовъ, согласно обычаю, установившемуся для важныхъ процессовъ [2]).

Къ обязанностямъ адвоката относилось также сочиненіе состязательныхъ бумагъ. Хотя въ этомъ отношеніи трудно провести точную границу между ихъ дѣятельностью и дѣятельностью повѣренныхъ, тѣмъ не менѣе, по общему правилу, адвокатамъ принадлежало исключительное право составлять главныя судебныя бумаги, какъ-то исковыя прошенія, отвѣты, возраженія, опроверженія, аппелляціонныя жалобы и т. п. [3]). Онѣ должны были быть кратки и ясны [4]). При адвокатахъ состояли секретари (клерки), помогавшіе имъ сочинять бумаги. Обыкновенно они были простыми писцами, но иногда обязанности клерковъ принимали на себя молодые адвокаты, съ цѣлью практически ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ [5]). Сочиненіе бумагъ оплачивалось по таксѣ, но размѣры ея неизвѣстны.

Общественное положеніе. Какъ уже было замѣчено, адвокаты составляли часть «парламентскаго корпуса» и занимали слѣдующее за судьями мѣсто. На всѣхъ общественныхъ торжествахъ, въ которыхъ участвовалъ парламентъ, они стояли позади судей и передъ повѣренными.

Парламентъ нерѣдко приглашалъ ихъ въ свои засѣданія для замѣщенія отсутствующихъ членовъ [6]) и давалъ имъ судебныя порученія, назначая ихъ въ качествѣ третейскихъ судей для рѣшенія дѣлъ суммарнымъ порядкомъ [7]) или предоставляя имъ производство

---

[1]) Ib., 162.
[2]) Ib., I, 171
[3]) Въ одномъ парламентскомъ актѣ XV в. прямо сказано: „qu'ilz mectent ès escriptures, demandes, defenses, repliques, dupliques, contredictz, salvations et autres escriptures qu'ilz feront, leurs noms". *Delachen.*, 102, n. 3.
[4]) Ordon. du 25 mai 1413, du 28 oct. 1446, art. 15 etc.
[5]) *Delachen.*, 110.
[6]) *Gaudry*, I, 133, 156. *Delachen.*, 158.
[7]) *Delach.*, 159.

слѣдствія, исполненіе завѣщанія и т. п. [1]). Первыми членами суда Châtelet были тоже адвокаты, назначенные для исполненія судейскихъ обязанностей. Даже въ концѣ XIV в. многіе парламентскіе адвокаты были вмѣстѣ съ тѣмъ членами этого суда [2]).

Подобно членамъ парламента, адвокаты пользовались высокимъ общественнымъ уваженіемъ. Французскіе короли XIII и XIV вв. чрезвычайно благосклонно относились къ адвокатскому сословію и щедро осыпали милостями его членовъ. Это объясняется тѣмъ, что адвокаты оказали имъ много услугъ въ борьбѣ съ папской властью. Какъ извѣстно, въ то время папы старались совершенно захватить въ свои руки свѣтскую власть. Они не переставали издавать буллы, въ которыхъ, заявляя о своихъ притязаніяхъ, вторгались въ єферу дѣятельности правительства. Короли, принужденные отстаивать свои права, нашли полезныхъ союзниковъ — въ лицѣ ученыхъ юристовъ и адвокатовъ, которые, будучи хорошо знакомы съ римскимъ и каноническимъ правомъ, опровергали несправедливыя притязанія духовенства. Какого ожесточенія достигла эта борьба, и какъ мужественно дѣйствовали адвокаты, можно видѣть изъ одного любопытнаго факта. Папа Бонифацій VIII прислалъ Филиппу Красивому буллу слѣдующаго содержанія:

«Бонифацій, епископъ, служитель служителей Бога, Филиппу, королю французскому.

Страшись Бога и исполняй его приказанія. Мы хотимъ, чтобы Ты зналъ, что Ты подчиненъ намъ, какъ въ духовныхъ дѣлахъ, такъ и въ свѣтскихъ; что право раздачи бенефицій и вакантныхъ мѣстъ ни въ коемъ случаѣ не принадлежитъ тебѣ; что если Ты охраняешь церкви во время вакансій, то только для того, чтобы сберечь доходы для тѣхъ, которые будутъ избраны. Если Ты роздалъ какія-нибудь бенефиціи, то мы объявляемъ ихъ ничтожными юридически и фактически; мы отмѣняемъ все, что сдѣлано въ этомъ родѣ, и тѣ, которые будутъ другаго мнѣнія, объявляются еретиками».

Разсерженный столь смѣлымъ и безцеремоннымъ вторженіемъ Бонифація въ свои дѣла, Филиппъ приказалъ канцлеру написать достойный отвѣтъ на папскую буллу. Составленіе его было поручено канцлеромъ мо-

---

[1]) Ib., 160.
[2]) Ib., 159.
[3]) Онъ съ такимъ краснорѣчіемъ, мужествомъ и жаромъ защищалъ однажды льготы французской церкви, что Филиппъ въ восторгѣ бросился къ нему и, обнявъ его, сказалъ: „если бы вы были возлѣ меня въ битвѣ при Касселѣ, я бы далъ вамъ нести знамя“. *Rendu*, 51.

лодому, но уже извѣстному своими способностями адвокату Пьеру Кюньеру (Pierre de Cugnières) [3]). Вотъ что гласило составленное имъ письмо:

«Филиппъ, милостью Божьей король французскій, мнимому папѣ небольшой или даже никакой привѣтъ.

Да знаетъ Твоя величайшая глупость (sciat tua maxima fatuitas), что мы никому не подчинены въ свѣтскихъ дѣлахъ; что раздача бенефицій и вакантныхъ мѣстъ принадлежитъ намъ, по праву нашей короны, что доходы во время вакансій принадлежатъ намъ; что назначенія на духовныя мѣста, которыя сдѣланы нами и которыя еще будутъ сдѣланы, имѣютъ силу и для настоящаго и для будущаго времени; что мы будемъ поддерживать всею нашей властью тѣхъ, которыхъ мы назначили, и будемъ назначать. Тѣхъ, которые будутъ другаго мнѣнія, мы объявляемъ глупцами и безумными».

Въ то-же время другіе юристы въ многочисленныхъ сочиненіяхъ занялись критическимъ разборомъ папской буллы. Одинъ изъ нихъ Пьеръ-дю-Буа, королевскій адвокатъ, слѣдующимъ образомъ закончилъ свою «консультацію» по поводу ея: «на основаніи этой буллы папа долженъ быть признанъ еретикомъ, если онъ не покается публично и не дастъ такимъ образомъ удовлетворенія королю» [1]).

Немалую услугу оказали юристы также Филиппу Длинному, при вступленіи его на престолъ въ 1316 г. Дѣло въ томъ, что до Филиппа царствовалъ его старшій братъ, оставившій послѣ себя дочь. Когда Филиппъ, слѣдуя древнему обычаю, объявилъ себя законнымъ наслѣдникомъ, противъ этого подняли протестъ нѣсколько принцевъ, утверждая, что устраненіе женщины отъ престола неправильно и ни на чемъ не основано. Поставленный въ затрудненіе претендентъ обратился за помощью къ парламенту и юристамъ, которые не замедлили отыскать старинный салическій законъ и истолковать одно постановленіе его въ нужномъ для короля смыслѣ. Салическій законъ и интерпретація юристовъ еще разъ сослужили такую-же службу Филиппу Валуа въ его спорѣ о престолѣ съ англійскимъ принцемъ Эдуардомъ III.

Въ благодарность за всѣ эти услуги, французскіе короли осыпали юристовъ и адвокатовъ милостями. Начиная съ Филиппа Красиваго, адвокаты стали носить названіе «рыцарей законовъ, рыцарей правосудія» и т. п. (chevaliers dé lois, de justice, de lettres et sciences). Конечно, изъ подобныхъ названій, которыя давались адвокатамъ, нельзя заключать, чтобы адвокаты были приравнены къ феодальному дворянству, какъ это, повидимому, думаютъ нѣкоторые пи-

[1]) *Fournel*, I, 131—134.

сатели [1]). «Въ такихъ почетныхъ титулахъ», говоритъ Годри: «можно видѣть только свидѣтельство общественнаго уваженія и довѣрія къ адвокатамъ» [2]). Хотя нѣкоторые и даже многіе адвокаты были возводимы королями въ дворянское званіе, но это вызывалось ихъ личными заслугами, а не тѣмъ, что они принадлежали къ сословію адвокатовъ. Напротивъ, въ одномъ указѣ XVI в. прямо сказано: «адвокатская профессія не лишаетъ занимающагося ею дворянскаго званія» [3]). Изъ этого видно, что адвокаты не только не были по праву дворянами, но что, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ они не принадлежали къ дворянству.

Подобно тому, какъ и въ республиканскомъ Римѣ, адвокатура служила для честолюбивыхъ людей путемъ къ достиженію высшихъ должностей въ государствѣ [4]). Канцлеры, президенты, члены парламента и другихъ судовъ, прокуроры назначались королями преимущественно изъ числа адвокатовъ [5]). Въ одномъ указѣ Генриха III прямо предписано, что адвокаты могутъ быть назначаемы предсѣдателями высшихъ судебныхъ мѣстъ [6]). До XV в. назначеніе на судебныя должности зависѣло отъ одного короля. Но затѣмъ канцлеру и парламенту было предоставлено право избирать, по своему усмотрѣнію, достойныхъ кандидатовъ [7]).

Право на занятіе судебныхъ должностей было лучшей привиллегіей французскихъ адвокатовъ въ средніе вѣка, а перспектива достигнуть высшихъ мѣстъ въ магистратурѣ — самымъ побудительнымъ стимуломъ къ

---

[1]) Напр, *Fournel*, I, 180, 270 etc.
[2]) *Gaudry*, I, 136.
[3]) Arret du 4 mars 1544. *Delachen.*, 141.
[4]) *Loisel:* c'étoit lors le chemin pour parvenir aux plus hautes dignité (127).
[5]) Примѣры будутъ приведены ниже. Одинъ поэтъ XIV вѣка (Eustach des Champs) слѣдующимъ образомъ воспѣваетъ адвокатскую профессію:

Vous usez de toute noblesse,
Vous êtes francs de servitutes.
Plus que n'est le droit d'institutes;
Vous avez votre chapelain,
Vous chantez la messe au matin.
Au partir de votre maison,
Vous êtes toujours en saison,
Vous avez paradis en terre.

Fournel, I, 270.

[6]) Ordon. de 1579, art 106.
[7]) Ordon. 1401, art. 18.

ревностному исполненію профессіональныхъ обязанностей [1]). Кромѣ этой привиллегіи, адвокаты въ теченіе долгаго времени пользовались еще другой, хотя не столь важной, но все-таки дорогой для нихъ и усердно ими оберегавшейся. Она заключалась въ особой подсудности (droit de committimus): личныя дѣла адвоката были подвѣдомственны только палатамъ парламента. Эта привиллегія основывалась на томъ, что адвокаты считались членами «парламентскаго корпуса» наравнѣ съ судьями. Несмотря на то, что нѣсколько разъ дѣлались попытки лишить адвокатовъ привиллегированной подсудности [2]), она продолжала существовать вплоть до XVI вѣка, а въ нѣсколько ограниченномъ видѣ еще и позже [3]).

Французская средневѣковая адвокатура насчитываетъ въ своей средѣ много выдающихся по таланту и достоинству членовъ. Въ XIII вѣкѣ изъ ея рядовъ вышли двѣ замѣчательныя личности: Фуко (Guy Foucault) и Кермартэнъ (Ives de Kermartin). Фуко, знаменитый адвокатъ эпохи Людовика Святаго, перешелъ въ духовенство, достигъ сана епископа, затѣмъ архіепископа и, наконецъ, былъ избранъ папой подъ именемъ Климента IV [4]). Кермартэнъ, бретонскій адвокатъ того-же времени, также сдѣлался духовнымъ и хотя не достигъ такого сана, какъ Фуко, но зато за свою благотворительную дѣятельность и примѣрный образъ жизни былъ послѣ смерти причисленъ къ лику святыхъ [5]). Во времена Людовика Святаго жило еще нѣсколько выдающихся дѣятелей на поприщѣ адвокатуры, именно Бомануаръ, де-Фонтэнъ и Дюранъ. Бомануаръ (Reaumanoir) извѣстенъ какъ авторъ капитальнаго сочиненія о тогдашнемъ обычномъ правѣ [6]). Одна изъ главъ этого труда посвящена вопросу объ адвокатурѣ [7]). Въ ней излагаются нѣкоторыя весьма интересныя черты тогдашней организаціи адвокатуры. Желая доказать, что размѣръ гонорара долженъ быть опредѣляемъ сообразно съ достоинствомъ адвоката, Бомануаръ говоритъ: «неразумно давать одинаковую сумму адвокату, имѣющему только одну лошадь, и адвокату, имѣющему двѣ, три или больше». Изъ этихъ словъ видно, что адвокаты имѣли обыкновеніе являться въ суды въ собственныхъ

[1]) *Boucher d'Argis*, 80 (въ сборникѣ Dupin'a).
[2]) *Delachenal*, 142. *Gaudry*, I, 417.
[3]) Въ XVI в. ею пользовались только 12 старшихъ адвокатовъ и 12 старшихъ повѣренныхъ.
[4]) *Loisel*, 116.
[5]) *Loisel*, 122. *Rendu*, 35.
[6]) *Beaumanoir:* Li livres des coustumes et des usages de Beauvoisis, 1283 (éd. Beugnot, 1842).
[7]) Ch. V (éd. Beugnot, I, 89).

выѣздахъ, болѣе или менѣе богатыхъ и пышныхъ. Бомануаръ, далѣе, проводитъ мысль, что адвокатъ, который отказался отъ дѣла во время производства, убѣдясь въ неправотѣ своего кліента, имѣетъ право получить слѣдуемый за весь процессъ гонораръ, но долженъ присягнуть, что отказывается отъ дѣла только вслѣдствіе его неправоты. Къ числу лицъ, которыя по закону не могли заниматься адвокатурой, Бомануаръ присоединяетъ уличенныхъ въ лжесвидѣтельствѣ, отлученныхъ отъ церкви и духовныхъ. Кромѣ того, судья можетъ недопускать къ веденію дѣлъ у себя тѣхъ адвокатовъ, которые «имѣютъ привычку оскорблять судей и тяжущихся», или которыхъ онъ считаетъ неспособными.

Пьеръ де-Фонтэнъ (Pierre de Fontaines) написалъ сочиненіе «Совѣтъ другу» [1]), гдѣ, между прочимъ, коснулся и адвокатуры [2]). Онъ повторяетъ постановленія римскаго права и ополчается противъ продажности адвокатовъ [3]). «Еслибы», говоритъ онъ: «не было столькихъ защитниковъ плохихъ тяжбъ, не было бы столькихъ зачинщиковъ ихъ; не было бы такъ много воровъ, еслибы не существовало укрывателей».

Дюранъ (Guillaume Durand) извѣстенъ, какъ авторъ «Зерцала» [4]), энциклопедическаго сочиненія по юриспруденціи. Это былъ чрезвычайно талантливый человѣкъ, вмѣстѣ и поэтъ, и теологъ, и юристъ. Какъ высоко стоялъ онъ во мнѣніи своихъ современниковъ, видно изъ того, что они называли его не «юрископсультомъ», а «юрисконсультиссимомъ». Въ своемъ «Зерцалѣ» онъ отвелъ нѣсколько главъ и адвокатурѣ, въ которыхъ на ряду съ соображеніями, заимствованными изъ римскаго права, а также изъ другихъ источниковъ (напр. Квинтиліана) онъ излагаетъ и нѣкоторыя свои мысли. Такъ, разсуждая о тѣхъ случаяхъ, когда адвокатъ долженъ отказываться отъ веденія дѣла, онъ устанавливаетъ принципъ: «не все то честно, что дозволено» (non omne, quod licet, honestum est). Если адвокатъ велъ дѣло въ первой инстанціи, то, по словамъ Дюрана, честность предписываетъ ему не выступать во второй инстанціи со стороны противника. Въ главѣ о гонорарѣ онъ излагаетъ постановленія французскаго права и разбираетъ подробно случаи, когда адвокату приходится требовать гонораръ судомъ.

---

[1]) Le Conceil de *Pierre de Fontaines*, 1253 (éd. Marnier, 1846).

[2]) Ch. XI: Chi parole des Amparliers et des medis as amparliers. (éd. Marnies, p 57).

[3]) Ib. p 63: et sachent bien il emparlier que trop est granz desloiautéz de vendre sa langue por autrui deseriter, ne por fére li damache

[4]) *Durantis* Speculum iudiciale 1271 tit. de advocato.

Въ XIV в. французская адвокатура тоже выставила цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей. Къ числу ихъ относится прежде всего Кюньеръ, о которомъ мы уже упоминали раньше по поводу его отвѣта папѣ Бонифацію и Дю-Брюейль, написавшій сочиненіе о «парламентскомъ стилѣ» [1]), которое пользовалось большимъ авторитетомъ въ то время. Изъ остальныхъ адвокатовъ XIV и XV вѣковъ замѣчательны Ногарэ (Nogaret), извѣстный въ исторіи, какъ участникъ въ борьбѣ Филиппа Красиваго съ папой Бонифаціемъ VIII [2]), Демарэ (Jean Desmarets), павшій жертвой герцога бургундскаго [3]), Жанъ Десфонтэнъ, который пользовался такимъ уваженіемъ, что въ день его похоронъ парламентъ отмѣнилъ засѣданіе, чтобы адвокаты и судьи могли проводить его гробъ; Бюси, Бертинъ (Berthine), Попинкуръ (Popincourt) и Вайи (Vailly), бывшіе впослѣдствіи президентами парламента; Корби (Corbie), братья Дорманъ (Dorman), Марль, Дюпра (Duprat), занимавшіе мѣсто канцлера, Жувенель (Jouvenel), Аншье (Anchier), Лекокъ (Lecocq), Моруа (Mauroy), Буало (Boileau) и Коттэнъ (Cottin), перешедшіе на высшія мѣста прокуратуры, Конаръ (Conart) и Фонтебракъ (Fontebrac), достигшіе одинъ сана епископа, а другой кардинала, Кузино, о которомъ мы говорили при описаніи процесса герцогини Орлеанской, Бутилье (Boutillier), авторъ любопытнаго юридическаго трактата [4]), въ которомъ сведены вмѣстѣ постановленія римскаго права, указы французскихъ королей, обычаи [5]), и др.

Изъ этихъ примѣровъ, которые легко было бы умножить, ясно видно, какую важную роль играли адвокаты въ государственной жизни средневѣковой Франціи. Каждый выдающійся дѣятель на поприщѣ этой профессіи могъ надѣяться, что рано или поздно его спо-

---

[1]) Du Brueil (De Broglio): Stylus curiae Parlamenti, 1330.

[2]) Филиппъ поручилъ ему и Колонѣ схватить папу и доставить его въ Ліонъ. Это порученіе было исполнено, и Бонифацій вскорѣ умеръ, отлучивъ Ногарэ передъ смертью отъ церкви.

[3]) Демарэ возбудилъ противъ себя ненависть этого герцога тѣмъ, что на собраніи прелатовъ и перовъ по поводу учрежденія опеки надъ Карломъ VI онъ высказался въ пользу герцога Анжуйскаго. Послѣ усмиренія возстанія 1383 года онъ былъ осужденъ за мнимое участіе въ немъ и геройски встрѣтилъ смерть, имѣя 72 года отъ роду.

[4]) *Jean Boutillier:* Somme rurale, 1402 (éd. Charondas de Caron, 1621).

[5]) Denis Godefroy въ предисловіи къ „Somme rurare“ характеризуетъ содержаніе этого сочиненія слѣдующимъ мѣткимъ двустишіемъ:

Quae tibi dat Codex, quae dant Digesta, quod usus,
Ruralis paucis haec tibi Summa dabit.

Gaudry, I, 156.

собности и нравственныя качества будутъ оцѣнены, и что онъ займетъ подобающее мѣсто среди высшихъ государственныхъ чиновниковъ.

Таково было состояніе французской адвокатуры въ средніе вѣка. Безъ всякаго преувеличенія его можно назвать блестящимъ. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, на отсутствіе политической свободы, на необезпеченность правъ личности, на недостатки судопроизводства и, наконецъ, на слабое развитіе сословныхъ учрежденій, адвокатура, ревностно выполняя свое священное призваніе, являлась дѣятельной и безстрашной союзницей правосудія и занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ системѣ государственнаго управленія.

§ 2.

Новое время до революціи 1789 г.

Въ теченіи XVI, XVII и XVIII вѣковъ французская адвокатура начинаетъ постепенно принимать совершенно иной видъ, чѣмъ тотъ, какой имѣла въ средніе вѣка. Между тѣмъ какъ до XVI вѣка она была организована по римскому образцу, въ новое время она выступаетъ на самостоятельный путь и вырабатываетъ ту сословную организацію, которая существуетъ по настоящее время. Мы опять-таки не станемъ излагать въ хронологическомъ порядкѣ узаконеній, изданныхъ въ теченіи этого періода. Какъ уже было сказано, ихъ насчитываютъ въ XV и XVI в. около 50, а въ XVII и XVIII еще больше. Подробное перечисленіе ихъ было-бы тѣмъ болѣе безполезно, что многія стороны организаціи адвокатуры вовсе не подверглись правительственной регламентаціи, а выработались путемъ обычая. Въ виду этого, мы снова предпочитаемъ обозрѣть состояніе французской адвокатуры дореволюціоннаго періода въ систематическомъ порядкѣ, размѣстивъ весь матеріалъ, заключающійся какъ въ законахъ, такъ и въ обычаяхъ, по тѣмъ-же рубрикамъ, что и раньше.

Допущеніе къ адвокатурѣ. Въ средніе вѣка отъ кандидата въ адвокатуру требовались, какъ мы видѣли, три условія: высшее юридическое образованіе, присяга и внесеніе въ списокъ. Всѣ эти условія были удержаны законодательствомъ и въ новое время [1]).

[1]) *Ordon.* du 8 janv. 1490; du 11 avr. 1519. Edit d'avr. 1625 etc. Въ 1679 г. опредѣлено, что для полученія степени лиценціата нужно трехлѣт-

Но къ нимъ было добавлено еще одно: практическая подготовка или стажъ (stage). Вначалѣ продолжительность ея опредѣлялась въ два года [1]), но затѣмъ она была увеличена до четырехъ лѣтъ [2]). Лицо, пріобрѣвшее требуемую ученую степень, должно было принести присягу. Для этого одинъ изъ старѣйшихъ адвокатовъ, практикующій не менѣе 20 лѣтъ, представлялъ будущаго адвоката парламенту, который въ торжественномъ засѣданіи приводилъ лиценціата къ присягѣ. Имя его вносилось въ регистры парламента, и ему выдавалась выпись изъ нихъ, носившая названіе матрикулы. Затѣмъ онъ долженъ былъ пройти четырехлѣтній стажъ, заключавшійся въ посѣщеніи судебныхъ засѣданій, составленіи различныхъ бумагъ для адвокатовъ и въ участіи въ конференціяхъ, т. е. собраніяхъ адвокатовъ, на которыхъ обсуждались разнаго рода юридическіе вопросы, а, равнымъ образомъ, и въ безплатныхъ консультаціяхъ бѣднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стажіеръ могъ вести дѣла, но подъ наблюденіемъ старшихъ адвокатовъ. Если по истеченіи этого срока кандидатъ представлялъ удостовѣреніе отъ шести адвокатовъ, назначенныхъ предсѣдателемъ, что онъ выказалъ достаточное усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, то его имя вносилось въ общій списокъ адвокатовъ (tableau).

Сословныя учрежденія. Въ средніе вѣка адвокаты представляли собой сословіе (ordre), но это названіе было только почетнымъ титуломъ и не имѣло почти никакого практическаго значенія. Въ новое время положеніе дѣла измѣняется. Изъ незначительнаго, едва замѣтнаго зародыша развивается пышный цвѣтъ сословной организаціи. Законодательство очень немногимъ участвовало въ этомъ процессѣ развитія. Сословныя учрежденія складывались постепенно путемъ обычая и практики независимо отъ законодательной власти и нерѣдко вопреки ей. Къ сожалѣнію, въ настоящее время этотъ процессъ можно прослѣдить только въ самыхъ общихъ чертахъ вслѣдствіе скудности матеріаловъ. Лучшіе историки французской адвокатуры Годри и Фурнель почти не касаются этого вопроса. Законодательные памятники тоже заключаютъ въ себѣ мало данныхъ. Нѣко-

---

нее изученіе права въ университетѣ. Это постановленіе было впослѣдствіи подтверждено и сохранило силу по настоящее время.

[1]) Arrêt de Parlem. du 17 juil. 1693.

[2]) Arrêt du 5 mai 1751. Это распоряженіе было издано по просьбѣ предсѣдателя сословія, который заявилъ, что указъ 1693 г. не примѣняется на практикѣ, и предложилъ увеличить стажъ до 4 лѣтъ. Нѣкоторые факты указываютъ, что стажъ существовалъ на практикѣ и раньше 1693 года *Cresson*, 29.

торый свѣтъ, быть можетъ, пролили-бы документы парламентскихъ архивовъ, но послѣ Делашеналя, который ограничился изученіемъ ихъ за время отъ 1300 до 1600 года, никто, сколько намъ извѣстно, не продолжалъ его труда. Въ виду этого, мы поневолѣ принуждены удовольствоваться краткимъ очеркомъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ, за Бушэ д'Аржи [1]).

Возникновеніе самостоятельныхъ сословныхъ учрежденій было результатомъ распаденія «общины адвокатовъ и повѣренныхъ» на ея составныя части. Въ средніе вѣка, какъ мы видѣли, адвокаты образовывали вмѣстѣ съ повѣренными одну ассоціацію, во главѣ которой стояли депутаты, являвшіеся ея представителями и управлявшіе ея экономическими дѣлами. Кромѣ того, въ неизвѣстное время, по всей вѣроятности, въ XV в. община стала избирать себѣ старшину или предсѣдателя. Такъ какъ его обязанности состояли, между прочимъ, въ томъ, чтобы во время процессій въ честь св. Николая носить жезлъ съ хоругвью этого святаго, то онъ получилъ названіе жезлоносца (bâtonnier). Вначалѣ всѣ дѣла, касавшіяся адвокатовъ и повѣренныхъ, вѣдались старшиной и депутатами общины. Но мало по малу начался процессъ дифференціаціи. Адвокаты стали отдѣляться отъ повѣренныхъ. Органы самоуправленія общины раздѣлились такимъ образомъ, что старшина перешелъ къ адвокатамъ и сталъ предсѣдателемъ ихъ сословія, сохранивъ прежнее названіе «жезлоносца», а депутаты общины сдѣлались исключительно органомъ ассоціаціи повѣренныхъ. Хотя старшина избирался до конца XVIII в. общимъ собраніемъ адвокатовъ и повѣренныхъ, и хотя до самой революціи существовала община св. Николая, тѣмъ не менѣе адвокаты и повѣренные уже составляли два отдѣльные класса съ особой организаціей и только по вопросамъ, касавшимся ихъ общихъ интересовъ, сходились для совмѣстнаго обсужденія. Еженедѣльно по понедѣльникамъ и четвергамъ депутаты общины собирались, производили разслѣдованіе по жалобамъ на ея членовъ и налагали дисциплинарныя наказанія. Предсѣдатель адвокатовъ и сами адвокаты очень рѣдко бывали на этихъ засѣданіяхъ, «такъ какъ», говоритъ Бушэ д'Аржи: «большая часть разбиравшихся тамъ дѣлъ касалась только дисциплины повѣренныхъ. Въ отсутствіе предсѣдателя адвокатовъ и другихъ старшихъ адвокатовъ предсѣдательствовалъ старшій изъ повѣренныхъ» [2]). Органомъ самоуправленія адвокатовъ былъ вначалѣ одинъ предсѣдатель. Съ теченіемъ времени къ

---

[1]) *Boucher d'Argis*, ch. XX.
[2]) *Boucher d'Argis*, 87.

нему присоединился другой органъ—комитетъ или совѣтъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Предсѣдатели, разрѣшая вопросы, касающіеся интересовъ и дисциплины сословія и, главнымъ образомъ, составленія списка, стали совѣтоваться съ бывшими до нихъ предсѣдателями (anciens bâtonniers). Въ XVIII в. къ этимъ предсѣдателямъ были присоединены выборные отъ адвокатскихъ «скамей» (bancs). Дѣло въ томъ, что съ давнихъ поръ въ помѣщеніи парламента, именно такъ называемой Большой Залѣ (Grande-Salle) и смежныхъ съ нею галлереяхъ, находился рядъ скамей съ пюпитрами (buffets), гдѣ сидѣли адвокаты, подавая желающимъ совѣты и сочиняя судебныя бумаги [1]). Такихъ скамей было вначалѣ 11, а въ 1711 г. къ нимъ присоединилась еще одна. Такъ какъ каждый адвокатъ имѣлъ опредѣленное, постоянное мѣсто, то сообразно съ числомъ скамей адвокаты раздѣлялись на 11 или 12 постоянныхъ группъ. Въ 1661 г. предсѣдатель Монтолонъ впервые избралъ по нѣскольку человѣкъ отъ каждой скамьи и присоединилъ ихъ къ бывшимъ предсѣдателямъ, чтобы вмѣстѣ съ ними обсуждать дѣла сословія [2]). Это нововведеніе было удержано и мало по малу вошло въ обычай. Вскорѣ каждая скамья стала избирать двухъ депутатовъ срокомъ на 2 года. Такимъ образомъ, эти депутаты вмѣстѣ съ бывшими предсѣдателями образовали постоянный комитетъ, который наравнѣ съ предсѣдателемъ вѣдалъ дѣла сословія. Но распредѣленіе адвокатовъ по скамьямъ было слишкомъ неравномѣрно. Въ то время, какъ въ 1780 г. пятая скамья состояла изъ 161 члена, въ восьмой ихъ было всего восемь, а въ седьмой девять. Въ виду этого потребовалось новое распредѣленіе. Всѣ адвокаты были раздѣлены въ 1781 г. на 10 приблизительно одинаковыхъ группъ или колоннъ (colonnes). Каждая колонна избирала двухъ депутатовъ на два года, но половина ихъ ежегодно замѣщалась новыми [3]). Такъ возникъ тотъ органъ сословнаго самоуправленія, который въ настоящее время носитъ во Франціи названіе «совѣта» (conseil de l'ordre). Какъ видно, законодательная власть вовсе не принимала участія въ его развитіи. Онъ былъ результатомъ естественнаго процесса отдѣленія адвокатовъ отъ повѣренныхъ и объединенія ихъ между собою или, какъ сказалъ-бы Спенсеръ, процесса дифференціаціи и интеграціи института адвокатуры.

Говоря о сословной организаціи, слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ

---

[1]) *Delachenal*, ch. VIII, *Gaudry*, I, 420.
[2]) *Husson*, praef.
[3]) *Gaudry*, I, 422, 481.

фактъ, что въ средѣ адвокатовъ было въ высшей степени развито чувство солидарности. Если ихъ сословію грозила какая-либо опасность, они немедленно соединялись вмѣстѣ и общими силами отстаивали свои права и интересы. Для примѣра можно указать нѣсколько любопытныхъ случаевъ. Въ 1579 г. Генрихъ III предписалъ адвокатамъ и повѣреннымъ отмѣчать собственноручно на составляемыхъ ими для кліентовъ бумагахъ количество полученнаго гонорара [1]). Адвокаты возмутились такимъ требованіемъ. Они считали недостойнымъ своей профессіи подобный контроль со стороны посторонней власти надъ гонораромъ, добровольно уплачиваемымъ кліентами въ благодарность за ихъ труды, таланты и знанія. Вслѣдствіе ихъ протеста указъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Но въ 1602 г. парламентъ возобновилъ его по слѣдующему поводу. Герцогъ Люксембургскій пожаловался Сюлли, что при веденіи какихъ-то дѣлъ адвокатъ обошелся ему въ 1500 экю (12195 фр.). Сюлли, найдя эту сумму чрезмѣрной, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія генералъ-прокурора, который въ свою очередь потребовалъ, чтобы парламентъ принялъ мѣры противъ жадности адвокатовъ. Парламентъ счелъ умѣстнымъ распорядиться о возобновленіи и примѣненіи указа 1579 г. [2]). Адвокаты снова начали протестовать. Они обратились сперва къ генералъ-прокурору съ заявленіемъ, что это распоряженіе оскорбляетъ ихъ достоинство, и что они предпочитаютъ бросить свою профессію, чѣмъ подчиняться такимъ предписаніямъ. Затѣмъ они отправили депутацію въ парламентъ, прося отмѣны указа. Но ни угрозы, ни доводы не привели ни къ какимъ результатамъ. Тогда адвокаты собрали общее собраніе и рѣшили прекратить занятіе своей профессіей. Они отправились въ количествѣ 307 человѣкъ, съ предсѣдателемъ во главѣ, въ канцелярію парламента, объявили о своемъ отреченіи отъ званія адвокатовъ и въ знакъ этого сложили свои форменныя шляпы. Одинъ изъ нихъ Арно (Isaac Arnaud), человѣкъ пылкаго и неукротимаго характера, тутъ-же разорвалъ свою мантію и немедленно, бросивъ адвокатуру, поступилъ въ военную службу [3]).

Парламентъ очутился въ затруднительномъ положеніи; отправле-

---

[1]) Ordon. de B'ois, 1579, art. 161: les avocats et procureurs seraient tenus de signer les délibérations et autres écritures qu'ils feraient pour les parties et au-dessous de leur seing écrire et parapher ce qu'ils auraient reçu pour le salaire et ce sous peine de concussion.

[2]) Arrêt du 11 mai 1602.

[3]) Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ начальникомъ карабинеровъ и губернаторомъ одного города. *Fournel*, II. 406.

ніе правосудія прекратилось; вокругъ раздавался ропотъ; общественное мнѣніе и прокуратура приняли сторону адвокатовъ. Парламентъ поспѣшилъ увѣдомить о происшедшемъ короля, находившагося въ Пуатье. Король немедленно издалъ указъ, который, подтверждая съ виду парламентское постановленіе, чтобы не подрывать авторитета высшаго судилища, предписывалъ въ то-же время адвокатамъ «взять назадъ свой отказъ и продолжать свою дѣятельность, какъ и раньше» [1]). Мало по малу адвокаты возвратились къ отправленію своихъ обязанностей, и ни объ указѣ 1579 г., ни о распоряженіи 1602 больше не было рѣчи. Такимъ образомъ, благодаря единодушію и рѣшительности, адвокатамъ удалось отстоять свою профессіональную привиллегію [2]).

Это знаменитое въ лѣтописяхъ французской адвокатуры событіе замѣчательно еще и тѣмъ, что оно послужило поводомъ къ появленію одного изъ любопытнѣйшихъ сочиненій по ея исторіи. Во время добровольныхъ вакацій, вызванныхъ парламентскимъ постановленіемъ, нѣсколько извѣстнѣйшихъ парижскихъ адвокатовъ (Pasquier, Pithou, Loisel и др.) собирались въ домѣ Паскье и бесѣдовали о прошломъ своего сословія. Эти бесѣды были потомъ записаны и изданы однимъ изъ участниковъ ихъ Луазелемъ подъ заглавіемъ: «Паскье или діалогъ адвокатовъ парижскаго парламента». Діалогъ Луазеля, заключающій въ себѣ массу біографическихъ свѣдѣній о французскихъ адвокатахъ съ древнѣйшихъ временъ до XVII в., представляетъ собою, по выраженію Ліувиля, катехизисъ, который каждый французскій адвокатъ долженъ знать наизусть [3]).

Адвокатамъ неоднократно приходилось въ затруднительныхъ случаяхъ прибавлять къ единственной возможной для нихъ, съ виду невинной, но въ сущности репрессивной мѣрѣ, къ отказу отъ своей профессіи, и каждый разъ это средство оказывалось дѣйствительнымъ. Въ XIII в. было нѣсколько случаевъ подобнаго рода. Въ 1720 г. адвокатъ Жэнъ (Gin), читая во время преній законы, согласно обычаю, не снялъ своего профессіональнаго головнаго убора. Предсѣдатель сдѣлалъ ему замѣчаніе. Жэнъ сообщилъ объ этомъ сословію. Было созвано общее собраніе, которое рѣшило, что поведеніе Жэна было согласно съ издавна установленнымъ обычаемъ, и что предсѣдатель

---

[1]) Déclar du 25 mai 1602.

[2]) *Fournel* (II, 387—398) и *Gaudry* (I, Ch. XIX) мѣстами расходятся между собою, описывая этотъ случай. Мы слѣдовали за вторымъ изъ нихъ.

[3]) *Lionville*, 400.

неправъ. Въ виду этого собраніе рѣшило пріостановить исполненіе своихъ обязанностей. Черезъ нѣсколько дней парламентъ призналъ, что «адвокаты имѣютъ право читать законы, не снимая шляпъ» [1]). Въ томъ же году парламентъ, отказавшись утвердить одно финансовое распоряженіе регента, былъ въ цѣломъ составѣ переведенъ въ Понтуазъ, гдѣ и долженъ былъ засѣдать. Но никто изъ адвокатовъ не послѣдовалъ за нимъ. Напрасно генералъ-прокуроръ обращался къ предсѣдателю сословія Бабелю съ требованіемъ отправиться въ Понтуазъ, адвокаты единодушно отвѣтили, что ни имъ, ни Бабелю генералъ-прокуроръ не въ правѣ ничего приказывать, такъ какъ ихъ профессія свободна. Благодаря ихъ настойчивости, парламентъ былъ вскорѣ возвращенъ въ Парижъ [2]). Въ теченіи 1731 и 1732 г.г. адвокаты трижды прекращали отправленіе своей профессіи, вслѣдствіе притѣсненій со стороны правительства за то, что они печатно осуждали папскую буллу («Unigenitus» 1713) и нападали на духовенство [3]). Не только адвокаты парижскаго парламента выказывали единодушіе и стойкость; ихъ провинціальные коллеги отличались такими-же качествами. Такъ напр., въ 1704 году адвокаты города Э (Aix), оскорбленные тамошнимъ парламентомъ, перестали вести дѣла. Тогда канцлеръ Пончартрэнъ предписалъ парламенту прекратить эту распрю и возвратить адвокатовъ къ исполненію ихъ обязанностей, «оказавъ нѣкоторые знаки благоволенія сословію, которое само по себѣ заслуживаетъ уваженія». Когда приказаніе было исполнено и адвокаты вернулись къ своимъ занятіямъ, предсѣдатель парламента все-таки выразилъ мнѣніе, что дѣла шли не хуже и безъ адвокатовъ. «Поздравляю васъ», отвѣтилъ ему канцлеръ: «съ благополучнымъ исходомъ плановъ, которые вы имѣли относительно адвокатовъ, но моя радость, что они возобновили отправленіе своихъ обязанностей, вызвана гораздо болѣе благомъ правосудія, чѣмъ какими-либо иными соображеніями, такъ какъ, что-бы вы ни говорили, я не могу раздѣлить вашего мнѣнія о безполезности адвокатовъ, профессія которыхъ всегда считалась необходимой для отправленія правосудія и объявлялась таковой законами. Признаюсь вамъ, я удивляюсь, что вы можете думать и говорить иначе, въ особенности занимая такое мѣсто, и что вы можете убѣждать меня, будто въ то время, когда они прекратили

---

[1]) *Gaudry*, II, 122.
[2]) *Gaudry*, II, 123.
[3]) *Fournel* (II, 431) и *Gaudry* (II, ch. XVI) передаютъ это событіе неодинаково.

свою дѣятельность, правосудіе не отправлялось въ вашемъ судѣ съ меньшимъ благоприличіемъ и достоинствомъ [1]).

Дисциплинарная власть, находившаяся въ средніе вѣка въ рукахъ парламента, перешла къ органамъ сословія: предсѣдателю и комиссіи депутатовъ. Какимъ образомъ совершился этотъ переходъ, неизвѣстно. Несомнѣнно только, что онъ происходилъ постепенно. Но въ XVIII в. онъ былъ уже вполнѣ законченъ. Дисциплинарное разслѣдованіе и наложеніе взысканій производилось комиссіей. Наказанія состояли въ выговорѣ публичномъ или при закрытыхъ дверяхъ, запрещеніи практики на время и исключеніи изъ списка. На рѣшеніе комиссіи допускалась аппелляція въ общее собраніе сословія. Если же комиссія постановляла приговоръ объ исключеніи, а общее собраніе утверждало его, то допускалась вторичная аппелляція въ парламентъ. Это былъ единственный случай, когда парламентъ вмѣшивался во внутреннюю дисциплину сословія.

Ни дисциплинарные проступки, ни налагаемыя на нихъ наказанія не были опредѣлены закономъ. Все это выработалось путемъ одного обычая: само сословіе, какъ замѣчаетъ Молло, поняло, что его существованіе было-бы непрочно и даже невозможно при безнаказанности злоупотребленій и присвоило себѣ право строго преслѣдовать тѣхъ, кто, будучи принятъ въ сословіе, запятналъ-бы его достоинство нарушеніемъ установившихся традицій и правилъ [2]).

Нарушеніе профессіональныхъ обязанностей случалось въ общемъ рѣдко. По крайней мѣрѣ, историческіе памятники сохранили всего нѣсколько фактовъ этого рода. Такъ, Луазель упоминаетъ объ адвокатѣ Бертѣ (Berthe), который былъ неразъ присуждаемъ къ штрафамъ и, будучи небольшаго роста, получилъ названіе «маленькаго штрафника» (petit amendier). Таковъ же былъ, по словамъ Луазеля, нѣкій Гранжэ (Granger), который въ одномъ дѣлѣ произнесъ настолько неудачную рѣчь, что Луазель, защищавшій его противника, ограничился повтореніемъ ея и тѣмъ навлекъ на Гранжэ штрафъ [3]). Недовольствуясь дисциплинарными взысканіями, адвокаты прибѣгали къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ относительно провинившихся собратовъ: прерывали всякія сношенія съ ними и даже исключали ихъ изъ списка. Такъ въ XVIII в. сословіе рѣшило прекратить сношенія съ Лэнгэ (Linguet). Весьма любопытный случай произошелъ съ канцле-

---

[1]) *Le Berquier*, 30.
[2]) *Mollot*, I, 234.
[3]) *Loisel*, 162.

ромъ Пойе, авторомъ указа Villet-Cotterets. Онъ былъ вначалѣ адвокатомъ и, потерявъ должность канцлера, снова хотѣлъ заняться адвокатурой. Но сословіе отказалось внести его въ списокъ на томъ основаніи, что онъ своимъ поведеніемъ въ званіи канцлера запятналъ достоинство адвокатуры [1]). Фурнель разсказываетъ, что Маллэ (Mollet) былъ исключенъ изъ списка за напечатаніе, подъ видомъ юридическаго мемуара, пасквиля на одну даму, и что такой же участи подвергся Дасси (Dassy), который позволилъ себѣ на судѣ рѣзкую критику одного правительственнаго распоряженія и за то попалъ подъ арестъ [2]). Если прибавить сюда нѣсколько аналогичныхъ случаевъ, указываемыхъ Годри [3]) и Делашеналемъ [4]), и долгій процессъ дерзкаго и неукротимаго Лэнгэ, который, несмотря на свою настойчивость, все-таки былъ исключенъ изъ списка [5]), то это будутъ всѣ извѣстные намъ проступки адвокатовъ дореволюціонной Франціи противъ профессіональной нравственности.

Г о н о р а р ъ. Вопросъ о гонорарѣ подвергся точно также коренной перемѣнѣ. Прежде адвокаты придерживались взгляда юстиніанова кодекса, теперь же они приняли воззрѣніе республиканскаго Рима. Вознагражденіе за защиту на судѣ или подачу совѣта перестало быть платой за личную услугу (salarium, salaire), а обратилось въ почетный даръ со стороны кліента (honorarium, honoraire), котораго нельзя было ни обусловливать, ни требовать судомъ. Когда и какъ произошла эта перемѣна, нѣтъ возможности рѣшить съ достовѣрностью. Можно только сказать, что она была совершенно независима отъ законодательной дѣятельности. «Законы и юристы, древніе указы и многія прежнія распоряженія парламента», писалъ въ 1573 году Бушэ д'Аржи: «даютъ адвокатамъ право иска объ уплатѣ гонорара, но сообразно съ новѣйшими рѣшеніями парижскаго парламента и современной дисциплиной сословія, не дозволяется, чтобы адвокатъ предъявлялъ такой искъ» [6]). Въ XVIII в. адвокаты, нарушавшіе это правило, исключались изъ списка. «Тѣ, которые осмѣ-

---

[1]) *Boucher d'Argis*, 38.
[2]) *Fournel.* II, 499.
[3]) *Gaudry*, II, 131, 256.
[4]) *Delachenal*; 124.
[5]) Лэнгэ отличался крайне неумѣреннымъ тономъ рѣчи, и во время преній осыпалъ своихъ противниковъ-адвокатовъ оскорбленіями. Сословіе рѣшило исключить его изъ своей среды, но парламентъ по жалобѣ Лэнгэ отмѣнилъ это рѣшеніе. Только послѣ вторичнаго исключенія приговоръ сословія былъ утвержденъ. *Gaudry*, II, ch. XVIII; *Le Berquier*, 231.
[6]) *Boucher d'Argis*, 79.

лились-бы», говорилъ одинъ предсѣдатель сословія, въ 1723 г.: «требовать гонорара, должны быть исключаемы изъ списка». «Гонораръ», замѣчаетъ Камюсъ (Camus): «есть подарокъ, которымъ кліентъ выражаетъ благодарность за трудъ, употребляемый на изученіе его дѣла; неуплата его не представляется необычайнымъ явленіемъ, такъ какъ встрѣчаются подчасъ неблагодарные кліенты; но ни въ какомъ случаѣ нельзя требовать уплаты судомъ. Подобное требованіе было-бы несовмѣстимо съ адвокатской профессіей, и въ тотъ моментъ, когда оно было-бы сдѣлано, адвокатъ долженъ былъ-бы отказаться отъ своего званія» [1]). Едва ли надо говорить, что такая перемѣна во взглядѣ адвокатовъ на гонораръ имѣла чрезвычайно важное значеніе. Признаніе профессіи безвозмездной придало ей особое благородство и возвысило ее во мнѣніи общества. Адвокаты, принимая безпрекословно то, что имъ удѣляютъ отъ щедротъ своихъ кліенты, никогда не обусловливая себѣ суммы вознагражденія и не требуя его судомъ, сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова безкорыстными служителями правосудія. Къ сожалѣнію, по недостатку матеріаловъ, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, чѣмъ именно было вызвано это добровольное возобновленіе адвокатами Цинціева закона и отступленіе отъ правилъ юстиніанова законодательства, подтвержденныхъ указами французскихъ королей и примѣнявшихся въ средніе вѣка.

Профессіональная дѣятельность. Въ дѣятельности адвокатовъ по гражданскимъ дѣламъ не произошло никакихъ перемѣнъ. По прежнему адвокатамъ принадлежала юридическая консультація и устная защита на судѣ, а повѣреннымъ представительство сторонъ. Впрочемъ, повѣренные могли говорить рѣчи въ судахъ первой инстанціи наравнѣ съ адвокатами, но только по вопросамъ факта, а не права [2]). Сочиненіе судебныхъ бумагъ было раздѣлено между адвокатами и повѣренными подобно тому, какъ и въ средніе вѣка.

Но въ уголовномъ процессѣ роль адвокатуры измѣнилась. Уже въ средніе вѣка публичный и состязательный процессъ началъ понемногу обращаться въ тайный и инквизиціонный. Въ половинѣ XIV вѣка только судебныя пренія были публичны, остальное производство совершалось тайно. Указъ 1498 г. предписалъ, чтобы въ важныхъ преступленіяхъ (grands crimes) весь процессъ, не исключая и преній, происходилъ тайно. Тѣмъ не менѣе участіе защитника допускалось въ производствѣ, за исключеніемъ только предварительнаго

[1]) *Dupin*, 190.
[2]) *Boucher d'Argis*, 86.

слѣдствія. Но въ 1539 году указомъ Франциска I формальная защита была до крайности стѣснена, и участіе адвоката въ процессѣ было дозволено только по спеціальному разрѣшенію суда [1]). Указы 1563, 1579 и особенно 1670 гг. завершили начатое дѣло, обративъ уголовный процессъ въ чисто инквизиціонный и тайный, расширивъ примѣненіе пытки и окончательно уничтоживъ формальную защиту. Въ указѣ 1670 г. прямо было сказано: «обвиняемые, какого-бы рода они ни были, не могутъ имѣть адвоката, вопреки всѣмъ противорѣчащимъ этому обычаямъ» [2]). Такой порядокъ вещей продолжался вплоть до революціи 1789 г., такъ что дѣятельность адвокатовъ въ теченіи цѣлаго столѣтія ограничивалась веденіемъ гражданскихъ дѣлъ.

Адвокаты по прежнему обнаруживали большое мужество при исполненіи своихъ профессіональныхъ обизанностей. Извѣстно, напр., что Монтолонъ рѣшился вести дѣло герцога Бургундскаго противъ матери короля Франциска I. Во время религіозныхъ смутъ XVI в. адвокаты имѣли случай выказать независимость и храбрость, защищая гонимыхъ правительствомъ протестантовъ. Такъ, адвокатами принца Кондэ были Роберъ (Robert) и Марильякъ (Mariliac); они-же вмѣстѣ съ Дилакомъ защищали Дю-Бура, мужественнаго члена парламента, воспротивившагося одному указу Генриха II. Но въ XVII и XVIII вв., когда формальная защита была сведена въ уголовномъ процессѣ къ нулю, адвокаты лишились возможности исполнять свое священное призваніе защиты невинныхъ и преслѣдуемыхъ. Тѣмъ не менѣе они продолжали съ прежней энергіей веденіе гражданскихъ дѣлъ. Извѣстно, напр., что Маріонъ съ такимъ жаромъ и свободой защищалъ одно дѣло герцога Нивернэ противъ откупщика налоговъ (1581 г.), что Генрихъ III, присутствовавшій на засѣданіи, запретилъ ему практику на 1 годъ. Но на

[1]) Интересна исторія этого закона. Ограниченіе защиты было внесено въ него по настоянію канцлера Пойе (Poyet), который хотѣлъ погубить судимаго въ то время адмирала Шабо. Въ законѣ, между прочимъ, говорилось, что обвиняемый долженъ при допросѣ немедленно предъявлять отводы противъ свидѣтелей, до прочтенія ихъ показаній. Впослѣдствіи Пойе самъ впалъ въ немилость и былъ преданъ суду. Устрашенный многочисленностью неизвѣстныхъ ему свидѣтелей, бывшій канцлеръ просилъ дать ему время для размышленія и предъявленія отводовъ. На это слѣдователь отвѣтилъ ему: „терпи законъ, который самъ создалъ“. (patere legem, quam ipse fecisti).—„Ахъ!“ воскликнулъ Пойе: „когда я его создавалъ, я не думалъ, что попаду въ такое положеніе, въ какомъ нахожусь“. „Ce à quoi“, прибавляетъ Ліувилль: „devraient un peu penser tous ceux qui font des lois d'exception, de vengeance et de proscripton“ (399).

[2]) Ordon. 1670, tit. XIV. art. 8.

слѣдующій-же день это запрещеніе было отмѣнено [1]). Адвокатъ XVII вѣка Дюмонъ былъ во время одной рѣчи прерванъ предсѣдателемъ парламента, который предложилъ ему окончить защиту. «Я готовъ окончить», отвѣтилъ Дюмонъ: «если судъ находитъ, что я сказалъ достаточно, чтобы выиграть мое дѣло. Если-же нѣтъ, то я имѣю представить настолько существенные доводы, что не могу оставить ихъ, не нарушая своей профессіи и того довѣрія, какимъ почтилъ меня кліентъ». Дюмонъ продолжалъ рѣчь и выигралъ дѣло.

Съ Фуркруа, знаменитымъ адвокатомъ того-же вѣка, произошелъ еще болѣе замѣчательный случай. Когда онъ въ одномъ процессѣ началъ рѣчь, судьи, считая его дѣло безнадежнымъ, поднялись, чтобы приступить къ голосованію. «Господа!» воскликнулъ Фуркруа: «я прошу, по крайней мѣрѣ, одной милости, въ которой судъ не можетъ мнѣ отказать. Я прошу выдать мнѣ для оправданія передъ моимъ кліентомъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что судъ постановилъ рѣшеніе, не выслушавъ меня». Судъ позволилъ ему продолжать защиту, и процессъ былъ рѣшенъ въ пользу Фуркруа [2]).

Общественное положеніе адвокатовъ. Если развившаяся въ новое время тѣсная сословная организація могла служить основой для процвѣтанія адвокатуры, зато въ другихъ отношеніяхъ профессія была поставлена въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ въ средніе вѣка. Прежде всего, дѣятельность адвокатовъ, въ уголовныхъ дѣлахъ, была, какъ мы уже говорили, сперва ограничена, а затѣмъ и вовсе уничтожена. Это не могло не отозваться невыгоднымъ образомъ на положеніи адвокатуры. Веденіе уголовныхъ процессовъ составляетъ, собственно говоря, главное призваніе адвоката. Общество цѣнитъ и уважаетъ адвокатовъ преимущественно потому, что видитъ въ нихъ борцовъ за свои драгоцѣннѣйшія права, защитниковъ жизни, свободы и чести гражданъ. Лишивъ профессію священнаго права уголовной защиты и предоставивъ ей только отстаиваніе имущественныхъ интересовъ тяжущихся, законодательство отняло у нея три четверти ея общественнаго значенія.

Результаты такого ограниченія были, какъ извѣстно изъ исторіи, весьма печальны для правосудія. Отсутствіе формальной защиты въ связи съ тайнымъ инквизиціоннымъ производствомъ, въ которомъ главную роль играла пытка, привели къ тому, что подсудимые, попавъ въ когти уродливаго чудовища, исполнявшаго роль

[1]) *Gaudry*, I, 231.
[2]) *Mollot*, I, 166.

милостиваго и праваго суда, вырывались изъ нихъ не иначе, какъ съ окровавленными членами и раздробленными костями. Юридическія убійства стали обычнымъ явленіемъ. Для осужденія обвиненнаго нужно было только признаніе его. А трудно-ли было добиться признанія, хотя-бы даже ложнаго, при помощи ужасающихъ мученій пытки?

Другое обстоятельство, оказавшее неблагопріятное вліяніе на развитіе адвокатуры, заключалось въ томъ, что правительство ввело принципъ продажности судебныхъ должностей и тѣмъ разрушило тѣсную связь, существовавшую раньше между адвокатурой и магистратурой. Продажность должностей была установлена впервые Франциском I въ 1522 г. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ отмѣны (1560, 1566, 1579) она была окончательно утверждена въ 1592 г. и существовала вплоть до революціи. Нечего и говорить, что результаты ея были весьма пагубны для правосудія. Заплативъ дорого за свое мѣсто, судья старался возмѣстить съ процентами свой расходъ на счетъ тяжущихся. «Королямъ» говоритъ Батайяръ, «нужны были деньги для итальянскихъ и религіозныхъ войнъ, для государственныхъ дѣлъ и для мотовства придворныхъ фаворитовъ. Изъ-за денегъ они отдали судящихся въ добычу жадности откупщиковъ. Канцлеры, магистраты, регистраторы, пристава покупали правосудіе и продавали его. Повѣренные, маклера и ходатаи всякаго рода слѣдовали за ними на этомъ поприщѣ, и, быть можетъ, даже въ концѣ концовъ опередили ихъ» [1]). Къ чести адвокатовъ надо замѣтить, что Батайяръ не включаетъ ихъ въ число хищниковъ, способствовавшихъ торговлѣ правосудіемъ. «Только адвокатура», какъ сказалъ впослѣдствіи Робеспьеръ: «носила въ себѣ послѣдніе слѣды свободы, изгнанной изъ остальной части общества, только въ ней сохранилось еще мужество истины, которое осмѣливалось провозглашать права слабой жертвы противъ могущественнаго угнетателя» [2]). Но и для адвокатуры продажность судебныхъ должностей оказалась вредной, если не въ этомъ, то въ другомъ отношеніи. Прежде каждый выдающійся адвокатъ могъ надѣяться, что его профессіональныя заслуги откроютъ ему путь къ высшимъ мѣстамъ парламента. Теперь-же, когда не личныя достоинства, а болѣе или менѣе значительная сумма денегъ являлась единственнымъ рѣшающимъ моментомъ при назначеніи на должность,

[1]) *Bataillard.* Moeurs judiciaires de la France du XVI s. au XIX, 1878, 97. *Louanche:* Les origines de la magistrature française (Revue de 2 mondes, 15 Juil. 1879, 432).

[2]) *Le Berquier*, 33.

адвокаты лишились одного изъ благороднѣйшихъ стимуловъ къ дѣятельности. Если нѣкоторые изъ нихъ и попадали въ магистратуру, то это происходило только на основаніи договора купли-продажи между ними и правительствомъ.

Но, повторяемъ, несмотря на такую перемѣну обстоятельствъ къ худшему, сословіе адвокатовъ продолжало высоко держать знамя честнаго и безкорыстнаго служенія обществу. Въ теченіи XVI, XVII и XVIII вѣковъ оно насчитывало въ своей средѣ много замѣчательныхъ дѣятелей. Въ XVI вѣкѣ жилъ Монтолонъ (François Montolon), который отважился выступить въ защиту герцога Бургундскаго противъ матери Франциска I. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ канцлеромъ. Такого-же званія достигъ современникъ Монтолона Лизэ (Lizet), тоже выдающійся адвокатъ. Бриссонъ (Brisson), который славился столько-же знаніями, сколько и краснорѣчіемъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ парламента. Маріонъ, котораго называли Цицерономъ того времени, перешелъ впослѣдствіи въ прокуратуру. Этьеннъ Паскье, именемъ котораго Луазель назвалъ свой діалогъ, былъ, какъ и самъ Луазель, выдающійся ораторъ и писатель. Арно (Antoine Arnaud) такъ славился своимъ краснорѣчіемъ, что Генрихъ IV, по словамъ Годри, желая доставить герцогу Савойскому удовольствіе и показать ему самый величественный сенатъ въ мірѣ, повелъ его въ парламентъ, гдѣ долженъ былъ говорить рѣчь Арно. Король былъ столь очарованъ его краснорѣчіемъ, что въ тотъ-же день далъ ему званіе государственнаго совѣтника [1]). Изъ числа адвокатовъ вышло не мало знаменитыхъ правовѣдовъ, каковы напр. Бюдэ, Дюмулэнъ, мнѣнія котораго считались болѣе авторитетными, чѣмъ парламентскіе приговоры [2]), Лопиталь (L'hopital), Питу (Pithou) и др. Занятіе адвокатурой было въ нѣкоторыхъ родахъ наслѣдственнымъ и переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе. Родъ Марильяковъ (Mariliac) далъ пятерыхъ замѣчательныхъ адвокатовъ; родъ Сегье (Seguier) четырехъ, Ту (Thou) тоже четырехъ; Талоновъ—трехъ и т. п. Почти всѣ они достигли высшихъ государственныхъ должностей.

Можно было-бы назвать еще дюжину выдающихся адвокатовъ XVI вѣка, проложившихъ себѣ своими талантами дорогу къ высшимъ мѣстамъ въ магистратурѣ. Но въ XVII и XIII в. картинка принимаетъ другой видъ. Адвокатура по прежнему изобилуетъ первоклассными талантами,

---

[1]) *Gaudry.* I, 237.
[2]) *Ib.*, I. 268.

тѣмъ не менѣе, просматривая біографіи выдающихся дѣятелей на этомъ поприщѣ, мы видимъ, что очень немногіе изъ нихъ достигли виднаго положенія въ магистратурѣ. Большинство предавалось литературѣ и наукѣ: нѣкоторые были избираемы въ члены академіи наукъ; другіе дѣлались профессорами, третьи просто занимались сочиненіемъ ученыхъ и поэтическихъ произведеній. Прежняя связь съ магистратурой была нарушена. Адвокаты совсѣмъ перестали считаться членами парламентскаго корпуса. Слѣдствіемъ этого была отчужденность ихъ отъ магистратовъ и столкновенія съ парламентомъ, на которыя мы уже указывали и которыя были невозможны раньше.

Въ XVII в. первыя мѣста въ адвокатурѣ занимали: Мартельеръ (Pierre de la Marteillière) и Голтье (Gaultier), оба отличавшіеся энергіей и рѣзкостью рѣчи [1]); Биньонъ (Bignon), извѣстный своей ученостью и назначенный Генрихомъ IV королевскимъ прокуроромъ; Сервэнъ (Servin), достигшій того-же званія; Лемэстръ (Antoine Lemaistre), о которомъ говорятъ, что когда онъ долженъ былъ выступать въ парламентѣ, то самые знаменитые проповѣдники просили позволенія отложить проповѣдь, чтобы пойти послушать его; Патрю (Patru), избранный въ члены академіи за литературныя заслуги; Фуркруа (Fourcroy), который, по словамъ одного писателя (Bretonnier), неограниченно властвовалъ въ адвокатурѣ, и котораго Людовикъ XIV избралъ защитникомъ правъ инфантины Маріи Терезіи противъ испанскаго совѣта; Пажо (Pageau), считавшійся вторымъ адвокатомъ послѣ Фуркруа; Эраръ (Erard), замѣчательный изяществомъ рѣчи; Нуэ (Nouet), Нивель (Nivelle), Леруа (Leroy) и многіе другіе.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка славились Норманъ (Normand) и Кошэнъ (Cochin). Норманъ отличался такой честностью, что судьи говорили: «вѣрьте факту, если его утверждаетъ Норманъ». Онъ былъ за свои заслуги на поприщѣ литературы предложенъ въ члены академіи. Но такъ какъ, по обычаю, каждый кандидатъ долженъ былъ дѣлать визитъ членамъ академіи, чтобы попросить у нихъ голоса въ свою пользу, то Норманъ, считая подобнаго рода поведеніе недостойнымъ адвокатскаго званія, отказался отъ кандидатуры [2]). Еще знаменитѣе былъ Кошэнъ. Этотъ на видъ скромный и робкій человѣкъ былъ величайшимъ ораторомъ своего времени. Въ одномъ изъ пер-

---

[1]) *Boileau*, Sat. IX;

Et dans ses vains discours, plus nigre et plus mordant,
Qu'une femme en furie, ou Gaultier en plaidant.

Gaudry, II. 2.

[2]) *Gaudry*. II, 93

выхъ дѣлъ, которыя онъ велъ, его противниками были Прюнэ (Prunay), первый діалектикъ среди адвокатовъ, и Обри (Aubry), отличавшійся изяществомъ рѣчи. Прюнэ сказалъ блестящую рѣчь, но когда ему отвѣтилъ Кошэнъ, онъ обратился къ Обри со словами: «сознаюсь, что въ сравненіи съ Кошэномъ я просто заика». Выходя изъ засѣданія Норманъ воскликнулъ, что онъ въ своей жизни еще не слышалъ такого краснорѣчія. «Видно», отвѣтилъ скромно Кошэнъ: «что вы не принадлежите къ числу тѣхъ, которые слушаютъ самихъ себя» [1]).

Нормана и Кошэна окружала цѣлая группа талантливыхъ адвокатовъ: Обри и Прюнэ, Бэгонъ (Begon), обладавшій столь низкимъ ростомъ, что, говоря рѣчь, онъ долженъ былъ становиться на скамью, и столь слабый здоровьемъ, что его приносили въ залу суда на носилкахъ, и несмотря на все это, бывшій выдающимся ораторомъ; Тэрассонъ, Тартарэнъ, Совель и др.

Во второй половинѣ XVIII в. первое мѣсто занималъ Жербье, котораго современники называли «орломъ адвокатуры. Въ числѣ его талантливыхъ коллегъ былъ, между прочимъ, Дульсэ (Doulcet). Какой репутаціей онъ пользовался, видно изъ слѣдующаго факта. На другой день послѣ его смерти Людовикъ XV, вставая съ постели, спросилъ, по обыкновенію, окружавшихъ его придворныхъ, не случилось-ли чего-либо новаго наканунѣ. «Ничего не случилось», отвѣчали ему. «Какъ», сказалъ Людовикъ: «развѣ вы не знаете, господа, что я потерялъ вчера самаго почтеннаго изъ моихъ подданныхъ? Умеръ Дульсэ!» Цѣлый рядъ другихъ даровитыхъ ораторовъ украшалъ списокъ адвокатовъ того времени: Маннери (Mannery), Гюео-Риверсо (Guéau-Reverseaux), де-ла-Моннэ, (de-la-Monnaye), Легувэ, Эли-де Бомонъ (Elie de Reaumont), Луазо де Молеонъ (Loyseau de Mauléon) и др. Громадное большинство ихъ до конца жизни оставалось адвокатами. Единственной наградой и честью, къ которой они стремились и которой достигали, было избраніе ихъ въ предсѣдатели сословія. Дальше этого не могло простираться ихъ честолюбіе, такъ какъ должности магистратуры были продажны, а дѣятельность прокуратуры при тайномъ инквизиціонномъ процессѣ, безъ участія формальной защиты, представлялась имъ въ слишкомъ печальномъ свѣтѣ.

Говоря объ общественномъ положеніи адвокатовъ, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ привиллегіяхъ, которыми они пользовались въ дореволюціонной періодъ. Они были изъяты отъ нѣкоторыхъ пода-

[1]) *Ib.*, II, 99, 100.

тей и повинностей подобно тому, какъ и адвокаты императорскаго Рима; имѣли право требовать удаленія изъ своего сосѣдства ремесленниковъ, которые, производя шумъ своими работами, мѣшали ихъ занятіямъ, не могли подвергаться аресту, когда въ своемъ профессіональномъ костюмѣ шли въ судъ или возвращались оттуда; судебные пристава не имѣли права вручать повѣстокъ и бумагъ кліентамъ въ то время, когда они находились въ кабинетахъ ихъ адвокатовъ и т. п. [1]). Общественное мнѣніе и правительство ставили сословіе адвокатовъ выше повѣренныхъ, нотаріусовъ, докторовъ права, врачей и даже товарищей королевскаго прокурора [2]).

§ 3.

Революція 1789 года и послѣдующее время.

Достигнувъ полнаго расцвѣта и принесши на практикѣ богатые плоды, сословная организація адвокатуры была 2 сентября 1790 года уничтожена учредительнымъ собраніемъ. «Законовѣды», гласила десятая статья декрета: «раньше называвшіеся адвокатами, не должны составлять ни сословія, ни корпораціи, ни носить особой одежды при исполненіи своихъ обязанностей». Принятіе такой мѣры объясняется, съ одной стороны, коренной реорганизаціей судоустройства, предпринятой учредительнымъ собраніемъ, а съ другой стороны, тѣмъ, что оно смѣшало адвокатское сословіе съ многочисленными ремесленными и промышленными корпораціями и цехами. Уничтожая ихъ, въ видахъ свободнаго развитія ремеслъ и торговли, оно сочло нужнымъ поступить точно такимъ-же образомъ и съ адвокатурой. «Тяжущіеся», говорится въ проэктѣ по переустройству судебной части: «будутъ имѣть право вести свои дѣла лично, если найдутъ это удобнымъ, а для того, чтобы адвокатура пользовалась необходимой для нея свободой, адвокаты перестанутъ составлять корпорацію или сословіе, и каждый гражданинъ, прошедшій курсъ наукъ и выдержавшій требуемый для занятія адвокатурой экзаменъ, долженъ будетъ давать отчетъ въ своемъ поведеніи только закону» [3]). Такова была цѣль декрета 2 Сентября. Замѣчательно, что разсмотрѣніе и утвержденіе

---

[1]) *Boucher d'Argis*, ch. XIX.
[2]) *Mollot*, I, 222.
[3]) *Le Berquier*, 31.

его произошло подъ предсѣдательствомъ одного изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ того времени Турэ (Touret) при участіи многихъ другихъ адвокатовъ (Target, Treillard, Tronchet, Camus, Martineau, Duport и др.) и никто изъ этихъ видныхъ представителей сословія не сказалъ ни одного слова въ защиту его. «Не боялись-ли они», говоритъ Ле-Беркье: «чтобы ихъ не обвинили въ томъ, что они защищаютъ свое личное дѣло?» [1]). Фурнель, современникъ этого загадочнаго событія, даетъ ему другое объясненіе. «Послѣ уничтоженія парламента и аппелляціонныхъ судовъ», повѣствуетъ онъ: «зашла рѣчь объ адвокатахъ. Многіе члены комитета склонялись къ тому, чтобы удержать ихъ въ прежнемъ положеніи и перенести въ новообразованные суды тѣ права и привиллегіи, которыми они пользовались въ парламентѣ и прочихъ подчиненныхъ ему судахъ. Другая-же часть комитета считала нужнымъ уничтожить сословіе адвокатовъ и даже искоренить совершенно терминъ «адвокатъ». Но, знайте, что это предложеніе было плодомъ не враждебнаго умысла, а экзальтированной приверженности къ славѣ и памяти адвокатской профессіи. Когда эта необычайная идея вызвала разногласіе въ комитетѣ, многіе изъ его членовъ сообщили ее нѣсколькимъ адвокатамъ, голосъ которыхъ могъ имѣть вѣсъ въ подобномъ вопросѣ. Послѣ обсужденія его со всѣхъ сторонъ мнѣніе объ «абсолютномъ уничтоженіи» было единодушно принято. Тѣ, относительно которыхъ было извѣстно, что они болѣе всѣхъ проникнуты корпоративнымъ духомъ и высоко ставятъ званіе адвоката и честь сословія, высказались наиболѣе энергично. «Парламентъ уничтоженъ», говорили они: «новая судебная организація знаетъ только жалкіе суды первой инстанціи, которые смѣняютъ другъ друга для аппелляціонныхъ дѣлъ. Они будутъ раздавать званіе адвоката, и каждый изъ этихъ многочисленныхъ трибуналовъ, которые покроютъ территорію Франціи, станетъ очагомъ особой адвокатской корпораціи. Эти корпораціи будутъ наводнены массой лицъ, которыя, не имѣя никакого представленія о нашихъ принципахъ и нашей дисциплинѣ, унизятъ нашу почетную дѣятельность и лишатъ ее прежняго благородства. Между тѣмъ, они будутъ упорно гордиться названіемъ адвокатовъ, будутъ злоупотреблять внѣшнимъ сходствомъ, захотятъ тоже составлять сословіе; и публика, введенная въ заблужденіе сходствомъ именъ, и по своей природной злобности всегда готовая обобщать обвиненія, смѣшаетъ этихъ адвокатовъ съ адвокатами стараго режима. Единственное средство избѣ-

[1]) *Ib.*, 33.

жать такого опаснаго потомства,—это уничтожить немедленно званіе «адвоката» и сословіе, со всѣми ихъ принадлежностями, чтобы не было больше адвокатовъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перестанемъ существовать. Не потерпимъ-же мы, единственные блюстители этой благородной профессіи, чтобы она измѣнилась, перейдя въ руки, которыя ее запятнаютъ, не назначимъ себѣ преемниковъ, недостойныхъ насъ! Лучше уничтожимъ сами предметъ своей любви, чѣмъ предадимъ его обидамъ и оскорбленіямъ!» Члены комитета, тронутые до слезъ этимъ героическимъ самопожертвованіемъ, достойнымъ древняго Рима, единогласно присоединились къ тому-же мнѣнію и приняли нѣсколько дней спустя 10 статью декрета» [1]). Когда вслѣдъ затѣмъ проэктъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе учредительнаго собранія, никто изъ присутствовавшихъ тамъ адвокатовъ не возвысилъ голоса противъ роковаго предложенія. Говорилъ и говорилъ горячо и умно одинъ только человѣкъ, отъ котораго, судя по его послѣдующей дѣятельности, никакъ нельзя было ожидать такого отношенія къ адвокатурѣ. Это былъ Робеспьеръ. «Одна эта профессія», говорилъ онъ: «ускользнула отъ фискальныхъ законовъ и отъ абсолютной власти монарха. Вполнѣ допуская, что даже она не была изъята отъ злоупотребленій, которыя всегда будутъ сокрушать народы, не живущіе подъ свободнымъ режимомъ, я принужденъ, по крайней мѣрѣ, признать, что адвокатура, повидимому, носила въ себѣ послѣдніе слѣды свободы, изгнанной изъ остальной части общества; только въ ней сохранилось еще мужество истины, которое осмѣливалось провозглашать права слабой жертвы противъ могущественнаго угнетателя ея. Вы не увидите больше въ святилищѣ правосудія этихъ людей, воспріимчивыхъ и способныхъ воспламеняться интересами несчастныхъ, а потому достойныхъ защищать ихъ; эти люди, безстрашные и краснорѣчивые, опора невинности и бичъ преступленія, будутъ устрашены слабостью, посредственностью, несправедливостью и вѣроломствомъ. Они отступятъ, и вы увидите на ихъ мѣстѣ грубыхъ законниковъ, равнодушныхъ къ своимъ обязанностямъ и побуждаемыхъ къ благородному занятію только низкимъ разсчетомъ. Вы извращаете, вы унижаете дѣятельность, драгоцѣнную для человѣчества, необходимую для духовнаго прогресса общества; вы закрываете эту школу гражданскихъ добродѣтелей, гдѣ таланты и доблесть научались, защищая дѣла гражданъ передъ судомъ, въ одинъ прекрасный день выступать

[1]) *Fournel*, II, 540–543. *Gaudry* не даетъ никакого объясненія этого событія.

въ защиту интересовъ народа передъ законодателями» [1]). Пророчество Робеспьера вскорѣ сбылось. Въ адвокатуру нахлынула масса людей бездарныхъ и безнравственнымъ, получившихъ право вести дѣла наравнѣ съ «оффиціальными защитниками» (défenseurs officieux), какъ стали называть адвокатовъ [2]); суды переполнились лицами сомнительной репутаціи, но удовлетворявшими формальнымъ требованіямъ для поступленія въ «оффиціальные защитники». Напрасно прежніе адвокаты пытались противостоять наплыву этихъ хищныхъ дѣльцовъ, напрасно спѣшили сплотиться и образовали даже «общество законовѣдовъ»: потокъ былъ слишкомъ стремителенъ и широкъ, чтобы его можно было сдержать такими средствами.

Ошибка учредительнаго собранія была вскорѣ сознана, но политическія обстоятельства и отсутствіе твердой правительственной власти помѣшали немедленному возстановленію прежней организаціи адвокатуры. Тѣмъ не менѣе не прошло и двѣнадцати лѣтъ, какъ появились первые признаки возобновленія сословнаго устройства. Въ 1802 г. адвокатамъ было предписано носить при отправленіи своихъ обязанностей прежній костюмъ [3]). Въ слѣдующемъ году возобновлено веденіе списка [4]), а въ 1810 и сословная организація, хотя, впрочемъ, въ очень несовершенномъ и искаженномъ видѣ [5]). Проэктъ послѣдняго закона, составленный подъ редакціей Трейляра (Treilhard), адвоката и бывшаго члена учредительнаго собранія, приводилъ адвокатуру въ то самое положеніе, въ какомъ она была до революціи. Но Наполеонъ не хотѣлъ допустить существованія независимаго и самоуправляющагося сословія. «Проэктъ нелѣпъ», писалъ онъ канцлеру: «онъ не оставляетъ никакого средства противъ адвокатовъ; они мятежники, виновники преступленій и измѣнъ; пока я буду носить шпагу, я не подпишу подобнаго декрета; я хочу, чтобы можно было отрѣзать языкъ всякому адвокату, который употребилъ-бы его противъ правительства» [6]). При такомъ отношеніи императора къ адвокатурѣ нечего было и думать о со-

---

[1]) *LeBerquier*, 33—35; *Gaudry*, 336.

[2]) Décret du 29 janv. 1791, art 3, 6.

[3]) Décret du 2 nivôse an XI, art. 6; Décret du 30 mars 1808, art. 105.

[4]) Loi du 22 vent. an XII, art. 29: il sera formé un tableau des avocats exerçant près les tribunau.

[5]) Décret du 14 déc. 1810.

[6]) Дюпэнъ видѣлъ это письмо и переписалъ приведенный отрывокъ. „Я скопировалъ", говоритъ онъ: „бутаду, болѣе достойную какого-нибудь алжирскаго дея, чѣмъ главы цивилизованнаго народа". Наполеонъ вообще не долюбливалъ адвокатовъ. Онъ зналъ, какъ замѣчаетъ Дюпэнъ, „что у произвола нѣтъ болѣе жестокихъ враговъ, чѣмъ люди, привыкшіе сводить все къ принципамъ справедливости и права". (*Dupin*, 95, 96).

словномъ самоуправленіи. Проэктъ былъ измѣненъ согласно съ желаніями Наполеона и опубликованъ въ 1810 г. Предисловіе къ декрету гласило слѣдующее: «когда мы занимались организаціей судебной части и мѣрами къ упроченію за нашими судами того высокаго уваженія, какимъ они должны пользоваться, одна профессія, дѣятельность которой оказываетъ могущественное вліяніе на отправленіе правосудія, обратила на себя наше вниманіе; по этой причинѣ мы приказали закономъ 22 вентоза XII года возстановить адвокатскій списокъ, считая это однимъ изъ средствъ, наиболѣе способныхъ удержать честность, деликатность, безкорыстіе, любовь къ истинѣ и справедливости, просвѣщенное рвеніе относительно слабыхъ и угнетенныхъ,—коренныя основы профессіи адвокатовъ. Возстановляя теперь правила этой спасительной дисциплины, которою они такъ дорожили въ лучшіе дни адвокатуры, слѣдуетъ въ то-же время обезпечить за магистратурой надзоръ, который ей естественнымъ образомъ принадлежитъ надъ профессіей, имѣющей такое близкое отношеніе къ ней: такимъ образомъ, мы обезпечимъ свободу и благородство адвокатской профессіи, поставивъ границы, которыя должны отдѣлять ее отъ своеволія и ослушанія». Эти границы, однако, оказались настолько узкими, что обѣщанное «обезпеченіе свободы» осталось на бумагѣ. Новый законъ возобновилъ внѣшность прежней организаціи, букву ея, не коснувшись сущности и духа. Съ виду могло показаться, что адвокаты были поставлены въ прежнее положеніе: они получили предсѣдателя, дисциплинарный совѣтъ, списокъ, названіе сословія и т. п. Но это только съ виду. На самомъ-же дѣлѣ сословіе очутилось въ полной подчиненности магистратурѣ. Сословіе избирало кандидатовъ для образованія дисциплинарнаго совѣта въ двойномъ количествѣ противъ нужнаго. Изъ этихъ кандидатовъ генералъ-прокуроръ назначалъ предсѣдателя и совѣтъ. Дисциплинарный совѣтъ могъ дѣлать предостереженія, замѣчанія и выговоры, запрещать практику и исключать изъ списка, но на всѣ эти постановленія допускалась аппелляція въ имперскій судъ, а при исключеніи изъ списка требовалось одобреніе генералъ-прокурора. Въ то-же время министръ-юстиціи собственной властью могъ налагать любое изъ указанныхъ взысканій. Веденіе списка предоставлялось совѣту, но первоначальное его составленіе было поручено магистратурѣ. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ число адвокатовъ не превышало 20, обязанности совѣта возлагались на суды [1]). Такимъ образомъ, сословіе было почти со-

[1]) Décret du 14 déc. 1810, art. 19, 21, 25, 29, 40, 32.

всѣмъ лишено автономіи, въ которой именно и заключался основный принципъ его организаціи. Само собой понятно, что адвокаты не могли быть довольны такимъ порядкомъ вещей. Они протестовали, просили, отправляли депутаціи, представляли проэкты,—но все было напрасно. Только въ 1822 году, и то по совершенно инымъ соображеніямъ, появился новый законъ. Его изданіе было вызвано слѣдующимъ происшествіемъ. Генералъ-прокуроры, назначая дисциплинарный совѣтъ изъ выбранныхъ сословіемъ кандидатовъ, оказывали исключительное предпочтеніе однимъ и тѣмъ-же лицамъ, которыя по своимъ политическимъ убѣжденіямъ представлялись вполнѣ благонадежными. На выборахъ 1822 года какъ-разъ случилось, что почти всѣ «благонадежные» не попали въ списокъ кандидатовъ. Прокуратура возмутилась; было наряжено слѣдствіе [1]), и во избѣжаніе подобныхъ случаевъ немедленно изданъ новый законъ. Предисловіе къ нему еще болѣе возвышенно и многообѣщающе, чѣмъ предисловіе къ Наполеоновскому декрету. Въ немъ министръ юстиціи Пейроннэ говоритъ, обращаясь къ королю, между прочимъ, слѣдующее: «эта профессія обладаетъ привиллегіями, которымъ удивляются робкіе умы, но необходимость которыхъ давно доказана опытомъ. Независимость адвокатуры столь-же дорога для правосудія, какъ и для нея самой. Безъ принадлежащей адвокатамъ привиллегіи свободно обсуждать рѣшенія, произносимыя правосудіемъ, ошибки его стали-бы чаще, умножились, были-бы непоправимы, или, лучше сказать, пустой призракъ правосудія занялъ-бы мѣсто той благодѣтельной власти, которая не имѣетъ другой опоры, кромѣ разума и истины... Безъ внутренней организаціи, снимающей съ адвокатуры безполезное иго постояннаго и непосредственнаго надзора, это сословіе не могло-бы болѣе надѣяться на то, что будетъ видѣть въ своихъ рядахъ великихъ людей, составляющихъ его славу, а правосудіе, на которомъ отражается блескъ ихъ достоинствъ и талантовъ, въ свою очередь, утратило-бы своихъ вѣрнѣйшихъ союзниковъ и лучшихъ руководителей... Не довольствуясь моими личными наблюденіями, я тщательно срав-

[1]) Разсказывая объ этомъ, Молло (II, 300) прибавляетъ: „мы считаемъ себя счастливыми, что можемъ упомянуть здѣсь къ чести нашего сословія о благородномъ поведеніи предсѣдателя Биллекока (Billecocq). Призванный дать показаніе относительно выборовъ, онъ отказался, заявивъ, что въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ многіе изъ его собратьевъ могутъ оказаться обвиненными, онъ не долженъ ни быть, ни казаться доносчикомъ. Генералъ-прокуроръ писалъ ему въ самыхъ настоятельныхъ выраженіяхъ, стараясь опровергнуть его мотивы и его рѣшеніе (это письмо сохранилось), но Биллекокъ остался непреклоннымъ“. Объ этихъ выборахъ у *Dupin*'а, p., 432.

нилъ всѣ тѣ, которыя были мнѣ доставлены талантливыми людьми, коротко знакомыми, благодаря долгимъ занятіямъ, съ нашимъ законодательствомъ. Я собралъ вокругъ себя магистратовъ, которые посѣдѣли въ занятіяхъ адвокатурой, и для которыхъ государственная служба была только наградой за долгую и успѣшную дѣятельность на этомъ поприщѣ. Я разспрашивалъ юрисконсультовъ, исполненныхъ знанія и опыта, въ которыхъ еще живы всѣ традиціи, переданныя имъ въ юности, и которые скорѣе принесли-бы въ жертву свои собственные интѣресы и свою собственную славу, чѣмъ интересы и славу сословія, среди котораго протекла ихъ благородная жизнь. Я собралъ ихъ мнѣнія и обсудилъ ихъ совѣты. Такимъ образомъ, этотъ новый законъ скорѣе ихъ произведеніе, чѣмъ мое. Они указали мнѣ большинство измѣненій, которыя я представляю Вамъ на утвержденіе. Имъ я обязанъ въ особенности полезной мыслью замѣнить способъ избранія, установленный указомъ 14 декабря 1810 г., тѣмъ способомъ, который употреблялся въ древней парижской адвокатурѣ. Словомъ, я могу сознаться, что они не предлагали мнѣ ничего благопріятнаго для чести и независимости адвокатуры, чего я не поспѣшилъ-бы принять, будучи увѣренъ, что Вашему Величеству будетъ угодно оказать эти высшіе знаки сочувствія и довѣрія сословію, состоящему изъ людей полезныхъ, краснорѣчивыхъ и трудолюбивыхъ».

Королевское предисловіе въ свою очередь гласило:

«Рѣшившись принять во вниманіе протесты, которые высказывались разными адвокатами королевства противъ распоряженій указа 14 декабря 1810 г., и желая возвратить адвокатамъ, практикующимъ въ нашихъ судахъ во всей полнотѣ дисциплинарныя права, которыя при нашихъ предшественникахъ — короляхъ подняли до высшей степени честь этой профессіи и увѣковѣчили въ ея средѣ неизмѣнную традицію объ ея привиллегіяхъ и обязанностяхъ; желая, кромѣ того, придать юрисдикціи, которую сословіе должно отправлять надъ каждымъ изъ своихъ членовъ, авторитетъ и довѣріе, основанные на преданности и уваженіи, которыхъ опытность старшихъ адвокатовъ даетъ право требовать отъ тѣхъ, кто вступилъ въ эту карьеру позже,— мы по докладу нашего министра юстиціи постановили слѣдующее» [1]). Затѣмъ начинается указъ. Но это были только слова. Вся новизна указа состояла въ слѣдующемъ. Адвокаты были раздѣлены на колонны; совѣтъ составлялся изъ двухъ старшихъ по времени внесенія въ

[1]) *Mollot*, I, 302.

списокъ адвокатовъ каждой колонны и изъ всѣхъ прежнихъ предсѣдателей; избраніе предсѣдателя предоставлено совѣту; аппелляція на постановленія совѣта допускалась въ случаѣ запрещенія практики и исключенія изъ списка, но не только со стороны обвиненнаго адвоката, но и со стороны генералъ-прокурора [1]). Единственное, дѣйствительное улучшеніе состояло въ томъ, что министръ юстиціи былъ лишенъ безграничной власти надъ адвокатами. Уничтожая выбора совѣта, правительство имѣло въ виду предотвратить демонстративные случаи, подобные описанному, и въ то-же время наполнить совѣтъ благонадежными лицами. «Очевидно», говоритъ Шарль Контъ, «что министры, чтобы сдѣлаться господами такого рода дисциплинарныхъ совѣтовъ, должны были только поручить составленіе колоннъ лицамъ, раздѣлявшимъ ихъ предубѣжденія и страсти. Имъ достаточно было соединить въ одну колонну тѣхъ адвокатовъ, которыхъ они хотѣли удалить и, въ то-же время, помѣстить туда нѣсколько болѣе старыхъ лицъ, которымъ они довѣряли» [2]). Такимъ образомъ, старшіе члены коллонъ, а равнымъ образомъ и прежніе предсѣдатели сословія, назначавшіеся магистратурой, представляли собой вполнѣ благонадежныхъ лицъ. Правительство достигло своей цѣли. Но адвокаты, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, подвергли новое постановленіе печатному разбору. Одни изъ нихъ (напр. Duvergier, Comte) доказывали его незаконность, такъ какъ оно, будучи административнымъ распоряженіемъ, не могло отмѣнить закона 1810 г. Другіе-же (Legouix, Daviel) выставляли на видъ, что оно противорѣчило старинным традиціямъ и обычаямъ сословія.

„*По древнему праву*“, говоритъ Давіель, проводя параллель между дореволюціонными обычаями, декретомъ 1810 и ордоннансомъ 1822 г.: «сословіе адвокатовъ существовало въ видѣ корпораціи; оно собиралось по свободному созыву предсѣдателя для обсужденія общихъ дѣлъ.

По декрету 1810 г., сословіе собиралось только съ дозволенія генералъ-прокурора для выбора кандидатовъ въ предсѣдатели и въ дисциплинарный совѣтъ; но, по крайней мѣрѣ, въ день выборовъ оно существовало, какъ сословіе.

По ордоннансу 1822 г., сословіе больше не существуетъ; нѣтъ болѣе никакихъ общихъ совѣщаній или рѣшеній; все сосредоточено въ рукахъ депутатовъ колоннъ.

---

[1]) Ordon du 20 nov. 1822, art. 1, 7, 8, 24, 25.

[2]) *Ch. Comte:* De l'état du barreau en France au commencement. du XIX, 17. (Rev. encyclop., № 3, 1830).

По древнему праву, избраніе предсѣдателя происходило въ присутствіи всего сословія; всѣ старшіе адвокаты имѣли право быть избираемыми. Депутаты колоннъ избирались сословіемъ въ общемъ собраніи.

По декрету, сословіе не избирало непосредственно; оно имѣло только право избирать кандидатовъ, изъ которыхъ генералъ-прокуроръ назначалъ предсѣдателя и членовъ совѣта; но единогласное избраніе могло повлечь за собой назначеніе, согласное съ общимъ желаніемъ.

По ордоннансу, сословіе болѣе не имѣетъ права назначать кандидатовъ; депутаты колонны не избираются цѣлымъ сословіемъ. Они будутъ избираться креатурами генералъ-прокуроровъ, и, благодаря комбинаціямъ при распредѣленіи на колонны, это первое вліяніе можетъ повторяться постоянно при выборѣ предсѣдателя и составленіи дисциплинарнаго совѣта.

По древнему праву, сословію всецѣло принадлежала дисциплинарная власть подъ его членами. Обвиненный адвокатъ могъ всегда аппеллировать къ общему собранію, и если, будучи осужденъ своими коллегами, онъ обращался къ парламенту, то его жалоба разсматривалась въ публичномъ засѣданіи парламента.

По декрету, дисциплинарный совѣтъ постановлялъ рѣшеніе въ качествѣ первой инстанціи. Обвиненный адвокатъ могъ аппеллировать къ королевскому суду; генералъ-прокуроръ не имѣлъ этого права.

По ордоннансу, рѣшенія дисциплинарнаго совѣта подлежатъ апелляціи со стороны генералъ-прокурора во всѣхъ случаяхъ, и если онъ не аппеллируетъ, то судъ можетъ ex officio, по апелляціи адвоката, усилить наказаніе, назначенное совѣтомъ. Королевскіе суды разсматриваютъ апеляцію при закрытыхъ дверяхъ.

По древнему праву, адвокатъ, котораго низшій судъ приговорилъ къ временному прекращенію практики или къ исключенію изъ списка, могъ всегда аппеллировать къ парламенту.

По декрету, адвокатъ, приговоренный низшимъ судомъ къ дисциплинарному взысканію, тоже могъ аппеллировать къ королевскому суду.

По ордоннансу, судъ первой инстанціи можетъ окончательно и безаппеляціонно запретить адвокату практику и исключить его изъ списка.

По древнему праву, достаточно было имѣть университетскій дипломъ и принять присягу, чтобы получить право вести дѣла.

По декрету, дѣйствовало то же правило.

По ордоннансу, стажіеръ, не имѣюшій 22 лѣтъ, можетъ вести дѣла только послѣ четырехъ лѣтъ ожиданія и по полученіи свидѣтельства отъ 2 членовъ его колонны. Стажіеръ не можетъ ни въ какомъ случаѣ выступать передъ королевскимъ судомъ.

По древнему праву, адвокатъ могъ свободно принимать или не принимать дѣла.

По декрету, судъ могъ назначать на защиту, но не подъ страхомъ наказанія.

По ордоннансу, адвокатъ, назначенный судомъ, не можетъ отказываться подъ страхомъ дисциплинарнаго наказанія.

По древнему праву, адвокатъ могъ отправлять свою профессію повсюду.

По декрету, адвокатъ, состоящій при какомъ-нибудь королевскомъ судѣ, не могъ вести дѣлъ внѣ округа этого суда безъ позволенія министра юстиціи. Такое-же позволеніе было необходимо для адвоката при судѣ первой инстанціи, желающаго выступить передъ королевскимъ судомъ.

По ордоннансу, адвокату, состоящему при королевскомъ судѣ и желающему выступить всѣ округа этого суда, необходимо свидѣтельство отъ дисциплинарнаго совѣта, дозволеніе перваго президента и утвержденіе министра. Адвокатъ при судѣ первой инстанціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ выступать передъ королевскимъ судомъ.

Изъ этихъ общихъ сопоставленій можно сразу усмотрѣть, какъ сдержалъ министръ великолѣпныя обѣщанія своего доклада, и что пріобрѣло сословіе, освободясь отъ декрета 1810 года. Древнія льготы, искаженныя декретомъ, не были намъ возвращены, а тѣ, которыя онъ оставилъ нетронутыми, были уничтожены или ограничены [1])... Никогда, быть можетъ, не было болѣе рѣзкаго контраста, чѣмъ контрастъ между лицемѣрнымъ предисловіемъ и дѣйствительными постановленіями ордоннанса 1822 г., такъ что этотъ докладъ является живѣйшею критикою самого указа и лучшимъ оправдательнымъ документомъ, какой можно было-бы представить, требуя реформы самого постановленія» [2]).

Въ 1828 г. адвокаты сдѣлали болѣе прямое нападеніе на ордоннансъ 1822 года. Они обратились къ министру (Portalis) съ петиціей

---

[1]) Статья Давіеля цѣликомъ напечатана въ сборникѣ *Dupin*'а (p. 466).
[2]) *Dupin*, 434.

отъ имени 123 человѣкъ, въ которой просили принять во вниманіе четыре основные пункта:

«1) Непосредственное избраніе совѣта. Эта просьба, повидимому, не должна возбуждать никакого затрудненія. Самому сословію принадлежитъ право опредѣлять свою внутреннюю дисциплину и выражать свои желанія посредствомъ избранія; только избраніе можетъ дать необходимую санкцію этой власти, власти чисто моральной, власти убѣжденія; это способъ, принятый для образованія совѣтовъ во всѣхъ обществахъ; адвокаты кассаціоннаго суда, повѣренные, нотаріусы избираютъ себѣ совѣты; даже булочники и... извощики избираютъ своихъ синдиковъ и депутатовъ. Должны-ли одни только адвокаты, права которыхъ на независимость такъ высоко прославлялъ одинъ министръ, стоять внѣ общаго права? Должны-ли только они быть лишены въ вопросахъ дисциплины своего естественнаго суда?

2) Право вести дѣла внѣ даннаго округа; это право не только въ интересахъ адвокатовъ, —оно, главнымъ образомъ, въ интересахъ гражданъ, которымъ законы должны предоставлять свободную защиту, не полагая ей никакихъ препятствій. Къ чему умножать эти стѣсненія? Къ чему лишать кліента того патрона, котораго избираетъ его довѣріе, если, преслѣдуемый страшными и вліятельными противниками, онъ долженъ найти въ своемъ защитникѣ не только обыкновенную твердость, но и величіе характера; если окружающіе его адвокаты не обладаютъ такими талантами, какіе нужны для его дѣла; если, боясь, что защита не будетъ равносильна тамъ, гдѣ господствуетъ одинъ талантъ, онъ желаетъ отыскать въ другомъ мѣстѣ соотвѣтствующій противовѣсъ; если обширная извѣстность или интимная дружба обусловливаютъ его довѣріе, если, наконецъ, посаженный на скамью подсудимыхъ, онъ видитъ, что его жизнь зависитъ, быть можетъ, отъ выбора, который онъ сдѣлалъ,—по какому же—праву вы ему откажете въ защитникѣ, котораго онъ желаетъ, въ помощи, которую онъ призываетъ? По какому праву вы станете между нимъ и его судьями и произвольно стѣсните гарантіи защиты? По отношенію къ адвокату право, котораго мы требуемъ, есть право каждой свободной профессіи. Чиновникъ прикованъ къ своему округу; тамъ граница его дѣятельности, его званія и его власти: врачъ, артистъ, литераторъ, адвокатъ—примѣняютъ свои таланты свободно вездѣ, гдѣ такое примѣненіе требуется.

3) Отмѣна излишнихъ постановленій, которыя даютъ право апелляціи прокуратурѣ въ дисциплинарныхъ вопросахъ, уничтожаютъ публич-

ность и дозволяютъ увеличеніе наказанія даже при отсутствіи всякой апелляціи со стороны прокуратуры... Дисциплинарная власть сословія учреждена только въ интересахъ его чистоты, его достоинства, поэтому, давать ему другихъ судей въ этомъ отношеніи—значитъ оскорблять его и оскорблять незаслуженно.

4) Уничтоженіе обидныхъ ограниченій, относящихся къ стажіерамъ и заключающихся въ 34 ст. ордоннанса. Стажіеры суть адвокаты; они занимаются профессіей подъ надзоромъ старшихъ адвокатовъ. Ихъ можно видѣть всегда ревностно и безпрестанно отдающимися безплатной защитѣ бѣдныхъ и обвиняемыхъ. Для чего-же унижать ихъ излишними мѣрами предосторожности, которыхъ не было въ декретѣ 1810 и которые не вызваны никакимъ злоупотребленіемъ?» [1])

Но эта просьба не привела ни къ чему. Министръ отвѣтилъ, что онъ приказалъ приготовить себѣ докладъ по этому вопросу, но тѣмъ дѣло и кончилось [2]). Только въ 1830 году, при новомъ правительствѣ, появился, благодаря настояніямъ нѣсколькихъ адвокатовъ, занимавшимъ высшія государственныя должности, «предварительный» законъ, который, обѣщая въ будущемъ полную организацію адвокатскаго сословія, коснулся пока трехъ основныхъ вопросовъ. Во 1-хъ, избраніе совѣта онъ предоставилъ общему собранію сословія по относительному большинству голосовъ; во 2-хъ, то-же общее собраніе должно было избирать предсѣдателя абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, и въ 3-хъ, адвокаты, занесенные въ списокъ, имѣли право выступать предъ всѣми судами безъ особаго разрѣшенія [3]).

Чтобы оказать содѣйствіе правительству для скорѣйшаго изданія полнаго закона, совѣтъ парижскихъ адвокатовъ избралъ комиссію изъ 8 членовъ для выработки проэкта устава. Проэктъ былъ составленъ Дювержье и Молло́, принятъ комиссіей, внесенъ въ совѣтъ и послѣ одобренія его сообщенъ министру юстиціи. Но политическія обстоятельства и частая смѣна министровъ помѣшали осуществленію завѣтной мечты адвокатовъ, и этотъ проэктъ по настоящее время является не болѣе, какъ pium desiderium сословія. Мы приведемъ его цѣликомъ, такъ какъ въ немъ нашли себѣ выраженіе старинныя традиціи сословія, и такъ какъ онъ можетъ служить критеріемъ при оцѣнкѣ современнаго положенія адвокатуры во Франціи.

---

[1]) *Dupin*, 97—99.
[2]) *Ib.* 99.
[3]) Ordon du 27 août 1830, art 1, 3, 4.

Глава I. Объ адвокатской профессіи.

Ст. 1. Никто не можетъ носить званія адвоката и заниматься адвокатурой, если онъ не внесенъ въ списокъ адвокатовъ или не допущенъ къ стажу.

Ст. 2. Только адвокаты, внесенные въ списокъ, образуютъ сословіе адвокатовъ при каждомъ судѣ первой или второй инстанціи.

Ст. 3. Всюду, гдѣ существуетъ списокъ, право вести устную защиту въ гражданскихъ судахъ обѣихъ инстанцій, даже въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ сокращеннымъ порядкомъ, принадлежитъ исключительно адвокатамъ.

Ст. 4. Адвокаты, внесенные въ списокъ при апелляціонномъ судѣ, имѣютъ право выступать передъ всѣми судами первой и второй инстанціи. Адвокаты, внесенные въ списокъ при судѣ первой инстанціи, могутъ выступать передъ всѣми судами первой инстанціи и передъ судами присяжныхъ ихъ департамента.

Ст. 5. Адвокатъ, назначенный для защиты гражданскаго дѣла предсѣдателемъ сословія, а для уголовнаго предсѣдателемъ суда присяжныхъ, не можетъ отказаться безъ законныхъ причинъ. Эти причины будутъ обсуждаться совѣтомъ сословія.

Ст. 6. Адвокатъ имѣетъ право безпрепятственно сноситься съ арестованнымъ кліентомъ.

Ст. 7. Защита, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, свободна. Адвокатъ говоритъ въ шапкѣ; онъ не долженъ себѣ позволять ни въ своихъ рѣчахъ, ни въ бумагахъ никакихъ нападокъ на законы, общественный порядокъ и добрые нравы.

Ст 8. Адвокатская профессія несовмѣстима со всѣми административными и судебными должностями, если онѣ не безвозмездны, съ обязанностями регистратора, нотаріуса, повѣреннаго и прочихъ чиновниковъ, съ обязанностями профессоровъ университета, за исключеніемъ профессоровъ юридическихъ наукъ, со всѣми платными занятіями и агентурами и со всякаго рода торговлей.

Ст. 9. Иностранецъ не можетъ быть адвокатомъ, если онъ не будетъ натурализованъ во Франціи.

Ст. 10. Лиценціатъ правъ, желающій поступить въ адвокаты, долженъ принести передъ судомъ первой или второй инстанціи слѣдующую присягу: «клянусь быть вѣрнымъ королю французскому, повиноваться конституціонной Грамотѣ и законамъ государства, оказывать должное почтеніе судамъ и не защищать такихъ дѣлъ, которыя по совѣсти я не буду считать справедливыми».

Глава II. О стажѣ.

Ст. 11. Чтобы быть внесеннымъ въ списокъ адвокатовъ, надо отбыть стажъ.

Ст. 12. Кандидатъ не допускается къ стажу, если не представитъ достаточныхъ доказательствъ своей нравственности.

Ст. 13. Стажъ заключается въ усердномъ посѣщеніи засѣданій суда и конференцій, руководимыхъ предсѣдателемъ сословія.

Ст. 14. Продолжительность стажа опредѣляется въ 3 года. Онъ не можетъ быть прерываемъ болѣе, чѣмъ на три мѣсяца, безъ разрѣшенія предсѣдателя сословія.

Ст. 15. Стажіеры имѣютъ право вести устную защиту, а также давать совѣты, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ закономъ.

Ст. 16. Доказательствомъ стажа служитъ удостовѣреніе предсѣдателя сословія.

Ст. 17. Адвокатъ, который, отбывъ часть стажа или даже будучи внесенъ въ списокъ, оставитъ профессію и займется несовмѣстимыми обязанностями, за исключеніемъ магистратуры, долженъ съизнова начинать стажъ; тѣмъ не менѣе, въ виду какихъ-либо важныхъ соображеній, совѣтъ можетъ избавить его отъ всего стажа или отъ части его.

Глава III. О спискѣ.

Ст. 18. При каждомъ судѣ второй или первой инстанціи ведется списокъ практикующихъ при немъ адвокатовъ.

Ст. 19. Чтобы быть внесеннымъ въ списокъ апелляціоннаго суда, необходимо отбыть стажъ при такого рода судѣ. Чтобы быть внесеннымъ въ списокъ при судѣ первой инстанціи, достаточно отбыть стажъ при такомъ-же судѣ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ суды первой и второй инстанціи, ведется только одинъ списокъ, при судѣ второй инстанціи.

Ст. 20. Внесеніе въ списокъ будетъ производиться только въ томъ случаѣ, если будетъ признано, что стажіеръ удовлетворяетъ условіямъ деликатности, безкорыстія и честности, которыми должна отличаться адвокатская профессія.

Ст. 21. Время занесенія въ списокъ устанавливаетъ порядокъ старшинства между адвокатами одного и того же стажа.

Ст. 22. Адвокаты апелляціоннаго суда, которые переходятъ

къ суду первой инстанціи, считаютъ стажъ съ момента внесенія ихъ въ прежній списокъ.

Ст. 23. Списокъ печатается совѣтомъ сословія въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ каждаго судебнаго года: онъ подписывается и сдается предсѣдателемъ сословія въ регистратуру суда.

Глава IV. О совѣтѣ сословія.

Ст. 24. Совѣтъ состоитъ изъ трехъ членовъ, включая предсѣдателя, въ тѣхъ городахъ, гдѣ отъ 6 до 15 адвокатовъ, внесенныхъ въ списокъ, изъ пяти, если ихъ отъ 20—25, изъ семи, если 25—40, изъ одиннадцати, если 40—100, изъ 15, если болѣе 100, а въ Парижѣ изъ 21. Въ томъ случаѣ, когда число адвокатовъ менѣе 6, дисциплинарная власть надъ ними принадлежитъ совѣту сословія при аппелляціонномъ судѣ.

Ст. 25. Предсѣдатель сословія избирается общимъ собраніемъ всѣхъ адвокатовъ, внесенныхъ въ списокъ, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ наличныхъ избирателей.

Ст. 26. Совѣтъ сословія избирается тѣмъ-же самымъ собраніемъ относительнымъ большинствомъ голосовъ.

Ст. 27. Если при избраніи возникаютъ затрудненія, они разрѣшаются особымъ бюро, избираемымъ, какъ сказано въ статьѣ 29. Жалобы на рѣшенія бюро приносятся совѣту сословія въ слѣдующемъ послѣ выборовъ засѣданіи.

Ст. 28. Выборы происходятъ ежегодно въ первой половинѣ августа. Вновь избранные предсѣдатель и совѣтъ вступаютъ въ должность перваго ноября.

Ст. 29. Предсѣдатель есть глава сословія и президентъ совѣта. Онъ созываетъ общее собраніе сословія каждый разъ, когда совѣтъ сочтетъ это необходимымъ. Для производства выборовъ онъ назначаетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ членовъ совѣта и составляетъ съ ними бюро. Онъ предсѣдательствуетъ въ конференціяхъ, созываемыхъ имъ для обученія стажіеровъ или для безплатныхъ консультацій бѣднымъ, и приглашаетъ туда адвокатовъ, внесенныхъ въ списокъ.

Ст. 30. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды на время своей дѣятельности секретаря и другихъ должностныхъ лицъ, которыхъ онъ сочтетъ полезнымъ присоединить къ предсѣдателю для внутренняго управленія сословіемъ.

Ст. 31. Обязанности совѣта сословія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) разрѣшать просьбы о допущеніи къ стажу; 2) разрѣшать просьбы

о внесеніи въ списокъ, а также затрудненія, возникающія при этомъ; 3) регулировать измѣненія, исключенія и затрудненія при ежегодномъ составленіи списка; 4) заботиться о поддержаніи чести и достоинства сословія; 5) слѣдить за поведеніемъ стажіеровъ; 6) наказывать проступки, совершенные адвокатами, при исполненіи ихъ обязанностей; 7) управлять, пріобрѣтать и отчуждать имущества отъ имени сословія.

Ст. 32. Совѣтъ не можетъ принимать никакого рѣшенія, если не будетъ на лицо болѣе половины его членовъ. Совѣтъ рѣшаетъ вопросы по абсолютному большинству присутствующихъ членовъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, голосъ предсѣдателя сословія или старшаго члена, который предсѣдательствуетъ, даетъ перевѣсъ; если дѣло идетъ о дисциплинарномъ наказаніи, то отдается преимущество мнѣнію, болѣе благопріятному для осужденнаго.

Ст. 33. Въ случаяхъ частой неаккуратности перерыва стажа безъ отпуска или явно предосудительнаго поведенія, совѣтъ можетъ увеличить продолжительность стажа или даже исключить стажіера.

Ст. 34. Дисциплинарныя наказанія, которыя можетъ налагать совѣтъ на внесенныхъ въ списокъ адвокатовъ, суть слѣдующія: предостереженіе, выговоръ, временное запрещеніе практики, не превышающее одного года, и исключеніе изъ списка.

Ст. 35. Адвокатъ, подвергшійся временному запрещенію практики, записывается въ концѣ списка.

Ст. 36. Политическія убѣжденія, рѣчи и сочиненія адвоката не подлежатъ дисциплинарной власти.

Ст. 37. Ни одно изъ наказаній, указанныхъ въ статьяхъ 33 и 34, не можетъ быть наложено на адвоката прежде, чѣмъ онъ будетъ выслушанъ или приглашенъ предсѣдателемъ за пять дней до засѣданія.

Ст. 38. Адвокатъ, внесенный въ списокъ и подвергшійся, по рѣшенію совѣта, временному запрещенію практики или исключенію изъ списка, можетъ принести аппелляцію въ аппелляціонный судъ въ теченіи десяти дней со времени сообщенія ему письмомъ предсѣдателя рѣшенія совѣта.

Ст. 39. Адвокатъ, который пропущенъ въ спискѣ во время его составленія, можетъ принести жалобу совѣту. Если эта жалоба будетъ отвергнута, онъ имѣетъ право аппеллировать сообразно съ предшествующей статьей.

Ст. 40. Аппелляціи на рѣшенія совѣта могутъ быть приносимы только въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 38 и 39.

Ст. 41. Прокуратура ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права приносить жалобы на рѣшенія совѣта.

Ст. 42. Если поведеніе адвоката въ засѣданіи суда или опубликованное имъ сочиненіе о процессѣ были такого рода, что подлежали дисциплинарному преслѣдованію, то онъ привлекается къ отвѣтственности совѣтомъ сословія, который примѣняетъ къ нему, если найдетъ нужнымъ, одно изъ наказаній, опредѣленныхъ ст. 34, не устраняя этимъ дѣйствія законовъ, касающихся порядка судебныхъ засѣданій».

Этотъ проэктъ, какъ уже было сказано, не принесъ никакихъ результатовъ. Со времени его составленія было издано всего нѣсколько мелкихъ законовъ, не прибавившихъ ничего существеннаго къ указу 1830 г. Такъ, въ 1850 г. адвокаты были подчинены патентному сбору, а въ 1851 г. установлено назначеніе безплатныхъ защитниковъ для бѣдныхъ по гражданскимъ дѣламъ. «Противъ перваго изъ этихъ налоговъ», говоритъ Ліувилль: «мы всегда протестовали; второй мы сами уплачивали добровольно, усердно и великодушно» [1]). Дѣйствительно, установленіе патентнаго сбора не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. «Оно», какъ справедливо возражалъ противъ проэкта налога Мари (Marie): «противно основному принципу профессіи, которая не даетъ адвокатамъ подлежащаго оцѣнкѣ дохода, такъ какъ они предпочитаютъ судебному иску объ уплатѣ гонорара неблагодарность и отказъ кліента» [2]). Два другіе закона 1852 и 1870 года коснулись выборовъ совѣта и предсѣдателя. Первый установилъ для избранія совѣта абсолютное большинство голосовъ и перенесъ выборы предсѣдателя изъ общаго собранія въ дисциплинарный совѣтъ [3]), а второй отмѣнилъ послѣднее постановленіе и возобновилъ порядокъ, опредѣленный закономъ 1830 г. [4]).

Такимъ образомъ, современная организація французской адвокатуры не опредѣлена особымъ уставомъ, а основывается на указанныхъ законахъ 1822, 1830, 1852 и 1870 г.г. Въ виду того важнаго вліянія, какое она оказывала и оказываетъ на устройство адвокатуры въ другихъ государствахъ, слѣдуетъ разсмотрѣть ее подробнѣе и обстоятельнѣе.

---

[1]) *Lionville*, 497.
[2]) *Mollot*, I. 523.
[3]) Décret du 22 mars 1852, art. 1, 2.
[4]) Décret du 10 mai 1870, art. 1.

§ 4.

Современная организація.

Сословность. Адвокаты, внесенные въ списокъ при судѣ первой или второй инстанціи, образуютъ сословіе (ordre). Что такое означаетъ въ этомъ случаѣ слово «сословіе»? «Въ нѣкоторыхъ городахъ», говоритъ Бушэ а'Аржи: адвокаты, составляя союзъ, называютъ его коллегіей; но названіе сословія болѣе благородно и болѣе подходяще; его всегда принимали адвокаты парижскаго парламента, и самъ парламентъ при всякомъ случаѣ давалъ имъ его. И въ самомъ дѣлѣ, адвокаты, даже разсматриваемые въ совокупности, не образуютъ вовсе какого-либо политическаго союза въ родѣ общины: это только состояніе, классъ лицъ, соединенныхъ однимъ общимъ качествомъ, которое отличаетъ ихъ отъ другихъ сословій, каковы духовенство и дворянство, два высшія сословія въ государствѣ» [1]). Нельзя не замѣтить, что подобное приравненіе адвокатовъ къ духовенству и дворянству неправильно потому, что, съ одной стороны, эти сословія носятъ политическій характеръ, а съ другой стороны, принадлежность къ нимъ вовсе не обусловливается единствомъ профессіи. Къ тому-же сословіе духовныхъ одно на цѣлое государство, между тѣмъ какъ адвокаты разныхъ судовъ составляютъ, по французской терминологіи, отдѣльныя сословія [2]). Такимъ образомъ, ясно, что терминъ «сословіе» въ примѣненіи къ адвокатамъ скорѣе означаетъ «коллегію», чѣмъ «состояніе».

Органы самоуправленія. Подобно тому, какъ и въ дореволюціонный періодъ, органами управленія коллегій служатъ: дисциплинарные совѣты и предсѣдатели. Дисциплинарные совѣты (conseils de discipline) существуютъ при апелляціонныхъ судахъ, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ апелляціонныхъ судовъ нѣтъ, при судахъ первой инстанціи. Они избираются въ концѣ іюля или въ началѣ августа общимъ собраніемъ всѣхъ внесенныхъ въ списокъ даннаго суда адвокатовъ по абсолютному большинству голосовъ и состоятъ изъ 5 членовъ, если число всѣхъ адвокатовъ списка меньше 30, изъ 7, если адвокатовъ отъ 30 до 50, изъ 9, если отъ 50—100, изъ 15, если больше ста, а въ Парижѣ изъ 21. Вмѣстѣ съ совѣтомъ общее со-

[1]) Boucher d' Argis, 17

[2]) См. § 2 приведеннаго выше проэкта 1835 года

браніе избираетъ также абсолютнымъ большинствомъ голосовъ предсѣдателя (bâtonnier). Члены совѣта назначаютъ изъ своей среды секретаря, казначея, библіотекаря и архиваріуса. Совѣтъ и предсѣдатель избираются на одинъ годъ, но съ 1830 г. въ Парижѣ вошло въ обычай вторично избирать того-же самаго предсѣдателя еще на одинъ годъ. Упоминая объ этомъ, Молло говоритъ, что двойное избраніе необходимо уменьшаетъ шансы быть избраннымъ, между тѣмъ, какъ адвокатура имѣетъ много членовъ, которые достойны такой чести, и которымъ не прійдется получить ее [1]). Секретари, архиваріусы и библіотекари слагаютъ свои обязанности вмѣстѣ съ остальными членами совѣта. Предсѣдателю принадлежитъ право созывать общее собраніе, предсѣдательствовать какъ въ немъ, такъ и въ совѣтѣ, являться представителемъ сословія въ сношеніяхъ его съ судебными мѣстами, руководить коммиссіями, назначенными для составленія списка, повѣрки счетовъ казначея и для другихъ надобностей, подписывать распоряженія совѣта, удостовѣренія, письма и объявленія всякаго рода, касающіяся сословія [2]). На Дисциплинарный совѣтъ возлагается: 1) разрѣшеніе затрудненій, возникающихъ при внесеніи въ списокъ; 2) надзоръ необходимый для поддержанія чести и интересовъ сословія; 3) наложеніе дисциплинарныхъ взысканій [3]).

Допущеніе къ профессіи. Отъ кандидатовъ въ адвокатуру требуются въ настоящее время тѣ-же условія, какія требовались въ дореволюціонный періодъ, именно 1) ученая степень лиценціата права, соотвѣтствующая нашей степени кандидата; 2) принятіе присяги; 3) практическая подготовка или стажъ и 4) внесеніе въ списокъ. Дипломъ лиценціата правъ пріобрѣтается трехлѣтнимъ изученіемъ права во французскихъ университетахъ или юридическихъ школахъ и экзаменомъ [4]). Присяга приносится въ томъ судѣ, при которомъ адвокатъ желаетъ быть внесеннымъ въ списокъ, и повторяется ежегодно [5]).

Судъ не можетъ отказать лиценціату правъ въ принесеніи присяги, если его представляетъ совѣтъ сословія, но совѣтъ имѣетъ право не представлять кандидатовъ, если удостовѣрится въ нравственной ненадежности ихъ [6]). По принятіи присяги, кандидатъ получаетъ званіе адвоката, но не имѣетъ права заниматься практикой,

---

[1]) *Mollot*, II, 11.
[2]) Ib., II, 24, 25.
[3]) Ordon. 1822, art. 12
[4]) Cresson. I. 11
[5]) Ib. I. 22.
[6]) *Cresson*, 21.

пока не будетъ внесенъ въ списокъ стажіеровъ, т. е. подготовляющихся адвокатовъ. Такимъ образомъ, во Франціи могутъ существовать и существуютъ лица, носящіе званіе адвокатовъ, но не имѣющіе права отправлять профессію. Въ защиту такого отдѣленія званія отъ профессіи едва-ли можно привести какія-либо соображенія [1]) Кандидатъ, принесшій присягу, подаетъ прошеніе совѣту сословія о допущеніи его къ стажу. Предсѣдатель поручаетъ одному изъ членовъ совѣта составить докладъ. Членъ-докладчикъ долженъ провѣрить, удовлетворяетъ-ли кандидатъ всѣмъ требованіямъ относительно подданства, возраста, нравственности, мѣста жительства и несовмѣстимости, и довести объ этомъ до свѣдѣнія совѣта. Тогда совѣтъ постановляетъ рѣшеніе о допущеніи или недопущеніи кандидата.

Стажъ. Дѣйствующія постановленія о стажѣ [2]) помѣщены въ III главѣ указа 1822 года. Они заключаются въ слѣдующемъ:

Ст. 30. Продолжительность стажа опредѣляется въ 3 года.

Ст. 31. Стажъ можетъ быть отбываемъ въ разныхъ судахъ, съ тѣмъ, чтобы не было перерыва свыше 3-хъ мѣсяцевъ.

Ст. 32. Дисциплинарные совѣты могутъ, смотря по обстоятельствамъ, удлинять срокъ стажа.

Ст. 33. Адвокаты-стажіеры не входятъ въ составъ списка. Тѣмъ не менѣе они раздѣляются и приписываются въ концѣ каждой колонны, смотря по времени ихъ зачисленія.

Ст. 34. Адвокаты-стажіеры могутъ выступать въ судѣ и составлять бумаги только въ томъ случаѣ, если представятъ отъ двухъ членовъ совѣта, принадлежащихъ къ ихъ колоннѣ, удостовѣреніе, что въ теченіи двухъ лѣтъ прилежно посѣщали судебныя засѣданія. Удостовѣреніе должно быть засвидѣтельствовано дисциплинарнымъ совѣтомъ.

Ст. 35. Отъ представленія этого свидѣтельства освобождаются лица, достигшія 22-лѣтняго возраста.

Такъ какъ законъ 1830 г. уничтожилъ раздѣленіе адвокатуры на колонны, то вторую половину 33 статьи надо считать потерявшей силу, а 34 статья на практикѣ измѣнена въ томъ смыслѣ, что требуемое ею удостовѣреніе выдается не членами совѣта, а предсѣдателемъ [3]). Эти краткія постановленія были подробно развиты и до-

---

[1]) Ib., 25.
[2]) Ordon, du 20 nov. 1822.
[3]) *Mollot*, I, 448.

полнены совѣтомъ въ силу данной ему закономъ власти [1]). Такъ, отъ желающаго приступить къ стажу совѣтъ требуетъ удостовѣренія, что онъ принесъ установленную присягу въ апелляціонномъ судѣ, имѣетъ собственную квартиру въ предѣлахъ судебнаго округа и уплатилъ казначею сословія дѣлаемый ежегодно всѣми адвокатами взносъ въ 30 франковъ [2]). Надзоръ за стажіерами принадлежитъ тоже совѣту. Ихъ занятія состоятъ въ посѣщеніи судебныхъ засѣданій, а также участіи въ собраніяхъ колоннъ и въ конференціяхъ.

Колонны. Въ 1851 г., по предложенію предсѣдателя Годри (Gaudry), совѣтъ въ видахъ лучшаго надзора за стажіерами и ознакомленія ихъ съ правилами профессіи учредилъ такъ называемыя колонны. Его постановленіе отъ 5 мая 1851 года гласитъ слѣдующее:

«§ 1. Адвокаты-стажіеры раздѣляются на колонны».

«§ 2. Раздѣленіе дѣлается по одинаковому числу для каждой колонны предсѣдателемъ при участіи двухъ членовъ совѣта и секретаря».

«§ 3. Фамиліи распредѣляются по жребію и записываются въ каждой колоннѣ по алфавитному порядку».

«§ 4. По мѣрѣ принятія новыхъ стажіеровъ, будетъ производиться распредѣленіе ихъ между десятью колоннами».

«§ 5. Въ каждой колоннѣ предсѣдательствуютъ два члена совѣта, выбранные по жребію. Колонна должна собираться, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ въ назначенное предсѣдателемъ сословія время въ помѣщеніи библіотеки».

«§ 6. О днѣ и часѣ этого собранія стажіеры извѣщаются письменно, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до срока; ихъ имена записываются на особомъ листѣ, и какъ отсутствіе (не мотивированное), такъ и присутствіе принимаются во вниманіе при внесеніи въ списокъ.

«§ 7. Предсѣдатели колоннъ будутъ давать объясненія, какія сочтутъ нужными, относительно обычаевъ, правилъ, обязанностей и правъ профессіи».

«§ 8. Въ каждой колоннѣ обязанности секретаря исполняетъ одинъ изъ двѣнадцати секретарей конференціи» [3]).

---

[1]) Ordon. du 20 nov. 1822, art. 45: les usages observés dans le barreau .. sont maintenus.

[2]) *Lionville*. 30.

[3]) *Mollot*, II. 59; *Cresson*, I, 137.

Образованныя такимъ образомъ десять колоній существуютъ и по настоящее время съ той разницей, что стажіеры теперь распредѣляются не по жребію, а, какъ предложилъ въ 1855 г. Бетмонъ (Bethmont), по времени зачисленія. Именно, въ первую колонну входятъ стажіеры, считающіеся болѣе 5 лѣтъ, во вторую стажіеры пятаго года, а въ остальныя—всѣ прочіе. Несмотря на слишкомъ рѣдкія засѣданія,—всего два раза въ годъ,—занятія колоній приносятъ несомнѣнную пользу, и Молло, читавшій отчеты всѣхъ засѣданій до 1866 г., свидѣтельствуетъ, что они были весьма поучительны и интересны, такъ какъ въ нихъ обсуждались основные принципы адвокатской дѣятельности. Съ 1872 года вмѣсто двухъ предсѣдателей для каждой колонны избирается только одинъ [1]).

Конференціи. Въ то время какъ учрежденіе колоній имѣетъ цѣлью ознакомленіе стажіеровъ съ правилами профессіи, задача конференцій заключается въ пріученіи ихъ къ преніямъ и обсужденію юридическихъ вопросовъ. Конференціи происходятъ разъ въ недѣлю подъ руководствомъ предсѣдателя сословія и при участіи одного члена совѣта и двухъ старшихъ адвокатовъ (anciens). Двѣнадцать стажіеровъ или уже практикующихъ адвокатовъ ежегодно избираются совѣтомъ для исполненія секретарскихъ обязанностей и для доклада подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ [2]). Посѣщеніе конференцій обязательно для стажіеровъ. Обсужденіе юридическихъ вопросовъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Секретари по очереди приготовляютъ доклады на темы, избранныя ими съ одобренія предсѣдателя и выставляютъ о нихъ объявленія за двѣ недѣли до срока. Засѣданіемъ руководитъ предсѣдатель. Послѣ прочтенія доклада начинаются пренія; затѣмъ предсѣдатель дѣлаетъ резюмэ всего, что было сказано, не выражая своего личнаго мнѣнія, чтобы не повліять своимъ авторитетомъ, и приступаетъ къ голосованію. Въ прежнее время докладчикъ отмѣчалъ на особой тетради результаты голосованія вмѣстѣ съ соображеніями, высказанными за и противъ [3]).

Избирая секретарей, совѣтъ въ то же время поручаетъ двумъ изъ молодыхъ стажіеровъ, состоящихъ въ этомъ званіи не болѣе четырехъ лѣтъ, приготовить вступительныя рѣчи для торжественнаго открытія конференцій. Темы для этихъ рѣчей даются самимъ совѣтомъ.

---

[1]) *Lionville*, 41; *Cresson*, 1, 138.

[2]) Французскій законъ, умалчивая совершенно о конференціяхъ, опредѣляетъ только порядокъ избранія ихъ секретарей. Décret 1852, art. 5.

[3]) *Cresson*, I, 147.

Въ прежнее время конференціи являлись также благотворительнымъ учрежденіемъ и подавали безплатные совѣты бѣднымъ. Но съ 1851 г., когда была установлена закономъ защита по назначенію суда и консультаціонныя бюро, эта дѣятельность конференцій прекратилась сама собой.

Пріучая начинающихъ адвокатовъ къ обсужденію юридическихъ вопросовъ и къ преніямъ, конференціи имѣютъ несомнѣнное и въ высшей степени важное воспитательное значеніе. «Конференціи», говорилъ еще въ 1786 г. Боннэ: «изобрѣтены для того, чтобы предупредить безчисленныя неудобства одиночныхъ занятій. Этотъ удачный методъ, при помощи котораго многіе умы сообща пользуются своими трудами и знаніями, устраняетъ почти всѣ затрудненія. Благодаря ему, каждый участникъ возвращается изъ собранія обогащенный мыслями и знаніями всѣхъ остальныхъ, которыхъ онъ точно также обогатилъ своими. Этотъ счастливый обмѣнъ служитъ на пользу всѣмъ, такъ какъ сокровища знанія не то, что матеріальныя богатства: ихъ можно раздавать, не оскудѣвая, ихъ можно распредѣлять, не уменьшая». Говоря далѣе о привычкѣ къ преніямъ, пріобрѣтаемой на конференціяхъ, Боннэ продолжаетъ: «здѣсь утрачивается та робость, которая зачастую *измѣняетъ наилучшія вещи* и подавляетъ самыя *хорошія движенія*, та *неловкость и принужденность*, которыя являются прирожденными *врагами естественности и граціи*; здѣсь дружеская и взаимная *критика указываетъ каждому* слабую сторону его таланта или недостатки, *омрачающіе этотъ талантъ*, и избавляетъ его отъ подобныхъ-же уроковъ со стороны недовольной публики, ужасныхъ уроковъ, выражающихся только неудачами и исправляемыхъ только пораженіями; здѣсь, наконецъ, каждый можетъ по своему желанію обсуждать самыя важныя дѣла или самые незначительные вопросы права или факта, или судопроизводства; упражняться во всѣхъ этихъ родахъ; употреблять любой тонъ, научаясь примѣнять къ каждому предмету соотвѣтствующія слова и обороты; пріобрѣтать предварительный навыкъ къ судебнымъ засѣданьямъ и часто узнавать характеръ своего таланта» [1]).

Внесеніе въ списокъ. Стажіеръ, отбывшій опредѣленное закономъ время стажа, можетъ просить совѣтъ о внесеніи его въ списокъ практикующихъ адвокатовъ. Для этого онъ долженъ удостовѣрить: 1) что онъ отбылъ положенный срокъ стажа, причемъ аккуратно посѣщалъ конференціи и засѣданія колоннъ, или же, что онъ

[1]) *Dupin*, 342.

раньше уже состоялъ адвокатомъ при другомъ апелляціонномъ судѣ; 2) что онъ имѣетъ квартиру въ Парижѣ, и 3) что онъ безукоризненъ въ нравственномъ отношеніи. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуется представителями колоннъ. Всѣ доставленныя кандидатомъ свѣдѣнія повѣряются тѣмъ членомъ совѣта, которому порученъ докладъ по данному дѣлу. На этотъ счетъ совѣтъ парижской адвокатуры установилъ еще въ 1828 г. слѣдующія правила: 1) докладчики должны наводить самыя точныя справки относительно кандидатовъ: о занятіяхъ ихъ во время стажа, о дѣятельности ихъ въ качествѣ адвокатовъ, о дѣловыхъ отношеніяхъ ихъ къ старѣйшимъ и практикующимъ въ судахъ адвокатамъ; 2) чтобы облегчить полученіе этихъ свѣдѣній, стажіеры будутъ предупреждаемы либо предсѣдателемъ, свидѣтельствующимъ ихъ дипломы, либо членами-докладчиками, либо предсѣдателями колоннъ, что для внесенія въ списокъ они должны будутъ представить доказательства по указаннымъ вопросамъ; 3) колонны будутъ собираться два раза въ годъ, и отсутствующіе стажіеры будутъ записываться; 4) докладчики должны, если сочтутъ это нужнымъ, посѣщать кандидатовъ на дому, какъ посѣщаютъ теперь желающихъ подвергнуться стажу, и 5) въ случаѣ сомнѣнія докладчика относительно допустимости кандидатовъ, эти послѣдніе будутъ приглашаемы въ засѣданіе совѣта [1]). Списокъ практикующихъ адвокатовъ ежегодно составляется и печатается особой коммиссіей, въ которую входятъ предсѣдатель сословія, секретарь и три члена совѣта по выбору предсѣдателя. Задача ея заключается въ томъ, чтобы внести въ списокъ всѣхъ адвокатовъ, допущенныхъ къ практикѣ, исключить изъ списка умершихъ и подвергшихся по дисциплинарному производству исключенію изъ сословія и сдѣлать запросъ стажіерамъ, болѣе пяти лѣтъ отбывающимъ стажъ, почему они не просятъ о внесеніи ихъ въ списокъ.

Фамиліи адвокатовъ записываются не въ алфавитномъ, а въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ принятія въ сословіе. Старшіе по порядку пользуются нѣкоторыми привиллегіями. Такъ, они представляютъ стажіеровъ къ присягѣ, въ случаѣ консультаціи могутъ приглашать своихъ товарищей, кромѣ только предсѣдателя, къ себѣ на домъ; на выборахъ въ совѣтъ при равенствѣ голосовъ пользуются предпочтеніемъ предъ другими кандидатами и т. п.

Съ момента внесенія въ списокъ стажіеръ становится полноправнымъ членомъ сословія.

---

[1]) *Mollot*, II, 144.

Несовмѣстимость. Теорія несовмѣстимости чрезвычайно широко развита во французской адвокатурѣ. Она основывается на принципѣ, выраженномъ Бушэ д'Аржи въ слѣдующихъ словахъ: «адвокатъ не долженъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла, чуждыя его профессіи, такъ какъ ничто не можетъ быть чище адвокатуры: малѣйшая примѣсь портитъ и искажаетъ ее». Законодательныя постановленія на этотъ счетъ весьма кратки. «Адвокатская профессія», говорится въ законѣ 1822 г.: «несовмѣстима со всѣми судебными должностями; съ должностями префекта, подъ-префекта и генеральнаго секретаря префектуры; съ обязанностями актуаріуса, нотаріуса и повѣреннаго, съ платными должностями, съ обязанностями счетоводовъ, со всякаго рода торговлей и агентурой» [1]). Совѣтъ парижской адвокатуры значительно дополнилъ и увеличилъ этотъ списокъ. Причины несовмѣстимости, введенныя имъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: на абсолютныя, исключающія навсегда занятія адвокатурой, и относительныя, которыя могутъ быть устранены. Къ первому разряду отнесены совѣтомъ духовное званіе, имущественная несостоятельность, служба въ качествѣ полицейскаго коммисара и нѣк. др. Во второй входитъ несравненно большее число случаевъ, изъ которыхъ главные слѣдующіе: иностранное подданство, военное званіе и разнаго рода государственныя должности. Разрѣшая эти частные случаи, совѣтъ руководствовался, какъ видно изъ мотивовъ его постановленій, тремя основными принципами: 1) адвокатъ долженъ быть человѣкомъ незапятнанной репутаціи; 2) отличаться полнѣйшимъ безкорытіемъ и 3) не находиться въ зависимости ни отъ кого, кромѣ самого сословія. Согласно съ первымъ принципомъ, совѣтъ не допускалъ къ адвокатурѣ лицъ, приговоренныхъ по суду къ ограничивающему права или позорящему наказанію. Примѣняя второй, онъ считалъ несовмѣстимыми съ адвокатурой всякаго рода занятія, связанныя съ торговлей и промышленностью, а слѣдуя третьему, запрещалъ адвокатамъ службу, какъ государственную, такъ и частную. Исключеніе сдѣлано только для должностей и профессій, которыя или близки къ адвокатурѣ, каковы, напр., профессура на юридическихъ факультетахъ, портфель министра юстиціи, редактированіе юридическаго журнала, или безвозмездныя, какъ напр., разныя сверхштатныя должности по юридическому вѣдомству, или почетныя, вродѣ почетныхъ повѣренныхъ, магистратовъ и т. п. Впрочемъ, совѣтъ допускалъ еще нѣкоторыя изъятія, которыя не могутъ быть оправ-

[1]) Ordon. 1822, art. 42.

даны приведенными соображеніями. Такъ, онъ позволилъ адвокатамъ занимать должности секретарей кассаціоннаго суда [1]).

Профессіональная дѣятельность. Адвокаты занимаются юридической консультаціей и устной защитой интересовъ тяжущихся на судѣ. Они имѣютъ право выступать предъ всѣми судами государства [2]). При отправленіи своихъ обязанностей они носятъ особый костюмъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда защищаютъ свои личныя дѣла. Въ знакъ свободы защиты адвокатамъ дозволено говорить рѣчь съ покрытой головой. Но, читая относящіеся къ дѣлу документы или законы или выслушивая приговоръ, они должны обнажать голову.

Адвокатъ пользуется на судѣ полной свободой рѣчи. Онъ имѣетъ право говорить все, что найдетъ нужнымъ для интересовъ кліента, критиковать показанія свидѣтелей и экспертовъ, касаться даже ихъ личности, и если переступитъ границы умѣренности и деликатности, то подлежитъ не уголовному преслѣдованію за обиду или клевету, а дисциплинарному взысканію [3]).

Все, что кліентъ ввѣрилъ адвокату, составляетъ адвокатскую тайну, которую онъ не имѣетъ права разглашать, даже если-бы его допрашивали на судѣ въ качествѣ свидѣтеля. Разглашеніе тайны наказуется по уголовному закону тюремнымъ заключеніемъ до 6 мѣсяцевъ и штрафомъ до 500 франковъ [4]).

Адвокаты не могутъ пріобрѣтать на свое имя тяжбъ и спорныхъ правъ подъ страхомъ уничтоженія сдѣлки и возмѣщенія убытковъ [5]).

Дисциплинарная власть. Какъ уже было сказано, дисциплинарная власть находится въ рукахъ совѣта. Законъ 1822 г. содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія на этотъ счетъ:

«Ст. 14. Дисциплинарные совѣты обязаны поддерживать чувства вѣрности къ монархіи и конституціоннымъ учрежденіямъ и принципы умѣренности, безкорыстія и честности, на которыхъ основывается честь адвокатскаго сословія».

«Ст. 15. Дисциплинарные совѣты преслѣдуютъ по своему усмотрѣнію или по поданнымъ имъ жалобамъ нарушенія и проступки, которыя совершены внесенными въ списокъ адвокатами».

---

[1]) *Cresson*, I, 74.
[2]) Ordon. 1830, art. 4.
[3]) Code d'instr. crim, art. 319: *Cresson*, II, 78; Loi du 17 mai 1819, art 23; Loi du 19 juill, 1881, art 41.
[4]) Code, pen, art. 378; Cassat. 24 mai 1862.
[5]) Code civ, art. 1597.

«Ст. 16. Предшествующія распоряженія не уничтожаютъ права судовъ преслѣдовать проступки, совершенные адвокатами во время засѣданія».

«Ст. 17. Примѣненіе дисциплинарной власти не устраняетъ преслѣдованій, которыя прокуратура или гражданскія стороны считаютъ себя въ правѣ возбудить въ судахъ относительно поступковъ, представляющихъ собой преступленія или правонарушенія».

«Ст. 18. Дисциплинарныя наказанія суть: 1) предостереженіе, 2) выговоръ, 3) временное запрещеніе практики и 4) исключеніе изъ списка.

Временное запрещеніе практики не можетъ быть продолжительнѣе одного года».

«Ст. 19. Никакое дисциплинарное наказаніе не можетъ быть наложено безъ выслушанія или, по крайней мѣрѣ, приглашенія обвиненнаго адвоката за восемь дней до срока».

«Ст. 20. Отмѣнена.

«Ст. 21. Всякое рѣшеніе совѣта, налагающее запрещеніе практики или исключеніе изъ списка, передается въ теченіи трехдневнаго срока генералъ-прокурору, который слѣдитъ за приведеніемъ его въ исполненіе».

Какъ видно изъ рѣшеній совѣта парижской адвокатуры, исключеніе изъ списка было опредѣляемо за наиболѣе важныя нарушенія правилъ профессіи, каковы безусловная несовмѣстимость, занятія торговлей и агентурой по продажѣ чего-либо, злоупотребленіе довѣріемъ, спекулированіе недвижимостью, нарушеніе присяги, обманъ, безнравственное, доходящее до скандала поведеніе, ростовщичество, погоня за кліентурой, употребленіе факторовъ съ этой цѣлью и т. п. Временное запрещеніе практики налагалось за принятіе возмездныхъ порученій, составленіе условій о гонорарѣ, пріискиваніе кліентовъ, требованіе гонорара впередъ, непочтеніе къ магистратурѣ и др. Наконецъ, выговоръ и предостереженія относились къ наименѣе важнымъ проступкамъ противъ правилъ о гонорарѣ, объ обязанностяхъ защиты, деликатности и уваженія къ магистратурѣ и противникамъ и т. п. [1]).

Кромѣ указанныхъ закономъ четырехъ дисциплинарныхъ наказаній, совѣтъ примѣняетъ еще одну мѣру, которая, не представляя собой наказанія, влечетъ за собой тѣмъ не менѣе невыгодныя практическія послѣдствія. Она называется пропускомъ (omission) и за-

[1]) *Mollot*, II, § IV; *Cresson*, II, tit. XII

ключается въ томъ, что фамилія адвоката по рѣшенію совѣта перестаетъ вноситься въ списокъ до тѣхъ поръ, пока причина вызвавшая эту мѣру, не перестанетъ существовать. Такой пропускъ, отличается отъ исключенія изъ списка тѣмъ, что онъ не окончателенъ и не позоренъ. Совѣтъ прибѣгаетъ къ нему въ случаяхъ относительной несовмѣстимости, своевольнаго отпуска, выѣзда изъ Парижа, неуплаты адвокатскаго взноса и т. п. Право совѣта прибѣгать къ этой мѣрѣ основывается на ст. 15 закона 1822 г., которая возлагаетъ на совѣты преслѣдованіе замѣченныхъ ими проступковъ и нарушеній, и ст. 45 того-же закона, по которой «древніе обычаи адвокатуры оставляются въ полной силѣ».

Ограниченія автономіи. До сихъ поръ мы излагали внутреннюю организацію французской адвокатуры въ такомъ видѣ, какъ будто бы она основана на принципѣ полнаго самоуправленія. Теперь намъ нужно указать на ограниченія этого принципа, установленныя въ законѣ.

Въ дореволюціонный періодъ, какъ мы видѣли, сословіе было полнымъ «хозяиномъ своего списка». Не то замѣчается теперь. Новѣйшими рѣшеніями кассаціоннаго суда предоставлено право лицамъ, которыхъ совѣтъ не допускаетъ къ стажу или ко внесенію въ списокъ, аппеллировать въ подлежащій судъ. Кромѣ того, генералъ-прокуроръ долженъ слѣдить, чтобы «дисциплинарные совѣты не ставили препятствій свободному отправленію профессіи», и, въ случаѣ надобности, приносить на рѣшенія совѣта жалобы суду [1]). Изъ приведенныхъ постановленій видно, что сословіе можетъ быть принуждено къ принятію въ свою среду лицъ, которыя по какимъ либо причинамъ были отвергнуты дисциплинарнымъ совѣтомъ.

Далѣе, сословіе лишено полной самостоятельности при избраніи органовъ своего управленія, такъ какъ генералъ-прокуроръ можетъ во всякое время опротестовать выборы, и обсужденіе правильности или неправильности ихъ предоставлено соединенному присутствію департаментовъ даннаго суда [2]).

Точно также ограничена и карательная дѣятельность сословія. Только предостереженіе и выговоръ налагаются дисциплинарнымъ совѣтомъ безаппелляціонно. Притомъ, прокурорскому надзору отведено широкое право вмѣшательства въ дисциплинарное производство. Въ законѣ 1822 г. установлены на этотъ счетъ слѣдующія правила.

«Ст. 22. Генералъ-прокуроръ можетъ, если сочтетъ это необходи-

[1]) *Cresson*, II, 169.
[2]) *Mollot*, I, 497; *Cresson*, II, 202.

*

мымъ, потребовать, чтобы ему были присланы рѣшенія, налагающія предостереженіе и выговоръ».

«Ст. 23. Онъ также можетъ требовать присылки всякаго рѣшенія, которымъ совѣтъ оправдалъ обвиняемаго адвоката».

«Ст. 24. Въ случаѣ временнаго запрещенія, практики или исключенія обвиненный адвокатъ можетъ принести апелляцію въ подлежащій судъ».

«Ст. 25. Право апелляціи на рѣшенія, постановленныя дисциплинарнымъ совѣтомъ въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 15, принадлежитъ, равнымъ образомъ, генералъ-прокурорамъ».

«Ст. 28. Если апелляція принесена осужденнымъ адвокатомъ, то суды могутъ, когда будетъ нужно, увеличить наказаніе, хотя бы генералъ-прокуроръ и не апеллировалъ».

Эти правила страдаютъ двумя существенными недостатками. Во первыхъ, они предоставляютъ суду право увеличивать наказаніе апеллирующему адвокату безъ всякой просьбы о томъ со стороны генералъ-прокурора. «Хотя», какъ замѣчаетъ Молло, «суду нечасто прійдется употреблять данную ему власть, такъ какъ дисциплинарные совѣты, проникнутые сознаніемъ своего долга, умѣютъ безъ снисходительности и пристрастія соразмѣрять наказаніе съ виной» [1]), тѣмъ не менѣе предоставленіе такого права суду несправедливо. Вѣдь если генералъ-прокуроръ не нашелъ нужнымъ добиваться усиленія наказанія, то можно-ли предписывать суду, который по самому своему существу долженъ быть безпристрастнымъ и милосерднымъ, можно-ли предписывать ему быть болѣе строгимъ, чѣмъ представитель карательной власти государства?

Во вторыхъ, этими постановленіями предоставлено генералъ-прокурору больше правъ, чѣмъ обвиненному адвокату. Въ то время, какъ осужденный адвокатъ можетъ апеллировать только въ томъ случаѣ, если совѣтъ накажетъ его временнымъ запрещеніемъ практики или исключеніемъ изъ списка, генералъ-прокурору предоставлено право апеляціи на любое изъ дисциплинарныхъ постановленій. Дѣйствительно, хотя въ ст. 25 слова «равнымъ образомъ» повидимому приравниваютъ право апеляціи генералъ-прокурора къ такому-же праву осужденнаго адвоката, «но», говоритъ Молло, «въ виду того, что ст. 25 упоминаетъ о случаяхъ указанныхъ въ ст. 15 безъ всякаго ограниченія, мы должны признать съ

---

[1]) *Mollot*, I. 437.

глубокимъ сожалѣніемъ, что генералъ-прокуроръ можетъ приносить апелляцію даже въ случаѣ присужденія къ выговору или предостереженію» [1]).

Если теперь вспомнить, что въ дореволюціонный періодъ прокуратура совершенно не вмѣшивалась въ вопросы внутренней дисциплины, и что 41 статья проэкта 1835 г. категорически требовала, чтобы «ни въ какомъ случаѣ прокуратура не могла приносить жалобы на рѣшенія совѣта», то будетъ вполнѣ понятно, что французскіе адвокаты недовольны такимъ порядкомъ вещей, идущимъ въ разрѣзъ съ ихъ вѣковыми традиціями. Всѣ перечисленныя ограниченія сословной автономіи указываютъ на недовѣріе, которое питали къ адвокатурѣ составители устава 1822 года, и слѣды котораго остались въ законѣ и по настоящее время.

Правила профессіи. Нашъ очеркъ современнаго положенія французской адвокатуры былъ-бы недостаточно полонъ, если-бы мы прошли молчаніемъ тѣ правила профессіи, которыя выработаны практикой и служатъ руководящими принципами дѣятельности французскихъ адвокатовъ. Они не кодифицированы. Будучи созданы обычаемъ, они и по настоящее время сохраняютъ свой первоначальный характеръ. Они имѣютъ значеніе традицій, но традицій не отжившихъ, не вышедшихъ изъ употребленія, а чтимыхъ и хранимыхъ сословіемъ и его органами. Чтобы ознакомить съ ними новыхъ членовъ, вступающихъ въ сословіе, парижскій совѣтъ, помимо учрежденія колонны, съ давнихъ поръ ввелъ въ обычаи дарить каждому кандидату, допущенному къ стажу, экземпляръ сочиненія, въ которомъ собраны эти правила. Такимъ сочиненіемъ служила вначалѣ книга Молло «Очеркъ правилъ адвокатской профессіи» (Abrégé des regles de la profession d'avocat, 1842), представляющая извлеченіе изъ его обширнаго двухтомнаго труда о томъ же предметѣ, но въ 1883 г. Альбертъ Ліувилль составилъ новое руководство. Оно раздѣляется на четыре части: 1) организація адвокатуры, 2) общія правила, 3) профессіональныя правила и 4) законы и распоряженія правительства относительно адвокатуры. Первая и третья части извлечены изъ капитальнаго сочиненія Молло, а вторая и четвертая заимствованы изъ трактата Феликса Ліувилля (старшаго). «Объ адвокатской профессіи (De la profession d'avocat, 1864). Чтобы ознакомить читателя съ этими правилами, мы сдѣлаемъ извлеченіе наи-

[1]) *Mollot*, I, 430.

болѣе существенныхъ положеній изъ книги Молло, дополняя ихъ заимствованіями изъ новѣйшаго труда Крессона [1]).

Обязанности адвокатовъ Молло раздѣляетъ на четыре группы: I) Общія обязанности; II) обязанности относительно кліентовъ; III) обязанности относительно товарищей по профессіи, и IV) относительно магистратуры.

I. Общія обязанности.

Основные принципы дѣятельности адвокатовъ выражены, съ одной стороны, въ той присягѣ, которую они приносятъ, и, съ другой стороны, въ указѣ 1822 года.

Формула присяги гласитъ слѣдующее: «клянусь не говорить и не публиковать, въ качествѣ защитника или юрисконсульта, ничего противнаго законамъ, распоряженіямъ правительства, добрымъ нравамъ, безопасности государства и общественному спокойствію и никогда не уклоняться отъ должнаго уваженія къ судамъ и общественнымъ властямъ» [2]).

Указъ 1822 г. налагаетъ на совѣтъ обязанности «поддерживать принципы умѣренности, безкорыстія и честности, на которыхъ основывается честь адвокатскаго сословія» (ст. 14). Онъ предписываетъ адвокату «уважать общественную и религіозную мораль» (ст. 43), требуетъ «свято исполнять всѣ эти постановленія (ст. 38), наказывать всѣ совершенные проступки и нарушенія» (ст. 15, 16 и 43) и, въ заключеніе, опредѣляетъ, что «всѣ обычаи, соблюдавшіеся въ адвокатурѣ относительно правъ и обязанностей адвокатовъ при занятіи ими своей профессіей, сохраняютъ свою силу» (ст. 45). Изъ этихъ постановленій слѣдуетъ, что адвокатъ, если онъ хочетъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, долженъ не только обладать знаніемъ своего дѣла, но и быть: 1) честнымъ; 2) безкорыстнымъ и 3) умѣреннымъ. Къ этимъ тремъ требованіямъ, установленнымъ закономъ, обычаи сословія прибавляютъ еще два: 1) независимость и 2) ревностное соблюденіе традицій и правилъ профессіи.

1) Честность. Обыкновенная честность недостаточна для адвоката. Онъ обязанъ довести ее до щепетильности; преданія древняго сословія адвокатовъ и рѣшенія совѣта сословія никогда не измѣнялись въ этомъ отношеніи. Въ своихъ рѣчахъ и бумагахъ, въ сво-

---

[1]) *Mollot*, I. part. prem; *Cresson*, passim.
[2]) Loi du 22 ventôse, an XII, art. 31.

ихъ консультаціяхъ и дѣловыхъ сочиненіяхъ, адвокатъ долженъ избѣгать всякаго средства, которое не вполнѣ законно. Правдивость представляетъ собой другую обязанность, которая вытекаетъ изъ честности. Она не заключается только въ томъ, чтобы приводить на судѣ и въ бумагахъ точные факты, она также запрещаетъ употреблять искусственныя средства съ цѣлью обмануть судей. Адвокатъ долженъ стремиться къ тому, чтобы восторжествовалъ не его процессъ, а правда.

2) Безкорыстіе, предписываемое профессіей, требуетъ, чтобы адвокатъ былъ умѣренъ въ своемъ гонорарѣ; оно требуетъ даже, чтобы адвокатъ, если кліентъ не въ состояніи ему ничего предложить, безплатно оказалъ ему свое заступничество съ такой же заботливостью, съ такимъ же рвеніемъ, какъ сдѣлалъ бы это для самаго богатаго лица. Гонораръ, который кліентъ ему предлагаетъ, есть награда за оказанную услугу, доказательство благодарности. Онъ не можетъ, слѣдовательно, допускать ни таксы, ни принужденія.

3) Умѣренность. Адвокатъ долженъ быть умѣренъ въ своихъ рѣчахъ. Онъ не долженъ расхваливать своего кліента, а также нападать на своего противника *безъ необходимости* и основываясь на фактахъ, не относящихся къ дѣлу. Тѣмъ болѣе умѣренность налагаетъ обязанность относиться точно также къ тѣмъ лицамъ, которыя не участвуютъ въ процессѣ, къ свидѣтелямъ и къ экспертамъ, приглашеннымъ судомъ. Исключеніе составляетъ только одинъ случай, — случай очень рѣдкій, когда нападки оправдываются требованіемъ процесса и очевидными доказательствами,

4) Независимость. Для адвоката она составляетъ вмѣстѣ и право, и обязанность. Она предписываетъ адвокату защищать справедливое дѣло, не заботясь ни о своихъ личныхъ интересахъ, ни о могуществѣ противника. Лѣтописи французской адвокатуры свидѣтельствуютъ, что адвокатамъ нерѣдко приходилось выступать противъ самыхъ вліятельныхъ лицъ, даже противъ особъ королевской семьи, и что мужество никогда не покидало ихъ при исполненіи обязанностей.

Адвокаты пользуются своею независимостью, какъ правомъ, въ сношеніяхъ съ кліентами и магистратурой. Чтобы удержать эту независимость, они имѣютъ два средства: одно состоитъ въ требованіяхъ и представленіяхъ посредствомъ депутацій, а другое въ добровольномъ прекращеніи профессіональной дѣятельности. Оба эти средства были примѣняемы на практикѣ и оба приносили желаемые результаты.

5) Соблюденіе обычаевъ и традицій сословія. Адвокатъ долженъ строго соблюдать вѣковыя традиціи своего сословія и защищать всегда и вездѣ его права и привиллегіи. Онъ долженъ держать себя съ достоинствомъ, приличествующимъ его званію, какъ въ своемъ консультаціонномъ кабинетѣ, такъ и въ залѣ суда. Каждый адвокатъ есть вмѣстѣ человѣкъ и адвокатъ. Если достоинство его, какъ человѣка, принадлежитъ одному ему, то достоинство его, какъ адвоката, принадлежитъ цѣлому сословію. Вотъ почему въ то время, какъ его частная жизнь неприкосновенное святилище, дисциплина имѣетъ право требовать у него отчета въ его поступкахъ, когда они могутъ компрометтировать честь и достоинство всего сословія.

II. Обязанности адвоката по отношенію къ кліентамъ.

6) Недостойно адвоката хлопотать о кліентурѣ. Нужно, чтобы кліенты искали его, а не онъ кліентовъ. Поэтому, всѣ способы, направленные къ привлеченію кліентовъ, начиная съ газетныхъ объявленій и кончая табличками на дверяхъ, безусловно запрещены. Тѣмъ болѣе адвокату не дозволительно доставать себѣ кліентуру, заключая договоры съ чиновниками, маклерами или повѣренными.

7) Профессія адвоката по своему существу свободна. Онъ имѣетъ право, не объявляя мотивовъ, отказаться отъ дѣла, довѣреннаго ему. Вотъ основной принципъ, выработанный вѣками. Уставъ уголовнаго судопроизводства дѣлаетъ только одно исключеніе изъ предыдущаго правила, а именно для защитъ, на которыя президентъ суда присяжныхъ назначаетъ адвоката; если адвокатъ хочетъ освободиться отъ такой защиты, то онъ долженъ представить суду извинительныя причины.

Передъ судами исправительной полиціи, военными совѣтами и гражданскими судами первой инстанціи, защита по назначенію не обязательна, однако обычаи сословія предписываютъ адвокату не отказывать въ своей помощи бѣднымъ.

8) Если гражданское дѣло, которое адвокатъ ведетъ по назначенію, представляется ему неосновательнымъ, то онъ долженъ ограничиться изложеніемъ требованій своего кліента, не подкрѣпляя ихъ своимъ мнѣніемъ.

9) Отъ гражданскаго дѣла, которое адвокатъ принялъ по соглашенію, онъ можетъ отказаться, когда убѣдится въ его несправедливости. Этотъ принципъ заимствованъ изъ римскаго права.

10) Въ случаѣ сомнительности юридической стороны дѣла, адво-

катъ можетъ принять его. Юридическія мнѣнія по одному и тому-же вопросу могутъ быть различны, но адвокатъ долженъ избирать наиболѣе вѣроятное изъ нихъ. Въ случаѣ-же сомнѣнія въ нравственной сторонѣ дѣла онъ долженъ отказаться.

11) Къ уголовнымъ дѣламъ примѣняется другой принципъ: адвокатъ можетъ вести каждое дѣло, хотя бы онъ сомнѣвался въ невинности кліента, такъ какъ гуманность требуетъ, чтобы каждый подсудимый былъ защищаемъ. Роль адвоката заключается въ томъ, чтобы выставить на видъ сомнѣнія или вызвать снисхожденіе къ подсудимому.

12) Если адвокатъ велъ дѣло одной стороны, то онъ не долженъ принимать защиту или давать совѣты другой сторонѣ въ томъ же самомъ процессѣ, такъ какъ этимъ онъ нарушитъ адвокатскую тайну.

13) Недостойно адвоката поддерживать въ одномъ процессѣ тотъ взглядъ, который онъ опровергалъ въ другомъ. Поступать такъ значитъ навлекать на себя упрекъ въ противорѣчіи самому себѣ и въ шаткости своихъ убѣжденій.

14) Адвокатъ не долженъ принимать отъ своего кліента ни письменной, ни словесной довѣренности, хотя бы даже безвозмездно.

15) Обсужденіе дѣлъ и подача совѣтовъ происходятъ въ кабинетѣ адвоката. Только въ исключительныхъ случаяхъ, каковы болѣзнь и дряхлость кліента, адвокатъ можетъ посѣтить его квартиру.

16) Адвокатъ не долженъ ходить по дѣламъ кліента къ нотаріусамъ, маклерамъ, повѣреннымъ и т. п. Конечно, онъ можетъ въ конторѣ нотаріуса справляться съ подробностями актовъ, которые составляютъ предметъ процесса, и доставка которыхъ была-бы затруднительна или дорого стоила кліентамъ, приходить въ качествѣ совѣтника для того, чтобы помогать своему кліенту и подписывать бумаги въ важномъ дѣлѣ и т. п. Но съ незапамятныхъ временъ установился обычай, что нотаріусы и повѣренные приходятъ для свиданій къ адвокату, а не онъ къ нимъ.

17) Принимая на себя издержки производства или давая съ этой цѣлью авансъ кліенту, адвокатъ компрометтируетъ свое достоинство.

18) Точно также, получая отъ кліента задатокъ съ тѣмъ, чтобы назначить отъ себя повѣреннаго и уплатить ему судебныя издержки, адвокатъ нарушаетъ требованіе независимости и деликатности.

19) Если адвокатъ боленъ или чѣмъ-нибудь задержанъ, то онъ можетъ замѣнить себя своимъ сотоварищемъ въ томъ случаѣ, когда увѣдомленный объ этомъ кліентъ не воспротивится.

20) Такъ какъ профессія адвоката не основывается на договорахъ довѣренности и личнаго найма, то отсюда слѣдуетъ, что онъ отвѣчаетъ за свои совѣты не болѣе, чѣмъ судья за свои рѣшенія. Если тотъ или другой ошибается, то предположеніе остается всегда въ пользу ихъ добросовѣстности. Для адвоката это древній обычай, который освященъ дѣйствующимъ закономъ.

21) Честность адвоката представляетъ столь твердо установившійся фактъ, что онъ никогда не даетъ росписки въ полученіи бумагъ, которыя ему довѣрены. Точно также онъ ихъ возвращаетъ безъ квитанціи тому, кто ихъ ему вручилъ, будетъ-ли то кліентъ, повѣренный, клеркъ или агентъ. И если адвокатъ объявляетъ, что онъ ихъ возвратилъ, то ему вѣрятъ на слово, безъ присяги. Это одно изъ самыхъ древнихъ и самыхъ почетныхъ правилъ профессіи. Нѣтъ примѣра злоупотребленія имъ. Кто рѣшается обвинить адвоката въ утайкѣ или присвоеніи какого-нибудь документа, тотъ рискуетъ навлечь на себя наказаніе, какъ это случилось въ 1638 г. съ нѣкіимъ Реньи. Адвокатъ Ришэ (Richer), обвиненный имъ въ утайкѣ документа, пожаловался суду, который присудилъ Реньи къ 500 ливрамъ штрафа [1]). Но если адвокатъ утратилъ документъ и не можетъ представить законнаго извиненія, то онъ отвѣчаетъ за это.

22) Послѣ окончанія дѣла или, если кліентъ раньше откажетъ адвокату, документы не должны быть удерживаемы ни подъ какимъ предлогомъ, даже если-бы кліентъ простеръ свою несправедливость до того, что отказался-бы уплатить заслуженный гонораръ. Удержаніе документовъ было-бы косвеннымъ принужденіемъ уплатить.

23) Адвокатъ имѣетъ право получать вознагражденіе за свой трудъ, но не долженъ заключать на этотъ счетъ никакихъ условій. Хотя дѣйствующее законодательство допускаетъ искъ о гонорарѣ, и хотя адвокаты нѣкоторыхъ провинцій пользуются имъ, но въ Парижѣ и въ большинствѣ другихъ городовъ неизмѣнно примѣняется правило древней адвокатуры, по которому всякое судебное требованіе уплаты гонорара воспрещено адвокату подъ страхомъ исключенія изъ сословія.

24) Адвокатъ долженъ принимать то вознагражденіе, какое ему подноситъ по доброй волѣ кліентъ. Всякое требованіе уплаты, въ какой-бы формѣ оно ни было сдѣлано, влечетъ за собой дисциплинарное наказаніе.

---

[1]) *Boucher d'Argis*, 67.

25) Неуплата гонорара или боязнь неуплаты не даютъ адвокату права отказываться отъ веденія дѣла.

26) Если адвоката просятъ защищать дѣло внѣ его мѣстожительства, то онъ не нарушитъ правилъ безкорыстія и деликатности, если пожелаетъ, чтобы вознагражденіе было ему вручено или, по крайней мѣрѣ, обѣщано. Въ этомъ случаѣ дѣло измѣняется: адвокатъ, покидая свой кабинетъ, теряетъ другихъ кліентовъ и подвергается необычному утомленію и издержкамъ; поэтому, исключеніе становится вполнѣ законнымъ. Самая строгая деликатность не заставляетъ приносить несправедливыя жертвы.

27) Адвокатъ, принимая гонораръ по добровольному предложенію кліента, не долженъ выдавать ему въ томъ квитанціи. Однако, если гонораръ переданъ адвокату черезъ повѣреннаго, то адвокатъ можетъ увѣдомить кліента о полученіи посредствомъ письма.

28) По установившемуся въ Парижѣ обычаю, судъ принимаетъ въ счетъ издержекъ гонораръ, уплоченный повѣреннымъ адвокатамъ, даже безо всякихъ квитанцій со стороны адвокатовъ, лишь бы только платежъ по своей величинѣ не казался невѣроятнымъ. «Хотя въ принципѣ», говоритъ постановленіе Кольмарскаго суда: «адвокаты имѣютъ искъ къ кліентамъ объ уплатѣ гонорара, однако такъ какъ сообразно съ постоянными обычаями, установленными въ интересахъ достоинства сословія, адвокаты воздерживаются и должны воздерживаться отъ этого иска, то наблюдать за уплатой гонорара адвокату долженъ повѣренный, который вмѣстѣ съ нимъ велъ данное дѣло». Повѣренный, уплатившій гонораръ адвокату, можетъ требовать возмѣщенія этой суммы съ кліента судомъ.

29) Можетъ-ли кліентъ требовать возвращенія гонорара, который былъ имъ добровольно уплоченъ? Нѣтъ, только совѣсти адвоката должно быть предоставлено рѣшеніе этого вопроса. Такъ какъ адвокатъ строго исполняетъ правила, запрещающія ему требовать въ какой-бы то ни было формѣ уплаты гонорара, то справедливо, чтобы кліентъ не имѣлъ права требовать возвращенія добровольно уплаченнаго гонорара.

30) Во всѣхъ дѣлахъ по назначенію, уголовныхъ или гражданскихъ, адвокату запрещено принимать гонораръ, даже если его предложатъ.

31) Адвокатъ не долженъ выговаривать себѣ части спорнаго имущества въ видѣ гонорара. Въ римскомъ правѣ тоже были запрещены такія: «pacta de quota litis».

III. Обязанности адвоката по отношенію къ товарищамъ.

32) Установившіеся обычаи требуютъ отъ адвокатовъ относиться съ почтеніемъ къ своимъ старшимъ коллегамъ и обращаться къ нимъ за совѣтомъ при всякомъ встрѣчающемся затрудненіи.

Со своей стороны, старшіе адвокаты должны оказывать помощь и поддержку своимъ юнымъ коллегамъ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ. Благодаря такому общенію, французскіе адвокаты отличались всегда и отличаются теперь духомъ солидарности и даже братства.

33) Ни въ засѣданіяхъ суда, ни въ сочиненіяхъ адвокатъ не долженъ подвергать своего противника-коллегу насмѣшкамъ или презрительнымъ упрекамъ.

34) Въ гражданскихъ дѣлахъ адвокатъ не долженъ пользоваться документами, которыхъ онъ не сообщилъ раньше адвокату своего противника. Это правило установилось еще въ дореволюціонный періодъ, и, какъ говоритъ Бушэ д'Аржи, не было случая, чтобы изъ этого произошло какое-нибудь затрудненіе. Оно имѣетъ безусловную силу для адвоката истца. Но адвокатъ отвѣтчика можетъ не исполнять его въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., если онъ не знаетъ какіе доводы приведетъ противникъ или, если сообщеніе документа можетъ причинить вредъ интересамъ кліента. Когда противникъ не адвокатъ, то такое сообщеніе необязательно.

35) Первую копію съ каждаго заявленія, подаваемаго въ судъ, адвокатъ долженъ отсылать своему противнику-адвокату.

36) Адвокаты передаютъ другъ другу документы безъ всякихъ квитанцій и росписокъ. Если бы кліентъ воспротивился этому, то адвокатъ обязанъ отказаться отъ веденія его дѣла.

37) Если кліентъ оставляетъ своего адвоката и обращается къ новому, то послѣдній можетъ принять дѣло не прежде, чѣмъ удостовѣрится, что прежнему адвокату уплоченъ гонораръ.

38) Споры между адвокатами относительно какого-либо вопроса дѣла и дисциплины разрѣшаются предсѣдателемъ сословія, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—совѣтомъ.

IV. Обязанности адвоката по отношенію къ магистратурѣ.

39) Въ судебной іерархіи адвокатура занимаетъ мѣсто послѣ магистратуры. Поэтому, адвокаты должны относиться съ особымъ

уваженіемъ къ представителямъ магистратуры даже въ низшихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

40) По установившемуся обычаю, адвокатъ, пріѣзжающій защищать дѣло въ судѣ другаго города, обязанъ сдѣлать визитъ предсѣдателю суда.

41) Адвокатъ не долженъ посѣщать судью на дому, чтобы переговорить о своемъ процессѣ, если онъ не былъ приглашенъ имъ для этого.

42) Кабинетъ адвоката можетъ подлежать обыску, а бумаги кліентовъ, хранящіяся у него, аресту только въ двухъ случаяхъ: 1) если самъ адвокатъ виновникъ или соучастникъ преступленія, и 2) если бумаги не относятся къ числу дѣловыхъ.

43) Адвокатъ, ведущій чей-либо процессъ противъ судьи, долженъ сдѣлать визитъ своему противнику.

Таковы главныя обязанности французскихъ адвокатовъ, издавна установленныя обычаемъ. Сословные совѣты наблюдаютъ за исполненіемъ ихъ и привлекаютъ нарушителей къ дисциплинарной отвѣтственности. «Было-бы желательно», говоритъ Молло: «если только это желаніе не покажется философской иллюзіей, чтобы наши профессіональныя правила, сдѣлавшись интернаціональными, были приняты въ сосѣднихъ государствахъ» [1]). Желаніе Молло вовсе не такъ несбыточно, какъ оно ему казалось. Многія изъ приведенныхъ правилъ усвоены новѣйшими законодательствами другихъ народовъ; чужеземные адвокаты въ случаѣ какихъ-либо затрудненій справлялись и справляются съ этими правилами, и попытки ознакомить съ ними интеллигентное общество становятся все чаще и чаще [2]). И это вполнѣ понятно. Если нѣкоторыя изъ правилъ основываются на специфическихъ чертахъ организаціи французской адвокатуры и потому имѣютъ мѣстный характеръ, зато всѣ остальныя вытекаютъ изъ самой сущности профессіи и отличаются общечеловѣческимъ характеромъ.

---

[1]) *Mollot*, I, XXII.

[2]) Профессіональныя правила французской адвокатуры приняты почти цѣликомъ въ Бельгіи (*Duchaine et Picard:* Manuel pratique de la profession d'avocat. Brux, 1869). Въ новѣйшемъ нѣмецкомъ сочиненіи объ адвокатурѣ (*Prischl:* Advocatur und Anwaltschaft, 1888) сдѣланъ полный переводъ правилъ профессіи изъ книги Молло.

§ 5.

Дѣятельность и общественное положеніе адвокатуры со временъ революціи.

Политическіе процессы революціоннаго періода и временъ консульства дали адвокатурѣ возможность проявить благороднѣйшія черты своей дѣятельности. Въ виду чрезвычайной важности и большаго интереса нѣкоторыхъ процессовъ, мы поговоримъ о нихъ нѣсколько подробнѣе. Къ числу ихъ должны быть прежде всего отнесены процессы Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Людовикъ XVI избралъ себѣ защитниками Таржэ (Target) и Тронше (Tronchet). Первый отказался подъ предлогомъ старости и болѣзни, но на самомъ дѣлѣ по недостатку мужества. Однако обвинять его за это едва-ли можно. «Легко намъ, спокойнымъ зрителямъ тѣхъ событій», говоритъ Годри: «осуждать слабость, не принимая въ разсчетъ господствовавшаго тогда ужаса» [1]). Защитникъ сверженнаго короля долженъ былъ обладать не простымъ мужествомъ, а героизмомъ, готовностью пожертвовать своей жизнью.

Беррье разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» слѣдующій фактъ: «Тронсонъ Дюкудрэ (Tronson Ducoudray), одинъ изъ насъ (адвокатовъ), счелъ нужнымъ собрать насъ у себя на обѣдъ, чтобы удостовѣриться въ нашемъ образѣ мыслей, послѣ страннаго отказа Таржэ. Главными гостями были: Делакруа-Флэнвиль (Delacroix-Flainville), Белляръ (Bellart), Боннэ (Bonnet), Шаво-Делагардъ (Chaveau-Delagarde), Бюро-дю-Коломбье (Bureau du Colombier), Битузэ-де-Линьяръ (Bitouzet de Linières), Блакъ (Blaque) и я. Имена остальныхъ изгладились изъ моей памяти. Обсудивъ дѣло, мы согласились образовать союзъ защиты съ тѣмъ, чтобы если выборъ монарха падетъ на одного изъ насъ, остальные сопровождали его въ качествѣ совѣтниковъ. Было, далѣе, рѣшено, что каждый ораторъ начнетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «я приношу конвенту истину и свою голову. Онъ можетъ располагать моей жизнью, когда выслушаетъ мои слова» [2]). Беррье и его товарищи думали и, какъ мы увидимъ, не безъ основанія, что принимать защиту Людовика XVI значило рисковать своей головой. Тѣмъ не менѣе они приняли-бы ее,

---

[1]) *Gaudry*, II, 387.
[2]) *Berryer:* Souvenirs (1774—1838), 1839, I, 146.

если-бы она была имъ предложена. Мало того, адвокатъ Гюо (Huot) самъ предложилъ конвенту защищать Людовика, но его предложеніе отклонили, говоря, что король долженъ лично избрать себѣ защитника. Другой адвокатъ Пишуа (Pichois) напечаталъ юридическій мемуаръ въ защиту обвиненнаго монарха, въ которомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ дѣйствія учредительнаго собранія. «Это было», замѣчаетъ Годри: «превосходнымъ средствомъ подвергнуть себя смерти, а не избавить отъ нея короля» [1]). Наконецъ, семидесятилѣтній Малесербъ (Malesherbes), бывшій въ молодости адвокатомъ, написалъ членамъ конвента изъ деревни, гдѣ онъ проводилъ остатокъ своей жизни, слѣдующее письмо: «я не знаю, дастъ-ли конвентъ Людовику XVI защитника и представитъ-ли ему выборъ таковаго. Въ послѣднемъ случаѣ я желалъ-бы, чтобы Людовикъ XVI зналъ, что если онъ изберетъ меня, я готовъ исполнить свой долгъ. Я не прошу васъ извѣщать о моемъ предложеніи конвентъ, такъ какъ я вовсе не считаю себя лицомъ достаточно важнымъ для того, чтобы онъ занимался мной. Но я былъ дважды призываемъ на совѣтъ къ тому, кто былъ моимъ повелителемъ въ то время, когда всѣ домогались этой чести, и я долженъ оказать ему такую-же услугу теперь, когда она стала въ глазахъ многихъ опасной. Если бы я зналъ другой способъ извѣстить его о моемъ намѣреніи, я не взялъ бы на себя смѣлости обращаться къ вамъ» [2]).

Малесербъ былъ избранъ королемъ и приступилъ къ подготовкѣ защиты вмѣстѣ съ Тронше. 17 декабря 1793 г. они обратились въ конвентъ съ просьбой прибавить еще одного защитника и сообщили, что король избралъ де-Сеза (de Sèze). Конвентъ исполнилъ ихъ желаніе. Только восемь дней оставалось еще до засѣданія. Произнесеніе рѣчи на судѣ было поручено де-Сезу. Днемъ онъ собиралъ вмѣстѣ съ товарищами матеріалы для защиты, а по ночамъ писалъ рѣчь. Впослѣдствіи онъ самъ говорилъ о ней: «она носитъ на себѣ слѣды крайней поспѣшности, съ какой я принужденъ былъ составлять ее, но я исполнилъ свою священную обязанность и имѣлъ въ виду только свое призваніе, а не свои силы». 26 декабря де-Сезъ произнесъ свою рѣчь передъ конвентомъ. Она была скрѣплена подписями Людовика, де-Сеза, Малесерба и Тронше. Въ первой части рѣчи де-Сезъ установлялъ неподсудность дѣла конвенту. «Если», говорилъ онъ: «вы отнимаете у Людовика XVI неприкосновенность короля, то вы

---

[1]) *Gaudry*, 390.
[2]) Ib 388, 389.

должны, по крайней мѣрѣ, признать за нимъ права гражданина... Но если вы хотите судить Людовика, какъ гражданина, то я васъ спрошу, гдѣ же тѣ охранительныя формы, требовать которыхъ имѣетъ право каждый гражданинъ?» Первая часть заканчивалась слѣдующими словами: «Граждане, я буду говорить вамъ съ вольностью свободнаго человѣка: я ищу среди васъ судей и вижу однихъ обвинителей. Вы хотите произнести приговоръ надъ Людовикомъ, и вы сами его обвиняете! Вы хотите произнести приговоръ, и вы уже высказали свое желаніе! Вы хотите произнести приговоръ, а ваши мнѣнія извѣстны всей Европѣ! Значитъ, Людовикъ будетъ единственнымъ французомъ, для котораго не существуетъ никакого закона, никакой формы производства; онъ не будетъ имѣть ни правъ гражданина, ни привиллегій короля; онъ не воспользуется ни своимъ прежнимъ положеніемъ, ни новымъ. Какая странная и непонятная судьба»! Затѣмъ, перейдя къ фактической части обвиненія и опровергнувъ его по всѣмъ пунктамъ, де-Сезъ закончилъ свою рѣчь такимъ образомъ: «Французы! революція, возродившая васъ, развила великія добродѣтели; но опасайтесь, чтобы она не ослабила въ вашихъ душахъ чувство гуманности. . Послушайте, что скажетъ исторія: Людовикъ взошелъ на престолъ двадцати лѣтъ; онъ далъ на престолѣ примѣръ нравственности; онъ не принесъ никакой преступной слабости, никакой развращенной страсти. Онъ былъ бережливъ, справедливъ, строгъ; онъ всегда оказывался вѣрнымъ другомъ народа. Народъ желалъ уничтоженія пагубнаго налога, который тяготѣлъ надъ нимъ, онъ его уничтожилъ: онъ началъ съ того, что прекратилъ его въ своихъ доменахъ; народъ требовалъ реформъ въ уголовномъ законодательствѣ для смягченія участи обвиняемыхъ,— онъ произвелъ реформы; народъ хотѣлъ, чтобы милльоны французовъ, которыхъ строгость нашихъ обычаевъ лишала до того времени правъ, принадлежащихъ гражданамъ, пріобрѣли или возвратили себѣ эти права,—онъ имъ предоставилъ ихъ своими законами; народъ желалъ свободы, онъ даровалъ ее. Онъ даже опередилъ желанія народа своими жертвами, и однако теперь во имя этого самаго народа требуютъ... Граждане, я не оканчиваю... я останавливаюсь передъ исторіей. Вспомните, что ей предстоитъ судъ надъ вашимъ судомъ, и что ея голосъ будетъ голосомъ всѣхъ вѣковъ!» Когда онъ выходилъ изъ залы, Людовикъ бросился ему на шею и, обнимая его, — сказалъ: «Мой бѣдный Десезъ»! [1]) Это было единственной и величайшей на-

[1]) *Gaudry*. II, liv. III, ch III; *Le Berquier*, 128; *Forsyth*, 277.

градой, какую получилъ отважный де-Сезъ за свою блестящую защиту и за ту опасность, которой онъ подвергалъ себя. А опасность была немалая: какъ извѣстно, престарѣлый Малесербъ вскорѣ погибъ на эшафотѣ, а Тронше и самъ де-Сезъ были обязаны своимъ спасеніемъ только бѣгству. Смертный приговоръ Людовику XVI былъ принятъ большинствомъ всего пяти голосовъ. Но напрасно всѣ три защитника въ виду такого незначительнаго большинства просили дозволить апелляцію къ народу, — конвентъ остался непреклоненъ, и Людовикъ погибъ на эшафотѣ жертвой политическаго и юридическаго убійства.

Въ томъ-же году состоялся судъ надъ несчастной Маріей Антуанетой. Для защиты ея были назначены два адвоката: Шаво-Делагардъ и Тронсонъ-Дюкудрэ. Къ сожалѣнію, отъ ихъ рѣчей не сохранилось ни одного отрывка. Но что они говорили свободно и мужественно, видно уже изъ того обстоятельства, что Шаво-Делагардъ едва не поплатился жизнью за свою рѣчь. Послѣ засѣданія онъ былъ заключенъ въ тюрьму и получилъ свободу только по особому декрету. Черезъ нѣсколько времени онъ снова былъ схваченъ, и въ обвинительномъ актѣ было сказано: «пора, чтобы защитникъ вдовы Капета сложилъ свою голову на томъ-же эшафотѣ». Но смерть Робеспьера спасла его отъ неминуемой гибели [1]). Вслѣдъ за процессами Людовика XVI и Маріи-Антуанеты слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ интересныхъ процессовъ. Шарлотту Кордэ, убившую Марата и сознавшуюся въ своемъ преступленіи, защищалъ тотъ-же Шаво-Делагардъ. Когда судъ вынесъ ей смертный приговоръ, она обратилась къ своему адвокату и сказала: «вы меня защищали деликатно и благородно; это былъ единственный подходящій для меня способъ. Я благодарю васъ за него; онъ возбудилъ во мнѣ уваженіе къ вамъ, которое я хочу доказать на дѣлѣ. Эти господа объявили мнѣ, что мое имущество конфисковано; я должна кое-что въ темницѣ: я вамъ поручаю уплатить этотъ долгъ». «Мы не думаемъ», замѣчаетъ Годри, приводя эти слова: «чтобы было что-либо болѣе возвышенное въ древности» [2]).

Мадамъ Елизабетъ (Elisabethe), приближенная Маріи Антуанеты имѣла защитникомъ тоже Шаво-Делагарда. «Обвиняемая», говорилъ на судѣ адвокатъ: «была предана королевѣ; она ее любила: она была ей вѣрна въ опасностяхъ, какъ другіе вѣрны въ дни счастья. Дружба, вѣрность, мужество, это-ли дѣянія, достойныя смерти?»

---

[1]) *Gaudry*, II, 409.
[2]) Ib., 408.

Свирѣпый Дюма, который предсѣдательствовалъ, прервалъ его съ бѣшенствомъ, упрекая въ томъ, что онъ дерзаетъ говорить о мнимыхъ добродѣтеляхъ обвиняемой и такимъ образомъ развращаетъ общественную нравственность [1]).

Самымъ большимъ процессомъ во времена консульства былъ процессъ о покушеніи на жизнь Наполеона. 47 человѣкъ привлекались къ суду. Между ними былъ Кадудаль (Cadoudal), братья Арманъ (Armand), Полиньякъ (Jules de Polinіac), маркизъ де-Ривьеръ (de Rivière) и генералъ Моро (Moreau). Въ числѣ защитниковъ были знаменитые адвокаты Белляръ (Bellart), Биллекокъ (Billecoq) и Боннэ (Bonnet). Наибольшее вниманіе возбудила блестящая защита Шарлемъ Боннэ извѣстнаго генерала Моро. Боннэ говорилъ цѣлыхъ шесть часовъ съ перерывомъ въ одинъ часъ. Онъ началъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «И такъ, генералъ Моро въ оковахъ! Самыми большими и славными заслугами, самыми блестящими побѣдами, самыми важными завоеваніями, спасеніемъ многихъ армій—пельзя, безъ сомнѣнія, пріобрѣсти гнуснаго права губить свою родину внутреннимъ междоусобіемъ: мы далеки отъ системы столь ужаснаго зачета; но эти подвиги, эти завоеванія, это геройское и безграничное самоотверженіе, столько доблести, такъ много побѣдъ, столько благопріятныхъ обстоятельствъ, двадцать пять лѣтъ честности, будетъ ли все это потеряно для оправданія знаменитаго подсудимаго? Нѣтъ, господа, разумъ, справедливость и чувство осуждаютъ систему, внушаемую неразумѣемъ и неблагодарностью. Эти спасительныя воспоминанія, которыя витаютъ надъ подсудимымъ, еще не суть оправданія, но они являются болѣе чѣмъ вѣроятнымъ предзнаменованіемъ ихъ».

Предсѣдатель коммиссіи, исполнявшей роль суда, часто останавливалъ защитника, несмотря на умѣренность его рѣчи. Когда послѣ одной остановки генералъ-прокуроръ вставилъ со своей стороны замѣчаніе и назвалъ Моро измѣнникомъ, Боннэ отвѣтилъ слѣдующей замѣчательной тирадой: «Господинъ генералъ-прокуроръ, позвольте мнѣ сказать вамъ, что генералъ Моро достаточно хорошо доказалъ, измѣнникъ-ли онъ; никто изъ насъ не представилъ на этотъ счетъ болѣе возвышенныхъ доказательствъ. Ни вы, ни я, г. генералъ-прокуроръ, не руководили планами кампаній IV и V года республики; ни вы, ни я не побѣждали въ столькихъ битвахъ враговъ нашей страны; ни вы, ни я не разрушили побѣдами заговора Пишегрю; ни вы, ни я не уничтожили тѣхъ, которые хотѣли сражаться

[1]) Ib.; II, 411.

съ нашимъ отечествомъ и предавать его; ни вы, ни я не совершали изумительныхъ отступленій изъ Германіи и Италіи и не спасли трехъ армій; ни вы, ни я не уплатили столь щедро нашему отечеству своими дѣйствіями и побѣдами долга любви и преданности». Благодаря защитѣ Боннэ, генералъ Моро спасся отъ смерти и былъ приговоренъ только къ двухлѣтнему заточенію, котораго онъ избѣжалъ, немедленно уѣхавъ въ Америку. Наполеонъ былъ страшно разсерженъ на Боннэ за его рѣчь и на Белляра за мемуаръ, написанный имъ въ защиту Моро; онъ хотѣлъ ихъ арестовать и сослать, и только благодаря вмѣшательству канцлера и префекта полиціи дѣло ограничилось однимъ выговоромъ [1]). Если въ послѣдующее время и не было столь важныхъ процессовъ, какъ только что указанные, тѣмъ не менѣе адвокатамъ неразъ представлялась возможность выказывать свое мужество при отправленіи профессіи. Достаточно будетъ указать на защиту маршала Нея Дюпэномъ старшимъ, Беррье и Деларуа-Флэнвиллемъ, на процессы генераловъ Камбронна и Дебелла, которымъ защищалъ Беррье младшій, и на большой политическій процессъ о заговорѣ 1820 г., въ которомъ выступали Дюпэнъ младшій, Геннекэнъ (Hennequin), Одилонъ Барро (Odilon Barrot) и другіе выдающіеся адвокаты, на дѣло маршала Базена, котораго защищалъ Лашо, на многочисленные политическіе процессы, въ которыхъ выступалъ Жюль Фавръ и т. п. [2]).

Говоря о замѣчательныхъ процессахъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ назвали цѣлый рядъ выдающихся адвокатовъ XIX вѣка. Мы уже упомянули о Боннэ, Биллекокѣ, Беллярѣ Делакруа-Флэнвиллѣ, двухъ Беррье, двухъ Дюпэнахъ Одилонѣ Барро, Геннекэнѣ, Лашо, Жюлѣ Фаврѣ. Къ этому списку слѣдуетъ еще прибавить имена Деламалля (Delamalle), Бервиля, Пайе (Paillet), Гамбетта ше-Дестъ Анжа (Chaix-D'est-Ange), Ліувилля и Молло.

Связь между адвокатурой и магистратурой, порвавшаяся въ концѣ XVII вѣка, снова возстановилась въ XIX вѣкѣ. Уже во времена революціи и первой имперіи нѣкоторые адвокаты занимали видныя мѣста въ магистратурѣ. Съ теченіемъ времени число магистратовъ,

---

[1]) *Gaudry*, II, 454; *Pinard*, I, 180.

[2]) Желающіе подробнѣе ознакомиться съ судебнымъ краснорѣчіемъ во Франціи могутъ обратиться къ почтенному труду прис. повѣр. г. *Шмакова*: „Судебные ораторы во Франціи“ (въ немъ переведены избранныя рѣчи Беррье, Шэ-д'Естъ-Анжа, Жюля Фавра, Лашо, Дюпэновъ старшаго и младшаго, Порталиса и Мирабо), а также къ статьямъ *К. К. Арсеньева* (Вѣст. Европы, 1886, № 1), г. Мипулова (Юр. Вѣстн. 1890, № 2 и 4) и г. Карабчевскаго (Сѣвер. Вѣстн. 1891, № 12).

вышедшихъ изъ рядовъ адвокатуры, увеличивалось все больше и больше. Просматривая біографіи замѣчательныхъ адвокатовъ XIX в. [1]), мы видимъ, что почти всѣ они въ концѣ своей карьеры достигали высшихъ государственныхъ должностей. Можно назвать всего нѣсколькихъ изъ нихъ, которые не покидали до самой смерти занятія своей профессіей, какъ напримѣръ Пайе (Paillet) или Ліувилль. Всѣ остальные становились членами и президентами высшихъ судовъ или переходили въ прокуратуру. Нѣкоторые были министрами (Мартиньякъ, Ленэ, Делангль, Барошъ, Фавръ, Гамбетта и др., а въ настоящее время Флокэ) и даже, съ тѣхъ поръ, какъ Франція стала республикой, президентами ея Тьеръ, Греви. Такимъ образомъ, общественное положеніе адвокатовъ во Франціи такъ-же высоко въ наше время, какъ было раньше. Даже можно сказать, что въ настоящее время, при свободномъ парламентарномъ режимѣ для нихъ открылось еще болѣе обширное и почетное поприще дѣятельности, чѣмъ въ эпоху просвѣщеннаго деспотизма.

§ 6.

Институтъ повѣренныхъ.

Адвокатура, какъ мы видѣли, была занесена въ Галлію изъ Рима и, притомъ, въ законченномъ, вполнѣ организованномъ видѣ. Но институтъ повѣренныхъ долженъ былъ развиваться во Франціи совершенно самобытно и независимо отъ чужаго вліянія. Ни въ Греціи, ни въ Римѣ не существовало особаго класса повѣренныхъ. Если Франція могла что-либо заимствовать изъ нихъ въ этомъ отношеніи, такъ только идею судебнаго представительства. Но форму и организацію его французскому праву пришлось вырабатывать самостоятельно, а для этого потребовалось немало времени. Такова причина того обстоятельства, что въ то время, какъ адвокатура процвѣтала въ Галліи уже въ первые вѣка христіанской эры, институтъ повѣренныхъ появился въ сколько-нибудь организованной формѣ не ранѣе, чѣмъ черезъ тысячу триста лѣтъ. Средневѣковая Франція раздѣлялась, какъ извѣстно, въ юридическомъ отношеніи на двѣ части: южную, гдѣ дѣйствовало римское право, и которая потому носила названіе страны писаннаго права (pays du droit écrit), и сѣверную,

[1]) Эти біографіи помѣщены во второмъ томѣ сочиненія Gaudry и въ спеціальномъ трудѣ Pinard'a.

гдѣ примѣнялось обычное право (pays du droit coutumier). На югѣ судебное представительство допускалось безъ всякихъ стѣсненій, согласно съ постановленіями юстиніанова права. Такой-же порядокъ вещей существовалъ и въ духовныхъ судахъ вслѣдствіе того, что каноническое право слѣдовало въ этомъ отношеніи за римскимъ. Но въ гражданскихъ судахъ сѣверной Франціи строго примѣнялся принципъ личной явки. Обычное право, а за нимъ и указы французскихъ королей установили и постоянно подтверждали его [1]). Судебное представительство допускалось только по исключенію для нѣкоторыхъ разрядовъ лицъ, которыя не могли сами вести своихъ дѣлъ. Къ числу ихъ принадлежали дѣти, женщины, юридическія лица (церкви, монастыри), духовенство, а впослѣдствіи чины парламента и всѣ участвующіе въ крестовыхъ походахъ [2]). Само собой разумѣется, что всѣ перечисленныя категоріи лицъ, въ силу своихъ физическихъ качествъ (дѣти, женщины) или соціальнаго положенія (духовные, члены парламента) или просто внѣшнихъ препятствій (юридическія лица, отсутствующіе крестоносцы), не имѣли возможности являться въ судъ лично, а должены были присылать вмѣсто себя другихъ лицъ, въ качествѣ своихъ судебныхъ представителей или повѣренныхъ (défenseurs, avoyers, avoés). Но всѣ прочіе граждане были обязаны являться на судъ лично и, если могли прислать вмѣсто себя повѣреннаго, то не иначе, какъ испросивъ спеціальное разрѣшеніе верховной власти на каждый данный случай. Эти разрѣшенія, получившія названіе дозволительныхъ грамотъ (lettres de grâce à plaidoyer), выдавались вначалѣ весьма скупо и только при наличности уважительныхъ причинъ (болѣзни, старости [3]). Но количество ихъ и легкость полученія возрастали съ каждымъ вѣкомъ вслѣдствіе усиленія потребности въ судебномъ представительствѣ, а также потому, что выдача грамотъ, обложенная высокой пошлиной, стала однимъ изъ важныхъ источниковъ государственнаго дохода. Хотя Людовикъ Святой допустилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ представительство безъ дозволительныхъ грамотъ [4]), тѣмъ не менѣе выдача ихъ практиковалась до конца XIV вѣка. Само со-

---

[1]) Arrêt de 1265; Establissem, l. II, ch. 8: ne nus procurateurs n'est receûs en cort laic.

[2]) *Bataillard*, 64.

[3]) Въ одномъ сочиненіи VII вѣка приведено такое позволеніе, данное нѣкоему тяжущемуся „вслѣдствіе его глупости“ (propter simplicitatem suam). *Batail*, 35.

[4]) Establ, l. I, ch. 102; l. II, ch. 7. 8.

бой разумѣется, что вначалѣ судебное представительство, будучи явленіемъ случайнымъ, не составляло отдѣльной профессіи. Но мало по малу оно сдѣлалось постояннымъ занятіемъ особаго разряда лицъ, который получилъ названіе сословія повѣренныхъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ Большой залѣ и галлереяхъ парижскаго парламента находились, кромѣ описанныхъ нами раньше скамей адвокатовъ, скамьи мелкихъ писцовъ, которые занимались сочиненіемъ для тяжущихся незначительныхъ судебныхъ бумагъ и переписывали разныя сочиненія, такъ какъ книгопечатаніе въ то время еще не было извѣстно. Между прочимъ, они составляли прошенія о выдачѣ разрѣшительныхъ грамотъ и зачастую являлись повѣренными по этимъ грамотамъ. Такъ какъ они обладали нѣкоторымъ знаніемъ законовъ и порядка производства, то весьма понятно, что тяжущіеся охотно поручали имъ за небольшую плату веденіе своихъ дѣлъ въ качествѣ судебныхъ представителей. Въ XIV вѣкѣ большинство разрѣшительныхъ грамотъ сосредоточивалось въ ихъ рукахъ, такъ что они окончательно обратились въ профессіональныхъ повѣренныхъ. Когда парламентъ сдѣлался осѣдлымъ, эти писцы образовали вмѣстѣ съ адвокатами сначала религіозное братство, а затѣмъ и общину. Исторія этихъ ассоціацій и постепеннаго отдѣленія сословія адвокатовъ отъ повѣренныхъ была изложена нами раньше. Теперь намъ нужно только обратить вниманіе на другія стороны исторіи института повѣренныхъ. Батайаръ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи дѣлитъ ее на четыре періода.

1) Первый начинается съ древнѣйшихъ временъ и продолжается до 1483 года. Въ теченіи его господствовалъ принципъ личной явки, и судебное представительство допускалось только по исключенію, на основаніи разрѣшительныхъ грамотъ. Вначалѣ для исполненія обязанностей повѣреннаго не требовалось никакихъ законныхъ условій. Но съ половины XIV вѣка были установлены два требованія: 1) принятіе присяги, 2) внесеніе въ особый списокъ (rotula procuratórum) [1]. Формула присяги не отличалась существенно отъ формулы адвокатской присяги того времени. Она должна была быть повторяема ежегодно [2]. Къ этимъ двумъ условіямъ вскорѣ присоединилось еще одно. Отъ кандидата въ повѣренные стали требовать представленія свидѣтельства отъ трехъ или четырехъ адвокатовъ въ томъ, что онъ способенъ и годенъ для

[1]) Ordon. 1345. art. 1, 2, 3.
[2]) Ordon du 17 janv. 1367, art 1.

этой профессіи [1]). Взамѣнъ этого свидѣтельства въ XV вѣкѣ былъ установленъ экзаменъ повѣренныхъ судьями [2]).

2) Въ 1483 разрѣшительныя грамоты были по просьбѣ турскихъ генеральныхъ штатовъ уничтожены, и тяжущіеся получили право вести свои дѣла лично или присылать вмѣсто себя представителей. Организація института повѣренныхъ оставалась такою-же, какъ и въ первомъ періодѣ. По прежнему стороны могли поручать веденіе дѣлъ не только повѣреннымъ, но и другимъ лицамъ. Повѣренные находились въ полной зависимости отъ суда; неограниченное число ихъ и конкурренція со стороны непрофессіональныхъ представителей, а также адвокатовъ, которые имѣли право составлять многія судебныя бумаги, привели ихъ къ обѣднѣнію, а потому и деморализаціи.

Въ XVI в. начинается поворотъ къ другому порядку вещей. Законодательство тщательно опредѣляетъ всѣ стороны дѣятельности повѣренныхъ, устанавливаетъ тарифы судебныхъ издержекъ и гонорара, усиливаетъ надзоръ за повѣренными и т. д. [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ оно проявляетъ три новыя тенденціи. Одна изъ нихъ заключается въ ограниченіи числа повѣренныхъ при каждомъ судѣ опредѣленнымъ комплектомъ. Первый толчекъ къ этому былъ данъ самими повѣренными. Они подали въ парламентъ петицію, въ которой, указавъ на свое бѣдственное положеніе вслѣдствіе конкурренціи разныхъ маклеровъ и агентовъ (solliciteurs), просили принять надлежащія мѣры [4]). Съ этого момента начинается рядъ попытокъ установить комплектъ.

Другая тенденція состоитъ въ стремленіи признать судебное представительство обязательнымъ, т. е. предписать каждому тяжущемуся избирать себѣ повѣреннаго. «Короли и юристы» говоритъ Нюссъ: не осмѣливались возвести этого въ законъ и прямо напасть на древній принципъ свободы тяжущихся, но они тайно подкапывались подъ него, въ особенности въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Было постановлено, что повѣренный не можетъ отказывать въ своей помощи, что онъ долженъ оказывать ее бѣднымъ безвозмездно, подъ страхомъ штрафа... что онъ является въ процессѣ хозяиномъ тяжбы, такъ что рѣшеніе произносится на его имя» и т. п. [5]). Въ сре-

---

[1]) Lettres patentes du 19 nov. 1393.
[2]) Ordon. d'avril 1453, art. 47.
[3]) *Bataillard et Nusse*, I, 113.
[4]) Ib., 117.
[5]) Ib., I, 120.

цинѣ XVI в. участіе повѣренныхъ было уже признано обязательнымъ въ аппелляціонной инстанціи [1]). Какія-же, спрашивается, причины вызвали появленіе этого принципа? Прежде всего, несомнѣнно, что въ интересѣ самихъ тяжущихся было поручать веденіе своихъ дѣлъ болѣе опытнымъ и знакомымъ съ формами процесса лицамъ, такъ что на практикѣ всѣ дѣла за рѣдкими исключеніями велись не самими сторонами, а ихъ представителями. Кромѣ того, правительство имѣло, въ свою очередь, причину поощрять такой порядокъ вещей. «Судопроизводство» говоритъ Нюссъ: «было для французскихъ королей боевымъ орудіемъ, которыми они пробили брешь въ обычномъ правѣ» [2]). Они не могли посягнуть прямо на мѣстные юридическіе обычаи, которые господствовали въ различныхъ провинціяхъ Франціи, и на которыхъ основывались права многихъ гражданъ. Но они могли ввести единообразное судопроизводство, которое съ теченіемъ времени могло-бы привести и къ единообразію матеріальнаго права. Для достиженія этой цѣли, между прочимъ, полезно было, чтобы сторонами въ процессѣ являлись не сами тяжущіеся, чуждые планамъ правительства, а повѣренные, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы эти повѣренные изъ представителей свободной профессіи обратились въ должностныхъ лицъ [3]). Въ этомъ послѣднемъ стремленіи сдѣлать повѣренныхъ чиновниками выражается третья тенденція законодательства. Мотивомъ ея, помимо желанія установить единообразіе права, служилъ также фискальный интересъ. При широкомъ развитіи продажности должностей правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы увеличивать число ихъ. Преслѣдуя эту цѣль, короли, начиная съ 1544 г. [4]), дѣлаютъ рядъ попытокъ обратить повѣренныхъ въ должностныхъ лицъ и заставить ихъ покупать патенты. Но парламенты, какъ парижскій, такъ и провинціальные, долго противились этимъ попыткамъ, не желая выпустить изъ своихъ рукъ выгодной привилегіи назначать повѣренныхъ, которая всегда принадлежала имъ. 3) Третій періодъ, начинающійся въ XVII вѣкѣ, характеризуется осуществленіемъ на практикѣ тѣхъ трехъ тенденцій, которыя появились въ предшествующій періодъ. Повѣренные окончательно сдѣлались должностными лицами [5]). число ихъ при парижскомъ парламентѣ было

---

[1]) Ib., 121.
[2]) Ib., 122.
[3]) Ib., 123.
[4]) Edits de 1544, 1572, 1594, 1620 etc.
[5]) Edit de 1639

ограничено четырьмя стами [1]), они получили монополію судебнаго представительства, которое вмѣстѣ съ тѣмъ стало обязательнымъ для тяжущихся [2]). «Съ этого времени», говоритъ Нюссъ, «профессія повѣренныхъ вошла въ систему французскаго публичнаго права; ихъ достоинство увеличилось; они не должны были болѣе унижаться предъ магистратами, ни выпрашивать у нихъ принятія въ профессію. Законъ и уставы замѣнили произволъ и милость» [3]). Благосостояніе повѣренныхъ возросло, а вмѣстѣ съ тѣмъ повысилась профессіональная нравственность, и общественное мнѣніе въ лицѣ своего выразителя—литературы, стало понемногу оставлять отрицательный взглядъ на профессію повѣренныхъ [4]).

4) Великая революція, уничтожившая сословную организацію адвокатуры, уничтожила вмѣстѣ съ тѣмъ и институтъ повѣренныхъ (1793 г.). Но черезъ нѣсколько лѣтъ (1800 г.) онъ былъ возстановленъ и существуетъ по настоящее время. Его организація, подобно тому, какъ и организація адвокатуры, не опредѣлена особымъ уставомъ, а основывается на цѣломъ рядѣ указовъ 1800, 1801, 1807, 1810, 1812, 1822 и др. годовъ.

Мы разсмотримъ ее по рубрикамъ.

Допущеніе къ профессіи. Въ настоящее время кандидаты въ повѣренные должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣть не менѣе 25 лѣтъ; 2) пройти курсъ уголовнаго и гражданскаго права и процесса въ одной изъ юридическихъ школъ и выдержать экзаменъ изъ этихъ предметовъ; 3) заниматься въ теченіи пяти лѣтъ практикой при повѣренномъ [5]). Какъ видно, отъ повѣренныхъ требуются исключительно практическія знанія. И это вполнѣ понятно. Они являются только процессуальными замѣстителями сторонъ. Правозаступничество-же принадлежитъ адвокатамъ. Но не всякое лицо, удовлетворяющее указаннымъ условіямъ, принимается въ повѣренные. Число ихъ при каждомъ судѣ ограничено опредѣленнымъ комплектомъ [6]), и тотъ, кто желаетъ вступить въ него, долженъ пріобрѣсти себѣ у какого нибудь повѣреннаго его мѣсто.

---

[1]) Впослѣдствіи число ихъ то уменьшалось, то увеличивалось. Въ 1657 г. оно было доведено до 500; въ 1667 уменьшено до 400, а въ 1776 до 300 *Bataillard et Nusse*, I, 183. Попытки установить комплектъ начались еще въ XIV в. (Ordon du 16 juill. 1378), но не были осуществлены на практикѣ.

[2]) *Bat. et Nusse*, I. 183.

[3]) Ib., I, 163.

[4]) Ib., II, séction IV.

[5]) Décret du 6 juill. 1810, art. 115; Loi du 22 vent, an. XII, art. 26.

[6]) Loi du 27 vent, an VIII, art. 93; nombre fixe sera reglé par le gouvernement sur l'avis du tribunal auquel les avoués devont être attachés.

Передача мѣста. Еще въ XV в. была установлена Людовикомъ XI несмѣняемость должностей. «Впредь», говорится въ декларацiи 1467 года: «мы не будемъ предоставлять ни одной изъ нашихъ должностей, если она не будетъ вакантна вслѣдствiе смерти, добровольнаго отказа или преступленiя по должности, доказаннаго судебнымъ порядкомъ» [1]). Когда должности стали продажными, то къ принципу несмѣняемости присоединился другой принципъ — отчуждаемости должностей. Король продавалъ должности, а лица, покупавшiя ихъ, получили право перепродавать ихъ другимъ и передавать по наслѣдству съ условiемъ уплаты за это казнѣ извѣстной суммы [2]). Это право было распространено и на повѣренныхъ съ той поры, какъ они сдѣлались должностными лицами.

Революцiя 1789 года уничтожила продажность должностей. Но съ возстановленiемъ института повѣренныхъ на практикѣ снова стала происходить продажа мѣстъ, хотя уже не правительствомъ, а самими повѣренными, и законъ 1816 года оффицiально призналъ ее. Такимъ образомъ, въ настоящее время лицо, желающее быть повѣреннымъ, не только должно удовлетворять всѣмъ законнымъ условiямъ, но и пріобрѣсти себѣ мѣсто повѣреннаго. Прежнiй владѣлецъ мѣста или его наслѣдники имѣютъ право представлять правительству кандидата для замѣщенiя себя, и этотъ кандидатъ, если онъ удовлетворяетъ всѣмъ требуемымъ условiямъ, утверждается въ должности [3]). Изъ этого видно, что законъ 1816 г., собственно говоря, не возобновилъ продажности должностей въ томъ видѣ, какъ она существовала до революцiи. Правительство не продаетъ ихъ, а назначаетъ на нихъ, сообразуясь съ желанiемъ предшествовавшаго владѣльца должности.

Какими-же соображенiями оправдывается подобное допущенiе частнаго произвола при занятiи государственной должности? Профессiя повѣреннаго отличается отъ всякой другой государственной службы въ одномъ отношенiи. Онъ, подобно нотарiусу, не получаетъ жалованья отъ правительства, а живетъ съ гонорара, уплачиваемаго ему кліентами. Онъ, по выраженiю Нюсса, эксплуатируетъ свое званiе и кліентуру, которая вознаграждаетъ его за

---

[1]) *Bat. et Nusse*, II, 39. Этотъ принципъ, впрочемъ, на практикѣ обходился очень легко тѣмъ, что короли не смѣняя должностнаго лица, просто уничтожали его должность. *Louandre* (Rev. de 2 mondes, 1879, № 14, p. 448).

[2]) *Bat. et Nusse*, II, 41.

[3]) Loi du 28 avr 1816, art. 91.

трудъ [1]). Эта кліентура — плодъ его таланта, знанія, честности и составляетъ его личную собственность, которую онъ можетъ отчуждать подобно тому, какъ купецъ отчуждаетъ свою торговую фирму. Интересы государства при этомъ нисколько не страдаютъ, такъ какъ покупать мѣста повѣренныхъ могутъ только лица, удовлетворяющія всѣмъ опредѣленнымъ закономъ условіямъ.

Назначеніе повѣренныхъ производится *слѣдующимъ образомъ*. Кандидатъ, пріобрѣвшій мѣсто повѣреннаго *при какомъ-либо судѣ*, заявляетъ объ этомъ данному суду, *который, получивъ отъ камеры* повѣренныхъ удостовѣреніе о нравственныхъ качествахъ и способности кандидата [2]), дѣлаетъ представленіе министерству [3]).

Внутренняя организація. Она опредѣлена закономъ 13 фримэра 9 года республики (1801 г.). Повѣренные, состоящіе при данномъ судѣ первой или второй инстанціи, образуютъ самоуправляющуюся коллегію. Органомъ ея служитъ камера (chambre), избираемая повѣренными изъ своей среды (ст. 1). Обязанности камеры заключаются во 1-хъ, въ поддержаніи внутренней дисциплины среди повѣренныхъ и наложеніи дисциплинарныхъ наказаній; во 2-хъ, въ предупрежденіи и разрѣшеніи споровъ между повѣренными и посторонними лицами, а также разсмотрѣніи жалобъ на повѣренныхъ; въ 4-хъ, въ подачѣ своего мнѣнія при опредѣленіи гонорара за дѣйствія, не упомянутыя въ таксѣ; въ 5-хъ, въ образованіи бюро для подачи безплатныхъ совѣтовъ бѣднымъ тяжущимся и распредѣленіи дѣлъ этихъ тяжущихся между повѣренными; въ 6-хъ, въ выдачѣ удостовѣреній о нравственности и способности кандидатовъ по требованію судовъ, и въ 7-хъ, въ представительствѣ всѣхъ повѣренныхъ даннаго суда по дѣламъ, касающимся ихъ общихъ интересовъ и правъ (ст. 2). Камера состоитъ изъ 15 членовъ, если число повѣренныхъ при данномъ судѣ 200 или больше, изъ 11, если ихъ отъ 100 до 200, изъ 9, если отъ 50 до 100, изъ 7, если отъ 30—50, изъ 5, если отъ 20—30, и изъ 4, если меньше 20 (ст. 4). Для дѣйствительности постановленій камеры необходима наличность двухъ третей членовъ. Въ составъ камеры входятъ: 1) предсѣдатель, который имѣетъ рѣшающій голосъ при раздѣленіи голосовъ поровну и созываетъ собранія камеры по собственному усмотрѣнію или по мотивированному требованію двухъ членовъ. 2) синдикъ, исполняющій

---

[1]) *Bat. et Nusse*, II, 391.
[2]) Arrêté du 13 frim. an IX, art. 2
[3]) Loi du 27 vent. an VIII. art. 95.

функціи прокурора при дисциплинарномъ производствѣ надъ повѣренными, дающій свои заключенія при рѣшеніи различныхъ вопросовъ и имѣющій право созывать собраніе и наблюдать за исполненіемъ его рѣшеній, 3) докладчикъ который дѣлаетъ доклады по дисциплинарнымъ дѣламъ, 4) секретарь, редактирующій постановленія камеры и завѣдующій архивомъ и 5) казначей (ст. 5). Обязанности всѣхъ этихъ лицъ, кромѣ предсѣдателя, синдика и докладчика, могутъ быть совмѣщаемы (ст. 6). Камера налагаетъ слѣдующія наказанія: 1) призывъ къ порядку; 2) простой выговоръ; 3) выговоръ въ собраніи камеры, и 4) запрещеніе входа въ камеру (ст. 8). Если камера находитъ нужнымъ приговорить виновнаго къ временному запрещенію практики, то она приглашаетъ въ засѣданіе другихъ повѣренныхъ въ количествѣ, превышающемъ однимъ человѣкомъ число ея членовъ, и постановляетъ рѣшеніе тайной подачи голосовъ (ст. 9). Члены камеры избираются въ общемъ собраніи повѣренныхъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ (ст. 14). Выборы производятся на 3 года, но каждый годъ возобновляется треть членовъ (ст. 15). Камера избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, синдика, докладчика, секретаря и казначея на 1 годъ (ст. 16). Рѣшеніе камеры, которымъ виновный приговоренъ къ запрещенію практики, подлежитъ утвержденію суда по выслушаніи прокурорскаго заключенія; остальныя наказанія налагаются собственной властью камеры и безапелляціонно [1]).

Сравнивая внутреннюю организацію института повѣренныхъ и сословія адвокатовъ, можно убѣдиться, что въ существенныхъ чертахъ онѣ совершенно схожи между собою. Камера повѣренныхъ вполнѣ аналогична совѣту сословія адвокатовъ. Оба эти учрежденія представляютъ собой органы самоуправленія; оба они избираются общимъ собраніемъ коллегій; оба они имѣютъ почти одинаковыя функціи; обоимъ имъ, наконецъ, принадлежитъ надзоръ за внутренней дисциплиной. Далѣе, во главѣ камеръ и совѣтовъ стоятъ предсѣдатели, которые, несмотря на различіе въ способѣ избранія, несутъ приблизительно одинаковыя обязанности. Если въ системѣ наказаній, въ порядкѣ дисциплинарнаго производства, способахъ обжалованія и нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ организація коллегій повѣренныхъ и сословія адвокатовъ неодинакова, тѣмъ не менѣе основныя черты внутренняго самоуправленія однѣ и тѣ-же въ обоихъ случаяхъ. Въ организаціи повѣренныхъ оно проведено даже по-

[1]) Arrête du 3 therm. an X, art. 1, 2

слѣдовательнѣе и строже, чѣмъ въ сословныхъ учрежденіяхъ адвокатовъ, такъ какъ прокуратура почти совершенно устранена отъ вмѣшательства въ дисциплинарныя дѣла коллегій.

Гонораръ. Вопросъ о гонорарѣ поставленъ въ институтѣ повѣренныхъ совершенно иначе, чѣмъ въ сословіи адвокатовъ. Въ то время какъ для адвокатовъ гонораръ является почетнымъ даромъ со стороны кліента, недопускающимъ ни таксы, ни судебнаго требованія, вознагражденіе повѣренныхъ представляетъ собой плату за личную услугу на основаніи договора довѣренности, опредѣляется подобно другимъ судебнымъ издержкамъ, таксой и подлежитъ взысканію черезъ судъ. Такса для повѣренныхъ, установленная въ 1807 г. назначаетъ размѣръ вознагражденія за каждое отдѣльное дѣйствіе при веденіе процесса. Было-бы слишкомъ утомительно и безполезно приводить ее цѣликомъ. Чтобы судить о ней, достаточно будетъ указать нѣсколько цифръ.

Прежде всего надо замѣтить, что, по общему правилу, повѣренные, состоящіе при аппелляціонныхъ судахъ, получаютъ больше вознагражденія, чѣмъ повѣренные судовъ первой инстанціи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ два, а въ другихъ въ полтора раза [1]). Точно также повѣренные парижскихъ судовъ получаютъ въ $1^1/_4$ разъ больше провинціальныхъ. Максимумъ гонорара, который установленъ для повѣреннаго суда первой инстанціи за одно судебное дѣйствіе равенъ 30 франкамъ [2]). За составленіе разнаго рода актовъ полагается отъ 1 до 5 франковъ [3]), за консультацію по всей тяжбѣ—10 фр., за устную защиту дѣла—10 фр., за присутствіе при рѣшеніи дѣла отъ 1 до 5 фр. и т. п. [4]). Превышеніе таксы наказывается очень строго: запрещеніемъ практики и возмѣщеніемъ убытковъ [5]). Минимумъ гонорара, въ размѣрѣ 15 сантимовъ, полагается за мелкія услуги, вродѣ, напримѣръ, изготовленія копіи [6]).

Приведенныя цифры показываютъ достаточно ясно, что вознагражденіе, получаемое повѣренными, очень скудно. Въ 1807 году оно, быть можетъ, было совершенно соотвѣтствующимъ, но въ теченіи какихъ-нибудь восьмидесяти лѣтъ жизнь стала дороже вдвое, если даже не втрое. «Въ суммарныхъ дѣлахъ», говоритъ Батайаръ: «при

---

[1]) Décret du 16 fév. 1807, art. 147.
[2]) Ib., art. 67.
[3]) Ib., art. 70, 71.
[4]) Ib., art. 86.
[5]) Ib., art. 151.
[6]) Ib., art. 67.

судебной продажѣ недвижимости небольшой стоимости, вознагражденіе повѣреннаго совершенно ничтожно въ сравненіи съ съ требуемымъ отъ него трудомъ» [1]). Въ другихъ случаяхъ онъ получаетъ больше, но все таки устарѣвшая такса не соотвѣтствуетъ потребностямъ настоящаго времени [2]).

Профессіональная дѣятельность. Повѣренные имѣютъ право заниматься практикой только въ томъ судѣ, при которомъ они состоятъ. Другими словами, дѣятельность ихъ локализирована [3]). Имъ принадлежитъ право представительства сторонъ на судѣ (droit de postuler et de prendre les conclusions). Это право въ гражданскомъ процессѣ монопольно, какъ и въ дореволюціонный періодъ, и, притомъ, въ двоякомъ отношеніи. Во первыхъ, никто кромѣ повѣренныхъ не можетъ пользоваться имъ подъ страхомъ наказанія [4]). Во вторыхъ, даже сами тяжущіеся не могутъ вести всѣхъ дѣлъ лично, а должны приглашать повѣренныхъ [5]).

Въ уголовномъ процессѣ и мировыхъ судахъ участіе повѣренныхъ не обязательно. Отношеніе дѣятельности повѣренныхъ къ дѣятельности адвокатовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Повѣренный замѣняетъ тяжущагося въ процессѣ. Онъ принимаетъ на себя все хожденіе по дѣлу, начиная отъ подготовки матеріала, сочиненія судебныхъ бумагъ и кончая исполненіемъ рѣшенія, причемъ, если дѣло такого рода, что можно обойтись безъ помощи адвоката, т. е., напримѣръ, если оно рѣшается безъ судебныхъ преній, то повѣренный ведетъ его самъ. Въ противномъ случаѣ онъ приглашаетъ отъ себя адвоката для консультаціи или устной защиты на судѣ. По общему началу, повѣренный не имѣетъ права участвовать въ судебныхъ преніяхъ (plaider). Но практическая необходимость заставила французское законодательство установить рядъ изъятій изъ этого правила. Такъ, ежегодно аппелляціонными судами опредѣляются тѣ суды первой инстанціи, въ которыхъ за недостаткомъ адвокатовъ повѣренные могутъ вести устную защиту въ дѣлахъ, которыя имъ поручены [6]). Затѣмъ, повѣреннымъ предоставлено право участвовать въ преніяхъ въ судахъ, какъ первой, такъ и второй инстанціи, по дѣламъ, рѣшаемымъ суммарнымъ порядкомъ, и также по процессуальнымъ во-

---

[1]) *Bat. et Nusse*, II, 279.
[2]) *Ebor*: Essai sur les réformes judiciaires; les avoués, 1877, 16.
[3]) Loi du 27 vent, an VIII, art. 94.
[4]) Décret du 19 juill. 1810, art, 1.
[5]) Loi du 27 vent, an VIII, art. 94.
[6]) Ordon. du 27 fév. 1822, art. 2; Décret du 15 juill. 1885.

просамъ (incidents) [1]). Кромѣ того, вслѣдствіе недостатка или отказа адвокатовъ судъ можетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ допускать повѣреннаго къ защитѣ [2]). Наконецъ, повѣренные, имѣющіе степень лиценціата правъ, могутъ исполнять обязанности адвокатовъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя они ведутъ [3]). Обязательность участія повѣренныхъ въ процессѣ повлекла за собой обязательность для повѣренныхъ принятія каждаго дѣла, поручаемаго имъ тяжущимся. Въ то время, какъ адвокатъ, въ качествѣ представителя свободной профессіи, можетъ отказаться отъ дѣла даже безъ объясненія причинъ, повѣренный долженъ принять его во всякомъ случаѣ. Повѣренный, подобно нотаріусу, должностное лицо, обязанное совершать дѣйствія, входящія въ кругъ его дѣятельности, по требованію каждаго нуждающагося въ этомъ. Онъ имѣетъ право не принять дѣла только въ трехъ случаяхъ: 1) если онъ состоитъ повѣреннымъ противной стороны; 2) если предлагаемое ему дѣло противозаконно, и 3) если оно направлено противъ него или близкихъ ему лицъ [4]).

Отношенія между повѣреннымъ и кліентомъ основываются на договорѣ довѣренности, причемъ полномочіе можетъ быть письменнымъ, устнымъ и даже безмолвнымъ, выражающимся въ простой передачѣ тяжущимся повѣренному документовъ [5]). По общему началу, повѣренный, выступающій вмѣсто тяжущагося, предполагается имѣющимъ полномочіе [6]). Принимая на себя цѣликомъ все веденіе дѣла, повѣренный подвергается и полной отвѣтственности за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей. Въ противоположность адвокату, не несущему никакой отвѣтственности, повѣренный отвѣчаетъ за неисполненіе порученія, обманъ и всякаго рода упущенія [7]).

Представительство въ кассаціонномъ судѣ и государственномъ совѣтѣ. При верховномъ кассаціонномъ судѣ издавна существуютъ особые повѣренные, которые получили съ 1806 г. названіе адвокатовъ. Въ 1841 г. они были соединены въ одну коллегію съ адвокатами, состоявшими при государственномъ совѣтѣ [8]). Одна существенная особенность отличаетъ ихъ отъ остальныхъ

---

[1]) Ordon. 1822, art. 5
[2]) Décret du 2 juill. 1812, art. 5; Décret du 25 juin 1878, art. 1.
[3]) Loi du 22 vent, an XII, art. 32.
[4]) *Pigeau:* Traité de la procédure civile, 1840, 87.
[5]) Code civ., art. 1985. *Pigeau*, 86.
[6]) *Pigeau*, 87.
[7]) Code civ., art. 1991, 1992.
[8]) Ordon. du 10 juill. 1814, art. 1.

адвокатовъ: они совмѣщаютъ въ себѣ функціи адвокатовъ и повѣренныхъ. Это объясняется спеціальными свойствами судопроизводства въ кассаціонномъ судѣ. Такъ какъ задачей его является разборъ дѣла не по существу, а съ чисто формальной стороны, именно относительно правильности примѣненія закона и соблюденія процессуальныхъ нормъ, то для дѣятельности повѣренныхъ въ кассаціонномъ судѣ почти совсѣмъ нѣтъ мѣста. Кассаціонное разбирательство обнимаетъ только юридическую сторону дѣла; стороны нуждаются не въ представителяхъ для хожденія по дѣлу, такъ какъ это хожденіе сводится къ подачѣ кассаціи и участію въ преніяхъ, а въ правозаступникахъ. Въ виду этого, было вполнѣ цѣлесообразно соединить въ лицѣ адвокатовъ кассаціоннаго суда функціи правозаступничества и представительства, и на практикѣ такое соединеніе принесло благотворные результаты [1]). Сообразно своему двойственному характеру, адвокаты кассаціоннаго суда имѣютъ и двойственную организацію. Подобно повѣреннымъ, они ограничены комплектомъ и вознаграждаются по особой таксѣ. Въ то-же время, по образцу адвокатовъ, они получаютъ высшее юридическое образованіе [2]), составляютъ сословіе съ предсѣдателемъ и дисциплинарнымъ совѣтомъ во главѣ, ведутъ списокъ и вообще руководствуются законами объ адвокатурѣ [3]).

Общественное положеніе. Повѣренные стоятъ въ общественномъ мнѣніи несравненно ниже адвокатовъ. И это вполнѣ понятно. Они не получаютъ такого высокаго научнаго образованія; ихъ дѣятельность не требуетъ ни особыхъ знаній, ни талантовъ, они скромные помощники адвокатуры, ремесленники въ процессѣ. Не имъ принадлежитъ защита драгоцѣннѣйшихъ правъ гражданъ, и карьера ихъ не обладаетъ ни величіемъ, ни блескомъ адвокатской профессіи. Тѣмъ не менѣе они играютъ, хотя скромную, но полезную роль при отправленіи правосудія. Они, какъ сказалъ одинъ президентъ (Harlay), подобны фундаменту зданія, который, если и не такъ блестящъ, какъ само зданіе, за то служитъ ему опорой [4]). Въ прежнее время повѣренные представляли одну изъ любимѣйшихъ темъ для сатириковъ и юмористовъ, изощрявшихъ на нихъ свое остроуміе. Конечно, институтъ повѣренныхъ, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ той торговли правосудіемъ, которая составляла едва-ли не самое

---

[1]) *Odilon Barrot:* De l'organisation judiciaire en France, 1872, 184.
[2]) Loi du 22 vent an XII, art 24.
[3]) Décret du 28 oct. 1850; Ordon du 10 juill. 1814, art. 1, 5, 7, 8, 14.
[4]) *Bat. et Nusse*, I, 262.

темное пятно дореволюціоннаго режима. Но, съ другой стороны, нападки литературы объясняются еще и тѣмъ, что глумленіе надъ безотвѣтными чернорабочими судопроизводства было совершенно безопасно, тогда какъ высшихъ чиновъ судебной администраціи нельзя было трогать безнаказанно.

Это дѣла минувшихъ дней. Благодаря ограниченію комплектомъ и монополіи судебнаго представительства, институтъ повѣренныхъ получилъ болѣе обезпеченное матеріальное положеніе и возможность добросовѣстно исполнять свои обязанности, не прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ для добыванія куска насущнаго хлѣба.

Вполнѣ понятенъ, поэтому, тотъ фактъ, что новѣйшая литература стала совершенно иначе относиться къ нимъ. Достаточно указать на Бальзака, который самъ въ юности былъ клеркомъ у одного повѣреннаго. Въ своей «Человѣческой комедіи» онъ нарисовалъ рядъ портретовъ современныхъ повѣренныхъ, честныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ. Скрибъ, начавшій свою карьеру такъ-же, какъ Бальзакъ, и Жоржъ Зандъ относились не менѣе благосклонно къ нимъ [1]).

Изъ среды повѣренныхъ нерѣдко восходили замѣчательные члены магистратуры [2]), составлявшіе украшеніе ея

Несмотря на свое скромное положеніе повѣренные также имѣли случай выказывать гражданскую доблесть. Такъ, напримѣръ, повѣренный кассаціоннаго суда Гильомъ (Guillaume) вызвался, подобно Малесербу, защищать Людовика XVI [3]).

Да и предъ лицомъ государства институтъ повѣренныхъ не остался безъ заслугъ: не малую помощь оказывалъ онъ при законодательныхъ работахъ, какъ напр. при кодификаціи обычнаго права въ XV и XVI вв.

«Видите-ли вы», такъ заканчиваетъ свою исторію повѣренныхъ Нюссъ: «въ отдаленіи вѣковъ, варварство, наводнившее, подобно потоку, остатки того римскаго права, которое было писаннымъ разумомъ? На этихъ развалинахъ выростаютъ наши молодые обычаи, какъ хрупкіе, но живучіе кустарники. Первые повѣренные собираютъ ихъ въ писанную редакцію пятнадцатаго вѣка, охраняютъ ихъ противъ бурь феодализма, затѣмъ очищаютъ ихъ во время реформаціи шестнадцатаго вѣка. Между этими великими неизвѣстными и начер-

---

[1]) *Scribe:* Une chaîne; *George Sand:* Simon.

[2]) Таковы: Bergeron d'Auguy, Durantin, Dobigny, Denormandie, Fagniez, Fleury, Rougeron, Delahaye, Prud'homme, Thieblin, Lancelain и др. *Bât. et Nusse*, I, 5.

[3]) *Bat. et Nusse*, II, 325.

тавшимъ «Уставъ гражданскаго судопроизводства» Бертеро [1]) существуетъ умственная генеалогическая связь, которая ускользаетъ отъ изслѣдованій исторической науки, но не отъ ея созерцаній. Цѣль, предусмотрѣнная вначалѣ, но смутная и неопредѣленная, обрисовывается съ шестнадцатаго вѣка.

Единство національнаго законодательства, одно изъ величественнѣйшихъ сторонъ нашего отечества, заключается въ судопроизводствѣ. Вотъ созданіе этихъ юристовъ. Отцы и патроны семействъ, они образовали въ своей суровой школѣ не только юрисконсультовъ, но порою ученыхъ, артистовъ, магистратовъ. Какъ граждане, они проливали свою кровь за право, любя одинаково горячо порядокъ и свободу. Какъ служители правосудія, они были подчинены и вѣрны магистратамъ и въ счастьи, и въ несчастьи. Ихъ погрѣшности, ихъ ошибки, ихъ смѣшныя стороны погибли вмѣстѣ съ ними, отъ нихъ остался только нетлѣнный памятникъ ихъ добродѣтелей; мы гордимся, возстановляя эту связь, и мы пріобрѣли право относиться съ почтеніемъ къ ихъ памяти» [2]).

Необходимость реформъ. Во французской литературѣ изрѣдка раздаются голоса, порицающіе дѣятельность института повѣренныхъ и требующіе уничтоженія его и сліянія судебнаго представительства съ адвокатурой. Такъ Одилонъ Барро замѣчаетъ, что раздвоеніе этихъ функцій всегда казалось ему, «произвольнымъ», и что «нѣтъ ни одного серьезнаго повода, чтобы дѣлить между двумя профессіями столь въ сущности единую дѣятельность, какъ письменная подготовка и устная защита одного и того-же дѣла» [3]). Такого же мнѣнія держатся Клери [4]), Эборъ [5]) и др. Но громадное большинство авторовъ и между ними лучшіе знатоки французской адвокатуры рѣшительно склоняются въ пользу противуположнаго мнѣнія. Они видятъ въ отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства залогъ процвѣтанія адвокатуры и полагаютъ, что совмѣщеніе этихъ функцій привело-бы къ униженію достоинства и значенія пра-

---

[1]) Повѣренный Thomas Berthereau былъ членомъ коммиссіи, составлявшей уставъ 1806 г. (*Bat. et Nusse*, II, 378).

[2]) *Bat. et Nusse*, II, 403.

[3]) *Odilon Barrot*: De L'Organisation judiciaire en France, 1872, 184.

[4]) *Clèry:* Souvenirs de Palais, 1891. Содержаніе этой книги изложено и анализировано г. Карабчевскимъ (Сѣв. Вѣст. 1891, № 12), представившимъ современное положеніе вещей не совсѣмъ точно и въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ (См. нашу статью въ „Одес. Вѣст.“ 1892, 13 марта)

[5]) *Ebor:* Essai sur les réformes judiciares, 1877, 22; *Berryer*: Souvenirs, 1839, I, 35; *Seligman*: Quelles sont les réformes etc., 1855, 51.

возаступничества [1]). Даже повѣренные, въ интересахъ которыхъ было бы захватить въ свои руки устную защиту, сознаются, что такое совмѣщеніе оказалось-бы гибельнымъ для адвокатуры [2]). Но если полное сліяніе правозаступничества съ представительствомъ и нежелательно, тѣмъ не менѣе въ интересахъ единства веденія процесса необходимо измѣненіе границъ между дѣятельностью адвокатовъ и повѣренныхъ [3]). Равнымъ образомъ, нужны и другія реформы. Кромѣ устарѣвшей таксы, особыя жалобы возбуждаетъ еще одна сторона вопроса, именно зависимость, въ которой находятся французскіе адвокаты отъ повѣренныхъ. Дѣло въ томъ, что тяжущіеся, желая начать процессъ, обращаются раньше къ повѣренному, который уже отъ себя приглашаетъ адвоката. Вслѣдствіе этого выборъ адвоката предоставленъ усмотрѣнію повѣренныхъ, которые часто руководствуются личными соображеніями и передаютъ дѣла только адвокатамъ, состоящимъ съ ними въ какихъ-либо особыхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ болѣе достойные члены сословія часто рискуютъ остаться безъ практики. [4])

§ 7.

Причины процвѣтанія адвокатуры во Франціи и общій характеръ ея.

Изложивъ общій ходъ развитія французской адвокатуры и ея организацію въ различныя историческія эпохи, мы должны теперь опредѣлить причины, которыми обусловливалось ея процвѣтаніе. Эти причины могутъ быть общія, заключающіяся какъ въ характерѣ самого народа, такъ и въ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ его жизни, и спеціальныя, выражающіяся въ основныхъ принципахъ организаціи самого института адвокатуры. Обращаясь къ причинамъ перваго рода, необходимо повторить то, что уже было сказано въ началѣ этой главы, именно, что французы отъ природы обладаютъ склонностью и способностью къ занятію адвокатурой. «Все», говоритъ Пинаръ: «служитъ намъ въ адвокатурѣ, какъ наши качества, такъ и наши

[1]) *Gaudry*, I. 211; *Le Berquier*, 16; *Mollot, Cresson* etc.

[2]) *Bataillard*, 293: ces deux professions doivent demeurer distinctes...

[3]) См. ч. II, гл. V. Надо вообще замѣтить, что коренная причина жалобъ на дѣятельность повѣренныхъ заключается въ недостаткахъ французской системы судопроизводства, именно въ ея формализмѣ и сложности. См. *Palais de Justice*. 89 et ss.

[4]) *Карабчевскій*, 222 и сл.

*

недостатки: ясность, легкость рѣчи, торопливость, шутливость, легкомысліе, индифферентность. Для адвокатской рѣчи нужна умѣренная температура: она не требуетъ ни слишкомъ много жара, ни вдохновенности; его знаніе—знаніе ума яснаго, практическаго и положительнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ она удовлетворяетъ наше самолюбіе. Мы не любимъ славы, требующей долгаго ожиданія; отвлеченности и умозрѣнія устрашаютъ насъ. Никто не можетъ имѣть большей увѣренности въ томъ, что онъ извлечетъ пользу изъ своей репутаціи и своего счастья, чѣмъ адвокатъ; едва явившись, онъ собираетъ ту жатву, которую другіе подвергаютъ столькимъ случайностямъ. Адвокатура обладаетъ соблазнами свободныхъ искусствъ, но не имѣетъ опасностей ихъ; она льститъ тщеславію, но не воспламеняетъ его; ея случайности волнуютъ, но не обезкураживаютъ; все напоминаетъ вамъ о дѣйствительности, особенно ежедневныя сношенія съ другими людьми, налагающія на каждаго извѣстныя жертвы и спасающія отъ самообожанія»... [1]).

Политическія и соціальныя условія, среди которыхъ жила и развивалась французская адвокатура, были весьма различны въ разныя эпохи. Адвокатура пережила систему феодализма; она помогала королямъ въ борьбѣ ихъ съ папской властью и могущественными вассалами; она содѣйствовала развитію монархическаго принципа и процвѣтала подъ эгидой умѣренной королевской власти; она продолжала дѣйствовать съ прежнимъ рвеніемъ въ эпоху просвѣщеннаго деспотизма; она перенесла и великую революцію, которая уничтожила сословную организацію, но не могла сокрушить профессіональной доблести адвокатовъ, и первую имперію, и всѣ послѣдующіе политическіе перевороты и даже сама играла видную роль въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ теченіи этой долгой исторической жизни сфера ея дѣятельности неразъ измѣнялась, то ограничиваясь, то расширяясь. Въ феодальную эпоху, при господствѣ судебныхъ поединковъ, роль адвокатуры была въ уголовномъ процессѣ крайне незначительна; съ уничтоженіемъ божьихъ судовъ она расширилась; развитіе тайнаго инквизиціоннаго процесса привело ее къ нулю; революція провозгласила свободу защиты, но немало времени прошло прежде, чѣмъ это осуществилось на практикѣ; наконецъ, теперь, при свободномъ режимѣ республики, для адвокатуры явилось широкое поприще дѣятельности. Но во всѣхъ фазисахъ государственной жизни, при всѣхъ формахъ правленія и системахъ судопроизводства, она

[1]) *Pinard*, I, 34, 35.

сохраняла свое профессіональное достоинство и нравственную чистоту. Политическія треволненія были для нея только пробнымъ камнемъ ея добродѣтели. Никогда адвокаты не обнаруживали въ большей степени мужества и независимости при отправленіи своихъ профессіональныхъ обязанностей, чѣмъ въ эпохи политическихъ смутъ, броженія умовъ и разгара страстей, въ тѣ эпохи, когда, повидимому, правосудіе становилось жалкой игрушкой въ рукахъ политическихъ честолюбцевъ, а справедливость обращалась въ маску тираніи. Вѣрные своему призванію защищать права обвиняемыхъ и преслѣдуемыхъ, адвокаты съ такой-же охотой, съ такимъ-же рвеніемъ протягивали руку помощи низверженному монарху, съ какой раньше отстаивали передъ его судомъ права его подданныхъ, и съ какой впослѣдствіи брали подъ свою защиту дѣятелей революціи, попадавшихъ на скамью подсудимыхъ. Не слѣдуетъ думать, что подобная готовность защищать всѣхъ и каждаго являлась результатомъ политическаго индифферентизма. Адвокаты, какъ и всѣ граждане, могутъ принадлежать къ той или другой политической партіи, но адвокатура сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ политикой. Людей судятъ не за убѣжденія, а за поступки. Разобрать, доказано-ли, что подсудимый совершилъ извѣстный поступокъ, и подходитъ-ли этотъ поступокъ подъ понятіе даннаго преступленія, посмотрѣть не возбуждаются-ли какія-либо сомнѣнія относительно фактической или юридической стороны дѣла и наблюдать, чтобы во время производства подсудимый не былъ лишаемъ тѣхъ правъ защиты и гарантій, которыя необходимы въ интересахъ правосудія, — вотъ въ чемъ состоитъ задача адвоката на уголовномъ судѣ. Выполняя ее, онъ не долженъ справляться ни о званіи, ни о состояніи, ни объ убѣжденіяхъ подсудимаго. Будетъ-ли то простой нищій, или богатый принцъ, или низверженный король, задача адвоката нисколько не измѣняется. Съ такой точки зрѣнія уголовная защита своего политическаго врага можетъ только сдѣлать честь адвокату, можетъ только служить яркимъ доказательствомъ пониманія имъ своей священной обязанности, — и мы видѣли, что французская адвокатура въ этомъ отношеніи всегда стояла на высотѣ своего призванія.

Итакъ, общія соціально-политическія условія не представляли собой богатой почвы для процвѣтанія адвокатуры. Напротивъ, феодальные порядки съ господствомъ кулачнаго права и Божьихъ судовъ, эпоха просвѣщеннаго деспотизма съ широкимъ развитіемъ инквизиціоннаго процесса, пытокъ и «lettres de cachet» и революціонныя смуты послѣднихъ временъ, связанныя съ еще большимъ гос-

подствомъ произвола и еще меньшей обезпеченностью правъ гражданъ, могли скорѣе повлечь за собою полное уничтоженіе адвокатуры, чѣмъ содѣйствовать ея процвѣтанію. Между тѣмъ она не только устояла, но и продолжала все болѣе развиваться и крѣпнуть. Отсюда ясно, что причину такой живучести и устойчивости нужно искать не въ общихъ условіяхъ государственной жизни Франціи, а въ самой организаціи адвокатуры.

Бросая взглядъ на исторію ея, мы видимъ, что въ теченіи своего много-вѣковаго существованія она выработала пять основныхъ принциповъ организаціи. Первый заключается въ отдѣленіи правозаступничества отъ представительства; второй въ тѣсной связи адвокатуры съ магистратурой; третій въ свободѣ профессіи; четвертый въ относительной безвозмездности профессіи, а пятый въ сословной организаціи. Первые три принципа существуютъ съ древнѣйшихъ временъ. Отдѣленіе правозаступничества отъ представительства имѣло чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на развитіе адвокатуры. Предоставляя повѣреннымъ черновую процессуальную работу, хожденіе по судамъ, подачу бумагъ, исполненіе рѣшеній и т. п. и ограничиваясь защитой юридической стороны дѣлъ, адвокаты вращались исключительно въ сферѣ права, разъясняли его основные принципы и толковали законъ. Благодаря этому, они не могли обратиться въ практическихъ дѣльцовъ, въ узкихъ рутинеровъ и ремесленниковъ; они всегда оставались людьми науки, юристами и ораторами; они занимались только правомъ, и изъ подъ ихъ пера вышла масса замѣчательныхъ юридическихъ сочиненій, имѣющихъ важное научное значеніе. Точно также тѣсная связь съ магистратурой, открывая пріютъ для юристовъ, посѣдѣвшихъ на полѣ судебныхъ сраженій и умудренныхъ опытомъ, была одинакова благодѣтельна какъ для адвокатуры, такъ и для правосудія. Адвокаты имѣли предъ собой перспективу почетной и спокойной дѣятельности послѣ треволненій долгой и трудной карьеры, а правосудіе пріобрѣтало въ нихъ опытныхъ и знающихъ служителей. Помимо того, магистратура, насчитывавшая въ своей средѣ многихъ бывшихъ адвокатовъ, относилась къ адвокатурѣ, какъ къ своей союзницѣ. Судьи, прокуроры и адвокаты смотрѣли другъ на друга, какъ на коллегъ и членовъ одного судебнаго корпуса, преслѣдующихъ разными способами одну и ту же цѣль: правильное отправленіе правосудія. Отсюда понятно взаимное уваженіе и солидарность дѣйствій [1]). Третій принципъ, заключающійся въ относительной свободѣ профессіи,

[1]) *К. К. Арсеньевъ* (Вѣст. Евр., 1886, № 1, с. 258) говоритъ: „Первая черта, поражающая насъ при просмотрѣ длиннаго ряда адвокатскихъ рѣ-

т. е. въ допущеніи къ адвокатурѣ всѣхъ лицъ, удовлетворяющихъ установленнымъ въ законѣ требованіямъ, независимо отъ числа адвокатовъ и безъ ограниченія его опредѣленнымъ комплектомъ, установилъ широкую конкурренцію въ адвокатурѣ. Едва-ли надо доказывать важное значеніе конкурренціи для всякой либеральной профессіи. Конкурренція это жизненный нервъ любой дѣятельности, первое условіе каждаго совершенствованія, это самый побудительный стимулъ къ развитіи талантовъ и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, это лучшее средство противъ застоя и халатности.

Четвертый и пятый принципы появились только въ новое время. Почти до самаго конца среднихъ вѣковъ ихъ не существовало, и адвокатура достигла уже значительной степени процвѣтанія прежде, чѣмъ они возникли. Съ своей стороны, они не мало содѣйствовали дальнѣйшему развитію и усовершенствованію профессіи. Принципъ относительной безвозмездности, приравнявъ гонораръ къ почетному и добровольному дару со стороны благодарнаго кліента, недопускающему ни соглашенія, ни принужденія, поставилъ правозаступничество высоко надъ всѣми другими либеральными профессіями. Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, возвышеннѣе и благороднѣе защиты драгоцѣннѣйшихъ правъ гражданъ, защиты, притомъ, безкорыстной, не дѣлающей различія между богатымъ и бѣднымъ и безпрекословно принимающей всякую, хотя-бы даже ничтожную сумму, которую въ знакъ признательности подноситъ кліентъ?

Принципъ безвозмездности имѣетъ важное вліяніе на состояніе адвокатуры еще и въ другомъ отношеніи: онъ въ значительной степени парализуетъ вредное дѣйствіе конкурренціи. При всѣхъ своихъ преимуществахъ конкурренція имѣетъ ту невыгодную сторону, что ведетъ къ обѣднѣнію лицъ менѣе способныхъ и талантливыхъ, чѣмъ другіе. Обѣднѣніе, въ свою очередь, служитъ причиной деморализаціи. Неуспѣвающіе конкурренты принуждены прибѣгать ко всякого рода уловкамъ и хитростямъ, чтобы залучить кліента и эксплуатировать его. Но если адвокатъ не имѣетъ права не только требовать гонорара, но даже заикаться о немъ, если кліентъ добровольно уплачиваетъ его и, притомъ, въ такомъ размѣрѣ, какой сочтетъ нужнымъ, то очевидно, что крючкотворство, затягиваніе дѣла и кляузни-

---

чей, это почти совершенное отсутствіе враждебныхъ столкновеній между обвинителями и защитниками». Столкновенія между адвокатурой и магистратурой, почти неизвѣстныя въ дореволюціонный періодъ, стали встрѣчаться въ XIX в. подъ вліяніемъ политическихъ причинъ. *Berryer:* Le ministére public et le barreau, 1860.

ческія продѣлки не могутъ ни къ чему привести, что только талантъ и добросовѣстное исполненіе обязанностей могутъ быть источникомъ благосостоянія адвоката.

Наконецъ, сословная организація соединила членовъ адвокатуры крѣпкой внутренней связью, дала имъ возможность общими силами бороться противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, помогать въ трудныхъ случаяхъ другъ другу и въ то же время наблюдать за честнымъ наблюденіемъ своихъ профессіональныхъ обязанностей.

Эти то пять основныхъ принциповъ организаціи придали французской адвокатурѣ тотъ характеръ, который позволилъ ей перенесть всѣ невзгоды и неурядицы и поставилъ ее на такую, недосягаемую донынѣ для многихъ другихъ народовъ, высоту. На боевомъ знамени ея красуется девизъ: «честность, безкорыстіе и независимость». Это не пустыя слова,—это жизненные принципы. Сословію не разъ приходилось отстаивать грудью свое знамя, которое пытались вырвать изъ его рукъ, и не разъ оно карало малодушныхъ измѣнниковъ (въ какомъ войскѣ ихъ нѣтъ?), забывавшихъ начертанный на знамени призывъ. Оно связало свое существованіе съ цѣлостью этого священнаго знамени, и былъ, какъ мы видѣли, моментъ, когда оно скорѣй предпочло погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ передать его въ недостойныя руки. Неудивительно, поэтому, что нигдѣ адвокатура не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ во Франціи, и что ни одна литература въ мірѣ не представляетъ такого обилія самыхъ возвышенныхъ диѳирамбовъ адвокатской профессіи. Сами адвокаты и дѣломъ, и словомъ стараются возвысить свое сословіе въ глазахъ государства и общества. Они изучаютъ исторію его; пишутъ біографіи выдающихся дѣятелей на поприщѣ адвокатуры; произносятъ въ общихъ собраніяхъ сословія рѣчи, посвященныя или памяти какого-либо знаменитаго коллеги или вопросамъ своей профессіи и ея этики. Благодаря этому, французская литература обладаетъ массой сочиненій, касающихся адвокатской профессіи. Небезъинтересно будетъ познакомиться со взглядомъ самихъ адвокатовъ на задачи своей дѣятельности.

Фіо-де-ля-Маршъ писалъ въ началѣ XVIII вѣка: «эта профессія безъ оружія устрашаетъ силу; безъ напряженія останавливаетъ насиліе; безъ приспособленій низводитъ могущество и чванство къ скромности и боязни. Бѣдность ищетъ ея, какъ своего убѣжища; богатство, какъ своей опоры; честь, какъ своего свѣта; репутація, какъ помощи; сама жизнь, какъ средства сохраненія. Справедливость сдѣлала ее однимъ изъ главныхъ орудій своихъ приговоровъ; краснорѣчіе любитъ ее, какъ родную дочь; добродѣтель является страннымъ обра-

зомъ ея побудителемъ и наградой; наука служитъ ей путеводителемъ и закономъ, а молва разноситъ повсюду блескъ ея успѣховъ и ея славы. Она трогаетъ равнодушныхъ; она ободряетъ слабыхъ; она сдерживаетъ сильныхъ; и въ то время, какъ граждане ей удивляются, судьи ее уважаютъ, покровительствуютъ и любятъ. Наконецъ, плѣнять безъ принужденія, увлекать за собой безъ приказанія, проявлять себя безъ тщеславія, нападать и защищать безъ опасности, уступать безъ позора и торжествовать безъ надменности,—вотъ ея качества; обогащаться безъ хищенія, пріобрѣтать довѣріе безъ коварства, возвышаться безъ покровительства, удерживаться безъ низости, старѣть безъ порчи, — вотъ ея преимущества; наслаждаться честными радостями, незапятнанной славой, безграничной репутаціей, недоступной для зависти заслугой,—вотъ ея счастье и совершенство» [1]).

«Положеніе человѣка», пишетъ Камюсъ: «который предался-бы изученію законовъ съ одной низкой надеждой умножить свои богатства насчетъ несчастныхъ жертвъ ябеды, положеніе того, кто занялся-бы ораторскимъ искусствомъ, чтобы продавать по наивысшей цѣнѣ пользованіе талантами, нерѣдко опасными и вѣроломными, оба эти положенія діаметрально противоположны положенію адвоката. Занятіе адвокатской профессіей должно вести болѣе къ чести, чѣмъ къ богатству, и первое условіе для пріобрѣтенія уваженія со стороны умныхъ людей, это пренебречь выгодными профессіями, по большей части менѣе тягостными и трудными, чтобы посвятить себя обязанностямъ, не обѣщающимъ послѣ тяжкаго труда ничего, кромѣ чести, тѣмъ, кто занимается ими съ наибольшимъ успѣхомъ... Посвятить себя всего и всѣ свои способности благу другихъ; предаваться долгимъ занятіямъ, чтобы установить сомнѣнія, возбуждаемыя большинствомъ нашихъ законовъ; стать ораторомъ, чтобы доставлять торжество угнетенной невинности; считать счастье протягивать руку помощи бѣднымъ лучшей наградой, чѣмъ самая выразительная благодарность знатныхъ и богатыхъ; защищать послѣднихъ по долгу, а первыхъ по разсчету, таковы черты, характеризующія адвоката» [2]).

Блестящій панегирикъ адвокатурѣ написанъ Жюлемъ Фавромъ. «Наше братство», говоритъ онъ: «является не однимъ только священнымъ наслѣдствомъ минувшихъ преданій: его оживляетъ и одухотворяетъ новый духъ. Его истинное величіе заключается въ не-

---

[1]) *Fyot de la Marche:* L'Eloge et les devoirs de la profession d'avocat, 1713. 23. *Liouville*, 106.

[2]) *Dupin*, 189.

утомимой преданности изысканіямъ всего, что справедливо, защитѣ того, что законно. Тѣ, кто посвящаетъ свою жизнь выполненію этой миссіи, ясно чувствуютъ, что они составляютъ въ государствѣ корпорацію, первымъ закономъ которой является тѣсная солидарность.

Уважать и любить другъ друга; заботливо, съ сердечной терпимостью предупреждать неизбѣжное столкновеніе естественныхъ склонностей; доводить въ каждой мелочи до крайнихъ предѣловъ требованія разборчивости и законности, помогать и поддерживать другъ друга въ испытаніяхъ, избѣгать, какъ опаснаго, успѣха, пріобрѣтеннаго цѣною униженія противника; рукоплескать таланту соперника; наконецъ, соединиться въ тѣсную и сильную лигу, лигу умовъ и сердецъ, для борьбы съ произволомъ и несправедливостью; вотъ что я называю быть собратьями,—этимъ я разумѣю благородныя правила, которыя управляютъ нашимъ сословіемъ... Въ этомъ простомъ помѣщеніи, въ которомъ книги составляютъ главное украшеніе, адвокатъ ждетъ, но не ищетъ тѣхъ, кого привлекаетъ къ нему его хорошее реномэ, блескъ его рѣчей, его состраданіе къ несчастнымъ, его строгая добросовѣстность, которую оно вноситъ въ поручаемыя ему дѣла. Число ихъ увеличивается тѣмъ скорѣе, чѣмъ прилежнѣе относится онъ къ своимъ обязанностямъ. Уваженіе къ публикѣ, съ которой онъ входитъ въ сношенія, всегда мнѣ казалось однимъ изъ первыхъ и наиболѣе вѣрныхъ примѣненій закона преданности, обязательнаго для него. Тѣ, кто страдаетъ, приходятъ къ нему. Пусть доступъ къ адвокату всегда будетъ легокъ для нихъ и пусть, вступая на нашъ порогъ, они узнаютъ владѣнія, въ которыхъ и сильныя земли не могутъ воспретить имъ найти убѣжище!

Съ этимъ-то возвышеннымъ и великодушнымъ чувствомъ адвокатъ долженъ принимать всѣхъ тѣхъ, кто спрашиваетъ его совѣта. Онъ найдетъ въ немъ сладость, которая его успокоитъ, терпѣніе, которое его ободритъ, вниманіе, которому отвѣтитъ его умъ и главное—спасительное вліяніе, которое предписываетъ уступчивость и подчиненіе...

Адвокатъ — медикъ души. Ему представляется здѣсь тонкая задача: разрѣшить затрудненія, опредѣлить неизвѣстное, указать путь къ истинѣ и еще болѣе трудная задача, — успокоить, утѣшить, укрѣпить. Нѣжной и твердой рукой онъ зондируетъ тайныя раны сердца, успокаиваетъ муки смущенной совѣсти. Для него довольно одного слова, одного взгляда, чтобы раскрыть то, что стыдъ или застѣнчивость полускрываютъ отъ него. Хорошо,

если можно о немъ сказать: ему ничто не чуждо, что касается человѣка. Онъ сочувствуетъ всѣмъ страданіямъ, поднимаетъ павшее мужество, вырываетъ улыбку надежды среди слезъ, и будетъ-ли онъ передъ лицомъ непоправимаго горя, онъ съумѣетъ смягчить его горечь добрымъ словомъ, обращеніемъ къ возвышенному чувству.... И если-бы, въ нашихъ отношеніяхъ къ кліентамъ, доброта должна была быть исключеніемъ, то бѣдняги имѣли-бы право требовать ее себѣ какъ привиллегію. Наше сословіе всегда оказывало имъ помощь. Но, не довольно только утѣшать и защищать ихъ; необходимо въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ уничтожать разстояніе, положенное между ними и нами несправедливостью судьбы. По отношенію къ нимъ-то, въ особенности, мы обязаны относиться съ терпѣніемъ и мягкостью. Пусть ихъ присутствіе въ пышныхъ жилищахъ счастливцевъ міра и было-бы оскорбленіемъ для торжествующаго благополучія,—это для меня понятно; но вблизи насъ пусть оно будетъ живымъ символомъ законнаго и христіанскаго братства, котораго поклонниками являемся мы. Облегчать ихъ бѣдствія, исправлять ихъ ошибки, поддерживать ихъ на жизненномъ пути, на которомъ встрѣчаются имъ одни только опасности, не составляетъ-ли это послѣдствія, естественнаго и необходимаго, нашихъ принциповъ и нашихъ вѣрованій? И не окажемся-ли мы виновными, если не внесемъ всю нашу доброту, сколько есть въ насъ, въ исполненіе нашего долга? За вами и съ вами, если хотите, идутъ и угнетенные, которые напрасно никогда не взываютъ къ вамъ. И отчего не сказать мнѣ особаго слова о женщинахъ, которыхъ домашнія несчастія или имущественныя хлопоты заставляютъ преодолѣвать робость своего пола и обращаться къ нашимъ знаніямъ?... Упоенныя благоговѣніемъ и лестью на столько, на сколько онѣ бываютъ счастливы, женщины въ минуты несчастья не находятъ для себя дѣйствительнаго покровительства ни въ учрежденіяхъ, ни въ общественномъ мнѣніи. Тогда-то имъ бываетъ нужна законная и великодушная преданность. Онѣ находили ея по традиціи въ нашемъ сословіи, которое должно гордиться именемъ, даннымъ ему народною молвой, называющей адвоката—защитникомъ вдовъ и сиротъ. Пусть національная злоба, обращающая все въ смѣшное, истощаетъ на эту тему свои невинныя эпиграммы,—мы не слишкомъ будемъ обижаться на это! Шутка не можетъ оказывать вліянія на долгъ, а нашъ долгъ довольно великъ, чтобы презирать ее. Что прекраснѣе, какъ быть назначенными какъ-бы оффиціальными покровителями слабости, охранять ее противъ несправедливыхъ нападеній, вырвать для нея изъ рукъ хитрости и алч-

ности достояніе, которое сдѣлается въ одно и то же время залогомъ достоинства и благосостоянія матери и могущественнымъ рычагомъ, открывающимъ для дитяти путь къ карьерѣ, на которой оно можетъ служить и сдѣлать честь своему отечеству?... Истинное величіе нашей профессіи заключается не столько въ ея блескѣ, сколько въ ея нравственности. Мы стоимъ столько, сколько стоитъ право, которое мы защищаемъ. Покидать его, значитъ уничтожать себя; измѣнить ему—обезчестить себя! Какое вѣроломство можетъ быть презрѣннѣе того, которое совершается втайнѣ и скрывается, благодаря безотвѣтственности совѣта, виновникъ котораго неизвѣстенъ! Адвокатъ никогда не долженъ терять изъ виду идеи справедливаго среди тѣхъ интересовъ, которые ему ввѣрены. Всякая система, нарушающая справедливость, не достойна его. Презирая тонкую хитрость и двусмысленныя средства, онъ предпочитаетъ казаться менѣе искуснымъ и оставаться всегда правдивымъ. Брюеръ писалъ: «хитрость ненавистна, какъ ближайшій видъ обмана» [1]).

Но не одни адвокаты превозносили и превозносятъ свою профессію. Лица, совершенно чуждыя ей, писали въ честь ея едва-ли не болѣе пламенные панегирики. Французская литература представляетъ не мало примѣровъ этого рода. Правда, духовные писатели среднихъ вѣковъ относились къ адвокатамъ недружелюбно и при всякомъ удобномъ случаѣ старались уязвить ихъ достоинство. Такъ, Пьеръ де-Блуа (XII в.) упрекалъ ихъ въ жадности [2]), Жакъ де-Витри въ одной проповѣди, горюя о размноженіи адвокатовъ, приравниваетъ его къ нашествію лягушекъ,—одной изъ египетскихъ казней [3]); Готье де-Куанси (XIII в.) лишаетъ адвокатовъ надежды попасть въ царство небесное [4]) и т. п. Озлобленіе духовенства объясняется очень просто тѣмъ, что во время распрей между свѣтской и папской властями адвокаты были дѣятельными противниками папы, а, съ другой стороны, еще и тѣмъ, что духовенство видѣло въ нихъ ревностныхъ распространителей римскаго права, подрывавшихъ этимъ авторитетъ каноническихъ судовъ [5]). Нельзя также умолчать, что и свѣтскіе писатели порою не щадили адвокатуры. Но насмѣшки Рабле

---

[1]) *Жюль Фавръ:* Адвокатскіе идеалы, Москва, 1880, passim.

[2]) „Militant avaritiae patroni causarum“ говорилъ онъ, пародируя извѣстную фразу юстиніанова кодекса: „militant patroni causarum“. *Delachenal,* 301.

[3]) *Delachen.*, 304.

[4]) Ib., 306.

[5]) *Delachen.*, 300; *Pinard,* I, 79.

Вольтера, Расина и другихъ авторовъ представляли собою не болѣе, какъ шутки, не имѣвшіе ни фактическаго основанія, ни серьезнаго значенія. Рабле смѣялся, главнымъ образомъ, надъ преобладаніемъ письменности и канцелярщины въ процессѣ и надъ судебнымъ краснорѣчіемъ [1]). Расинъ написалъ пародію на адвокатскія рѣчи своего времени [2]).

Вольтеръ, иронизируя надъ адвокатурой, далъ слѣдующее остроумное опредѣленіе понятіе «адвокатъ»: «это человѣкъ, который, не имѣя достаточно денегъ, чтобы купить одну изъ тѣхъ блестящихъ должностей, на которыя обращены глаза всего свѣта, изучаетъ въ теченіи трехъ лѣтъ законъ Ѳеодосія и Юстиніана, чтобы узнать парижскіе обычаи, и который, наконецъ, будучи внесенъ въ списокъ, имѣетъ право говорить на судѣ за деньги, если только имѣетъ громкій голосъ» [3]). Но тотъ-же Вольтеръ въ другой разъ выражалъ желаніе «быть адвокатомъ, такъ какъ это лучшее званіе въ мірѣ»; Мольеръ, отъ проніи котораго не ускользало ничто, отзывался объ адвокатахъ, какъ о людяхъ, которые считаютъ преступнымъ обходъ закона, и которымъ неизвѣстны сдѣлки съ совѣстью [4]). Суровый моралистъ Ла-Брюйеръ писалъ: «Адвокатская профессія тягостна, трудна и предполагаетъ въ томъ, кто ею занимается, богатый запасъ знаній и большую находчивость. Адвокатъ не обязанъ, подобно проповѣднику, произнести извѣстное число рѣчей, сочиненныхъ на досугѣ и заученныхъ на память, съ авторитетомъ и безъ оппонентовъ, рѣчей, которыя съ небольшими измѣненіями служатъ ему по нѣсколько разъ; адвокатъ произноситъ большія рѣчи передъ судьями, которые могутъ заставить его замолчать, и противниками, которые его прерываютъ; онъ долженъ быть готовъ къ возраженію; онъ говоритъ въ одинъ и тотъ-же день въ различныхъ судахъ и о разныхъ дѣлахъ. Его домъ для него не мѣсто отдыха и не убѣжище отъ тяжущихся: онъ открытъ для всѣхъ, которые приходятъ обременять его своими вопросами и сомнѣніями... Отдыхомъ отъ длинныхъ рѣчей

---

[1]) *Rabelais:* Pantagruel.

[2]) *Racine:* Les plaideurs, act. III, sc. III.

L'Intimé.

Avant la naissance du monde...

Dandin.

Avocat, ah, passons au déluge...

etc...

[3]) *Pinard.*, 60.

[4]) Id., 52.

служатъ ему еще болѣе длинныя сочиненія: онъ только перемѣняетъ занятія и труды. Я смѣю сказать, что адвокатъ въ своемъ родѣ то, чѣмъ въ своемъ были первыя апостолы» [1]).

Но едва-ли не самый восторженный панегирикъ адвокатурѣ написанъ канцлеромъ д'Агессо (d'Aguesseau). Хотя самъ онъ никогда не былъ адвокатомъ, такъ какъ началъ свою блестящую карьеру съ прокуратуры, вступивъ въ нее 21 года отъ роду, тѣмъ не менѣе никто лучше его не понималъ важности и благородства адвокатуры, и никто ярче его не выразилъ преимуществъ ея передъ другими профессіями. Въ своей знаменитой рѣчи «О независимости адвоката», произнесенной при открытіи парламентскихъ засѣданій въ 1693 году, д'Агессо говоритъ слѣдующее:

«Всѣ люди стремятся къ независимости; но это счастливое состояніе, служащее конечною цѣлью ихъ желаній, есть именно то, которымъ они менѣе всего пользуются. Жадные къ сокровищамъ, они расточаютъ свою свободу; и, предавая себя добровольному рабству, они обвиняютъ природу въ томъ, что она одарила ихъ желаніемъ, котораго никогда не удовлетворяетъ. Обманутые ложнымъ свѣтомъ кажущейся свободы, они испытываютъ всю суровость настоящей тиранiи. Несчастные при видѣ того, чего у нихъ нѣтъ, не будучи счастливы пользованіемъ тѣмъ, что имѣютъ, всегда рабы, потому что всегда желаютъ, они видятъ въ своей жизни только долгое рабство и достигаютъ ея предѣла, не испытавъ даже первыхъ сладостей свободы. Самыя высокія должности суть вмѣстѣ съ тѣмъ самыя зависимыя, и въ то время, какъ всѣ остальныя подчинены ихъ власти, онѣ, въ свою очередь, испытываютъ ту необходимую подчиненность, которой общественный строй подвергнулъ всѣ званія...

Среди этой почти всеобщей зависимости, *одно сословіе, столь-же древнее, какъ магистратура, столь-же благородное, какъ добродѣтель, столь-же необходимое, какъ правосудіе* [2]), отличается особымъ характеромъ и, одно между всѣми остальными, продолжаетъ счастливо и мирно пользоваться своей независимостью. Свободное, но въ то-же время не безполезное для отечества, оно посвящаетъ себя обществу, не будучи его рабомъ; осуждая равнодушіе философа, отыскивающаго независимость въ бездѣятельности, оно сожалѣетъ о несчастіи тѣхъ, которые вступаютъ въ общественную

[1]) *La Bruyère:* Caractères, ch. XV.

[2]) Это выраженіе („un Ordre aussi ancien que la magistrature, aussi noble que la vertu, aussi nécessaire que la justice") стало знаменитымъ и цитируется почти во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ адвокатурѣ.

службу не иначе, какъ теряя свою свободу. Фортуна его почитаетъ: она утрачиваетъ всю свою власть надъ профессіей, которая поклоняется одной только мудрости; благосостояніе ничего не прибавляетъ къ ея счастью, потому что ничего не прибавляетъ къ ея заслугамъ; злополучіе у нея ничего не отнимаетъ, потому что оставляетъ ей всю ея добродѣтель. Если она и сохраняетъ еще страсти, то употребляетъ ихъ только, какъ пособіе, полезное для разума; дѣлая изъ нихъ рабовъ справедливости, она ими пользуется только для того, чтобы утвердить власть. Избавленная отъ всякихъ повинностей, она доходитъ до наибольшей высоты, не теряя ни одного изъ своихъ правъ на свою первоначальную свободу; и презирая всѣ украшенія, безполезныя для добродѣтели, она можетъ сдѣлать человѣка знатнымъ помимо происхожденія, богатымъ безъ имуществъ, возвышеннымъ— безъ сана, счастливымъ безъ помощи судьбы. Вы, адвокаты, пользующіеся преимуществомъ заниматься столь славной профессіей, наслаждайтесь этимъ рѣдкимъ счастьемъ, знайте всю обширность вашихъ привиллегій и не забывайте никогда, что добродѣтель, служащая принципомъ вашей независимости, возвышаетъ ее до крайняго совершенства! Счастливъ тотъ, кто занимается профессіей, въ которой составить свою карьеру и исполнить свой долгъ—одно и то-же, гдѣ заслуги и слава — неразлучны, гдѣ человѣкъ, единственный виновникъ своего возвышенія, держитъ всѣхъ другихъ людей въ зависимости отъ своихъ познаній и принуждаетъ ихъ воздавать должное только превосходству своихъ дарованій. Тѣ отличія, которыя основываются только на рожденіи, тѣ громкія названія, которыми большая часть людей льститъ своей гордости, и которыми ослѣплены даже мудрецы, становятся ненужной подмогой въ профессіи, гдѣ добродѣтель составляетъ все величіе, и гдѣ людей уважаютъ не за дѣла ихъ отцовъ, а за ихъ собственныя. Вступая въ это славное общество, они покидаютъ положеніе, которое предразсудки доставляли имъ въ свѣтѣ, для того, чтобы возвратиться къ тому, которое разумъ указываетъ имъ въ порядкѣ природы и истины. Справедливость, открывающая имъ доступъ къ званію адвоката, сглаживаетъ окончательно даже воспоминанія объ этихъ оскорбительныхъ для добродѣтели различіяхъ и различаетъ тѣхъ, которыхъ она одинаково призываетъ къ обязанностямъ одного и того-же званія, только по степени ихъ заслугъ. Богатства могутъ украшать какую-нибудь другую профессію; но ваша покраснѣла-бы, если-бы была обязана имъ своимъ блескомъ...

Избавленные отъ ига жадности, вы стремитесь къ благамъ, кото-

рыя не подчинены ея господству. Она можетъ по своему произволу располагать почестями; въ своемъ выборѣ слѣпо смѣшивать всѣ разряды и давать богатству достоинство, которое должно быть предоставлено только добродѣтелямъ: какъ-бы велико ни было ея царство, не бойтесь, что оно когда-нибудь распространиться на вашу профессію. Заслуги, которыя служатъ ея единственнымъ украшеніемъ, только однѣ представляютъ собою имущество, котораго нельзя купить; и общество, всегда свободное въ своемъ одобреніи, даритъ славу и никогда не продаетъ ея. Вы не подвергаетесь ни его непостоянству, ни его неблагодарности: вы пріобрѣтаете столько-же покровителей, сколько у васъ свидѣтелей вашего краснорѣчія. Лица, наиболѣе неизвѣстныя, становятся орудіями вашего величія. И въ то время, какъ любовь къ долгу составляетъ все ваше честолюбіе,— ихъ голосъ и аплодисменты основываютъ ту высокую репутацію, которой не могутъ доставить даже самыя высокія должности. Счастливъ тотъ, кто не обязанъ ни достоинствомъ богатству, ни богатствомъ достоинству!.. Вамъ нечего бояться, что въ почестяхъ, воздаваемыхъ вамъ, права заслугъ будутъ смѣшаны съ правами сана или что будетъ воздано должности уваженіе, въ которомъ отказано самому лицу: ваше величіе всегда ваше созданіе, и общество удивляется въ васъ только вамъ самимъ. Столь блестящая слава не будетъ плодомъ долгаго рабства: добродѣтель, служащая вамъ профессіей, не предписываетъ тѣмъ, которые ей слѣдуютъ, другихъ законовъ, кромѣ одного— любить ее, и обладаніе ею, какъ бы драгоцѣнно оно ни было, стоило всегда только одного желанія пріобрѣсть ее. Вы никогда не будете сожалѣть о напрасно потраченныхъ дняхъ на тяжеломъ пути честолюбія, объ услугахъ, оказанныхъ въ ущербъ правосудію и справедливо оплачиваемыхъ презрѣніемъ тѣхъ, которые ихъ получили. Всѣ ваши дни отмѣчены услугами, которыя вы оказываете обществу. Всѣ ваши занятія суть упражненія въ справедливости и честности, въ правосудіи и религіи. Отечество не теряетъ ни одного мгновенія вашей жизни; оно пользуется даже вашимъ досугомъ и наслаждается плодами вашего отдыха. Общество, которое знаетъ цѣну вашему времени, избавляетъ васъ отъ обязанностей, которыхъ требуетъ отъ другихъ; и тѣ, чье благосостояніе влечетъ за собою толпу поклонниковъ, приходятъ сложить у васъ блескъ своего величія, чтобы подчиниться вашему сужденію и ждать отъ вашихъ совѣтовъ мира и спокойствія для своихъ семействъ» [1]).

[1]) Рѣчь д'Агессо цѣликомъ перепечатана въ сборникѣ Dupin'a.

Во всѣхъ этихъ панегирикахъ адвокатура разсматривается съ самой возвышенной точки зрѣнія. Но странно было-бы упрекать авторовъ въ излишней идеализаціи и ставить имъ на видъ, что въ дѣйствительности очень рѣдко встрѣчаются адвокаты, стоящіе вполнѣ на высотѣ своего призванія. Пусть такъ, пусть идеалъ слишкомъ высокъ, пусть онъ даже вовсе неосуществимъ,—отъ этого онъ не теряетъ своего благотворнаго вліянія: полярная звѣзда недостижимо-далека, но она указываетъ путь мореплавателю. Одно существованіе столь возвышенныхъ идеаловъ, одно сознаніе необходимости ихъ въ состояніи облагородить профессію и возбудить въ ея адептахъ стремленіе къ неустанному соревнованію на обширномъ поприщѣ добра, великодушія и самоотверженія. «Иногда»,—говоритъ Жюль Фавръ: «насъ обвиняютъ въ томъ, что мы приписываемъ нашей профессіи воображаемое величіе. О, мы были-бы далеко неправы, если-бы унизили ее до уровня мнѣнія большинства! Ея сила въ томъ именно и заключается, что мы ее ставимъ такъ высоко, и преувеличенія, въ которыхъ насъ упрекаютъ, лишь усиливаютъ и возвышаютъ наши обязанности» [1]). И Жюль-Фавръ не ошибается. Только имѣя предъ собой высокій идеалъ, адвокатъ можетъ подняться надъ уровнемъ обыденной дѣятельности, и мы видѣли, что въ этомъ отношеніи французская адвокатура всегда была вѣрна традиціямъ лучшихъ временъ римскаго патроната: руководимая возвышенными идеалами, она счастливо миновала опасность, которая оказалась роковой для адвокатуры многихъ другихъ государствъ, опасность обратиться изъ благородной профессіи, посвятившей себя безкорыстному и честному служенію обществу и правосудію, въ жалкое, послушное только низкому инстинкту денежной наживы, ремесло.

---

[1]) *Чалхушьянъ.* Идеалы французской адвокатуры, 1891, 38.

IV.

АНГЛІЯ.

Литература.

Forsyth: Hortensius, or the advocate, ch. VIII.
Gundermann: Richteramt und Advokatur in England, 1870.
Brix: Organisation der Advocatur, 1868, S. 344—354.
Vargha: Die Vertheidigung in Strafsachen. I, Cap. VII,
Стояновъ: Англійская адвокатура (Юрид. Вѣст. 1880, № 8).

§ 1.

Англійская адвокатура съ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка.

Въ Англіи, этой классической странѣ обычнаго права и самоуправленія, адвокатура, подобно многимъ другимъ учрежденіямъ, развилась почти безъ всякаго содѣйствія законодательной власти. Ея организація до настоящаго времени не опредѣлена закономъ, а основывается на выработанныхъ вѣками обычаяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что англійская адвокатура ведетъ свое происхожденіе отъ римской. Нѣкоторыя данныя указываютъ даже, что это заимствованіе произошло чрезъ посредство Франціи.

«Создала стряпчихъ британскимъ краснорѣчивая Галлія», говоритъ Ювеналъ [1]).

Первыя извѣстія объ англійскихъ адвокатахъ мы находимъ въ

---

[1]) Iuv. XV, 110.

законахъ англосаксонскихъ королей. Они носятъ тамъ названіе защитниковъ (forspeca, mundbora, advocatus). Изъ скудныхъ постановленій, касающихся ихъ, можно вывести только, что употребленіе адвокатовъ было распространено въ древней Англіи. Такъ, по закону Эдмунда (X в.), человѣкъ, убившій члена другой семейной общины, избиралъ себѣ защитника, который своимъ посредничествомъ долженъ былъ предотвратить кровную месть и замѣнить ее выкупомъ [1]). Въ нѣсколькихъ другихъ законахъ установлено возвышенное правило, что для чужеземцевъ, бѣдныхъ и отверженныхъ, которые не имѣютъ адвоката, будетъ родственникомъ и защитникомъ самъ король, а для духовныхъ — епископъ [2]). Нѣкоторыя выраженія указываютъ, что адвокаты избирались изъ числа родичей, принадлежавшихъ къ одной родственной общинѣ [3]).

Съ теченіемъ времени адвокатской профессіей стали заниматься и другія лица, преимущественно духовныя, такъ что даже появилось на практикѣ правило: никто не можетъ быть адвокатомъ, кромѣ духовныхъ лицъ (nemo causidicus nisi clericus). Но частные духовные соборы XII вѣка запретили имъ выступать въ свѣтскихъ судахъ [4]). Первые зачатки организаціи адвокатуры появились въ Англіи въ то-же время и при такихъ-же обстоятельствахъ, какъ и во Франціи.

Королевскіе суды, бывшіе, подобно французскому парламенту, вначалѣ разъѣздными, получили въ XIII в. постоянное мѣстопребываніе въ Вестминстерѣ. Благодаря этому, адвокаты, которые сопровождали суды въ ихъ разъѣздахъ, тоже осѣли въ Лондонѣ и начали мало по малу соединяться и сплачиваться между собой. При Эдуардѣ I (XIII в.) изданъ первый законъ, касающійся адвокатуры. Онъ постановилъ, что при вестминстерскомъ судѣ должны состоять 140 опытныхъ адвокатовъ для веденія дѣлъ частныхъ лицъ [5]). Къ царствованію того-же короля относится возникновеніе первой изъ четырехъ «судебныхъ коллегій» [6]) (Inns of Court), которыя по настоящее

---

[1]) *Schmied:* Die Gesetze der Angelsachsen, 1858, 179. Edmund's Gesetze, II, 7.

[2]) Leg Henr. I, c. 10, § 3: debet esse rex pro cognato et advocato, si alium non habent. Leg. Cnut., § 40; Aethel., VIII, § 33 etc.

[3]) Leg. Henr. I, c. 10, § 3; Anh VI, 1 *(Schmied*, 391) etc.

[4]) „Ne advocati sint clerici vel sacerdotes in foro seculari". *Gneist:* Englische Verfassungsgeschichte, 1882, 322, Anm.

[5]) „CXL attornati et apprentitii, qui curiam sequuntur". *Gneist*, ib, 321.

[6]) Въ буквальномъ переводѣ „Inn of court" значитъ „судебный отель" (auberge de la cour, Gerichtshôtel oder Juristenhôtel).

время являются въ Англіи разсадниками практическихъ юристовъ: судей и адвокатовъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Англійскіе университеты, основанные въ Оксфордѣ и Кембриджѣ еще въ XII вѣкѣ, отвели очень мало мѣста преподаванію юриспруденціи: до половины XVIII вѣка профессора ограничивались лекціями по римскому и каноническому праву и относились съ пренебреженіемъ къ туземному праву, заключавшемуся преимущественно въ обычаяхъ. Между тѣмъ въ судахъ примѣнялось именно это презираемое университетами варварское право. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ стала чувствоваться потребность въ какихъ-либо учрежденіяхъ, которыя могли-бы подготовлять лицъ, желающихъ посвятить себя практической дѣятельности. И вотъ сначала появились частныя юридическія школы, открытыя опытными юристами-практиками, а затѣмъ, когда суды осѣли въ Вестминстерѣ, эти преподаватели англійскаго права соединились вмѣстѣ и устроили общую «судебную коллегію». Такъ какъ она помѣщалась въ зданіи, принадлежавшемъ графу Линкольну, то ее стали называть Линкольнской коллегіей (Lincoln's Inn). Впослѣдствіи возникли еще три коллегіи: Грейская (Gray's Inn), названная такъ тоже по имени прежняго собственника зданія—Грея, внутренній храмъ (Inner Temple) и средній храмъ (Middle Temple), расположенные въ мѣстѣ бывшихъ владѣній ордена храмовниковъ (тампліеровъ). Всѣ четыре коллегіи представляли собой не только школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пансіоны. Онѣ помѣщались въ громадныхъ зданіяхъ и имѣли свои библіотеки, аудиторіи, капеллы и квартиры для преподавателей и учащихся. Лица, окончившія коллегію, продолжали всю жизнь считаться ея членами, какое-бы общественное положеніе они ни занимали, и часто даже жили въ стѣнахъ воспитавшаго ихъ заведенія. Такъ какъ университеты не давали практическаго образованія, и такъ какъ правительство запретило частныя юридическія школы [1]), то судебныя коллегіи стали единственными учрежденіями, которыя подготовляли адвокатовъ и судей.

Интересныя свѣдѣнія объ устройствѣ и положеніи этихъ коллегій въ XV в. сообщаетъ писатель того времени канцлеръ Фортескью [2]). По его словамъ, юноши благороднаго происхожденія сначала обучались въ низшихъ «канцелярскихъ» коллегіяхъ (Inns of Chancery). Ихъ насчитывалось 10, а въ каждой изъ нихъ находилось по 100,

---

[1]) *Gundermann*, 48.

[2]) *Fortescue:* De laudibus Legum Angliae, cap. XLIX (ed. by Gregor and Amos, 1874).

а иногда и болѣе учениковъ. По окончаніи курса въ такой коллегіи юноши поступали въ судебныя коллегіи, которыхъ было всего 4. Число учащихся въ каждой изъ нихъ было не менѣе 200. Плата за содержаніе съ коллегіи равнялась минимумъ 28 ф. стер. Эта сумма для того времени была столь значительна, что уплачивать ее могли только богатые люди. «Потому-то», говоритъ Фортескью: «во всемъ королевствѣ нѣтъ почти ни одного выдающагося юриста, который не былъ-бы джентльменомъ по происхожденію и состоянію. Какъ высшая, такъ и низшая коллегіи представляли собой нѣчто въ родѣ гимназій или академій, въ которыхъ обучались исторіи, музыкѣ, пѣнію, танцамъ и другимъ забавамъ, приличествующимъ знатнымъ лицамъ» (jocos nobilibus convenientes). Въ свободное отъ этихъ занятій время они предавались изученію права [1]), а въ праздничные дни проходили священную и свѣтскую исторію. Такимъ образомъ, знатныя и богатыя лица отдавали своихъ дѣтей въ коллегіи не для того, чтобы они спеціально изучали юриспруденцію, и еще менѣе для того, чтобы впослѣдствіи добывали себѣ этой профессіей средства къ жизни, а съ цѣлью «образовать ихъ манеры и предохранить отъ заразы порока». Послѣднее обстоятельство, по замѣчанію Фортескью, вполнѣ достигалось той строгой внутренней дисциплиной, какая существовала въ коллегіяхъ. Хотя единственнымъ наказаніемъ было исключеніе изъ коллегіи, но такъ какъ исключенный изъ одной коллегіи не могъ быть принятъ въ другія, то это наказаніе производило въ высшей степени устрашающее вліяніе, и члены коллегій вели себя превосходно. Къ сожалѣнію, Фортескью ничего не говоритъ о внутреннемъ управленіи коллегій и о порядкѣ допущенія къ адвокатурѣ.

Изъ этого описанія видно, что судебныя коллегіи въ XV в. отличались уже другимъ характеромъ, чѣмъ въ первое время своего существованія. Изъ чисто юридическихъ школъ онѣ обратились въ общеобразовательныя заведенія, и преподаваніе права перестало быть ихъ единственной задачей.

Вскорѣ измѣнилось также отношеніе между канцелярскими коллегіями и судебными. Первыя стали исключительнымъ достояніемъ низшей отрасли адвокатуры—сословія повѣренныхъ, а вторыя остались воспитательными заведеніями для судей и адвокатовъ [2]).

---

[1]) *Fortescue*, c. XLIX: in ferialibus diebus eorum pars major legalis disciplinae studio se conferit.

[2]) *Стояновъ*, 563.

Организація судебныхъ коллегій приняла болѣе стройный видъ съ XVI и XVII вв. [1]). По словамъ Дегдаля, писателя XVIII в., онѣ представляли собой самоуправляющіяся общины, членами которыхъ были адвокаты и кандидаты въ адвокатуру. Во главѣ коллегій стояли выборные старшины (Benchers). Они возводили учащихся въ званіе адвокатовъ и лишали его, наблюдали за внутренней дисциплиной и вообще завѣдывали всѣми дѣлами общины. Изъ нихъ избирались также профессора (Readers), которые читали лекціи и руководили занятіями учащихся. Одинъ изъ профессоровъ назывался старшимъ (Chief-Reader) и по кругу своей дѣятельности соотвѣтвѣтствовалъ современному университетскому ректору. Подготовка къ адвокатурѣ состояла въ слѣдующемъ. Молодые люди, окончивъ канцелярскую коллегію или получивъ домашнее воспитаніе, должны были пробыть въ судебной коллегіи восемь лѣтъ [2]). Въ теченіи этого времени они слушали лекціи профессоровъ и упражнялись въ юридическихъ диспутахъ. Учебный годъ раздѣлялся сообразно съ этимъ на двѣ половины: одна посвящалась лекціямъ (readings), а другая диспутамъ (moothings). Въ извѣстные дни открывались засѣданія въ присутствіи трехъ старшинъ (benchers) и подъ предсѣдательствомъ ректора (Chief-Reader). Предсѣдатель прилагалъ для обсужденія какой-либо тезисъ. Сначала слово предоставлялось младшимъ студентамъ, затѣмъ старшимъ и, наконецъ, предсѣдатель дѣлалъ резюмэ преній и высказывалъ свое мнѣніе. Какъ видно, эти диспуты очень походили на современныя конференціи французскихъ адвокатовъ — стажіеровъ и имѣли важное значеніе для развитія діалектическихъ способностей въ студентахъ. Помимо участія въ диспутахъ, члены коллегій должны были принимать участіе въ общихъ торжественныхъ обѣдахъ, происходившихъ въ опредѣленные сроки. Присутствіе на этихъ пиршествахъ служило внѣшнимъ признакомъ пребыванія учащихся въ коллегіи. Подобно университетамъ, коллегіи давали своимъ членамъ ученыя степени. Черезъ три года по поступленіи учащіеся (students) получали званіе «внутреннихъ адвокатовъ» (inner barristers), такъ какъ они не имѣли права выступать въ судахъ, а должны были еще упражняться внутри коллегій. Внутренніе адвокаты еще черезъ пять лѣтъ обращались во «внѣшнихъ» (outer, utter

---

[1]) *Стояновъ*, 571—576. Сочиненія Дегдаля намъ не удалось достать, и потому мы принуждены излагать его содержаніе, пользуясь другими источниками, преимущественно статьей г. Стоянова.

[2]) Продолжительность пребыванія, впрочемъ, измѣнялась въ разныя эпохи. Вначалѣ она была равна 12 годамъ, а потомъ уменьшена до 8.

barristers) и получали право практиковать. Кромѣ этихъ двухъ видовъ степени «барристера», соотвѣтствовавшей университетской степени баккалавра (bachelor) или кандидата правъ, существовала еще степень «серджента» (serjeant at-law, serviens ad legem), т. е. доктора правъ. Но въ то время, какъ степень барристера предоставлялась самими коллегіями, возведеніе барристеровъ въ званіе серджентовъ, составляло привиллегію короны. Фортескью знакомитъ насъ съ порядкомъ назначенія серджентовъ, существовавшимъ въ XV вѣкѣ. По его словамъ, канцлеръ избираетъ, когда найдетъ нужнымъ и послѣ предварительнаго совѣщанія съ высшими судьями, 7 или 8 лицъ извѣстныхъ своими юридическими талантами и знаніями изъ числа барристеровъ, практикующихъ не менѣе 16 лѣтъ.

Ихъ имена сообщаются канцлеру, который объявляетъ имъ, чтобы въ назначенный день они явились къ королю для принятія предварительной присяги. Они являются и обѣщаютъ клятвенно прійти въ опредѣленный срокъ въ назначенное мѣсто, чтобы принять званіе серджента и уплатить слѣдующіе по обычаю деньги. Затѣмъ въ назначенное время устраивается торжественное празднество возведенія въ сердженты, празднество, продолжающееся нерѣдко цѣлую недѣлю и своей пышностью напоминающее коронацію [1]). Всѣ высшія лица въ государствѣ присутствовали на нихъ, и даже самъ король со всѣмъ семействомъ и дворомъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ [2]). Всѣ издержки на устройство празднествъ относились на счетъ новоизбранныхъ серджентовъ. По словамъ Фортескью, каждому изъ нихъ приходилось уплачивать не менѣе 260 фунт. стер., что въ тѣ времена составляло огромную сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый серджентъ долженъ былъ подарить каждому изъ присутствовавшихъ гостей по золотому кольцу разной стоимости, смотря по рангу и достоинству гостя. Точно также было въ обычаѣ раздавать ливрейныя платья слугамъ гостей и даже родственникамъ и друзьямъ, сопровождавшимъ этихъ слугъ [3]). Какъ видно, издержки, сопряженныя съ полученіемъ званія серджента, были громадны, и неудивительно, что въ царствованіе Ричарда II шесть барристеровъ отклонили отъ себя избраніе въ сердженты. Впрочемъ, по рѣшенію парламента они были принуждены взять свой отказъ обратно и уплатить штрафъ [4]). Тор-

---

[1]) *Forsyth.* 305.

[2]) Law Magazine, 1874, № 3: Historical sketch of the office of serjeant-at-law.

[3]) *Fortescue*, Ch. L.

[4]) Law Magazine, 1874, № 3, 842.

жественная форма возведенія въ сердженты почти не измѣнялась въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, хотя становилась съ теченіемъ времени все менѣе пышной. Послѣднее большое празднество относится къ 1775 году [1]).

Чѣмъ-же отличались сердженты отъ обыкновенныхъ барристеровъ? Тѣмъ, что помимо тѣхъ правъ, которыми пользовались барристеры, имъ былъ предоставленъ еще цѣлый рядъ другихъ. Такъ, они имѣли исключительное право вести дѣла въ нѣкоторыхъ судахъ (Court of Common Pleas) и по особо важнымъ дѣламъ, исполнять обязанности судей на ассизахъ, присутствовать въ парламентѣ при обсужденіи петицій [2]) и т. п. Далѣе, начиная съ XV вѣка, члены высшихъ судовъ обязательно должны были избираться изъ числа сердженговъ [3]). Помимо того, институтъ сердженговъ имѣлъ еще важное политическое значеніе. Дѣло въ томъ, что въ присягѣ, которую они приносили, вступая въ званіе, они, между прочимъ клялись «защищать, въ случаѣ спора между королемъ и его подданными, права подданныхъ». Они являлись, такимъ образомъ, естественными защитниками интересовъ народа въ случаѣ посягательства на нихъ со стороны короны.

Сердженты, входя въ составъ судебныхъ коллегій и считаясь ихъ членами, образовывали въ то-же время особую корпорацію. Вначалѣ они раздѣлялись даже на три корпораціи (Scroops Inn, Sergeants Inn and Faryndon Inn), но впослѣдствіи соединились въ одну (Faryndon Inn). Въ опредѣленные сроки они сходились на общіе товарищескіе обѣды [4]).

Возвращаясь къ судебнымъ коллегіямъ, мы должны замѣтить, что организація ихъ оставалась неизмѣнной до нынѣшняго вѣка.

Въ теченіи цѣлыхъ столѣтій онѣ являлись самоуправляющимися корпораціями, снабжавшими страну юристами-практиками: судьями и адвокатами, Что касается спеціально адвокатовъ, то Англія не можетъ похвастать именами столь выдающихся ораторовъ, какъ Франція. «Судебное краснорѣчіе въ этой странѣ», говоритъ Форситъ: «было, повидимому, почти неизвѣстно до второй половины XVIII в. Дѣйствительно, мы читаемъ о «серебрянномъ языкѣ» (silver tongued) Финча, впослѣдствіи лорда Ноттингама, котораго въ свое время называли «англійскимъ Цицерономъ» и «англійскимъ Росціемъ», но

---

[1]) Ib., 843.
[2]) Ib., 845, 846.
[3]) *Fortescue*, Ch. L.
[4]) Law Mag., 1874, № 3, 849.

изъ его рѣчей не сохранилось ни одной такой, которая оправдывала-бы это названіе» [1]).

Причинами малаго развитія краснорѣчія въ Англіи Форситъ считаетъ: 1) господство въ англійскомъ правѣ формализма [2]), 2) огромное количество законовъ, которые приходится знать адвокату и изученіе которыхъ «способно погасить пламя таланта и заглушить воображеніе, въ ужасѣ отступающее при видѣ тысячи томовъ, гдѣ заключены тайны нашей юриспруденціи» [3]); 3) пренебреженіе англійскихъ адвокатовъ къ изученію правилъ ораторскаго искусства [4]); 4) позднее выступленіе на поприще дѣятельности вслѣдствіе долгаго пребыванія въ судебныхъ коллегіяхъ и трудности пріобрѣсти практику, результатомъ чего является то, что «лучшіе годы жизни адвокаты проводятъ въ бездѣйствіи по недостатку занятій» [5]). Къ числу причинъ упадка краснорѣчія слѣдуетъ отнести также то обстоятельство, что, по старинному началу обычнаго права, адвокаты не допускались къ защитѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ и важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ (treason and felony) [6]). Основаніе такого постановленія заключалось въ томъ, что, по обычному праву, судья считался «первымъ защитникомъ подсудимаго», и что, слѣдовательно, не представлялось надобности въ особомъ адвокатѣ. Недостаточность подобнаго оправданія была давно признана, и еще въ 1649 году извѣстный юристъ Уайтлокъ сказалъ, что не понимаетъ, почему въ такомъ случаѣ судьи не замѣняютъ адвокатовъ и во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, производящихся передъ ними [7]) Даже жестокій и кровожадный судья Джеффризъ говорилъ: «по моему мнѣнію нехорошо, что человѣкъ, обвиняемый въ грошевомъ проступкѣ (twopenny trespass), можетъ быть защищаемъ адвокатомъ, а если онъ совершилъ кражу, убійство, вообще уголовное или даже госу-

---

[1]) *Forsyth*. 312.

[2]) Ib., 341.

[3]) Ib., 344. Еще Юмъ указалъ на это обстоятельство, какъ на причину упадка ораторскаго искусства въ Англіи: „How shall a modern lawyer have leisure to quit his toilsome occupations, in order to gather the flowers of Parnassus? or what opportunity shall he have of displaying them, amidst the rigid and subtle arguments, objections and replies, which he is obliged to make use of?“ (Essays, 1, 96).

[4]) *Forsyth*, 345.

[5]) Ib., 346.

[6]) Ib., 317. *Стояновъ*, 578. Участіе защитника допускалось при этихъ преступленіяхъ только для обсужденія возникшаго юридическаго вопроса и то по усмотрѣнію суда.

[7]) *Forsyth*, 322.

дарственное преступленіе, при которомъ дѣло идетъ о его жизни, состояніи и чести, то онъ не долженъ имѣть защитника» [1]). Нечего и говорить, что это правило принесло самые гибельные и плачевные результаты не только для развитія адвокатуры, но и вообще для правосудія. «Трудно назвать», говоритъ Филиппсъ: «хоть одинъ древній процессъ, который не былъ-бы запятнанъ какимъ-либо нарушеніемъ основныхъ началъ уголовной юстиціи». Всѣ они, по словамъ Форсита, были юридическими убійствами [2]). Напрасно подсудимые молили о дозволеніи избрать защитника, напрасно они указывали на свою неопытность, незнаніе законовъ и неумѣніе защищаться, судьи, исполняя предписаніе обычнаго права, должны были оставаться непоколебимыми. Нельзя безъ тайнаго содроганія читать этихъ униженныхъ просьбъ, сохранившихся въ сборникахъ судебныхъ процессовъ. «Я не имѣлъ», говорилъ герцогъ Норфолькскій, обвинявшійся въ государственной измѣнѣ при Елизаветѣ: «даже 14 часовъ для подготовки, считая день и ночь; я былъ брошенъ на цѣлую груду законовъ, не зная, какіе изъ нихъ нужны мнѣ». На этомъ основаніи онъ просилъ о назначеніи ему защитника, но судъ отказалъ [3]). Точно также полковникъ Лильбернъ во время регентства Кромвеля напрасно обращался къ суду съ такою-же мольбою и восклицалъ, что «если ему не дадутъ защитника, то онъ не пойдетъ далѣе, хотя-бы долженъ былъ умереть за это, и что его невинная кровь падетъ на судей [4]). Но изъ всѣхъ процессовъ, упоминающихся въ англійской исторіи, одинъ, по словамъ Форсита, болѣе всѣхъ возбуждаетъ негодованіе и ужасъ. Это процессъ или, вѣрнѣе, юридическое убійство Алисы Лайль, которая была обвинена въ государственной измѣнѣ за то, что дала пріютъ въ своемъ домѣ двумъ лицамъ, участвовавшимъ въ мятежѣ. Вопреки закону, она была предана суду раньше самихъ мятежниковъ. Судъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ Джеффриза, который употребилъ всѣ усилія, чтобы вынудить у свидѣтелей неблагопріятное для подсудимой показаніе, а у присяжныхъ обвинительный приговоръ. Само собой разумѣется, что онъ достигъ своей цѣли, несмотря на то, что не было доказано, чтобы подсудимая знала объ участіи укрытыхъ ею лицъ въ мятежѣ. Алиса Лайль была приговорена къ сожженію на кострѣ, но потомъ

---

[1]) Ib., 321.
[2]) Ib., 351.
[3]) Ib., 318.
[4]) Ib., 318.

король замѣнилъ сожженіе обезглавленіемъ [1]). Всходя на эшафотъ, она сказала слѣдующее: «мнѣ говорили, что судъ долженъ быть защитникомъ обвиняемаго; вмѣсто того здѣсь придавали очевидность тому, что, будучи только слухомъ, могло имѣть наибольшее вліяніе на судъ присяжныхъ. Моя защита была такова, какой можно ожидать отъ слабой женщины; но какова-бы она ни была, она не была повторена суду присяжныхъ. Но я прощаю всѣмъ, кто причинилъ мнѣ зло, и желаю, чтобъ Господь простилъ имъ» [2]).

Первая попытка отмѣнить древній принципъ обычнаго права законодательнымъ путемъ относится къ 1695 году, когда былъ изданъ билль, допустившій въ нѣкоторыхъ случаяхъ участіе защитника въ политическихъ процессахъ. Во время парламентскихъ преній по этому вопросу произошелъ любопытный случай. Лордъ Ашлей, впослѣдствіи графъ Шефтсбюри поднялся, чтобы сказать рѣчь въ пользу билля, но отъ смущенія сбился и внезапно смолкъ. «Съ удивительнымъ присутствіемъ духа», говоритъ Форситъ: «онъ оправился и обратилъ свое смущеніе въ одинъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ въ пользу билля. «Если», сказалъ онъ, обращаясь къ спикеру: «я, вставъ для того только, чтобы высказать свое мнѣніе относительно билля, такъ смутился, что былъ неспособенъ сказать того, что хотѣлъ, то каково-же должно быть положеніе человѣка, который безъ помощи адвоката защищаетъ свою жизнь, и притомъ, боясь, что будетъ лишенъ ея» [3]).

Англійскіе адвокаты, получивъ по этому биллю право защищать нѣкоторыхъ важныхъ преступниковъ, вначалѣ вслѣдствіе непривычки дѣйствовали очень робко. Такъ, напр., адвокатъ Шоуэръ (Shower) началъ свою рѣчь въ защиту нѣсколькихъ лицъ, обвинявшихся въ государственной измѣнѣ, такимъ заявленіемъ: «мы назначены защитниками вслѣдствіе парламентскаго акта и надѣемся, что ничто изъ того, что мы скажемъ въ защиту нашихъ кліентовъ, не будетъ вмѣнено намъ въ вину. Мы приходимъ сюда не для того, чтобы оправдывать дѣйствія, за которыя обвинены подсудимые, или предполагаемые принципы, на которыхъ могли быть основаны такія дѣйствія, такъ какъ мы не знаемъ ни одного принципа, религіознаго или гражданскаго, который бы оправдывалъ или извинялъ ихъ» [4]). Нельзя

---

[1]) *Маколей*: Исторія Англіи, т. VII, 205.
[2]) *Forsyth*, 324.
[3]) Ib, 328.
[4]) Ib., 330.

не согласиться съ Форситомъ, что это «слишкомъ холодное начало для адвокатской рѣчи».

Статутъ 1747 еще увеличилъ число случаевъ допущенія защиты при важныхъ преступленіяхъ, но только въ XIX в. (1836 г.) былъ окончательно уничтоженъ этотъ, по выраженію Форсита, «остатокъ варварства», извращавшій основное начало уголовной юстиціи: «чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ необходимѣе подсудимому помощь адвоката» [1]).

Благодаря вліянію такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, судебное краснорѣчіе стояло въ Англіи на несравненно болѣе низкой ступени, чѣмъ во Франціи. Помимо того, англійская адвокатура уступала французской еще въ другомъ отношеніи. Въ то время какъ французскіе адвокаты съ древнѣйшихъ временъ являлись людьми науки, такъ какъ получали высшее юридическое образованіе и всю жизнь продолжали заниматься наукой, англійскіе адвокаты были чисто практическими дѣятелями, мало развитыми въ научномъ отношеніи. Это объясняется, прежде всего, особеннымъ характеромъ англійскаго права. Французское законодательство было роднымъ дѣтищемъ римскаго права, и потому французскіе юристы усердно изучали Юстиніановы кодексы, отыскивая въ нихъ основные принципы своего собственнаго права. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились англичане. Ихъ право не имѣло ничего общаго съ римскимъ и основывалось исключительно на древнихъ обычаяхъ, статутахъ и судебныхъ рѣшеніяхъ, разъяснявшихъ эти обычаи. Англійскому юристу—практику нечего было дѣлать съ юстиніановыми кодексами и съ общими принципами права, развитыми въ нихъ. Передъ нимъ лежали необозримыя груды фоліантовъ, съ казуистическими формулами, въ которыхъ почти нельзя было найти общихъ началъ, и которыя ему предстояло примѣнять на практикѣ. Неудивительно, поэтому, что судебныя коллегіи, имѣя въ виду подготовку практическихъ дѣятелей, не обращали вниманія на юридическую науку и ограничивались преподаваніемъ дѣйствующаго права. Римское право было предоставлено университетамъ, которые, въ свою очередь, относились съ презрѣніемъ къ казуистическому, «варварскому» туземному праву и совершенно игнорировали его. Такимъ образомъ, то единеніе между теоріей и практикой, которымъ обусловливалось во Франціи процвѣтаніе обѣихъ этихъ вѣтвей знанія, было неизвѣстно въ Англіи. Университеты шли своимъ путемъ, а судебныя коллегіи своимъ. И въ то

[1]) 6 and. 7 Will. IV, c 114. *Forsyth*, 331.

время какъ университетская наука, неплодотворяемая живымъ сѣменемъ практики, выродилась въ мертвую схоластику, поле судебной практики, неозаряемое свѣтомъ науки, обратилось въ непроницаемый хаосъ формализма и казуистики.

Печальное положеніе судебныхъ коллегій съ теченіемъ времени вмѣсто того, чтобы улучшиться, все болѣе ухудшалось. Въ концѣ XVII в. чтеніе лекцій профессорами изъ адвокатовъ (Readers) начало падать и вскорѣ совершенно прекратилось. Эти лекціи, въ которыхъ можно было все-таки найти хоть тѣнь науки, такъ какъ въ нихъ излагались иногда нѣкоторыя историко-юридическія свѣдѣнія, были всецѣло замѣнены диспутами (mootings). Если еще принять во вниманіе, что участіе въ диспутахъ было необязательно и не подвергалось никакому контролю, и что единственнымъ внѣшнимъ признакомъ пребыванія студентовъ въ коллегіяхъ было присутствіе ихъ на торжественныхъ обѣдахъ въ установленные сроки (terms), то станетъ вполнѣ понятнымъ появленіе въ англійскомъ обществѣ мнѣнія, что для допущенія къ адвокатурѣ нужно только аккуратно уплатить причитающіеся коллегіямъ взносы и отобѣдать въ нихъ опредѣленное число разъ. Порядокъ допущенія къ адвокатурѣ обратился въ пустую формальность, и молодые студенты были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Въ такомъ положеніи находилась юридическая подготовка адвокатовъ до конца прошлаго вѣка, когда начало постепенно возобновляться чтеніе лекцій [1]).

До сихъ поръ мы говорили преимущественно о внутренней организаціи англійской адвокатуры въ прежнія времена. Теперь намъ предстоитъ сказать нѣсколько словъ относительно ея профессіональной дѣятельности и общественномъ положеніи. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, англійская адвокатура очень схожа съ французской. Здѣсь, какъ и тамъ, адвокаты были правозаступниками сторонъ, представительство-же принадлежало особому классу повѣренныхъ (attorneys or sollicitors).

Цѣлый рядъ статутовъ англійскихъ королей запрещаетъ совмѣщеніе обязанностей адвокатовъ и повѣренныхъ [2]). Адвокатура всегда

---

[1]) *Gundermann*, 56; *Aschrott:* Das Universitätsstudium und die Ausbildung der Juristen in England, 1887, 26.

[2]) Philipp and Mary, 1557: if he that is admitted practice any attorneyship, ipso facto, he be dismissed..

1574: if any hereafter admitted in court practice as attorneys or solicitors, they shall be dismissed and expulsed out of their houses there-upon.

James I: there ought always to be preserved a difference between a counsellor at law... and attorneys or solicitors. Law Mag. 1869, LII, 287.

считалась свободной профессіей, а повѣренные—особаго рода судебными чиновниками, подобно тому, какъ французскіе авуэ [1]).

Точно также здѣсь, какъ и во Франціи, адвокатскій гонораръ считался почетнымъ подаркомъ со стороны кліента и не допускалъ ни предварительнаго условія, ни таксировки, ни иска.

Англійская адвокатура представляла близкое сходство съ римскимъ патронатомъ и отличалась еще въ большей степени аристократическимъ характеромъ, чѣмъ французская. Еще Фортескью замѣтилъ, какъ мы видѣли, что въ судебныя коллегіи поступаютъ только дѣти благородныхъ родителей. Впослѣдствіи Яковъ I прямо предписалъ не принимать въ судебныя коллегіи никого, кромѣ джентльменовъ по происхожденію [2]).

Это вполнѣ понятно. Громадныя суммы, уплачиваемыя коллегіямъ за право пребыванія въ нихъ, продолжительность подготовки къ профессіи (12—8 лѣтъ), трудность и необезпеченность адвокатской карьеры, всѣ эти причины дѣлали адвокатуру не только неудобной, но и просто недоступной для бѣдныхъ лицъ. Она съ давнихъ поръ была достояніемъ состоятельнаго класса населенія,

Если еще замѣтить, что, начиная съ XV вѣка, она стала единственнымъ путемъ къ достиженію высшихъ судебныхъ должностей [3]), то при такихъ обстоятельствахъ будетъ понятно высокое уваженіе, которымъ она пользовалась въ общественномъ мнѣніи. Хотя она и не выдвинула столькихъ знаменитыхъ судебныхъ ораторовъ, какъ французская, и хотя вообще въ средѣ ея не было такъ много выдающихся дѣятелей на поприщѣ науки и государственной жизни, какъ во Франціи, тѣмъ не менѣе и здѣсь адвокатура имѣетъ не мало заслугъ предъ обществомъ и государствомъ. Еще Юмъ замѣтилъ, что исторія Англіи многимъ обязана четыремъ великимъ правовѣдамъ, вышедшимъ изъ судебныхъ коллегій: Томасу Мору, Франсису Бэкону, Кларендону и Уайтлоку.

«Наша страна», говоритъ Амссъ: «глубоко обязана представителямъ юридической профессіи сохраненіемъ своихъ самыхъ цѣнныхъ вольностей (liberties)». Въ доказательство можно привести имена Томаса Мора, мученика за англійскую свободу, Брактона и Фортескью, положившихъ основы англійской юриспруденціи, знаменитаго право-

---

[1]) James I: attorneys and solicitors are but ministerial persons. Law Mag., ib

[2]) James I: non be hereafter admitted in to the society of any house of court, that is not gentleman of descent. Law Mag., ib.

[3]) *Fortescue*, c L.: nullus.. assumetur ad officium et dignitatem Justiciarii, nisi ipse primitus statu et gradu servientis ad legem fuerit insignitus.

вѣда Эдуарда Кока, о которомъ его личный врагъ Бэконъ выразился, что безъ него англійское правовѣдѣніе представляло-бы собой корабль безъ груза, мужественнаго судьи Гасконя, не побоявшагося арестовать принца Уэльскаго за неуваженіе къ закону, Сомерза, стольже великаго юриста, какъ и государственнаго дѣятеля, Мансфельда, котораго современники считали единственнымъ достойнымъ соперникомъ лорда Чаттама, Борка, Фокса, Шеридана, знаменитыхъ ораторовъ, Гранта и Стоуэлля, извѣстныхъ ученыхъ юристовъ, Томаса Эрскина, короля Шотландской адвокатуры, смерть котораго оплакивала вся Шотландія, Буррена, перваго адвоката Ирландіи, лорда Брума, прославившагося своими политическими защитами, и мн. др. [1])

Особымъ уваженіемъ пользовалось въ обществѣ сословіе серджентовъ. Уже изъ торжественнаго обряда ихъ назначенія, на которомъ нерѣдко присутствовали члены королевскаго дома, можно видѣть, что ихъ званіе считалось въ высшей степени почетнымъ. И, дѣйствительно, старинные писатели съ большимъ сочувствіемъ отзываются о серджентахъ. Фортескью замѣчаетъ, что хотя въ Англіи нѣтъ степени доктора, но въ судебныхъ коллегіяхъ «существуетъ степень или, скорѣе, почетное званіе, не менѣе славное и высокое, чѣмъ степень доктора» [2]). Попъ называлъ серджентовъ «знаменитыми, уважаемыми (known and honoured) и высокообразованными» (hundred arts refind)[3]). Чоусэръ относился къ нимъ съ неменьшимъ уваженіемъ, восхваляя ихъ мудрость, благородство и краснорѣчіе [4]).

§ 2.

Реформы XIX вѣка и современная организація адвокатуры.

Въ томъ видѣ, какъ описано въ предыдущей главѣ, англійская адвокатура находилась въ теченіи многихъ вѣковъ. Только въ ны-

---

[1]) *Fortescue,* note of Amos, p. 197; *Стояновъ*, pass.; *Forsyth*, 11; *Prischl*: Advocatur und Anwaltschaft, 1888, 147.

[2]) *Fortescue*, c. L.

[3]) Ib, p. 197.

[4]) *Chaucer:* Canterbury Tales, prol.:

A serjeant of the law, ware and wise,
That often hadge yhen at the parvis,
Ther was also, full rich of excellence,
Discret he was and of great reverence,
He seemed swiche, his wordes were so wise... etc.

нѣшнемъ столѣтіи были произведены нѣкоторыя реформы въ ея организаціи. Вниманіе законодательства обратилось прежде всего на судебныя коллегіи. Съ давнихъ поръ въ обществѣ и въ печати стали раздаваться жалобы на недостаточность образованія, получаемаго адвокатами въ судебныхъ коллегіяхъ. Дѣйствительно, юридическая подготовка будущихъ дѣятелей адвокатуры сводилась почти къ нулю. Ни вступительныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ не существовало. Чтеніе лекцій въ коллегіяхъ, какъ было уже сказано, совершенно прекратилось въ XVIII вѣкѣ. Единственнымъ путемъ къ пріобрѣтенію юридическихъ знаній оставалось самообразованіе и участіе въ диспутахъ. Но самообразованіе можетъ быть доступно и полезно только для выдающихся натуръ. Большинство-же юношей со средними способностями и, вдобавокъ, безъ предварительной подготовки, будучи предоставлены самимъ себѣ, предпочитали предаваться удовольствіямъ свѣтской жизни, или если и занимались, то вовсе не сухой юриспруденціей, а болѣе интересными отраслями знанія. Диспуты не могли нисколько помочь этой бѣдѣ, потому что, во первыхъ, они не были обязательны, а, во вторыхъ, участіе въ нихъ безъ предварительнаго знакомства съ теоріей права не могло принести большой пользы. Такимъ образомъ, въ результатѣ оказалось, что для поступленія въ адвокатуру нужно было только отобѣдать опредѣленное число разъ съ членами коллегій. Столь неудовлетворительное положеніе судебныхъ коллегій настоятельно требовало реформъ, и первыя попытки къ устраненію указанныхъ недостатковъ были произведены еще въ концѣ прошлаго вѣка. Въ 1780 году возобновилось чтеніе лекцій въ Грейской коллегіи, въ 1796 г. въ Линкольнской, а затѣмъ и въ двухъ остальныхъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи былъ данъ Бетелемъ, впослѣдствіи канцлеромъ и лордомъ Уэстбюри, новый толчекъ къ реформамъ, результатомъ котораго было образованіе въ 1852 г. особаго «совѣта по юридическому образованію» (Council of legal Education). Онъ состоялъ изъ восьми старшинъ коллегій (benchers) и обновлялся каждые два года переизбраніемъ двухъ изъ нихъ. Задача его заключалась въ томъ, чтобы слѣдить за преподаваніемъ юриспруденціи въ коллегіяхъ и изыскивать средства къ содержанію профессоровъ [1]). Въ 1854 году правительство, желая принять болѣе рѣшительныя мѣры, назначило коммиссію для изслѣдованія внутренняго состоянія судебныхъ коллегій. Отчетъ коммиссіи, вышедшій въ 1855 г.,

[1]) *Gundermann*, 56, 57.

содержитъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній [1]). «Все, что требуется въ настоящее время», говорится въ немъ, между прочимъ: «отъ лица, желающаго сдѣлаться студентомъ права, съ цѣлью впослѣдствіи быть допущеннымъ къ адвокатурѣ, состоитъ въ томъ, чтобы стать членомъ одной изъ четырехъ коллегій, для чего нужно только представить властямъ данной коллегіи удостовѣреніе въ своей добропорядочности (respectability), подписанное двумя барристерами, принадлежащими къ ней, отбыть двѣнадцать семестровъ (terms), пообѣдавъ опредѣленное число разъ въ коллегіи и прослушать въ теченіи одного года лекціи двухъ профессоровъ, назначенныхъ «совѣтомъ по юридическому образованію», или же, по собственному желанію, подвергнуться публичному экзамену. Очевидно, что эта система не устанавливаетъ никакихъ испытаній для лицъ, допускаемыхъ къ адвокатурѣ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые добровольно подвергаются экзамену и для которыхъ, онъ, по всей вѣроятности, менѣе всего нуженъ. Посѣщеніе лекцій дѣлаетъ возможнымъ пріобрѣтеніе знаній, но не доказываетъ его. Сверхъ того, мы должны замѣтить, что добровольный экзаменъ ограничивается предметами, о которыхъ профессора читали лекціи, и хотя ни одинъ студентъ, совершенно лишенный свѣдѣній, не можетъ успѣшно выдержать его, тѣмъ не менѣе факты свидѣтельствуютъ, что кандидаты, которые были достаточно подготовлены по чисто спеціальнымъ предметамъ, обнаруживали грубое невѣжество въ столь тѣсно связанномъ съ экзаменомъ предметомъ, какъ исторія права ихъ отечества [2])» Переходя къ вопросу о желательныхъ улучшеніяхъ въ юридическомъ образованіи, коммиссія останавливается преимущественно на двухъ основныхъ пунктахъ: 1) нуженъ-ли вступительный экзаменъ для принятія въ судебныя коллегіи, и 2) нуженъ-ли окончательный экзаменъ для допущенія къ адвокатурѣ. Коммиссія разослала вопросные листы всѣмъ судьямъ королевства и извѣстнымъ адвокатамъ, собрала мнѣнія профессоровъ судебныхъ коллегій, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Генри Мэнъ, и другихъ выдающихся дѣятелей на поприщѣ юридической практики. Полученные отвѣты были весьма различны. Часть спрошенныхъ лицъ признавала необходимость вступительныхъ экзаменовъ, которые удостовѣряли-бы, что поступающій обладаетъ достаточнымъ общимъ образованіемъ; другіе

[1]) Report of the Commissioners appointed to inquire into the arrangements in the Inus of Court and Inus of Chancery, 1855.

[2]) Report, p. 10, 15.

отрицали пользу этихъ испытаній. Такое-же разногласіе обнаружилось и въ мнѣніяхъ по поводу выпускнаго экзамена. Тѣмъ не менѣе большинство и въ томъ числѣ всѣ профессора коллегій высказались въ пользу него на томъ основаніи, что студенты относятся крайне небрежно къ лекціямъ, зная, что не будутъ давать въ этомъ отчета [1]). Взвѣсивъ всѣ мнѣнія, а также обративъ вниманіе на подготовку къ адвокатурѣ въ другихъ государствахъ, коммиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ. Для большей правильности и единообразія въ системѣ юридическаго образованія необходимо, не уничтожая коллегій и не касаясь ихъ внутренняго устройства, соединить ихъ въ то-же время въ одну ассоціацію подъ названіемъ университета (university). Членами университета должны быть барристеры (barristers-at-law) и доктора права (masters-at-law). Изъ ихъ числа избирается пожизненно ректоръ университета (chancellor), субъректоръ (vice-chancellor) и сенатъ изъ тридцати двухъ членовъ. Задача сената состоитъ въ томъ, чтобы организовать предварительные экзамены для допущенія въ судебныя коллегіи и выпускные экзамены для окончившихъ курсъ коллегій и желающихъ поступить въ адвокатуру. Никто не можетъ быть принятъ въ судебную коллегію, не выдержавъ сначала предварительнаго испытанія по англійской исторіи и латинскому языку или не имѣя какой-либо университетской степени. Точно также для допущенія къ адвокатурѣ необходимо выдержать предварительный экзаменъ по юридическимъ наукамъ [2]).

Работы коммиссіи 1854 г. не привели къ непосредственнымъ результатамъ и только послужили точкой опоры для реформаторскихъ попытокъ лордовъ Кэрнса (Cairns) и Сельборна (Selborne). Первый изъ нихъ, слѣдуя заключенію коммиссіи, тоже предлагалъ устройство «университета», который предназначенъ былъ-бы спеціально для производства экзаменовъ [3]). Второй шелъ дальше. Онъ намѣревался сдѣлать изученіе права въ судебныхъ коллегіяхъ дѣйствительнымъ, а не мнимымъ, обратить ихъ изъ адвокатскихъ семинарій въ юридическую школу для всей страны, упорядочить ихъ самоуправленіе, сдѣлавъ

---

[1]) Report, 12.

[2]) Программа экзаменовъ установлена коммиссіей въ слѣдующемъ видѣ: 1) constitutional Law and Legal History, Jurisprudence, The Roman Civil Law; 2) Common Law, Equity, The Law of Real Property. Каждый студентъ долженъ держать экзаменъ, по крайней мѣрѣ, по одной изъ этихъ группъ наукъ. Report, 18.

[3]) Law Magaz. 1874, № 3, 746.

его представительнымъ и отвѣтственнымъ передъ правительствомъ, и создать юридическій университетъ, независимо отъ коллегій и не уничтожая ихъ [1]). Несмотря на всѣ усилія обоихъ реформаторовъ, которые были по очереди первыми министрами, имъ не удалось ничего сдѣлать. Въ 1874 г. ихъ дѣло было поставлено, повидимому, очень хорошо, такъ что одинъ компетентный англійскій журналъ высказалъ даже увѣренность, что въ парламентской сессіи 1875 г. вопросъ о реформѣ юридическаго образованія и новой организаціи судебныхъ коллегій будетъ окончательно рѣшенъ [2]). Но эти ожиданія не оправдались. Годъ уходилъ за годомъ и, несмотря на раздававшіеся отовсюду требованія реформы [3]), несмотря на агитацію образовавшейся ассоціаціи «юридическаго образованія» (Legal Education Association) [4]), организація судебныхъ коллегій оставалась въ существенныхъ чертахъ такою-же, какъ была раньше, съ тою только разницей, что «Совѣтъ по юридическому образованію» установилъ болѣе правильную систему экзаменовъ.

Для принятія въ коллегію кандидатъ долженъ представить свидѣтельство отъ двухъ барристеровъ о своей «добропорядочности» (respectability), сдѣлать причитающійся денежный взносъ (36—40 фун. стер. и, кромѣ того, 100 фун. с. въ видѣ залога) и, если не имѣетъ диплома о выдержаніи университетскаго экзамена, то подвергнуться легкому испытанію по англійскому и латинскому языкамъ и исторіи. Общіе товарищескіе обѣды остались по прежнему въ обычаѣ. Къ нимъ присоединилось еще слушаніе лекцій и два экзамена: одинъ въ срединѣ курса и другой по окончаніи его. Программа ихъ далеко не обширна. На первомъ требуются элементарныя свѣдѣнія изъ римскаго права, а для желающихъ получить стипендію еще изъ юридической энциклопедіи и международнаго права, а на второмъ болѣе обстоятельное знаніе англійскаго права и процесса. Лица, пріобрѣвшія ученую степень въ университетѣ, не освобождаются отъ перваго экза-

---

[1]) Ib., 743.

[2]) Law Mag 1874, № 3, 741: In all human probability the close of Parlamentary session in 1875 will find the Inns of Court under new management, and legal education reduced to a system.

[3]) *Markby:* Codification and Legal Education (Law Mag. 1878, № 2, 259); *Creasy:* Studies that help for the bar (ib., 1876, № 1, 279). Внесенный въ 1877 г. билль относительно подготовки къ адвокатурѣ былъ отвергнутъ палатой общинъ. Annuaire de législation étrangère. 1878, p. 9

[4]) The Bar Examination Journal, Trinity, 1891. *Aschrott:* Das Universitätsstudium und die Ausbildung der Juristen in England, 1887, 27, 28. *Александренко:* Изъ исторіи англійскихъ университетовъ. (Юрид. Вѣст. 1887, № 10).

мена, но пользуются льготами на второмъ и остаются въ судебныхъ коллегіяхъ не пять лѣтъ, какъ остальные студенты, а только три года [1]).

Другая реформа законодательства коснулась института серджентовъ. Еще въ срединѣ XVIII вѣка предполагалось уравнять права серджентовъ и барристеровъ. Въ 1834 г. король Вильгельмъ IV предписалъ, чтобы барристеры допускались къ веденію дѣлъ въ судѣ «общихъ исковъ» (Court of Common Pleas) наравнѣ съ серджентами, которые имѣли исключительное право выступать въ нихъ. Черезъ три года сердженты подали королевѣ петицію, въ которой указывали: 1) что на распоряженіи короля нѣтъ печати, 2) что король не имѣетъ права измѣнять собственной властью судоустройства и судопроизводства; 3) что привиллегія серджентовъ можетъ быть уничтожена только парламентомъ, и 4) что принятая мѣра не принесла на практикѣ ожидаемой пользы [1]). Петиція была передана на разсмотрѣніе юридической коммиссіи при тайномъ совѣтѣ и осталась безъ всякихъ результатовъ, но суды продолжали примѣнять распоряженіе 1834 года. Только въ 1846 году появился законъ, дозволившій барристерамъ практиковать въ судѣ общихъ исковъ наравнѣ съ серджентами [2]). Такимъ образомъ, была уничтожена одна привиллегія серджентовъ. Вскорѣ подобная-же участь постигла и другую, заключавшуюся въ томъ, что только сердженты имѣли право быть назначаемыми членами высшихъ судовъ. Законъ 1873 года, преобразовывая высшіе суды, распространилъ эту привиллегію на всѣхъ барристеровъ [3]).

Благодаря такимъ реформамъ, званіе серджента потеряло всякое реальное значеніе и сдѣлалось чисто почетнымъ. Уничтоженіе привиллегій этого стариннаго и славнаго сословія вызвало нареканія въ англійской печати Прежде всего, указывали на политическое значеніе института серджентовъ. Какъ было уже замѣчено выше, сердженты при вступленіи въ свое званіе присягали быть защитниками гражданъ въ случаѣ процессовъ между ними и короной. Между

---

[1]) Law Magaz., 1874, № 3, 852.

[2]) 9 and 10 Vict, c. 54: that from and after the passing of this Act all Barristers-at-law... shall and may have and exercise equal rights and privileges of practising, pleading and audience in the said Court of Common Pleas with the said serjeants.

[3]) The Supreme Court of Judicature Act, 1873, art. 8: henceforth no person appointed a judge should be required to take or have taken the degree of serjeant-at-law.

тѣмъ, другіе адвокаты, выступающіе въ важныхъ процессахъ (queen's counsels) имѣютъ право вести дѣла противъ короны только съ ея разрѣшенія. Такимъ образомъ, можетъ случиться, что политическіе преступники будутъ оставаться безъ защитника вслѣдствіи неразрѣшенія со стороны короны [1]). Далѣе, институтъ серджентовъ имѣлъ важное вліяніе на развитіе духа независимости среди членовъ адвокатуры. Прежде каждый барристеръ, исключенный изъ сословія или вообще подвергнутый наказанію совѣтомъ старшихъ коллегій, имѣлъ право апеллировать къ коллегіи серджентовъ, являвшейся второй инстанціей въ дисциплинарныхъ дѣлахъ. Теперь-же судьба барристеровъ будетъ всецѣло въ рукахъ старшинъ, которые могутъ, увлекаясь духомъ партійности, постановлять безаппелляціонно несправедливыя рѣшенія, тогда какъ, по словамъ одного автора, «каждый барристеръ чувствуетъ довѣріе къ суду коллегіи серджентовъ» [2]).

Наконецъ, званіе серджентовъ, являясь почетнымъ отличіемъ для выдающихся талантами и знаніями адвокатовъ, служило для нихъ цѣлью благороднаго соревнованія и поощряло ихъ къ добросовѣстному исполненію профессіональныхъ обязанностей.

Нѣкоторые авторы указываютъ на то, что отмѣна привиллегіи серджентовъ, собственно говоря, вовсе не равносильна уничтоженію самого сословія, и что билль 1873 года посягнулъ только на привиллегіи его, но прибавляютъ къ этому, что на практикѣ канцлеры присвоили себѣ право разрушать сословіе, не назначая новыхъ членовъ [3]). Такъ напр., лордъ Сельборнъ въ теченіи своего канцлерства не назначилъ ни одного серджента [4]). Благодаря такому образу дѣйствій правительства, сталъ изсякать институтъ серджентовъ, этотъ «столпъ государства, или, по крайней мѣрѣ, одна изъ главныхъ опоръ безопасности и благосостоянія народа» [5]). Рѣзко порицая указанныя мѣры правительства, одинъ авторъ говоритъ: «безуміе овладѣло нашими законодателями. Въ настоящее время еще не будетъ большой разницы, такъ какъ мы можемъ пока сохранять честную адвокатуру. Но наше древнее учрежденіе имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ могутъ усмотрѣть новѣйшіе законодатели. Мы не видимъ теперь передъ собой ничего, кромѣ паденія, уничиженія и разрушенія всего

---

[1]) *Yeatman:* On the contemplated destruction of the ancient order of serjeants-at-law. (Law Mag. 1875, № 1, 212—215).
[2]) Ib., 1875, № 3, 721.
[3]) Ib., 1875, № 1, 218.
[4]) The Order of serjeants-at-law (Law Mag., 1875, № 2, 607).
[5]) *Yeatman:* Ib., 1875, № 1, 215.

великаго и благороднаго въ юридической профессіи, которая вскорѣ перестанетъ быть почетной и выродится въ недостойное ремесло; утративъ аттрибуты почета, она станетъ безопаснѣйшимъ и лучшимъ поприщемъ для особыхъ талантовъ вороватаго джэнтри... O tempora! o mores!» [1]).

Но, уничтожая сословіе серджентовъ, правительство создало вмѣсто него институтъ королевскихъ адвокатовъ (queen's counsels). О немъ будетъ сказано при изложеніи современной организаціи англійской адвокатуры, къ которому мы и приступаемъ.

Для принятія въ адвокатуру гребуются слѣдующія условія: 1) совершеннолѣтіе (21 годъ), и 2) пребываніе въ теченіи опредѣленнаго времени въ судебной коллегіи. Такимъ образомъ, судебныя коллегіи до настоящаго времени остаются исключительными разсадниками адвокатуры. Объ организаціи ихъ мы уже говорили. Теперь только остается добавить, что большинство студентовъ сначала оканчиваютъ университетъ, а затѣмъ свое пребываніе въ коллегіи употребляютъ на практическія занятія въ канцеляріи какого-нибудь барристера [2]). Поступаютъ въ коллегіи только лица, болѣе или менѣе состоятельныя, въ виду громадныхъ расходовъ, съ которыми сопряжена подготовка къ адвокатурѣ. Прежде чѣмъ достигнуть званія адвоката, молодому юристу приходится уплатить громадную сумму денегъ (600—700 фун. стер. [3]). «Эти большія издержки на юридическое образованіе», говоритъ Аштротъ: «влекутъ за собою извѣстную изолированность сословія, которой, правда, оказываютъ спасительное противодѣйствіе многочисленныя стипендіи, награды и преміи, доступныя для всѣхъ дѣйствительно способныхъ лицъ, какъ въ университетахъ, такъ и въ коллегіяхъ. Сами барристеры придаютъ большое значеніе изолированности своего сословія. Они хотятъ прежде всего быть джентльменами и потому желаютъ, чтобы въ адвокатуру допускались кромѣ тѣхъ, кому выдающіяся личныя способности гарантируютъ быстрый успѣхъ въ профессіи, только лица, обладающія достаточными средствами, чтобы вести «джентльменскій» образъ жизни. Лордъ Абингеръ желалъ даже, чтобы законъ дозволялъ поступать въ судебныя коллегіи исключительно лицамъ, имѣющимъ не менѣе 300 ф. стер. годоваго дохода [4]).

Отбывъ срокъ стажа, кандидатъ получаетъ степень барристера

---

[1]) Ib., 1875, № 3, 722
[2]) *Aschrott:* l. c., 28.
[3]) Ib., 29.
[4]) Ib., 29, 39 и прим.

(barrister-at-law) и право заниматься практикой. На рѣшеніе совѣта старшинъ, отклоняющее просьбу о допущеніи къ практикѣ, можно приносить аппелляцію суду [1]). Изъ числа барристеровъ избираются, съ одной стороны, серджентъ, а съ другой, королевскіе адвокаты. Въ прежнія времена подъ послѣдними разумѣлись барристеры, избранные короной для защиты ея правъ въ случаѣ ихъ нарушенія [2]). Но въ настоящее время это званіе получило иное значеніе. Хотя королевскіе адвокаты по прежнему приносятъ присягу «защищать права короны и не вести дѣлъ противъ нея безъ спеціальнаго разрѣшенія», тѣмъ не менѣе на практикѣ имъ очень рѣдко приходится быть защитниками короны. Званіе «королевскаго адвоката» пріобрѣло значеніе почетнаго титула, и на практикѣ стало мало по малу вытѣснять институтъ серджентовъ.

Въ теченіи второй половины XIX в. число серджентовъ уменьшается, и, наоборотъ, количество королевскихъ адвокатовъ все болѣе увеличивается. Какъ быстро идетъ этотъ процессъ видно изъ слѣдующей таблицы [3]).

Годы.	Число серджентовъ.	Число кор. адвокатовъ.
1827	18	30
1834	25	40
1843	28	69
1856	28	100
1866	27	145
1875	12	183

Королевскіе адвокаты, подобно всѣмъ барристерамъ, занимаются частной практикой, но въ то-же время пользуются нѣкоторыми преимуществами сравнительно съ ними. Имъ присвоенъ особый костюмъ; они имѣютъ право говорить на судѣ раньше другихъ адвокатовъ (pre-audience); барристеры, ведущіе важные процессы, обыкновенно приглашаютъ для участія въ преніяхъ королевскаго адвоката и т. п. [4]).

Сословная организація адвокатуры построена въ Англіи на совсѣмъ иныхъ началахъ, чѣмъ во Франціи. Англійскіе адвокаты не составляютъ отдѣльнаго отъ магистратуры класса, а, напротивъ, вмѣстѣ съ нею образуютъ одно сословіе, имѣющее общіе органы

[1]) Law Mag. 1874, № 2, 471.
[2]) *Gundermann*, 23.
[3]) *Yeatmann*, Law Mag 1875, № 1, 216.
[4]) *Gundermann*, 24.

самоуправленія. Какъ было уже замѣчено, съ XV в. весь персоналъ высшихъ судовъ назначается исключительно изъ числа адвокатовъ. По закону 1875 года, членами высшихъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть только барристеры, практиковавшіе не менѣе десяти лѣтъ [1]). Точно также чины прокурорскаго надзора, созданнаго закономъ 1879 года, избираются изъ числа адвокатовъ [2]). Такимъ образомъ, вся высшая магистратура Англіи состоитъ изъ представителей адвокатуры и неразрывно связана съ нею. Въ тоже время адвокаты, а слѣдовательно и судьи, являются воспитанниками судебныхъ коллегій и, какъ изстари установлено обычаемъ, всю жизнь продолжаютъ быть членами той коллегіи, изъ которой вышли. Эта связь адвокатуры съ коллегіями не номинальная, а дѣйствительная. Сами по себѣ адвокаты не образуютъ корпораціи и не имѣютъ никакихъ органовъ управленія. Они принадлежатъ къ составу коллегій и подчиняются ея властямъ, т. е. совѣту старшинъ (benchers). Членами совѣта могутъ быть избираемы барристеры, практикующіе болѣе семи лѣтъ [3]). Число членовъ точно не опредѣлено: оно простирается отъ 20 до 60. Этому-то совѣту и принадлежитъ дисциплинарная власть, какъ надъ воспитанниками коллегій, такъ и надъ адвокатами. Ни объемъ этой власти, ни роды наказаній, ни порядокъ дисциплинарнаго производства не указаны закономъ. Все основывается на обычаяхъ. Адвокатъ, уличенный въ дурномъ поведеніи (misconduct) наказывается запрещеніемъ практики. На приговоръ совѣта старшинъ допускается аппелляція въ судъ (Common law judges). Сами суды могутъ принимать дисциплинарныя мѣры противъ адвокатовъ только въ случаѣ, если въ интересахъ охраненія порядка засѣданія требуется немедленная репрессія [4]).

Вопросъ о гонорарѣ находится почти въ такомъ-же положеніи, какъ и во Франціи. Адвокатъ не имѣетъ права ни выговаривать себѣ гонорара, ни требовать его судомъ [5]). Но и кліентъ, уплативъ гонораръ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ требовать его назадъ [6]). Въ отношеніяхъ къ кліентамъ требуется еще большая деликатность, чѣмъ

---

[1]) The Supr. Court of judic. act, art. 8. Для мировыхъ судей это необязательно.

[2]) До 1879 г. въ Англіи господствовала система частнаго обвиненія.

[3]) *Gneist:* Das englische Verwaltungsrecht der Gegenwart, 1884, II B., § 149.

[4]) Inns of Court and their monopolies. (Law Mag. 1874, № 2, 474).

[5]) *Blackstone:* Commentaire sur les Lois anglaises (trad. par Chompré), 1822, IV, 45.

[6]) *Forsyth*, 372.

во Франціи. Въ то время какъ тамъ тяжущійся можетъ лично обращаться къ помощи адвоката, въ Англіи принято, чтобы кліентъ сносился съ адвокатомъ черезъ посредство повѣреннаго [1]). Обыкновенно это происходитъ такимъ образомъ. Тяжущійся передаетъ веденіе дѣла повѣренному, который дѣлаетъ всѣ предварительныя приготовленія и передаетъ адвокату уже готовый матеріалъ для устной защиты на судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повѣренный обозначаетъ на оборотѣ присылаемаго акта (brief) количество вознагражденія, которое будетъ уплочено адвокату. Обыкновенно гонораръ уплачивается впередъ [2]). Отвѣтственность адвокатовъ въ Англіи опредѣляется почти такъ-же, какъ и во Франціи. По общему правилу, адвокатъ не отвѣчаетъ ни за свои совѣты, ни за незнаніе (ignorence), ни даже за небрежность (negligence [3]). Это постановленіе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что кліентъ не можетъ требовать вознагражденія за вредъ и убытки, происшедшіе отъ потери процесса по винѣ адвоката. Но онъ не лишенъ права жаловаться суду, который можетъ приговорить виновнаго къ дисциплинарному наказанію и даже возложить на него судебныя издержки [4]). Если адвокатъ измѣнилъ кліенту или просто не явился въ судъ, не предупредивъ его, то онъ долженъ возмѣстить всѣ убытки [5]). На судѣ адвокатъ пользуется полной свободой рѣчи и не можетъ быть привлекаемъ къ уголовной отвѣтственности за обиду или клевету, заключающуюся въ его словахъ [6]).

Профессіональная нравственность англійской адвокатуры весьма высока. Принадлежа къ зажиточному классу населенія и не нуждаясь въ насущномъ заработкѣ, барристеръ можетъ терпѣливо ожидать кліентуры и быть строгимъ въ выборѣ дѣлъ. Съ другой стороны, сословіе адвокатовъ и судей, къ которому онъ принадлежитъ и которое пользуется большимъ уваженіемъ въ странѣ, не стало-бы терпѣть въ своей средѣ недостойнаго члена. Если, поэтому, нѣкоторые барристеры бываютъ обличаемы въ поступкахъ, противныхъ достоинству ихъ званія, то это представляется въ видѣ рѣдкихъ исключеній, возможныхъ всюду и вездѣ. Таковы напр. скандальные процессы Сеймура, задолжавшаго одному повѣренному и потому принимавшаго къ защитѣ всѣ дѣла безъ всякаго разбора, и другаго адво-

---

[1]) Прежде это допускалось. Law Mag. 1869, № LII, 291.
[2]) *Gundermann*, 43.
[3]) Law Mag. 1869, LII, 290; *Smith:* A manual of Common Law, 1887, 519.
[4]) *Blackstone*, IV, 280, note.
[5]) Ib, 280.
[6]) *Forsyth*, 348.

ката, который тоже попалъ въ такую зависимость отъ повѣреннаго и учинилъ надъ нимъ кулачную расправу [1]). Сюда-же нужно отнести проникшее въ печать сообщеніе о томъ, что нѣкоторые выдающіеся адвокаты получаютъ отъ повѣренныхъ гонораръ, а затѣмъ отсылаютъ дѣло къ одному изъ молодыхъ и неимѣющихъ практики барристеровъ, который, конечно, съ удовольствіемъ ведетъ процессъ безъ всякаго вознагражденія. Оправдывая такой образъ дѣйствій (devilling), адвокаты замѣчаютъ, что при пріемѣ дѣла, они не могутъ знать, когда оно будетъ разбираться, и не будутъ-ли они заняты въ этотъ день въ другомъ судѣ, а потому имъ нерѣдко приходится передавать защиту своимъ товарищамъ. Но въ такомъ случаѣ, конечно, имъ не слѣдовало-бы удерживать полученный впередъ гонораръ [2]).

Подобныя уклоненія отъ профессіональной нравственности обусловливаются, между прочимъ, тѣмъ, что англійская адвокатура до сихъ поръ не выработала вполнѣ правилъ своей профессіональной этики. За исключеніемъ древняго постановленія Эдуарда I (1275), запретившаго адвокатамъ прибѣгать къ какимъ-либо обманамъ по отношенію къ судьямъ или кліентамъ подъ страхомъ лишенія права практиковать и тюремнаго заключенія на одинъ годъ и одинъ день [3]), въ англійскомъ законодательствѣ нѣтъ ничего относящагося къ этому вопросу. Точно также не существуетъ въ Англіи сочиненія, подобнаго трудамъ Молло, Ліувилля и Крессона, которыя представляютъ собой нѣчто въ родѣ кодексовъ морали французскихъ адвокатовъ. Англійскіе адвокаты до сихъ поръ не пришли къ соглашенію даже относительно такого капитальнаго вопроса, какъ веденіе завѣдомо неправыхъ дѣлъ [4]). Тѣмъ не менѣе общія условія профессіональной дѣятельности и стойкость традицій спасаютъ англійскую адвокатуру отъ нравственнаго паденія.

---

[1]) *Стояновъ*, 605.

[2]) Modern practices of the Bar (Law Mag. 1874, № 4, 1132).

[3]) „If any sergeant, countor, or others, do any manner of deceit or collusion in the king's court, or consent unto it... he shall be imprisoned for a year and a day". *Forsyth*, 311.

[4]) *Forsyth*, 387.

§ 3.

Институтъ повѣренныхъ.

Судебное представительство находится въ Англіи въ рукахъ особаго класса повѣренныхъ (attorneys or solicitors). Въ противоположность адвокатурѣ, институтъ повѣренныхъ съ давнихъ поръ сталъ предметомъ законодательной регламентаціи, и его современное устройство точно опредѣлено особымъ уставомъ [1]). Въ древнѣйшія времена въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, господствовалъ принципъ личной явки на судъ. Представительство допускалось только въ видѣ изъятія и, притомъ, каждый разъ съ особаго разрѣшенія короля [2]). Впервые оно было признано оффиціально статутомъ 1285 г., который дозволилъ повѣреннымъ искать и отвѣчать на судѣ вмѣсто тяжущихся [3]). Въ теченіе первыхъ вѣковъ своего существованія повѣренные не отдѣлялись отъ адвокатовъ такъ рѣзко, какъ въ настоящее время. Они получали воспитаніе въ «канцелярскихъ коллегіяхъ» (Inns of Chancery), которыя только съ XV в. потеряли связь съ судебными коллегіями адвокатовъ. Правительство постоянно заботилось о томъ, чтобы обязанности адвокатовъ и повѣренныхъ не были совмѣщаемы [4]). Въ одномъ законѣ Якова I прямо говорится слѣдующее: «всегда слѣдуетъ соблюдать различіе между адвокатами (counsellors at law), которые являются вмѣстѣ съ серджентами и судьями главными дѣятелями при отправленіи правосудія, и повѣренными, представляющими собой чиновниковъ (ministerial persons) низшаго разряда. Предоставивъ воспитаніе адвокатовъ всецѣло судебнымъ коллегіямъ, законодательство держалось относительно повѣренныхъ противоположной политики. Уже въ 1402 г. было предписано, чтобы судьи экзаменовали лицъ, желающихъ сдѣлаться повѣренными, чтобы имена ихъ вносились въ особый списокъ (roll), и чтобы только «хорошіе, добродѣтельные и обладающіе незапятнанной репутаціей» приносили присягу и допускались затѣмъ къ практикѣ [5]). Въ такомъ положеніи

[1]) The Solicitors Act. 1877.

[2]) *Blackstone*, IV, 39.

[3]) Law Mag. 1869, LII, 288. *Gneist:* Das englische Verwaltungsrecht, 1884, II, 986.

[4]) См. прим. 2 на стр. 205.

[5]) Henr. IV, 1402: All the attorneys shall be examined by the justices, and by their discretion their names put in the roll, and they that be good and virtuous and of good fame shall be received and sworn well and truly to serve in their office. Law Mag., 1869, № LII

вопросъ о принятіи въ число повѣренныхъ находился до начала нынѣшняго вѣка. Не останавливаясь на многочисленныхъ законахъ, которые относятся къ институту повѣренныхъ и которыхъ насчитывается около 90, мы перейдемъ къ реформамъ послѣдняго времени. Въ 1827 г. тысяча четыреста повѣренныхъ соединились въ «юридическое общество» (Law Society) съ цѣлью споспѣшествовать научному образованію своего сословія и поддержанію въ немъ дисциплины. Общество основало свою библіотеку, пригласило нѣсколькихъ адвокатовъ для чтенія лекцій и получило отъ правительства право дисциплинарнаго надзора надъ своими членами [1]). Съ 1837 года общество начало подвергать кандидатовъ въ повѣренные предварительному экзамену. Законъ 1843 г. оффиціально предписалъ производство этихъ экзаменовъ и постановилъ, что прежде чѣмъ быть допущенными къ экзаменамъ, кандидаты должны въ теченіи пяти лѣтъ заниматься въ качествѣ клерковъ у практикующихъ повѣренныхъ. Съ теченіемъ времени, кромѣ этого центральнаго общества и по примѣру его, образовалось еще нѣсколько провинціальныхъ. Дальнѣйшая реформа была произведена законами 1873, 1875 и 1877 годовъ, которые установили три экзамена: одинъ предварительный изъ общеобразовательныхъ предметовъ и два спеціально-юридическіе. Производство ихъ поручено «юридическому обществу» повѣренныхъ [2]). Для допущенія къ исправленію обязанностей повѣреннаго необходимо представить свидѣтельство отъ этого общества о выдержаніи трехъ указанныхъ экзаменовъ [3]). Программа испытаній, порядокъ и время ихъ, выборъ экзаменаторовъ, назначеніе имъ жалованья и вообще все, что касается экзаменовъ, зависитъ отъ усмотрѣнія «общества» [4]). Вступительный экзаменъ не требуется отъ лицъ, имѣющихъ какія-либо ученыя степени (баккалавра, барристера и т. п.) [5]). Отъ двухъ другихъ экзаменовъ кандидаты могутъ быть освобождены обществомъ, смотря по спеціальнымъ обстоятельствамъ, такъ, напр., лица, окончившія университетъ, должны только отбыть четыре года стажа [6]). Невыдержавшія экзаменъ могутъ аппеллировать къ одному изъ высшихъ судей (такъ наз. master of the rolls), который имѣетъ право потребовать отъ «общества» выдачи невыдержавшему свидѣтельства

---

[1]) *Gneist:* Engl. Verw. recht, II, 988.
[2]) The Solicitors Act. 1877, art. 4.
[3]) Ib., art. 5.
[4]) Ib., art. 6.
[5]) Ib., art. 10.
[6]) Ib., art. 11.

безъ вторичнаго экзамена [1]). Такимъ образомъ, въ настоящее время принятіе въ сословіе повѣренныхъ обставлено довольно строгими условіями, даже болѣе строгими, чѣмъ допущеніе къ адвокатурѣ.

Что касается сословныхъ учрежденій, то за исключеніемъ «юридическихъ обществъ», обладающихъ дисциплинарными правомочіями, никакихъ другихъ не существуетъ.

Профессіональная дѣятельность англійскихъ повѣренныхъ значительно шире, чѣмъ французскихъ. Они не только являются судебными представителями тяжущихся, но и исполняютъ обязанности нотаріусовъ, маклеровъ, коммиссіонеровъ и всякаго рода агентовъ: они составляютъ разные контракты, духовныя завѣщанія, закладныя и т. п. бумаги [2]). Помимо того, они имѣютъ право выступать въ качествѣ адвокатовъ, т. е. вести устную защиту въ низшихъ судахъ (мировыхъ, полицейскихъ и т. п.), гдѣ барристеры обыкновенно не ведутъ дѣлъ [3]). Являясь, подобно французскимъ повѣреннымъ, представителями сторонъ и хозяевами дѣла, они отвѣчаютъ передъ довѣрителями за незнаніе и небрежность, послужившія причиной потери процесса. Точно также въ противоположность адвокатамъ, они имѣютъ право иска о гонорарѣ [4]). Количество гонорара опредѣлялось съ давнихъ поръ по добровольному соглашенію, причемъ счеты подвергались провѣркѣ особаго судебнаго чиновника (taxingmaster), который долженъ былъ наблюдать, чтобы повѣренные не требовали чрезмѣрныхъ гонораровъ [5]). Но законъ 1881 года предоставилъ право комитету, состоящему изъ канцлера, нѣкоторыхъ судей, предсѣдателя «юридическаго общества» повѣренныхъ и предсѣдателя одного изъ такихъ-же провинціальныхъ обществъ, издавать отъ времени до времени таксы для повѣренныхъ [6]). При опредѣленіи таксы должны быть принимаемы во вниманіе: 1) родъ акта, составленіе котораго поручается повѣренному; 2) мѣсто его составленія и особыя обстоятельства, 3) цѣна акта, 4) качество труда и степень отвѣтственности повѣреннаго, и 5) число актовъ и важность ихъ [7]).

Институтъ повѣренныхъ играетъ весьма важную роль въ англійской общественной жизни. При крайне запутанномъ судопроизводствѣ, при хаотическомъ состояніи матеріальнаго и процессуальнаго права, обыкновенному гражданину нѣтъ никакой возможности вести

---

[1]) Ib, art. 9.
[2]) *Gundermann.* 40.
[3]) *Gneist:* Engl Verw.-recht., II. 986.
[4]) Law Mag. 1869, LII, 290. *Smith:* Manual, 518.
[5]) *Gundermann*, 41.
[6]) The Solicitors Remuneration Act., 1881, art. 2
[7]) Ib., art. 4.

своихъ юридическихъ дѣлъ безъ помощи спеціалиста. Вслѣдствіе этого, каждая болѣе или менѣе состоятельная семья, каждое торговое или промышленное заведеніе имѣютъ постояннаго повѣреннаго, который служитъ для нихъ чѣмъ-то вродѣ свѣтскаго духовника или домашняго врача. Всѣ юридическія сдѣлки совершаются при его участіи, всѣ затрудненія разрѣшаются имъ, всѣ процессы поручаются ему, и онъ уже отъ себя приглашаетъ для консультаціи или защиты дѣла на судѣ адвоката. Но несмотря на то, что институтъ повѣренныхъ является насущно необходимымъ при современномъ юридическомъ строѣ Англіи, онъ до послѣдняго времени не пользовался общественнымъ уваженіемъ и принадлежалъ къ числу самыхъ нелюбимыхъ народомъ учрежденій. Богатый классъ населенія могъ нести громадныя издержки по содержанію постоянныхъ повѣренныхъ и безропотно покоряться этому налогу на свое юридическое невѣжество. Но на менѣе зажиточныхъ гражданъ, живущихъ личнымъ трудомъ, этотъ налогъ падалъ тяжелымъ бременемъ. Въ особенности много терпѣли провинціальные обыватели. Такъ какъ отправленіе правосудія было до послѣдняго времени сосредоточено въ столицѣ, то житель другаго города, имѣя важныя дѣла, долженъ былъ нанять мѣстнаго повѣреннаго, который сносился съ лондонскимъ, приглашавшимъ адвоката или даже нѣсколькихъ сразу. Всѣмъ этимъ лицамъ нужно было платить и платить немало. Къ тому же неограниченное комплектомъ число повѣренныхъ и явившаяся вслѣдствіе этого громадная конкурренція привели къ тому, что въ средѣ ихъ развилось кляузничество въ громадныхъ размѣрахъ. Умышленное возбужденіе процессовъ, вымогательство гонорара, затягиваніе дѣлъ стали обычными явленіями. Если принять еще во вниманіе низкій образовательный цензъ повѣренныхъ и отсутствіе правильно организованнаго дисциплинарнаго надзора, то нравственная распущенность ихъ станетъ вполнѣ понятной [1]). Въ настоящее время положеніе вещей значительно улучшилось, благодаря новѣйшимъ реформамъ, о которыхъ мы только что говорили.

Сознавая неудовлетворительность своей организаціи и неблагопріятное отношеніе со стороны общественнаго мнѣнія, повѣренные начали со второй половины текущаго столѣтія агитацію въ пользу сліянія ихъ сословія съ сословіемъ адвокатовъ. Интересный докладъ былъ представленъ по этому вопросу Джевонсомъ Лидскому «юридическому обществу» (Leeds Law society) въ 1868 году. Онъ выставилъ на видъ прежде всего то обстоятельство, что повѣренные получаютъ лучшую подготовку, чѣмъ адво-

[1]) Мастерскую иллюстрацію этого можно найти въ романахъ Диккенса («Пиковикъ», «Холодный домъ»).

каты, а между тѣмъ весь высшій судебный персоналъ назначается изъ числа адвокатовъ. Затѣмъ онъ указалъ на затруднительность перехода изъ одной профессіи въ другую. Повѣренный, желая сдѣлаться адвокатомъ, долженъ съизнова начинать стажъ въ судебныхъ коллегіяхъ, а барристеръ тоже можетъ стать повѣреннымъ не иначе, какъ выполнивъ всѣ требуемыя для этого закономъ условія. Такой порядокъ вещей вреденъ для общества, такъ какъ способные къ адвокатурѣ повѣренные не могутъ заниматься этой профессіей, а неспособные адвокаты остаются безъ всякихъ занятій, между тѣмъ какъ они могли бы успѣшно исполнять обязанности повѣренныхъ. Обсудивъ докладъ Джевонса, Лидское юридическое общество пришло къ заключенію, что современное состояніе ихъ профессіи, и недопущеніе ихъ къ почетнымъ должностямъ ненормально и вредно для интересовъ публики, въ особенности, если принять во вниманіе, что повѣренные получаютъ лучшее образованіе чѣмъ адвокаты», и что, согласно предложенію Джевонса, необходимо основать одинъ университетъ, который давалъ бы степени баккалавра (bachelor of law), барристера и серджента. Лицамъ, получившимъ первую степень, должно быть предоставлено право заниматься практикой въ качествѣ повѣренныхъ, а лицамъ имѣющимъ степень барристера или серджента, исполнять обязанности какъ повѣренныхъ, такъ и барристеровъ [1]).

Помимо недостатковъ современнаго положенія юридической профессіи, указанныхъ Джевонсомъ, другія лица обращали еще вниманіе на то, что, благодаря отдѣленію праводоступничества отъ представительства, тяжущіеся должны нести огромныя судебныя издержки, которыя были-бы гораздо меньше, если-бы сами повѣренные исполняли обязанности адвокатовъ. Кромѣ того, благодаря вмѣшательству повѣренныхъ, адвокаты не входятъ въ непосредственныя сношенія съ кліентами, а потому не могутъ вполнѣ основательно знакомиться съ обстоятельствами дѣла. Далѣе, кліенты зачастую лишены всякихъ средствъ защиты противъ злоупотребленій со стороны своихъ патроновъ. По общему правилу, отвѣтственность за веденіе дѣла лежитъ на повѣренномъ, но онъ можетъ избавить себя отъ нея, если предварительно спроситъ совѣта у барристера, который, въ свою очередь, не отвѣчаетъ ни за незнаніе, ни за небрежность [2]).

Сторонники сліянія адвокатуры съ институтомъ повѣренныхъ ждали отъ этой мѣры благодѣтельныхъ результатовъ еще и въ другихъ от-

[1]) Law Magaz. 1869, LII, 296.
[2]) Law Mag., 1888, № I, 191: Reform in the legal profession.

ношеніяхъ. Они надѣялись, что она облагородитъ профессію повѣренныхъ, будетъ содѣйствовать большему научному образованію ихъ, уничтожитъ кляузничество и т. п. [1]). Но агитація повѣренныхъ не нашла себѣ поддержки въ средѣ адвокатовъ [2]), И это вполнѣ понятно. Сліяніе правозаступничества съ представительствомъ было-бы въ интересахъ повѣренныхъ, которые къ обширной сферѣ своей дѣятельности прибавили-бы еще одно занятіе. Но адвокаты отлично поняли, что отъ такого сліянія ихъ профессія утратила-бы свой благородный и возвышенный характеръ. Куда дѣвались-бы безкорыстіе, независимость и деликатность, если-бы адвокаты должны были исполнять обязанности повѣренныхъ, нотаріусовъ, маклеровъ и разнаго рода агентовъ, — обязанности, требующія извѣстной ловкости и юркости? «Одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ правилъ нашей профессіи», говоритъ адвокатъ Форситъ: «заключается въ томъ, что мы не должны никакими способами и ни подъ какимъ предлогомъ искать практики. Можетъ показаться страннымъ, тѣмъ не менѣе это правило основано на томъ же принципѣ, какъ и другое, запрещающее требовать гонораръ, какъ долгъ, и признающее его только почетнымъ даромъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ составляетъ средство къ жизни... Быть можетъ, это правило не соблюдается на практикѣ такъ строго, какъ бы слѣдовало, но очевидно, что, если обязанности повѣреннаго и адвоката будутъ совмѣщены, то оно совсѣмъ перестанетъ существовать» [3]). Лордъ Сельборнъ, предлагая свои преобразованія въ адвокатурѣ, тоже понималъ, что они не должны касаться сліянія повѣренныхъ и адвокатовъ въ одно сословіе. «Адвокатура», сказалъ онъ на одномъ митингѣ въ 1875 году: «представляетъ собой такой элементъ нашей соціальной системы, который имѣлъ и имѣетъ громадное значеніе. Благодаря этому различію (между адвокатами и повѣренными), мы воспитываемъ на адвокатской практикѣ и на занятіяхъ научныхъ юриспруденціей сословіе людей, изъ которыхъ одни могутъ служить государству въ качествѣ судей, другіе въ качествѣ писателей-юристовъ, и которые во всѣ времена принимали большое участіе въ поддержаніи принциповъ свободы, независимости и достоинства закона [4]).

Агитація повѣренныхъ остается до настоящаго времени совершенно безуспѣшной.

---

[1]) Ib, 197—199.
[2]) *Gundermann*, 16.
[3]) *Forsyth*, 359.
[4]) Law Mag. 1875. № 3, 675.

§ 4.

Общій характеръ англійской адвокатуры и принципы ея организаціи.

Если мы окинемъ однимъ взглядомъ всю исторію англійской адвокатуры въ связи съ развитіемъ политической и общественой жизни Англіи, то увидимъ, что во многихъ отношеніяхъ она представляетъ полную аналогію съ исторіей французской адвокатуры. Прежде всего, англичане, подобно французамъ, одарены способностью къ адвокатурѣ. Разница между ними заключается только въ томъ, что эта способность направлена у англичанъ въ другую сторону. Въ то время какъ французы—блестящіе ораторы, старающіеся подѣйствовать не только на умъ слушателей, но и на ихъ чувства, англичане—дѣловые юристы, сухіе діалектики, обращающіе исключительное вниманіе на анализъ доказательствъ и пренебрегающіе краснорѣчіемъ. Это природное различіе между двумя народами выразилось, между прочимъ, въ самой формѣ судебныхъ преній.

Во Франціи принятъ такой-же порядокъ, какъ и у насъ. Послѣ доклада дѣла начинается судебное слѣдствіе, т. е. представленіе доказательствъ, а затѣмъ уже идутъ пренія сторонъ. Адвокаты резюмируютъ данныя, добытыя слѣдствіемъ, и даютъ имъ нужное въ интересахъ защиты освѣщеніе.

Въ Англіи издавна господствуетъ совершенно противоположная система. Вслѣдъ за докладомъ дѣла слово предоставляется адвокату истца или обвинителя, который въ предварительной рѣчи излагаетъ свое требованіе, обстоятельства дѣла и тѣ доказательства, которыя можетъ привести въ подтвержденіе его. Затѣмъ, онъ вызываетъ своихъ свидѣтелей и самъ допрашиваетъ ихъ, обращая вниманіе суда на тѣ или другія ихъ показанія. Когда онъ окончитъ представленіе доказательствъ, слово дается адвокату отвѣтчика или обвиняемаго, который такимъ-же образомъ произноситъ вступительную рѣчь и представляетъ свои доказательства. Послѣ того предсѣдатель дѣлаетъ подробное резюмэ всего производства, чѣмъ и заканчивается судебное слѣдствіе. При такихъ обстоятельствахъ очевидно, что англійская система судопроизводства даетъ гораздо меньше простора адвокатскому краснорѣчію. Французскій адвокатъ, произнося рѣчь по заключеніи судебнаго слѣдствія, пользуется по своему усмотрѣнію добытыми результатами, группируетъ и освѣщаетъ ихъ, какъ найдетъ нужнымъ. Англійскій адвокатъ, наоборотъ, долженъ строго держаться фактиче-

ской почвы, помня, что каждое утвержденіе, которое не будетъ подтверждено свидѣтельскими показаніями, дастъ поводъ противнику немедленно уличить его въ голословности. Вслѣдствіе этого, судебное краснорѣчіе у англичанъ отличается болѣе дѣловымъ, строго-логическимъ характеромъ, тогда какъ въ рѣчахъ французскихъ адвокатовъ важную роль играетъ художественная форма [1]).

Политическія и соціальныя условія англійской жизни кажутся на первый взглядъ несравненно болѣе благопріятными, чѣмъ тѣ-же условія французской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, великая хартія вольностей Іоанна Безземельнаго, положивъ основы англійской конституціи, учредила вмѣстѣ съ тѣмъ постоянные суды въ Вестминстерѣ и, такимъ образомъ, дала первый толчокъ правильному развитію адвокатуры. Парламентарное устройство, предоставившее обширное поприще для политическаго краснорѣчія, широкое развитіе гражданской свободы и самоуправленія, все это такія обстоятельства, которыхъ не было во Франціи, и которыя не могли не оказывать благотворнаго вліянія на дѣятельность адвокатовъ. Но сила этого вліянія была въ значительной мѣрѣ парализуема тѣмъ постановленіемъ обычнаго права, о которомъ мы говорили раньше, и которое безусловно запрещало участіе адвокатуры въ наиболѣе важныхъ уголовныхъ процессахъ. Въ этомъ отношеніи состояніе судопроизводства въ Англіи было такъ-же печально, какъ и въ дореволюціонной Франціи, несмотря на то, что въ одной странѣ господствовали принципы гласности и состязательности, а въ другой—процессъ переродился въ слѣдственный и тайный.

Переходя къ принципамъ организаціи англійской адвокатуры, мы видимъ, что они одинаковы съ тѣми принципами, на которыхъ въ теченіи многихъ вѣковъ была построена организація французской адвокатуры. Въ Англіи такъ-же, какъ и во Франціи, правозаступничество отдѣлено отъ судебнаго представительства. Мы уже говорили, что такое отдѣленіе облагородило и возвысило сословіе англійскихъ адвокатовъ въ глазахъ общества, и что сами они видятъ въ немъ залогъ независимости и достоинства своей профессіи. Другой принципъ — связь адвокатуры съ магистратурой проведенъ въ Англіи еще строже и послѣдовательнѣе, чѣмъ во Франціи. Если тамъ сословіе адвокатовъ является однимъ изъ источниковъ магистратуры, то здѣсь оно служитъ исключительнымъ путемъ къ ней. Съ XV вѣка установился обычай, возведенный впослѣдствіи

---

[1]) *Миттермайеръ:* Уголов. судопроизв. въ Англіи, Шотландіи и Сѣв. Америкѣ, 1864, 337—341.

въ законъ, что только адвокаты, подвизавшіеся съ честью на поприщѣ своей профессіи въ теченіи опредѣленнаго времени, могутъ быть назначены высшими судьями королевства. Судьи вмѣстѣ съ адвокатами составляли и составляютъ одно сословіе. Этимъ объясняется тѣсная солидарность между тѣми и другими, и отсутствіе столкновеній при исполненіи своихъ обязанностей. Каждый судья— бывшій адвокатъ; каждый выдающійся адвокатъ — будущій судья. Они воспитанники однѣхъ и тѣхъ-же судебныхъ коллегій, члены однѣхъ и тѣхъ же корпорацій, подчиненные одной дисциплинарной власти. Отсюда понятно, почему англійскіе судьи, по установившемуся издавна обычаю, обращаются во время засѣданій къ адвокатамъ не иначе, какъ со словами «мой братъ». Такою-же тѣсной связью соединена адвокатура съ прокуратурой. До послѣдняго времени въ Англіи не существовало прокуратуры въ собственномъ смыслѣ слова, а господствовала система частнаго обвиненія. Обязанности прокурорскаго надзора исполняли сами адвокаты. Но законъ 1879 года ввелъ настоящую прокуратуру, причемъ предписалъ избирать ея членовъ исключительно изъ адвокатовъ.

Точно также приняты англійской адвокатурой три остальные принципа организаціи, существующіе во Франціи, именно свобода профессіи, относительная безвозмездность ея и сословная организація. Касательно послѣдней слѣдуетъ только замѣтить, что она приняла въ Англіи нѣсколько иную форму, именно сосредоточилась въ судебныхъ коллегіяхъ и избѣжала вліянія законодательной регламентаціи.

Но если во всѣхъ этихъ отношеніяхъ англійская адвокатура мало чѣмъ отличается отъ французской, то въ одномъ она значительно уступаетъ послѣдней. Мы имѣемъ въ виду научное образованіе. Это зависитъ, какъ уже было разъяснено выше, съ одной стороны, отъ системы подготовки къ адвокатурѣ, а съ другой стороны отъ хаотическаго состоянія англійскаго права, дѣлающаго чрезвычайно затруднительнымъ научное занятіе имъ. «Мы—исключительно практики-законовѣды», жалуется одинъ авторъ: «между нами нѣтъ почти ни одного юриста» [1]). Точно также Маркби замѣчаетъ, что барристеры и судьи совершенно лишены научнаго юридическаго образованія и представляютъ собой узкихъ практиковъ-рутинеровъ [2]). Реформы послѣдняго времени несомнѣнно въ значительной мѣрѣ устранятъ это зло, составляющее темную сторону англійской адвокатуры.

---

[1]) Law Mag. 1869, LII, 302.

[2]) *Markby:* Codification and Legal Education, Law Mag. 1878, № 2, 260.

V.

ГЕРМАНІЯ.

Литература.

Ramdohr: Organisation verschiedener Stände und Gewalten in monarchischen Staaten, I: Organisation des Advocatenstandes, 1801.

Gans: Von dem Amte der Fürsprecher vor Gericht, 1827.

Nietzsche: De prolocutoribus, commentatio juris germanici, 1831.

R. Gneist: Freie Advocatur, 1867,

Brix: Organisation der Advocatur, 1868.

Jaques: Die freie Advocatur und ihre legislative Organisation, 1868.

Vargha: Die Vertheidigung, Cap. V.

Prischl: Advocatur und Anwaltschaft, 1888.

Weinrich: Zur Reform der Deutschen Rechtsanwaltschaft, 1891.

Weissler: Die Umbildung der Anwaltschaft unter Friedrich dem Grossen, 1891.

§ 1.

Средніе вѣка.

Римская адвокатура нашла въ Германіи менѣе благопріятную почву, чѣмъ въ Галліи [1]). Дикіе, суровые и воинственные германцы не обладали склонностью къ краснорѣчію и, по свидѣтельству Таци-

[1]) *Maurer* (Geschichte des altgermanischen und namentlich altbairischen Gerichtsverfahrens, 1824, 26, 27) отрицаетъ римское происхожденіе германской адвокатуры на томъ основаніи, что „этотъ институтъ развился раньше, чѣмъ римское право получило доступъ въ суды Германіи". Но самъ же онъ признаетъ, что „германцы въ древнѣйшія времена не знали адвокатуры", и что „вкорѣ послѣ завоеванія ими римскихъ провинцій мы находимъ ее почти у всѣхъ германскихъ народовъ". Изъ этого ясно, что съ идеей адвокатуры германцы познакомились въ римскихъ провинціяхъ.

та, являлись въ народное собраніе для обсужденія дѣлъ не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ [1]).

Историкъ Флоръ разсказываетъ съ какимъ ожесточеніемъ преслѣдовали они римскихъ адвокатовъ, попавшихъ къ нимъ послѣ пораженія Вара. Однимъ они выкалывали глаза, другимъ отрѣзывали руки и т. п. Вырвавши кому-нибудь изъ нихъ языкъ, они говорили «теперь, ехидна, ты не будешь больше шипѣть!» [2]).

Тѣмъ не менѣе адвокатура привилась въ Германіи, и первыя извѣстія о ней относятся къ VI вѣку. Въ лангобардскихъ и вестготскихъ законахъ (VI в.) уже фигурируютъ адвокаты подъ разнообразными названіями [3]). Послѣдующіе законодательные памятники, каковы капитуляціи Карла Великаго, а затѣмъ Саксонское и Швабское Зерцала и другіе партикулярные уставы, тоже касались вопроса о судебной защитѣ. Такъ какъ организація германской адвокатуры оставалась въ теченіи среднихъ вѣковъ почти неизмѣнной, то мы разсмотримъ ее не въ историческомъ, а въ систематическомъ порядкѣ, по рубрикамъ.

Судопроизводство. Древнегерманскій процессъ основывался на принципахъ устности, гласности и состязательности. Въ отправленіи правосудія видную роль игралъ народный элементъ въ качествѣ присяжныхъ.

Правозаступничество и судебное представительство. Съ древнѣйшихъ временъ эти двѣ функціи были въ Германіи раздѣлены: правозаступничество принадлежало адвокатамъ [4]), а представительство—повѣреннымъ [5]). Поэтому, о дѣятельности тѣхъ и другихъ слѣдуетъ говорить отдѣльно.

---

[1]) *Tacit*, Germ., 13: nihil autem neque publicae neque privatae rei nisi armati agunt.

[2]) *Flor.*, L. II, c. 4: Впрочемъ, нѣкоторые (напр. *Gans*, 13) считаютъ разсказъ Флора просто сатирой на римскихъ адвокатовъ.

[3]) Reclamatores, causidici, patrocinantes. *Nietzsche*, а за нимъ и *Vargha* полагаютъ, что салическому закону адвокаты были извѣстны подъ названіемъ «causatores», но, по справедливому замѣчанію Фейербаха, этимъ именемъ назывались сами тяжущіеся (рецензія Фейербаха на сочиненіе Nietzsche помѣщена въ Jahrbücher der gesammten deutsch. jurist. Literatur, XIX B., 1832, S. 17, Anm.).

[4]) Адвокаты назывались: causidici, prolocutores, patroni, advocati, procuratores, actores, patrocinantes, Fürsprecher, Vorsprecher, Redner, Fürleger, Sprecher, Fürbringer etc. *Nietzsche*, 9—11.

[5]) Повѣренные носили слѣд. названія: mandatarii, assertores, nuncii, missi, advocati, Gewalthaber, Bithen, Klagbithen, Clagführer etc. *Maurer*, §§ 3, 60, 100 etc.

Допущеніе къ адвокатурѣ. Подобно тому, какъ въ республиканскомъ Римѣ, законодательство опредѣляло только отрицательныя условія для занятія адвокатурой. Сначала къ этой профессіи не допускались лица, не имѣвшія права вообще вести дѣлъ на судѣ, какими были женщины, рабы и дѣти [1]). Съ теченіемъ времени сюда былъ присоединенъ еще цѣлый рядъ другихъ лицъ, именно: лишенные правъ (незаконнорожденные, клятвопреступники, опальные), несовершеннолѣтніе, духовные, нѣмые, глухіе, еретики, слабоумные и іудеи [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ списокъ были внесены также слѣпые, хромые и дряхлые. Кромѣ того, вначалѣ права защищать на судѣ не имѣли лица, принадлежащія къ другой общинѣ, но впослѣдствіи это право было распространено на всѣхъ гражданъ даннаго государства [3]) и даже на всѣхъ лицъ нѣмецкаго происхожденія [4]). На ряду съ общими отрицательными условіями существовали особыя, спеціальныя, относящіяся къ нѣкоторымъ родамъ дѣлъ. Такъ, не могли выступать въ качествѣ адвокатовъ судьи и судебные чиновники въ тѣхъ судахъ, при которыхъ они состояли, адвокаты, если они въ томъ-же процессѣ были раньше защитниками и совѣтниками противной стороны, лица, которыя прежде являлись предъ даннымъ судомъ въ качествѣ подсудимыхъ [5]), и тѣ, которыя были въ данномъ дѣлѣ свидѣтелями или присяжными [6]).

Въ этихъ постановленіяхъ легко найти отголоски римскаго права.

Положительныя условія, такъ-то образовательный и нравственный цензъ, вовсе не были опредѣлены. Такимъ образомъ, адвокатура въ средневѣковой Германіи представляла собой, подобно адвокатурѣ республиканскаго Рима, абсолютно свободную профессію. Каждое лицо, удовлетворявшее отрицательнымъ условіемъ, могло получить право заниматься ею. По капитуляріямъ Карла Великаго, званіе адвоката давалось судомъ и, притомъ, разъ навсегда [7]). Впослѣдствіи не требовалось даже этой формальности.

Внутренняя организація. Изъ предыдущаго видно, что о

---

[1]) *Maurer*, § 22.
[2]) *Nietzsche*, 33—35; *Maurer*, pass.; *Planck:* a deutsche Gerichtsverfahren im Mittelalter, 1879, 194.
[3]) Sachsenspieg. I, 61, 4.
[4]) Schwabensp. c. 90, § 3.
[5]) Sachsensp. II, 63, 2.
[6]) *Nietzsche*, 35—42; *Vargha*, 154.
[7]) Capit. III (an. 803), c. 3.

внутренней организаціи адвокатуры не могло быть и рѣчи. Каждый адвокатъ былъ совершенно самостоятеленъ и независимъ отъ своихъ товарищей по профессіи; никакія узы не связывали его съ ними. Законъ опредѣлялъ нѣкоторыя стороны ихъ дѣятельности, но во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ Мауреръ; «адвокаты не образовывали особаго сословія» [1]).

Профессіональная дѣятельность. Адвокаты были, какъ уже замѣчено, правозаступниками. Избраніе ихъ происходило слѣдующимъ образомъ. Предъ началомъ дѣла (т. е. при вчинаніи иска или представленіи возраженія) тяжущійся обращался къ суду съ просьбой дозволить ему вести дѣло съ помощью адвоката. Если судъ разрѣшалъ, то тяжущійся называлъ лицо, которое хотѣлъ имѣть правозаступникомъ, и просилъ судъ приказать этому лицу принять на себя защиту. Отказываться отъ защиты можно было только по уважительнымъ причинамъ, которыми считались слѣдующіе случаи: 1) если приглашенный адвокатъ заявилъ подъ присягой, что онъ поклялся не брать на себя защиты даннаго дѣла, или 2) что до сихъ поръ онъ не велъ столь важныхъ дѣлъ и не обладаетъ нужными для этого познаніями, или 3) если судья удостовѣрялъ, что приглашенный адвокатъ вызванъ въ судъ для другой цѣли (напр., въ качествѣ свидѣтеля по другому дѣлу), или 4) если онъ находился съ противной стороной въ родственныхъ, сосѣдскихъ или вассальныхъ отношеніяхъ [2]). Въ случаѣ уклоненія приглашеннаго лица отъ защиты безъ уважительной причины, судъ налагалъ на него штрафъ, хотя, впрочемъ, только тогда, когда это лицо было подсудно ему и присутствовало на засѣданіи. Съ этой цѣлью приглашенный адвокатъ долженъ былъ, если онъ не имѣлъ недвижимаго имущества, представить обезпеченіе на случай присужденія къ штрафу. Обезпеченіе давалось обыкновенно кліентомъ. Адвокатъ, въ свою очередь, могъ требовать, чтобы судъ гарантировалъ ему извѣстную безопасность при исполненіи своихъ обязанностей. Обыкновенно онъ обращался къ суду съ слѣдующими вопросами: 1) можетъ-ли быть то, что будетъ имъ сказано, дополняемо и исправляемо самимъ тяжущимся, 2) не понесетъ-ли онъ самъ какого-нибудь вреда, въ случаѣ осужденія своего кліента, 3) не будетъ-ли онъ привлеченъ къ суду проигравшимъ дѣло противникомъ, и 4) возмѣститъ-ли ему кліентъ убытки, которые могутъ произойти вслѣдствіе исполненія обязанностей защитника. Получивъ

---

[1]) *Maurer*, § 22.
[2]) *Nietzsche*, 42—45; *Vargha*, 155; *Maurer*, § 96.

удовлетворительный отвѣтъ со стороны суда, адвокатъ просилъ позволенія переговорить съ кліентомъ и имѣлъ право повторять такое совѣщаніе трижды во время каждой отдѣльной рѣчи. Право слова на судѣ въ такомъ случаѣ принадлежало одному адвокату, а тяжущійся могъ только отвѣчать на вопросы суда, который при каждомъ болѣе или менѣе важномъ объясненіи адвоката, спрашивалъ тяжущагося, подтверждаетъ-ли онъ или отрицаетъ это объясненіе. Если тяжущійся отрицалъ, то слова адвоката не принимались въ разсчетъ, и самъ онъ долженъ былъ уплатить штрафъ.

Изъ порядка избранія адвокатовъ ясно видно, что судебная защита не считалась профессіей, а представляла собой общегражданскую обязанность каждаго полноправнаго лица. Само собой понятно, что такое патріархальное и въ тоже время несомнѣнно возвышенное воззрѣніе могло существовать только въ малоразвитомъ юридическомъ быту, когда знаніе права было общедоступно и не сдѣлалось еще достояніемъ особаго класса спеціалистовъ. Несмотря на отсутствіе потрбности въ правозаступничествѣ, употребленіе адвокатовъ въ древней Германіи было чрезвычайно распространено по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что германскій процессъ отличался крайнимъ формализмомъ: тяжущіеся не имѣли права исправлять или брать назадъ того, что было сказано ими на судѣ, такъ что нерѣдко невольныя ошибки или оговорки бывали причиной потери процесса. Между тѣмъ рѣчи постороннихъ лицъ, говорившихъ вмѣсто тяжущихся, не подчинялись этому формализму и могли быть исправляемы и дополняемы самими сторонами. Отсюда ясно, что для тяжущихся, большинство которыхъ не привыкло говорить на судѣ,—былъ прямой расчетъ прибѣгнуть къ помощи адвоката [1]).

Проступки адвокатовъ. Если адвокатъ нарушилъ вѣрность кліенту и причинилъ ему ущербъ, то онъ долженъ былъ вознаградить его за всѣ убытки, а иногда даже въ двойномъ количествѣ, и, кромѣ того, подвергался штрафу и лишался навсегда права выступать въ качествѣ адвоката. Нѣсколько меньшему наказанію подлежалъ тотъ, кто какими либо словами нарушалъ уваженіе къ суду [2]).

Веденіе неправыхъ дѣлъ было запрещено, а потому лицо, приглашенное въ защитники, могло отказаться, если считало дѣло таковымъ, но когда судъ не принималъ его отказа, то оно должно было продолжать веденіе дѣла и освобождалось отъ всякой отвѣтственности [3]).

---

[1]) *Nietzsche*, 7, 8
[2]) *Vargha*, § 119.
[3]) Schwabensp. 76, § 3 ff

Гонораръ. Такъ какъ судебная защита признавалась обязанностью каждаго члена общины, то вначалѣ никакого вознагражденія, кромѣ развѣ добровольныхъ подарковъ со стороны кліента, адвокаты не могли получать. Съ теченіемъ времени, когда большинство гражданъ стало уклоняться отъ исполненія обязанностей правозаступничества, и когда образовался классъ профессіональныхъ адвокатовъ, были допущены условія о гонорарѣ и даже судебные иски о немъ. Но ненасытная жадность адвокатовъ, выговаривавшихъ себѣ крупныя вознагражденія, привела къ установленію таксъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ онѣ были различны. За уголовныя дѣла полагалось больше, чѣмъ за гражданскія, въ которыхъ вознагражденіе иногда соразмѣрялось съ цѣной иска; затѣмъ, туземные жители платили меньше, чѣмъ иностранцы и т. п. Адвокатъ, нарушившій таксу, лишался права заниматься профессіей и вмѣстѣ съ переплатившимъ кліентомъ подвергался штрафу, а иногда даже тѣлесному наказанію [1]).

Общественное положеніе. Въ теченіе очень долгаго времени адвокаты не составляли особаго класса. Такъ какъ ими могли быть граждане, удовлетворяющіе только нѣкоторымъ отрицательнымъ условіямъ, и такъ какъ судебная защита признавалась своего рода обязанностью для нихъ, то само собой понятно, что говорить объ общественномъ положеніи адвокатуры при такомъ порядкѣ вещей представляется совершенно невозможнымъ. Только съ той поры, какъ правозаступничество стало профессіональнымъ занятіемъ и появились адвокаты въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. профессіональные судебные защитники, можетъ быть рѣчь объ отношеніи общественнаго мнѣнія къ адвокатурѣ. Нѣкоторые факты указываютъ, что это отношеніе было далеко неблагопріятно. Пока судебная защита не была отдѣльной профессіей, оплачиваемой подобно всѣмъ другимъ профессіямъ, она признавалась почетной обязанностью. Ею не гнушались заниматься въ отдѣльныхъ случаяхъ самые знатные люди, и даже императоръ Карлъ Великій выступилъ однажды на судѣ въ защиту своего воспитателя [2]). Но когда адвокатура обратилась въ профессію, престижъ ея сталъ быстро падать и достигъ невѣроятно низкой степени. Адвокаты заняли въ общественномъ мнѣніи мѣсто наряду съ представителями самыхъ грубыхъ ремеслъ. Какой поразительный контрастъ! Въ то самое время, какъ французскіе адвокаты пользовались во второй половинѣ среднихъ вѣковъ по-

[1]) *Varghu*, § 120.
[2]) *Gans*, 41, 42.

четомъ и представляли собой особую «знать» и «рыцарей закона», альтцельскій аббатъ выдавалъ одному лицу удостовѣреніе, что «вышеименованный не рожденъ нечестнымъ и презрѣннымъ ремесленникомъ, какъ-то: ткачемъ, музыкантомъ, баньщикомъ, мѣдникомъ, рѣзчикомъ свиней, адвокатомъ и тому под.» [1]).

Судебное представительство. Въ древнѣйшее время господствовалъ принципъ личной явки какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессѣ [2]). Только по исключенію дозволялось представительство въ гражданскихъ дѣлахъ для юридическихъ лицъ (церквей, монастырей), а для частныхъ лицъ обыкновенно только съ особаго разрѣшенія короля, какъ и во Франціи. Съ теченіемъ времени представительство стало допускаться еще и въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся, по какимъ либо извинительнымъ причинамъ не могли лично явиться въ судъ. Извинительными причинами (такъ наз. sunnia) считались: болѣзнь, снѣжные заносы, разлитіе рѣки, праздники и т. п. [3]). Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ принципъ личной явки, все еще существовавшій [4]), пересталъ примѣняться съ прежней строгостью, и употребленіе повѣренныхъ стало обычнымъ явленіемъ. Но до XVI вѣка они не образовывали отдѣльнаго сословія и не имѣли никакой организаціи [5]). Каждое лицо, обладавшее процессуальной дѣеспособностью, могло вести чужія дѣла.

§ 2.

Новое время до XIX вѣка.

Съ конца среднихъ вѣковъ германское судопроизводство начинаетъ принимать подъ вліяніемъ римскаго и каноническаго права, а также благодаря все усиливающейся централизаціи, совершенно новый видъ. Принципы устности, гласности и состязательности мало по малу ограничиваются, и процессъ постепенно становится письменнымъ, тайнымъ и слѣдственнымъ. Участіе народнаго элемента въ отправленіи правосудія уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется

---

[1]) *Vargha*, 170, Anm. 2.
[2]) *Maurer*, § 22. Ratchis leg, c. 3; nullus homo praesumat causa alterius ad dicendum supprehendere aut causare.
[3]) *Maurer*, § 49, 76.
[4]) Schwabensp. c 43, §§ 11, 134.
[5]) *Maurer*. §§ 100, 102.

организація адвокатуры. Вслѣдствіе всякаго рода злоупотребленій со стороны адвокатовъ, правительства различныхъ нѣмецкихъ государствъ начали заботиться о болѣе или менѣе правильной организаціи профессіи. При отдѣльныхъ судахъ стали назначаться такъ называемые «общіе» (gemeine) адвокаты. Они избирались въ опредѣленномъ числѣ, приносили присягу, имѣли монопольное право судебной защиты при данномъ судѣ, подлежали дисциплинарному надзору со стороны судовъ и даже иногда получали годовое жалованье. Уголовныя дѣла имъ предписывалось принимать обязательно и вести безвозмездно. Въ гражданскихъ дѣлахъ они могли получать гонораръ по таксѣ. Постороннія лица, неприписанныя къ данному суду, имѣли право выступать въ качествѣ адвокатовъ только подъ условіемъ уплатить опредѣленное вознагражденіе въ пользу штатныхъ адвокатовъ [1]).

Профессіональная дѣятельность адвокатуры была до крайности съужена благодаря господству инквизиціоннаго, тайнаго процесса. Хотя Каролина и послѣдующіе партикулярные кодексы допускали формальную защиту въ уголовномъ процессѣ [2]), но сфера допущенія ея постепенно все болѣе и болѣе органичивалась. Участіе адвоката было дозволяемо только въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ, а австрійскіе законы 1788 и 1803 гг., совсѣмъ запретили адвокатуру въ судахъ первой инстанціи [3]). Параллельно съ организаціей адвокатуры шла организація института повѣренныхъ. Принципы той и другой были одинаковы. Наряду съ адвокатами стали назначаться при судахъ повѣренные въ опредѣленномъ комплектѣ. Функціи обоихъ классовъ лицъ вначалѣ строго разграничивались [4]). Но съ XVIII вѣка адвокаты и повѣренные начали сливаться вмѣстѣ, такъ что къ концу вѣка почти во всѣхъ германскихъ государствахъ правозаступничество было уже совмѣщено съ судебнымъ представительствомъ въ лицѣ одного класса лицъ [5]). Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлала Пруссія, гдѣ институтъ повѣренныхъ былъ уничтоженъ въ 1725 г. За Пруссіей послѣдовали и остальныя нѣмецкія государства.

---

[1]) *Nietzsche*, 87; *Vargha*, § 121; *Maurer*, § 97. *Spangenberg:* Die neue Reform des Advocatenstandes (Archiv für civilist. Praxis, B. XV, 1832, S. 222).

[2]) Const. Crim. Carol., art. 88: Item klegern und antwurtern, soll jedem theyl auff seyn begern ein fürsprech auss dem Gericht erlaubt werden.

[3]) *Vargha*, 194.

[4]) Напр. майнцскій уставъ (Hofgerichtsordnund) 1521, 1582 и 1659 гг. постановлялъ: „die Advocaten sollen auch in den Sachen nit Procuratores oder Procuratores Advocaten, sondern dieselben zwei unterschiedliche Ampt sein“ *Maurer*, § 102; *Prischl*, 19.

[5]) *Prischl*, 24.

Изъ изложеннаго видно, что исторія германской адвокатуры представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогію съ исторіей римской. За абсолютной свободой профессіи здѣсь, какъ и въ Римѣ, послѣдовала регламентація адвокатуры съ подчиненіемъ ея судамъ, ограниченіемъ комплектомъ, локализаціей, совмѣщеніемъ правозаступничества съ представительствомъ, даже подробнымъ таксированіемъ гонорара, чего, впрочемъ, еще не было въ юстиніановомъ правѣ. Мы не станемъ слѣдить за постепеннымъ ходомъ регламентаціи въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи, такъ какъ, во первыхъ, всюду онъ былъ приблизительно одинаковъ, а, во вторыхъ, для нашей цѣли важно не организированіе, а организація, т. е. другими словами, не самъ процессъ, а результатъ этого процесса и связанныя съ нимъ послѣдствія. Поэтому принимая во вниманіе, что принципы организаціи германской адвокатуры, выработанные въ XVII и XVIII вѣкахъ оставались неизмѣнными вплоть до реформы 1878 года, мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ обратиться къ періоду, непосредственно предшествующему реформѣ, когда старая организація достигла кульминаціонной точки своего развитія.

Но прежде необходимо замѣтить, что внутреннее состояніе адвокатуры въ новое время было немногимъ лучше, чѣмъ въ средніе вѣка. Профессія не пользовалась общественнымъ уваженіемъ и не создала ничего выдающагося въ области судебнаго краснорѣчія. «Въ настоящее время», писалъ въ началѣ XVIII вѣка Лейзеръ: «не издается ни одного почти сочиненія, въ которомъ адвокаты, если о нихъ упоминается, не подвергались бы поношенію. За ними не признаютъ никакого достоинства. На пирахъ ихъ отгоняютъ къ самымъ заднимъ скамьямъ; на торжествахъ ставятъ позади писцовъ, мѣнялъ, откупщиковъ. Наконецъ, магистраты, очень снисходительные къ преступленіямъ другихъ, строго наказываютъ самыя легкіе проступки адвокатовъ... Отсюда происходитъ то, что за исключеніемъ немногихъ честныхъ и знающихъ лицъ, адвокатуры домогаются только низкіе и неспособные людишки» [1]). Хорошей иллюстраціей къ отзыву Лейзера можетъ служить одинъ приказъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма I, который въ 1739 г. предписалъ, что «если какой-нибудь адвокатъ или повѣренный осмѣлится передавать его величеству непосредственно черезъ солдатъ просьбы, касающіяся процессовъ или

[1]) *Leyser:* Meditat. ad Pandect., 1732 (цит. у Prischl'a, 150). *Holtermann* въ 1679 г. называлъ адвокатовъ такъ: „non juristae, sed jurgistae, non jurisconsulti, sed jure corrupti, non juris periti, sed jure perditi; non doctores, sed legum dolores.“. *Weissler*, 4.

помилованій, то его величество прикажетъ такого адвоката или повѣреннаго безъ всякой милости и снисхожденія *вздернуть на висѣлицу и рядомъ съ нимъ повѣсить пса*» [1]).

Кажется, дальше этого уже некуда было идти, и неудивительно, что Фридрихъ Великій пытался, какъ мы вскорѣ увидимъ, совершенно уничтожить адвокатовъ, считая ихъ «пьявками и пагубными пресмыкающимися» [2]).

Къ концу XVIII и началу XIX вѣка положеніе адвокатуры, нѣсколько улучшившись, продолжало оставаться неудовлетворительнымъ. Правительство, общество и сами адвокаты были недовольны имъ. «Правительство», писалъ въ 1832 году Сименсъ: «жалуется на недостатокъ честолюбія и честности у адвокатовъ; оно сомнѣвается въ ихъ умѣлости, оно порицаетъ ихъ задорный языкъ; оно жалѣетъ, поэтому, бѣднаго гражданина, который попадаетъ въ руки этихъ испорченныхъ людей, и старается противодѣйствовать ихъ значенію и вліянію, не допуская ихъ къ нѣкоторымъ занятіямъ и ко всѣмъ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ. Оно замѣчаетъ, наконецъ, увеличеніе числа адвокатовъ съ каждымъ днемъ и, быть можетъ, уже старается поставить этому болѣе тѣсные предѣлы. Гражданинъ жалуется на упадокъ сословія адвокатовъ, такъ какъ онъ столько разъ былъ обманываемъ и надуваемъ ими, такъ какъ процессы ведутся долго и съ большими издержками, и такъ какъ адвокатъ обнаруживаетъ не надежную заботливость относительно переданнаго ему дѣла, а только интересъ къ связанному съ дѣломъ вознагражденію. Далѣе онъ пеняетъ на такъ часто встрѣчаемое юридическое невѣжество адвокатовъ и видитъ въ увеличивающемся количествѣ ихъ только умноженіе своихъ бѣдъ и расходовъ. Наконецъ, само сословіе адвокатовъ жалуется на угнетеніе и пренебреженіе со стороны государства и на уменьшеніе вслѣдствіе этого довѣрія гражданъ, на скудное вознагражденіе своихъ трудовъ, на ограниченіе свободы рѣчи, на недостатокъ занятій и на увеличивающееся, несмотря на то, число коллегъ, на недостатокъ духа общественности въ ихъ средѣ и на ихъ зачастую полное невѣжество» [3]).

Подобныя жалобы, какъ мы увидимъ сейчасъ, продолжали раздаваться до самой реформы 1878 года.

---

[1]) «...einen solchen Advocaten oder Procurator aufhängen und neben ihm einen Hund hängen lassen». *Prischl*, 440, 441. *Weissler*, 27.

[2]) *Vargha*. 852.

[3]) *Siemens:* Ueber die Mängel unserer heutigen Rechtspflege, 1832, 51, 52. Печальное положеніе адвокатуры въ это время рисуетъ также *Büchner* (Ein deutscher Advokat, 1844).

§ 3.

Дореформенный періодъ.

Каждое изъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ настоящее время въ составъ германской имперіи, обладало особой организаціей адвокатуры. Но разсматривая постановленія партикулярныхъ законодательствъ по этому предмету [1]), можно убѣдиться, что основные принципы ихъ были повсюду приблизительно одинаковы. Прежде всего, ни въ одномъ изъ государствъ принятіе въ число адвокатовъ не было предоставлено самому сословію. Въ однѣхъ мѣстностяхъ адвокаты назначались верховной властью (королемъ [2]), герцогомъ [3]) и т. п.), въ другихъ министерствомъ юстиціи [4]), а въ остальныхъ аппелляціонными судами [5]). Только въ Брауншвейгѣ допущеніе къ адвокатурѣ зависѣло отъ совѣта сословія, но на неблагопріятное рѣшеніе допускалась аппелляція въ судъ второй инстанціи [6]). Такимъ образомъ, принятіе въ адвокатуру въ сущности было такимъ-же назначеніемъ, какъ и назначеніе на государственную должность. Нѣкоторыя законодательства даже употребляли термины «должность адвокатовъ» (Amt des Advocaten), «назначеніе на должность» и «отставка отъ нея» (Ernennung und Entsetzung).

Точно также условія для принятія въ адвокатуру, при всемъ своемъ кажущемся разнообразіи, сводились къ двумъ главнымъ требованіямъ: высшему юридическому образованію и практической подготовкѣ, удостовѣряемымъ государственными экзаменами. Продолжительность практической подготовки была различна, начиная отъ одного

---

[1]) У *Brix'a* приведены частью цѣликомъ, частью въ извлеченіяхъ законодательныя постановленія объ адвокатурѣ Пруссіи, Саксоніи, Ольденбурга, Брауншвейга, Бадена, Вюртемберга, Мекленбургъ-Шверина и Стрелица. Въ книгѣ *Jaques'a* помѣщены статьи разныхъ авторовъ о положеніи адвокатовъ въ большинствѣ германскихъ государствъ.

[2]) Въ Вюртембергѣ и Баваріи. *Brix*, 222; *Jaques*, 148.

[3]) Въ Нассау. *Jaques*, 195.

[4]) Въ Пруссіи (Allgemein. Gerichtsordn. § 15), Саксоніи (Advocatenordnung, 1859, § 3), Баденѣ (Gesetz vom 22 Sept., 1864), § 4), Мекленбургъ-Шверинѣ (*Brix*, 251), Ганноверѣ (*Jaques*, 122), Ангальтъ-Дессау-Кетенѣ (*Jaques*, 182).

[5]) Въ Ольденбургѣ (Anwaltsordnung, 1858, § 1) и Мекленбургъ-Стрелицѣ (*Jaques*, 173).

[6]) Advocatenordnung, 1850, § 4.

года [1]) и кончая четырьмя [2]). Только въ Мекленбургъ-Шверинѣ и Мекленбургъ-Стрелицѣ не опредѣлялось время стажа, а просто требовалось выдержаніе государственнаго (практическаго) экзамена [3]). Въ большинствѣ мѣстностей было установлено два государственныхъ экзамена: первый, теоретическій,—послѣ окончанія университетскаго курса, а второй, практическій,—послѣ отбытія стажа. Въ Пруссіи [4]) было 3 экзамена, въ Брауншвейгѣ третій экзаменъ былъ нуженъ для адвокатовъ верховнаго суда [5]), а въ Саксоніи [6]) и Мекленбургѣ [7]) установленъ былъ всего на всего одинъ. Далѣе, во всѣхъ государствахъ обязанности адвокатовъ и повѣренныхъ совмѣщались въ одномъ классѣ лицъ, кромѣ Брауншвейга [8]) и Ганновера [9]), гдѣ наряду съ адвокатами дѣйствовали, какъ будетъ указано, адвокаты-повѣренные. Во многихъ государствахъ адвокаты исполняли также функціи нотаріусовъ [10]). Такое-же согласіе между постановленіями почти всѣхъ партикулярныхъ законодательствъ мы замѣчаемъ и по вопросу о гонорарѣ. Только въ Брауншвейгѣ [11]) и Ганноверѣ [12]) количество гонорара опредѣлялось письменнымъ соглашеніемъ. Во всѣхъ прочихъ государствахъ существовали подробныя таксы, въ которыхъ опредѣлялось вознагражденіе за каждое отдѣльное судебное дѣйствіе адвоката [13]). Притомъ контроль за исполненіемъ таксы [14]), а иногда даже опредѣленіе по нимъ количества гонорара было предоставлено суду [15]).

По вопросу о дисциплинарной власти германскія государства раздѣлялись на два разряда. Въ однихъ она принадлежала судамъ, при

---

[1]) Въ Саксоніи (Verordn. v. 16 Nov. 1859, § 3) и Виртембергѣ (Verordn. v. 25 Apr. 1839, § 1).

[2]) Въ Пруссіи (Regulat. 1849) и Ганноверѣ (*Jaques*, 121). Въ остальныхъ государствахъ подготовка продолжалась 2 или 3 года.

[3]) *Jaques*, 162, 173.

[4]) Regulat. 1849. Въ 1869 одинъ экзаменъ былъ уничтоженъ.

[5]) Gesetz v. 5 März 1850, Ш.

[6]) Verordn. v 16 Nov. 1859,

[7]) *Jaques*, 162, 173.

[8]) Advocat. ordn. 1850, § 2.

[9]) А также рейнскихъ провинцій Пруссіи. *Brix*, Einleit, IX.

[10]) *Prischl*, 349.

[11]) Adv. ordn., § 10.

[12]) *Jaques*, 130 При отсутствіи соглашенія примѣнялась такса.

[13]) Въ Ангальтъ-Дессау-Кетенѣ (*Jaques*, 185) и др.

[14]) Въ Саксоніи (*Jaques*, 114), Ангальтѣ (ib., 186), Нассау (ib., 197), Бременѣ (ib., 204).

[15]) Въ Баваріи (*Jaques*, 149), Мекленбургъ-Шверинѣ (ib, 163), и Стрелицѣ (ib., 175).

которыхъ состояли адвокаты [1]), а въ другихъ—органамъ самого сословія, именно совѣтамъ [2]). Но и въ государствахъ второй группы аппелляціонной инстанціи для совѣтовъ сословія служили суды. Въ одной только Саксоніи мѣсто судовъ занимало общее собраніе сословія [3]). Совѣты, носившіе названіе камеръ (Advocatenkammer) или комитетовъ (Ausschuss), избирались общими собраніями адвокатовъ въ количествѣ отъ 5 [4]) до 19 человѣкъ [5]) на срокъ отъ двухъ [6]) до 4 лѣтъ [7]). Избраніе предсѣдателя совѣта предоставлялось въ однихъ мѣстахъ самому совѣту, въ другихъ-же всему сословію. Дисциплинарныя наказанія состояли въ штрафахъ, временномъ запрещеніи практики и исключеніи изъ числа адвокатовъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ сюда присоединялись устные и письменные выговоры [8]), лишенія права избирать и быть избираемымъ въ совѣтъ [9]), арестъ [10]) и лишеніе гонорара [11]). Въ большинствѣ государствъ адвокатура считалась свободной профессіей, и комплектъ былъ установленъ только въ Пруссіи [12]), Саксоніи [13]), Баваріи и Ольденбургѣ [14]).

Указавъ на основные принципы организаціи адвокатуры въ дореформенной Германіи, мы перейдемъ къ нѣсколько болѣе подробному изслѣдованію положенія ея въ отдѣльныхъ государствахъ. Свѣдѣнія объ этомъ мы почерпаемъ, главнымъ образомъ, изъ статей различныхъ авторовъ, перепечатанныхъ Жакомъ изъ «Нѣмецкой судебной газеты» (Deutsche Gerichtszeitung) за 1862 г. Редакція названной газеты предложила адвокатамъ и судьямъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ высказать свое мнѣніе о положеніи тузем-

---

[1]) Въ Вюртембергѣ (*Brix*, 227), обоихъ Мекленбургахъ (ib., 253), Баваріи (*Jaques*, 148), Ангальтъ-Дессау (ib., 183), Нассау (ib,, 199), Бременѣ (ib., 203). Ангальтъ-Бернбургѣ (ib., 156).

[2]) Въ Пруссіи (Verordn. 1847, §§ 1, 2), Саксоніи (Advoc. ordn., § 51), Ольденбургѣ (Anw.-ordn., Art. 12, § 1), Брауншвейгѣ (Adv. ordn., § 7), Баденѣ (Gesetz 1864, §§ 27, 34) и Ганноверѣ (*Jaques*, 126).

[3]) Advoc. ordn., §§ 51, 60.

[4]) Въ Баденѣ (Gesetz, 1864, § 21).

[5]) Въ Брауншвейгѣ (Adv. ordn., § 18).

[6]) Въ Баденѣ (Gesetz 1864, § 21) и Пруссіи (Verordn. 1847).

[7]) Въ Саксоніи (Adv. ordn., § 31).

[8]) Въ Саксоніи (Adv. ordn., § 52). Ольденбургѣ (Anw. ordn., Art. 33) Баденѣ (Gesetz 1864, § 36), Ганноверѣ (*Jaques*, 128).

[9]) Въ Саксоніи (ib.) и Брауншвейгѣ (Adv ordn., § 17).

[10]) Въ Баваріи (*Jaques*, 148).

[11]) Въ Ангальтъ-Дессау и Нассау (*Jaques*, 183, 198).

[12]) Allgem. Gerichtsordn, § 5.

[13]) Adv. ord., § 5.

[14]) *Brix*, Einleit, V

ной адвокатуры. Результатомъ этого было появленіе ряда любопытныхъ статей, рисующихъ яркими красками картину дореформенной адвокатуры. Мы начнемъ съ Пруссіи и въ виду особаго интереса, представляемаго нѣкоторыми законодательными опытами прусскаго правительства, предпошлемъ нашему изложенію историческій очеркъ.

Пруссія.

Прусская монархія, возникшая въ началѣ XVIII вѣка, застала у себя ту систему адвокатуры, какая господствовала во всей Германіи XVII вѣка. Правительство, заботясь о правильномъ отправленіи правосудія, относилось съ недовѣріемъ къ дѣятельности адвокатовъ и повѣренныхъ. И это вполнѣ понятно. При господствѣ въ уголовномъ процессѣ тайнаго инквизиціоннаго принципа, адвокатура не могла проявить лучшей и благороднѣйшей стороны своей дѣятельности. Въ то-же время въ гражданскомъ процессѣ вслѣдствіе письменнаго производства былъ предоставленъ широкій просторъ кляузамъ и затягиванію дѣлъ, чему адвокаты и повѣренные немало способствовали многочисленными бумагами, составлявшимися въ угоду клієнтамъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, одной изъ первыхъ мѣръ энергичнаго правительства было ограниченіе числа адвокатовъ опредѣленнымъ комплектомъ при каждомъ судѣ (1713 г.). Вслѣдъ затѣмъ былъ уничтоженъ институтъ повѣренныхъ (1725). Но эти мѣры оказались недостаточными, и Фридрихъ Великій приступилъ къ реформѣ адвокатуры. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ приказѣ: «Противно природѣ вещей, что стороны съ ихъ исками и жалобами не выслушиваются судьями, и что ихъ требованія должны выражать наемные адвокаты. Для этихъ послѣднихъ очень важно чтобы процессы усложнялись, такъ какъ отъ этого зависятъ ихъ заработки и все ихъ состояніе. Если судья получаетъ бумаги только тогда, когда адвокаты по своему желанію исказили, затемнили или неполно изложили факты своими писаніями, то вполнѣ естественно, что судья теряетъ правильную точку зрѣнія, а потому основывается на несоотвѣтствующихъ доказательствахъ и, будучи обязанъ идти по ложной дорогѣ, часто въ концѣ концовъ принужденъ противъ своего убѣжденія произносить явно несправедливое рѣшеніе. Я вовсе не держусь того мнѣнія, что при подобнаго рода судебныхъ производствахъ тяжущимся должно быть отказано въ помощи юриста, напротивъ, я нахожу необходимымъ какъ для обвинителя, такъ и для обвиняемаго, избраніе уже

при изслѣдованіи фактической стороны дѣла адвоката, чтобы онъ напоминалъ судьѣ, который, быть можетъ, по нерадѣнію, недостатку проницательности или даже по пристрастію, неудовлетворительно отнесся-бы къ предстоящему ему изслѣдованію, объ его обязанности, контролировалъ его во всемъ, выводилъ правовыя основанія съ своей стороны и всячески заботился о безопасности своего кліента. Но чтобы этотъ новый родъ адвокатовъ не попалъ на прежній ложный путь, дѣло должно быть организовано такъ, чтобы они не были заинтересованы въ замедленіи и запутываніи процессовъ, а имѣли другіе способы для увеличенія своего благосостоянія. При моей новой организаціи референдаріи будутъ, главнымъ образомъ, употребляться при разслѣдованіи дѣлъ in facto и будутъ назначаться для этого въ помощь судьямъ. Тѣ референдаріи, которые обнаружатъ въ такихъ случаяхъ наибольшую способность и проницательность, будутъ оставлены для дальнѣйшаго повышенія; изъ нихъ будутъ избираться адвокаты или, какъ ихъ лучше было-бы назвать, ассистенцраты, изъ которыхъ впослѣдствіи будутъ назначаться члены судовъ. Ассистенцраты должны, подобно членамъ судовъ, получать опредѣленное жалованье, и для этой цѣли плата за защиту будетъ собираться въ одну общую кассу» [1]). Эти мысли были приведены Фридрихомъ въ исполненіе въ слѣдующемъ году.

Сторонамъ было предписано являться на судъ лично во всѣхъ дѣлахъ безъ исключенія. Прежніе адвокаты были совершенно уничтожены, а вмѣсто нихъ созданы ассистенцраты, которые, будучи членами суда и получая опредѣленное жалованье, весьма немногимъ отличались отъ самихъ судей. «Ихъ обязанности» говорилось въ предисловіи къ закону: «во всемъ, что касается фактической стороны дѣла, въ сущности тождественны съ судейскими. Они являются, слѣдовательно, вовсе не наемниками или повѣренными сторонъ, но помощниками судьи и должны содѣйствовать суду въ его стараніяхъ раскрыть истину, соединяться съ нимъ и обо всемъ, что они откроютъ и узнаютъ, объявлять честно и правдиво безъ всякой предвзятой мысли и не обращая вниманія на то, какой сторонѣ это послужитъ въ пользу или во вредъ... Одно только занятіе, нѣкоторымъ образомъ, обще у нихъ съ прежними адвокатами, именно, что они должны сноситься со сторонами по поводу обстоятельствъ дѣла и необходимыхъ способовъ доказательства, а послѣ достаточнаго развитія фактической стороны дѣла, выводить или защищать основывающіяся на ней права той

[1]) Kabinetsorder v. 14 Apr. 1780. *Gneist*, 4 *Weissler*, 77.

стороны, которая имъ спеціально поручена. Но и это должны они исполнять такъ, чтобы не провиниться въ преступныхъ попыткахъ затемнить факты или исказить законъ» [1]).

Эти начала получили развитіе въ Уставѣ Судопроизводства 1781 г. Ассистенцраты были введены въ составъ судебнаго персонала коллегіальныхъ судовъ [2]). Члены этихъ судовъ, по словамъ устава, раздѣлялись на два разряда: высшихъ и низшихъ. Первыми были судьи, вторыми ассистенцраты. Переводъ изъ низшаго разряда въ высшій зависѣлъ только отъ степени доказанныхъ ассистенцратомъ усердія и способностей по службѣ. Главная дѣятельность ихъ состояла въ «поддержкѣ» (Assistenz) сторонъ на судѣ, и другія занятія могли быть поручаемы имъ лишь постольку, поскольку это не мѣшало ей. Они могли иногда отправлять обязанности судей, но не въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ принимали участіе въ качествѣ ассистенцратовъ. За каждое нарушеніе своихъ обязанностей, именно за пристрастіе, потворство кляузамъ сторонъ, обманъ и несправедливость, ассистенцраты подлежали не только исключенію изъ службы, но и, какъ клятвопреступники, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости [3]).

Казалось-бы, что организованныя такимъ образомъ адвокатура и требованіе личной явки сторонъ должны были устранить всѣ прежнія неудобства и довести правосудіе до идеальнаго совершенства. Но на практикѣ вышло какъ разъ наоборотъ. Съ одной стороны, личная явка при томъ развитіи гражданскаго оборота и раздѣленія труда, какого достигла въ XVIII вѣкѣ Пруссія, была рѣшительно невозможна для большинства трудящагося населенія. Отовсюду сталъ раздаваться ропотъ на такой порядокъ производства. Съ другой стороны, ассистенцраты не могли внушить никакого довѣрія тяжущимся. Публика видѣла въ нихъ такихъ-же правительственныхъ чиновниковъ, какъ и судьи. Она знала, что исходъ процесса ихъ нисколько не интересуетъ, такъ какъ они получаютъ жалованье, и весьма естественно пришла къ заключенію, что они будутъ небрежно относиться къ защитѣ интересовъ своихъ кліентовъ. Такимъ образомъ, институтъ ассистенцратовъ оказался мертворожденнымъ. Правительство успѣло ввести его только въ высшихъ судахъ; въ низшихъ-же ихъ обязанности временно были предоставлены кандидатамъ на судебныя должности (ассессорамъ, референдаріямъ и т. п.).

---

[1]) *Gneist*, 5—7.
[2]) Processordn. 1781, III Th., 3 Tit., § 3.
[3]) *Gneist*, 9.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ снова потребовалась реформа. И вотъ указы 1782 и 1783 г.г. дозволили сторонамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не являясь лично, избирать себѣ повѣренныхъ изъ числа юстицъ-комиссаровъ, или, если они должны были явиться сами, приглашать юстицъ-комиссара въ качествѣ совѣтника. Что касается ассистенцратовъ, то они были удержаны для тѣхъ случаевъ, когда тяжущійся не желалъ избрать себѣ юстицъ-комиссара. «Такимъ образомъ» говоритъ Гнейстъ, «институтъ ассистенцратовъ сталъ излишнимъ, такъ какъ очевидно, что для этихъ отдѣльныхъ случаевъ не было болѣе надобности въ особомъ классѣ чиновниковъ. Судъ могъ тогда назначить ассистента изъ числа ассесоровъ, референдаріевъ или низшихъ чиновниковъ» [1]). И, дѣйствительно «въ Учрежденіе судебныхъ установленій Пруссіи» 1793 г. ассистенцраты были опущены, а мѣсто ихъ заняли юстицъ-комиссары. Но по своей организаціи они отличались отъ прежнихъ ассистенцратовъ только въ двухъ отношеніяхъ: 1) они не получали жалованья, а брали гонораръ и 2) стороны могли избирать любого изъ нихъ въ качествѣ повѣреннаго. Послѣдующіе законы не внесли ничего существенно-новаго въ организацію института юстицъ-комиссаровъ, которая вплоть до изданія обще-германскаго адвокатскаго устава 1878 г. основывалась на «Учрежденіи» 1793, дополненномъ нѣсколькими указами, съ той только разницей, что указъ 1849 г. переименовалъ юстицъ-комиссаровъ въ судебныхъ повѣренныхъ (Rechtsanwalt [2]). Къ болѣе подробному разсмотрѣнію этой организаціи мы теперь и обратимся [3]).

Судебные повѣренные, по словамъ самого закона, представляютъ собой государственныхъ чиновниковъ [4]), совмѣщающихъ въ своемъ лицѣ обязаности правозаступниковъ и представителей сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ быть нотаріусами [5]). По общему правилу, кромѣ нихъ, никто не вправѣ заниматься адвокатской професіей. При каждомъ судѣ установляется министромъ юстиціи, сообразно съ надобностью, опредѣленное число повѣренныхъ, которые имѣютъ право выступать только въ судахъ того округа, къ которому они приписаны [6]).

---

[1]) *Gneist*, 12. *Weissler*, V Cap.

[2]) *Brix*, 5.

[3]) Allgem. Gerichtsordn. für die preuss. Saaten, III Th., 7 Tit. *Brix*, 1—30; *Jaques*, 134—147.

[4]) Allgem. Gerichtsordn. III, 7, § 3: Justizbediente...

[5]) Ib, §§ 2, 3.

[6]) Составлять бумаги адвокатъ могъ и для другихъ судовъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы на этихъ бумагахъ была его печать и подпись кліента.

Въ большихъ городахъ, гдѣ есть нѣсколько судовъ, каждому повѣренному указывается одинъ или нѣсколько изъ нихъ, гдѣ онъ можетъ вести дѣла [1]). Условія для принятія въ число повѣренныхъ тѣ же, что для назначенія на судебную должность [2]). Именно, до 1869 года отъ кандидатовъ требовалось: 1) выслушаніе академическаго курса юридическихъ наукъ [3]); 2 экзаменъ на степень аускультатора въ коммиссіи, состоящей изъ двухъ членовъ и одного изъ предсѣдателей аппелляціоннаго суда; 3) практическія занятія при судѣ первой инстанціи по общему правилу въ теченіи полутора года; 4) второй экзаменъ при аппелляціонномъ судѣ на степень референдарія; 5) практическія занятія въ продолженіи двухъ съ половиной лѣтъ частью при судѣ, частью при прокурорѣ, частью при адвокатѣ, и 6) третій экзаменъ [4]). Въ 1869 году былъ изданъ новый законъ, облегчившій эти строгія требованія. Согласно ему, требовалось трехлѣтнее пребываніе въ университетѣ, теоретическій экзаменъ въ коммиссіи при аппелляціонномъ судѣ, четыре года практики и практическій экзаменъ [5]). Кандидатъ, удовлетворяющій всѣмъ этимъ условіямъ, и, кромѣ того, извѣстный «тихимъ, приличнымъ и благонадежнымъ поведеніемъ», назначается министромъ юстиціи по представленію суда на вакантное мѣсто повѣреннаго. Обязанности повѣренныхъ заключаются въ консультаціи, исполненіи юридическихъ порученій (напр. взысканій по исполнительнымъ листамъ), представительствѣ сторонъ на судѣ или только защитѣ ихъ, если онѣ являются лично. Имъ предписывается подъ страхомъ штрафа или даже исключенія изъ службы точное и тщательное соблюденіе законовъ, безусловная честность и готовность служить своей профессіей всѣмъ, кто къ нимъ обращается. Они могутъ и даже должны отказываться отъ принятія дѣла только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если дѣло представляется имъ противозаконнымъ и основаннымъ на обманѣ, 2) если они считаютъ требованіе тяжущагося лишеннымъ основанія, 3) если они обременены другими дѣлами, и 4) если они раньше были повѣренными или совѣтниками противной стороны въ томъ-же дѣлѣ. За веденіе дѣлъ повѣренные могутъ получать вознагражденіе по установленной закономъ 1851 года таксѣ [6]). Плата

---

[1]) Allgem Gerichtsordn., §§ 1—8.
[2]) Verordn. v. 2 Jan. 1849, § 37.
[3]) *Brix*. 31
[4]) Regulativ v. 10 Dec. 1849.
[5]) *Градовскій:* Начала русскаго государ. права, II, 1881, 55.
[6]) Gesetz v. 12 Mai 1851.

же за консультацію и исполненіе порученій опредѣляется по соглашенію [1]).

Дисциплинарная власть находится отчасти въ рукахъ суда, отчасти въ рукахъ совѣта чести» («Ehrenrath»), назначаемаго изъ среды повѣренныхъ и нотаріусовъ каждаго округа въ количествѣ отъ 6 до 10 членовъ, включая и предсѣдателя. Совѣтъ, исполняющій свои обязанности безвозмездно, долженъ наблюдать за соблюденіемъ адвокатами профессіональныхъ правилъ и требованій честности и приличія [2]). Если проступокъ повѣреннаго нарушаетъ уголовный законъ, то виновный предается суду, а дисциплинарное производство пріостанавливается. Въ двухъ случаяхъ аппелляціонному суду предоставлено право отрѣшать адвокатовъ отъ должности по представленію генералъ-прокурора: 1) если судъ заподозритъ безпристрастіе «совѣта чести» въ данномъ дѣлѣ, и 2) если совѣтъ чести не произведетъ или будетъ затягивать дисциплинарное производство. Проступки, совершенные адвокатомъ въ засѣданіи суда, подлежатъ разбору этого суда въ томъ-же засѣданіи. Если адвокатъ вслѣдствіе слѣпоты, глухоты или другихъ тѣлесныхъ недостатковъ, а также по слабости умственныхъ или физическихъ силъ обнаружитъ продолжительную неспособность къ исполненію своихъ обязанностей, то прокуроръ аппелляціоннаго суда долженъ предложить ему письменно подать въ отставку; если-же въ теченіи 6 недѣль не послѣдуетъ просьбы объ отставкѣ, то аппелляціонный судъ, разсмотрѣвъ дѣло можетъ отрѣшить адвоката отъ должности [3]). Дисциплинарный совѣтъ налагаетъ слѣдующія наказанія: 1) предостереженіе; 2) выговоръ; 3) штрафъ до 500 талеровъ и 4) отрѣшеніе отъ должности. На приговоръ, которымъ опредѣлено отрѣшеніе отъ должности, можетъ быть принесена жалоба въ аппелляціонный судъ со стороны какъ обвиненнаго, такъ и прокурора. При опредѣленіи меньшаго взысканія аппелляція приносится въ судъ первой инстанціи. Совѣтъ избирается общимъ собраніемъ адвокатовъ по абсолютному большинству голосовъ на 6 лѣтъ, причемъ черезъ каждые 3 года половина членовъ выходитъ въ отставку, и на мѣсто ихъ избираются другіе. Отказываться отъ избранія можно только по уважительнымъ причинамъ, а при вторичномъ избраніи—и безъ нихъ. Предсѣдатель совѣта избирается членами совѣта тоже абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

---

[1]) Allgem. Gerichtsordn., II Abschn.
[2]) Verordn. v. 30 Apr. 1847, §§ 1, 2.
[3]) Gesetz v. 21 Juli 1852.

Такова была организація прусской адвокатуры до 1878 г. Практическіе результаты ея оказались весьма печальными. Прежде всего, гребованіе трехъ практическихъ экзаменовъ и четырехъ лѣтъ практической подготовки, которые были необходимы для каждаго кандидата на судебную должность или въ адвокатуру до 1869, привели къ тому, что прусскіе юристы обратились въ узкихъ практиковъ. «Будучи аускультаторами и референдаріями», говоритъ Гнейстъ: «они постоянно слышали отъ своихъ наставниковъ, что они должны держаться только того, что непосредственно примѣняютъ, т. е. законовъ матеріальнаго права и процесса. Это они называли практикой, все-же остальное составляло теорію. Ключъ ко многимъ недоумѣніямъ чужеземныхъ юристовъ, вступающихъ съ ними въ споръ, заключается въ томъ, что теорія обнимаетъ все, съ чѣмъ прусскій юристъ не имѣетъ дѣла въ своей обыденной дѣятельности. Теорія, слѣдовательно, начинается всегда тамъ, гдѣ прекращается его знаніе, а для сановниковъ юстиціи область теоріи расширяется часто еще и тѣмъ, что они въ теченіи своей долгой карьеры успѣли позабыть» [1]).

Еще болѣе грустные плоды принесло ограниченіе адвокатуры опредѣленнымъ комплектомъ. Число судебныхъ повѣренныхъ было слишкомъ незначительно. Въ то время, какъ во Франціи въ 1863 г. на 37 съ лишнимъ милліоновъ населенія приходилось 18,889 адвокатовъ, повѣренныхъ и нотаріусовъ т. е. 1 на 1,970 жителей, а въ Бельгіи 1 на 2,700, въ Пруссіи въ 1865 г. одинъ адвокатъ-повѣренный приходился на 7,500 жителей, а въ 1867 на 12,000 [2]). Другими словами, возможность удовлетворить потребность въ юридической защитѣ въ Пруссіи была въ 4 — 5 разъ меньше, чѣмъ во Франціи и Бельгіи. Результатомъ такого порядка вещей было появленіе уличныхъ адвокатовъ. Въ одномъ Берлинѣ рядомъ съ 59 судебными повѣренными существовало 300—400 уличныхъ адвокатовъ, которые, хотя и не имѣли права выступать въ судахъ, тѣмъ не менѣе приносили немало зла своимъ невѣжествомъ и кляузами въ качествѣ совѣтниковъ, сочинителей прошеній и т. п. Кромѣ того, недостатокъ въ судебныхъ повѣренныхъ привелъ еще къ тому, что многія дѣла, даже производящіяся передъ судомъ присяжныхъ и касающіяся самыхъ важныхъ интересовъ подсудимыхъ, должны были предоставляться молодымъ и неопытнымъ кандидатамъ на судебныя должности. Хотя министерству юстиціи было предписано опредѣлять отъ времени до времени ком-

---

[1]) *Gneist*, 29, 30.
[2]) Ib, 68

плектъ повѣренныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ [1]), сообразно съ увеличеніемъ населенія и усиленіемъ гражданскаго оборота, тѣмъ не менѣе, само собой понятно, что министерство было не въ состояніи измѣрить потребности публики въ юридической защитѣ. Единственнымъ мѣриломъ для этого могли ему служить только отчеты судовъ о количествѣ разбиравшихся съ участіемъ адвокатовъ дѣлъ. Но, по справедливому замѣчанію Гнейста, руководствоваться такимъ мѣриломъ все равно, что опредѣлять по таблицамъ смертности потребность живущихъ въ медицинской помощи: не каждый вѣдь больной умираетъ, и не каждое юридическое дѣло доходитъ до суда. Веденіе процессовъ вовсе не представляетъ собой единственной дѣятельности адвокатовъ [2]). Ихъ задача состоитъ также въ подачѣ юридическихъ совѣтовъ, наблюденіи за совершеніемъ сдѣлокъ, составленіи разныхъ актовъ и тому подобныхъ занятіяхъ, не доходящихъ до свѣдѣнія суда. Недостатокъ въ адвокатахъ былъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что судебные повѣренные исполняли, кромѣ своихъ обязанностей, еще обязанности нотаріусовъ. Это совмѣщеніе столь разнородныхъ функцій постоянно вызывало осужденіе со стороны компетентныхъ лицъ, и четвертый съѣздъ германскихъ юристовъ высказался именно въ томъ смыслѣ, что адвокатура безусловно должна быть отдѣлена отъ нотаріата.

Бюрократическій принципъ, согласно которому адвокаты считались чиновниками, также привелъ къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Леонгардъ, рисующій мягкими красками положеніе прусскихъ адвокатовъ и утверждающій, что оно можетъ быть признано удовлетворительнымъ и почетнымъ, тѣмъ не менѣе, въ противорѣчіе самому себѣ, сознается, что «въ настоящее время самый старый прусскій адвокатъ стоитъ по рангу ниже самаго младшаго судьи» [3]).

Въ виду такихъ обстоятельствъ вскорѣ стали раздаваться голоса, требующіе реформы адвокатуры. Въ 1861 году прусскіе судебные повѣренные образовали союзъ повѣренныхъ (Anwaltsverein). Часть членовъ союза тотчасъ-же высказалась за объявленіе адвокатуры свободной профессіей. Но другіе члены не примкнули къ этому мнѣнію. «Большинство ихъ», говоритъ Гнейстъ: «находилось въ сносномъ положеніи. Старыя злоупотребленія, которыя обезславили адвокатское сословіе, болѣе не возвращались. Дурныя стороны настоящаго положенія—часто отрицательнаго свойства и состоятъ въ недостаткѣ юри-

[1]) Allgem. Gerichtsordn. III, 7 Tit., § 5.
[2]) *Gneist*, 66. 67.
[3]) *Jaques*, 143—145.

дической защиты, котораго публика не ставитъ въ вину существующимъ повѣреннымъ. Хотя большинство вначалѣ высказалось, нѣкоторымъ образомъ, изъ приличія въ пользу свободной адвокатуры, но присоединяло къ этому мнѣнію столь многочисленныя и отчасти невыполнимыя условія, что сдѣланная уступка оказалась мнимой».

Но съ теченіемъ времени адвокаты оставили точку зрѣнія личной пользы и на собраніи 1867 года рѣшительно перешли на сторону свободной адвокатуры [1]). Въ то-же время судебные ассессоры (кандидаты) одинадцати округовъ подали въ 1860 г. петицію за подписью 135 лицъ, къ которой вскорѣ присоединился цѣлый рядъ подобныхъ-же петицій отъ другихъ ассессоровъ. Прося улучшить ихъ матеріальное положеніе, они указывали, между прочимъ, на признаніе адвокатуры свободной профессіей, какъ на одно изъ средствъ къ этому. Но юридическая коммиссія палаты депутатовъ, которой было поручено разсмотрѣніе этого вопроса, вынесла въ 1861 г. слѣдующую резолюцію: «Большинство коммиссіи, въ которой высказывались рѣшительныя мнѣнія противъ свободы адвокатуры, пришло однако къ соглашенію не разрѣшать этого принципіальнаго вопроса, въ особенности въ виду того, что предстоитъ изданіе новаго устава судопроизводства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе связаннаго съ этимъ вопроса объ удержаніи обязательнаго участія повѣренныхъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ» [2]). Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ адвокатуры не былъ разрѣшенъ комиссіей. Однако агитація продолжалась. Отъ времени до времени стали появляться журнальныя статьи и отдѣльныя сочиненія, въ которыхъ указывались недостатки современной организаціи и предлагались проэкты реформъ. Изъ числа такихъ сочиненій особое значеніе имѣло изслѣдованіе Рудольфа Гнейста: «Свободная адвокатура, какъ первое условіе всякой судебной реформы въ Пруссіи». Какъ уже видно изъ этого заглавія, Гнейстъ является рѣшительнымъ поборникомъ свободы профессіи. Сдѣлавъ историческій обзоръ положенія юстиціи и адвокатуры въ Пруссіи и критическую оцѣнку тогдашняго ихъ состоянія, онъ переходитъ къ вопросу о надлежащемъ устройствѣ адвокатуры. По его мнѣнію, правильная организація ея какъ нельзя яснѣе видна изъ жизненнаго опыта великихъ народовъ Европы: Англіи, Франціи и Германіи. Сравнивая положеніе адвокатуры въ этихъ трехъ государствахъ, онъ приходитъ къ заключенію, что причина всего зла въ Пруссіи заключается: 1) въ должностномъ харак-

---

[1]) *Gneist*, 25.
[2]) *Gneist*, 26.

терѣ адвокатуры и 2), въ ограниченіи адвокатовъ по числу и по мѣсту жительства [1]), и предлагаетъ организовать адвокатуру въ видѣ относительно свободной профессіи.

Саксонія.

Организація саксонской адвокатуры отличалась отъ организаціи прусской только нѣкоторыми мелкими деталями. Такъ напр., срокъ практической подготовки былъ значительно короче, всего 1 годъ; требовался одинъ практическій экзаменъ и т. п. Неудивительно, что при одинаковой организаціи на практикѣ получились одинаково неудовлетворительные результаты. «Адвокатура», говоритъ саксонскій адвокатъ Бешорнеръ: «далеко не достигла въ Саксоніи той ступени, которой она заслуживаетъ по своему важному и вліятельному положенію въ государствѣ, и которой она должна достигнуть, чтобы удовлетворятъ своему высокому назначенію. Она вовсе не пользуется въ публикѣ уваженіемъ, которымъ должна была-бы пользоватся при иныхъ условіяхъ, по примѣру другихъ странъ, какъ напр. Франціи и Англіи. У насъ уважаютъ человѣка «не потому, что» онъ адвокатъ, а «несмотря на то, что» онъ адвокатъ. И если ему сопутствуютъ довѣріе, которое честный и искусный повѣренный можетъ пріобрѣсти въ Саксоніи, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, и внутреннее сознаніе, что онъ всегда преслѣдовалъ истинное благо своего кліента безъ низшихъ корыстныхъ разсчетовъ, то ни на что больше онъ не смѣетъ уже расчитывать и долженъ оставить всякую надежду на все, что могло-бы послужить къ ободренію, поддержкѣ и оживленію его духа и возвышенію радостей профессіи» [2]). Подобно тому, какъ и въ Пруссіи, адвокатура не была свободной профессіей. Министерство юстиціи допускало къ ней кандидатовъ «сообразуясь съ потребностями гражданскаго оборота» [3]). Но въ то время какъ въ Пруссіи ограниченіе адвокатовъ комплектомъ привело къ тому, что число ихъ было недостаточно для удовлетворенія потребности публики въ юридической защитѣ, Саксонія, наоборотъ, страдала отъ избытка адвокатовъ. «Количество адвокатовъ въ Саксоніи», пишетъ тотъ-же авторъ: «слишкомъ велико. Необходимымъ послѣдствіемъ такого переполненія является то, что адвокаты включили въ

[1]) Ib., 57.
[2]) *Jaques*, 103.
[3]) Advoc. Ordn., § 3.

область своей дѣятельности много такихъ занятій, которыя совершенно чужды ихъ профессіи. Можно видѣть, какъ значительная часть ихъ участвуетъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, принимаетъ на себя администраціи всякаго рода, даже агентуры разныхъ страховыхъ обществъ и тому подобныя занятія. Самыя маленькія, незначительныя дѣла раздуваются, изъ мухи дѣлается слонъ, употребляются даже нечестныя средства, чтобы раздобыть практику, не считается постыднымъ восхвалять свои услуги, подстрекать людей къ процессамъ и т. п. Это является естественнымъ результатомъ уменьшенія адвокатскихъ занятій съ одной стороны и увеличенія числа адвокатовъ съ другой. На самомъ дѣлѣ надо еще удивляться, что изъ этого несоотвѣтствія не произошло бо́льшаго вреда для публики и адвокатовъ. Но къ чести саксонской адвокатуры слѣдуетъ признать, что несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, несмотря на недостатокъ собственно профессіональныхъ занятій, члены этого сословія за рѣдкими исключеніями удерживаются отъ нечестныхъ, наказуемыхъ дѣяній. Обманы и кляузы со стороны адвокатовъ случаются въ Саксоніи не чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ они лучше поставлены. Однако сословіе стояло-бы на болѣе высокой ступени нравственности, если-бы не было недостатка въ такихъ занятіяхъ, которыя составляютъ принадлежность его профессіи. Нельзя отрицать того, что въ Пруссіи они пользуются бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ у насъ, уже потому, что они болѣе обезпечены въ своихъ доходахъ и вслѣдствіе этого не вынуждены браться за такія занятія, которыя недостойны ихъ» [1]). Самъ Бешорнеръ былъ вначалѣ сторонникомъ адвокатуры и даже, какъ онъ выражается, «сломилъ одно копье въ защиту ея» въ своемъ сочиненіи «Свобода адвокатуры» [2]). «Но теперь», продолжаетъ онъ: «я, наученный опытомъ и укрѣпленный въ томъ многими изъ моихъ самыхъ опытныхъ и выдающихся товарищей, долженъ высказать мнѣніе, что у правительства не можетъ быть отнято право преграждать, по предварительномъ выслушаніи адвокатской камеры, наплывъ въ адвокатуру въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какой-нибудь мѣстности скопляется несоотвѣтствующее число адвокатовъ» [3]). Дѣлая этотъ выводъ, авторъ упускаетъ изъ виду, что въ Саксоніи, какъ онъ самъ говоритъ дальше, какъ разъ существовалъ такой порядокъ,

---

[1]) *Jaques*, 104. 105.
[2]) *Beschorner:* Die freie Advocatur, 1840.
[3]) *Jaques*, 103, 104.

какой онъ признаетъ желательнымъ, именно министерство юстиціи, по выслушаніи адвокатской камеры, опредѣляло число вакансій въ адвокатуру [1]). Между тѣмъ, въ результатѣ всетаки получилось переполненіе сословія. Этотъ фактъ доказываетъ не опасность свободной адвокатуры, такъ какъ ея не существовало въ Саксоніи, а просто невозможность для правительства точно измѣрить истинную потребность населенія въ юридической защитѣ.

Еще одна сторона адвокатской дѣятельности вызвала нареканія въ Саксоніи: это гонораръ. Какъ было уже сказано, количество его опредѣлялось особой таксой, которая въ большинствѣ случаевъ устанавливала максимумъ и минимумъ, предписывая сообразоваться съ цѣной иска, важностью процесса и количествомъ потраченнаго адвокатомъ труда. Если между адвокатомъ и кліентомъ возникалъ споръ изъ-за размѣра гонорара, то, по требованію одного изъ нихъ, судъ провѣрялъ счетъ, составленный адвокатомъ. Кромѣ того, такая провѣрка должна была происходить всякій разъ, когда адвокатъ требовалъ гонорара судомъ. «Для каждаго честнаго саксонскаго адвоката», говоритъ Бешорнеръ: «вопросъ о гонорарѣ темная сторона его дѣятельности. Стремленіе оцѣнивать умственный трудъ по таксѣ само по себѣ нелѣпо; къ тому-же оцѣнка адвокатскаго труда предоставлена тѣмъ лицамъ, которыхъ не всегда можно признать способными произвести ее справедливо. Понятно, что самъ судья не можетъ заниматься опредѣленіемъ гонорара; для этого онъ не имѣетъ ни времени, ни охоты. Эта работа поручается обыкновенно младшимъ чиновникамъ суда, которые невсегда въ состояніи судить, какого труда и стараній стоила какая-нибудь работа ея автору... Чрезвычайно унизительно для повѣреннаго, если такое опредѣленіе гонорара простирается до мелочей, до пфенниговъ, если счетъ исправляется и зачеркивается красными чернилами, какъ будто тетрадь какого-нибудь школьника» [2]).

Ганноверъ.

Организація ганноверской адвокатуры отличалась слѣдующими особенностями. Вопервыхъ, принятіе въ число адвокатовъ зависѣло отъ министра юстиціи, но было обязательно: каждое лицо, удовлетворявшее законнымъ условіямъ, должно было быть допущено къ за-

[1]) Ib., 106, 107.
[2]) *Jaques*, 114

нятію правозаступничествомъ. Адвокатъ самъ избиралъ себѣ мѣсто жительства, причемъ министерство въ случаѣ надобности могло потребовать выбора другаго мѣста [1]). Во вторыхъ, наряду съ адвокатами существовали адвокаты-повѣренные, совмѣщавшіе функціи правозаступниковъ и представителей. Число адвокатовъ въ большихъ центрахъ было неограничено, а въ провинціи и тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ аппелляціонныхъ судовъ, они допускались министерствомъ только смотря по надобности. Дѣятельность адвокатовъ-повѣренныхъ была локализирована, т. е. ограничивалась тѣмъ судомъ, при которомъ они состояли. Каждый повѣренный долженъ былъ быть въ тоже время адвокатомъ и не имѣлъ права отказываться отъ исполненія обязанностей правозаступника въ принятомъ дѣлѣ. Повѣренные существовали только при тѣхъ судахъ, гдѣ преобладало письменное производство, именно въ оберъ-аппелляціонномъ судѣ и 12 аппелляціонныхъ судахъ [2]).

Въ третьихъ, количество гонорара опредѣлялось письменнымъ соглашеніемъ, а если его не было, то особой таксой [3]).

Въ четвертыхъ, дисциплинарная власть принадлежала адвокатской камерѣ, причемъ второй инстанціей служилъ оберъ-аппелляціонный судъ [4]).

Положеніе адвокатуры въ Ганноверскомъ королевствѣ было лучше, чѣмъ въ другихъ германскихъ государствахъ. По крайней мѣрѣ, адвокатъ оберъ-аппелляціоннаго суда Борхеръ, дѣлаетъ только два упрека тогдашнему порядку вещей. Онъ указываетъ, съ одной стороны, на то, что кандидаты въ адвокатуру вмѣсто практики при адвокатахъ обыкновенно занимались канцелярской работой въ судахъ, а съ другой стороны, что министерство назначало слишкомъ много адвокатовъ въ провинцію [5]).

Гансъ тоже удостовѣряетъ, что изъ всѣхъ германскихъ государствъ Ганноверъ обладалъ наилучшей адвокатурой [6]).

Баварія.

Адвокаты въ Баваріи назначались королемъ; дисциплинарная власть принадлежала судамъ; гонораръ опредѣлялся судьями по таксѣ;

---

[1]) *Jaquez*, 122.
[2]) Ib., 122, 123.
[3]) Ib., 130.
[4]) Ib., 129.
[5]) Ib., 132, 133.
[6]) *Weiske:* Rechtslexikon, 1844, I: Advocat, 167.

союзъ баварскихъ адвокатовъ и избранный имъ комитетъ, пребывавшій въ Нюренбергѣ, не имѣли вліянія на внутреннюю дисциплину сословія. «Хотя», говоритъ баварскій адвокатъ Бартъ: «современныя условія не таковы, чтобы адвокатское сословіе могло подъ ихъ вліяніемъ особенно процвѣтать, и хотя поднятія его на должную ступень общественнаго уваженія можно ожидать только съ введеніемъ публичнаго и устнаго производства въ гражданскихъ дѣлахъ, а также съ организаціей оффиціальныхъ адвокатскихъ камеръ и дисциплинарной власти, тѣмъ не менѣе прогрессивный духъ времени не остался безъ вліянія на наше сословіе, и съ 1848 года въ адвокатской практикѣ замѣчается меньше крючкотворства и легкомысленнаго отношенія къ дѣлу, чѣмъ прежде» [1]). Нельзя не сознаться, что это похвала весьма сомнительнаго качества.

Остальныя государства.

Въ обоихъ Мекленбургахъ, Ангальтъ-Дессау-Кетенѣ, Нассау, Бременѣ и Ангальтъ-Бернбургѣ адвокатура была организована въ сущности одинаково. Всюду дисциплинарная власть принадлежала судамъ, были изданы таксы, а общесословныя учрежденія, если и существовали кое-гдѣ, то не оказывали сколько-нибудь значительнаго вліянія на состояніе сословіе.

Въ *Мекленбургѣ* число адвокатовъ было слишкомъ велико, и такъ какъ, кромѣ того, въ низшихъ судахъ обязанности повѣреннаго могло исполнять каждое уполномоченное стороной лицо, то практика адвокатовъ стала на столько мизерной, что, по словамъ Венерта, ни одинъ адвокатъ не могъ ею содержать своей семьи. Вслѣдствіе этого, адвокаты принуждены были заниматься разными посторонними работами [2]). Опредѣленіе гонорара судьями вызывало здѣсь такія-же нареканія, какъ и въ Саксоніи [3]). Вообще званіе адвоката считалось не особенно почетнымъ, и мекленбургское дворянство избѣгало его [4]).

Въ *Ангальтъ-Дессау-Кетенѣ*, по словамъ Леціуса, законодательство смотрѣло на адвокатуру скорѣе какъ на зло, чѣмъ какъ на

---

[1]) *Jaques*, 148, 149.
[2]) Ib., 166, 167, 176.
[3]) Ib, 165.
[4]) Ib., 169.

необходимый элементъ правовой жизни [1]). Образованный адвокатами по собственной иниціативѣ союзъ не обнаруживалъ никакихъ признаковъ своего существованія [2]). Устарѣлое процессуальное законодательство, зависимость отъ судовъ, матеріальная необезпеченность вслѣдствіе несоотвѣтствующей таксы, а потому отсутствіе самостоятельности и энергіи, все это не могло не сказаться вредно на нравственности сословія. Появилось кляузничество, искусственное создаваніе процессовъ изъ-за пустяковъ и затягиваніе ихъ, ловля кіентовъ и тому подобныя нарушенія профессіональныхъ обязанностей, унизившія сословіе въ глазахъ публики и судовъ [3]).

Въ герцогствѣ *Нассау* существовала оригинальная система адвокатуры. При судахъ второй и третьей инстанціи (Ober — Appellationsgericht и Hofgericht), гдѣ производство было исключительно письменнымъ, состояли повѣренные (Procuratoren). Ихъ организація была подобна организаціи адвокатовъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. При судахъ первой инстанціи каждое, даже не получившее юридическаго образованія лицо могло вести устную защиту дѣлъ, но составленіе бумагъ предоставлялось только прокураторамъ и юристамъ. Притомъ, письменное производство могло происходить въ судахъ 1 инстанціи только съ разрѣшенія аппелляціоннаго суда, который обыкновенно, давая такое разрѣшеніе, требовалъ, чтобы тяжущіеся избирали себѣ представителями прокураторовъ [4]). Такимъ образомъ, прокураторы представляли собой скорѣе повѣренныхъ, чѣмъ адвокатовъ. Настоящими-же адвокатами являлись лица, уполномоченные сторонами для устной защиты дѣлъ въ низшихъ судахъ. Подобное положеніе вещей не могло быть удовлетворительнымъ. Съ одной стороны, организація прокураторовъ страдала тѣми-же недостатками, какъ и организація адвокатуры въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ [5]), а, съ другой стороны, совершенное неустройство адвокатуры въ низшихъ судахъ предоставляло широкое поле для всякаго рода злоупотребленій.

Въ *Бременѣ*, при низкой таксѣ и незначительномъ количествѣ процессовъ, адвокаты не могли жить одной практикой. Адвокатская профессія обыкновенно была переходной ступенью къ судебнымъ и

---

[1]) Ib, 181.
[2]) Ib., 189.
[3]) Ib, 189.
[4]) *Jaques*, 193.
[5]) Ib., 202.

административнымъ должностямъ, и ею занимались молодые юристы до полученія какого-нибудь мѣста [1]).

Въ *Ангальтъ-Бернбургѣ* положеніе адвокатовъ было гораздо печальнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ государствахъ. «Законодательство», жалуется бернбургскій адвокатъ Кольмъ: «обошлось съ нами, какъ мачиха... До сихъ поръ еще имѣютъ силу законы, которые ковыляютъ вслѣдъ за прогрессирующей культурой, словно хромой инвалидъ за паровозомъ. Укажу на нѣкоторые изъ нихъ. «Адвокаты не должны подходить къ канцелярскимъ столамъ, подслушивать у дверей, такъ какъ отсюда происходятъ нехорошія послѣдствія, и дѣлать что-либо противное яснымъ предписаніямъ закона». «Они не должны быть орудіями злобы и кляузничества и подвергаются наказанію за ошибки и незнаніе». «Они не имѣютъ права сидѣть въ комнатахъ судей и могутъ довольствоваться скамьями для свидѣтелей» и т. п. При такомъ способѣ отношенія свыше, при недостаткахъ тайнаго письменнаго процесса съ безконечнымъ, глистообразнымъ рядомъ инстанцій и диковинной, извращенной системой доказательствъ,—можно-ли удивляться, что публика приписываетъ все зло производства кляузничеству и корыстолюбію адвокатовъ?» [2]). Кромѣ того адвокаты находились въ тягостной и унизительной зависимости отъ судовъ. «Кто не переходилъ на государственную службу, тотъ, будучи адвокатомъ, все-таки оставался аускультаторомъ (кандидатомъ ни судебныя должности). Пусть 3 часа тому назадъ онъ выступалъ въ уголовномъ дѣлѣ или опровергъ въ какомъ-нибудь процессуальномъ вопросѣ цѣлую судебную коллегію, онъ все-таки обязанъ записывать въ протоколъ все, что ему будутъ диктовать судьи, долженъ заниматься притупляющимъ умъ веденіемъ актовъ и вообще исполнять, насколько будетъ позволять ему время, канцелярскія обязанности. Въ этомъ отношеніи онъ оказывается подчиненнымъ того самого судьи, мнѣнія и тенденціи котораго онъ побѣдоносно опровергалъ въ самыхъ важныхъ процессахъ» [3]). Размѣръ гонорара опредѣлялся таксой. Судъ повѣрялъ счеты только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого просилъ кліентъ, или когда требовалась уплата судебныхъ издержекъ съ противной стороны. «Но наша такса», продолжаетъ Кольмъ: «изданная въ 1770 г. и измѣненная въ 1824, настоящее глумленіе надъ нашимъ званіемъ и нашими трудами. Помимо того, что удовлетворе-

[1]) Ib., 205.
[2]) Ib., 152
[3]) Ib., 156.

ніе житейскихъ потребностей стоитъ въ настоящее время вдвое и втрое больше, что аускультаторы, которымъ занятые судьи иногда поручаютъ опредѣленіе гонорара, не имѣютъ никакого представленія, какъ безконечно-трудно порою написать исковое прошеніе въ одинъ листъ, и какъ легко составить возраженіе на пятидесяти листахъ, помимо всего этого, опредѣленія нашей таксы такъ неустойчивы, неясны, устарѣлы и нецѣлесообразны, что наши прусскіе коллеги обыкновенно разражаются громкимъ смѣхомъ, когда мы имъ приводимъ курьезы нашего закона. Кто ѣдетъ изъ Бернбурга въ Косвичъ и обратно, то есть совершаетъ поѣздку въ 14 миль въ одинъ день, тотъ получаетъ одинъ талеръ путевыхъ издержекъ, приблизительно столько, сколько торговые дома большихъ городовъ платятъ своимъ дворникамъ; за простую консультацію, хотя бы ихъ была дюжина, не платится ничего; за самый трудный арендный договоръ на дворянское имѣніе или за самое сложное завѣщаніе полагается максимумъ три талера, за продолжающееся отъ утра до поздней ночи внѣ-судебную работу (составленіе инвентаря) отъ 1 до 3 талеровъ и т. п. Сюда присоединяется еще и то, что объектъ спора совѣмъ не принимается во вниманіе. Кто предъявляетъ вексельный искъ, цѣна котораго простирается до нѣсколькихъ тысячъ, или подаетъ прошеніе о текущемъ долгѣ въ 150 тысячъ или въ милльонъ талеровъ, тотъ получаетъ десять зильбергрошей за прошеніе, т. е. такую сумму, которую если-бы она была даже удесятерена, каждый не-англійскій адвокатъ швырнулъ-бы въ голову своему кліенту, если-бы тотъ осмѣлился предложить ее ему. Наоборотъ, при сложномъ искѣ изъ отношеній найма мы можемъ при объектѣ въ 21 талеръ получить двойную сумму, такъ какъ цѣна иска у насъ не вліяетъ на таксу... Къ тому-же въ тяжбахъ свыше 20 талеровъ примѣняются правила о пересылкѣ актовъ, такъ что одно дѣло въ 28 талеровъ 28 зильбергрошей продолжалось семь лѣтъ и пять мѣсяцевъ и стоило свыше 50 талеровъ. Даже въ уголовныхъ дѣлахъ мы имѣемъ болѣе низкія таксы, чѣмъ наши прусскіе коллеги, хотя нашъ трудъ одинаковъ. Защита одной дѣтоубійцы причинила пишущему эти строки при разногласіи судебныхъ врачей и тайнаго совѣтника д-ра Каспера, при массѣ возникшихъ сомнѣній, не мало затрудненій, заставила его въ теченіи многихъ недѣль изучать разныя сочиненія и много разъ совѣтоваться съ экспертами,—между тѣмъ опредѣленный за защиту гонораръ былъ уменьшенъ судомъ отъ 6 до 4 талеровъ [1]).

[1]) Ib., 157—159.

О положеніи адвокатуры въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ государствахъ, какъ-то въ Вюртембергѣ, Брауншвейгѣ и н. д., мы не имѣемъ свѣдѣній. Но и приведенныхъ свидѣтельствъ компетентныхъ лицъ вполнѣ достаточно для того, чтобы прійти къ заключенію, что реформа адвокатуры была для Германіи насущной потребностью. Это признало и съѣздъ германскихъ юристовъ. Берлинскій судья Эберти на второмъ съѣздѣ въ 1862 предложилъ на обсужденіе собранія три вопроса относительно организаціи адвокатуры, именно:

1) адвокатура должна быть объявлена свободной;

2) нотаріатъ долженъ быть отдѣленъ отъ адвокатуры;

3) отдѣленіе адвокатуры отъ института повѣренныхъ (Anwaltschaft) желательно [1]).

Предложеніе Эберти вызвало нѣсколько письменныхъ рефератовъ (судьи Фабера, адвокатовъ Коппа и Виссеринга и нотаріуса Эйлера) и разсматривалось въ четвертомъ отдѣленіи 4 съѣзда 24 августа 1863 г. Докладчикомъ былъ членъ верховнаго суда баронъ Штерненфельсъ. Изложивъ содержаніе представленныхъ рефератовъ, онъ замѣтилъ относительно перваго вопроса, предложеннаго Эберти, что въ сущности единственнымъ возраженіемъ противъ свободы адвокатуры служитъ опасность переполненія сословія. Но, по его мнѣнію, эта опасность зависитъ не отъ свободы профессіи, а отъ того, что изученію правовѣдѣнія предается большее число лицъ, чѣмъ требуется въ жизни. Если адвокатура не будетъ свободной, то еще большая часть юристовъ обратится въ пролетаріевъ въ качествѣ кандидатовъ на судебныя должности. Въ виду такихъ соображеній, докладчикъ рекомендовалъ собранію высказаться за свободу адвокатуры, что и было сдѣлано. По вопросамъ объ отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства и совмѣщенія адвокатуры съ нотаріатомъ докладчикъ, а за нимъ и собраніе высказались въ отрицательномъ смыслѣ [2]).

Однако несмотря на настоятельную необходимость въ реформѣ адвокатуры, въ теченіи долгаго времени дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. Только объединеніе Германіи открыло широкое поле для законодательныхъ реформъ. Партикулярные кодексы стали замѣняться общими имперскими законами. Сначала подверглись коренному переустройству суды и судопроизводство, причемъ основными принципами ихъ организаціи были признаны несмѣняемость и независимость судей, а также устность, гласность и состязательность

[1]) Verhandlungen des 2 deutschen Juristentages, II B., 1862, 6.
[2]) Verhandl. des 4 deut. Jur.-tages, 1863 II. B. passim.

процесса. Вслѣдъ затѣмъ наступила очередь адвокатуры, и законъ 1878 г. установилъ однообразную организацію ея для всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи.

§ 4.

Современная организація.

Уставъ 1878 г. содержитъ 116 статей. Такъ какъ насъ интересуютъ только основные принципы организаціи адвокатуры, то мы не станемъ излагать всѣхъ постановленій устава, а остановимся на самыхъ важныхъ изъ нихъ.

Допущеніе къ адвокатурѣ. «§ 1. Судебнымъ повѣреннымъ можетъ быть тотъ, кто удовлетворяетъ условіямъ, требуемымъ для назначенія въ судьи».

Каковы-же эти условія? Трехлѣтнее изученіе правовѣдѣнія въ университетѣ, причемъ, по крайней мѣрѣ, половина этого времени должна быть проведена въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, затѣмъ первый экзаменъ; за которымъ слѣдуетъ трехлѣтняя практическая подготовка и второй экзаменъ [1]). Практическая подготовка состоитъ въ занятіяхъ при судѣ, адвокатѣ или прокурорѣ. Срокъ университетскихъ и подготовительныхъ занятій можетъ быть увеличиваемъ въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ сообразно съ мѣстными законами, которые были изложены нами въ предыдущемъ параграфѣ. Уставъ только вскользь упоминаетъ о практической подготовкѣ кандидатовъ въ адвокатуру, не опредѣляя порядка и способа ихъ занятій. Онъ обязываетъ адвокатовъ руководить практическими работами кандидатовъ и предоставляетъ имъ право передавать съ согласія подсудимаго веденіе дѣла помощникамъ, состоящимъ при нихъ не менѣе двухъ лѣтъ [2]). Кромѣ того, кандидаты могутъ быть назначаемы на уголовныя защиты предсѣдателями судовъ даже въ томъ случаѣ, если не прошли двухлѣтняго стажа [3]).

«§ 2. Кто пріобрѣлъ право на занятія судебныхъ должностей въ одномъ германскомъ государствѣ, тотъ можетъ быть допущенъ къ адвокатурѣ въ каждомъ другомъ».

---

[1]) Gerichtsverfassungsgesetz für das deutsche Reich, v. 27 Jan. 1877, § 2. *Stenglein:* Lehrbuch d. deut. Strafprocessrechts, 1887, 21.

[2]) Rechtsanwaltsordnung v. 1 Juli 1878, §§ 40, 25, 29. Strafproc.—ordn. 1877, § 139.

[3]) Strafproc.—ordn., § 144.

*

«§ 3. Ходатайства о допущеніи къ адвокатурѣ разрѣшаются мѣстнымъ министерствомъ юстиціи. Но прежде рѣшенія должно быть выслушано мнѣніе совѣта адвокатской камеры».

«§ 4. Кто имѣетъ право на занятіе адвокатурой, тотъ долженъ быть, по его просьбѣ, допущенъ къ ней при судахъ того государства, въ которомъ онъ выдержалъ требуемый экзаменъ».

Изъ этихъ статей видно, что законъ проводитъ различіе между государствомъ, въ которомъ кандидатъ выдержалъ экзаменъ, и всѣми остальными государствами германской имперіи. Основаніемъ такого разграниченія служитъ то обстоятельство, что одно изъ условій для допущенія къ адвокатурѣ, именно срокъ стажа, различно въ отдѣльныхъ государствахъ. Въ виду этого, было-бы несправедливо, если-бы лицо, отбывшее краткій срокъ, допускалось въ число адвокатовъ другаго государства, гдѣ требуется болѣе долгая подготовка [1]). При такомъ порядкѣ вещей чужимъ подданнымъ отдавалось-бы предпочтеніе предъ собственными.

«§ 5. Въ просьбѣ о допущеніи должно быть отказано: 1) если проситель вслѣдствіе приговора уголовнаго суда навсегда лишенъ или только въ данное время не имѣетъ права отправлять общественныя обязанности; 2) если онъ былъ исключенъ изъ сословія адвокатовъ приговоромъ дисциплинарнаго суда; 3) если онъ по рѣшенію суда ограниченъ въ правѣ распоряженія своимъ имуществомъ; 4) если онъ состоитъ на такой должности или занимается такою дѣятельностью, которая по закону или по мнѣнію совѣта сословія несовмѣстима со званіемъ или достоинствомъ адвокатуры; 5) если его поведеніе, по мнѣнію того-же совѣта, было таково, что повлекло-бы за собой исключеніе изъ адвокатуры, и 6) если проситель, по мнѣнію совѣта, обнаруживаетъ продолжительную неспособность къ выполненію адвокатскихъ обязанностей вслѣдствіе тѣлеснаго недостатка или наступившей слабости его физическихъ или умственныхъ силъ».

«§ 6. Просьба о допущеніи можетъ быть отвергнута: 1) если проситель въ теченіи трехъ лѣтъ по выдержаніи втораго экзамена не былъ зачисленъ въ адвокаты и не занималъ какой-либо государственной или общественной должности [2]); 2) когда онъ былъ по судебному приговору лишенъ на время права отправлять публичныя обязанности, и 3) когда проситель, бывшій раньше судебнымъ по-

---

[1]) Такъ напр., въ Пруссіи стажъ продолжается не три, а четыре года. *Градовскій:* Начала рус. госуд. пр II, 1881, 55.

[2]) Проэктъ устава опредѣлялъ годичный срокъ. *Арсеньевъ:* Преобразованіе германской адвокатуры (Журн. гражд. и уг. пр. 1878, № 5, 177).

вѣреннымъ, былъ приговоренъ въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ дисциплинарнымъ судомъ къ выговору или штрафу свыше 150 марокъ».

Подъ публичными обязанностями (öffentliche Aemter) слѣдуетъ понимать адвокатуру, судебное представительство, нотаріатъ, а также обязанности присяжныхъ и шеффеновъ [1]). Неспособность отправлять всѣ эти обязанности является необходимымъ послѣдствіемъ двухъ наказаній: заключенія въ исправительномъ домѣ (Zuchthaus) и лишенія гражданскихъ правъ [2]). Кромѣ того, судъ можетъ присоединить ее къ тюремному заключенію [3]). Приговоренный къ заключенію въ исправительномъ домѣ лишается права отправлять публичныя обязанности навсегда; во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ эта неспособность ограничивается опредѣленнымъ періодомъ времени. Противъ цѣлесообразности всѣхъ перечисленныхъ причинъ, какъ обязательнаго, такъ и факультативнаго отказа едва-ли можно что-либо возразить. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возбудить только шестой пунктъ параграфа 5. Что означаетъ «физическая или умственная слабость?» Въ чемъ она выражается, какъ констатируется? Законъ не даетъ отвѣта на эти вопросы. Впрочемъ, опасаться злоупотребленій этой статьей едва-ли возможно, такъ какъ признаніе такого рода слабости предоставлено органу самого сословія. Совсѣмъ другое дѣло, если-бы, какъ предполагалось въ проэктѣ, это право принадлежало судебной администраціи. Тогда дѣйствительно, можно было-бы ожидать, что при существующей въ Германіи борьбѣ политическихъ партій, администрація склонна была-бы придавать слишкомъ своеобразный смыслъ «слабости умственныхъ силъ». Вообще, проэктъ адвокатскаго устава содержалъ въ себѣ нѣсколько крайне нецѣлесообразныхъ постановленій, которыя несомнѣнно повели-бы за собой весьма печальныя послѣдствія на практикѣ, если-бы не были исключены изъ устава.

Такъ напр., по проэкту администраціи предоставлялось право отказать въ допущеніи къ адвокатурѣ, если проситель пропустилъ годичный срокъ со дня выдержанія втораго экзамена, переселился изъ одного германскаго государства въ другое, поступилъ на государственную службу, хотя-бы на самое короткое время, или даже, если его допущеніе могло, по мнѣнію администраціи повредить успѣшному отправленію правосудія въ данномъ судѣ [4]).

---

[1]) Strafgesetzbuch, 1871, § 31.
[2]) Ib., §§ 33, 34.
[3]) Ib, § 35.
[4]) *Арсеньевъ:* ук. ст., 177—180.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пятый пунктъ § 5 имѣетъ въ виду предотвратить опасность отъ обязательнаго принятія въ число адвокатовъ лицъ, удовлетворяющихъ законнымъ условіямъ, которое могло-бы повести къ допущенію въ сословіе совсѣмъ нежелательныхъ для него элементовъ. Благодаря этому пункту, принятіе въ сословіе постановлено въ зависимость отъ совѣта.

Для пониманія слѣдующихъ статей необходимо вспомнить современную систему судоустройства Германіи. Законъ 1877 г. различаетъ слѣдующіе виды судовъ: 1) единоличный судъ (Amtsgericht), 2) земскій судъ (Landgericht), соотвѣтствующій до нѣкоторой степени нашему окружному суду, 3) высшій земскій судъ (Oberlandesgericht), аналогичный судебной палатѣ и 4) имперскій судъ (Reichsgericht), исполняющій функціи сената.

«§ 8. Допущеніе къ практикѣ происходитъ при какомъ либо судѣ».

«§ 9. Допущенный при судѣ первой инстанціи (Amtsgericht) судебный повѣренный можетъ быть, по его просьбѣ, допущенъ вмѣстѣ съ тѣмъ при земскомъ судѣ, въ округѣ котораго находится судъ первой инстанціи, а также при состоящихъ въ томъ-же округѣ палатахъ торговыхъ дѣлъ. Такое допущеніе должно произойти, если по согласному мнѣнію высшаго земскаго суда. (Oberlandesgericht) и совѣта адвокатской камеры, оно полезно для интересовъ правосудія».

«§ 10. Допущенный при коллегіальномъ судѣ повѣренный долженъ быть, по его просьбѣ допущенъ также при другомъ такомъ-же судѣ, находящемся въ мѣстѣ его жительства, если рѣшеніемъ общаго собранія высшаго земскаго суда это допущеніе будетъ признано полезнымъ въ интересахъ правосудія».

«§ 12. По докладу земскаго суда могутъ быть допущены при немъ повѣренные, состоящіе при одномъ изъ сосѣднихъ земскихъ судовъ, если по мнѣнію высшаго земскаго суда такое допущеніе полезно для интересовъ правосудія».

Въ приведенныхъ статьяхъ говорится о допущеніи адвокатовъ къ практикѣ какъ при одномъ судѣ, такъ и при нѣсколькихъ. Во Франціи, какъ мы видѣли, адвокаты вносятся въ списки, ведущіеся при аппелляціонныхъ судахъ, и не могутъ быть вносимы въ одно и тоже время въ списки двухъ судовъ. Между тѣмъ въ Германіи господствуетъ другой порядокъ. Это различіе объясняется тѣмъ, что сфера дѣятельности французскихъ и германскихъ адвокатовъ неодинакова. Во Франціи адвокаты являются только правозаступниками сторонъ и могутъ выступать во всѣхъ судахъ государства. Предста-

вительство-же находится въ рукахъ повѣренныхъ, ограниченныхъ въ числѣ и имѣющихъ право вести дѣла только въ томъ судѣ, при которомъ они состоятъ. Въ Германіи, наоборотъ, функціи правозаступниковъ и представителей совмѣщены въ одномъ институтѣ судебныхъ повѣреныхъ, получившимъ вслѣдствіе того двойственную организацію. Въ качествѣ правозаступниковъ, германскіе адвокаты могутъ выступать во всѣхъ судахъ, но функціи повѣренныхъ они имѣютъ право отправлять только при томъ судѣ, при которомъ допущены (§ 26). Поэтому адвокатъ, допущенный къ практикѣ при нѣсколькихъ судахъ, можетъ выступать въ качествѣ повѣреннаго во всѣхъ этихъ судахъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что допущеніе при нѣсколькихъ судахъ сразу не препятствуетъ дисциплинарному надзору за адвокатами. Дѣло въ томъ, что онъ принадлежитъ не судамъ, а адвокатской камерѣ и ея совѣту, состоящимъ при верхнемъ земскомъ судѣ, а такъ какъ адвокатъ допускается къ нѣсколькимъ судамъ сразу только въ томъ случаѣ, если всѣ они находятся въ округѣ одного и того же высшаго земскаго суда (§ 11, 12), то очевидно, что каждый адвокатъ можетъ принадлежать только къ одной камерѣ.

«§ 16. Въ рѣшеніи, которымъ отказано въ допущеніи просителя къ адвокатурѣ, должна быть приведена причина отказа. Если отказъ послѣдовалъ на основаніи даннаго, согласно пунктомъ 4, 5 и 6 параграфа 5, заключенія совѣта адвокатской камеры, то по требованію просителя, причина отказа должна быть обсуждена дисциплинарнымъ судомъ».

Приведенная статья имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ она даетъ кандидату въ адвокатуру гарантію противъ произвола совѣта адвокатской камеры. На основаніи пунктовъ 4, 5 и 6 параграфа 5 въ просьбѣ о допущеніи къ адвокатурѣ должно быть отказано, если совѣтъ признаетъ въ просителѣ наличность несовмѣстимости, дурнаго поведенія и умственной или физической слабости. Во избѣжаніе злоупотребленій со стороны совѣта законъ предоставилъ кандидату право требовать изслѣдованія причинъ отказа въ дисциплинарномъ судѣ.

§ 17. Послѣ перваго допущенія судебный повѣренный обязанъ въ публичномъ засѣданіи того суда, при которомъ онъ допущенъ, принести присягу» [1]).

---

[1]) Вотъ формула ея: „Ich schwöre bei Gott dem Allmächtigen und Allwissenden, die Pflichten eines Rechtsanwalts gewissenhaft zu erfüllen, so wahr mir Gott helfe“.

«§ 20. Въ каждомъ судѣ ведется списокъ допущенныхъ при немъ судебныхъ повѣренныхъ. Въ спискѣ обозначается мѣсто ихъ жительства.

Со внесеніемъ въ списокъ повѣренный получаетъ право на занятіе адвокатурой».

Веденіе списковъ заимствовано изъ Франціи. Но тамъ адвокатское сословіе является до извѣстной степени «хозяиномъ своего списка»; оно ведетъ его, вноситъ въ него новыхъ членовъ, опускаетъ и исключаетъ ихъ. Въ Германіи списки имѣютъ больше значенія для судовъ, которымъ важно знать, какіе адвокаты могутъ выступать передъ ними, чѣмъ для самого сословія, непмѣющаго права вмѣшиваться въ составленіе ихъ.

Профессіональная дѣятельность. «§ 18. Судебный повѣренный долженъ выбрать себѣ мѣсто жительства въ округѣ того суда, при которомъ онъ допущенъ къ практикѣ».

«§ 26. На основаніи допущенія къ практикѣ при какомъ либо судѣ, судебный повѣренный имѣетъ право въ дѣлахъ, къ которымъ примѣняется уставъ уголовнаго судопроизводства, уставъ гражданскаго судопроизводства и уставъ конкурснаго судопроизводства, вести уголовныя защиты, выступать въ качествѣ правозаступника (Beistand) и принимать представительство сторонъ въ случаяхъ, когда такое представительство не предписано закономъ, во всѣхъ судахъ имперіи».

«§ 27. Поскольку представительство сторонъ повѣренными предписано закономъ, являться такими представителями могутъ только судеб. повѣренные состоящіе при данномъ судѣ.

Въ устномъ производствѣ, включая происходящую на судѣ разработку доказательствъ, каждый повѣренный можетъ принимать на себя защиту сторонъ и даже представительство ихъ, если оно было ему передано ведущимъ дѣло повѣреннымъ».

Мы уже замѣтили, раньше, что германскій уставъ проводитъ различіе между функціями адвоката, какъ правозаступника и какъ повѣреннаго. Согласно съ статьей 26, правозаступничество какъ въ уголовныхъ дѣлахъ, такъ и въ гражданскихъ не ограничено опредѣленнымъ судомъ или округомъ: каждый адвокатъ можетъ исполнять эти обязанности во всѣхъ безъ исключенія германскихъ судахъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится судебное представительство. Всѣ гражданскія дѣла раздѣляются на двѣ группы: одни могутъ быть ведены тяжущимся лично, другія-же непремѣнно должны быть поручаемы повѣренному. Это обязательное участіе повѣреннаго

(Anwaltszwang) предписано закономъ для всѣхъ дѣлъ, разбирающихся въ коллегіальныхъ судахъ первой инстанціи, т. е. земскихъ судахъ, и во всѣхъ высшихъ инстанціяхъ [1]). Наоборотъ, въ единоличныхъ судахъ 1 инстанціи (Amtsgericht) тяжущіеся могутъ вести дѣла лично или поручать ихъ кому угодно [2]).

Дѣла первой группы могутъ быть защищаемы только адвокатами, состоящими при данномъ судѣ. Въ этомъ выражается принципъ локализаціи. Однако на практикѣ, какъ оказалось, онъ не имѣетъ никакого значенія. Дѣло въ томъ, что ст. 27 дозволяетъ адвокату передавать принятый процессъ своему коллегѣ, хотя бы и не состоящему при данномъ судѣ. «Эта передача» говоритъ Вейнрихъ: «пустая форма, на самомъ же дѣлѣ случается обратное. Адвокаты или достаютъ себѣ подпись своего коллеги или замѣщаютъ его въ силу простой довѣренности. Передающему адвокату процессъ совершенно чуждъ съ начала до конца. Такимъ образомъ происходитъ, что исключеніе становится правиломъ, и локализація на дѣлѣ совершенно отсутствуетъ» [3]).

Дозволеніе вести чужіе дѣла въ единоличныхъ судахъ первой инстанціи всѣмъ дѣеспособнымъ лицамъ создало въ Германіи цѣлый классъ «уличныхъ ходатаевъ» (Rechtsconsulenten, Winkeladvocaten), которые спеціально занимаются практикой въ этихъ судахъ наряду съ настоящими адвокатами. Какихъ широкихъ размѣровъ достигла уличная адвокатура, видно изъ того, что въ 1879 году возникъ «союзъ германскихъ ходатаевъ», имѣющій свой печатный органъ въ «Германской юридической газетѣ» и что въ одной Пруссіи было въ 1882 году ни больше, ни меньше, чѣмъ 6594 такихъ ходатаевъ.

Отсутствіе нравственнаго и образовательнаго ценза, а равнымъ образомъ и внутренней организаціи дѣлаетъ процвѣтаніе института уличныхъ ходатаевъ одною изъ самыхъ темныхъ сторонъ германской юридической жизни [4]).

«§ 28. Суд. повѣр. обязанъ отправлять свою профессіональную дѣятельность по совѣсти, и поведеніемъ своимъ какъ при исполненіи обязанностей, такъ и внѣ этого показывать себя достойнымъ того уваженія, какое требуется его званіемъ».

Первая часть этой статьи буквально повторяетъ формулу адво-

---

[1]) Civilprozessordn., § 71.
[2]) Ib., § 86.
[3]) *Weinrich*, 97.
[4]) *Weinrich*, 33.

катской присяги, а потому является совершенно излишней. Вторую часть слѣдовало перенести въ отдѣлъ о дисциплинарной власти.

«§ 29. Суд. пов. долженъ, если онъ намѣревается отлучиться изъ мѣста своего жительства на время свыше одной недѣли, позаботиться о замѣстительствѣ себя и извѣстить объ этомъ судъ».

Это постановленіе, подобно § 19, является результатомъ пріуроченія дѣятельности повѣренныхъ къ опредѣленной мѣстности въ интересахъ публики.

«§ 30. Суд. пов., къ которому обращаются съ просьбой принять веденіе дѣла, обязанъ, если онъ отказываетъ въ просьбѣ, немедленно объявить объ отказѣ; въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ возмѣстить убытки, происшедшіе отъ промедленія». Отношенія между суд. повѣреннымъ и кліентомъ основываются, какъ сказано въ мотивахъ къ ст. 30, на договорѣ довѣренности. Поэтому-то, адвокатъ не обязанъ принимать каждаго предложеннаго ему дѣла, какъ это было до реформы 1878 г. въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, напр. въ Саксоніи.

«§ 31. Суд. пов. долженъ отказаться отъ принятія дѣла:

1) если ему предстоитъ совершить какое-нибудь противное его обязанностямъ дѣйствіе;

2) если онъ въ томъ-же дѣлѣ былъ уже повѣреннымъ противной стороны;

3) если онъ въ томъ же спорѣ принималъ участіе въ качествѣ судьи».

«§ 32. Суд. пов. не обязанъ возвращать кліенту документовъ до полученія гонорара и возмѣщенія своихъ издержекъ».

Подъ «документами», какъ разъясняютъ мотивы къ уставу,— слѣдуетъ понимать: 1) акты, которые вручены адвокату кліентомъ; 2) которые перешли въ его руки при исполненіи порученія, и 3) которые составлены имъ для даннаго дѣла.

Какъ мы видѣли раньше, во Франціи дѣйствуетъ какъ разъ обратное болѣе возвышенное правило: тамъ адвокаты должны немедленно возвращать кліенту всѣ документы, не ожидая уплаты гонорара, такъ какъ задержка ихъ являлась бы косвеннымъ требованіемъ уплаты. Это различіе объясняется различіемъ во взглядахъ на гонораръ.

«§ 38. Обязанности суд. пов. относительно веденія защиты въ уголовныхъ дѣлахъ опредѣлены въ Уст. Уг. Судопр.».

Въ Уставѣ Уг. Судопр. мы находимъ слѣдующія постановленія:

Уголовныя защиты могутъ вести не только судебные повѣренные, но и профессора юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ

заведеніяхъ, а съ разрѣшенія суда и всякія другія лица (§ 138). Участіе защитника признается необходимымъ въ судахъ присяжныхъ, въ имперскомъ судѣ, если онъ дѣйствуетъ въ качествѣ первой инстанціи, а въ земскомъ судѣ въ тѣхъ случаяхъ, если подсудимый глухъ, или не достигъ 16-лѣтняго возраста, или когда обвиняемый въ тяжкомъ преступленіи (Verbrechen) проситъ назначенія адвоката (§ 140). Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ подсудимому, не имѣющему защитника, назначается таковой предсѣдателемъ суда, а если дѣло идетъ о предварительномъ слѣдствіи, то участковымъ судьей, изъ числа судебныхъ повѣренныхъ даннаго округа и кандидатовъ на судебныя должности и въ адвокатуру (§ 141—144). Въ отличіе отъ французскихъ порядковъ, судебные повѣренные не ведутъ дѣла по назначенію безвозмездно, а получаютъ вознагражденіе по таксѣ изъ казны (§ 150).

Сословныя учрежденія. «§ 41. Суд. пов., допущенные къ практикѣ въ округѣ высшаго земскаго суда, образуютъ адвокатскую камеру».

«§ 42. Камера имѣетъ совѣтъ (Vorstand) изъ девяти членовъ. Число ихъ въ случаѣ надобности можетъ быть увеличено до пятнадцати».

«§ 43. Совѣтъ избирается камерой. Избранію подлежатъ члены камеры. Не могутъ быть избираемы:

1) тѣ, которые ограничены по рѣшенію суда въ правѣ распоряженія имуществомъ;

2) тѣ, противъ которыхъ возбуждено дисциплинарное производство или уголовное обвиненіе въ такомъ дѣяніи, результатомъ котораго можетъ быть запрещеніе занимать публичныя должности;

3) тѣ, которые въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ были приговорены дисциплинарнымъ судомъ къ выговору или штрафу свыше 150 марокъ.

Если членъ совѣта теряетъ право быть избираемымъ въ совѣтъ, то онъ выходитъ изъ совѣта».

«§ 44. Избраніе совѣта происходитъ на четыре года, но съ тѣмъ, чтобы каждые два года выходила въ отставку половина членовъ, а при неравномъ числѣ въ первый разъ большая половина. Выходящіе въ отставку въ первый разъ опредѣляются жребіемъ».

«§ 45. Отъ избранія въ члены совѣта можетъ отказаться:

1) тотъ, кто достигъ 65 лѣтняго возраста;

2) кто въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ былъ членомъ совѣта.

Для добровольнаго выхода члена въ отставку необходимо согласіе совѣта.

«§ 46. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, его замѣстителя, секретаря и его замѣстителя».

«§ 47. Результаты выборовъ сообщаются министерству юстиціи».

Какъ видно, статьи, касающіяся «сословныхъ учрежденій адвокатуры» составлены съ нѣкоторыми измѣненіями по французскому образцу. Подобно тому какъ во Франціи, адвокаты при каждомъ высшемъ судѣ образуютъ коллегію, носящую названіе камеры и избираютъ совѣтъ. Но предсѣдатель избирается не всею камерой, а, какъ было во Франціи до 1870 г., совѣтомъ. Равнымъ образомъ, германскій законъ устанавливаетъ другіе сроки избранія. Выборы происходятъ не каждый годъ, а разъ въ четыре года, но зато каждые два года половина совѣта обновляется другими членами. Это нововведеніе основано на слѣдующихъ соображеніяхъ. Выборы членовъ совѣта, съ одной стороны, не должны быть слишкомъ часты, чтобы не наполнять совѣта новичками, незнакомыми съ дѣлопроизводствомъ лицами и не лишать его тѣхъ членовъ, которые успѣли пріобрѣсти опытность и вполнѣ освоиться со своими обязанностями. Но, съ другой стороны, нельзя оставлять въ совѣтѣ на долгое время однихъ и тѣхъ же лицъ, а необходимо во избѣжаніе злоупотребленій пополнять его свѣжими силами. Этимъ двумъ условіямъ вполнѣ удовлетворяютъ выборы членовъ на продолжительный срокъ (4 года) съ частичнымъ обновленіемъ ихъ состава.

«§ 48. Обязанности камеры состоятъ:

1) въ установленіи порядка дѣлопроизводства для камеры и совѣта;

2) въ изысканіи средствъ для покрытія необходимыхъ въ общихъ интересахъ издержекъ и въ опредѣленіи членскихъ взносовъ;

3) въ провѣркѣ и принятіи счетовъ, представленныхъ совѣтомъ».

«§ 49. Совѣтъ долженъ:

1) имѣть надзоръ за исполненіемъ членами камеры ихъ обязанностей и отправлять дисциплинарную власть;

2) разрѣшать споры между членами камеры по ихъ просьбѣ;

3) разрѣшать споры между членами камеры и ихъ довѣрителями по просьбѣ послѣднихъ;

4) подавать свое мнѣніе по требованію министерства, а также по требованію судовъ въ случаѣ спора между членомъ камеры и его довѣрителемъ;

5) управлять имуществомъ камеры и представлять ей, ежегодно отчетъ объ этомъ управленіи».

Сфера компетенціи камеры и совѣта опредѣлена германскимъ законодательствомъ гораздо точнѣе, чѣмъ французскимъ, которое совершенно не упоминаетъ о правахъ общаго собранія адвокатовъ. Тѣмъ не менѣе на практикѣ кругъ дѣятельности германскихъ и французскихъ учрежденій приблизительно совпадаетъ съ той разницей, что во Франціи совѣтъ обладаетъ нѣсколько большей самостоятельностью дѣйствій.

«§ 50. Совѣтъ, а равнымъ образомъ и камера имѣютъ право дѣлать министерству представленія и доклады, касающіеся интересовъ правосудія или адвокатуры».

Французскій законъ не признаетъ за совѣтами подобнаго права.

«§ 51. Члены совѣта исполняютъ свои обязанности безвозмездно; особые расходы возмѣщаются имъ».

Къ такимъ расходамъ относятся, напр. путевые расходы при поѣздкѣ по дѣламъ совѣта.

«§ 52. Предсѣдатель созываетъ собраніе камеры и совѣта и предсѣдательствуетъ въ обоихъ. Созваніе камеры обязательно, если десять членовъ ея, а созваніе совѣта, если 2 члена его письменно потребуютъ этого съ указаніемъ предмета обсужденія. Число членовъ, по требованію которыхъ должна быть созвана камера, можетъ быть увеличено камерой въ порядкѣ дѣлопроизводства».

Во французскомъ правѣ нѣтъ постановленія, соотвѣтствующаго этой статьѣ. Тамъ общее собраніе адвокатовъ можетъ быть созвано только по усмотрѣнію предсѣдателя.

«§ 54. Рѣшенія камеры и совѣта постановляются по абсолютному большинству голосовъ. То же самое относится и къ выборамъ.

Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Члены, заинтересованные въ какомъ либо обстоятельствѣ, не участвуютъ въ подачѣ голосовъ относительно него».

«§ 55. Засѣданіе совѣта считается состоявшимся, если явилось большинство членовъ.

Рѣшенія совѣта могутъ постановляться письменной подачей голосовъ, если никто изъ членовъ не требуетъ устной подачи».

«§ 56. Постановленныя въ собраніи рѣшенія и результаты выборовъ заносятся въ протоколъ, который подписывается предсѣдателемъ и секретаремъ».

«§ 57. Предсѣдатель служитъ посредникомъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ между камерой и совѣтомъ, приводитъ въ исполненіе рѣшенія ихъ и составляетъ бумаги отъ ея имени».

Кассой завѣдываетъ секретарь; онъ уполномоченъ принимать деньги и является представителемъ камеры въ процессахъ».

«§ 59. Надзоръ за дѣятельностью совѣта принадлежитъ президенту высшаго земскаго суда. Онъ разрѣшаетъ жалобы, касающіяся дѣятельности совѣта.

Относительно надзора и жалобъ имѣютъ силу мѣстные законы, которые опредѣляютъ надзоръ и жалобы на дѣятельность судовъ.

Противозаконныя постановленія или выборы камеры или совѣта могутъ быть уничтожены высшимъ земскимъ судомъ».

«§ 61. Предсѣдатель долженъ ежегодно представлять министерству юстиціи и высшему земскому суду письменный отчетъ о дѣятельности камеры и совѣта».

Нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ о самоуправленіи адвокатовъ сквозитъ такое-же недовѣріе правительства къ сословію, какое усматривается и во французскомъ законодательствѣ. Здѣсь, какъ и тамъ, результаты выборовъ могутъ быть уничтожены судомъ. Но германскій уставъ идетъ еще дальше. Онъ дозволяетъ суду уничтожать рѣшенія совѣта и даже камеры по всѣмъ другимъ вопросамъ, если найдетъ ихъ противозаконными. Кромѣ того, онъ предоставляетъ надзоръ за совѣтомъ президенту высшаго земскаго суда. Хотя, какъ говорится въ мотивахъ, этотъ надзоръ долженъ быть только формальнымъ и не касаться критики сущности рѣшеній совѣта, но уже одно допущеніе формальнаго надзора свидѣтельствуетъ, что законодательство относится съ недовѣріемъ къ самоуправленію сословія.

Дисциплинарное производство. «§ 62. Суд. пов., нарушившій возложенныя на него обязанности (§ 28), подлежитъ дисциплинарному наказанію».

«§ 63. Дисциплинарныя наказанія суть.

1) предостереженіе;
2) выговоръ;
3) штрафъ не свыше трехъ тысячъ марокъ;
4) исключеніе изъ сословія».

Какъ видно, германскій законъ вводитъ взамѣнъ принятаго во Франціи временнаго запрещенія практики—денежный штрафъ. Такая замѣна является значительнымъ смягченіемъ наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, штрафъ причиняетъ адвокату, главнымъ образомъ, непосредственный матеріальный ущербъ, между тѣмъ какъ запрещеніе практики, налагая на него пятно и лишая довѣрія кліентовъ, можетъ вредно отозваться на всей его послѣдующей дѣятельности.

«§ 64. Дисциплинарное производство относительно дѣяній, совершенныхъ судебнымъ повѣреннымъ до допущенія его къ практикѣ, начинается только тогда, когда эти дѣянія влекутъ за собой исключеніе изъ сословія».

«§ 65. Если противъ судебнаго повѣреннаго возбуждено уголовное преслѣдованіе за наказуемое дѣяніе, то въ теченіи уголовнаго производства дисциплинарное производство относительно этого самаго дѣянія не должно быть начинаемо, а если оно уже начато, то должно быть прекращено.

Если уголовное производство окончилось оправданіемъ, то дисциплинарное производство относительно обстоятельствъ, которыя подверглись уголовному разбирательству, можетъ быть начато только въ томъ случаѣ, если эти обстоятельства сами по себѣ и независимо отъ состава дѣянія, предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ, требуютъ дисциплинарнаго взысканія. Если уголовное производство окончилось обвиненіемъ, которое не связано съ лишеніемъ права заниматься адвокатурой, то дисциплинарный судъ рѣшаетъ, должно ли быть, кромѣ того, начато или продолжаемо дисциплинарное производство».

Эти статьи разсматриваютъ важный вопросъ объ отношеніи уголовной власти къ дисциплинарной. Во французскомъ правѣ просто постановлено, что они самостоятельны и независимы другъ отъ друга. Германскій уставъ, признавая ихъ самостоятельность, въ то же время выставляетъ то начало, что уголовное производство важнѣе, и что, поэтому, оно должно оказывать вліяніе на дисциплинарное преслѣдованіе. Объемъ этого вліянія опредѣленъ уставомъ очень ясно. Прежде всего, дисциплинарное производство пріостанавливается до окончанія уголовнаго въ виду того, что если судъ приговоритъ виновнаго къ наказанію, соединенному съ потерей права заниматься адвокатурой, то дисциплинарное производство окажется излишнимъ. Далѣе, послѣ постановленія уголовнаго приговора возможны два случая: приговоръ можетъ быть или оправдательнымъ, или обвинительнымъ. Оправдательный не устраняетъ самъ по себѣ дисциплинарнаго преслѣдованія въ силу принципа «non omne, quod licet, honestum est» (не все честно, что дозволено закономъ). Въ дѣяніи адвоката можетъ не оказаться состава преступленія, наказуемаго закономъ уголовнымъ, тѣмъ не менѣе оно можетъ не соотвѣтствовать достоинству сословія и пятнать его честь. Равнымъ образомъ, и обвинительный приговоръ уголовнаго суда не всегда влечетъ за собой дисциплинарное производство въ силу обратнаго принципа.

«non omne, quod non licet, inhonestum», т. е., потому что не всякое преступленіе пятнаетъ честь подсудимаго (напр. вызовъ на дуэль). Во всѣхъ случаяхъ, когда адвокатъ приговоренъ уголовнымъ судомъ къ наказанію, не связанному съ лишеніемъ права заниматься адвокатурой, привлеченіе осужденнаго къ дисциплинарной отвѣтственности зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта.

«§ 66. По скольку въ слѣдующихъ постановленіяхъ не указаны изъятія, къ дисциплинарному производству примѣняются правила Устава Уг. Судопроизводства».

Разсматривая изъятія, установленныя въ слѣдующихъ статьяхъ, можно убѣдиться, что по германскому уставу дисциплинарное производство мало чѣмъ отличается отъ уголовнаго. Органомъ дисциплинарной власти служитъ «судъ чести», состоящій изъ предсѣдателя адвокатской камеры, его замѣстителя и трехъ членовъ совѣта (§ 67). Прокуратура предлагаетъ этому суду начать предварительное слѣдствіе противъ обвиняемаго адвоката, и судъ можетъ или отклонить это предложеніе, или удовлетворить его, или постановить, чтобы судебное слѣдствіе было производимо безъ предварительнаго (§§ 67, 60, 70).

Для производства предварительнаго слѣдствія, если оно признано нужнымъ, высшій земскій судъ назначаетъ одного изъ своихъ членовъ (§ 71). По заключеніи слѣдствія, подсудимому вручается обвинительный актъ (§ 75). Затѣмъ назначается день засѣданія, и происходитъ судебное слѣдствіе по формѣ уголовнаго процесса съ незначительными измѣненіями. Обязанности обвинительной власти исполняютъ чины прокуратуры. Засѣданія непубличны.

На рѣшенія дисциплинарнаго суда допускается кассаціонная жалоба въ верховный дисциплинарный судъ (Ehrengerichtshof). Онъ состоитъ изъ президента имперскаго суда (Reichsgericht), въ качествѣ предсѣдателя, трехъ членовъ имперскаго суда и трехъ членовъ адвокатской камеры, состоящей при немъ. Порядокъ производства въ этой инстанціи такой же, какъ и въ первой (§ 91). Изъ изложеннаго видно, что германское дисциплинарное производство существенно отличается отъ французскаго и англійскаго. Въ то время какъ тамъ оно носитъ болѣе простой и, такъ сказать, семейный характеръ, здѣсь его втиснули въ тяжеловѣсныя формалистическія рамки уголовнаго процесса. Какая изъ этихъ двухъ системъ заслуживаетъ предпочтенія, будетъ разсмотрѣно въ своемъ мѣстѣ (см. ч. II гл. VI).

Адвокатура при имперскомъ судѣ. Въ Германіи, какъ и во Франціи, существуетъ верховный кассаціонный судъ, носящій названіе имперскаго суда. При немъ состоятъ особые адвокаты.

«§ 98. Къ адвокатурѣ при имперскомъ судѣ примѣняются, по скольку въ слѣдующихъ параграфахъ не установлено изъятій, правила первыхъ четырехъ раздѣловъ этого закона съ тою разницей, что мѣсто министерства юстиціи занимаетъ имперскій канцлеръ, а мѣсто высшаго земскаго суда—имперскій судъ».

«§ 100. Допущеніе къ адвокатурѣ при имперскомъ судѣ несовмѣстимо съ допущеніемъ при какомъ-нибудь другомъ судѣ. Допущенные при имперскомъ судѣ судебные повѣренные не могутъ выступать въ другихъ судахъ».

«§ 101. Передовѣріе со стороны повѣреннаго имперскаго суда повѣренному, не состоящему при этомъ судѣ, не допускается».

«§ 102. Адвокатская камера при имперскомъ судѣ состоитъ изъ всѣхъ допущенныхъ къ нему адвокатовъ».

Гонораръ. Правила объ адвокатскомъ гонорарѣ установлены закономъ 7 іюля 1879 г. [1]). Основныя черты его слѣдующія.

Адвокатъ, если онъ не назначенъ тяжущемуся судомъ, можетъ заключить съ кліентомъ условіе о гонорарѣ, но оно обязательно для кліента только въ томъ случаѣ, если оно письменное, и если онъ не потребовалъ опредѣленія гонорара по законной таксѣ (§ 93). Кромѣ того, количество гонорара; опредѣленное условіемъ, можетъ быть уменьшено судомъ въ случаѣ его чрезмѣрности, по выслушаніи заключенія совѣта сословія (§ 93).

Если какое-нибудь дѣло было поручено совмѣстному веденію нѣсколькихъ адвокатовъ, то каждый изъ нихъ получаетъ вознагражденіе полностью, а не въ пропорціональной части (§ 2). Равнымъ образомъ, если адвокатъ однимъ дѣйствіемъ исполняетъ порученія нѣсколькихъ кліентовъ, то каждый кліентъ долженъ уплатить ему тотъ гонораръ, который уплатилъ бы, если-бъ онъ былъ одинъ. Судебный повѣренный получаетъ одинаковое вознагражденіе, дѣйствуетъ-ли онъ въ качествѣ правозаступника или въ качествѣ повѣреннаго (§ 4). За подписаніе судебной бумаги онъ получаетъ столько же, сколько и за сочиненіе ея (§ 5). Минимумъ гонорара опредѣляется въ 1 марку (§ 8). Такса примѣняется также въ третейскомъ судѣ, дисциплинарномъ производствѣ о должностныхъ лицахъ и адвокатахъ, въ дѣлахъ объ уничтоженіи патентовъ и въ производствѣ о морскихъ крушеніяхъ (§ 91).

Въ гражданскихъ дѣлахъ гонораръ опредѣляется соразмѣрно съ цѣной иска.

---

[1]) Gebührenordnung für Rechtsanwälte, 1879.

Цѣна иска.	Гонорарь.
менѣе 20 мар.	2 марки.
отъ 20 — 60	3 »
» 60 — 120	4 »
» 120 — 200	7 »
» 200 — 300	10 »
» 300 — 450	14 »
» 450 — 650	19 »
» 650 — 900	24 »
» 900 — 1200	28 »
» 1200 — 1600	32 »
» 1600 — 2100	36 »
» 2100 — 2700	40 »
» 2700 — 3400	44 »
» 3400 — 4300	48 »
» 4300 — 5400	52 »
» 5400 — 6700	56 »
» 6700 — 8200	60 »
» 8200 —10000	64 »

При болѣе значительной цѣнѣ иска на каждые 2000 марокъ прибавляется по 4 марки гонорара, если общая сумма не превышаетъ 50000 марокъ; по 3 марки, если она составляетъ отъ 50000 до 100000 м. и по 4 м., если еще больше (§ 9). Эта такса опредѣляетъ вознагражденіе не за весь процессъ цѣликомъ, а за отдѣльныя дѣйствія въ процессѣ. Именно, количество гонорара назначеннаго въ ней, адвокатъ получаетъ за каждый изъ слѣдующихъ фазисовъ процесса въ отдѣльности: 1) за подготовку дѣла и предъявленіе иска; 2) за устное производство, и 3) за содѣйствіе при сдѣлкѣ, заключенной для разрѣшенія спора (§ 13). Такимъ образомъ, количество гонорара будетъ различно, смотря по тому, когда и какъ было разрѣшено дѣло. Если, напр. судебное рѣшеніе состоялось послѣ преній, то адвокатъ получаетъ двойной гонораръ: за подготовку дѣла и за устное производство. Затѣмъ, приведенная такса относится только къ общему порядку производства въ первой и второй инстанціи. Для конкурснаго и вексельнаго процесса, для кассаціонной инстанціи и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ оно измѣняется. Именно, адвокатъ получаетъ шесть десятыхъ слѣдуемаго по таксѣ гонорара въ вексельномъ процессѣ (§ 19), а также за представительство въ конкурсномъ производствѣ (§ 55), пять десятыхъ въ случаѣ, если дѣло покончено до устнаго разбирательства и безъ подачи состязательной бумаги (§ 14), въ безспорныхъ процессахъ (§ 16), въ производствѣ о раздѣлѣ имущества (§ 39), если дѣятельность адвоката ограничивалась изготовленіемъ состязательной бумаги (§ 46) и т. п.; три десятыхъ за исполненіе рѣшенія (§ 23),

за совѣтъ, безъ принятія даннаго дѣла (§ 47) и т. п.; двѣ десятыхъ за прошеніе объ открытіи конкурса (§ 54) и т. п. Въ третьей (кассаціонной) инстанціи гонораръ увеличивается на три десятыхъ (§ 52).

Въ уголовныхъ дѣлахъ система исчисленія значительно проще. По общему правилу, судебный повѣренный получаетъ за защиту на судебномъ слѣдствіи въ первой инстанціи: 1) передъ судомъ шеффеновъ—12 марокъ; 2) передъ уголовнымъ судомъ—20 марокъ и 3) передъ судомъ присяжныхъ или имперскимъ судомъ—40 мар. (§ 63).

Въ такомъ же размѣрѣ опредѣляется вознагражденіе во второй и третьей инстанціяхъ (66). За защиту на предварительномъ слѣдствіи полагается:

1) въ дѣлахъ, подсудныхъ шеффенамъ—6 мар.;

2) въ подсудныхъ уголовной камерѣ—10 мар.;

3) въ подсудныхъ присяжнымъ или имперскому суду 20 мар. (§ 67). За написаніе аппелляціи, кассаціи, просьбы о возобновленіи производства и о помилованіи повѣренный получаетъ половину слѣдуемаго по этой таксѣ гонорара (§ 68). За изготовленіе всѣхъ другихъ бумагъ, если онѣ не относятся къ веденію дѣла въ данной инстанціи, полагается по 2 марки (§ 69). При защитѣ нѣсколькихъ подсудимыхъ однимъ повѣреннымъ гонораръ увеличивается на пять десятыхъ независимо отъ числа подсудимыхъ (§ 72).

Помимо гонорара, адвокатъ имѣетъ право на возмѣщеніе всѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ при веденіи дѣла (§ 80). Если ему приходится совершить поѣздку дальше, чѣмъ за 2 километра отъ мѣста своего жительства, то онъ получаетъ: 1) суточныхъ по 12 мар., 2) квартирныхъ по пяти марокъ; 3) прогоновъ, если по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, по 13 пфенниговъ за каждый километръ, и, сверхъ того, по 3 марки за каждый пріѣздъ и отъѣздъ, а если не по желѣзной дорогѣ, то по 60 пфенниговъ отъ километра (§ 78).

За полученіе и передачу денежныхъ суммъ и цѣнныхъ бумагъ адвокату тоже полагается вознагражденіе (§ 87).

Адвокату предоставляется право иска о гонорарѣ, но онъ долженъ при этомъ предъявлять подробный счетъ (§ 86).

Какъ видно изъ этихъ постановленій, имѣющихъ силу во всѣхъ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ Германіи [1]), вопросъ о gdedonol

[1]) Для нѣкоторыхъ спеціальныхъ судовъ, существующихъ въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ, даны дополнительные законы. Таковы прусскій зак. 2 фев. 1880 г., брунсвикскій 24 мар. 1882 и т. п.

поставленъ здѣсь совсѣмъ не такъ, какъ во Франціи и Англіи. Совмѣщеніе правозаступничества и судебнаго представительства привело къ тому, что трудъ судебныхъ повѣренныхъ сталъ вознаграждаться по таксѣ все равно, дѣйствуютъ ли они въ качествѣ адвокатовъ или повѣренныхъ.

§ 5.

Внутреннее состояніе современной адвокатуры.

Современная организація германской адвокатуры, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, основывается на слѣдующихъ принципахъ: совмѣщеніи правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ, относительной свободѣ профессіи, сословной организаціи, независимости адвокатуры отъ магистратуры и опредѣленіи гонорара частью по соглашенію, частью по таксѣ. Намъ предстоитъ теперь посмотрѣть, къ какимъ результатамъ привелъ на практикѣ каждый изъ этихъ принциповъ.

Совмѣщеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ придало адвокатурѣ характеръ не благородной профессіи, какой она считается во Франціи и Англіи, а просто ремесленной дѣятельности. «Въ послѣдніе двадцать лѣтъ», говоритъ вѣнскій адвокатъ Пришль о Германіи и Австріи: «легкая денежная нажива стала, повидимому, единственной цѣлью профессіональной дѣятельности адвокатовъ. Чисто кочевые хищническіе инстинкты выступили на Божій свѣтъ, всѣ болѣе возвышенныя стремленія вызываютъ насмѣшки и презрѣніе, и, такимъ образомъ, неудивительно, что отдѣльныя лица уважаются не потому, что «они адвокаты», а несмотря на то, «что они адвокаты» [1]). Само законодательство усвоило себѣ взглядъ на адвокатуру, какъ на ремесло, называя вознагражденіе адвокатовъ не гонораромъ, а судебной «пошлиной» (Gebühren) и ставя, по словамъ Глазера, ихъ канцеляріи чуть ли не наряду съ фабриками [2]). Въ то время, какъ французскіе адвокаты тщательно оберегаютъ чистоту своего сословія и стараются держаться подальше отъ всякой дѣятельности низшаго разбора, способной загрязнить достоинство ихъ профессіи, нѣмецкіе судебные повѣренные не стѣсняются рѣшительно ничѣмъ, лишь бы только въ перспективѣ имѣлась

[1]) *Prischl*, 8.
[2]) Ib., 481

матеріальная выгода. Современная адвокатура, какъ выразился Шенкъ, — это «смѣсь всего, что только возможно, отъ веденія процессовъ до составленія довѣренностей и управленія домами, это бюро для исполненія рѣшеній и продажи имущества, это канцелярія для вексельныхъ протестовъ и защиты въ уголовныхъ дѣлахъ» [1]).

По этой-же причинѣ германская адвокатура не оказываетъ или оказываетъ очень мало вліянія на развитіе науки права. «У нашего адвоката», говоритъ Лоренцъ фонъ Штейнъ: «нѣтъ того, что французскому и англійскому адвокатамъ придаетъ такую силу и гордость, именно сознанія, что онъ не только повѣренный по юридическимъ и дѣловымъ вопросамъ частнаго лица, но вмѣстѣ съ тѣмъ и носитель правоваго развитія своей націи... Наше сословіе адвокатовъ — мѣстное, у него нѣтъ сознанія своего положенія; оно исполняетъ обязанности истцовъ и отвѣтчиковъ, опекуновъ и дѣльцовъ, но не имѣетъ никакой иниціативы въ юридической жизни Германіи. Оно совершенно затерто на задній планъ теоретической литературой, противъ которой оно безсильно и словомъ, и дѣломъ, и чувствуя, что это такъ, оно готово изъ профессіи унизиться до ремесла» [2]).

Относительная свобода адвокатуры, благодаря которой доступъ къ профессіи открылся всѣмъ удовлетворяющимъ законнымъ условіямъ, привела къ переполненію сословія, а вслѣдствіе этого къ пролетаріату и деморализаціи. Свобода адвокатуры обратилась, по словамъ Пришля, въ «неограниченное право голодать» Сторонники ея предсказывали, что она сама въ состояніи урегулировать отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Но на самомъ дѣлѣ этого не произошло. Мало того, что адвокатура и магистратура переполнились вслѣдствіе наплыва молодежи на юридическіе факультеты [3]), но даже и на распредѣленіе адвокатовъ свобода профессіи не оказала ожидаемаго вліянія: въ то время, какъ въ большихъ центрахъ конкурренція доведена до крайности, въ малыхъ адвокаты отсутствуютъ, и обязанности ихъ исполняются уличными ходатаями [4]).

Чтобы привлечь адвокатовъ въ провинцію, прусское правительство дозволило имъ въ случаѣ, если они поселятся тамъ, исполнять обязанности натаріусовъ [5]).

---

[1]) Ib., 251.

[2]) *Stein*: Gegenwart und Zukunft der Rechts-und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876, 38, 39. *Weinrich*, 62.

[3]) *Oppler*. Die Ueberfüllung des Juristenstandes, 1891.

[4]) *Werner*: Die freie Anwaltschaft in Preussen, 1890, 10, 11

[5]) Gesetz betreffend die Vereinigung der Rechtsanwaltschaft und des Notariats, v. 13 Apr. 1888.

Хотя адвокатская такса высока и даже слишкомъ высока, тѣмъ не менѣе громадная конкурренція низвела заработокъ адвокатовъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Адвокаты принуждены для добыванія средствъ къ жизни браться за всякаго рода постороннія занятія, начиная отъ управленія конкурсными дѣлами и кончая открытіемъ кабаковъ [1]).

Но не останавливаясь на этомъ, они нерѣдко рѣшаются даже на преступленія. Въ средѣ нѣмецкихъ адвокатовъ, какъ показываетъ уголовная статистика, съ каждымъ годомъ увеличивается число такъ называемыхъ имущественныхъ преступленій, именно присвоеній ввѣренныхъ кліентами денегъ, кражъ, поддѣлокъ духовныхъ завѣщаній и т. п. [2]). Одинъ адвокатъ, обвинявшійся въ растратѣ денегъ кліента, прямо заявилъ на судѣ, что онъ былъ вынужденъ къ этому «бѣдственнымъ положеніемъ, которое обусловливается общимъ состояніемъ адвокатуры, именно переполненіемъ ея вслѣдствіе неограниченной свободы доступа» [3]). «Въ сословіи нѣмецкихъ адвокатовъ», говоритъ Штоммель «находятся такіе элементы, которые даже въ гражданскомъ процессѣ, гдѣ это менѣе всего извинительно, затемняютъ, раздуваютъ и запутываютъ юридическіе вопросы посредствомъ массы неосновательныхъ утвержденій, а также прямаго и косвеннаго шантажа. Эти лица извѣстны во всѣхъ судахъ. И, къ сожалѣнію, они по большей части очень дѣльные юристы и имѣютъ большую практику» [4]).

Сословная организація, которую считали самой важной гарантіей процвѣтанія адвокатуры, далеко не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій. Прежде всего, она не была проведена съ полной послѣдовательностью, такъ какъ законъ 1878 года, предоставивъ сословію дисциплинарную власть надъ членами его, допустилъ въ широкихъ размѣрахъ вмѣшательство прокуратуры и дозволилъ аппелляцію на приговоры «суда чести» въ верховный дисциплинарный судъ, который состоитъ больше, чѣмъ на половину, изъ коронныхъ судей. Такимъ образомъ, адвокаты въ значительной мѣрѣ лишены возможности слѣдить за поддержаніемъ своей сословной чести. «Пусть адвокатъ», справедливо замѣчаетъ Герсдорфъ: «по понятіямъ своихъ сотоварищей, провинился очень грубо, — сословіе всетаки безсильно, если прокуроръ не желаетъ поддерживать обвиненія, — и, послѣ

---

[1]) *Freudenstein:* Partei und Rechtsanwalt, 1884, 19.
[2]) Ib., Einleit, V—X.
[3]) Ib., IX, Anm. 1.
[4]) *Stommel:* Sachwaltung oder Skandalprozess? Eine Untersuchung über den Verfall des Advocatenstandes, 1891, 39.

того какъ судъ первой инстанціи, состоящій изъ членовъ сословія, оправдаетъ или обвинитъ подсудимаго, опять таки зависитъ отъ прокурора, перенести ли дѣло въ дисциплинарный судъ второй инстанціи или нѣтъ» [1]). Что-же касается суда второй инстанціи, то вслѣдствіе преобладанія въ немъ элемента коронныхъ судей, приговоры сословнаго суда и воззрѣнія его на честь сословія находятся въ зависимости отъ лицъ, непринадлежащихъ къ адвокатурѣ и незаинтересованныхъ въ поддержаніи ея достоинства [2]).

Но если-бы даже сословное самоуправленіе не было подвергнуто этому ограниченію, все равно оно было-бы не въ силахъ устранить неизбѣжнаго зла деморализаціи. *Старые нѣмецкіе писатели (Мезеръ,* Гуго, Рамдоръ, Рамеръ), *видѣли въ сословной организаціи главную* причину процвѣтанія адвокатуры во Франціи, но уже Гансъ справедливо указалъ, что сословныя учрежденія были не столько причиной, сколько слѣдствіемъ этого процвѣтанія, и что «эти учрежденія развились сами собой гораздо раньше, чѣмъ явилась мысль подтвердить ихъ со стороны государства» [3]). «Нашему времени», говоритъ по этому поводу Пришль: «было суждено представить комментаріи къ словамъ Ганса», и добавляетъ, «хотя камеры съ ихъ дисциплинарной властью поставили преграду тяжкимъ нарушеніямъ, тѣмъ не менѣе ихъ дѣйствіе было чисто отрицательнымъ; положительное-же, облагораживающее сословіе никогда не можетъ выйти изъ камеръ. Въ этомъ давно уже согласны всѣ, и оттого никто не возлагаетъ на дѣятельность камеръ даже десятой части тѣхъ надеждъ, съ которыми нѣкогда Юстусъ Мезеръ желалъ ихъ введенія» [4]).

Отсутствіе связи между адвокатурой и магистратурой, связи, принесшей во Франціи и въ Англіи богатые плоды, вредно отражается на сословіи адвокатовъ. «Нѣмецкая адвокатура», говоритъ Фрейденштейнъ: «все еще находится въ періодѣ выздоровленія отъ многовѣковой приниженности. Судья, который прежде держалъ надъ адвокатами бичъ дисциплинарныхъ наказаній и зачастую произвольно уменьшалъ его гонораръ, размѣръ котораго самъ опредѣлялъ, до сихъ поръ еще не можетъ привыкнуть къ тому, чтобы признавать въ адвокатѣ равноправнаго коллегу, и оттого между сословіями адвока-

---

[1]) *Gersdorf:* Die Standesehre des deutschen Officiers und Rechtsanwalts, 1891, 18.
[2]) *Freudenstein:* Partei und Rechtsanwalt, 7, 25, 26.
[3]) *Gans.* 209, 210.
[4]) *Prischl,* 153, 154.

товъ и судей царитъ опасный антагонизмъ, для смягченія и устраненія котораго потребуется еще много лѣтъ» [1]). «Въ высшей степени неправильно вредно и негодно», замѣчаетъ другой авторъ: «принципіальное недопущеніе такого высоко-образованнаго сословія, какимъ является германская адвокатура, къ судебнымъ должностямъ, обособленіе послѣднихъ и направленіе адвокатуры исключительно на денежный заработокъ» [2]). Такое-же мнѣніе высказываетъ Пришль [3]).

Что касается, наконецъ, таксировки гонорара, то она вызываетъ двоякаго рода возраженія. Одни направлены противъ самого принципа и указываютъ вообще на невозможность установить для адвокатскаго труда однообразную таксу [4]). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ справедливо назначать за каждую безъ исключенія уголовную защиту въ судѣ прясяжныхъ по 40 талеровъ, не обращая вниманія ни на родъ дѣла, ни на количество труда, потраченнаго адвокатами, ни на имущественное положеніе кліента? Или развѣ справедливо соразмѣрять вознагражденіе адвоката въ гражданскихъ дѣлахъ съ цѣной иска, въ большинствѣ случаевъ не имѣющей никакого отношенія къ сложности и трудности дѣла?

Другія возраженія касаются спеціальной особенности германской таксы, именно ея дороговизны, которая въ связи съ высокимъ тарифомъ судебныхъ издержекъ является для гражданъ немалымъ тормазомъ при защитѣ ихъ правъ на судѣ. «Нерѣдко случается», говоритъ Фрейденштейнъ: «что издержки производства превышаютъ въ нѣсколько разъ объектъ тяжбы». Для примѣра онъ приводитъ одно дѣло, разбиравшееся въ сентябрѣ 1883 г. Цѣна иска равнялась 21 маркѣ, а издержки производства въ двухъ инстанціяхъ составили $83^1/_2$ марки [5]). Притомъ, получая гонораръ за отдѣльныя дѣйствія въ процессѣ, адвокаты всячески стараются увеличить число этихъ дѣйствій и вводятъ тяжущихся въ совершенно излишніе расходы [6]).

Помимо этого, германскій уставъ дозволяетъ опредѣленіе количества гонорара письменнымъ соглашеніемъ (§ 93), и опытъ свидѣтельствуетъ, что адвокаты никогда не берутъ меньше, чѣмъ-бы слѣдовало по таксѣ, а, напротивъ, стараются выговорить себѣ еще больше. Адвокаты одного прусскаго аппелляціоннаго суда, по словамъ Фрей-

---

[1]) *Freudenstein*, ib., 119, Anm.
[2]) *H.*: Aphorismen über den Verfall des Anvaltstandes, 1891, 6.
[3]) *Prischl*, 250. 262,
[4]) *Freudenstein*, ib., 107.
[5]) Ib., 99, 102—104.
[6]) Ib, 105, 106. *Stein:* Verstaatlichung der Advocatur, 1885, 8, 9.

депутатна, даже подвергали дисциплинарному наказанію тѣхъ изъ своихъ коллегъ, которые осмѣливались брать гонораръ въ меньшемъ противъ установленнаго таксой размѣрѣ [1]). Въ Берлинѣ, какъ свидѣтельствуетъ тамошній адвокатъ Штейнъ, едва-ли найдется хоть одинъ адвокатъ, который принялъ-бы веденіе дѣла, не выговоривъ себѣ большаго вознагражденія, чѣмъ слѣдуетъ по таксѣ [2]). Результатомъ такого положенія вопроса о гонорарѣ является то, что люди бѣднаго и средняго класса бываютъ крайне стѣснены при защитѣ своихъ правъ. Благодаря обязательному участію адвокатовъ въ процессѣ, они лишены возможности вести свои дѣла лично. Въ то же время наемъ хорошаго адвоката стоитъ дорого и зачастую оказывается имъ не по силамъ. Вслѣдствіе этого, права бѣдныхъ лицъ пользуются худшею охраной, чѣмъ права богатыхъ [3]), и многіе предпочитаютъ отказываться отъ своихъ хотя-бы и вполнѣ справедливыхъ требованій, лишь-бы не входить въ судебные издержки [4]).

§ 6.

Общій взглядъ на германскую адвокатуру.

Германская адвокатура, какъ мы видѣли, не обладаетъ такой блестящей исторіей, какъ французская или англійская. Совершенно напротивъ. Германскіе адвокаты никогда не играли сколько-нибудь значительной роли въ политической жизни своего отечества, не выставили ни одного европейски-знаменитаго оратора и не пользовались особымъ уваженіемъ со стороны общественнаго мнѣнія. Они сами съ прискорбіемъ сознаются въ этомъ. «Читая», говоритъ Кольмъ: «о высокомъ положеніи французскихъ, англійскихъ и сѣверо-американскихъ адвокатовъ, которые непосредственно изъ своихъ бюро переходятъ на мѣста президентовъ, высшихъ судей и канцлеровъ, мы должны протирать себѣ глаза и думать о королевѣ Мабъ, которая подшучиваетъ надъ спящими» [5]). «Едва-ли есть какое нибудь сословіе», замѣчаетъ Гекеръ: «относительно котораго можно было-бы съ большимъ правомъ сказать, что оно не обладаетъ никакимъ прошлымъ,

---

[1]) *Freudenstein*, 116, Anm. 3.
[2]) *Stein:* Verstaatlichung der Advocatur, 10.
[3]) *Stein*, ib, 6—8.
[4]) *Freudenstein*, 101.
[5]) *Jaques*, 150.

кромѣ сословія германскихъ адвокатовъ» [1]). «Въ то время, какъ въ другихъ государствахъ», свидѣтельствуетъ новѣйшій авторъ Ортлофъ: «судебное краснорѣчіе развивалось наряду съ парламентскимъ, въ Германіи и Австріи оно оставалось совершенно неизвѣстнымъ» [2]).

«Когда умеръ Эрскинъ», пишетъ Пришль: «вся Шотландія плакала надъ гробомъ своего величайшаго адвоката, и его смерть считалась общественнымъ бѣдствіемъ. То-же самое сообщаютъ намъ о томъ случаѣ, когда Ирландія утратила своего перваго адвоката въ лицѣ Куррена. Неувядающаго слава покрываетъ имена Борка, Фокса, Шеридана, лорда Брума, удивленіе и признательную оцѣнку нашли у современниковъ и потомковъ мужественные защитники Людовика XVI: Малесербъ, де-Сезъ, Тронше, а въ наше время Берріе и другіе...

Но отыщется-ли въ нѣмецкой землѣ хоть одинъ, чье имя можно было-бы поставить наряду съ названными всемірно-знаменитыми именами? Предъ нами постыдный фактъ: народъ, который создалъ столько великаго во всѣхъ областяхъ человѣческаго духа, который болѣе другихъ имѣетъ право гордиться, что во всѣ эпохи преслѣдовалъ идеальныя цѣли человѣчества и посредствомъ своихъ величайшихъ людей, каковы Лютеръ, Гете, Шиллеръ, Кантъ, Рихардъ Вагнеръ, приближалъ къ этимъ цѣлямъ все человѣчество, не обладалъ и не обладаетъ до сихъ поръ ни однимъ великимъ адвокатомъ! Поэты и художники, воины и государственные мужи, ученые, изслѣдующіе всѣ тайны неба и земли, врачи, купцы, инженеры и ремесленники... всюду мы встрѣчаемъ статуи, поставленные въ честь ихъ, но адвокатамъ не воздвигнуто въ германской землѣ ни одного памятника» [3]).

Далѣе, помимо того, что германская адвокатура не создала ничего выдающагося, она стояла очень низко во мнѣніи общества и правительства. Мы уже указывали, что въ средніе вѣка ее приравнивали къ самымъ низкимъ ремесламъ, и что въ новое время не произошло коренной перемѣны въ этомъ отношеніи.

Какими-же причинами обусловливалось столь жалкое положеніе адвокатуры въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Прежде всего, весьма неблагопріятное вліяніе на развитіе ея оказывали политическія и соціальныя условія. Германія была раздроблена вплоть до послѣдняго времени на цѣлую массу мелкихъ государствъ, нерѣдко враждовав-

---

[1]) *Rottek und Welcker*: Staatslexikon, 1845, 355.
[2]) *Ortloff*: Die gerichtliche Redekunst 1890, 22.
[3]) *Prischl.* 149–151.

шихъ между собой. Сознаніе національнаго единства совершенно отсутствовало. Общаго законодательства тоже не было. Адвокаты каждаго отдѣльнаго государства были чужды другъ другу; они не могли сплотиться между собой и образовать прочную ассоціацію, которая служила бы залогомъ ихъ независимости и процвѣтанія. Къ этому присоединилось еще широкое развитіе въ Германіи феодализма. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ дворянство, духовенство и бюрократія старались сдѣлать отправленіе правосудія своею частною собственностью, и неуспѣвшая окрѣпнуть государственная власть не смѣла оказывать имъ соотвѣтствующаго противодѣйствія [1]). Благодаря этому, адвокатура была не въ силахъ выбиться на самостоятельную дорогу. Какова могла быть ея дѣятельность въ то время, когда правосудіе являлось не болѣе, какъ милостью и капризомъ могучихъ феодаловъ?

Далѣе, не мало вреда приносила рецепція римскаго права, имѣвшаго очень мало общаго съ правосознаніемъ германскаго народа и недоступнаго для необразованныхъ гражданъ. Адвокаты, являясь въ глазахъ народа жрецами невѣдомаго и чуждаго ему культа, не могли внушить довѣрія къ себѣ, даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу [2]).

Еще пагубнѣе было введеніе тайнаго инквизиціоннаго, письменнаго процесса въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. «Какъ», говоритъ Гекеръ: «могъ адвокатъ избѣгнуть униженности, какъ могъ правозаступникъ достигнуть личнаго уваженія, если право и отправленіе правосудія были для народа загадкой сфинкса, гдѣ при закрытыхъ дверяхъ велась большая и малая война противъ права и справедливости, противъ личной свободы и чести, а погрѣшности судей нерѣдко взваливались на адвоката?» [3]).

Въ то же время внутренняя организація сословія была не такова, чтобы члены его могли успѣшно бороться съ неблагопріятными внѣшними условіями. Вначалѣ адвокатура считалась абсолютно свободной профессіей, т. е. другими словами не имѣла никакой внутренней организаціи. Затѣмъ, законодательная дѣятельность стала мало по малу упорядочивать ее, руководствуясь принципами юстиніанова права. Сословіе адвокатовъ было ограничено комплектомъ, локализировано, поставлено въ полную дисциплинарную зависимость отъ

---

[1]) *Hecker* in Staatslex. v. Rottek und Welcker (S. 355).
[2]) *Hecker*, ib. *Gans*, 41—78.
[3]) *Hecker*, ib. 336.

суда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обезпечено жалованьемъ и постепенно слито съ сословіемъ повѣренныхъ. Такимъ образомъ, тѣ благотворныя начала, которыя доставили французской и англійской адвокатурѣ процвѣтаніе, именно строгое отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства, относительная свобода и безвозмездность профессіи, а также тѣсная связь съ магистратурой совершенно отсутствовали въ германской организаціи и были замѣнены какъ разъ противоположными.

Сопоставляя все сказанное, нельзя не согласиться съ Гансомъ, что «въ Германіи съ давнихъ поръ было сдѣлано все, чтобы унизить сословіе адвокатовъ, заключить его въ оковы, съ одной стороны, дисциплины, а съ другой, знаковъ милости, и лишить его того уваженія и той чести которая составляетъ жизненный элементъ его надлежащаго положенія въ государствѣ». [1]).

Въ XIX вѣкѣ произошелъ рядъ благодѣтельныхъ перемѣнъ въ государственной жизни Германіи, начиная отъ объединенія всей страны и реформы судопроизводства, сдѣлавшагося устнымъ, публичнымъ и состязательнымъ и кончая введеніемъ сословной организаціи въ адвокатуру. Но хотя внутреннее состояніе сословія адвокатовъ и улучшилось сравнительно съ прежнимъ, тѣмъ не менѣе до процвѣтанія ему еще очень далеко вслѣдствіе того, что многіе изъ неблагопріятныхъ условій, какъ было показано въ предыдущемъ параграфѣ продолжаютъ существовать и по настоящее время.

---

[1]) Gans (Weiske's Rechtslexikon, 1844 I, 165).

VI.

АВСТРІЯ.

Литература.

Brix: Organisation der Advocatur, 1868.

Jaques: Die freie Advocatur und ihre legislative Organisation, 1868.

Vargha: Die Vertheidigung, 204—219.

Prischl: Advocatur und Anwaltschaft, 1888.

§ 1.

Дореформенная адвокатура.

Исторія австрійской адвокатуры въ средніе вѣка и въ новое время была уже изложена нами въ связи съ исторіей общегерманской адвокатуры. Теперь остается разсмотрѣть подробнѣе состояніе ея въ XIX вѣкѣ.

Въ 1781 году правительство объявило адвокатуру свободной профессіей въ томъ смыслѣ, что каждый окончившій университетъ и представившій удостовѣреніе отъ адвоката въ своей честности, способности и опытности, имѣлъ право, по выдержаніи государственнаго экзамена, заниматься адвокатурой [1]). Но свобода профессіи привела на практикѣ къ переполненію ея, и правительство должно было принять мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго наплыва адвокатовъ. Съ этой цѣлью указъ 1802 года предписалъ не производить адвокатскихъ экзаменовъ до дальнѣйшаго

[1]) Allgemeine Gerichtsordnung vom 1 Mai 1781, § 411.

распоряженія [1]). Само собой понятно, что это была не реформа, а просто паллятивная мѣра. Вскорѣ на практикѣ образовался обычай испрашивать у императора позволенія держать экзаменъ. Если такое позволеніе давалось, кандидатъ подвергался экзамену и, выдержавъ его, допускался къ адвокатурѣ. Между тѣмъ, мало по малу былъ установленъ комплектъ адвокатовъ въ отдѣльныхъ областяхъ и городахъ

Въ 1826 г., министерство юстиціи получило право замѣщать вакантныя адвокатскія мѣста кандидатами, выдержавшими государственный экзаменъ [2]).

Изданный въ 1849 г. временный адвокатскій уставъ и многочисленные мелкіе указы опредѣлили съ разныхъ сторонъ организацію адвокатуры и имѣли силу до 1868, когда появился новый уставъ, произведшій коренную реформу профессіи. Дореформенная австрійская адвокатура была во многихъ отношеніяхъ очень схожа съ адвокатурой другихъ германскихъ государствъ того времени.

Для допущенія къ адвокатурѣ *требовались* слѣдующія условія: 1) австрійское подданство, 2) совершеннолѣтіе, 3) незапятнанное поведеніе, 4) степень доктора правъ или выдержаніе трехъ государственныхъ экзаменовъ, 5) трехлѣтній стажъ, въ томъ числѣ, одинъ годъ адвокатской практики и 6) государственный практическій экзаменъ въ коммиссіи при аппелляціонномъ судѣ [3]).

Допущеніе зависѣло отъ министра юстиціи, который не былъ связанъ существовавшими постановленіями о комплектѣ, но долженъ былъ прежде чѣмъ увеличить или уменьшить число адвокатовъ данной мѣстности, спрашивать на этотъ счетъ мнѣнія надлежащаго аппелляціоннаго суда и адвокатской камеры [4]).

Дисциплинарная власть принадлежала аппелляціоннымъ судамъ. Только по ихъ иниціативѣ могло быть возбуждаемо дисциплинарное преслѣдованіе. Они могли налагать слѣдующія наказанія: выговоръ, штрафъ, временное запрещеніе практики и исключеніе изъ числа адвокатовъ, но въ двухъ послѣднихъ случаяхъ должны были предварительно испрашивать мнѣніе адвокатской камеры и представлять его вмѣстѣ со своимъ рѣшеніемъ верховному суду (der oberste Gerichtshof) [5]).

До 1861 г. при каждомъ аппелляціонномъ судѣ существовала

---

[1]) Hofdekret v. 12 Apr. 1802.
[2]) Verfüg. v. 2 Febr. 1826
[3]) Allgem. Gerichtsord. 1781, §§ 410, 411; Provis Advok.-Ordn. 1849, §§ 10, Verordnungen v. 10 Okt. 1854 und 11 Okt. 1854, §§ 1, 2.
[4]) Provisorische Advokatenordnung. 1849, § 1.
[5]) Ib., § 20.

адвокатская камера, т. е. коллегія адвокатовъ. Камера ежегодно избирала предсѣдателя и совѣтъ, распоряжалась своимъ имуществомъ, слѣдила за поддержаніемъ чести и достоинства сословія и имѣла право представлять проэкты законовъ. Совѣтъ, состоявшій изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, имѣлъ надзоръ за кандидатами въ адвокатуру и назначалъ безплатныхъ защитниковъ для бѣдныхъ тяжущихся [1]).

Но въ 1861 году всѣ адвокатскія камеры были соединены въ одну «нижне-австрійскую камеру» [2]), (Niederösterreichische Advocatenkammer), организація которой была опредѣлена особымъ статутомъ. Права и обязанности камеры остались тѣми же, что и были раньше, съ той только, конечно, разницей, что территоріальная сфера ея дѣятельности сдѣлалась гораздо шире [3]). Совѣтъ и предсѣдатель по прежнему избирались ею на одинъ годъ, но число членовъ совѣта было увеличено съ 4 до 16 [4]). Къ обязанностямъ совѣта, помимо надзора за кандидатами и назначенія адвокатовъ на безплатныя защиты, присоединились: попеченіе объ имущественныхъ дѣлахъ камеры [5]), разрѣшеніе споровъ между адвокатами и кліентами и наблюденіе за поддержаніемъ чести и достоинства сословія [6]). Осуществляя послѣднюю обязанность, совѣтъ могъ производить дисциплинарное разслѣдованіе и налагать на виновнаго наказаніе: выговоръ. На постановленіе совѣта допускалась апелляція въ камеру [7]). Какъ видно изъ этого, дисциплинарныя правомочія самого сословія были весьма ограничены: въ то время, какъ апелляціонный судъ могъ приговаривать адвоката къ запрещенію практики и даже къ исключенію изъ сословія, совѣтъ не имѣлъ права идти дальше выговора. Дѣятельность предсѣдателя камеры заключалась въ руководствѣ засѣданіями камеры и совѣта, а также въ назначеніи отъ имени совѣта адвокатовъ на безплатныя защиты [8]).

Адвокаты являлись не только защитниками сторонъ, но и представителями ихъ. Они не имѣли права заключать предварительныхъ условій о гонорарѣ подъ страхомъ исключенія [9]), но должны были

---

[1]) Ib., §§ 4, 5
[2]) Justiz-Ministerial-Erlass v. 19 Aug. 1861.
[3]) Statut und Geschäftsordn. der niederösterreich. Adv.—kammer, §§ 1, 2, 4.
[4]) Ib., § 3.
[5]) Ib., § 8.
[6]) Ib., § 9.
[7]) Ib., § 11.
[8]) Ib., § 12, 13.
[9]) Hofdekret v. 22 Mai 1789. Allgem. Bürg. Gesetzb., 1811, § 879, n. 3, Strafpr.-ord 1853, § 346.

письменно или устно объявить суду размѣръ требуемаго гонорара [1]). Если они не исполняли этого, то лишались права на какое-бы то ни было вознагражденіе, а кліентъ могъ требовать возвращенія уплоченной имъ впередъ суммы [2]). Судъ производилъ повѣрку представленнаго счета и опредѣлялъ окончательно размѣръ гонорара, принимая во вниманіе количество труда, потраченнаго адвокатомъ, его старательность и искусство въ составленіи бумагъ, тщательность и аккуратность въ веденіи дѣла, соблюденіе законныхъ предписаній, а также имущественную состоятельность кліента [3]).

Итакъ, организація австрійской адвокатуры до 1868 г. основывалась на слѣдующихъ принципахъ: 1) ограниченіе числа адвокатовъ опредѣленнымъ комплектомъ; 2) зависимость адвокатовъ отъ министерства юстиціи по вопросу о допущеніи къ профессіи и отъ аппеляціонныхъ судовъ въ дисциплинарномъ отношеніи; 3) крайне ограниченная сфера дѣятельности сословныхъ учрежденій и 4) опредѣленіе гонорара судомъ помимо таксы. Неудовлетворительность такой организаціи стала чувствоваться очень скоро. Еще въ 1848 г. была подана кандидатомъ къ адвокатуру Бергеромъ (впослѣдствіи министромъ) петиція за подписью почти ста докторовъ права. Въ петиціи предлагалось уничтожить ограниченіе числа адвокатовъ комплектами, предоставить право каждому лицу, имѣющему докторскій дипломъ и отбывшему трехлѣтній стажъ, заниматься адвокатурой. Министръ юстиціи Соммаруга благосклонно принялъ петицію и передалъ ее на заключеніе верховнаго суда, которой долженъ былъ предварительно выслушать мнѣніе аппелляціонныхъ судовъ и адвокатскихъ коллегій. Резолюція верховнаго суда гласила, между прочимъ, слѣдующее: «что касается существеннаго вопроса о томъ, должно ли быть удержано и на будущее время ограниченіе адвокатовъ опредѣленнымъ числомъ, то только адвокатская каллегія и аппеляціонный судъ Тироля, опасаясь, что свобода адвокатуры вызоветъ переполненіе сословія, предложили удержать ограниченіе. Всѣ остальныя адвокатскія коллегіи и аппеляціонные суды выказываются за то, чтобы каждому удовлетворяющему установленнымъ условіямъ было предоставлено право заниматься адвакатурой..... По ихъ мнѣнію, ограниченіе адвокатовъ для каждой мѣстности опредѣленнымъ числомъ,

---

[1]) Allgem. Gerichtsordn., § 424.
[2]) Resolution v. 14 Jun. 1784.
[3]) Allgem. Gerichtsordn., §§ 426, 427; Hofdek. v. 4 Okt. 1833.

котораго нельзя никогда опредѣлить съ увѣреностью, что оно будетъ соотвѣтствовать потребности повсемѣстно и на продолжительный періодъ времени, приноситъ во всякомъ случаѣ тотъ вредъ, что, съ одной стороны, даетъ назначеннымъ адвокатомъ монополію, которая увеличиваетъ издержки на юридическое представительство, а съ другой стороны, создаетъ массу уличныхъ адвокатовъ, въ руки которыхъ попадаютъ дѣла, и которые для публики пагубнѣе, чѣмъ переполненіе адвокатскаго сословія. Опредѣленіе неизмѣннаго числа имѣетъ еще и ту вредную сторону, что уничтожаетъ въ значительной мѣрѣ конкурренцію между адвокатами съ цѣлью завоевать довѣріе публики, и что въ какой — нибудь мѣстности, гдѣ, какъ легко можетъ случиться, сойдется много неспособныхъ или незаслуживающихъ довѣрія адвокатовъ, публика принуждена будетъ въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ передавать свои дѣла въ плохія руки вмѣсто того, чтобы имѣть возможность довѣрять ихъ по свободному выбору тѣмъ, которыхъ она считаетъ самыми способными и достойными Къ тому-же въ настоящее время, когда предстоитъ полное преобразованіе судопроизводства и судоустройства, было бы совершенно невозможно опредѣлить хотя-бы съ нѣкоторой вѣроятностью потребность отдѣльныхъ округовъ и мѣстностей въ адвокатахъ. На этомъ основаніи судъ думаетъ, что предложеніе предоставить занятіе адвокатурой каждому, кто удовлетворяетъ требуемымъ условіямъ, должно быть принято. Что касается ближайшихъ условій, при которыхъ должно это произойти, то кажется, что не можетъ быть возбуждено никакихъ сомнѣній относительно того, чтобы свидѣтельство каждаго апелляціоннаго суда, выданное адвокату, имѣло силу для всей монархіи, такъ какъ законы въ отдѣльныхъ провинціяхъ не различаются существенно другъ отъ друга. Тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы каждый адвокатъ не только указалъ аппелляціонному суду мѣсто, гдѣ онъ намѣревается жительствовать и не смѣлъ перемѣнять его безъ вѣдома, но и чтобы, по общему правилу, каждый адвокатъ, живущій въ провинціи, имѣлъ право вести дѣла только въ этой провинціи, такъ какъ въ противномъ случаѣ надзоръ за адвокатами былъ бы чрезвычайно затрудненъ, и такъ какъ, къ тому же, веденіе дѣлъ въ другихъ провинціяхъ по большей части соединено для тяжущихся съ издержками и проволочками. Что касается будущаго положенія адвокатовъ, то многіе изъ присланныхъ проэктовъ предлагаютъ организовать дисциплинарные совѣты изъ самыхъ адвокатовъ подобно тому, какъ они организованы во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Однако эти проэкты расходятся между собой относительно власти, которую надо

предоставить дисциплинарнымъ совѣтамъ, и относительно измѣненій, которыя произойдутъ въ отношеніяхъ адвокатовъ къ судамъ. Нѣкоторые аппелляціонные суды, въ особенности богемскій и еще болѣе галиційскій, хотятъ сдѣлать адвокатовъ независимыми отъ судовъ, отнимая отъ послѣднихъ право налагать даже малѣйшіе выговоры, между тѣмъ, какъ другіе хотятъ болѣе или менѣе удержать дисциплинарную власть судовъ надъ адвокатами. По мнѣнію верховнаго суда, учрежденіе изъ среды самихъ адвокатовъ такихъ коллегій, которыя имѣютъ цѣлью поддерживать честь и достоинство сословія, блюсти дисциплину надъ членами ихъ, разсматривать и разрѣшать жалобы, наблюдать за поведеніемъ кандидатовъ въ адвокатуру и обсуждать общіе вопросы всего сословія, не только полезно, но и кажется, если адвокатура будетъ сдѣлана свободной и неограниченной комплектомъ профессіей, безусловно необходимымъ, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ контроль, который суды могутъ отправлять лишь по стольку, по скольку къ этому даютъ поводъ засѣданія, будетъ недостаточнымъ. Такіе дисциплинарные совѣты могутъ быть образованы не только при аппелляціонныхъ судахъ, но и при такихъ коллегіальныхъ судахъ первой инстанціи, гдѣ находится значительное количество адвокатовъ. Что же касается объема ихъ власти и отношенія къ судамъ, то при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующія соображенія: 1) за первыми инстанціями должно быть необходимо оставлено право при неприличномъ поведеніи или другихъ нарушеніяхъ, въ которыхъ провинятся адвокаты въ засѣданіяхъ суда или судебныхъ бумагахъ, не только прибѣгать къ необходимымъ для поддержанія порядка распоряженіямъ, какъ то: лишенію права говорить, возвращенію бумаги, содержащей оскорбительныя выраженія, но и налагать небольшія наказанія именно: предостереженія, выговоры и денежные штрафы, и просить непосредственно или черезъ прокурора аппелляціоннаго суда о временномъ воспрещеніи адвокату практики или исключеніи изъ списка. Въ противномъ случаѣ, суды не имѣли бы должной власти для руководства судебными засѣданіями. Аппелляціонные суды должны въ тѣхъ случаяхъ, когда низшіе суды непосредственно или черезъ посредство прокурора просятъ о временномъ запрещеніи практики или исключеніи адвоката, разрѣшать жалобы на постановленныя въ первой инстанціи рѣшенія безъ предварительнаго вмѣшательства дисциплинарнаго совѣта, такъ какъ дисциплинарный совѣтъ, если только необходимо единство въ отправленіи правосудія, долженъ стоять ниже, аппелляціоннаго суда, а не на ряду съ нимъ, 2) напротивъ того,

не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что дисциплинарному совѣту подсудны всѣ дисциплинарныя нарушенія, которыя совершены не во время судебныхъ засѣданій, но на которыя или принесены жалобы сторонами непосредственно дисциплинарному совѣту, или указано ему министерствомъ и судами. Права дисциплинарнаго совѣта могли бы быть равнымъ образомъ распространены на наложеніе предостереженій, выговоровъ, штрафовъ и на право просить аппелляціонный судъ о запрещеніи практики или исключеніи. Но при этомъ должно быть установлено, чтобы на каждое рѣшеніе дисциплинарнаго совѣта все равно, будетъ-ли оно благопріятно или неблагопріятно, прокуратура могла принесть жалобу аппелляціонному суду» [1]).

Какъ видно изъ этого отрывка, мнѣніе верховнаго суда клонилось къ тому, чтобы адвокатура была организована по французскому образцу того времени, съ предоставленіемъ судамъ самостоятельной дисциплинарной власти надъ адвокатами, на ряду съ властью совѣта сословія.

Но ни проэктъ Бергера, ни мнѣніе верховнаго суда не привели ни къ какимъ непосредственнымъ результатамъ. Какъ мы видѣли, временный уставъ 1849 г. и послѣдующіе законы не внесли ничего существенно новаго и соотвѣтствующаго предложенію Бергера и верховнаго суда. Вопросъ о свободѣ адвокатуры и о сословной организаціи ея возникъ вторично въ 1861 г. въ палатѣ депутатовъ. 22 ноября 1861 г. депутатъ Ташекъ представилъ докладъ: «о назначеніи на мѣста нотаріусовъ и адвокатовъ». Для разсмотрѣнія этого доклада была избрана коммиссія изъ 9 членовъ, въ числѣ которыхъ были Бергеръ и Гербстъ. Обсуждая докладъ, коммиссія возбудила принципіальный вопросъ о томъ, насколько вообще цѣлесообразно «назначеніе на должность» въ адвокатурѣ, и не лучше-ли объявить ее свободной профессіей. Большинство голосовъ высказалось за свободу адвокатуры, и коммиссія рѣшила прежде, чѣмъ продолжать разсмотрѣніе доклада Ташека, представить на разрѣшеніе палаты депутатовъ предварительный принципіальный вопросъ. Докладъ былъ порученъ Гербсту, и результатомъ его оказалось то, что большинство членовъ палаты, какъ правой, такъ и лѣвой, высказалось за свободу адвокатуры. Но и это рѣшеніе осталось безъ практическихъ результатовъ. Между тѣмъ агитація въ пользу свободы адвокатуры не прекращалась. Кандидаты въ адвокатуру затѣяли въ прессѣ 1867 и 1868 г. настоящій литературный походъ противъ современной орга-

[1]) *Brix*. 51.

низаціи адвокатуры. Къ нимъ присоединилась и нижне-австрійская адвокатская камера, высказавшаяся единодушно въ пользу свободы адвокатуры. Наконецъ, въ 1868 г., когда портфель министра юстиціи перешелъ въ руки сторонника свободы адвокатуры Гербста, въ организаціи сословія произошла коренная реформа. 16 января 1868 года депутація кандидатовъ на судебныя должности подала Гербсту петицію объ ускореніи реформы. Министръ отвѣтилъ, что онъ смотритъ на освобожденіе адвокатуры, какъ на нѣчто само собой понятное, что его мнѣнія на этотъ счетъ такія же, какъ были въ 1862 г., и что онъ считаетъ обязанностью всякаго министра поскорѣе освободиться отъ отвѣтственности по назначенію адвокатовъ на вакантныя должности. Къ этому онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію полная свобода дѣятельности въ интересахъ самого сословія, которое въ Австріи, какъ и всюду имѣетъ важное политическое значеніе, что онъ рѣшительно желаетъ, чтобы во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ, начиная съ общины, дѣйствовали юристы, и что, по его убѣжденію, проведеніе этихъ принциповъ только возвыситъ достоинство адвокатскаго сословія [1]).

Обѣщаніе Гербста было, дѣйствительно, вскорѣ исполнено, и 6 іюля 1868 г. появился новый адвокатскій уставъ.

§ 2.

Современная организація.

Основные принципы современной организаціи австрійской адвокатуры заключаются въ слѣдующемъ: 1) адвокатура признана относительно-свободной профессіей (§ 1); 2) она совершенно независимо отъ суда (§ 33); не локализирована (§ 8); 4) правозаступничество безусловно соединено съ представительствомъ; 5) дисциплинарная власть принадлежитъ сословію; 6) размѣръ гонорара опредѣляется по взаимному соглашенію адвоката съ кліентомъ (§§ 16, 17).

Допущеніе къ профессіи. «§ 1. Для занятія адвокатурой требуется не правительственное назначеніе, а только удостовѣреніе наличности указанныхъ ниже условій и внесенія въ адвокатскій списокъ. Эти условія слѣдующія:

а) австрійское подданство;

---

[1]) *Brix*, 57, 59.

b) правоспособность;

c) окончаніе курса юридико-политическихъ наукъ, а равнымъ образомъ полученіе степени доктора правъ послѣ выдержанія установленныхъ строгихъ (sic) экзаменовъ въ одномъ изъ австрійскихъ университетовъ;

d) практическая подготовка опредѣленнаго закономъ рода и продолжительности;

e) успѣшное выдержаніе адвокатскаго экзамена».

Этимъ параграфомъ провозглашенъ принципъ относительной свободы адвокатуры, о признаніи котораго такъ хлопотали австрійскіе юристы. Разсматривая требованія, предъявляемыя австрійскимъ уставомъ къ кандидатамъ въ адвокатуру, мы видимъ что они почти одинаковы съ требованіями германскаго закона: и здѣсь, и тамъ необходимо юридическое образованіе, стажъ и практическій экзаменъ. Разница заключается только въ срокѣ стажа, который установленъ слѣдующей статьей.

«§ 2. Практическая подготовка должна состоять въ занятіи адвокатской практикой въ теченіи семи лѣтъ со времени выполненія законныхъ требованій для допущенія къ судебной практикѣ».

Кандидаты занимаются практикой въ качествѣ низшихъ чиновниковъ при судахъ въ теченіи полутора года, а затѣмъ въ качествѣ помощниковъ адвокатовъ. Пятилѣтняя служба въ должности члена суда замѣняетъ требованіе докторскаго диплома, практической подготовки и адвокатскаго экзамена (§ 6). Относительно экзамена сохраняютъ силу дѣйствовавшія до 1868 г. узаконенія (§ 4). Выдержавъ экзаменъ и удостовѣривъ выполненіе указанныхъ требованій, кандидатъ долженъ принести слѣдующую присягу: «клянусь быть вѣрнымъ и повиноваться Императору, ненарушимо соблюдать, какъ основные, такъ и всѣ другіе законы государства и честно исполнять свои обязанности». (§ 5).

По принесеніи присяги кандидатъ можетъ требовать у совѣта той камеры, въ округѣ которой онъ избираетъ себѣ мѣстожительства, внесенія въ адвокатскій списокъ, удостовѣривъ выполненіе всѣхъ законныхъ требованій. Совѣтъ долженъ внести кандидата въ списокъ, если только внесеніе его не противно постановленіямъ уголовнаго закона или адвокатскаго устава. На отказъ во внесеніи въ списокъ кандидатъ можетъ жаловаться адвокатской камерѣ, а затѣмъ верховному кассаціонному суду (§ 7). Верховный судъ разъяснилъ, что Совѣтъ, обсуждая вопросъ о внесеніи кандидата въ списокъ, имѣетъ право удостовѣриться, насколько онъ вообще «за-

служивастъ довѣрія» [1]) и, притомъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ раньше уже былъ внесенъ въ списокъ другой камеры и почему-либо выбылъ изъ него [2]). Таково содержаніе перваго раздѣла устава.

Сравнивая его съ постановленіями германскаго закона, мы видимъ, что въ сущности оба законодательства мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Хотя германскій уставъ предоставляетъ разсмотрѣніе вопроса о допущеніи къ адвокатурѣ министерству юстиціи, а австрійскій—совѣту адвокатской камеры, тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что въ допущеніи можетъ быть отказано только по указаннымъ въ законѣ причинамъ, и что въ обоихъ государствахъ совѣты камеръ принимаютъ во вниманіе нравственность кандидатовъ, уравниваетъ оба порядка производства.

Права и обязанности. Адвокаты имѣютъ право выступать передъ всѣми судами Австріи и являться профессіональными представителями сторонъ во всѣхъ судебныхъ и внѣсудебныхъ, публичныхъ и частныхъ дѣлахъ (§ 8).

Право веденія дѣлъ въ гражданскихъ судахъ принадлежитъ исключительно однимъ адвокатамъ съ тѣмъ лишь изъятіемъ, что въ суммарномъ процессѣ и маловажныхъ дѣлахъ представителями сторонъ могутъ быть нотаріусы, которые, однако, не должны заниматься этимъ профессіонально [3]).

Въ прежнее время была сильно развита уличная адвокатура въ лицѣ разнаго рода агентовъ, занимавшихся помимо своей спеціальной дѣятельности также сочиненіемъ судебныхъ бумагъ. Это побудило правительство издать цѣлый рядъ постановленій, которыми предлагалось судамъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы постороннія лица не смѣли вторгаться въ сферу дѣятельности адвокатовъ [4]).

Обязанности уголовныхъ защитниковъ могутъ исполнять, кромѣ адвокатовъ, кандидаты въ адвокатуру, магистратуру и нотаріатъ, выдержавшіе нужныя испытанія, затѣмъ доктора правъ, читающіе лекціи въ университетѣ, и чиновники, въ особенности тѣ, которые служатъ по судебному вѣдомству [5]).

«§ 9. Адвокатъ обязанъ вести принятое дѣло сообразно съ закономъ и защищать права кліентовъ противъ каждаго съ усер-

---

[1]) Entscheid. des ober. Gerichtshof. v. 14 Okt. 1873.
[2]) Entsch. desselb. v. 29 Jan. 1884.
[3]) Plenarbeschluss des ober. Gerichtsh. v. 17 Dec. 1873.
[4]) Erlasse des Justiz-Minist., v. 24 Aug. 1858, 11 März 1863, 28 Fev. 1863 etc.
[5]) *Ullmann*: Lehrbuch des öster. Strafprocessrechts, 1882, 332.

діемъ, преданностью и совѣстливостью (Eifer, Treue und Gewissenhaftigkeit). Онъ имѣетъ право, не стѣсняясь, предлагать все, что онъ считаетъ по закону полезнымъ для своей стороны, и употреблять всѣ средства защиты и нападенія, какимъ угодно образомъ, лишь бы это не противорѣчило его полномочію, совѣсти и законамъ.

Адвокатъ обязанъ хранить въ тайнѣ ввѣренныя ему обстоятельства».

«§ 10. Адвокатъ не обязанъ принимать веденія дѣла и можетъ отказаться безъ объясненія причинъ; но онъ обязанъ отклонить веденіе дѣла или даже только подачу совѣта, если онъ защищалъ противную сторону въ томъ же или связанномъ съ нимъ дѣлѣ или участвовалъ въ нихъ въ качествѣ судьи или прокурора. Точно также онъ не долженъ быть защитникомъ или подавать совѣты обѣимъ сторонамъ въ одномъ и томъ же процессѣ. Адвокатъ вообще обязанъ поддерживать честнымъ и добросовѣстнымъ поведеніемъ честь и достоинство сословія. Совѣтъ долженъ назначать повѣреннаго бѣдному тяжущемуся, который не можетъ найти таковаго. Если адвокату будетъ гарантированъ гонораръ, то онъ долженъ принять дѣло». Эта статья соотвѣтствуетъ § 30, 31, 33 и 38 германскаго устава и мало чѣмъ отличается отъ нихъ.

Главное различіе состоитъ въ томъ, что въ противность германскому уставу ст. 10 представляетъ назначеніе повѣренныхъ на защиту не суду, а совѣту сословія. Кассаціонный судъ разъяснилъ, что такое назначеніе должно происходить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда участіе повѣреннаго по закону обязательно [1]).

«§ 11. Адвокатъ обязанъ заботиться о порученномъ ему дѣлѣ, пока остается въ силѣ довѣренность, и отвѣчаетъ за бездѣйствіе. Но онъ имѣетъ право отказаться отъ веденія дѣла, только въ такомъ случаѣ, а равнымъ образомъ тогда, когда ему отказываетъ кліентъ, онъ обязанъ еще въ теченіе двухъ недѣль исполнять обязанности повѣреннаго, насколько это будетъ необходимо для того, чтобы предотвратить грозящій сторонѣ ущербъ. Эта обязанность уничтожается, если сторона лишаетъ адвоката довѣренности».

Германскій уставъ не предусмотрѣлъ такого отказа отъ дѣла во время производства, и, принявъ во вниманіе § 30 его, требующій отъ адвоката немедленнаго объявленія о непринятіи дѣла, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что германскій адвокатъ, разъ принявъ дѣло,

---

[1]) Entsch. v. 9 Nov. 1875.

не имѣетъ уже права бросать его ни подъ какимъ предлогомъ. Постановленіе австрійскаго устава болѣе цѣлесообразно, уже въ виду того, что нерѣдко въ теченіе процесса могутъ открыться такія обстоятельства, которыя дѣлаютъ процессъ неправымъ, и что несправедливо заставлять адвоката дѣйствовать во чтобы то ни стало, хотя бы вопреки своему убѣжденію и совѣсти. Римское право, а за нимъ и обычаи французской адвокатуры выставили противоположный принципъ, предписывая адвокату присягать, что онъ не замедлитъ отказаться отъ веденія дѣла, какъ только убѣдится въ его незаконности или неправотѣ. Австрійскій уставъ, признавая этотъ принципъ, устраняетъ его практическое неудобство вполнѣ правильнымъ ограниченіемъ.

«§ 12. Прекращая веденіе дѣла, адвокатъ обязанъ вручить кліенту, по его требованію, принадлежащіе ему документы и акты въ оригиналѣ, но имѣетъ право, если издержки производства не были ему уплачены, приготовить на счетъ кліента и оставить у себя копіи тѣхъ изъ требуемыхъ бумагъ, которыя нужны для опредѣленія издержекъ.

Адвокатъ не обязанъ ни въ какомъ случаѣ выдавать кліенту черновыя бумаги, письма его къ себѣ и другіе частные документы, а также доказательства сдѣланныхъ имъ, но еще не возмѣщенныхъ кліентомъ расходовъ. Эти обязательства такъ же, какъ и обязанность храненія актовъ, погашаются по истеченіи пяти лѣтъ съ того момента, какъ прекратилось веденіе дѣла.

«§ 13. Адвокатъ не обязанъ возвращать кліенту довѣренность, но кліентъ имѣетъ право увѣдомить адвоката объ уничтоженіи ея». Сравнивая эти двѣ статьи съ постановленіями германскаго (§ 32) и французскаго права, мы видимъ, что австрійское законодательство занимаетъ среднее мѣсто между ними. Во Франціи выдача кліенту документовъ обязательна, а въ Германіи необязательна до уплаты гонорара. Австрійскій уставъ принимаетъ болѣе возвышенный французскій принципъ, но устраняетъ его практическія послѣдствія, неудобныя для адвоката, дозволеніемъ задерживать копіи документовъ.

§ 15. «Въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ участіе повѣреннаго не предписано закономъ, адвокатъ можетъ замѣстить себя кандидатомъ въ адвокатуру, состоящимъ при немъ для практики и получившимъ полномочіе отъ адвокатской камеры, но все таки подъ своей отвѣтственностью». Обязательное участіе адвокатуры въ гражданскомъ процессѣ требуется, по австрійскому закону, почти во всѣхъ дѣлахъ безъ различія инстанцій и съ самыми незначительными изъятіями, но подъ условіемъ,

чтобы въ округѣ даннаго суда было, по крайней мѣрѣ, два адвоката. [1]).

Гонораръ. «§ 16. Адвокатъ имѣетъ право во всякое время выговаривать себѣ опредѣленное вознагражденіе, но не можетъ пріобрѣтать довѣренной ему тяжбы ни вполнѣ, ни отчасти. Въ тѣхъ случаяхъ, когда участіе повѣреннаго не опредѣлено закономъ, онъ не обязанъ вести дѣла безвозмездно.

Удовлетвореніе просьбы о назначеніи безплатнаго защитника зависитъ отъ совѣта адвокатской камеры. На отказъ можно жаловаться въ высшій земскій судъ».

«§ 17. При исполненіи какого-нибудь порученія размѣръ вознагражденія за потраченное время и трудъ долженъ опредѣляться въ гражданскихъ дѣлахъ, на сколько это возможно, особымъ тарифомъ. Этотъ тарифъ будетъ установленъ законодательнымъ путемъ, какъ только вступитъ въ силу новый уставъ Гр. Судопр.; къ тѣмъ статьямъ, которыя не войдутъ въ тарифъ, будутъ примѣняться законныя постановленія о договорѣ личнаго найма. До введенія этого тарифа должны быть примѣняемы во всѣхъ случаяхъ, касающихся опредѣленія издержекъ и вознагражденія адвоката, только законныя постановленія о договорѣ личнаго найма». Верховный кассаціонный судъ разъяснилъ, что пока тарифъ не изданъ, къ адвокатскому гонорару примѣняются правила, установленныя указомъ 1833 г. и заключающіяся, какъ мы видѣли, въ томъ, что провѣрка гонорара предоставлена суду, разбиравшему данное дѣло [2]) Для составленія тарифа была въ 1883 г. образована особая коммиссія, которая представила въ томъ же году свой проэктъ министру юстиціи. Но онъ не былъ утвержденъ. Такимъ образомъ, вопросъ о гонорарѣ находится въ настоящее время въ такомъ положеніи: адвокаты могутъ заключать условія, но размѣръ гонорара, въ случаѣ требовнія кліента, подлежитъ провѣркѣ суда или, какъ установлено слѣдующей статьей, совѣта камеры.

«§ 19. Адвокатъ имѣетъ право изъ платежей поступившихъ къ нему для его кліента, вычесть сумму своихъ расходовъ и своего гонорара, по скольку она не покрывается полученнымъ авансомъ, но обязанъ немедленно представить счетъ своему кліенту. Въ случаѣ, если справедливость и размѣръ его требованія оспариваются, какъ

---

[1]) *Ullmann*: Das öster. Civilprocessrecht, 1885, 107.
[2]) Hofdekret v. 4 Okt. 1833.

онъ, такъ и кліентъ могутъ обращаться для мирнаго разрѣшенія спора къ совѣту адвокатской камеры».

Несовмѣстимость «§ 20. Съ адвокатской профессіей несовмѣстимы:

1) Занятіе платной государственной должности, за исключеніемъ должности преподавателя.

2) Званіе нотаріуса;

3) Занятіе всякаго рода дѣятельностью; противной достоинству адвокатскаго сословія».

Рѣшеніе вопроса о томъ, какія занятія, согласно 3 пункту послѣдней статьи, не соотвѣтствуютъ достоинству адвокатуры, предоставлено самому сословію. Но австрійскіе адвокаты въ этомъ отношеніи далеко не отличаются тѣмъ ригоризмомъ, который обнаруживаютъ французскіе. Подобно своимъ германскимъ коллегамъ, они ограничиваются исполненіемъ закона и, не пытаясь расширить сферу несовмѣстимости за предѣлы законодательныхъ постановленій, не видятъ ничего предосудительнаго въ занятіи торговлей, агентурой, управленіемъ конкурсныхъ массъ и тому подобными видами дѣятельности, безусловно запрещенными обычаями французкой адвокатуры.

Адвокатская камера и ея совѣтъ. «§ 22. Адвокатскія камеры образуются изъ всѣхъ внесенныхъ въ списокъ адвокатовъ, которые живутъ въ округѣ каждой камеры».

«§ 23. Адвокатская камера рѣшаетъ свои дѣла частью непосредственно, въ общемъ собраніи, частью посредственно при помощи своего совѣта. Какъ камера, такъ и совѣтъ обязаны слѣдить за честью, достоинствомъ и правами сословія и наблюдать за обязанностями его».

«§ 24. Предсѣдатель, замѣститель предсѣдателя и члены совѣта избираются тайнымъ письменнымъ голосованіемъ въ общемъ собраніи камеры изъ среды ея по абсолютному числу голосовъ наличныхъ членовъ».

«§ 25. Предсѣдатель, замѣститель предсѣдателя и члены совѣта избираются на три года; они должны однако продолжать отправленіе своихъ обязанностей и по истеченіи этого срока впредь до окончанія новыхъ выборовъ.

По истеченіи трехлѣтняго срока, они могутъ быть снова избраны, но не обязаны принимать избраніе».

«§ 26. Предсѣдатель и замѣститель предсѣдателя суть члены совѣта. Совѣтъ рѣшаетъ вопросы по абсолютному большинству го-

лосовъ. Для дѣйствительности рѣшенія совѣта необходимо присутствіе двухъ третей его членовъ.

Предсѣдатель, а въ случаѣ его отсутствія его замѣститель предсѣдательствуютъ въ совѣтѣ.

Предсѣдательствующій имѣетъ право голоса только при раздѣленіи голосовъ поровну».

«§ 27. Адвокатской камерѣ подвѣдомственны слѣдующія дѣла:

1) установленіе порядка дѣлопроизводства, какъ для себя, такъ и для совѣта;

2) опредѣленіе числа членовъ ея совѣта;

3) избраніе предсѣдателя и совѣта камеры, а также коммиссіи для производства адвокатскихъ экзаменовъ;

4) составленіе смѣты приходовъ и расходовъ камеры и совѣта, опредѣленіе членскихъ взносовъ, а также провѣрка и утвержденіе счетовъ камеры и совѣта;

5) составленіе проэктовъ законовъ и мнѣній о проэктахъ, свѣдѣній о состояніи отправленія правосудія и сообщеній относительно замѣченныхъ недостатковъ и желательныхъ измѣненій въ немъ;

6) доклады объ измѣненіи округовъ существующихъ камеръ и объ образованіи новыхъ камеръ».

Сравнивая эту статью съ § 48 Германскаго Устава, мы видимъ, что въ обоихъ законодательствахъ функціи адвокатскихъ камеръ почти одинаковы. Разница заключается только въ томъ, что австрійскій уставъ даетъ камерѣ право представлять законодательные проэкты. Сколько намъ извѣстно, это право до сихъ поръ ни разу не было осуществляемо.

«§ 28. Обязанности совѣта состоятъ:

1) въ веденіи списка адвокатовъ, и спеціально въ рѣшеніи вопроса о внесеніи въ него и о выходѣ членовъ;

2) въ веденіи списка кандидатовъ въ адвокатуру, допущеніи ихъ къ практикѣ и изготовленіи свидѣтельствъ для замѣстительства;

3) въ исполненіи рѣшеній адвокатской камеры;

4) въ попеченіяхъ объ экономическихъ дѣлахъ адвокатской камеры и о поступленіи годичныхъ взносовъ;

5) въ сношеніи съ судами и непринадлежащими къ камерѣ лицами;

6) въ подачѣ мнѣній относительно соразмѣрности гонорара и вознагражденія за услуги, оказанныя адвокатомъ, и въ разрѣшеніи споровъ объ этомъ;

7) въ посредничествѣ при возникающихъ несогласіяхъ между членами камеры по профессіональнымъ вопросамъ;

8) въ назначеніи временнаго замѣстителя для адвоката въ случаѣ его смерти, болѣзни или отсутствія, если онъ не избралъ и не могъ избрать себѣ таковаго;

9) въ назначеніи безплатнаго защитника;

10) въ созваніи очередныхъ общихъ собраній адвокатской камеры.

Если совѣтъ найдетъ нужнымъ, онъ можетъ созывать внѣ очереди общія собранія; по требованію пятой части членовъ камеры онъ обязанъ созывать ихъ».

Эта статья отличается отъ § 49 германскаго устава только тѣмъ, что къ числу функцій совѣта отнесено веденіе списка.

«§ 30. Чтобы быть внесеннымъ въ списокъ кандидатовъ въ адвокатуру, необходимо, начиная практику при адвокатѣ, заявить совѣту объ этомъ, съ указаніемъ, что всѣ предписанныя закономъ условія выполнены. Начало практики считается со дня подачи такого заявленія.

Точно также адвокатъ обязанъ увѣдомлять совѣтъ о каждомъ выбытіи кандидата и о каждой пріостановкѣ имъ практики на время свыше одного мѣсяца.

На отказъ во внесеніи въ списокъ кандидатовъ, на исключеніе изъ него и на отказъ въ допущеніи къ практикѣ заинтересованное лицо можетъ приносить жалобу высшему земскому суду, а затѣмъ верховному суду».

Совѣтъ нижне-австрійской камеры требуетъ для внесенія въ списокъ кандидатовъ наличность слѣдующихъ условій:

1) австрійское подданство;

2) выдержаніе трехъ государственныхъ экзаменовъ или степень доктора правъ.

Относительно практическихъ занятій кандидатовъ, совѣтъ нижне-австрійской камеры постановилъ въ 1873 году:

1) что адвокатъ можетъ принимать къ себѣ для практики только такихъ кандидатовъ, которые обяжутся дѣйствительно посвятить себя адвокатской практикѣ подъ его надзоромъ и руководствомъ, и

2) что адвокатъ немедленно долженъ заявлять совѣту о выбытіи или пріостановкѣ практики кандидатомъ, какъ указано въ § 30 [1]).

Въ виду этого, совѣтъ слѣдитъ, чтобы кандидаты не отвлекались отъ практики посторонними занятіями и не вноситъ въ списокъ тѣхъ, которые занимаются какою-либо дѣятельностью, отнимающей у нихъ

[1]) Currende v. 17 Juli 1872.

время, нужное для практики. Только кандидатамъ, состоящимъ резервистами, зачитывается время, проведенное въ военныхъ упражненіяхъ или на военной службѣ.

«§ 31. Требуемое для указаннаго въ § 15 замѣстительства свидѣтельство изготовляется по заявленію адвоката, при которомъ состоитъ кандидатъ для практическихъ занятій, и теряетъ силу, какъ только кандидатъ перестаетъ находиться при немъ».

«§ 33. Адвокатское сословіе независимо отъ судовъ.

Отправленіе дисциплинарной власти надъ адвокатами и кандидатами принадлежитъ прежде всего—органамъ адвокатскаго сословія. Дисциплинарное производство, родъ и размѣръ наказаній, аппелляціонная инстанція и способъ обжалованія рѣшеній будутъ опредѣлены законодательнымъ путемъ въ особомъ дисциплинарномъ статутѣ.

Право судовъ примѣнять мѣры для поддержанія порядка въ судебныхъ засѣданіяхъ сохраняетъ свою силу».

Дисциплинарная власть. Обѣщанный въ послѣдней статьѣ дисциплинарный статутъ былъ изданъ 1 апрѣля 1872 года. Въ немъ содержатся подробныя постановленія объ отправленіи сословіемъ дисциплинарной власти надъ своими членами.

«§ 1. Надзоръ за внесенными въ списокъ адвокатами принадлежитъ прежде всего совѣту подлежащей адвокатской камеры.

Высшій надзоръ принадлежитъ министру юстиціи».

Но въ чемъ выражается этотъ высшій надзоръ, уставъ не опредѣляетъ.

«§ 2. Адвокатъ, нарушающій обязанности своей профессіи или пятнающій своимъ поведеніемъ какъ при исполненіи обязанностей, такъ и внѣ этого честь или достоинство сословія, подлежитъ дисциплинарному преслѣдованію со стороны компетентнаго суда».

«§ 3. Установленныя въ этомъ дисциплинарномъ статутѣ правила относительно адвокатовъ примѣняются по аналогіи къ кандидатамъ, внесеннымъ въ списокъ камеры».

«§ 5. Во главѣ каждой адвокатской камеры долженъ быть образованъ для ея округа дисциплинарный судъ.

Онъ состоитъ, если число внесенныхъ въ списокъ адвокатовъ менѣе 50, изъ семи членовъ, если это число отъ 50 до 100, изъ 9; а если свыше 100 то изъ 15. Замѣстители избираются въ числѣ 4 человѣкъ, а если въ совѣтѣ 15 членовъ, то въ числѣ 6.

При дисциплинарномъ судѣ состоитъ повѣренный изъ числа членовъ камеры съ двумя замѣстителями».

«§ 7. Предсѣдатель, члены дисциплинарнаго суда и ихъ замѣ-

стители, а также повѣренные и ихъ замѣстители избираются общимъ собраніемъ камеры.

Предсѣдатель и члены совѣта могутъ быть избираемы въ дисциплинарный судъ и въ повѣренные суда или замѣстители ихъ».

«§ 8. Каждый членъ камеры обязанъ принять избраніе въ дисциплинарный судъ или въ повѣренные суда, но можетъ отказаться по истеченіи срока отъ вторичнаго избранія».

«§ 10. Члены дисциплинарнаго суда и повѣренные отправляютъ свои обязанности безвозмездно».

Изъ этихъ постановленій видно, что въ Австріи членами дисциплинарнаго суда могутъ быть всѣ адвокаты, между тѣмъ какъ въ Германіи они назначаются предсѣдателемъ совѣта исключительно изъ членовъ совѣта. Затѣмъ, въ Германіи обязанности обвинителя въ дисциплинарномъ судѣ исполняютъ члены прокуратуры, а здѣсь представители самого сословія въ лицѣ состоящихъ при судѣ «повѣренныхъ камеры».

«§ 12. Дисциплинарныя наказанія суть слѣдующія:

1) письменный выговоръ;

2) штрафъ до 300 гульденовъ; онъ поступаетъ въ кассу для бѣдныхъ той общины, гдѣ живетъ адвокатъ;

3) запрещеніе практики на время не свыше года. Кандидаты въ адвокатуру приговариваются взамѣнъ этого наказанія къ увеличенію срока подготовки на время не свыше года или къ лишенію права замѣстительства на опредѣленное время;

4) исключеніе изъ списка;

Наложеніе того или другаго изъ этихъ наказаній зависитъ отъ размѣра вины и нанесеннаго ею вреда».

«§ 16. Если дисциплинарный судъ усмотритъ, что поставленное адвокату въ вину дисциплинарное нарушеніе должно быть наказуемо общими уголовными законами, то онъ долженъ заявить объ этомъ подлежащему уголовному суду.

Во все время уголовнаго производства адвокатъ не можетъ быть подвергнутъ дисциплинарному преслѣдованію за то же самое дѣяніе».

«§ 17. Дисциплинарный судъ имѣетъ право, если адвокатъ или кандидатъ въ адвокатуру подверглись уголовному преслѣдованію или предварительному заключенію, въ настоятельныхъ случаяхъ примѣнять во время производства предупредительныя мѣры, которыя могутъ простираться до запрещенія практики или лишенія права замѣстительства. О такомъ рѣшеніи должны быть немедленно извѣщаемы совѣтъ камеры, обвняемый и повѣренный камеры».

Вопросъ объ отношеніи дисциплинарной власти къ уголовной, только слегка затронутый австрійскимъ уставомъ, разработанъ подробно, какъ мы видѣли, въ германскомъ законѣ.

Въ слѣдующихъ статьяхъ опредѣленъ порядокъ дисциплинарнаго производства (§§ 23 — 45), приблизительно одинаковый съ тѣмъ, который установленъ въ Германіи. Единственная существенная разница состоитъ въ томъ, что обязанности прокуратуры возложены здѣсь, какъ уже было замѣчено, на «повѣреннаго камеры». Кругъ его дѣятельности опредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

«24. Повѣренный камеры призванъ выступать въ защиту чести и достоинства адвокатскаго сословія и исполненія адвокатскихъ обязанностей предъ дисциплинарнымъ судомъ, для преслѣдованія по собственному усмотрѣнію или по порученію совѣта камеры дѣяній, наказуемыхъ путемъ дисциплинарнаго производства.

Онъ обязанъ немедленно доводить до свѣдѣнія дисциплинарнаго суда обо всѣхъ дѣяніяхъ этого рода, которыя ему стали извѣстны по непосредственному усмотрѣнію или по сообщеніямъ другихъ лицъ, и принимать участіе въ слѣдствіи и производствѣ, дѣлая запросы, возбуждая и поддерживая обвиненіе и производя всѣ другія подобныя дѣйствія, согласно съ этимъ закономъ.

Онъ можетъ во всякое время знакомиться съ положеніемъ производящихся разслѣдованій посредствомъ осмотра актовъ и требовать сообщенія актовъ, но съ тѣмъ, чтобы этимъ не задерживать дисциплинарнаго производства.

Если онъ замѣтитъ проволочки и неправильности, то долженъ прибѣгнуть къ содѣйствію дисциплинарнаго суда, а если въ томъ виновенъ какой-нибудь органъ суда, то къ содѣйствію высшаго земскаго суда».

Внутреннее состояніе сословія. Такъ какъ организація австрійской адвокатуры основана приблизительно на тѣхъ-же принципахъ, какъ и организація германской, то вполнѣ понятно, что внутреннее состояніе той и другой почти одинаково. Поэтому все, что было сказано нами о современной адвокатурѣ Германіи (см. гл. V, § 5) относится и къ Австріи. Чтобы не повторяться, мы ограничимся только нѣсколькими дополнительными замѣчаніями.

Уставъ 1868 года осуществилъ всѣ мечты сторонниковъ реформы. «На насъ», говоритъ Пришль, принадлежащій какъ уже было замѣчено, къ сословію вѣнскихъ адвокатовъ: «былъ высыпанъ цѣлый рогъ изобилія всѣхъ тѣхъ даровъ, какіе только измышлялись какимъ либо нѣмецкимъ благодѣтелемъ адвокатуры. Къ образцовой сословной

автономіи была присоединена полная независимость отъ судовъ, свобода мѣстожительства и равноправность въ занятіи профессіей, равноправность, которая не терпитъ ни малѣйшихъ ограниченій и въ которой могли-бы позавидовать намъ германскіе адвокаты, далѣе, безусловная свобода въ вопросѣ о гонорарѣ и отсутствіе таксы и, наконецъ, полнѣйшая свобода доступа къ адвокатурѣ... Такъ какъ къ тому-же мы пользуемся въ теченіи почти 40 лѣтъ публичнымъ уголовнымъ судопроизводствомъ и институтомъ присяжныхъ, учрежденіями, которыя дѣйствительно открыли новое, прекрасное поприще для нашей дѣятельности, то слѣдовало-бы думать, что мы находимся въ настоящемъ Эльдорадо адвокатуры: столь много сдѣлано для достойнаго положенія адвокатскаго сословія по рецепту Фейербаха, Миттермайера, Гнейста и, не надо забывать, съѣзда германскихъ юристовъ» [1]).

Но на самомъ дѣлѣ замѣчается какъ разъ обратное явленіе. Адвокатура переполнилась; вслѣдъ за переполненіемъ явилась деморализація; сословныя учрежденія оказались не въ силахъ помочь горю. Правительство предложило въ 1884 г. палатамъ проэктъ новаго закона, заключавшійся въ томъ, чтобы увеличить срокъ стажа до 8 лѣтъ и дать камерамъ право (которымъ онѣ, впрочемъ, и безъ того пользуются) не вносить въ списокъ лицъ «незаслуживающихъ довѣрія» [2]). Такими мѣрами правительство думало уменьшить наплывъ въ адвокатуру.

Но проэктъ былъ отвергнутъ. Да если-бъ онъ и былъ принятъ, то все таки, по своей ничтожности, онъ не могъ принести сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ. Притомъ-же, главной причиной зла служитъ, какъ справедливо думаетъ Пришль, совмѣщеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ, и врядъ-ли удастся найти исходъ изъ этого печальнаго положенія, пока адвокаты будутъ исполнять обязанности повѣренныхъ. «Вы можете», говоритъ Пришль: «подвергать адвоката столькимъ и столь трудпымъ теоретическимъ и практическимъ экзаменамъ, какъ захотите, вы можете предписывать ему восемь лѣтъ подготовки или довольствоваться только тремя, вы можете допускать его по всѣмъ правиламъ германскаго устава, локализировать по всѣмъ направленіямъ и требовать заявленія участковому судьѣ о восьмидневной отлучкѣ, или-же дозволить ему свободное внесеніе въ списки и дѣятельность по своему усмотрѣнію

---

[1]) *Prischl*, 154.
[2]) *Prischl*, 462, Anm. 33. Annuaire de législation étrangère, 1885, 283.

безъ малѣйшаго ограниченія, насколько простираются предѣлы приличія; вы можете, наконецъ, установить таксу, сообразно съ которой нужно кормить этого ублюдка или-же не устанавливать ея, — тѣмъ не менѣе онъ всюду и всегда будетъ гибнуть вслѣдствіе раздвоенности его внутренняго существа, дѣлающей его неспособнымъ къ жизни, и обусловленнаго этимъ недостатка довѣрія, который онъ всюду встрѣчаетъ и не безъ основанія, такъ какъ весь институтъ въ дѣйствительности не заслуживаетъ никакого довѣрія... Правозаступникъ, къ подошвамъ котораго прикрѣплены свинцовыя гири судебнаго представительства, не позволяющія ему, несмотря на всѣ усилія, подняться въ идеальный міръ права и постоянно заставляющія его опускаться въ область низменныхъ земныхъ побужденій, такой правозаступникъ, въ честности, правдивости и безкорыстіи котораго всякій сомнѣвается съ полнымъ правомъ, замѣчая, что изъ-подъ его адвокатской тоги выглядываетъ портфель ходатая по дѣламъ, обреченъ на неминуемую гибель». Никакія палліативы и полумѣры не въ состояніи помочь этому злу: пока не будетъ произведена коренная реформа профессіи, до тѣхъ поръ онѣ, по выраженію Пришля, могутъ имѣть такое же значеніе для поднятія достоинства и нравственности адвокатуры, какъ соломинка—для спасенія утопающаго [1]).

---

[1]) *Prischl*, 157, 158.

VII.

РОССІЯ.

Литература:

К. К. Арсеньевъ: Замѣтки о русской адвокатурѣ, 1875.

Пальховскій: О правѣ представительства на судѣ, 1876.

Фойницкій: Защита въ уголовномъ процессѣ, 1885.

Макалинскій: С.-Петербургская присяжная адвокатура, 1889.

Носъ: Двадцатипятилѣтіе московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, 1891.

§ 1.

Съ древнѣйшихъ временъ до судебной реформы 1864 года.

Исторія славянскаго права представляетъ намъ любопытный фактъ: ни у одного изъ славянскихъ народовъ не успѣла развиться адвокатура въ чистомъ видѣ. Въ то время какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ правозаступничество и судебное представительство возникли одновременно и продолжали существовать независимо другъ отъ друга, у славянъ мы находимъ въ древнѣйшія времена только второй изъ этихъ институтовъ. Такъ, по Винодольскимъ законамъ (1288 г.), тяжущіеся могли присылать на судъ вмѣсто себя повѣренныхъ, носившихъ названіе «одветниковъ» или «одговорниковъ» [1]). Равнымъ образомъ, Полицкій статутъ (XIV в.) дозволяетъ сторонамъ прибѣгать къ помощи «прокуратуровъ» [2]). Въ Польшѣ судебные представители существовали подъ именемъ «про-

[1]) *Леонтовичъ:* Древнее хорвато-далматское законодательство, 1868, I, 39.
[2]) Ib., 141.

кураторовъ», адвокатовъ, пролокуторовъ» [1]), въ Чехіи «поручниковъ» или «речниковъ», въ Сербіи «приставовъ» и «парцевъ» [2]).

Что же касается правозаступничества, то оно долго не было извѣстно славянамъ и возникло не въ видѣ самостоятельнаго учрежденія, а въ связи съ судебнымъ представительствомъ и подъ его прикрытіемъ: судебное представительство мало по малу обратилось въ профессіональное занятіе особаго класса лицъ, которыя, будучи лучше другихъ знакомы съ правомъ, стали исполнять въ то же время роль правозаступниковъ.

Такое явленіе произошло и въ Россіи Древнѣйшіе памятники, какъ то договоры съ греками и Русская Правда, совершенно молчатъ о судебномъ представительствѣ. Отсюда можно съ полнымъ правомъ вывести заключеніе, что въ эту эпоху, какъ всегда бываетъ на первоначальной ступени юридическаго развитія, въ процессѣ господствовалъ принципъ личной явки безъ всякихъ изъятій [3]).

Впервые упоминается о судебномъ представительствѣ въ законодательныхъ сборникахъ XV вѣка. По Псковской Судной Грамотѣ (1397 — 1467) употреблять повѣренныхъ могли не всѣ, а только женщины, дѣти, монахи и монахини, дряхлые старики и глухіе [4]), т. е., другими словами, только тѣ лица, которыя по физической невозможности или по обычаю не могли являться въ судъ лично. Напротивъ, Новгородская Судная Грамота дозволяетъ имѣть повѣренныхъ всякому [5]).

Обязанности повѣренныхъ исполняли, во первыхъ, родственники тяжущихся [6]), а во вторыхъ, всѣ правоспособные граждане за исключеніемъ тѣхъ, которые, состоя на службѣ, были облечены властью,— несомнѣнно, во избѣжаніе вліянія съ ихъ стороны на судей [7]).

Первый классъ лицъ составляли естественные представители, а второй наемные. Изъ послѣднихъ мало по малу выработался институтъ профессіональныхъ повѣренныхъ.

---

[1]) *Macicjowskj:* Historya prawodawstw stowianskich, 1832, II, 79. *Bandke.* Jus polonicum, 1831: Statuta Casim. III, 1347, XI; Casim. IV, 1454, XXIII, Mazoviae 1540; Joan. Albert. 1496 etc.

[2]) *Macicjowskj*, ib; *Леонтовичъ*, ib., I, 141, 145.

[3]) *Владимірскій-Будановъ:* Обзоръ исторіи русск. пр.. 1888, 515.

[4]) Псков. Суд. Грам., ст. 58.

[5]) Новг. Суд. Грам., ст. 15. 18, 19, 32.

[6]) Новг. Гр., ст 16, 17, 18.

[7]) Псков. Суд. Грам., ст. 68, 69: «всякому властелю за друга не тягатись».

Первоначально господствующей формой судебнаго представительства было родственное, въ широкихъ размѣрахъ развившееся у всѣхъ славянскихъ, а равнымъ образомъ и германскихъ народовъ въ средніе вѣка [1]). Дѣти, братья, племянники, дворовые люди, а затѣмъ друзья—вотъ лица, которыя въ старыхъ памятникахъ чаще всего являются въ роли представителей [2]).

Но наряду съ ними дѣйствуютъ иногда и наемные повѣренные. Еще въ Псковской Судной Грамотѣ встрѣчается запрещеніе повѣреннымъ вести болѣе одного дѣла въ день [3]). Это постановленіе несомнѣнно относится къ наемнымъ повѣреннымъ и свидѣтельствуетъ, что правительство желало поставить преграду начавшему развиваться профессіональному ходатайству по чужимъ дѣламъ [4]). Въ позднѣйшихъ памятникахъ, именно въ Судебникахъ и Уложеніи Алексѣя Михайловича постоянно упоминается о наемныхъ повѣренныхъ, какъ о существующемъ институтѣ [5]). Такія-же упоминанія можно встрѣтить въ многочисленныхъ указахъ, вошедшихъ въ составъ Полнаго Собранія Законовъ [6]). Но напрасно было-бы искать въ нихъ какой-бы то ни было организаціи профессіи повѣренныхъ. Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ постановленій, касающихся запрещенія ходатайствовать по чужимъ дѣламъ чиновникамъ, какъ служащимъ [7]), такъ и отставнымъ [8]), или требующихъ совершенія письменной довѣренности [9]), наше законодательство вплоть до изданія Свода законовъ не содержитъ въ себѣ ничего относящагося къ организаціи института повѣренныхъ. Впервые Сводъ Законовъ, предоставивъ право всякому, «кто

---

[1]) *Шпилевскій*: Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, 1866, 146.

[2]) Ул. 1649, гл. X, ст. 108, 109, 149, 156, 157; гл. XVI, ст. 59 и др. *Кавелинъ*: Основныя начала русск. судоустройства и граждан. судопроизв. (Сочиненія, I, 82).

[3]) Псков. Суд. Грам., ст. 71: «а одному пособнику одного дня за два орудиа не тягатся».

[4]) *Владимірскій-Будановъ*: Обзоръ ист. русск. пр., 515

[5]) Судеб. 1497, ст. 36; Ул. 1649, X, 108; XIV, 5. Судеб. 1550, ст. 13: «окольничему и дьяку вспросити истцовъ и отвѣтчиковъ: кто за ними стряпчіе и поручники». Татищевъ дѣлаетъ къ этой статьѣ такое примѣчаніе: «стряпчіе» были разныхъ качествъ: 1) подобные камеръ-юнкерамъ, которые стряпню за государемъ носили (шапку, рукавицы, платокъ и носохъ), 2) дворцовые служители, 3) *то самое, что юристы называются, ходили въ Приказахъ за дѣлами господъ своихъ и за посторонними изъ найму.*

[6]) 1 Пол. Соб. Зак. т. II, № 1140, док. 2, п. 5; т. III, № 1572; V, 3006 и др.

[7]) П. С. З.; XII, № 9279; XXX, № 23189.

[8]) П. С. З., XXI, № 15172.

[9]) П. С. З., V, № 3282, 3285 и др.

можетъ по закону быть истцомъ и отвѣтчикомъ, производить тяжбу и искъ черезъ повѣреннаго» и опредѣливъ, что «повѣренный, дѣйствуя въ судѣ вмѣсто вѣрителя, представляетъ его лицо» [1]), точно обозначилъ кругъ лицъ, которымъ запрещалось заниматься судебнымъ представительствомъ.

Именно повѣренными не могли быть: 1) малолѣтніе; 2) удѣльные крестьяне по дѣламъ крестьянъ ихъ вѣдомства (по остальнымъ дѣламъ съ разрѣшенія удѣльнаго начальства; 3) духовныя особы; 4) монахи и монахини; 5) чиновники; 6) лица всякаго сословія, которыя, бывъ преданы суду за преступленія, наказуемыя лишеніемъ правъ состоянія или отдачей въ солдаты, или ссылкой въ Сибирь и публичными работами, освобождены отъ этого наказанія по всемилостивѣйшимъ манифестамъ, или-же остались неоправданными за прекращеніемъ дѣлъ вслѣдствіе этихъ манифестовъ; 7) лица, лишенныя по суду добраго имени, хотя-бы они и не были лишены всѣхъ правъ состоянія; 8) лица, подвергшіяся по суду за уголовныя преступленія тѣлесному наказанію, хотя-бы они и не были исключены изъ городскихъ и сельскихъ обществъ; 9) чиновники и канцелярскіе служители, исключенные изъ службы за преступленія или дурное поведеніе и 10) состоящіе подъ надзоромъ полиціи и всѣ тѣ, коимъ за противозаконные поступки запрещено ходатайство по дѣламъ [2]). Всѣ остальные граждане, не вошедшіе въ этотъ списокъ, имѣли право быть повѣренными [3]).

Но на этомъ и оканчиваются постановленія Свода Законовъ относительно судебнаго представительства. Никакихъ положительныхъ требованій, вродѣ образовательнаго и нравственнаго ценза, къ повѣреннымъ не предъявлялось; никакой внутренней организаціи ихъ установлено не было. До изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 года судебное представительство продолжало оставаться абсолютно-свободной профессіей.

Обращаясь къ вопросу о сферѣ дѣятельности повѣренныхъ, мы замѣчаемъ, что въ разныя эпохи она была различна. Въ древнѣйшее время, когда уголовный процессъ еще не отдѣлился отъ гражданскаго, участіе повѣренныхъ допускалось въ дѣлахъ обоего рода. Но по мѣрѣ того, какъ судопроизводство, начиная съ Судебниковъ, стало распадаться на двѣ формы: состязательную («судъ») и слѣдственную

[1]) X т., ч. 2 (изд. 1857 г.), ст. 184, 191.
[2]) Ib., ст 195.
[3]) Ib, ст. 185.

(«розыскъ»), роль повѣренныхъ подвергалась измѣненіямъ. Оставаясь въ полной силѣ для состязательнаго процесса, судебное представительство не допускалось въ слѣдственномъ. Съ теченіемъ времени границы «розыска» все болѣе расширялись: появившись въ видѣ изъятія для тяжкихъ уголовныхъ преступленій, онъ постепенно пріобрѣлъ значеніе общаго порядка производства и оттѣснилъ обвинительный процессъ на задній планъ. Со временъ Петра Великаго розыскъ становится господствующей формой [1]) и вплоть до 1864 г. примѣняется какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ [2]). Не безполезно будетъ разсмотрѣть, въ чемъ выражалась дѣятельность повѣренныхъ въ дореформенномъ процессѣ.

Уголовныя дѣла разбирались въ порядкѣ слѣдственнаго и тайнаго производства. Одинъ изъ членовъ суда разсматривалъ акты предварительнаго слѣдствія и дѣлалъ изъ нихъ извлеченіе или выписку, которая представлялась другимъ членамъ и служила единственнымъ матеріаломъ для постановленія приговора [3]). Та часть процесса, которая носитъ названіе судебнаго слѣдствія и считается самымъ важнымъ моментомъ для отысканія матеріальной истины, совершенно отсутствовала. Ни о допросѣ свидѣтелей на судѣ, ни о разработкѣ доказательствъ не было и рѣчи. Само собой разумѣется, что адвокатурѣ здѣсь нечего дѣлать. Участіе повѣреннаго выражалось только въ томъ, что они могли быть уполномочиваемы совершать вмѣсто подсудимыхъ «рукоприкладство подъ записками» въ маловажныхъ дѣлахъ, оканчивавшихся въ первой инстанціи [4]). Тѣмъ не менѣе сознаніе необходимости уголовной защиты побудило законодателей допустить если не защиту, то хоть тѣнь ея или, вѣрнѣе, пародію на нее. Дѣло въ томъ, что прокуроры и стряпчіе, возбуждавшіе преслѣдованіе за преступленія, должны были въ то-же время заботиться, чтобы обвиняемый, пользовался всѣми способами защиты, предоставленными ему закономъ [5]).

Такая-же обязанность наблюденія за интересами подсудимаго

---

[1]) П. С. З., III, № 1572, Ук. 1697 г., п. 2: «а вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ по челобитью чинить розыскъ».

[2]) Хотя Петръ Великій въ 1723 г возстановилъ состязательный процессъ въ видѣ «суда по формѣ», но на практикѣ господствовалъ «розыскъ» сначала въ уголовныхъ дѣлахъ, а затѣмъ и въ гражданскихъ.

[3]) XV т., 2 ч., ст. 279, 287, 349 и др (изд. 1857 г.) *Баршевъ*: Основанія угол. судопр. 1841, 222—233. *Гартунгъ*: Исторія угол. судоустр. и судопроизв., 1868, 186.

[4]) XV т., ч. 2, ст. 353 (1857 г.)

[5]) Ib., ст. 145.

возлагалась и на «депутатовъ», которые избирались изъ того сословія или вѣдомства, къ которому онъ принадлежалъ [1]). Депутаты присутствовали при слѣдствіи, наблюдали за правильнымъ производствомъ его и по окончаніи удостовѣряли его рукоприкладствомъ, а въ случаѣ несогласія могли предъявлять свое мнѣніе [2]). Прокуроры и стряпчіе имѣли право предлагать свои заключенія на судѣ.

Гражданскій процессъ основывался на тѣхъ-же принципахъ, какъ и уголовный. Предварительная подготовка состояла въ томъ, что тяжущіеся обмѣнивались четырьмя состязательными бумагами: прошеніемъ, отвѣтомъ, возраженіемъ и опроверженіемъ. Эта процедура занимала не менѣе 4 мѣсяцевъ и могла въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолжаться до двухъ лѣтъ. Затѣмъ, изъ всего производства дѣлалась «выписка» или докладная записка, которая сообщалась тяжущимся для прочтенія и подписи, причемъ они могли просить о дополненіи и измѣненіи ея. При докладѣ дѣла въ засѣданіи суда, до начала «сужденія объ ономъ», т. е. при чтеніи записки, могли присутствовать тяжущіеся или ихъ повѣренные. Но обсужденіе дѣла и постановленіе рѣшенія происходили при закрытыхъ дверяхъ [3]).

Дѣятельность повѣренныхъ въ такомъ процессѣ заключалась въ «хожденіи по дѣлу», т. е. въ сочиненіи состязательныхъ бумагъ, подачахъ ихъ, явкахъ въ судъ, представленіи доказательствъ, присутствіи при докладѣ дѣла, — словомъ, ихъ обязанности приблизительно совпадали съ обязанностями французскихъ авуэ и англійскихъ атторнеевъ. Разница заключалась только въ томъ, что имъ не къ кому было обращаться за юридическими совѣтами, и что, поэтому, волей-неволей они должны были исполнять роль правозаступниковъ.

Институтъ повѣренныхъ оставилъ послѣ себя печальную память. Законодатели всегда косо смотрѣли на ихъ дѣятельность. Петръ Великій упрекалъ ихъ въ томъ, что они «своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ и дѣло къ вящему пространству, нежели скорому приводятъ окончанію» и называлъ ихъ «ябедниками, составщиками воровъ и душевредцовъ» [4]). Названіе «ябедниковъ» удержалось за ними и въ послѣдующее время. Многочисленность законовъ, относящихся къ ябедничеству, и стро-

---

[1]) Іb., ст. 149. Депутаты избирались для лицъ, принадлежавшихъ къ званіямъ: духовному, военному, купеческому, мѣщанскому и нѣк. др,
[2]) Іb., ст. 152.
[3]) X т., ч. 2, ст. 443—447, 465 и др. (1857 г.).
[4]) П. С. З., т. V, № 3006, п. 1; т. III, № 1572.

гость положенныхъ въ нихъ наказаній свидѣтельствуютъ, что это явленіе было очень распространено и требовало суровыхъ репрессивныхъ мѣръ [1]). По Уложенію 1649 года ябедники подвергались тѣлесному наказанію и тюремному заключенію [2]), а послѣ троекратнаго осужденія лишались права ходатайствовать по чужимъ дѣламъ [3]). Позднѣйшій указъ грозилъ ябедникамъ лишеніемъ чести и отнятіемъ всего имѣнія [4])—Елисавета писала въ одномъ указѣ 1752 г. «къ крайнему неудовольствію нашему слышимъ разореніе и притѣсненіе нашихъ подданныхъ отъ ябедниковъ» [5]). Въ Полномъ Собраніи законовъ упоминаются даже фамиліи нѣкоторыхъ ходатаевъ по дѣламъ, уличенныхъ въ ябедничествѣ. Въ одномъ указѣ запрещается ходатайство отставному прапорщику князю Никитѣ Андреевичу Хованскому [6]), въ другомъ отставному подпоручику Кригеру [7]), а въ третьемъ приведенъ цѣлый списокъ «живущихъ праздно въ городѣ Казани безъ должностей чиновниковъ и другаго званія людей, списывающихъ пропитаніе отъ писанія разнымъ людямъ просьбъ» и за ябедничество лишенныхъ права заниматься этимъ дѣломъ [8]). Словомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что исторія нашей древней адвокатуры—въ сущности исторія ябедничества.

Въ XIX вѣкѣ внутреннее состояніе института повѣренныхъ было не лучше, чѣмъ прежде. Проф. Лохвицкій слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ ихъ въ 1860 г.: «повѣренные, для которыхъ стряпчество составляетъ профессію, у насъ двухъ родовъ: одни—прямые наслѣдники подъячихъ стараго времени; они берутъ по двугривенному и штофу водки за сочиненіе просьбы, по пяти и десяти цѣлковыхъ за фальшивый паспортъ; есть у нихъ и такса за фальшивое свидѣтельство, за фальшивую подпись и проч. Что ни дѣлало наше законодательство со временъ Петра Великаго противъ нихъ, все осталось безплоднымъ, потому что они—естественное слѣдствіе закрытаго и письменнаго судопроизводства, суда по одной буквѣ за-

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 4460, XV, 11181; XVI, 11624; XX, 14392 и др.
[2]) Ул. 1649, X, 186,
[3]) Ib., 188.
[4]) П. С. З., IV, № 2330.
[5]) П. С. З., XIII, № 9989. Въ другомъ указѣ говорится тоже самое: въ производимыхъ судахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ, и отъ повѣренныхъ многіе споры недѣльные происходятъ (т. XV, № 11181).
[6]) П. С. З., XIII, № 9989.
[7]) Ib., XX, 14567.
[8]) Ib. XXIX, 22076.

кона, отсутствія всякой гласности въ судопроизводствѣ, отсутствія установленія правильной адвокатуры. Есть и другой родъ частныхъ повѣренныхъ,—аристократическій. Это люди съ приличными манерами, хорошо одѣвающіеся, берущіе за составленіе бумагъ по нѣсколько сотъ рублей;—они бываютъ большею частью изъ кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Они презираютъ дешевыхъ подъячихъ, хотя часто обращаются къ нимъ для кое-какихъ продѣлокъ; они украшаютъ себя громкимъ именемъ адвокатовъ, неизвѣстно, по какому праву и на какомъ основаніи. Въ Бессарабіи, напримѣръ, въ одной изъ цвѣтущихъ сторонъ нашихъ адвокатовъ, есть лица, пользующіяся громкой извѣстностью, нажившія себѣ большое состояніе, и самый невинный недостатокъ которыхъ состоитъ въ томъ, что они въ одно и то-же время пишутъ бумаги и истцу, и отвѣтчику, и, конечно, съ обоихъ берутъ деньги». [1])

Характеристика, сдѣланная Лохвицкимъ, подтверждается и другими авторами. Такъ. г. Депнъ говорилъ о повѣренныхъ, что они берутся «за всякое дѣло, не разсуждая о томъ, правое ли оно или неправое, тѣмъ болѣе, что они не отвѣчаютъ передъ закономъ за веденіе неправаго дѣла... Ходатай по дѣламъ, влекомый личнымъ интересомъ, вступаетъ въ услуженіе къ своему довѣрителю, подчиняетъ свою волю его волѣ. Отъ успѣха или неуспѣха исхода дѣла зависитъ интересъ ихъ обоихъ, и ходатай, разумѣется, долженъ всѣми мѣрами стараться, что называется, выиграть дѣло, и тотъ ходатай искуснѣе, который несмотря на всю видимую неправду, выигрываетъ дѣло. Онъ не преслѣдуетъ право своего довѣрителя, онъ защищаетъ только его интересъ, его желаніе, онъ становится слѣпымъ, по большей части, опаснымъ его оружіемъ, и часто бываетъ поборникомъ несправедливости, притѣснителемъ невиннаго, врагомъ права, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ дѣйствуетъ именемъ другаго, и потому отклоняетъ отъ себя всякую законную и нравственную отвѣтственность. Такое отношеніе ходатая къ своему довѣрителю унижаетъ достоинство человѣка, но унижаетъ не потому, что онъ служитъ у кліента своего по найму, а потому, что онъ подчиняется совершенно его волѣ и часто бываетъ защитникомъ неправды, лжи, обмана, ложно истолковывая законы для того, чтобы дать господство неправдѣ. Въ этомъ заключается причина, почему рѣдко порядочный человѣкъ возь-

[1]) *Лохвицкій*: О нашихъ ходатаяхъ по дѣламъ («Рус. Слово» 1860, № 2. 44, 45).

мется за ходатайство по дѣламъ. Онъ знаетъ, что въ виду огромной выгоды трудно устоять противъ соблазна взяться за неправое дѣло, особенно когда предвидитъ, что, все равно, другой возьмется его защищать и получитъ эту выгоду. Ему трудно идти противъ всеобщаго убѣжденія, что это не предосудительно, онъ никогда не составитъ себѣ ни имени, ни славы, а значитъ и не увеличитъ своего состоянія, развѣ бы случай его вывезъ. Таково положеніе ходатаевъ по дѣламъ. Поэтому большая часть ихъ люди необразованные, незнающіе ни законовъ, ни порядка судопроизводства, между тѣмъ къ защитѣ ихъ должны прибѣгать тяжущіеся, потому что имъ нужны защитники». [1])

Ходатаи по дѣламъ подлежали наравнѣ съ другими лицами, служащими по личному найму, какъ то учителями, гувернерамк, камердинерами и такъ далѣе вплоть до чернорабочихъ, записке въ конторѣ адресовъ и уплатѣ адреснаго сбора. [2]) Въ этомъ, собственно говоря, еще не было ничего унизительнаго. Но вотъ что происходило отсюда. Ходатай получалъ изъ указанной конторы билетъ, который долженъ былъ предъявлять всякому лицу, которое «нанимало» его, какъ предъявляетъ прислуга своему хозяину. «Но этимъ», говоритъ г. Рѣпинскій: «еще не ограничивается униженіе. Оно доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Адвокатъ выпиваетъ всю чашу его. Такъ, если онъ выигрываетъ процессъ или вообще разстается со своимъ кліентомъ-хозяиномъ миролюбиво, безъ непріятныхъ столкновеній, то послѣдній имѣетъ право оскорбить его нравственное чувство, затронуть его достоинство самымъ жестокимъ образомъ, а именно: онъ имѣетъ право, въ знакъ особой своей хозяйской милости, сдѣлать въ адресномъ билетѣ адвоката отмѣтку, что остался доволенъ его службой». Если кліентъ не дѣлалъ такой отмѣтки, то «каждый новый кліентъ имѣлъ право заключить, какъ онъ дѣлаетъ это нанимая, напримѣръ. лакея, что предъявляющій ему билетъ неспособенъ, негоденъ или нечестенъ, или даже, что онъ былъ выгнанъ первымъ хозяиномъ изъ дому, какъ выгоняется пьяная, негодная прислуга.

Какъ не удивляться послѣ того, что профессія адвокатовъ находится у насъ по большей части въ рукахъ лицъ сомнительной нравственности, небезукоризненной честности, малосвѣдущихъ даже по своей части?» [3]).

---

[1]) Жур. Мин. Юст. 1861, № 12.
[2]) П. С. З., XXXIII, 26422; XXXVI, 27882.
[3]) *Рѣпинскій*: Повѣренные по дѣламъ. («Юрид. Вѣст.» 1860, № 5, стр. 8).

Наша изящная литература не разъ изображала типы дореформенныхъ ходатаевъ. Въ извѣстной комедіи Капниста «Ябеда» повѣренный Наумычъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свою профессію слугѣ Архипу:

„О если-бъ стряпчимъ былъ ты хотя полгодка,
То-бъ вѣрно проклинать не сталъ твою судьбину,
Когда-бъ былъ принужденъ нагнуть сто разъ въ день спину,
Верстъ тридцать обѣжать по городу пѣшкомъ
Въ дождь, слякоть иль морозъ и зной съ бумагъ мѣшкомъ;
Предъ солнцемъ на поклонъ не опоздать до члена;
Ждать часикъ у воротъ, хоть грязь и по колѣна;
И какъ ни гнали-бъ прочь, а доступъ получить;
Указовъ наизусть сто сотенъ затвердить;
Иль просидѣть съ перомъ тутъ ночи безъ засыпу,
А до удушья тамъ въ архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душой нельзя терпѣть;
Отъ всякаго сносить, ко всякому поспѣть;
А что несноснѣе, такъ цѣлы дни поститься,
И всѣхъ перепить, а самому трезвиться!
Со всѣмъ тѣмъ, послѣ всѣхъ докукъ, трудовъ, хлопотъ
Какъ дѣло иногда бываетъ въ черный годъ
Въ непользу барина свихнется сатаною,
То прійдетъ тутъ еще отдуться и спиною“ [1]).

Гоголь въ «Мертвыхъ душахъ» описываетъ одного изъ дореформенныхъ ходатаевъ подъ именемъ «юрисконсульта», къ которому въ трудную минуту обратился за совѣтомъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. «Этотъ юрисконсультъ», пишетъ Гоголь: «былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакимъ образомъ нельзя было отрѣшить его отъ должности. Всѣ знали, что за подвиги его слѣдовало бы шесть разъ послать на поселеніе. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было возвести явныхъ и доказательныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества». Извѣстно, на какія средства пустился этотъ «колдунъ», чтобы выгородить Чичикова. «Юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносенія; жандармскому чиновнику далъ знать, что секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы: секретно проживающаго чиновника увѣрилъ, что есть еще

---

[1]) *Капнистъ:* Ябеда, дѣйст. III, яв. 1.

секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносъ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ на лицо не видно, и такія, которыхъ и не было... Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума. Никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла». Въ комедіяхъ Островскаго—тоже выведено нѣсколько ходатаевъ стараго типа. Таковы, Сысой Псоичъ Расположенскій («Свои люди сочтемся»), мелкій кляузникъ, и Петровичъ, побывавшій, по его собственнымъ словамъ, въ «каменномъ мѣшкѣ, что острогомъ зовутъ, по одному казусному дѣлу, по прикосновенности» («Не было ни гроша, а вдругъ алтынъ»). Въ противоположность этимъ дѣльцамъ въ комедіи «Поздняя любовь» фигурируетъ честный и добросовѣстный повѣренный по дѣламъ Маргаритовъ. Можно найти портреты ходатаевъ и у Щедрина. Для примѣра укажемъ на Могильцева, «необыкновенно», по словамъ сатирика, «дѣятельнаго и увертливаго человѣка, проникшаго въ самую глубь кляузы», къ которому всѣ обращались за совѣтами, «хотя и знали, что совѣсть у него и направо и налѣво глядитъ, и что онъ готовъ одновременно служить и вашимъ, и нашимъ («Пошехонская старина»).

Недостатки дореформенной адвокатуры были засвидѣтельствованы оффиціально органами правительства. Такъ, государственный совѣтъ въ 1861 г. писалъ въ своемъ журналѣ: «одна изъ причинъ бѣдственнаго положенія нашего судопроизводства заключается въ томъ, что лица, имѣющія хожденія по дѣламъ, большею частью, люди, очень сомнительной нравственности, неимѣющіе никакихъ свѣдѣній юридическихъ ни теоретическихъ, ни практическихъ». На этомъ основаніи государственный совѣтъ призналъ необходимымъ созданіе организованной адвокатуры, безъ которой, по его мнѣнію, «невозможно будетъ введеніе состязанія въ гражданскомъ и судебныхъ преній въ уголовномъ судопроизводствѣ, съ цѣлью раскрытія истины и предоставленія полной защиты тяжущимся и обвиняемыхъ предъ судомъ» [1]).

Эта идея была осуществлена судебными уставами 1864 года. Но прежде, чѣмъ обратиться къ изложенію заключающихся въ нихъ

[1]) Суд. Уст., 1864 (оффиц. изд. 1864 г., т. III, 30).

постановленій, намъ нужно коснуться двухъ вопросовъ: во-первыхъ, положенія адвокатуры въ Западномъ Краѣ, а во-вторыхъ, организаціи института стряпчихъ въ коммерческихъ судахъ.

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ издавна существовали «присяжные» адвокаты, называвшіеся такъ потому, что передъ вступленіемъ въ профессію должны были приносить присягу. До 1790 г. ихъ участіе въ процессѣ считалось обязательнымъ: согласно шведскому закону 1695 г. на бумагахъ, подаваемыхъ въ судъ, должны были быть ихъ подписи наряду съ подписями тяжущихся, «дабы», какъ сказано въ законѣ, «тяжущіяся стороны пронырствомъ и обманомъ неизвѣстнаго сочинителя не могли введены быть въ убытки». Но указъ 1790 г. отмѣнилъ это постановленіе на томъ основаніи, что «было бы крайнее притѣсненіе, чтобы безъ подписи и одобренія присяжнаго адвоката ни отъ кого никакихъ бумагъ въ судѣ не принимать, хотя кто не меньше и самаго адвоката въ законахъ имѣетъ свѣдѣніе» [1]).

Въ Курляндіи число адвокатовъ ограничивалось комплектомъ, именно 8 лицами. Въ 1797 г. комплектъ былъ уничтоженъ, и было приказано «число адвокатовъ опредѣлять по просьбѣ жителей, и по разсмотрѣнію тамошнихъ Главныхъ Присутственныхъ мѣстъ, соразмѣрно количеству дѣлъ и надобности въ нихъ по каждому городу» [2]).

По закону 1840 г. адвокатами остзейскихъ губерній могли быть лица, имѣющія степень кандидата правъ или дѣйствительнаго студента, выдержавшія практическій экзаменъ и принесшія присягу. Съ 1846 г. стала требоваться степень магистра или доктора правъ» [3]).

По «Своду мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ» 1845 г., лица, имѣвшія дипломъ на ученую степень, подвергались практическому экзамену и получали отъ суда аттестатъ на званіе адвоката. Число адвокатовъ опредѣлялось комплектомъ; дисциплинарная власть принадлежала судамъ; отказъ отъ принятія дѣла допускали только по законнымъ причинамъ; дисциплинарныя наказанія состояли изъ замѣчанія, выговора, ареста и «отрѣшенія отъ должности;» счеты судебныхъ издержекъ и гонорара провѣрялись судомъ [4]).

Въ такомъ видѣ находилась остзейская адвокатура до 1890 г.

---

[1]) П. С. З. XXIII, 16844.
[2]) П. С З., XXIV, 17717.
[3]) П. С. З. (2-е), XV, 13631.
[4]) Сводъ Мѣст. Узак. Губ. Остз., ст. 100—120. *Янсвичъ-Яневскій*: Объ адвокатахъ и адвокатурѣ въ Россіи («Отеч. Зап.» 1858, № 7).

Весьма стройную организацію получила адвокатура Литвы вскорѣ послѣ присоединенія послѣдней къ Россіи. Въ 1797 г. литовскій губернаторъ прислалъ донесеніе, въ которомъ указалъ на то, что адвокаты, «употребляя во зло знаніе законовъ и правъ тамошнихъ, вмѣсто того, чтобы помогать тяжущимся въ полученіи, а судамъ въ отданіи справедливости, наичаще умножаютъ только ябеды, распри, ссоры и бываютъ причиной вражды и разоренія фамилій», и предложилъ организовать адвокатуру слѣдующимъ образомъ. Каждый желающій стать адвокатомъ долженъ удовлетворять тремъ условіямъ: *1) имѣть свидѣтельство о «наукѣ въ школахъ»*, 2) «обучаться прилежно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подъ смотрѣніемъ искуснаго человѣка или въ канцеляріи, подъ смотрѣніемъ Регента» и 3) быть дворяниномъ и обладать имѣніемъ («деревнями»). Изъ кандидатовъ, совмѣщавшихъ въ себѣ эти условія, судъ долженъ избирать наиболѣе достойнаго и назначать его на открывшуюся вакансію. Дисциплинарная власть принадлежитъ суду, который можетъ отрѣшить адвоката отъ мѣста за слѣдующіе проступки: 1) подговоръ къ начатію несправедливой тяжбы, 2) нерадѣніе къ хожденію по дѣламъ; 3) измѣну кліенту; 4) подговоръ къ тяжбѣ съ условіемъ получить въ случаѣ выигрыша ея часть прибыли; 5) пріобрѣтеніе чужой тяжбы; 6) надоѣданіе суду «напрасными рѣчами» или безпричинное оскорбленіе противника; 7) появленіе на судѣ въ пьяномъ видѣ; 8) изобличеніе въ «картежной заповѣдной игрѣ» или въ какихъ нибудь «распутствахъ;» 9) взяточничество или требованіе «излишней и несоразмѣрной съ важностью дѣла награды»; 10) осужденіе за уголовное преступленіе («криминальный проступокъ») [1]; 11) отлучка «во время каденціи безъ вѣдома суда», 12) отказъ или небрежное веденіе дѣла сиротъ и неимущихъ по назначенію суда.

Адвокаты должны были, по мысли губернатора, отличаться безкорыстіемъ «Ежели кто станетъ требовать излишней платы и по сей причинѣ не возьмется за производство дѣла, то судъ долженъ ему оное приказать, а ежели сіе часто съ нимъ случится, отрѣшить отъ мѣста». Проэктъ губернатора былъ принятъ и утвержденъ правительствомъ [2].

---

[1]) П. С. З., XXIV, № 18266. Сенатъ сдѣлалъ только одно измѣненіе въ проэктѣ: выборъ адвокатовъ предоставилъ не суду, а дворянскому обществу. Но эта поправка была вскорѣ уничтожена. П. С. З., XXV, 1842, 7.

[2]) Въ 1821 г. адвокаты лишились монополіи веденія дѣла, которое было дозволено всѣмъ правоспособнымъ лицамъ, а въ 1840 г. на западныя губерніи были распространены общіе гражданскіе законы. П. С. З., №№ 28660 и 13591 (II).

Въ губерніяхъ Царства Польскаго русское правительство организовало адвокатуру въ 1808 году. Адвокаты были раздѣлены на три разряда: патроновъ, состоящихъ при судахъ первой инстанціи, адвокатовъ—при аппелляціонныхъ судахъ и меценатовъ или, иначе, защитниковъ—при кассаціонномъ судѣ. Дѣятельность ихъ вначалѣ была локализирована, но съ теченіемъ времени патроны получили право вести дѣла во второй инстанціи каждый разъ съ разрѣшенія «директора правительственной коммиссіи юстиціи» и при участіи («ассистенціи») адвоката, который долженъ былъ контролировать ихъ дѣйствія, и, равнымъ образомъ, адвокатамъ дано было право выступать въ кассаціонномъ судѣ подъ условіемъ такого-же разрѣшенія и при «ассистенціи» мецената. Допущеніе къ профессіи зависѣло отъ высшей судебно-административной власти Царства Польскаго. Дисциплинарный надзоръ принадлежалъ судамъ. Сословная организація, не смотря на неоднократныя попытки, не была установлена [1]).

Такимъ образомъ, во всемъ Западномъ Краѣ существовала съ начала XIX вѣка оффиціальная адвокатура, организованная по германскому образцу того времени.

Въ виду этого, возникаетъ интересный вопросъ: почему правительство не распространило такой организаціи на всѣ русскія губерніи? Объясненія нужно искать въ личныхъ взглядахъ нашихъ государей на адвокатуру. Такъ, Екатерина II писала Гримму въ 1790 г.: «противъ ябедниковъ во всѣхъ странахъ придумываютъ законы и даже очень строгіе, а во Франціи (ябедники) возведены въ роль законодателей... Адвокаты, соображаясь съ тѣмъ, когда и какъ имъ заплатили, поддерживаютъ то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое. Я бы прежде всего удалила этихъ людей и не стала бы бороться по частичкамъ съ тѣмъ, что они натворили или творятъ; это пришло бы послѣ». Въ такомъ же смыслѣ выражалась она въ другомъ письмѣ: «главная тому причина, что адвокаты и прокураторы у меня не законодательствуютъ и никогда законодательствовать не будутъ, пока я жива, а послѣ меня будутъ слѣдовать моимъ началамъ» [2]).

Опасенія Екатерины раздѣлялъ и ея внукъ императоръ Нико-

---

[1]) *Любавскій*: Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. IV, 1878, 160. Эта организація существовала въ Царствѣ Польскомъ до реформы 1876 г. *Юреневъ*: Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ («Журн. гражд. и уг. пр.», 1875, кн. 5 и сл.).

[2]) *Семановъ*: Наши реформы («Рус. Вѣст.» 1884, № 1, 306, 307).

лай I. Г. Колмаковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что когда однажды князь Дм. Вл. Голицынъ указалъ Государю на необходимость адвокатуры, Государь нахмурился и отвѣтилъ: «Ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и еще во время революціи, а потому и неудивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки. А кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ [1]) и другіе? Нѣтъ, князь, пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты, проживемъ и безъ нихъ» [2]).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что какъ Екатерина II, такъ и Николай I не желали введенія адвокатуры потому, что опасались ея вреднаго политическаго вліянія. Едва ли нужно подробно доказывать неосновательность такого опасенія. Адвокатура—институтъ юридическій, а не политическій. Она преслѣдуетъ тѣ же задачи, что и судъ: защиту права, осуществленіе закона. Поэтому, ея политическое значеніе не больше того, какое имѣетъ правильно организованный, безпристрастный и независимый судъ. Единственное преимущество, которымъ пользуются адвокаты въ парламентарныхъ странахъ сравнительно съ другими гражданами, это ихъ привычка къ преніямъ, благодаря которой они имѣютъ больше шансовъ выдвинуться и занять первыя мѣста въ представительномъ правленіи. Примѣръ той самой Франціи, на которую ссылались оба государя, какъ нельзя лучше доказываетъ нашу мысль. Развѣ адвокатура не процвѣтала тамъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ наряду съ господствомъ феодализма и абсолютнаго монархизма? Не адвокаты были виновниками революціи 1789 года, и если они принимали участіе въ ней, то не въ большей степени, чѣмъ представители другихъ сословій и профессій. И кто въ эту эпоху безначалія, произвола и смутъ оставался вѣрнымъ принципамъ права и справедливости, кто во имя закона и гуманности осмѣливался съ опасностью для собственной жизни подавать руку помощи несчастнымъ жертвамъ террора какъ не тѣ же самые адвокаты?

Перейдемъ къ адвокатурѣ въ коммерческихъ судахъ.

Она была организована закономъ 14 мая 1832 года, и установленная имъ организація продолжаетъ существовать по настоящее время.

Заниматься практикой въ коммерческомъ судѣ могутъ только тѣ лица, которыя внесены въ списокъ присяжныхъ стряпчихъ, существующій въ каждомъ такомъ судѣ. Желающіе быть внесенными въ

---

[1]) Изъ нихъ только Робеспьеръ на самомъ дѣлѣ былъ адвокатомъ.
[2]) «Рус. Стар.» 1886, № 12, 535, 536.

него должны представить суду «аттестаты, послужные списки и прочія свидѣтельства о званіи ихъ и поведеніи, какія сами признаютъ нужными». Судъ разсматриваетъ эти документы и, «по личномъ освѣдомленіи о свойствахъ просителя» или вноситъ его въ списокъ или «объявляетъ словесно отказъ» безъ всякаго объясненія причинъ. Стряпчій, внесенный въ списокъ, тоже можетъ быть исключенъ по усмотрѣнію суда «безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, съ означеніемъ только въ протоколѣ причинъ исключенія». По внесеніи въ списокъ, стряпчій присягаетъ и получаетъ право заниматься ходатайствомъ по дѣламъ. Число стряпчихъ не опредѣлено, но суду вмѣняется въ обязанность имѣть «попеченіе, чтобы оно было достаточно, и чтобы тяжущіяся стороны не затруднялись въ выборѣ ихъ» [1]).

Изъ этихъ постановленій видно, что судьба присяжныхъ стряпчихъ всецѣло находится въ рукахъ суда: по его благоусмотрѣнію они допускаются къ практикѣ, по его желанію могутъ быть исключены изъ списка даже безъ объясненія причинъ. Такая неограниченная власть судовъ приносила на практикѣ до реформы 1864 г. весьма печальные результаты: въ присяжные стряпчіе поступали только лица, угодныя предсѣдателю и членамъ суда, причемъ, находясь въ полной зависимости отъ судей, они не могли обнаруживать необходимой свободы дѣйствій и мужества при защитѣ чужихъ правъ [2]). Съ изданіемъ судебныхъ уставовъ 1864 г. положеніе вещей измѣнилось къ лучшему, такъ какъ въ число стряпчихъ стали поступать присяжные повѣренные, т. е. лица, обладающія опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ, а также умственнымъ и нравственнымъ цензомъ [3]).

Таковы были формы адвокатуры въ Россіи до введенія уставовъ 1864 года.

§ 2.

Судебная реформа 1864 г. и современная организація адвокатуры.

Цѣль изданія новыхъ судебныхъ уставовъ заключалась, какъ писалъ Императоръ Александръ II въ указѣ Правительствующему

---

[1]) Св. З. т. XI, ст. 1291—1297 (изд. 1857 г.); т. XI, ч. 2, ст. 34—14 (изд. 1887 г.).

[2]) *Рѣпинскій*: Повѣрен. по дѣламъ («Юр. В.», 1860, № 5, с. 10).

[3]) *Граціанскій*: Безпорядки въ адвокатурѣ. («Юрид. Лѣт.» 1890, № 7, 106).

Сенату, въ томъ, чтобы «водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго» [1]). Судебные уставы вполнѣ соотвѣтствовали этой великой цѣли. Они даровали полную самостоятельность судебной власти, отдѣливъ ее отъ административной. Они создали стройную и прочную систему судебныхъ инстанцій, обезпечивающую быстроту и единство въ отправленіи правосудія. Они позаботились о надлежащемъ составѣ судебнаго персонала, объ умственномъ и нравственномъ цензѣ, объ обезпеченномъ матеріальномъ положеніи и несмѣняемости его. Далѣе, они привлекли къ участію въ отправленіи правосудія народный элементъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, сословныхъ представителей и мировыхъ судей. Наконецъ, они преобразовали судопроизводство, обративъ его изъ тайнаго, слѣдственнаго и письменнаго въ гласное, состязательное и устное, и создали оффиціальный институтъ судебной защиты въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ.

Организація, данная адвокатурѣ судебными уставами, сохранилась съ небольшими измѣненіями, внесенными позднѣйшими законами 1874 и 1889 годовъ, до сихъ поръ.

Адвокатура находится въ настоящее время въ рукахъ двухъ классовъ лицъ: присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ повѣренныхъ. Это различіе не имѣетъ ничего общаго съ англо-французской системой, основывающейся на отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства. Присяжные точно такъ же, какъ и частные повѣренные, исполняютъ обѣ указанныя функціи; сферы ихъ дѣятельности совпадаютъ, и единственная разница между ними состоитъ въ томъ, что присяжные повѣренные обладаютъ высшимъ образовательнымъ цензомъ и пользуются нѣкоторыми преимуществами. Къ разсмотрѣнію ихъ организаціи мы теперь и обратимся.

Допущеніе къ профессіи. Условія, установленныя русскимъ законодательствомъ для допущенія къ присяжной адвокатурѣ, въ общемъ одинаковы съ тѣми, которыя приняты въ западно-европейскихъ государствахъ: двадцати-пятилѣтній возрастъ, русское подданство, аттестатъ университета или какого либо другаго высшаго учебнаго заведенія объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о

[1]) Судеб. Уст. 1864 г., I, XXXIX (оффиц. изд. 1864 г.).

выдержаніи экзамена въ этихъ наукахъ и практическая подготовка (ст. 354 учр. суд. уст.).

Помимо этихъ положительныхъ условій, законъ устанавливаетъ еще нѣкоторыя отрицательныя. Признавая, что адвокаты не должны ни отъ кого зависѣть и быть полноправными гражданами, безукоризненными въ нравственномъ отношеніи, онъ не допускаетъ къ адвокатурѣ:

1) «лицъ, состоящихъ на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя занимаютъ почетныя или общественныя должности безъ жалованья»; 2) объявленныхъ несостоятельными должниками и 3) опороченныхъ, т. е. а) подвергшихся по судебнымъ приговорамъ лишенію или ограниченію правъ состоянія, а также священнослужителей, лишенныхъ духовнаго сана по приговорамъ духовнаго суда; б) состоящихъ подъ слѣдствіемъ за преступленія и проступки, которые влекутъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, и неоправданныхъ по обвиненію въ такихъ преступленіяхъ и проступкахъ; в) исключенныхъ изъ службы по суду, или изъ духовнаго вѣдомства за пороки, или же изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ; и г) лишенныхъ по суду права ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, а также исключенныхъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ» (ст. 355 учр. суд. ут.).

Изъ этихъ постановленій видно, что русское законодательство, въ отличіе отъ иностранныхъ, не постановляетъ ничего о правѣ профессоровъ юридическихъ наукъ на занятіе адвокатурой. «При составленіи сей статьи» говорится въ мотивахъ, изданныхъ государственной канцеляріей: «предполагалось постановить, что въ число присяжныхъ повѣренныхъ не допускаются вообще лица, состоящія на службѣ, очевидно, потому, что отъ нихъ, какъ подчиненныхъ по роду ихъ службы различнымъ начальствамъ и несущимъ разныя обязанности, нельзя ожидать ни той независимости, которая признается необходимой для присяжнаго повѣреннаго, ни той свободы располагать своимъ временемъ, безъ которой невозможно исполнять *многочисленныя обязанности, соединенныя съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго*. Всѣ эти причины существуютъ въ отношеніи профессоровъ точно такъ-же, какъ и въ отношеніи прочихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ: *профессоры такъ же, какъ и прочіе* чиновники, подчинены своему начальству, и такъ же, если не больше, должны посвящать свое время на пользу обучаемой ими

молодежи. Если профессоръ вмѣсто того, чтобы слѣдить за успѣхами науки, приготовляться къ чтенію лекцій и совершенствовать систему своего преподаванія, будетъ заниматься въ судебныхъ мѣстахъ дѣлами тяжущихся или подсудимыхъ, которыя онъ приметъ на себя въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, то онъ не въ состояніи будетъ удовлетворять своихъ слушателей въ университетѣ, а нерѣдко будетъ имъ читать то, что уже отвергнуто наукой».

Профессоръ Фойницкій не согласенъ съ такими соображеніями и полагаетъ, что «въ адвокатскомъ трудѣ профессора юридическихъ факультетовъ находили бы богатый практическій матеріалъ для теоретической подготовки, что содѣйствовало бы сближенію между школой и жизнью» [1]). Это вполнѣ справедливо. Но если принять во вниманіе, что профессора и безъ того могутъ заниматься уголовными защитами наравнѣ со всѣми правоспособными лицами, что, съ другой стороны, «можно быть крупнымъ ученымъ и превосходнымъ профессоромъ, напр. международнаго права или политической экономіи, и не имѣть необходимыхъ для присяжнаго повѣреннаго свѣдѣній въ уголовномъ и гражданскомъ судопроизводствѣ» [2]), и что, наконецъ, русскіе адвокаты являются не только правозаступниками, но и повѣренными, а потому должны въ гражданскомъ процессѣ исполнять массу мелкой работы, отнимающей не мало времени и силъ, то нельзя не признать допущеніе профессуры къ ходатайству по гражданскимъ дѣламъ при современной организаціи русской адвокатуры нецѣлесообразнымъ.

Подготовка. Ст. 354 учр. суд. уст. различаетъ три вида подготовки. Кандидаты въ адвокатуру могутъ: 1) служить по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ пріобрѣтаются практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, 2) состоять кандидатами на судебныя должности и 3) заниматься судебной практикой подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ полагается пятилѣтній срокъ. Само собой понятно, что большинство присяжныхъ повѣренныхъ выходитъ изъ числа помощниковъ, и что только эти помощники могутъ быть названы стажіерами въ настоящемъ значеніи слова. Наше законодательство совершенно не касается вопроса объ организаціи института помощниковъ. Упомянувъ только вскользь о томъ, что помощ-

---

[1]) *Фойницкій*: Защита въ уг. пр., 1885, 38. Такого-же мнѣнія держится проф. Загоровскій («Жур. гр. пр». 1883, № 3, 495).

[2]) См. Хронику въ «Жур. гр. и уг. пр.» 1891, № 10 и 1892, № 5.

ники занимаются судебной практикой подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, оно болѣе не останавливается на нихъ. Какъ видно изъ мотивовъ, составители судебныхъ уставовъ считали нецѣлесообразнымъ дозволить помощникамъ самостоятельную судебную практику. «Такое дозволеніе», говорится въ мотивахъ: «было бы не согласно съ основными положеніями, которыми, для того чтобъ быть присяжными повѣренными, требуются какъ юридическое образованіе, такъ и служба въ продолженіи извѣстнаго времени по судебному вѣдомству. Если помощникъ присяжнаго повѣреннаго удовлетворяетъ обоимъ этимъ условіямъ, то онъ самъ можетъ приписаться въ число присяжныхъ повѣренныхъ; когда же онъ не совмѣщаетъ котораго-либо изъ этихъ условій, то не можетъ замѣнить присяжнаго повѣреннаго, слѣдовательно, и разрѣшеніе на ходатайство по дѣламъ наравнѣ съ присяжными повѣренными ему дано быть не можетъ. Посему положено не вводить въ уставъ правила о дозволеніи помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ принимать на себя хожденіе по дѣламъ».

Однако на практикѣ произошло какъ разъ обратное. Боясь, что число присяжныхъ повѣренныхъ будетъ въ первое время недостаточно, составители судебныхъ уставовъ дозволили тяжущимся поручать свои гражданскія дѣла кому они пожелаютъ (14 и 245 ст. уст. гр. суд. 1864 г.) а, слѣдовательно и помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ вышедшій въ 1874 г. законъ, отмѣнивъ это постановленіе, уравнялъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ съ частными повѣренными и дозволилъ имъ получать изъ судовъ свидѣтельства и заниматься самостоятельной судебной практикой на правахъ частныхъ повѣренныхъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время помощники, имѣющіе свидѣтельства отъ судовъ, ведутъ дѣла наравнѣ съ присяжными повѣренными.

Сословныя учрежденія. Составители судебныхъ уставовъ организовали внутреннее самоуправленіе адвокатуры по французскому образцу. Присяжные повѣренные приписываются къ судебнымъ палатамъ (ст. 356), образуютъ при каждой палатѣ особую коллегію, и если число членовъ коллегіи не менѣе двадцати, то входятъ въ палату съ просьбой о разрѣшеніи имъ избрать совѣтъ. Палата назначаетъ одного изъ своихъ членовъ, который созываетъ присяжныхъ повѣренныхъ и, по прибытіи не менѣе половины ихъ, открываетъ общее собраніе, гдѣ и производятся выборы предсѣдателя и совѣта по простому большинству голосовъ (ст. 357—360). Въ случаѣ ра-

ве́нства голосовъ, полученныхъ нѣсколькими кандидатами на одну и ту же должность, предпочтеніе отдается тому, кто раньше внесенъ въ списокъ адвокатовъ (ст. 360). Число членовъ совѣта точно не опредѣлено закономъ. Оно зависитъ отъ усмотрѣнія общаго собранія, но не должно быть меньше 5 и больше 15, включая предсѣдателя и товарища предсѣдателя (ст. 362). Списокъ членовъ совѣта передается прокурору судебной палаты и публикуется во всеобщее свѣдѣніе (ст. 364). Если для выборовъ совѣта прибудетъ менѣе половины присяжныхъ повѣренныхъ, то собраніе не состоится, и предсѣдатель совѣта назначаетъ его на другой срокъ. Если же и къ новому сроку соберется меньше половины членовъ, то новые выборы не производятся, а предсѣдатель вмѣстѣ съ товарищемъ и всѣми членами совѣта сохраняютъ свое званіе до слѣдующихъ выборовъ.

Помимо совѣтовъ, законъ создалъ отдѣленія совѣтовъ. Ст. 366 постановляетъ: «если въ какомъ либо городѣ, въ которомъ нѣтъ судебной палаты, имѣютъ мѣстожительства болѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, то они могутъ съ разрѣшенія состоящаго при мѣстной судебной палатѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ избрать изъ среды себя отдѣленіе совѣта при Окружномъ судѣ, въ такомъ составѣ и съ тѣми, изъ принадлежащихъ совѣту, правами, которыя будутъ имъ самимъ опредѣлены. Объ учрежденіи такого отдѣленія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и о правахъ ему совѣтомъ предоставленныхъ должно быть доводимо до свѣдѣнія судебной палаты».

Эта статья, какъ сказано въ мотивахъ къ судеб. уст., основана на томъ соображеніи, что «совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ установляется для надзора за сими послѣдними, и что вообще надзоръ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ ближе къ лицамъ подлежащимъ надзору».

Компетенція совѣта опредѣлена въ ст. 367.

«Къ обязанностямъ и правамъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежитъ: 1) разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, или выйти изъ этого званія, и сообщеніе судебной палатѣ о приписке ихъ, или отказѣ имъ въ этомъ; 2) разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ ими законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ пользой ихъ довѣрителей; 3) выдача присяжнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались осужденію совѣта; 4) назначеніе повѣренныхъ по очереди для

безвозмезднаго хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности; 5) назначеніе по очереди повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, обратившихся въ совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ таковыхъ; 6) опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному по таксѣ, въ случаѣ несогласія по сему предмету между нимъ и тяжущимся, и когда не заключено между ними письменнаго условія; 7) распредѣленіе между присяжными повѣренными процентнаго сбора, установленнаго 398 статьею сего учрежденія; 8) опредѣленіе взысканій съ сихъ повѣренныхъ, какъ по собственному усмотрѣнію совѣта, такъ и по жалобамъ поступающимъ въ совѣтъ».

Система дисциплинарныхъ наказаній (предостереженіе, выговоръ, запрещеніе практики на срокъ не свыше года и исключеніе изъ сословія), а также порядокъ дисциплинарнаго производства всецѣло построены по французскому образцу. Присяжный повѣренный, привлеченный къ дисциплинарной отвѣтственности приглашается дать объясненіе или явиться лично въ засѣданіе совѣта. Если онъ не исполнитъ этого и, притомъ, безъ уважительныхъ причинъ, то совѣтъ постановляетъ рѣшеніе на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній (ст. 370 — 373). Постановленія совѣта имѣютъ силу только въ томъ случаѣ, если въ немъ участвовало больше половины членовъ его. При равенствѣ голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Для запрещенія практики и исключенія изъ списка необходимо большинство двухъ третей голосовъ (ст. 376). На всѣ постановленія совѣта, кромѣ тѣхъ, которыми присяжный повѣренный подвергается предостереженію и выговору, допускается апелляція въ подлежащую судебную палату (ст. 376), опредѣленія которой постановляются въ дисциплинарномъ порядкѣ и считаются окончательными (ст. 377). Кассаціонныя жалобы, допускавшіяся въ теченіи долгаго періода времени, съ 1885 г. не принимаются Сенатомъ [1]).

Вмѣшательство прокуратуры во внутреннія дѣла сословія выражается въ томъ, что во 1) дисциплинарные приговоры совѣта какъ обвинительные, такъ и оправдательные сообщаются прокурору подлежащаго суда, что во 2) на эти приговоры онъ можетъ подавать протесты въ палату (ст. 370 и 376).

Всѣ изложенныя постановленія относятся какъ къ совѣтамъ, такъ и къ отдѣленіямъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 377, пр.). Въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ совѣта или отдѣленія его, обязанности ихъ исполняетъ окружной судъ (ст. 378). Послѣ введенія

---

[1]) *Джаншіевъ*: Вопросы адвокатской дисциплины, 1887, 18.

судебной реформы 1864 г. сословныя учрежденія успѣли образоваться только въ трехъ округахъ: петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ. Въ 1875 г. было пріостановлено дальнѣйшее учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, а въ 1889 г.—открытіе отдѣленій совѣтовъ. Такимъ образомъ, сословная организація существуетъ въ настоящее время только въ незначительномъ меньшинствѣ судебныхъ округовъ.

Законъ о судопроизводствѣ у земскихъ начальниковъ 1889 г. предоставилъ право уѣздному съѣзду «въ случаѣ неправильныхъ и предосудительныхъ дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ при веденіи ими дѣлъ, подсудныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, сообщать объ этомъ прокурору окружнаго суда, причемъ имъ можетъ быть воспрещено ходатайство по чужимъ дѣламъ въ подвѣдомственномъ суду уѣздѣ впредь до окончанія возбужденнаго по сообщенію съѣзда дисциплинарнаго о нихъ производства» [1]).

Внесеніе въ списокъ. Лица, удовлетворяющія требуемымъ закономъ условіямъ для поступленія въ адвокатуру, подаютъ прошеніе въ совѣтъ съ приложеніемъ нужныхъ документовъ, а совѣтъ, принявъ во вниманіе всѣ свѣдѣнія, какія признаетъ необходимыми, постановляетъ или о принятіи просителя въ число присяжныхъ повѣренныхъ, или объ отказѣ въ принятіи (ст. 381). Въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія свидѣтельство совѣта передается подлежащему Суду, который приводитъ вновь допущеннаго адвоката къ присягѣ. Согласно ея формулѣ, онъ обязуется: «хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержавцу Всероссійскому, исполнять въ точности и по крайнему разумѣнію законы Имперіи, не писать и не говорить на судѣ ничего, что могло бы клониться къ ослабленію православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, честно и добросовѣстно исполнять обязанности принимаемаго на себя званія, не нарушать уваженія къ судамъ и властямъ и охранять интересы довѣрителей». Затѣмъ, принятый въ число присяжныхъ повѣренныхъ вносится въ списокъ, о чемъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе (ст. 382).

Права и обязанности. Присяжные повѣренные могутъ принимать на себя веденіе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Но ни въ тѣхъ, ни въ другихъ они не пользуются монополіей. Въ гражданскомъ процессѣ вести дѣла тяжущихся могутъ частные повѣрен-

[1]) Правила о производствѣ суд. д., подвѣд. зем. нач. и город. судьямъ, 1889, ст. 9.

ные, а равнымъ образомъ, близкіе родственники тяжущихся (родители, супруги, дѣти) и лица, имѣющія общую тяжбу съ довѣрителями, или завѣдующіе ихъ дѣлами и имѣніями [1]).

Помимо того, по дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей, допускаются къ ходатайству всѣ правоспособные граждане, но не болѣе, какъ по тремъ дѣламъ въ теченіи года въ предѣлахъ одного и того же мироваго округа (ст. 406). Составители судебныхъ уставовъ думали установить монополію для присяжныхъ повѣренныхъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ число ихъ достигаетъ извѣстнаго комплекта, опредѣляемаго особой табелью, которая будетъ издаваться министромъ юстиціи (ст. 386 и 387). Но до настоящаго времени еще не было издано ни одной такой табели, несмотря на то, что присяжные повѣренные и суды не разъ ходатайствовали объ этомъ [2]).

Въ уголовномъ процессѣ обязанности защитниковъ могутъ исполнять не только присяжные и частные повѣренные, но и всѣ лица, которымъ законъ не воспрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ [3]).

Присяжные повѣренные считаются представителями тяжущихся (ст. 249 уст. гр. суд.). Отношенія между ними и кліентами основываются на договорѣ довѣренности (ст. 390, 391, 393 уч. суд. уст.). Полномочіе, даваемое кліентомъ, можетъ быть удостовѣрено письменной довѣренностію или словеснымъ заявленіемъ на судѣ (ст. 248 уст. гр. суд.). Нѣкоторыя дѣйствія должны быть спеціально оговорены въ довѣренности (ст. 250 уст. гр. суд.). Довѣритель можетъ во всякое время уничтожить довѣренность, извѣстивъ объ этомъ судъ письменно или устно, но судъ не обязанъ отстрочивать засѣданіе и ждать явки новаго повѣреннаго (ст. 251 уст. гр. суд.). Въ свою очередь, и повѣренный имѣетъ право отказываться отъ веденія дѣла, но долженъ объявлять объ этомъ своему довѣригелю заблаговременно (ст. 250 уст. гр. суд.). Если его довѣритель живетъ не въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, то присяжный повѣренный обязанъ заявить о своемъ отказѣ одновременно какъ довѣрителю, такъ и суду, причемъ предсѣдатель суда или опредѣляетъ срокъ, по истеченіи котораго повѣренный признается свободнымъ отъ своей обязанности, или назначаетъ вмѣсто него другаго повѣреннаго впредь до избранія тяжущимся новаго (ст. 253—254 уст. гр. суд.).

---

[1]) Ст. 389 у. с. у. и ст. 5 указ. выше «Правилъ».
[2]) *Макаликскій*, 41 и сл.
[3]) Ст. 44 и 565 у. у. с. и ст. 8 «Правилъ 1889 г.».

Участіе присяжныхъ повѣренныхъ въ процессѣ не считается обязательнымъ: каждый тяжущійся можетъ вести свои дѣла лично во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ (ст. 386 учр. суд. уст.). Въ уголовныхъ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ учрежденій, какъ съ участіемъ присяжныхъ, такъ и безъ него, практикуется въ широкихъ размѣрахъ назначеніе оффиціальныхъ защитниковъ. Ст. 566 суд. гласитъ: «по просьбѣ подсудимаго предсѣдатель суда назначаетъ ему защитника изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ, а за недостаткомъ сихъ лицъ, изъ кандидатовъ на судебныя должности, извѣстныхъ предсѣдателю по своей благонадежности». Отказываться отъ такихъ защитъ присяжные повѣренные могутъ только по уважительнымъ причинамъ (ст. 394 у. с. у.).

Въ гражданскихъ дѣлахъ назначеніе повѣреннаго предсѣдателемъ суда имѣетъ только въ случаѣ, указанномъ въ ст. 254 уст. гр. суд., т. е. въ случаѣ отказа избраннаго тяжущимся повѣреннаго. Но совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ назначать ихъ и въ другихъ случаяхъ (ст. 367, п. 4, у. с. у.).

Присяжнымъ повѣреннымъ запрещается: 1) покупать или какимъ-нибудь другимъ способомъ пріобрѣтать права своихъ довѣрителей по тяжбамъ; 2) вести дѣла въ качествѣ повѣреннаго противъ своихъ родителей, жены, дѣтей, родныхъ братьевъ, сестеръ, дядей и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ; 3) быть повѣреннымъ обоихъ тяжущихся или переходить отъ одной стороны къ другой въ одномъ и томъ же процессѣ, и 4) оглашать тайны своего довѣрителя (ст. 400—403 у. с. у.).

Гонораръ. Присяжные повѣренные могутъ заключать съ кліентами письменныя условія о гонорарѣ за веденіе дѣлъ (ст. 395). Помимо того, существуетъ особая такса, имѣющая двоякое значеніе. Судъ руководится ею, во первыхъ, при исчисленіи количества издержекъ, подлежащихъ взысканію съ проигравшей стороны въ пользу выигравшей за наемъ повѣреннаго, а во вторыхъ, при опредѣленіи размѣровъ гонорара повѣренныхъ въ томъ случаѣ, когда они не заключили письменнаго условія съ кліентами (ст. 396).

Первоначально предполагалось издавать такую таксу каждые три года, но это не было приведено въ исполненіе, и первая такса, установленная въ 1868 г., остается въ силѣ и по настоящее время (ст. 396 прим.). Она относится только къ гражданскимъ дѣламъ. Основнымъ принципомъ при опредѣленіи размѣра гонорара принята цѣна иска: за ходатайство по дѣлу въ двухъ инстанціяхъ присяжный

повѣренный получаетъ извѣстный процентъ со всей суммы, смотря по величинѣ ея. Притомъ, высота процента уменьшается съ увеличеніемъ цѣнности иска.

Такъ, съ суммы отъ 500 до 2000 р. присяжному повѣренному слѣдуетъ 10%, а съ суммы отъ 2000 до 5000 съ первыхъ 2-хъ тысячъ 10%, а съ остальной суммы—8% и т. д. (учр. суд. уст., прил. VI, п. 1). По дѣламъ, не подлежащимъ оцѣнкѣ, гонораръ опредѣляется судомъ, сообразно значенію и важности дѣла для тяжущихся, средствами ихъ, а также времени и труду, затраченныхъ повѣреннымъ, въ размѣрѣ отъ 50 до 1200 р. (тамъ же, п. 3). Вознагражденіе за веденіе дѣла въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства опредѣляется судомъ, смотря по сложности дѣла, въ размѣрѣ до 600 р., а по дѣламъ цѣною ниже 500 р.—по усмотрѣнію суда въ размѣрѣ до 50 р. (тамъ же, п. 4 и 5). за веденіе дѣла въ первой инстанціи присяжный повѣренный получаетъ двѣ трети опредѣленнаго въ таксѣ гонорара; за ходатайство во второй инстанціи одну треть, а въ кассаціонномъ департаментѣ сената — четверть (тамъ же, п. 6 и 8). Право на полученіе гонорара въ случаѣ проигрыша уменьшается, именно повѣренный истца получаетъ четверть, а повѣренный отвѣтчика треть всего слѣдовавшаго ему гонорара (п. 12 и 14).

Несовмѣстимость. Законъ считаетъ адвокатуру несовмѣстимой только со службой отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ почетныхъ или общественныхъ должностей безъ жалованья (п. 4 ст. 355 учр. суд. уст.). Сообразно съ этимъ, присяжные повѣренные могутъ заниматься не только агентурой и маклерствомъ, но даже торговлей. Опытъ показываетъ, что они дѣйствительно занимаются всѣмъ этимъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что органы сословнаго самоуправленія въ тѣхъ округахъ, гдѣ они существуютъ, запрещаютъ членамъ сословія нѣкоторые виды указанныхъ занятій, какъ-то обязанности коммиссіонера по пріисканію денегъ, продажѣ и покупкѣ имущества, устройству денежныхъ сдѣлокъ и т. п. [1]). Но относительно торговли петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ призналъ невозможнымъ воспрещать безусловно присяжнымъ повѣреннымъ торговлю въ видѣ общаго правила, «хотя и нашелъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ тотъ или другой родъ коммерческой дѣятельности можетъ быть несовмѣстимъ

[1]) *Макаринскій*, 338—341.

съ званіемъ присяжныхъ повѣренныхъ и повлечь за собой для занимающагося ею дисциплинарную отвѣтственность» [1]).

Отвѣтственность. Если присяжный повѣренный совершитъ нарушеніе установленныхъ правилъ и формъ, напр. пропуститъ срокъ, и причинитъ этимъ вредъ кліенту, то кліентъ можетъ требовать съ повѣреннаго убытки черезъ тотъ судъ, въ которомъ велось дѣло (ст. 404), а если вредъ былъ причиненъ умышленно, то присяжный повѣренный, сверхъ взысканія убытковъ, предается уголовному суду (ст. 405 у. с. у.).

Кліенты не лишаются права требовать съ присяжнаго повѣреннаго вознагражденія за вредъ и убытки, хотя бы онъ былъ уже подвергнутъ за свое преступленіе дисциплинорному наказанію (ст. 374).

На судѣ присяжные повѣренные пользуются свободой рѣчи, но не должны «ни распространяться о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу, ни позволять себѣ нарушать должное уваженіе къ религіи, закону и установленнымъ властямъ, ни употреблять выраженія, оскорбительныя для чьей бы то ни было личности». (ст. 745 у. у. с.). Въ послѣднемъ случаѣ оскорбленныя лица могутъ привлекать повѣренныхъ къ отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ о клеветѣ и обидѣ.

Частные повѣренные [2]). На ряду съ присяжными повѣренными веденіемъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ занимаются частные повѣренные. Разница между тѣми и другими заключается въ слѣдующемъ. Частными повѣренными могутъ быть лица: 1) получившія высшее юридическое образованіе, или 2) удостовѣрившія судъ въ своихъ познаніяхъ». Въ чемъ выражается такое удостовѣреніе, законъ не опредѣляетъ. Мировые и уѣздные съѣзды и судебныя палаты выдаютъ частнымъ повѣреннымъ свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ. Дѣятельность повѣренныхъ локализирована: они могутъ ходатайствовать только въ томъ судебномъ мѣстѣ, которое выдало имъ свидѣтельство, за исключеніемъ двухъ случаевъ: повѣренные, имѣющіе свидѣтельство, отъ мирового или уѣзднаго съѣзда, могутъ ходатайствовать и по дѣламъ производящимся у мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и въ губернскихъ присутствіяхъ, находящихся въ округѣ даннаго съѣзда и 2) повѣренные, принявшіе веденіе дѣла на основаніи полученнаго ими свидѣтельства имѣютъ право ходатайствовать по этому дѣлу и въ

---

[1]) *Макаревскій*, 335.

[2]) Ст. 406^{1}—406^{19} у. с. у. и прилож. къ 4 пунк. ст. 5 «Правилъ 1889 г.».

кассаціонныхъ департаментахъ сената. Свидѣтельства обложены особымъ сборомъ въ размѣрѣ 40 р. въ годъ, если они выдаются съѣздомъ, и 75 р., если ихъ выдаетъ окружной судъ или палата. Дисциплинарная власть надъ частными повѣренными принадлежитъ тѣмъ судамъ, при которыхъ они состоятъ. Суды начинаютъ дисциплинарное производство или по собственному усмотрѣнію или по предложенію членовъ прокуратуры и могутъ налагать на виновныхъ тѣ же наказанія, какія совѣты присяжныхъ повѣренныхъ налагаютъ на членовъ своего сословія, т. е. предостереженіе, выговоръ, запрещеніе практики и исключеніе изъ числа повѣренныхъ. На постановленія судовъ о допущеніи къ профессіи частныхъ повѣренныхъ и о наложеніи двухъ тягчайшихъ наказаній (запрещенія практики и исключенія изъ числа повѣренныхъ) допускается аппелляція въ суды высшей инстанціи. Независимо отъ дисциплинарныхъ взысканій, министру юстиціи [1]) предоставлено право устранять отъ ходатайства по судебнымъ дѣламъ лицъ, которыхъ онъ признаетъ недостойными званія повѣреннаго.

Особая статья не дозволяетъ получать званіе частнаго повѣреннаго женщинамъ (ст. 406 [19]).

Такова въ существенныхъ чертахъ современная организація русской адвокатуры. Она основывается, какъ видно изъ предыдущаго, на слѣдующихъ принципахъ: 1) совмѣщеніи правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ, 2) относительной свободѣ профессіи, 3) отсутствіи связи съ магистратурой, 4) отчасти сословной организаціи, а отчасти дисциплинарной подчиненности судамъ и 5) опредѣленіи гонорара по соглашенію. Съ перваго же взгляда ясно, что это какъ разъ тѣ принципы, которые приняты въ настоящее время въ Германіи и Австріи. Такимъ образомъ, организація русской адвокатуры примыкаетъ къ австро-германской системѣ. Однако по странному недоразумѣнію, обусловливаемому недостаточнымъ знакомствомъ съ устройствомъ западно-европейской адвокатуры, въ нашей литературѣ господствуетъ мнѣніе, будто русская адвокатура организована по французскому образцу. На самомъ дѣлѣ, если между русскими

---

[1]) Отъ ходатайства по дѣламъ, производящимся у земскихъ начальниковъ, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ юстиціи устранять лицъ, «которыя по дошедшимъ до нихъ несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій». (Указ. Приложеніе, п. 6).

присяжными повѣренными и французскими адвокатами есть что-либо общее, такъ это только относительная свобода профессіи и сословныя учрежденія, которыя, впрочемъ, существуютъ у насъ въ меньшинствѣ судебныхъ округовъ. Во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ организація нашей адвокатуры не только не похожа на организацію французской, но даже прямо противоположна ей.

§ 3.

Внутреннее состояніе русской адвокатуры.

Болѣе четверти вѣка прошло уже со времени изданія Судебныхъ Уставовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ теченіи этого періода юридическій строй Россіи совершенно переродился. Со введеніемъ новаго устройства и судопроизводства на выработанныхъ европейской наукой началахъ, прежніе недостатки и язвы правосудія отошли въ область преданій вмѣстѣ съ породившею ихъ системой. Новыя учрежденія осуществили, на сколько было въ ихъ власти, идею суда, «скораго, праваго и милостиваго». Отправленіе правосудія стало на недосягаемую дотолѣ высоту, и общество впервые увидѣло охрану своихъ правъ въ достойныхъ и надежныхъ рукахъ.

Немалую роль въ дѣлѣ осуществленія великихъ идей Царя-Освободителя играла присяжная адвокатура въ качествѣ истолковательницы закона и пособницы суда. «Вся наша судебная практика», говоритъ г. Сліозбергъ: «представляетъ собой результатъ не только судейской работы, но и работы адвокатовъ, этихъ помощниковъ или вспомогательныхъ органовъ правосудія. Вся кассаціонная практика, получившая для нашего права столь большее значеніе, выработалась при дѣятельномъ и почти постоянномъ участіи адвокатуры. Адвокатъ возбуждаетъ вопросы, адвокатъ выставляетъ соображенія, толкуетъ законъ, опровергаетъ толкованія, соображенія противника; изъ этого обмѣна доводовъ и основаній, изъ этого состязанія выясняется для суда истина. Дѣятельность адвокатовъ—это тотъ матеріалъ, который въ обработкѣ судей обращается въ правовой продуктъ. И если положеніе нашего правосудія, нашего правосознанія за эти 25 лѣтъ сдѣлало шаги, то значительная доля этого прогресса должна быть занесена въ счетъ дѣятельности адвокатуры. Но дѣятельность адвоката не ограничивается его служебной дѣятельностью; адвокатъ не только представитель интересовъ тяжущихся на судѣ, но и консуль-

танъ; онъ часто руководитъ правовыми сдѣлками, даетъ указанія, предотвращаетъ правовую неизвѣстность разъясненіемъ права и указаніемъ примѣненія законовъ. Эта дѣятельность адвокатуры не подлежитъ никакому учету, она безотчетно входитъ въ сокровищницу правосознанія народовъ... Напомнимъ въ заключеніе о дѣятельности консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ, о числѣ защитъ по уголовнымъ дѣламъ, по назначенію предсѣдателей судовъ, о числѣ гражданскихъ дѣлъ, веденныхъ по назначенію совѣтовъ, согласно просьбамъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, и мы увидимъ, какъ велика и почтенна работа адвокатуры, и сколько недоразумѣній и ошибокъ устраняется при ея содѣйствіи» [1]). Составители судебныхъ уставовъ выставляли принципомъ адвокатской дѣятельности «чувство правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности передъ правительствомъ и обществомъ». «Мы можемъ смѣло сказать», замѣчаетъ г. Вильскій: «что насколько зависѣло отъ присяжныхъ повѣренныхъ, они старались и стараются оправдать эти высокія ожиданія. Обратимся ли къ уголовному судопроизводству, что бросается намъ въ глаза? Всегда и вездѣ энергическая защита подсудимаго, относительно котораго есть серьезныя основанія сомнѣваться въ правильности предъявленнаго противъ него обвиненія, все равно, является ли эта защита по соглашенію или по назначенію отъ суда, т. е. безвозмездная... Благодаря добросовѣстному отношенію къ интересамъ обвиняемыхъ, присяжные повѣренные въ массѣ простаго народа получили спеціальное имя «защитниковъ», которымъ они по справедливости могутъ гордиться, особенно, если принять во вниманіе то беззащитное положеніе, въ которомъ находился народъ въ прежнее время; только благодаря имъ, проникло въ народъ и сдѣлалось его достояніемъ знаменитое изреченіе Царя-Освободителя и творца судебныхъ уставовъ, «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Такими же защитниками того же народа явились они на судѣ и по гражданскимъ дѣламъ. Старая народно-юридическая пословица: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись», сложившаяся въ народѣ, какъ результатъ наблюденія его надъ прежнимъ дореформеннымъ судомъ, потеряла свой смыслъ, какъ только народъ сталъ обращаться къ присяжнымъ повѣреннымъ. Въ новомъ судѣ, при участіи присяжныхъ повѣренныхъ, какъ представителей тяжущихся, право сдѣлалось такой силою, которой должны уступать богатые и сильные

[1]) *Сліозбергъ*: Адвокатура за 25 лѣтъ («Жур. гражд. и уг. пр.». 1889, № 9, 32—36).

міра сего, если только на ихъ сторонѣ не было такого же права» [1]). Наконецъ, присяжная адвокатура успѣла въ столь, собственно говоря, незначительный періодъ выдвинуть не мало замѣчательныхъ дѣятелей, какъ спеціально въ области судебной защиты, такъ и на поприщѣ науки, литературы, государственной службы и общественной дѣятельности. Кому неизвѣстно имя В. Д. Спасовича, этого, по всеобщему признанію, короля русской адвокатуры, бывшаго профессора, выдающагося ученаго, писателя и оратора? Широкой популярностью пользуются въ качествѣ судебныхъ ораторовъ присяжные повѣренные Андреевскій, Карабчевскій, Куперникъ, Плевако, князь Урусовъ и многіе другіе. Лучшее комментированное изданіе кодексовъ гражданскаго права и процесса принадлежитъ бывшему присяжному повѣренному г. Боровиковскому, нынѣ члену судебной палаты. На поприщѣ комментированья потрудились еще нѣкоторые представители адвокатуры, какъ-то гг. Носъ, Мышъ и другіе. Прибавьте сюда такихъ ученыхъ, публицистовъ и критиковъ, какъ А. И. Стронинъ (нынѣ покойный) С. А. Муромцевъ, К. К. Арсеньевъ, Л. З. Слонимскій, Г. А. Джаншіевъ, и просмотрите длинный списокъ другихъ присяжныхъ повѣренныхъ, участвующихъ въ юридическихъ и обще-литературныхъ журналахъ,—вы несомнѣнно убѣдитесь тогда, что присяжная адвокатура успѣла занять почетное мѣсто въ культурной жизни нашего отечества.

До сихъ поръ мы говорили о свѣтлыхъ сторонахъ нашей адвокатуры и о выходящихъ изъ общаго уровня представителяхъ ея. Теперь необходимо подробно разсмотрѣть, къ какимъ результатамъ привелъ каждый изъ принциповъ организаціи института присяжныхъ повѣренныхъ, и какъ отразились эти принципы на всемъ сословіи.

Совмѣщеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ повредило достоинству профессіи.

«Нашъ адвокатъ», говоритъ г. Обнинскій: «поставленъ въ необходимость слишкомъ часто выходить на улицу, вступать съ нею въ непосредственныя сношенія и постоянно якшаться съ зачумленными. Тогда какъ французскій адвокатъ, не спускаясь со своего традиціоннаго пьедестала, работаетъ въ кабинетѣ и появляется въ судѣ лишь для того, чтобы въ день публичнаго засѣданія произнести свою рѣчь, оставляя всю подготовительную черновую (у насъ очень часто и черную) работу на обязанности стряпчаго (avoué), нашъ присяжный повѣренный обязанности эти несетъ самъ, и по прискорб-

[1]) *Вильскій*: Деморализуется-ли наша адвокатура? («Жур. гр. и уг. пр.» 1891, № 1, 69—71).

нымъ свойствамъ такой миссіи, она оказывается въ извѣстной цѣли до того заманчива, что отъѣсняетъ собой цѣломудренный, но малоприбыльный кабинетный трудъ и не для всѣхъ удобныя судоговоренія» [1]).

«На нашу адвокатуру», говоритъ г. Вильскій: «возложена закономъ не одна чистая работа, какъ на французскую, но и черновая, даже черная. А что такое эти конкурсы и аукціоны, какъ не самая черная работа, до того черная, что какъ бы кто чисто и осторожно ею ни занимался, въ концѣ концовъ его все таки запачкаютъ, если не противники, такъ союзники. Конкурсъ и аукціонъ— вѣдь это способы взысканія, которые лежатъ на обязанности того же повѣреннаго, которому поручено веденіе судебнаго дѣла; попробуйте-ка объявить, что вы берете дѣла только до полученія исполнительнаго листа, что ни понудительнаго взысканія, т, е. аукціонной продажи имущества должника, ни конкурснаго процесса вы на себя не берете, и вы останетесь безъ всякой практики» [2]).

«Французскій адвокатъ», замѣчаетъ г. Гребенщиковъ: «пришелъ бы въ ужасъ, если бы его собратъ принялся за розыскъ должника, занялся врученіемъ повѣстокъ черезъ полицію или принялъ участіе въ выселеніи изъ квартиры и продажѣ послѣдняго имущества отвѣтчика, такъ какъ подобныя дѣйствія запрещены ему и закономъ, и сословными правилами, и обычаями. Русскому-же адвокату чаще всего приходится заниматься именно этимъ дѣломъ и гораздо рѣже произносить серьезныя судебныя рѣчи и составлять юридическія бумаги, если не понимать подъ таковыми, конечно, исковыхъ прошенія по безспорнымъ документамъ. Въ силу этого, въ Россіи явилась цѣлая масса присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, которые пледируютъ только иногда по назначенію отъ суда, а главнымъ образомъ дѣйствуютъ въ конкурсахъ, занимаются взысканіемъ по безспорнымъ документамъ и другими тому подобными вещами, требующими не столько познаній въ области юридическихъ и общественныхъ наукъ, сколько извѣстной ловкости и юркости. Это, конечно, измѣняетъ задачи нашей адвокатуры и самый ея характеръ сравнительно съ западной. Въ силу закона, въ силу необходимости, русскій адвокатъ долженъ быть менѣе брезгливъ, менѣе обладаетъ свободнымъ временемъ для серьезныхъ юридическихъ занятій, не-

[1]) *Обнинскій*, Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры? («Юрид. Вѣст.», 1890, № 8, 30.

[2]) *Вильскій*: Деморализуется-ли наша адвокатура? («Жур. гр. и уг. пр.» 1891, № 1, 56).

жели его западный собратъ. Среднему русскому адвокату при настоящихъ условіяхъ большую часть времени приходится проводить въ канцеляріяхъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ нотаріальныхъ конторахъ, на описяхъ и продажахъ имуществъ, рыскать по городу, скакать на курьерскихъ поѣздахъ и почтовыхъ кибиткахъ, дежурить въ полицейскихъ участкахъ, банкахъ и просиживать съ нужными людьми въ ресторанахъ и гостинницахъ. Все это de facto и de jure составляетъ главную часть адвокатской дѣятельности, сущность ея, отъ которой избавлены лишь звѣзды первой величины, присяжные повѣренные, ведущіе лишь оплачиваемыя тысячными гонорарами дѣла и имѣющіе въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ фактическихъ помощниковъ. Вотъ чѣмъ объясняется то, что наши адвокаты сравнительно мало занимаются наукой, мало читаютъ, еще меньше пишутъ» [1]).

Проф. Фойницкій тоже удостовѣряетъ, что ему извѣстны случаи, когда люди весьма талантливые, переходя изъ судебнаго вѣдомства въ адвокатуру, рѣшительно забрасывали книгу, говоря: «на нашъ вѣкъ хватитъ и тѣхъ знаній, которыя мы имѣемъ» [2]).

Наконецъ, присяжные повѣренные, являясь судебными представителями тяжущихся и дѣйствуя на основаніи договора довѣренности, не видятъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы принимать на себя однородныя внѣсудебныя порученія и вообще исполнять обязанности посредниковъ между заинтересованными лицами. Такъ, они не отказываются отъ званія агентовъ разныхъ обществъ, берутъ на себя хлопоты по пріисканію денегъ подъ закладныя, посредничество при совершеніи сдѣлокъ и другія чисто маклерскія функціи. Органы сословнаго самоуправленія, не рѣшаясь восполнять пробѣлъ въ законѣ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ мы уже видѣли, вмѣшиваются въ эту сферу дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ и даже не запрещаютъ имъ занятія торговлей.

Такимъ образомъ, исполненіе адвокатами функцій судебнаго представительства приводитъ у насъ къ тѣмъ же результатамъ, какіе мы наблюдаемъ въ другихъ странахъ, (Германіи, Австріи, Италіи и Соединенныхъ Штатахъ), именно адвокаты употребляютъ большую часть времени и труда на занятія, не имѣющія ничего общаго съ истинными задачами адвокатуры, въ смыслѣ правозаступничества, становятся менѣе разборчивы и щепетильны, имѣютъ въ виду, глав-

---

[1]) *Гребенщиковъ*: Задачи адвокатуры. («Жур. гр. и уг. пр.», 1886, № 5, 2).
[2]) *Фойницкій*: Защита въ уголовномъ процессѣ, 1885, 55.

нымъ образомъ, пріобрѣтеніе денежныхъ выгодъ. мало занимаются наукой, словомъ, изъ представителей благородной профессіи стремятся обратиться въ обыкновенныхъ рутинеровъ-ремесленниковъ.

Относительная свобода профессіи, т. е. допущеніе къ присяжной адвокатурѣ лицъ, удовлетворяющихъ опредѣленнымъ въ законѣ условіямъ, безъ ограниченія комплектомъ и безъ локализаціи, до сихъ поръ не привела къ сколько-нибудь неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. Хотя число присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, но не только еще очень далеко до переполненія, а, наоборотъ, во многихъ округахъ замѣчается положительный недостатокъ въ адвокатахъ. «Въ виду малочисленности ихъ», говоритъ проф. Фойницкій: «уголовное правосудіе наше донынѣ представляетъ весьма печальную картину беззащитности подсудимыхъ. Даже по вееьма серьезнымъ дѣламъ уголовному кассаціонному департаменту сената приходится получать кассаціонныя жалобы, безграмотно составленныя; нерѣдко только неумѣнье изложить ихъ лишаетъ возможности отмѣнить обвинительный приговоръ, съ существенными нарушеніями постановленный. При этихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о достаточности числа присяжныхъ повѣренныхъ для нуждъ населенія, и вопросъ о табели едва ли будетъ своевременно ставить раньше, чѣмъ по достиженіи въ каждомъ округѣ судебной палаты числа присяжныхъ повѣренныхъ до тысячи человѣкъ» [1]). Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ «Юридическаго календаря на 1892 г.» (Острогорскаго) во всѣхъ десяти судебныхъ округахъ европейской Россіи насчитывается всего 1830 присяжныхъ повѣренныхъ и 1052 помощника. Только въ наиболѣе населенныхъ городахъ, каковы С.-Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Одесса, Харьковъ, число присяжныхъ повѣренныхъ вполнѣ достаточно и даже, быть можетъ, черезчуръ велико. Въ виду этого, жалобы на недостатокъ заработка, раздающіяся со стороны адвокатовъ такихъ городовъ, должны быть отнесены на счетъ неравномѣрнаго распредѣленія адвокатуры по отдѣльнымъ округамъ, а также конкурренціи частныхъ повѣренныхъ.

Въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ окружныхъ судовъ, присяжные повѣренные почти совсѣмъ отсутствуютъ, и на выѣздныхъ сессіяхъ подсудимые вопреки ст. 566 уст. уголовн. судопроизводства, остаются зачастую безъ защитника. «Одно изъ самыхъ печальныхъ явленій въ дѣятельности новыхъ судовъ», замѣчаетъ

[1]) *Фойницкій*: у. с. 39.

одинъ судья: «составляетъ то, что въ провинціи, особенно по дѣламъ, которыя слушаются не въ мѣстѣ нахожденія окружнаго суда, подсудимые почти никогда не имѣютъ защитниковъ» [1]). Пока существуютъ подобныя явленія, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о переполненіи.

Внутренняя организація нашей адвокатуры, какъ мы видѣли, двойственна: въ большинствѣ судебныхъ округовъ присяжные повѣренные находятся въ прямой подчиненности судамъ, въ меньшинствѣ образуютъ самоуправляющіяся коллегіи. 25-лѣтній опытъ несомнѣнно показалъ громадное преимущество второй формы организаціи. Отчеты о дѣятельности сословія, появлявшіеся отъ времени до времени на страницахъ періодическихъ изданій и въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, сведены въ послѣднее время гг. Макалинскимъ и Носомъ. Просматривая ихъ почтенныя компиляціи, можно убѣдиться, что сословныя учрежденія принесли во многихъ отношеніяхъ несомнѣнную и большую пользу. Они не только слѣдили за точнымъ примѣненіемъ дѣйствующаго законодательства къ возникавшимъ на практикѣ вопросамъ адвокатской дѣятельности, но и, слѣдуя по пути, указанному составителями судебныхъ уставовъ, издавали со своей стороны правила и распоряженія съ цѣлью поддержать внутренній порядокъ среди членовъ профессіи и возвысить ея достоинство. Прежде всего, совѣты старались восполнить пробѣлъ, существующій въ законѣ относительно практической подготовки помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ къ адвокатурѣ. Съ этой цѣлью они приняли рядъ мѣръ къ тому, чтобы помощники фактически занимались практикой подъ руководствомъ своихъ патроновъ, чтобы они были назначаемы на безплатныя защиты по уголовнымъ дѣламъ и допускались къ практикѣ при коммерческомъ судѣ, а также чтобы участвовали въ консультаціяхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ, слѣдуя примѣру французской адвокатуры, совѣты организовали конференціи, т. е. юридическія бесѣды по разнымъ вопросамъ права и судопроизводства. Для этого помощники распредѣлялись по группамъ (колоннамъ), во главѣ которыхъ стояли члены совѣта, наблюдавшіе за составленіемъ рефератовъ и ходомъ бесѣдъ. Такимъ же точно образомъ совѣты распространяли и дополняли постановленія закона относительно допущенія къ адвокатурѣ и исполненія адвокатами своихъ обязанностей. Далѣе, благодаря иниціативѣ совѣтовъ возникли различныя общесословныя учрежденія, какъ-то, кассы пособій,

[1]) «Жур. гр. и уг. права», 1881, № 5, 45.

библіотеки, консультаціонныя бюро и т. п. Кромѣ того, заботясь объ улучшеніи состоянія сословія, они вырабатывали проэкты реформъ и знакомили высшую власть съ нуждами и желаньями своихъ членовъ. Наконецъ, ими установлены нѣкоторыя правила профессіи.

Ничего подобнаго не сдѣлано въ тѣхъ округахъ, гдѣ исполненіе обязанностей совѣтовъ возложено на суды. Корпоративной связи между адвокатами тамъ почти не существуетъ. Каждый занимается практикой на свой страхъ и рискъ; никакихъ общесословныхъ интересовъ нѣтъ, и дѣятельность судовъ ограничивается привлеченіемъ къ дисциплинарной отвѣтственности присяжныхъ повѣренныхъ на основаніи жалобъ частныхъ лицъ или по собственному усмотрѣнію. Лишь нѣсколько окружныхъ судовъ (одесскій, варшавскій) издали правила для помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ [1]). Кромѣ того, дисциплинарный надзоръ судовъ является крайне поверхностнымъ и слабымъ въ сравненіи съ надзоромъ совѣтовъ. Суды, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, могутъ преслѣдовать только такія дѣйствія адвокатовъ, которыя «составляютъ прямое нарушеніе ихъ юридическихъ обязанностей; нарушеніе же обязанностей нравственныхъ недоступно органу, стоящему отдѣльно отъ адвокатской корпораціи» [2]).

«Отчеты совѣтовъ», говоритъ г. Вильскій: «главнымъ образомъ, наполнены свѣдѣніями о дисциплинарныхъ дѣлахъ и служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія не только чувства чести и долга, но даже и излишней щепетильности, доходящей до того, что совѣты дѣлаютъ замѣчанія и выговоры присяжнымъ повѣреннымъ за то, что тотъ или другой изъ нихъ не отвѣтилъ своевременно на письмо своего кліента. Самое количество дисциплинарныхъ дѣлъ въ связи съ поводами къ нимъ служитъ доказательствомъ не деморализаціи сословія, а слишкомъ развитой чувствительности къ малѣйшимъ отклоненіямъ отъ установленныхъ нормъ; только этимъ можно объяснить отсутствіе дисциплинарныхъ дѣлъ въ такомъ количествѣ въ другихъ округахъ, гдѣ нѣтъ совѣтовъ, а никакъ не лучшимъ качествомъ состава присяжной адвокатуры въ нихъ: что для совѣта считается достаточнымъ для привлеченія присяжныхъ повѣренныхъ къ дисциплинарной отвѣтственности, то для окружныхъ су-

---

[1]) *Ломницкій*: Забытое сословіе, 1890.
[2]) *Фойницкій*: ук. с., 40.

довъ, замѣняющихъ дисциплинарные совѣты въ другихъ округахъ, недостаточно» [1]).

Но хотя сословное самоуправленіе принесло на практикѣ несравненно болѣе благотворные результаты, чѣмъ формальный надзоръ со стороны судовъ, тѣмъ не менѣе и оно во многихъ случаяхъ оказывалось недостаточнымъ. Не только враги корпоративнаго устройства [2]), но и защитники его [3]) признаютъ, что совѣты склонны иной разъ слишкомъ снисходительно относиться къ проступкамъ членовъ профессіи. Для примѣра укажемъ нѣсколько выдающихся случаевъ. За неявку на защиту по назначенію суда, т. е. за нарушеніе одной изъ важнѣйшихъ общественныхъ обязанностей адвоката, петербургскій совѣтъ налагаетъ только предостереженія и выговоры. Одинъ присяжный повѣренный, ничего не сдѣлавшій по принятому дѣлу, доставившій довѣрителю ложныя свѣдѣнія о положеніи процесса, требовавшій денегъ для мнимыхъ расходовъ и, къ довершенію всего, неявившійся въ засѣданіе, слѣдствіемъ чего былъ проигрышъ дѣла, подвергся всего на всего запрещенію практики на мѣсяцъ. Къ такому же наказанію былъ приговоренъ другой присяжный повѣренный, совершившій цѣлый рядъ обманныхъ дѣйствій по отношенію къ своей довѣрительницѣ. Предложеніе судебному приставу взятки за промедленіе въ составленіи описи имущества, предложеніе коллегѣ согласиться на измѣненіе въ повѣсткѣ числа съ цѣлью возстановить истекшій срокъ, участіе въ совершеніи фиктивныхъ сдѣлокъ довѣрителемъ, завѣдомо ложныя заявленія на судѣ, сообщеніе довѣрителямъ ложныхъ свѣдѣній о положеніи дѣла съ цѣлью получить гонораръ, неразборчивость въ способахъ веденія дѣлъ, даже присвоеніе денегъ довѣрителя [4]) и тому подобные крайне неблаговидные и позорящіе достоинство сословія поступки наказывались предостереженіями, выговорами и запрещеніемъ практики [5]). Разсматриваемая съ принципіальной точки зрѣнія, сословная органи-

---

[1]) *Вильскій*: ук. с. («Жур. гр. пр.», 1891, № 1, 59, 60). О преимуществѣ сословной организаціи см. еще «Судеб. Газ.» 1889. № 32.

[2]) *Фуксъ*: Судебныя доктрины 1861—1864 г. на практикѣ. («Рус. Вѣст.», 1887, I, 113 и сл.).

[3]) *Фойницкій*: Защита въ уг. пр., 50 и сл.

[4]) Такъ напр., харьковскій совѣтъ приговорилъ къ временному запрещенію практики одного присяжнаго повѣреннаго, трижды присвоившаго себѣ деньги своихъ довѣрителей. «Интересно знать» замѣчаетъ по этому поводу хроникеръ «Жур. гр. и уг. пр.»: «что слѣдуетъ совершить харьковскому повѣренному, чтобы заслужить исключеніе изъ сословія?» («Жур. гр. и уг. пр.» 1891, № 10, 193).

[5]) *Макаринскій*: 445 и сл.; *Фуксъ* (у. с., 113 и сл.).

зація въ теперешнемъ ея видѣ тоже не можетъ быть признана совершенной. Главнымъ недостаткомъ ея является то обстоятельство, что законъ допускаетъ вмѣшательство въ дисциплинарныя дѣла сословія посторонней власти: именно апелляціонной инстанціей для совѣта служитъ судебная палата. Такой порядокъ вещей представляетъ двоякое неудобство.

Во первыхъ, палата можетъ расходиться съ совѣтомъ во взглядахъ на профессіональныя обязанности адвокатовъ и, вслѣдствіе этого, приговоры органа самоуправленія, имѣющіе въ виду поддержаніе чести и достоинства сословія, могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы чуждой сословію властью, нисколько не заинтересованною въ такомъ поддержаніи. И, дѣйствительно, мы видимъ, что напр., въ Петербургѣ изъ 74 обжалованныхъ въ теченіи 22 лѣтъ постановленій совѣта только 35, т. е. менѣе половины оставлены палатою въ силѣ, остальныя же отмѣнены или измѣнены. Притомъ, въ двухъ случаяхъ палата совершенно отмѣнила наложенные совѣтомъ исключенія изъ сословія, а въ двухъ другихъ замѣнила его запрещеніемъ практики, т. е., другими словами, заставила сословіе терпѣть въ своей средѣ четырехъ такихъ лицъ, какія по мнѣнію его органа были этого недостойны; наоборотъ, въ двухъ случаяхъ палата приговорила къ исключенію взамѣнъ наложеннаго совѣтомъ низшаго наказанія, т. е. устранила изъ сословія двухъ членовъ, которые, по мнѣнію органа сословія, не заслуживали такой кары [1]). Благодаря такому вмѣшательству судебныхъ палатъ во внутреннія дѣла сословія, нѣкоторыя благія начинанія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ были парализованы и остались безъ результатовъ. Такъ, харьковскій совѣтъ призналъ несовмѣстимымъ съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго занятія торговлей и должность начальника коммерческаго отдѣленія въ правленіи желѣзной дороги, а палата отмѣнила эти постановленія [2]). Точно также петербургская судебная палата систематически отмѣняла постановленія совѣта относительно дисциплинарнаго надзора за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ на томъ основаніи, что въ законѣ ничего не сказано о такомъ надзорѣ [3]).

Во вторыхъ, совѣтъ сословія, а слѣдовательно и палата можетъ приговаривать присяжныхъ повѣренныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ къ исключенію изъ сословія, т. е., другими словами, къ ли-

---

[1]) *Макалинскій*: 299.
[2]) *Макалинскій*: 333, 337, прим.
[3]) Ib., 80.

шенію всѣхъ правъ состоянія. Предоставленіе столь обширной власти совѣту, какъ товарищескому суду чести, вполнѣ разумно, такъ какъ только сами члены сословія въ состояніи судить, достойно ли данное лицо оставаться среди нихъ или нѣтъ. Но давать такое право постороннему органу, съ которымъ, вдобавокъ, члены адвокатуры могутъ имѣть частыя столкновенія при исполненіи своихъ обязанностей и, притомъ, давать его безъ права дальнѣйшаго обжалованія въ кассаціонномъ порядкѣ, значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ подрывать независимость сословія [1]).

Отсутствіе связи между сословіемъ адвокатовъ и магистратурой, выражающееся въ томъ, что адвокаты только въ рѣдкихъ случаяхъ переходятъ въ прокуратуру или заканчиваютъ свою карьеру на мѣстахъ судей, оказываетъ неблагопріятное вліяніе на отношенія между этими классами судебныхъ дѣятелей и обусловливаетъ собой весьма вредный для интересовъ правосудія антагонизмъ. «Едва ли», говоритъ проф. Фойницкій: «слѣдуетъ скрывать отъ себя, что если не всѣ, то многіе предсѣдательствующіе видятъ въ адвокатахъ не помощниковъ правосудія, а его противниковъ. По винѣ ли самихъ адвокатовъ появился этотъ взглядъ, или по инымъ причинамъ, для насъ не представляетъ интереса; безспорно, однако, что онъ пускаетъ прочные ростки, и что предсѣдательствующіе одною изъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей считаютъ удерживать защитниковъ въ тѣсныхъ границахъ, воспрещать имъ касаться тѣхъ или иныхъ предметовъ и останавливать ихъ строгимъ замѣчаніемъ при первой попыткѣ изслѣдовать или высказать что-либо, по мнѣнію ихъ, не относящееся къ дѣлу или уже достаточно разъясненное» [2]).

На эти печальныя явленія не разъ обращала вниманіе и періодическая печать. «Съ наступленіемъ эпохи «новыхъ вѣяній» въ общественной жизни и въ судебномъ мірѣ», читаемъ мы въ «Судебной газетѣ»: «стали раздаваться новыя пѣсни. Явился невиданный дотолѣ типъ судебнаго помпадура, все чаще и чаще стали повторяться такъ называемые судебные «инциденты» въ видѣ столкновеній между судьями и защитой... Оборвать защитника, сдѣлать ему замѣчаніе или внушеніе въ строгомъ начальническомъ тонѣ, пригрозить ему «лишеніемъ слова» и даже удаленіемъ изъ залы суда, все это такія вещи, которыя теперь сплошь и рядомъ встрѣчаются, ра-

[1]) По этому вопросу см. «Жур гр. и уг. пр.», 1886, № 3, с. 150, и статью г. Карабегова («Судеб. Газ». 1888, № 4).

[2]) *Фойницкій:* ук. соч., 45.

дуя однихъ,—недруговъ адвокатуры, и глубоко огорчая другихъ, памятующихъ, что адвокатъ есть, прежде всего слуга и помощникъ правосудія, своимъ участіемъ въ дѣлѣ содѣйствующій его интересамъ» [1]).

Благодаря этому же отсутствію связи между адвокатурой и магистратурой случаются такіе печальные и неслыханные въ жизни другихъ государствъ факты, какъ напр., приказаніе со стороны предсѣдателя суда вывести изъ его кабинета вошедшаго туда за справкой по дѣлу присяжнаго повѣреннаго [2]).

Гонораръ. Размѣръ вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ опредѣляется обыкновенно ими по соглашенію съ кліентами. Это привело на практикѣ къ тому, что присяжные повѣренные стали заключать условія, не соотвѣтствующія достоинству ихъ званія. Такъ, они нерѣдко соразмѣряютъ размѣръ вознагражденія съ исходомъ дѣла. Въ гражданскихъ дѣлахъ такой способъ исчисленія еще допустимъ въ виду того, что выигрышъ процесса приноситъ кліенту извѣстныя имущественныя выгоды и даетъ ему возможность уплатить своему адвокату большее вознагражденіе. Но въ уголовныхъ дѣлахъ заключеніе подобныхъ условій равносильно торговлѣ правосудіемъ, такъ какъ адвокатъ является здѣсь не представителемъ частныхъ интересовъ кліента, а органомъ общественнаго служенія, и, ставя гонораръ въ зависимость отъ исхода процесса, какъ бы обязуется во что бы то ни стало «обѣлить» подсудимаго. Однако, совѣты сословія не видятъ въ этомъ образѣ дѣйствій ничего предосудительнаго. «Предсѣдатель с.-петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда», говоритъ проф. Фойницкій: «препроводилъ совѣту такую копію условія, заключеннаго помощникомъ присяжнаго повѣреннаго съ однимъ изъ подсудимыхъ: «я нижеподписавшійся получилъ отъ NN (подсудимаго) 15 руб. и обязуюсь принять на себя защиту по обвиненію его въ обманѣ, какъ у мироваго судьи, такъ и въ мировомъ съѣздѣ, и въ случаѣ оправданія, а равно если наказаніе будетъ понижено до одного мѣсяца, имѣю право получить еще 15 руб.» Предсѣдатель съѣзда справедливо полагалъ, что такое условіе едвали соотвѣтствуетъ званію помощника присяжнаго повѣреннаго. Но совѣтъ, вмѣсто того, чтобы направить молодаго человѣка на истинный путь и внушить ему крайнюю неумѣстность торговать правосудіемъ, притомъ отъ него независящимъ, нашелъ, что «вслѣдствіе

---

[1]) «Судебная Газета» 1891, № 11; 1890, № 8.
[2]) «Жур. гр. и уг. пр» 1881, № 3.

установившихся въ нашемъ обществѣ взглядовъ и по принятой практикѣ, адвокатскій гонораръ нерѣдко опредѣляется не только потерею необходимаго для защиты дѣлъ времени и труда, но и большею или меньшею успѣшностью защиты, т. е. исходомъ дѣла; такое раздробленіе гонорара представляется естественнымъ, ибо для довѣрителя важно не количество потраченнаго адвокатомъ времени и труда, а результатъ ходатайства и защиты. Посему не усматривая въ заключеніи означеннаго условія чего-либо предосудительнаго, совѣтъ постановилъ: помощника присяжнаго повѣреннаго взысканію не подвергать». Однородный случай доведенъ былъ до свѣдѣнія совѣта Московскаго округа, гдѣ одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ заключилъ съ подсудимымъ условіе въ томъ, что принимаетъ на себя ходатайство по уголовному дѣлу его, за что подсудимый обязуется выдать присяжному повѣренному 500 р., затѣмъ при освобожденіи его изъ тюрьмы подъ домашній арестъ 1.500 р. и при поступленіи дѣла въ судебную палату 1.000 р., если же освобожденіе изъ тюрьмы не послѣдуетъ, то 1.500 р. платятся при поступленіи дѣла въ палату, а 1.000 р.—при прекращеніи дѣла или поступленіи въ окружный судъ; затѣмъ въ судѣ присяжный повѣренный этого дѣла не велъ, а предъявилъ къ подсудимому искъ въ 3.000 р., который и выигралъ. Жалобу подсудимаго на неблаговидныя дѣйствія присяжнаго повѣреннаго московскій совѣтъ оставилъ безъ послѣдствій, признавъ, слѣдовательно, законнымъ полученіе гонорара за защиту на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ ее не допускаетъ самъ законъ. Еще шагъ по этой наклонной плоскости, и трибуна адвоката превратится въ лавочку торговца товаромъ, доставить который покупателю не въ его силахъ, но который, тѣмъ не менѣе, продается имъ по весьма высокой и отяготительной для населенія цѣнѣ» [1]).

Институтъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Уставы 1864 г., какъ мы видѣли, только вскользь упомянули о помощникахъ, не опредѣливъ ихъ внутренней организаціи, а законъ 1874 г. уравнялъ ихъ съ частными повѣренными. Вслѣдствіе этого, положеніе помощниковъ пріобрѣло двойственный характеръ: съ одной стороны, они «стажіеры», кандидаты въ адвокатуру, занимающіеся практикой подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ». (Ст. 354, у. с. у.), а съ другой стороны, въ качествѣ частныхъ повѣренныхъ, настоящіе адвокаты, имѣющіе право самостоятельно вести дѣла. Само собой понятно, что при такихъ обстоятель-

[1]) *Фойницкій*: Защита, въ уг. проц., 53, 54.

ствахъ подготовка къ адвокатурѣ свелась почти къ нулю. Въ западно-европейскихъ государствахъ для доступа къ адвокатурѣ нужно, кромѣ окончанія университета, отбыть опредѣленный стажъ. У насъ, наоборотъ, помощники могутъ немедленно по вступленіи въ это званіе получать свидѣтельство отъ судовъ и, числясь номинально помощниками какого-нибудь присяжнаго повѣреннаго, заниматься практикой на правахъ частныхъ повѣренныхъ, а по прошествіи пяти лѣтъ переходить въ присяжную адвокатуру.

Будущіе присяжные повѣренные, такимъ образомъ, не проходятъ никакой «школы» адвокатуры; никто не заботится объ ихъ практической подготовкѣ, никто не внушаетъ имъ обязанностей и правилъ той профессіи, которой они себя посвящаютъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ сословныя учрежденія, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ еще принимаютъ кое-какія мѣры въ этомъ направленіи [1]). Но въ большинствѣ округовъ помощники оставлены совершенно на произволъ судьбы. «Каждый изъ нашихъ адвокатовъ, какъ спеціалистъ, есть чистокровный самоучка», говоритъ г. Вильскій: «у него нѣтъ ни школы, ни исторіи, ни установленныхъ принциповъ. Въ университетѣ, при изученіи судоустройства и судопроизводства, молодому юристу приходилось мимоходомъ слышать о присяжной и частной адвокатурѣ; но чтобы кто-либо потрудился изложить передъ нимъ принципы адвокатской дѣятельности, отнестись къ ней съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, это считается излишнимъ и какъ будто ниже достоинства той науки, которая соприкасается съ адвокатурой. Въ нашей юридической литературѣ тоже нѣтъ ни одного сочиненія, которое могло бы пополнить этотъ пробѣлъ... Я лично пережилъ это состояніе. Я слушалъ римское право, изучалъ гражданское и уголовное право, гражданское и уголовное судопроизводство, зналъ лекціи энциклопедіи и философіи права, государственное финансовое, международное права и многое другое, съ чѣмъ впослѣдствіи мнѣ ни разу не пришлось имѣть дѣла, но я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ адвокатурѣ, о той профессіи, которой я себя посвящалъ, несмотря на то, что гражданское судопроизводство нашему курсу читалъ одинъ изъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Правда, будучи студентомъ, я имѣлъ случай слышать въ судѣ защиту нѣкоторыхъ изъ лучшихъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, но этимъ и ограничивалось мое предварительное зна-

---

[1]) Эти мѣры, впрочемъ, тоже недостаточны. *Гребенщиковъ:* Условія пріема въ присяжные повѣренные («Жур. гр. и уг. пр.» 1889, № 1).

комство съ практикой адвоката. Едва ли не каждому изъ насъ приходилось точно такимъ же образомъ начинать свою дѣятельность, т. е. при отсутствіи всякой спеціальной подготовки, при наличности только общаго юридическаго образованія. Этотъ пробѣлъ такъ и остался пробѣломъ, несмотря на то, что существуетъ званіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, потому что въ этомъ званіи молодой юристъ непосредственно выступаетъ на практическое поприще, причемъ ему приходится переносить массу всевозможныхъ непріятностей, пока онъ достаточно привыкнетъ и освоится съ публичной дѣятельностью. Въ большинствѣ случаевъ помощнику присяжнаго повѣреннаго приходится дѣйствовать по своему усмотрѣнію и на свой рискъ, такъ какъ патронъ его не всегда въ состояніи передать ему какія либо особыя руководящія начала дѣятельности, кромѣ указанныхъ въ законѣ; въ университетскихъ городахъ еще возможно кое-что узнать въ этомъ родѣ, но въ другихъ—рѣшительно ничего» [1]).

«Всѣмъ юристамъ хорошо извѣстно», замѣчаетъ г. Сулиговскій: «какую подготовку къ настоящей адвокатурѣ даетъ у насъ университетъ съ его тощимъ изложеніемъ дѣйствующаго права, безъ болѣе глубокаго изученія римскаго права, безъ изложенія въ болѣе пространномъ видѣ отдѣльныхъ предметовъ или ихъ составныхъ частей. Что касается теоріи, то, безъ сомнѣнія, тамъ можно найти опору для дальнѣйшихъ занятій, но для практики ничего... Не менѣе тяжело положеніе молодаго адвоката въ сферѣ моральнаго поведенія. Въ свойственной адвокатской профессіи ежедневной борьбѣ между дозволеннымъ и недозволеннымъ, полезнымъ и вреднымъ, стоитъ онъ безъ компаса, которымъ еще не овладѣлъ, безъ точки опоры, которой не получилъ, такъ какъ не имѣлъ ни времени, ни возможности получить, стоитъ, неувѣренный и колеблющійся, какъ корабль, отданный игрѣ вѣтровъ. Легко переступаетъ онъ границы дозволеннаго, быть можетъ, съ угрызеніемъ совѣсти, но уже запоздалымъ. Понятія fas и nefas смѣшиваются, границы ихъ съуживаются или расширяются. Предоставленныя званію защитника привиллегіи, какъ-то право независимаго совѣта, право адвокатской тайны, право свободнаго соглашенія о гонорарѣ и т. п., все это, какъ ножъ въ неосторожныхъ рукахъ, начинаетъ приносить вредъ, ранитъ и изувѣчиваетъ [2]).

---

[1]) *Вильскій:* ук. с. («Жур. гр. и уг. пр.» 1891, № 1, 62—65).

[2]) *Suligowski:* O przygotowaniu pomocników adwokatów przysięgłych do zawodu obrończego, 1887, 3—5.

Такимъ образомъ, практическая подготовка къ дѣятельности, столь же нужная въ адвокатурѣ, какъ и во всякой другой профессіи, если даже не больше, почти совсѣмъ отсутствуетъ [1]).

Далѣе, дисциплинарный надзоръ за помощниками весьма недостаточенъ. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ сословныхъ учрежденій, онъ принадлежитъ судамъ, которые, само собой разумѣется, относятся къ нему совершенно формально. Тамъ же, гдѣ дѣйствуютъ совѣты, помощники подчинены и судамъ, и совѣтамъ. Но, по справедливому замѣчанію г. Баудера, «та истина, что у двухъ нянекъ дитя кривое, сказалось и сказывается на положеніи помощниковъ». Суды ограничиваются формальнымъ надзоромъ, а совѣты постоянно встрѣчаютъ энергическое противодѣйствіе въ своихъ мѣропріятіяхъ со стороны судебныхъ палатъ. Такъ, с.-петербургская судебная палата, разсматривая жалобу одного помощника, исключеннаго совѣтомъ изъ списка, нашла, что «въ учрежденіи суд. устан. нигдѣ не проведена мысль ни о томъ, чтобы помощники присяжныхъ повѣренныхъ составляли особую корпорацію, тѣсно связанную и вполнѣ солидарную съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, ни о томъ, чтобы помощники входили, какъ часть цѣлаго, въ самый составъ общества повѣренныхъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, по мнѣнію палаты, что предположеніе Совѣта о безусловномъ правѣ его имѣть прямой и непосредственный за помощниками надзоръ и объ обязанности помощниковъ подчиняться, наравнѣ съ присяжными повѣренными контролирующей и дисциплинарной власти Совѣта, не имѣетъ твердой точки опоры въ дѣйствующемъ законѣ» [2]).

На этомъ основаніи, судебная палата отмѣнила много постановленій петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ объ исключеніи провинившихся помощниковъ, такъ что совѣтъ долженъ былъ приводить свои приговоры въ исполненіе окольнымъ путемъ, предписывая присяжнымъ повѣреннымъ отчислять отъ себя обвиненныхъ помощниковъ [3]).

Если еще принять во вниманіе другіе второстепенные недостатки института помощниковъ, какъ то совмѣстимость этого званія съ государственной службой [4]), обременительный для начинающихъ адво-

---

[1]) Объ этомъ же вопросѣ см. статьи въ «Недѣлѣ», 1886 № 6; «Судебномъ Вѣст.» 1869, № 210; «Жур. гр и уг. пр.» 1889, № 1, 1883, № 3.

[2]) *Макалинскій*: 80, 81.

[3]) *Макалинскій*: 82.

[4]) *Граціанскій*: Безурядица въ адвокатурѣ («Юрид. Лѣтоп.». 1890, № 7, 91).

катовъ сборъ за свидѣтельства на право веденія дѣлъ, и замѣтить что сами совѣты присяжныхъ повѣренныхъ порою исполняютъ роль мачихи по отношенію къ помощникамъ [1]), то можно сказать вмѣстѣ съ г. Баудеромъ, что «съ какой-бы стороны мы ни посмотрѣли на положеніе помощниковъ, оно представляется одинаково безотраднымъ, а потому и требующимъ по возможности неотложныхъ реформъ» [2]).

Институтъ частныхъ повѣренныхъ признается всѣми компетентными лицами язвой современной адвокатуры.

Его организація крайне несовершенна. Она не гарантируетъ въ достаточной степени ни юридическихъ познаній, ни нравственныхъ качествъ, ни независимости частныхъ повѣренныхъ. По закону «судебное мѣсто имѣетъ право удостовѣриться въ надлежащихъ познаніяхъ желающаго получить свидѣтельство на хожденіе по дѣламъ», а, слѣдовательно, имѣетъ также право не удостовѣряться въ этомъ (ст. 406^6 уг. суд. уст.). Далѣе, судебное мѣсто принимаетъ въ соображеніе «всѣ свѣдѣнія, которыя оно признаетъ нужными», (ст. 406^7), т. е. если не признаетъ нужными никакихъ, то можетъ ничего не принимать въ соображеніе.

Изъ этихъ статей слѣдуетъ, что выдача свидѣтельствъ зависитъ всецѣло отъ благоусмотрѣнія судовъ и ихъ личнаго отношенія къ кандидатамъ въ повѣренные. «Мы знаемъ», говоритъ г. Тютрюмовъ: «окружные суды, въ которыхъ для выдачи адвокатскаго свидѣтельства отъ одного лица требовались обширныя и всестороннія свѣдѣнія, а отъ другаго лишь знаніе судебныхъ сроковъ. Производствомъ испытаній кандидатамъ на адвокатскую профессію весьма затруднялись многіе мировые съѣзды, въ составѣ которыхъ насчитывалось мало лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Въ мировыхъ съѣздахъ, наиболѣе связанныхъ съ мѣстными общественно—партійными интересами чаще встрѣчаются и случаи пристрастнаго отношенія къ претендентамъ на свидѣтельство частнаго повѣреннаго. Мы знаемъ, напримѣръ, постановленіе К—го мироваго съѣзда отъ 4 марта 1876 года, когда этотъ мировой съѣздъ отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства одному изъ претендентовъ потому, что этотъ послѣдній ничѣмъ «*не доказалъ своей способности вести судебныя дѣла*», а потому съѣздъ постановилъ: пріостановить выдачу свидѣтельства. Постановленіе это незаконно потому, что мировой съѣздъ въ случаѣ сомнѣнія въ надлежащихъ познаніяхъ просителя обязанъ былъ и

---

[1]) *Джаншіевъ:* По поводу новой организаціи помощ. прис. пов., 1890.
[2]) *Баудеръ:* Помощники прис. повѣр. («Юр. Вѣст.». 1887, № 1, 130).

имѣлъ возможность подвергнуть его испытанію, и лишено логической послѣдовательности потому, что не получившему свидѣтельства и неимѣющему права вести судебныя дѣла лицу отрѣзана была навсегда возможность доказать предъ судомъ свои адвокатскія способности. Очевидно, что дѣло здѣсь касалось не недостатковъ и не нравственныхъ качествъ просителя, а зависѣло отъ личныхъ отношеній къ нему постановившаго опредѣленіе судебнаго присутствія. Отъ этихъ условій выдачи свидѣтельствъ и отъ предоставленнаго суду 14 статьею правилъ (406[13] уг. суд. уст.), права дисциплинарныхъ взысканій, отъ замѣчанія и выговора до исключенія изъ числа повѣренныхъ, серьезно страдали достоинство и независимость частныхъ ходатаевъ. Адвокатская же независимость не представляется намъ чѣмъ либо теоретическимъ и отвлеченнымъ, а является существеннымъ и жизненнымъ свойствомъ дѣятельности повѣреннаго, и безъ нея, по нашему мнѣнію, невозможны ни свободный выборъ кліентовъ, ни смѣлое обжалованіе рѣшеній и приговоровъ, ни мужественная защита слабѣйшаго противъ сильнаго» [1]).

Въ виду такой зависимости отъ личнаго усмотрѣнія судовъ, частными повѣренными дѣлаются по большей части лица невысокаго достоинства. «Кому неизвѣстно», спрашиваетъ г. Граціанскій: «изъ кого состоитъ за немногими исключеніями частная адвокатура? Къ дореформеннымъ дѣльцамъ, получившимъ на это занятіе по закону 25 мая 1874 года оффиціальный патентъ, присоединились во множествѣ отставные военные и судебные пристава послѣ разныхъ непріятностей на службѣ, ремесленники и проторговавшіеся купцы, напрактиковавшіеся въ веденіи своихъ собственныхъ дѣлъ и т. д.; былъ даже повѣренный изъ лакеевъ, что обнаружилось въ одномъ мелкомъ уголовномъ процессѣ о немъ-же самомъ. Конечно, есть между частными повѣренными люди, безспорно, умные и честные; но число ихъ превышается числомъ другихъ, противоположнаго типа, которые дѣйствовали въ адвокатурѣ такъ, что въ короткое время населили собой мѣста отдаленныя и не столь отдаленныя. «Съ кистенемъ ходили среди публики», какъ выразился о нихъ по дѣлу Волженскаго бывшій прокуроръ, а нынѣ присяжный повѣренный. Для частныхъ повѣренныхъ не требуется высшее образованіе; они могутъ находиться на службѣ; о нихъ почти не собираются свѣдѣнія относительно нравственной благонадежности; над-

[1]) *Тютрюмовъ*: Представительство на судѣ земскихъ начальниковъ («Ю. Вѣст.» 1890, № 4, 43).

зоръ за ними судебныхъ мѣстъ, выдающихъ свидѣтельства, можно сказать, есть только номинальный» [1]).

«Наряду съ присяжными повѣренными,—людьми, обладающими далеко немаловажною теоретической и практической подготовкой», говоритъ другой авторъ: «образовалось особое сословіе судебно-патентованныхъ адвокатовъ, которые, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, либо имѣя первичные признаки юридической подготовки, либо не будучи вовсе повинны въ какомъ-нибудь знакомствѣ съ азбучными началами и понятіями права и судопроизводства, претендуютъ однако на положеніе присяжныхъ повѣренныхъ, выступаютъ на судѣ, съ самоувѣренностью, достойной лучшихъ людей и ставятъ своимъ кліентамъ столь высокія и безпощадныя требованія, на которыя едва ли рѣшаются лучшіе изъ присяжныхъ повѣренныхъ» [2]).

Дѣятельность частныхъ повѣренныхъ чрезвычайно вредна еще въ томъ отношеніи, что они являются счастливыми конкуррентами несравненно болѣе образованнаго и честнаго сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

«У присяжной адвокатуры», говоритъ г. Вильскій: «существуетъ непримиримый врагъ въ цѣломъ сословіи частныхъ повѣренныхъ какъ патентованныхъ, такъ и непатентованныхъ, или по просту «аблакатовъ». Правда, между частными повѣренными, особенно при общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, есть лица, вполнѣ достойныя всякаго уваженія; но они составляютъ ничтожное меньшинство; что же касается огромнаго большинства, то оно далеко не безупречно, чтобъ не сказать сильнѣе. Тѣмъ не менѣе частная адвокатура является конкуррентомъ присяжной и, притомъ, тѣмъ болѣе неудобнымъ, что не стѣсняется ни въ какихъ средствахъ. Намъ извѣстенъ личный составъ частной адвокатуры при нѣсколькихъ окружныхъ судахъ и мировыхъ съѣздахъ; почти поголовно это люди, не получившіе никакого образованія, начавшіе свою дѣятельность въ качествѣ писцовъ присяжныхъ повѣренныхъ или письмоводителей у мировыхъ судей и т. п.

Неразвитый и невѣжественный, неимѣющій никакого понятія о нравственныхъ принципахъ, безъ всякой солидарности даже со своими ближайшими товарищами, частный повѣренный рѣшительно невыносимъ, какъ противникъ, потому, что для него всѣ средства хо-

---

[1]) *Градовскій*: ук. с. («Юр. Лѣтоп.» 1890, № 7, 98).

[2]) *Табашниковъ*: О ходатаяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. («Жур. гр. и уг. пр.» 1883, № 2).

роши, лишь бы выгородить дѣло, отсюда фабрикація нужныхъ документовъ, подговоръ свидѣтелей, переукрѣпленіе имуществъ и всякаго рода формальныя помѣхи исполненію рѣшенія, если онъ стоитъ за отвѣтчика... Все это вы знаете, почти видите, но вы лишены возможности противодѣйствовать этому злу, стараясь только возможно дольше держаться отъ подобныхъ субъектовъ. Не стѣсняясь никакими принципами, онъ готовъ раздѣлить пополамъ имущество своего кліента; а если послѣдній вздумаетъ заявить, что это ужъ слишкомъ дорого, то онъ пресерьезно будетъ увѣрять, что если тотъ обратится къ присяжному повѣренному, то отдастъ ему чуть не все. Вслѣдствіе этого слагается ложное мнѣніе, будто присяжные повѣренные берутъ гораздо дороже, чѣмъ частные, и велико бываетъ удивленіе иного простака, когда онъ вдругъ услышитъ, что присяжный повѣренный назначаетъ ему самый умѣренный гонораръ, гораздо меньше, чѣмъ просилъ съ него частный. Но этимъ не ограничивается антагонизмъ между присяжной и частной адвокатурой. Какъ бы правильно и даже гуманно ни дѣйствовалъ присяжный повѣренный, все-таки возможно встрѣтиться съ недобросовѣстностью въ лицѣ, какъ своего кліента, такъ и противника. Въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ проявляется закулисная дѣятельность частной адвокатуры противъ присяжной; она не можетъ помириться съ послѣдней уже потому, что она, т. е. присяжная адвокатура, во всѣхъ отношеніяхъ выше ея; и вотъ, чтобы показать, что она вовсе не такова, сочиняются жалобы въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ отъ имени безграмотныхъ или полуграмотныхъ кліентовъ, часто не только безъ всякихъ основаній, но даже безъ повода къ нимъ, причемъ не останавливаются и предъ подговорами къ нимъ. Хотя такія жалобы и оставляются безъ послѣдствій, но онѣ всетаки идутъ въ счетъ на совѣтскихъ отчетахъ, какъ доказательство количества дѣлъ, возникшихъ по жалобамъ кліентовъ на своихъ повѣренныхъ, а отсюда на основаніи голыхъ цифръ, именуемыхъ статистикой, приходятъ къ заключенію о деморализаціи присяжной адвокатуры» [1]).

Уличная адвокатура. Кромѣ патентованныхъ частныхъ повѣренныхъ; существуетъ въ Россіи такъ называемая уличная или подпольная адвокатура. Она имѣетъ три формы. Одни уличные адвокаты, пользуясь тѣмъ, что законъ дозволяетъ принимать уголовныя

---

[1]) *Вильскій*: Деморализуется-ли наша адвокатура. («Жур. гр. и уг. пр.» 1891, № 1, 73–75).

защиты всѣмъ правоспособнымъ лицамъ за немногими исключеніями, посвящаютъ себя спеціально уголовной практикѣ.

«Разный темный и малограмотный людъ», говоритъ «Судебная Газета»: не умѣющій подчасъ даже связать пары словъ, съ жадностью набросился на эксплуатацію кліентуры, преимущественно изъ крестьянской массы, которая по своему низкому уровню развитія не въ состояніи, въ большинствѣ случаевъ, отнестись сколько-нибудь критически и обдуманно къ выбору подобныхъ личностей. Отставные канцелярскіе служители, прогнанные со службы писцы, устраненные по распоряженію суда частные повѣренные и даже бывшіе маркеры трактирныхъ билліардовъ и тому подобный сбродъ, все это обратилось въ «ходатаевъ» по уголовнымъ дѣламъ и переполнило наши провинціальные суды, особенно же мировыя учрежденія» [1]).

Другой видъ уличной адвокатуры составляютъ непатентованные ходатаи по гражданскимъ дѣламъ. Основываясь на законѣ, дозволяющемъ вести чужія дѣла лицамъ, «завѣдующимъ по довѣренностямъ имѣніями или дѣлами тяжущихся», они запасаются такими довѣренностями и выступаютъ въ судахъ, къ качествѣ повѣренныхъ. Вотъ что говоритъ г. Х. К. объ ихъ дѣятельности:

«Въ послѣднее время въ провинціи сплошь да рядомъ попадаются вамъ на глаза лица изъ разряда подпольныхъ адвокатовъ, ведущіе безъ всякаго «страха и упрека» въ судѣ дѣла, не имѣя установленныхъ на то закономъ свидѣтельствъ. Лица эти являются въ судѣ повѣренными по гражданскимъ дѣламъ и, запасшись общими довѣренностями, выданными имъ для завѣдыванія дѣлами имѣнія, возбуждаютъ и поддерживаютъ сотни гражданскихъ исковъ. Истцами по домовымъ обязательствамъ и по договорамъ подобные «адвокаты» выступаютъ на основаніи фиктивныхъ передаточныхъ надписей. Если такому «адвокату» нужно выступить повѣреннымъ со стороны истца по дѣлу, уже заведенному въ судѣ послѣднимъ, то составляется такая комбинація: въ день засѣданія «адвокатъ» подаетъ судьѣ заявленіе за общими подписями его и первоначальнаго истца, заявленіе о томъ, что послѣдній передалъ первому право на искъ и, такимъ образомъ, мнимый пріобрѣтатель дѣлается непосредственно заинтересованнымъ лицомъ въ процессѣ, который онъ и ведетъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ. При такомъ положеніи лица, не имѣющія установленныхъ закономъ свидѣтельствъ для веденія чужихъ дѣлъ, фактически пользуются въ судахъ тѣми же правами, какъ и повѣ-

[1]) «Суд. Газета», 1888, № 31 и 39.

ренные, признанные судомъ. Вслѣдствіе этого-то темный людъ не можетъ отличать первыхъ отъ послѣднихъ и, такимъ образомъ, дѣлается жертвой хищническихъ порывовъ, проявляемыхъ представителями кабацкой адвокатуры [1]).

Третій классъ уличныхъ ходатаевъ, не рискуя выступать въ судахъ, ограничивается сочиненіемъ разнаго рода кляузныхъ бумагъ и тоже преимущественно для крестьянскаго люда. Какъ показало оффиціальное изслѣдованіе и отчеты губернаторовъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, крестьяне ведутъ свои дѣла въ громадномъ большинствѣ случаевъ лично, и только крестьянскія общества дѣйствуютъ черезъ повѣренныхъ [2]). Въ виду этого, большинство губернаторовъ, по словамъ «Юридической Газеты», заявили министерству, что «нѣтъ никакихъ данныхъ изыскивать мѣры къ ограниченію дѣятельности повѣренныхъ, оффиціальное положеніе которыхъ, при возможности контроля за ихъ дѣйствіями, и знакомство которыхъ съ законами, порядками и обрядностями могли бы обезпечить крестьянскіе интересы. По мнѣнію большинства губернаторовъ, если въ данномъ случаѣ и требуются настоятельныя мѣры, такъ это относительно подпольной адвокатуры, представители которой вовлекаютъ крестьянъ и крестьянскія общества въ неосновательные иски, пишутъ для нихъ прошенія въ административныя и судебныя мѣста, но никогда не выступаютъ въ качествѣ оффиціальныхъ повѣренныхъ» [3]).

Какой вредъ приноситъ дѣятельность этихъ мужицкихъ логографовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго яркаго описанія г. А-ча.

«Въ числѣ золъ деревенской жизни, высасывающихъ здоровые соки народнаго организма, рѣзко выдѣляется язва такъ называемой ходячей, кабацкой или подпольной адвокатуры, не стѣсненной никакимъ контролемъ въ правѣ писать, что угодно, кому и куда угодно, позорящей и унижающей званіе адвоката. Армія такихъ ходатаевъ почкольняется всякимъ сбродомъ людей разныхъ національностей, религій, людей, лишенныхъ сознанія чести, а подчасъ даже правъ состоянія за учиненныя преступленія, позорящія доброе имя человѣка.

---

[1]) «Суд Газета» 1892, № 37.

[2]) Съ цѣлью еще болѣе съузить сферу дѣятельности крестьянскихъ адвокатовъ установлена 23 статья «Времен. Правилъ волостн. суд.», по которой стороны обязаны лично являться въ волостной судъ, и только живущіе внѣ предѣловъ волости и далѣе 15 верстъ отъ мѣстонахожденія суда могутъ присылать вмѣсто себя повѣренныхъ, да и то не изъ числа профессіонально занимающихся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ лицъ «Юр. Газ.» 1892, № 45.

[3]) «Юрид. Газ.» 1892, № 67.

Эта темная сила успѣла пустить глубокіе корни въ народный организмъ. Скрываясь за спиной своихъ кліентовъ и пользуясь правомъ каждаго грамотнаго человѣка сочинять и писать просьбы для неграмотныхъ, трактирные ходатаи побуждаютъ поселянина къ вчинанію грошовыхъ исковъ, взимая за свой «трудъ» изрядныя суммы, подчасъ превышающія цѣну иска. «Кліентъ» становится рабомъ привитой ему страсти къ сутяжничеству; одурманенный виномъ и фантастическими картинами послѣдствій выигрыша дѣла, разрисованными ловкимъ кровопійцей, поселянинъ слѣпо отдается во власть ходатая и вѣритъ въ могущество его, конечно, до тѣхъ только поръ, пока рѣшеніе суда не отрезвитъ заблудшагося. Далеко не рѣдки случаи, когда буквально рублевый искъ ведется въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ и даже переносится въ Сенатъ, не взирая на совѣтъ судьи отказаться отъ веденія «дѣла», такъ какъ двухъ кассаціонныхъ инстанцій нѣтъ и дальнѣйшая волокита можетъ только истощить мошну жалобщика.

Ясно отсюда, какое развращающее вліяніе оказываетъ на населеніе подпольный адвокатъ, подстрекая простой народъ къ кляузамъ, сутяжничеству, порокамъ, отъ «процвѣтанія» которыхъ зависитъ матеріальное благополучіе кабацкаго ходатая, столь безцеремонно обирающаго своихъ легковѣрныхъ «кліентовъ» и, что печальнѣе всего, вселяющаго въ простолюдинѣ недовѣріе къ власти, указывающей ему на злоумышленія подстрекателей писакъ. Тысячи деревенскихъ рублей переходятъ въ карманы этихъ подпольныхъ ходатаевъ, а сколько слезъ даетъ позднее раскаяніе въ легкомысліи!» [1]).

Таково внутреннее состояніе русской адвокатуры. Обрисовывая его, мы ссылались на авторовъ, представлявшихся намъ наиболѣе компетентными и безпристрастными въ данномъ вопросѣ, и оставили въ сторонѣ рѣзкіе и явно несправедливые отзывы другихъ писателей (Щедрина, Евгенія Маркова [2]) и (реакціонной печати), считающихъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ поголовно «софистами XIX вѣка», «Балалайкиными» и «прелюбодѣями слова», которые не преслѣдуютъ въ своей дѣятельности никакихъ цѣлей, кромѣ «обѣленія чумазыхъ кліентовъ» и денежной наживы. Хотя сами представи-

---

[1]) «Судеб. Газ.» 1892, № 37. О томъ-же см. статью г. Табашникова въ «Жур. гр. и уг. пр.» 1883. № 2.

[2]) «Софисты XIX вѣка» («Голосъ» 1875, №№ 136 и 137).

тели нашей присяжной адвокатуры не рѣшаются отрицать существованія въ средѣ ея подобнаго типа дѣльцовъ [1]), тѣмъ не менѣе онъ не представляется ни господствующимъ, ни даже сколько-нибудь многочисленнымъ.

Въ виду этого, его появленіе нужно отнести на счетъ общихъ культурныхъ условій нашего времени [2]) и личныхъ качествъ отдѣльныхъ членовъ профессіи, а не характера цѣлаго учрежденія.

Проэктъ реформы. Недостатки современной организаціи адвокатуры и необходимость улучшить ея положеніе побудили правительство принять мѣры къ изданію новаго закона. Съ этой цѣлью была образована особая коммиссія, которая выработала недавно проэктъ реформы. Основныя черты его, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ «Юридической Газетой», заключаются въ слѣдующемъ [3]).

Прежде всего, рѣшено ввести сословныя учрежденія повсемѣстно во всѣхъ округахъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ не менѣе пятидесяти, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширить кругъ дѣятельности совѣтовъ. Но подчиненность совѣтовъ судебнымъ палатамъ, въ качествѣ аппелляціонныхъ инстанцій, оставлена въ силѣ, а контроль прокуратуры даже увеличенъ сравнительно съ теперешнимъ порядкомъ вещей.

Далѣе, предположено осуществить обѣщанное въ ст. 387 у. с. у. установленіе комплектовъ и связанную съ нимъ монополію веденія дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ для присяжныхъ повѣренныхъ.

По вопросу о гонорарѣ признано нужнымъ запретить адвокатамъ опредѣленіе вознагражденія въ уголовныхъ дѣлахъ въ зависимости отъ исхода процесса, а принципъ соглашенія, восполняемаго таксой, оставить по прежнему.

Весьма существенныя измѣненія предполагается произвести въ организаціи института помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Званіе помощника признается несовмѣстимымъ съ званіемъ частнаго повѣреннаго и съ платными должностями по государственной и общественной службѣ. Какъ принятіе помощниковъ, такъ и дисциплинарный надзоръ за

---

[1]) *Джаншіевъ:* Веденіе неправыхъ дѣлъ, 1887, 7; *Пальховскій*, 140, прим.
[2]) См. ст. г. *Обнинскаго* («Юр. Вѣст.» 1890, № 8).
[3]) «Юрид. Газ.» 1892, № 16, 18 и 22 см. также хронику «Жур. гр. и уг. пр.» 1891, № 10; 1892, № 5.

ними, такъ и вообще завѣдываніе всѣми дѣлами, относящимися до нихъ, поручается совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ. При каждомъ присяжномъ повѣренномъ можетъ состоять не болѣе двухъ помощниковъ. Срокъ стажа уменьшается до 4 лѣтъ, причемъ въ теченіе первыхъ 2 лѣтъ помощникъ можетъ вести дѣла только въ мировыхъ учрежденіяхъ и то по передовѣрію и подъ отвѣтственностью патрона, а во второй половинѣ стажа—имѣетъ право такимъ-же образомъ практиковать въ общихъ судахъ, а въ мировыхъ вести дѣла самостоятельно. Перечисленіе помощника изъ перваго періода стажа во второй совершается по особому постановленію совѣта, который можетъ и отказывать въ этомъ, если признаетъ, что помощникъ недостаточно подготовленъ.

Затѣмъ, относительно частныхъ повѣренныхъ предположено: 1) допускать ихъ къ профессіи по выдержаніи испытанія въ особомъ присутствіи суда въ составѣ трехъ членовъ; 2) дисциплинарный надзоръ надъ ними возложить на совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, а въ качествѣ второй инстанціи на суды, выдавшіе свидѣтельства; 3) увеличить сборъ за выдачу свидѣтельствъ.

Наконецъ, съ цѣлью обузданія уличной адвокатуры признано нужнымъ предоставить судебнымъ мѣстамъ безаппелляціонное право запрещать веденіе уголовныхъ дѣлъ тѣмъ изъ частныхъ лицъ, которыя совершили какія-либо предосудительныя дѣйствія или обнаружили полное непониманіе своихъ обязанностей.

Проходя молчаніемъ нѣкоторыя нововведенія меньшей важности и сомнительнаго достоинства, какъ-то допущеніе къ адвокатурѣ профессоровъ и преподавателей юридическихъ наукъ, а также юрисконсультовъ и повѣренныхъ правительственныхъ установленій, (съ разрѣшенія ихъ служебнаго начальства), ограниченіе числа присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ нехристіанскихъ исповѣданій 10 процентами и т. д., можно сказать, что въ общемъ предполагаемая реформа представляетъ собой шагъ впередъ. Повсемѣстное введеніе сословныхъ учрежденій, установленіе монополіи, организація института помощниковъ и упроченіе связи между нимъ и корпораціей присяжныхъ повѣренныхъ, упорядоченіе частной адвокатуры,—все это такія мѣры, которыя несомнѣнно улучшатъ положеніе адвокатуры. Но представляетъ-ли эта форма организаціи достаточныя условія для правильнаго развитія адвокатуры,—этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ послѣдней главѣ второй части настоящаго сочиненія.

VIII.

ОСТАЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА.

§ 1.

Бельгія.

Бельгійская адвокатура въ своемъ прошломъ и въ настоящемъ представляетъ большое сходство съ французской. Она была занесена въ эту страну подобно тому, какъ и во Франціи, изъ Рима. Въ первые вѣка она считалась абсолютно свободной профессіей и была доступна для всѣхъ. Но постепенно на практикѣ выработались условія, которымъ должны были удовлетворять лица, желавшіе стать адвокатами. Такъ, отъ нихъ требовалось высшее юридическое образованіе, законное рожденіе, совершеннолѣтіе (17 лѣтъ), принятіе присяги, которая должна была затѣмъ повторяться ежегодно, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, кромѣ того, исповѣданіе государственной религіи, подданство и практическая подготовка. Къ адвокатурѣ не допускались женщины, глухо-нѣмые, духовные, отлученные отъ церкви, лишенные гражданской чести, купцы, еретики и евреи [1]).

На ряду съ адвокатами почти всюду существовали повѣренные, и совмѣщеніе обѣихъ функцій строго запрещалось. Сословныхъ учрежденій не было; дисциплинарная власть всецѣло принадлежала судамъ. Гонораръ опредѣляется таксой и могъ быть требуемъ по суду. Адвокаты пользовались такими же привиллегіями, какъ ихъ французскіе коллеги: были свободны отъ нѣкоторыхъ повинностей и налоговъ, могли временно замѣщать судей въ исполненіи ихъ обязан-

---

[1]) *Duchaine et Picard:* Manuel pratique de la profession d'avocat, 1869, 3—5.

ностей, говорили на судѣ съ покрытой головой и т. п. Адвокатура служила путемъ къ высшимъ должностямъ въ государствѣ и была разсадникомъ выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ [1]). Изъ среды ея выходили знаменитые ученые (напр. Гуго Гроцій), писатели, члены магистратуры и прокуратуры, сенаторы и канцлеры [2]). Несмотря на отсутствіе сословной организаціи, члены адвокатуры дѣйствовали всегда солидарно и, въ случаѣ надобности, дружно отстаивали интересы своей профессіи. Въ 1659 г., напримѣръ, въ Бельгіи произошелъ точно такой же случай, какъ въ 1609 году во Франціи. Правительство предписало адвокатамъ приносить присягу въ томъ, что они будутъ соблюдать таксу о гонорарѣ и отмѣчать на бумагахъ, когда и за что они получили. Адвокаты, находя такую присягу «позорной, излишней и несправедливой» (turpe, inane, injustum) воспротивились и прекратили занятіе профессіей. Результатомъ этого была отмѣна распоряженія [3]). Другой случай произошелъ въ 1692 г., когда снова было возобновлено постановленіе о гонорарѣ 1659 года и, кромѣ того, приказано адвокатамъ соблюдать краткость въ судебныхъ бумагахъ. Они снова отказались продолжать свою дѣятельность и упорствовали до тѣхъ поръ, пока не былъ возстановленъ прежній порядокъ вещей [4]).

Эти факты показываютъ, что среди бельгійскихъ адвокатовъ былъ сильно развитъ духъ товарищества, который рано или поздно выразился бы въ формѣ сословной организаціи подобно тому, какъ было во Франціи, если бы только отсутствовали неблагопріятныя внѣшнія условія.

Въ такомъ положеніи находилась бельгійская адвокатура до конца XVIII вѣка. Въ 1795 году Бельгія была присоединена къ Франціи, и дѣйствіе французскаго законодательства постепенно распространились и на нее. Декретъ учредительнаго собранія 1790 г., уничтоживший сословную организацію адвокатуры, законъ 1804 г., возстановивший веденіе списковъ, наполеоновскій декретъ 1810 г., всѣ они поочередно были вводимы въ Бельгіи. Съ низверженіемъ Наполеона прекратилось французское владычество, и Бельгія подпала подъ власть Голландіи. Но хотя голландское правительство

---

[1]) *Sandbrink*: Specimen historico-juridicum de advocatorum, qui in Belgio septentrionali floruerunt, juribus ac doctrina, 1849, 93: apud nos summos honores summaque munera semper fuisse occupata et occupari ab advocatis.

[2]) Ib., cap. III, et IV.

[3]) Ib., 47--49

[4]) *Sandbrink*, ib, 50, 51: paulatim et sensim res ad pristinum statum videntur reductae.

издавало нѣкоторыя распоряженія, касавшіяся адвокатуры, тѣмъ не менѣе организація ея попрежнему основывалась на французскомъ декретѣ 1810 года. Революція 1830 г., сдѣлавшая Бельгію самостоятельнымъ государствомъ, тоже оставила въ силѣ этотъ законъ. Тѣмъ не менѣе брюссельскіе адвокаты, недовольные постановленіями его, по которымъ члены дисциплинарныхъ совѣтовъ назначались генералъ-прокуроромъ изъ выбранныхъ сословіемъ кандидатовъ, образовали, несмотря на противодѣйствіе правительства, ассоціацію съ тѣмъ, чтобы избирать непосредственно органы своего самоуправленія. Эта ассоціація существовала до 1836 г., когда вышелъ новый законъ, дѣйствующій и до сихъ поръ. «Съ этого времени сословіе адвокатовъ», говоритъ Дюшенъ: «возродилось въ томъ видѣ, въ какомъ существовало съ незапамятныхъ временъ во Франціи. Но французскія традиціи не были тщательно соблюдаемы. При истолкованіи и примѣненіи закона въ непредусмотрѣнныхъ случаяхъ обычаи бельгійской адвокатуры и національные нравы оказывали свое вліяніе» [1]). Тѣмъ не менѣе бельгійская адвокатура, нормированная декретомъ 1810 г., закономъ 1836 г. и нѣкоторыми дополнительными постановленіями, представляетъ полное сходство съ французской не только въ общихъ принципахъ, но и въ громадномъ большинствѣ второстепенныхъ деталей. Въ виду этого, мы считаемъ лишнимъ распространяться объ ея организаціи, такъ какъ пришлось бы только повторить еще разъ все то, что было сказано относительно Франціи.

§ 2.

Голландія.

Въ теченіе многихъ вѣковъ Голландія и Бельгія составляли одно государство и жили общей политической жизнью. Раздѣлившись въ XVII вѣкѣ, та и другая сохранили прежнее сходство во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, въ организаціи адвокатуры. Только въ послѣднее время Голландія вступила на новый путь.

Въ 1876 г. были уничтожены повѣренные при кассаціонномъ судѣ. Исполненіе ихъ обязанностей было предоставлено подобно тому, какъ во Франціи, адвокатамъ, внесеннымъ въ списокъ при этомъ

[1]) *Duchaine et Picard*, 27. Въ 1875 г. была сдѣлана попытка признать адвокатуру абсолютно-свободной профессіей, но она не имѣла успѣха. Annuaire de législation étrangère, 1877, 487, rem.

судѣ. Вслѣдъ затѣмъ возникла мысль о совершенномъ уничтоженіи института повѣренныхъ и о сліяніи правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ въ лицѣ сословія адвокатовъ. Но за выходомъ въ отставку министра юстиціи, этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Новый министръ задался той-же цѣлью, но пошелъ по другому пути. Не уничтожая повѣренныхъ сразу, онъ предложилъ рядъ мѣръ, которыя съ теченіемъ времени должны были привести къ такому же результату. Съ этой цѣлью былъ изданъ 23 апрѣля 1879 года законъ, который дозволилъ совмѣщеніе обязанностей адвоката и повѣреннаго и запретилъ пріемъ въ число повѣренныхъ лицъ, не получившихъ высшаго юридическаго образованія, но оставилъ за практикующими повѣренными безъ высшаго образованія право продолжать свою дѣятельность. Такимъ образомъ, когда повѣренные послѣдняго разряда постепенно вымрутъ, то останутся только адвокаты-повѣренные, т. е., другими словами, голландская адвокатура пріметъ такой же видъ, какой имѣютъ германская, австрійская и русская.

Проэктъ закона 1879 г. встрѣтилъ сильную оппозицію въ обѣихъ палатахъ. Противники его возражали; 1) что новый законъ лишитъ адвокату ея независимости, такъ какъ онъ уравниваетъ адвоката съ повѣреннымъ; 2) что онъ не принесетъ существенной выгоды тяжущимся; 3) что смѣшеніе функцій адвокатовъ и повѣренныхъ вредно отзовется и на достоинствѣ адвокатуры, и на отправленіи правосудія. Защитники закона на это возражали, что въ Голландіи институтъ повѣренныхъ не имѣлъ того значенія, какое онъ имѣетъ во Франціи, такъ какъ въ Голландіи все дѣло ведетъ въ сущности адвокатъ, являющійся хозяиномъ тяжбы, а повѣренный представляетъ собой только подчиненнаго помощника, излишняго для отправленія правосудія, ненужнаго для адвоката и обременительнаго для тяжущагося. Сообразно съ измѣненіемъ характера адвокатуры произошла перемѣна и въ вопросѣ о гонорарѣ. Адвокаты должны по окончаніи разбора дѣла представлять суду счетъ судебныхъ издержекъ и слѣдуемаго имъ гонорара. Во противномъ случаѣ размѣръ тѣхъ и другихъ опредѣляется судомъ.

Въ томъ же 1879 году (13 іюня) появился другой законъ, преобразовавшій сословныя учрежденія. Прежде дисциплинарные совѣты назначались судомъ по представленію сословія, теперь же ихъ избраніе предоставлено всецѣло самому сословію [1]).

---

[1]) Annuaire de législ. étrang. 1880, 572.

§ 3.

Италія.

Организація адвокатуры, опредѣленная законами Юстиніана, продолжала держаться въ средневѣковыхъ итальянскихъ городахъ съ большими или меньшими измѣненіями. Въ Миланѣ, Пармѣ, Венеціи, Мантуѣ и другихъ городахъ, существовали самоуправляющіяся коллегіи адвокатовъ [1]). Профессіональная дѣятельность ихъ, благодаря политическимъ условіямъ, а также господству тайнаго, инквизиціоннаго процесса и широкому развитію пытки, не могла процвѣтать [2]). Значительно улучшилось положеніе адвокатовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Особое значеніе имѣли они въ Неаполѣ и Венеціи. По словамъ Склописа, во всѣхъ выдающихся событіяхъ неаполитанской исторіи адвокаты играли первенствующую роль [3]). «Всѣ юноши» говоритъ Цанарделли: «жаждавшіе славы и богатства, предавались занятію законами, которое приноситъ семьямъ величайшую честь и пользу, и старались добиться извѣстности въ адвокатурѣ, откуда они часто переходили на высшія должности магистратуры» [4]). Судебное краснорѣчіе достигло въ это время высокаго совершенства. Знаменитѣйшимъ ораторомъ былъ Франческо д'Андреа, котораго современники называли своимъ Перикломъ. Его окружала цѣлая толпа другихъ ораторовъ: Фреччіа, Капече, Витульяно, Караччіоло, Какаче, Бискарди, Молесъ [5]).

Такимъ же блестящимъ положеніемъ пользовалась адвокатура въ Венеціи. Она считалась благородной профессіей и привлекала къ себѣ всѣхъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ. «Я видѣлъ», говоритъ Гольдони въ своихъ «Мемуарахъ»: «что въ Венеціи не было болѣе выгодной и пользующейся уваженіемъ профессіи, чѣмъ адвокатура. Знатный венеціанецъ, патрицій республики, который считалъ бы унизительнымъ быть негоціантомъ, банкиромъ, нотаріусомъ, докторомъ и профессоромъ университета, берется за профессію адвоката, занимается ею и называетъ другихъ адвокатовъ собратьями» [6]). Для оказанія безплатной юридической защиты бѣднымъ въ Венеціи

---

[1]) *Zanardelli:* L'Avvocatura, discorsi, 1891, 6.
[2]) Ib, 34, 35.
[3]) *Sclopis:* Storia della legislazione italiana, 1857, III, 96.
[4]) *Zanardelli*, 40.
[5]) Ib., 41.
[6]) Ib., 41.

существовали особые «благородные адвокаты тюремъ» (avvocati nobili delle prigione). Они избирались ежемѣсячно верховнымъ совѣтомъ въ количествѣ двухъ, а десять другихъ адвокатовъ изъ числа болѣе извѣстныхъ должны были, въ случаѣ надобности, оказывать имъ содѣйствіе. Отказываться отъ этой обязанности запрещалось подъ страхомъ исключенія изъ сословія [1]). Судебное краснорѣчіе было развито въ Венеціи меньше, чѣмъ въ Неаполѣ, вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, продолжительность судебныхъ преній ограничивалась опредѣленнымъ временемъ, а съ другой стороны, потому, что венеціанскіе адвокаты предпочитали импровизацію тщательной обработкѣ рѣчей [2]).

Въ XVIII вѣкѣ, несмотря на неблагопріятныя условія, каковы: политическая раздробленность Италіи на мелкія государства, абсолютный образъ правленія въ этихъ государствахъ, стѣснявшій свободу слова, преобладаніе въ процессѣ тайнаго слѣдственнаго принципа вмѣстѣ съ формальной системой доказательствъ, несмотря на все это, итальянскій геній, какъ выражается Цанарделли, «нашелъ возможность представить удивительные образцы судебнаго краснорѣчія» [3]). Среди адвокатовъ этого времени первое мѣсто занимаютъ: Джандоменико Романьози, который по словамъ того же автора, былъ великъ въ философіи, великъ въ математикѣ, въ естествовѣденіи, исторіи, статистикѣ, но еще болѣе великъ въ юриспруденціи [4]); затѣмъ Марокко, которому было поручено составленіе уголовнаго кодекса для кантона Тичино, болоньезецъ Маньяни, свѣдущій и краснорѣчивый адвокатъ, избранный впослѣдствіи президентомъ Цизальпинской республики, и Пелегрино Росси «одинъ изъ высочайшихъ умовъ нашего вѣка» [5]).

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ наибольшимъ блескомъ и почетомъ пользовалась неаполитанская адвокатура [6]), выставившая цѣлый рядъ замѣчательныхъ ораторовъ, каковы Чіанчи, Серра, Лауріа, Борелли, Поеріо. Изъ среды тосканской адвокатуры вышелъ извѣстный криминалистъ Карминьяни [7]).

Организація адвокатуры до 1874 г. была не совсѣмъ одинакова

---

[1]) *Sclopis*, ib., III, 236. 237.
[2]) *Zanardelli*, 42; *Sclopis*, III, 236.
[3]) *Zanardelli*, 98.
[4]) Ib., 98.
[5]) *Zanard.*, 98—102.
[6]) *Sclopis*: Storia della legislazione dall' epoca della rivoluzione francese a quella delle riforme italiane. 1864. III. 685.
[7]) *Zanard.*, 104.

въ отдѣльныхъ провинціяхъ Италіи, составлявшихъ раньше независимыя государства: въ однѣхъ на ряду съ адвокатами существовали повѣренные [1]), въ другихъ обѣ функціи исполняли адвокаты. Законъ 1874 года ввелъ однообразное устройство во всемъ королевствѣ, существующее и по настоящее время. Постановленія этого закона требуютъ подробнаго разсмотрѣнія [2]).

Правозаступничество и судебное представительство. Въ современной Италіи наряду съ адвокатами (avvocati) существуютъ повѣренные (procuratori), такъ что на первый взглядъ можетъ показаться, что законъ 1874 года принялъ французскую систему. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Хотя правозаступничество предоставлено сословію адвокатовъ, а судебное представительство—классу повѣренныхъ, однако законъ дозволяетъ совмѣщеніе обѣихъ функцій въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ и даже поощряетъ его. Такъ, отправлять обѣ функціи могутъ не только лица, которыя выполнили условія, требуемыя для каждой изъ нихъ (ст. 2), но и адвокаты, практикующіе болѣе двухъ лѣтъ (ст. 40), а также повѣренные, имѣющіе степень доктора правъ и практикующіе не менѣе шести лѣтъ (ст. 9). Такимъ образомъ, однимъ правозаступничествомъ занимаются только начинающіе адвокаты въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ практики, а однимъ судебнымъ представительствомъ повѣренные, не имѣющіе докторскаго диплома, а изъ имѣющихъ его только тѣ, которые практикуютъ менѣе шести лѣтъ. Всѣ остальные адвокаты и повѣренные являются вмѣстѣ и правозаступниками и представителями.

Въ виду этого, господствующая теперь въ Италіи система имѣетъ мало общаго съ французской. Ее нельзя даже признать смѣшанной, существовавшей до реформы 1878 г. въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи (Брауншвейгѣ, Ганноверѣ и рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи). Въ самомъ дѣлѣ, при смѣшанной системѣ адвокаты и адвокаты-повѣренные составляли все-таки два отдѣльные класса, изъ которыхъ первый не подвергался никакимъ ограниченіямъ, а второй былъ локализированъ и ограниченъ комплектомъ. Между тѣмъ, въ Италіи адвокаты и адвокаты-повѣренные составляютъ въ сущности одинъ классъ, такъ какъ каждый адвокатъ черезъ два года послѣ внесенія въ списокъ пріобрѣтаетъ право исполнять обязан-

[1]) Въ Пьемонтѣ, Тосканѣ, Пармѣ, въ римскихъ и южныхъ провинціяхъ. *Ballerini*: Elementi di diritto e di procedura civile, 1885, 534, n. 3.

[2]) Legge che regola l'esercizio delle professioni di Avvocato e di Procuratore, 8 giugno 1874.

ности повѣреннаго. Если еще принять во вниманіе, что и повѣреннымъ дозволено послѣ шести лѣтъ практики вести уголовныя защиты въ судахъ присяжныхъ (ст. 55), то нельзя не прійти къ заключенію, что итальянская система—просто замаскированная германская.

Коллегіи. При каждомъ коллегіальномъ судѣ 1 или 2 инстанціи состоитъ коллегія адвокатовъ. Если число практикующихъ при данномъ судѣ адвокатовъ меньше 15, то они вносятся въ списокъ ближайшей коллегіи. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся аппелляціонные суды вмѣстѣ съ судами первой инстанціи, всѣ адвокаты вносятся въ списокъ при аппелляціонномъ судѣ (ст. 4).

Допущеніе къ профессіи. Для того, чтобы быть внесеннымъ въ списокъ адвокатовъ, необходимо: 1) имѣть дипломъ доктора правъ, 2) отбыть двухлѣтній стажъ и 3) выдержать теоретико-практическій экзаменъ (ст. 8). Стажъ заключается въ занятіи судебной практикой при адвокатѣ или посѣщеніи судебныхъ засѣданій и удостовѣряется свидѣтельствомъ, выдаваемомъ въ первомъ случаѣ адвокатомъ, а во второмъ судомъ [1]). Экзаменъ производится особой коммиссіей составляемой ежегодно изъ слѣдующихъ лицъ: члена аппелляціоннаго суда, прокурора, предсѣдателя совѣта адвокатскаго сословія и двухъ членовъ этого совѣта (ст. 8). Помимо того, могутъ быть вносимы въ списки адвокатовъ безъ стажа и экзамена чины судебнаго вѣдомства, вышедшіе въ отставку и прослужившіе не менѣе двухъ лѣтъ, профессора юриспруденціи, состоящіе на службѣ не менѣе пяти лѣтъ, и повѣренные, имѣющіе докторскій дипломъ и практиковавшіе не менѣе шести лѣтъ (ст. 9). Внесеніе въ списокъ производится совѣтомъ коллегіи (ст. 10). На постановленіе совѣта можетъ быть принесена жалоба какъ кандидатомъ, такъ и прокуратурой въ аппелляціонный судъ, а затѣмъ и кассація въ указанныхъ закономъ случаяхъ (ст. 11).

Права и обязанности. Адвокаты, внесенные въ списокъ при какомъ-либо судѣ, имѣютъ право вести дѣла во всѣхъ судахъ первой и второй инстанціи (ст. 14), но практикой въ кассаціонныхъ судахъ могутъ заниматься только тѣ адвокаты, которые практикуютъ не менѣе пяти лѣтъ, а также профессора юридическихъ наукъ (ст. 15). Такимъ образомъ, профессора находятся въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ адвокаты, и могутъ выступать въ кассаціонныхъ судахъ, даже не прослуживъ предвари-

[1]) Regolamento per l'esecuzione della legge 8 giugno 1874, art. 13—18.

тельно пяти лѣтъ, что требуется отъ нихъ для права практиковать въ судахъ 1 и 2 инстанціи (ст. 9). Такое привиллегированное положеніе объясняется тѣмъ, что въ кассаціонныхъ судахъ рѣчь идетъ не о рѣшеніи дѣла по существу, а о надзорѣ за правильнымъ толкованіемъ судами закона и соблюденіемъ формъ производства, и, потому, отъ адвокатовъ требуется въ такихъ случаяхъ не практическая опытность, а научное знаніе.

Сословныя учрежденія. Каждая коллегія адвокатовъ избираетъ ежегодно по абсолютному большинству голосовъ (ст 18) совѣтъ изъ 5 членовъ, если въ коллегіи не больше 30 адвокатовъ, изъ 7, если ихъ не болѣе 50, изъ 10, если ихъ отъ 50 до 100, и изъ 15, если болѣе 100 (ст. 17). Совѣтъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, секретаря и казначея (ст. 19). Членами совѣта могутъ быть адвокаты, имѣющіе не менѣе 30 лѣтъ и практикующіе болѣе 5 лѣтъ или служившіе по судебному вѣдомству въ теченіи такого же времени (ст. 20). Члены совѣта избираются на два года, но ежегодно половина ихъ выходитъ изъ состава и замѣщается новыми (ст. 21).

Обязанности совѣта коллегіи состоятъ въ томъ, чтобы: 1) заботиться о поддержаніи достоинства и независимости сословія, 2) наказывать въ дисциплинарномъ порядкѣ проступки адвокатовъ, 3) разрѣшать недоразумѣнія и споры адвокатовъ съ кліентами и между собой и 5) завѣдывать имущественными дѣлами коллегіи (ст. 24). Совѣтъ можетъ налагать слѣдующія дисциплинарныя наказанія: 1) предостереженіе; 2) выговоръ; 3) запрещеніе практики на время не свыше полугода и 4) исключеніе изъ списка. На постановленія совѣта допускаются аппелляціи и кассаціи въ указанномъ раньше порядкѣ (ст. 31). Дисциплинарное производство построено по французскому образцу [1]).

Предметомъ дисциплинарнаго преслѣдованія могутъ быть злоупотребленія и проступки адвокатовъ при исполненіи ими профессіональныхъ обязанностей, но никакъ не политическія сочиненія и рѣчи (ст. 25).

Особая статья предоставляетъ совѣтамъ коллегій право издавать внутреннія распоряженія «относительно всего, что можетъ возвысить достоинство и значеніе сословія» (ст. 33).

Несовмѣстимость. Законъ признаетъ адвокатуру несовмѣстимой съ должностью нотаріуса, занятіями агентурой и маклерствомъ

---

[1]) Regolamento per l'esecuz. etc, art. 39—46.

и со всякаго рода платной государственной службой, кромѣ профессуры на юридическихъ факультетахъ и должностей секретаря коммерческаго суда и секретаря общины (ст. 13).

Защита бѣдныхъ. До 1865 года въ Италіи существовалъ институтъ «адвокатовъ для бѣдныхъ» (avvocati dei poveri). Въ 1865 году былъ изданъ новый законъ, который организовалъ защиту лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, по французскому образцу [1]). Нѣкоторыя постановленія этого закона были измѣнены въ 1880 году съ цѣлью уменьшить число лицъ, претендующихъ на безплатное веденіе дѣлъ [2]).

Гонораръ. Итальянское законодательство не опредѣляетъ, къ какому виду обязательствъ относится договоръ между адвокатомъ и кліентомъ. Вслѣдствіе этого, на практикѣ встрѣчается разногласіе: нѣкоторые видятъ въ указанномъ договорѣ мандатъ, другіе личный наемъ, третьи, подобно французскимъ авторамъ, особый договоръ sui generis. Господствующимъ мнѣніемъ, принятымъ большинствомъ судовъ, является второе, по которому отношенія между адвокатами и кліентами разсматриваются, какъ личный наемъ [3]). Сообразно съ такимъ взглядомъ, адвокатамъ предоставлено право предъявлять иски о гонорарѣ. Обыкновенно адвокатъ по окончаніи процесса подаетъ тому суду, въ которомъ разбиралось данное дѣло [4]) счетъ, и судъ провѣряетъ его, принимая во вниманіе важность дѣла, а также количество труда и времени, потраченнаго адвокатомъ [5]). Адвокатъ и кліентъ, могутъ, кромѣ того, бращаться для мирнаго разрѣшенія споровъ о гонорарѣ къ совѣту сословія [6]). Гонораръ повѣренныхъ опредѣляется по таксѣ [7]), и такъ какъ лицо, исполняющее въ одномъ и томъ же дѣлѣ обязанности, какъ адвоката, такъ и повѣреннаго, не можетъ требовать двойнаго гонорара, то гонораръ адвокатовъ въ большинствѣ случаевъ тоже соразмѣряется съ нею [8]).

Коллегіи повѣренныхъ. Внутренняя организація института повѣренныхъ въ общихъ чертахъ совершенно схожа съ орга-

---

[1]) Decreto 6 dic. 1865
[2]) Legge 19 luglio 1880 (Annuaire de législat. étrang. 1881, 314).
[3]) Archivio giuridico, 1885, XXXV, 519.
[4]) Codice di proced. civ., art. 103.
[5]) Codice di proc., art. 379; Legge 23 dic. 1865, art. 294, 295, 296.
[6]) Legge sull'esercizio delle professioni etc., art. 24,
[7]) Codice di proced. civ., art 103, 373—379. Legge 1865, art 297 ss
[8]) Legge sull'esercizio, art. 2. Regolamento sull'esecuzione etc., art. 61.

низаціей адвокатуры. Главное различіе между тою и другой заключается въ слѣдующемъ. Повѣренные локализированы, т. е. они должны имѣть мѣстожительство въ округѣ того суда, при которомъ они внесены въ списокъ, и только въ этомъ судѣ могутъ вести дѣла. Исключеніе сдѣлано для повѣренныхъ аппелляціоннаго суда, имѣющихъ право выступать въ судахъ 1 и 2 инстанціи, которые находятся въ томъ же городѣ, гдѣ и аппелляціонный судъ (ст. 37). Далѣе, повѣренные могутъ быть только итальянскіе подданные, между тѣмъ какъ для адвокатовъ это условіе необязательно. Напротивъ, адвокаты-иностранцы могутъ даже не жить въ Италіи и въ то же время все-таки быть внесенными въ списокъ какой-нибудь коллегіи [1]). Для принятія въ число повѣренныхъ тоже необходимо юридическое образованіе, но въ меньшемъ объемѣ: нужно прослушать въ университетѣ курсъ гражданскаго, уголовнаго и коммерческаго права, гражданскаго и уголовнаго процесса и выдержать установленные экзамены. Стажъ продолжается два года и отбывается при практикующемъ повѣренномъ, а теоретико-практическій экзаменъ производится въ той же коммиссіи, которая экзаменуетъ адвокатовъ (ст. 39). Въ виду того, что участіе повѣренныхъ въ процессѣ признано закономъ обязательнымъ для гражданскихъ коллегіальныхъ судовъ первой и второй инстанціи [2]), повѣренные имѣютъ право отказываться отъ дѣлъ только по законнымъ причинамъ (ст. 47) и могутъ избирать себѣ двухъ или даже трехъ замѣстителей изъ числа своихъ товарищей [3]), которымъ передаютъ веденіе порученныхъ дѣлъ, въ случаѣ невозможности вести ихъ лично (ст. 44, 45). Повѣреннымъ предписывается имѣть реестровыя книги, въ которыя вносились бы по порядку порученныя дѣла и счеты съ кліентами [4]). Во всемъ остальномъ, начиная отъ веденія списковъ и кончая порядкомъ составленія совѣтовъ и дисциплинарнымъ производствомъ, къ повѣреннымъ примѣняются постановленія адвокатскаго устава.

Совмѣщеніе функцій. Тѣ адвокаты и повѣренные, которые совмѣщаютъ въ себѣ функціи правозаступничества и судебнаго представительства, заносятся въ списокъ адвокатовъ и повѣренныхъ (ст. 3), подлежатъ дисциплинарной власти обѣихъ коллегій, и въ

---

[1]) Cons d'Ord. Pavia, 28 giugno 1878; *Magni:* Raccolta di massime di giurisprudenza sull'esercizio delle professioni di avvocato e di procuratore, 1884, 78.

[2]) Codice di proced. civ., art. 156.

[3]) Но только состоящихъ при данномъ судѣ. *Magni*, l. c., 92.

[4]) Regolamento per l'esecuz. etc. art. 54, 55, 56.

случаѣ исключенія изъ списка одной, исключаются также изъ списка другой (ст. 29, 51).

Внутреннее состояніе. Въ настоящее время въ Италіи чувствуется страшное переполненіе въ адвокатурѣ. Въ 1881 году, напр., число всѣхъ адвокатовъ, повѣренныхъ и адвокатовъ-повѣренныхъ простиралось до 17,649 чел., такъ что при народонаселеніи въ 18 милліоновъ 1 адвокатъ приходился приблизительно на 1,000 челов. [1]).

Неизмѣннымъ спутникомъ переполненія является деморализація. «Конечно», говоритъ Чикотти: «тамъ и сямъ появляются отъ времени до времени соревнователи и продолжатели О'Коннеля, Питта, Макинтоша, Беррье, Дюпэна, Мишеля, Пагано, Поэріо, Никколини, краснорѣчіе которыхъ, блестящее и могучее,—превосходнѣйшій родъ искусства,—осуществляетъ высокій идеалъ истины и справедливости и пріобрѣтаетъ силу отъ благородства сердца, служащаго убѣжищемъ для угнетенныхъ, и отъ алмазной совѣсти, о которую разбиваются низкіе инстинкты и обыденныя страсти. Но эти избранные которые, исполняя высокую миссію и отправляя любимую профессію, плетутся позади удивляющагося народа, служатъ въ большинствѣ случаевъ вывѣской, прикрывающей товаръ, и прозябаютъ въ бѣдности, какъ прозябалъ Романьози и не одинъ Романьози. Товаромъ же являются контрабандисты юстиціи, ничтожные торгаши, для которыхъ правосудіе—клей, судъ—инструментъ, профессія—ремесло, и единственный идеалъ—кліентъ. Новые гномы втайнѣ занимаются добываніемъ золота, и ничто не можетъ остановить ихъ. Это тѣ сказочные пигмеи, которые взбираются на плечи великана, чтобы казаться выше, или, безсознательно соединяясь для одной цѣли, схватываютъ его за ноги, чтобы опрокинуть на землю» [2]). Дѣятельность этихъ «пигмеевъ» Чикотти рисуетъ весьма, даже, можетъ быть, слишкомъ мрачными красками. «Адвокаты», говоритъ онъ: «умножаются въ геометрической пропорціи, а число кліентовъ не возрастаетъ, а уменьшается въ ариѳметической. Отсюда легко понять, что борьба за существованіе, конкурренція принимаютъ самыя разнообразныя, нерѣдко отвратительныя формы. Каждый день измышляются и примѣняются новые способы, новыя уловки, новыя военныя хитрости; все пускается въ оборотъ: злоба, умъ, гнѣвъ, имущество и даже совѣсть... Начинается охота за кліентами, охота постоянная, упорная, неумолимая... Какъ всѣ гири стремятся къ

---

[1]) *Cicotti:* Cause ed effetti, note sulle presenti condizioni dell' avvocatura etc., 1889, 5, n.

[2]) *Cicotti*, ib., 14.

центру земли, такъ къ другому центру тяжести, который называется кліентомъ, стремятся со всѣхъ сторонъ адвокаты, и если пути въ царство небесное неисчислимы, то смѣю сказать, что пути, которые ведутъ адвоката къ сердцу кліента, еще немного болѣе, чѣмъ неисчислимы» [1]). Сословные совѣты не въ состояніи положить предѣла злоупотребленіямъ по той причинѣ, что въ большихъ центрахъ, гдѣ число адвокатовъ чрезмѣрно велико, совѣты не имѣютъ возможности бдительно наблюдать за членами сословія, а въ маленькихъ центрахъ этотъ надзоръ обратился въ фикцію, вслѣдствіе различныхъ низкихъ соображеній, эгоизма и отсутствія гражданскаго мужества» [2]). Отношенія адвокатуры къ магистратурѣ, въ виду отсутствія внутренней связи между ними и явныхъ недостатковъ въ средѣ адвокатскаго сословія, крайне неестественны: съ одной стороны «замѣчается неуваженіе и высокомѣріе, а съ другой раболѣпство». Другіе авторы тоже свидѣтельствуютъ, что адвокатура не пользуется общественнымъ уваженіемъ въ современной Италіи [4]).

§ 4.

Испанія и Португалія.

Современная организація испанской адвокатуры основывается на законѣ 1870 г., уставѣ гражданскаго судопроизводства 1881 г. и нѣкоторыхъ спеціальныхъ указахъ. Адвокаты (Abogados, Letrados) являются только правозаступниками; судебное же представительство принадлежитъ повѣреннымъ (Procuradores). Совмѣщеніе обѣихъ функцій не допускается. Адвокаты пользуются сословной организаціей, которая подобно тому, какъ и во Франціи, возникла и развилась на практикѣ безъ всякаго содѣйствія законодательства. Еще въ 1595 году [5]) мадридскіе адвокаты образовали ассоціацію, преслѣдовавшую вначалѣ чисто религіозныя и благотворительныя, цѣли а затѣмъ обратившуюся въ самоуправляющуюся коллегію [6]).

---

[1]) *Cicotti*, 6, 7, 14, 15 etc.
[2]) Ib., 24.
[3]) Ib., 31, 32.
[4]) *Селивановъ* («Жур. гр. и уг. пр.» 1890, № 10, 37). Рѣзкую критику закона 1874 г. съ политической точки зрѣнія сдѣлалъ знаменитый Каррара (Carrara: Il passato, il presente e l'avvenire, degli avvocati in Italia, 1874).
[5]) Адвокатура существуетъ въ Испаніи съ XII вѣка. *Brachtisch:* Geschichte des spanischen Rechts, 1852, 101.
[6]) Estatutos para el regimen de los colegios de abogados delreino, precedidos da una recena historica sobre el Colegio de Madrid, 1859.

Чтобы имѣть право заниматься адвокатурой, необходимо быть совершеннолѣтнимъ, окончить университетъ со степенью кандидата правъ, уплатить причитающійся сборъ и быть внесеннымъ въ списокъ одной изъ коллегій [1]). Число адвокатовъ не ограничено комплектомъ [2]), но дѣятельность ихъ локализирована, хотя имъ предоставлено право приписываться къ нѣсколькимъ коллегіямъ сразу, уплачивая слѣдуемые взносы [3]).

Передъ допущеніемъ къ профессіи они должны принимать присягу въ томъ, что будутъ охранять монархическое устройство, соблюдать вѣрность королю и исполнять добросовѣстно и законно всѣ обязанности, налагаемыя на нихъ законами и правительственными распоряженіями [4]). Внесеніе въ списокъ зависитъ отъ совѣта коллегіи (Junta de gobierno de los Colegios), который можетъ отказывать въ этомъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) если кандидатъ исключенъ изъ другой коллегіи, 2) если онъ понесъ какое-нибудь наказаніе по судебному рѣшенію, 3) если онъ подвергался временному запрещенію практики или 4) если онъ уличенъ въ дурномъ поведеніи.

На рѣшенія совѣта можно аппеллировать въ высшую судебную инстанцію [5]). Дисциплинарный надзоръ принадлежитъ, съ одной стороны, судамъ, а съ другой, самимъ коллегіямъ. Испанское законодательство пытается установить точную границу между сферами компетенціи обѣихъ властей. Судамъ предоставлено право привлекать адвокатовъ къ дисциплинарной отвѣтственности въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда они въ подаваемыхъ судамъ бумагахъ явно нарушатъ предписанья уст. гражд. суд.; 2) если они уклонятся въ бумагахъ или устныхъ рѣчахъ отъ уваженія къ суду; 3) если при защитѣ кліента будутъ относиться грубо къ своимъ товарищамъ, и 4) когда будучи призваны къ порядку при устной защитѣ, окажутъ неповиновеніе предсѣдателю суда [6]). Остальные проступки адвокатовъ подлежатъ дисциплинарному суду совѣтовъ коллегій, которые должны «наблюдать за поведеніемъ адвокатовъ при отправленіи ими

---

[1]) Ley provisional sobre Organización del Poder judicial, 15 Set. 1870, art. 869, 873.

[2]) Ley provis., art. 862.

[3]) Estatutos de 1838, art. 3; Ley provis., art. 865, 869; Real decreto 31 Mar. 1863, art. 2, 4.

[4]) Ley provisional, art. 870.

[5]) Real Decreto 31 Mar. 1863, art 5, 6.

[6]) Ley de Enjuiciamento civil, 3 Feb. 1881, art. 443; Ley provision. art. 762, 872.

своей благородной профессіи (noble profesión)» [1]) и имѣютъ право дѣлать предостереженія и выговоры, а также запрещать практику на время не свыше полугода [2]).

Адвокаты пользуются монополіей правозаступничества: никто, кромѣ нихъ, не имѣетъ права заниматься имъ [3]). Кромѣ того, тяжущіеся не могутъ вести гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ безъ содѣйствія адвокатовъ [4]).

За веденіе дѣла адвокаты имѣютъ право требовать вознагражденія отъ кліентовъ или ихъ повѣренныхъ, представляя суду подробный счетъ и принося присягу въ томъ, что имъ еще не уплочено [5]). Судъ провѣряетъ счетъ, причемъ, въ случаѣ надобности выслушиваетъ мнѣніе коллегіи адвокатовъ [6]). Дѣла лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, адвокаты должны вести безвозмездно [7]).

Порядокъ назначенія безплатныхъ защитниковъ весьма сложенъ. Адвокаты могутъ отказываться отъ веденія безплатныхъ дѣлъ, если считаютъ ихъ неосновательными (insostenibile), но должны заявлять объ этомъ суду, который спрашиваетъ мнѣнія адвокатской коллегіи и затѣмъ или назначаетъ другаго адвоката, который уже не можетъ отказаться, или-же, признавъ дѣло неосновательнымъ, лишаетъ тяжущагося права бѣдности [8]). Адвокатамъ присвоенъ особый костюмъ, сходный съ французскимъ [9]). Во время засѣданій они говорятъ съ покрытой головой [10]).

Организація института повѣренныхъ въ общихъ чертахъ одинакова съ организаціей адвокатуры. Разница заключается только въ слѣдующемъ. Во первыхъ, отъ нихъ требуется не окончаніе университета, а выдержаніе экзамена въ коммиссіи, состоящей изъ члена суда, адвоката, профессора юриспруденціи, предсѣдателя и секретаря коллегіи повѣренныхъ [11]). Во вторыхъ, въ отличіе отъ адвокатовъ они должны представлять денежный залогъ [12]). Въ третьихъ, отно-

---

[1]) Estatutos de 28 May 1838, art. 15, n. 3 y 10.
[2]) Real Ordine 6 Jun. 1844.
[3]) Ley provision., art 855; Ley de Enjuiciam. civ., art. 10.
[4]) Ley provis., art. 855; Ley de Enjuiciam. civ., art. 10. Въ мировыхъ учрежденіяхъ (Los Jueces municipales) участіе адвокатовъ не обязательно.
[5]) Ley de Enjuic. civ., art. 12
[6]) Ib.. 12, 427—429, 423, n. 2. Aranceles judiciales, 4 Dic. 1883, art. 359,
[7]) Ley provis., art 866; Ley de Enjuiciam. civ., 14, n. 2.
[8]) Ley de Enjuic civ., art. 40, 42—47.
[9]) Ley provis., art. 880.
[10]) Real Orden, 5 May 1836.
[11]) Regolamento de examenos para los aspirantes á ser Procuradores, art. 1,
[12]) Ley provis., art. 881, n. 3.

шенія между кліентами и повѣренными, а потому и отвѣтственность послѣднихъ основывается на договорѣ довѣренности [1]). Въ четвертыхъ, обязанности повѣренныхъ заключаются въ ходатайствѣ по дѣлу и сообщеніи адвокату всѣхъ документовъ и справокъ, необходимыхъ для защиты дѣла [2]). Въ пятыхъ, они не могутъ состоять при нѣсколькихъ судахъ сразу [3]). Въ шестыхъ, ихъ гонораръ опредѣляется таксой [4]). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ обѣ профессіи уравнены [5]).

Участіе повѣренныхъ въ гражданскомъ процессѣ такъ же обязательно, какъ и участіе адвокатовъ. Поэтому въ дѣлахъ, разбирающихся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, каждый тяжущійся долженъ имѣть и адвоката, и повѣреннаго [6]).

Въ Португаліи съ давнихъ поръ существовала адвокатура, организованная по римскому образцу императорскаго періода съ той разницей, что наряду съ адвокатами дѣйствовали повѣренные [7]). Такая же приблизительно организація удержалась и по настоящее время. Особенностью ея является то обстоятельство, что отношенія между кліентами и адвокатами основываются на договорѣ довѣренности [8]). Въ уголовномъ процессѣ практикуется въ широкихъ размѣрахъ защита по назначенію суда [9]). Въ 1887 г. былъ выработанъ новый проэктъ организаціи судебныхъ учрежденій и, между прочимъ, адвокатуры, но, сколько намъ извѣстно, онъ еще не получилъ утвержденія [10]).

§ 5.

Швейцарія.

Въ Швейцаріи нѣтъ общаго адвокатскаго устава. Каждый кантонъ имѣетъ особую организацію адвокатуры. Мы разсмотримъ за-

---

[1]) Ley provis., art. 885; Codigo civil, art. 1718—1739.
[2]) Ley provis., art. 885; Ley de Enjuic., art. 5.
[3]) Ley prov., art. 865.
[4]) Real Decreto 4 Dic. 1883, art, 298—324.
[5]) *Gonzalez:* Manual del aspirante à Procurador, 1890.
[6]) Ley de Enjuic. civ., art. 3, 4.
[7]) *Paschalis Josephi Mellii Freirii:* Institutiones juris civilis Lusitani, 1842. D., 22—24.
[8]) Codigo civ., art. 1360.
[9]) Codigo di procedim. penal, art. 1107.
[10]) *Giron y Garcia-Moreno:* Leyes y Codigos portugueses, 1891, 855, 856.

конодательныя постановленія по этому предмету нѣкоторыхъ важнѣйшихъ кантоновъ.

Въ Женевскомъ кантонѣ до 1834 года правозаступничество было отдѣлено отъ судебнаго представительства. Законъ 1834 г. предоставилъ обѣ функціи адвокатамъ и запретилъ назначеніе новыхъ повѣренныхъ. Для допущенія къ адвокатурѣ требовалось высшее юридическое образованіе и практическая подготовка, время которой не было опредѣлено. Дисциплинарная власть принадлежала судамъ. Гонораръ опредѣлялся таксой [1]). Въ 1836 г. продолжительность стажа опредѣлена въ 2, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ 3 года и созданы сословныя учрежденія по французскому образцу того времени съ дисциплинарнымъ совѣтомъ и предсѣдателемъ [2]). Новѣйшій законъ 1878 года учредилъ для дисциплинарнаго надзора за адвокатами особую коммиссію въ числѣ 19 членовъ,—изъ которыхъ только трое избираются адвокатами, а остальные назначаются различными судами и государственнымъ совѣтомъ [3]).

Въ Невшателѣ адвокаты состоятъ, на основаніи закона 1884 года, при кантональномъ судѣ и подлежатъ его дисциплинарной власти. Они должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) обладать политическими и гражданскими правами, 2) имѣть степень лиценціата правъ невшательской академіи или выдержать экзаменъ и 3) отбыть полугодичный стажъ при адвокатѣ [4]).

Въ кантонѣ Во (Vaud) на основаніи закона 1880 г., правозаступничество и судебное представительство принадлежатъ адвокатамъ. Гонораръ опредѣляется таксой, по которой за составленіе судебныхъ бумагъ полагается отъ 2 до 80 франковъ, а за устную защиту отъ 10 до 50 франковъ. Счеты, составляемые адвокатами, подвергаются, по требованію кліента, провѣркѣ судомъ. Дисциплинарная власть принадлежитъ кантональному суду. Сословныхъ учрежденій нѣтъ [5]).

Въ Тюрговіи организація адвокатуры, по закону 1880 г., основана на такихъ же принципахъ. Къ адвокатурѣ допускаются лица, получившія высшее юридическое образованіе или выдержавшія

---

[1]) Loi du 31 août 1835, §§ 6, 7, 10, 11, 13, 14, 17; *Brix*: Organisation der Advocatur, 298 ff.

[2]) Ordon. du 11 juill 1836, §§ 8, 9, tit. IV.

[3]) Loi du 22 juin 1878, art. 47. Annuaire de législation étrangère, 1879, 586; *Le-Berquier*, 460, 461.

[4]) Loi du 23 oct. 1884. Annuaire de législ. étrangère, 1886, 470.

[5]) Loi du 25 nov. 1880. Annuaire, 1881, 497.

экзаменъ; дисциплинарная власть принадлежитъ судамъ; гонораръ опредѣляется таксой [1]).

Въ кантонѣ Аппенцеллѣ (Appenzell) адвокатуры не существовало до 1880 года. Только въ этомъ году она была введена по образцу адвокатуры другихъ швейцарскихъ кантоновъ [2]).

Кантоны Валэ (Valais) и Фрейбургъ (Freibourgh) обладаютъ нѣсколько иной организаціей адвокатуры въ томъ смыслѣ, что здѣсь наряду съ адвокатами существуютъ повѣренные. Въ Фрейбургѣ дисциплинарная власть принадлежитъ, какъ и въ Женевѣ, особой коммиссіи изъ 5 членовъ [3]).

Изъ изложенныхъ постановленій видно, что по вопросу объ организаціи адвокатуры современная Швейцарія находится въ такомъ же приблизительно положеніи, въ какомъ была Германія до реформы 1878 года.

§ 6.

Венгрія.

Организація венгерской адвокатуры опредѣлена особымъ уставомъ 1874 года [4]). Основныя положенія его мало чѣмъ отличаются отъ австрійскаго закона 1868 года.

Адвокатура признается свободной профессіей, для допущенія къ которой требуется высшее юридическое образованіе, выдержаніе двухъ экзаменовъ (теоретическаго и практическаго) и трехлѣтней стажъ. Удовлетворяющему всѣмъ этимъ условіямъ можетъ быть отказано въ допущеніи только по причинамъ, указаннымъ въ законѣ. Допущеніе выражается во внесеніи имени кандидата въ списокъ какой-либо камеры. Завѣдываніе внутренними дѣлами сословія и отправленіе дисциплинарной власти находится въ рукахъ адвокатской камеры и ея органовъ: предсѣдателя и совѣта. Камера состоитъ изъ всѣхъ внесенныхъ въ ея списокъ адвокатовъ. Предсѣдатель и совѣтъ въ количествѣ восьми членовъ избираются камерой на три года. Адвокаты совмѣщаютъ въ своемъ лицѣ правозаступниковъ и представителей сторонъ. Они пользуются монопольнымъ правомъ веденія дѣлъ во

---

[1]) Anwaltsgesetz v. 11 Apr. 1880. Annuaire. 1881, 496.
[2]) Loi du 25 avr. 1880. Annuaire, 1881, 462. *Le-Berquier*, 418.
[3]) Annuaire de législ. étrang. 1883, 809; 1879, 575.
[4]) Advocaten-Ordnung 1874. Въ 1887 г. было измѣнено нѣсколько статей этого закона. Annuaire, 1888, 481.

всѣхъ судахъ государства, и лица, которыя, не принадлежа къ числу ихъ, станутъ профессіонально заниматься адвокатурой, подвергаются сначала денежному штрафу, а при повтореніи—аресту до 3 мѣсяцевъ (§ 39). Размѣръ гонорара опредѣляется соглашеніемъ. Дисциплинарная власть принадлежитъ въ первой инстанціи особому дисциплинарному суду, состоящему изъ предсѣдателя камеры и четырехъ членовъ совѣта, а во второй инстанціи—верховному суду (§ 75).

Какъ на особенность венгерскаго устава можно указать на ст. 52, провозглашающую, что «адвокатъ при защитѣ своихъ кліентовъ пользуется полной свободой рѣчи», и на ст. 73, по которой «при незначительныхъ проступкахъ совѣтъ камеры можетъ, по выслушаніи адвоката, но безъ обычнаго дисциплинарнаго производства сдѣлать ему предостереженіе». Адвокатъ обязуется хранить ввѣренныя ему кліентами тайны, не можетъ вести дѣлъ обѣихъ тяжущихся сторонъ сразу, бросать кліента и переходить на сторону противника или склоняться на подкупъ [1]).

§ 7.

Боснія и Герцеговина.

Австрійское правительство издало въ 1883 году особый адвокатскій уставъ для Босніи и Герцеговины [2]). Разсматривая его, мы видимъ, что онъ обнаруживаетъ большое сходство съ адвокатскими уставами дореформенной Германіи. Кандидаты не допускаются къ адвокатурѣ, а назначаются (ernannt werden) министерствомъ, которое «опредѣляетъ, въ какіе округи и въ какомъ числѣ могутъ быть назначаемы адвокаты» (§ 2). Такимъ образомъ, адвокатура не признается свободной профессіей. Отъ кандидатовъ требуется высшее юридическое образованіе, выдержаніе двухъ экзаменовъ и трехлѣтній стажъ. Адвокаты совмѣщаютъ въ своемъ лицѣ правозаступниковъ и представителей и могутъ вести дѣла передъ всѣми судами страны (§ 17).

Гонораръ опредѣляется судомъ, сообразно съ важностью дѣла, цѣнностью оказанныхъ услугъ, особой старательностью при защитѣ, количествомъ потраченнаго времени и имущественнымъ положеніемъ кліента (§ 26).

---

[1]) Strafgesetzbuch 1878, §§ 328, 329, 461—487.
[2]) Advocaten-Ordnung für Bosnien und Herzegovina, 1883.

Дисциплинарная власть принадлежитъ всецѣло судамъ (§§ 33, 39). Никакихъ сословныхъ учрежденій нѣтъ. Наказанія заключаются въ письменномъ выговорѣ, штрафѣ до 1000 гульденовъ и смѣщеніи съ должности (Entsetzung). Аппелляція не допускается (§ 42). Верховный судъ можетъ безъ дисциплинарнаго производства воспретить адвокату практику: 1) если уголовный судъ приговорилъ его къ тюремному заключенію, или если противъ него возбуждено обвиненіе въ кражѣ, злоупотребленіи довѣріемъ или обманѣ; 2) если онъ подвергнутъ предварительному аресту или личному задержанію за долги, и 3) если онъ лишается правоспособности (§ 45). Адвокаты пользуются монопольнымъ правомъ веденія дѣлъ, и уличные ходатаи подвергаются по дисциплинарному производству штрафу до 200 флориновъ или аресту до 6 недѣль (52—54).

§ 8.

Скандинавскія государства.

Въ Швеціи адвокатура совершенно неорганизована. На основаніи стариннаго закона 1736 года, заниматься ею могутъ всѣ «честные, не опороченные и умные люди». Адвокаты предоставляютъ собой такихъ же ходатаевъ по дѣламъ, какіе существовали въ дореформенной Россіи. Никакихъ сословныхъ учрежденій нѣтъ, хотя, впрочемъ, часть адвокатовъ образовала союзъ, имѣющій цѣлью наблюденіе за внутренней дисциплиной въ средѣ сословія [1]).

Болѣе организованный видъ имѣетъ адвокатура въ Норвегіи. Законами 1848 и 1857 года установлено два разряда адвокатовъ. Одни, имѣющіе право практиковать при судахъ низшей инстанціи, подвергаются предварительно государственному экзамену. Другіе допускаются къ высшимъ судамъ, но для этого должны выдержать отлично первый экзаменъ, заниматься практикой въ теченіи трехъ лѣтъ въ качествѣ низшихъ адвокатовъ и выдержать второй экзаменъ. Ни сословныхъ учрежденій съ дисциплинарной властью, ни таксы, ни отдѣльнаго института повѣренныхъ нѣтъ. Въ 1889 г. въ Норвегіи было всего на всего 63 адвоката высшей инстанціи и 567 низшей [2]).

---

[1]) Handwörterbuch der Staatswissenschaften, herausgeg v. Conrad, Lexis u. and. 1890, I, 353. *Le Berquierd*: Le Barreau moderne, 471.

[2]) Handwörterbuch d. Staatswissensch.. ib.

Въ Даніи адвокаты раздѣлены на три группы, соотвѣтственно тремъ судебнымъ инстанціямъ (первой, аппелляціонной и кассаціонной), изъ которыхъ каждая обладаетъ отдѣльнымъ классомъ адвокатовъ. Правозаступничество совмѣщено съ судебнымъ представительствомъ. Допущеніе къ адвокатурѣ зависитъ отъ министра юстиціи. Всѣ желающіе заниматься профессіей должны получить высшее юридическое образованіе, отбыть трехлѣтній стажъ и выдержать государственный экзаменъ, который можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Сообразно съ родомъ экзамена, а также съ отмѣткой, полученной на немъ, кандидаты распредѣляются по тремъ указаннымъ выше группамъ. Ни сословныхъ учрежденій, ни таксы нѣтъ. Законъ 1879 года далъ право адвокатамъ получать за веденіе дѣлъ по назначенію гонораръ изъ казны въ размѣрѣ, опредѣляемомъ судомъ [1]). Во всей Даніи насчитывалось въ 1889 году 20 адвокатовъ перваго класса, 233 втораго и 477 третьяго [2]).

§ 9.

Турція.

Правозаступничество издавна находилось въ Турціи, какъ было уже замѣчено раньше (см. введеніе, § 2), въ рукахъ такъ называемыхъ муфтіевъ. Но въ 1876 г. правительство создало адвокатуру по европейскому образцу. Адвокаты раздѣляются на три разряда: одни могутъ выступать передъ всѣми судами, другіе передъ судами первой и второй инстанціи, а третьи только передъ судами первой инстанціи. Отъ каждаго кандидата въ адвокатуру требуется высшее юридическое образованіе, причемъ лица, получившія его не въ Константинополѣ, а заграницей, подвергаются провѣрочному испытанію. Правозаступничество совмѣщено съ судебнымъ представительствомъ. Гонораръ опредѣляется таксой и можетъ быть требуемъ по суду. Ежегодно адвокаты должны брать у особой коммиссіи свидѣтельства на право веденія дѣлъ. Дисциплинарная власть принадлежитъ совѣту, состоящему изъ предсѣдателя, вицепредсѣдателя и четырехъ членовъ. Всѣ они избираются адвокатами изъ своей среды, причемъ ежегодно половина ихъ выходитъ въ отставку.

Въ Турціи, какъ извѣстно, существуютъ наряду съ оттоман-

---

[1]) Annuaire de législat., 1880, 660.
[2]) Handwörterbuch, ib.

скими судами, также консульскіе суды, разбирающіе дѣла между иностранцами, и смѣшанные, которые состоятъ изъ трехъ турецкихъ судей и двухъ иностранныхъ засѣдателей (assesseurs) и вѣдаютъ тяжбы между туземцами и иностранцами. При обоего рода судахъ функціонируютъ адвокаты-иностранцы, имѣющіе право вести дѣла также и въ коммерческихъ судахъ. Въ 1870 г. они образовали ассоціацію подъ названіемъ «общества константинопольскихъ адвокатовъ» и издали уставъ, опредѣляющій ихъ обязанности и правила профессіи[1]).

Сербія.

Организація сербской адвокатуры основывается на законахъ 1865 и 1871 гг. Для допущенія къ профессіи требуются слѣдующія условія: сербское подданство, 25-лѣтній возрастъ, юридическое образованіе, двухлѣтній стажъ при судѣ или адвокатѣ и выдержаніе государственнаго экзамена. Допущеніе зависитъ отъ министра юстиціи. Адвокаты приписываются къ отдѣльнымъ судебнымъ округамъ, но могутъ выступать во всѣхъ судахъ. Они не пользуются монополіей, такъ какъ каждое лицо можетъ принимать на себя чужія дѣла въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если не получаетъ вознагражденія и не занимается адвокатурой профессіонально, или 2) если число адвокатовъ при данномъ судѣ не превышаетъ двухъ. Особаго класса повѣренныхъ нѣтъ. Гонораръ опредѣляется таксой. Дисциплинарная власть принадлежитъ предсѣдателямъ суда, министру юстиціи и дисциплинарному суду, состоящему изъ 7 членовъ судебной магистратуры, которые назначаются правительствомъ. Отношенія между адвокатами и кліентами основываются на договорѣ довѣренности. Законъ перечисляетъ, подобно германскому уставу, тѣ случаи, когда адвокатъ долженъ отказываться отъ поручаемаго дѣла, и когда онъ можетъ дѣлать это[2]).

§ 11.

Болгарія и Румынія.

Законъ 28 декабря 1888 года предоставилъ право заниматься адвокатурой: 1) юристамъ; 2) бывшимъ министрамъ; 3) лицамъ, со-

[1]) Annuaire 1877, 671; *Le Berquier*, 472.
[2]) *Leitmaier*: Der serbische Civilprozess nebst Concursordnung, 1883, 44—65.

стоявшимъ въ должностяхъ магистратуры въ теченіи 4-лѣтъ или 4) бывшимъ адвокатами до изданія этого закона въ продолженіи такого же періода времени. Тѣ адвокаты,. которые практиковали до изданія закона въ теченіи 3 лѣтъ. получаютъ названіе повѣренныхъ и могутъ вести дѣла въ мировыхъ судахъ, а по аппелляціи и въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ первой инстанціи. Чтобы сдѣлаться адвокатами и получить право практиковать при всѣхъ судахъ, они должны выдержать особый экзаменъ въ коммиссіи при аппелляціонномъ судѣ [1]).

Въ Румыніи адвокаты могутъ вести дѣла только въ аппелляціонныхъ судахъ. Въ дѣлахъ, разбирающихся судами первой инстанціи, ихъ участіе не допускается [2]).

§ 12.

Грецiя.

Адвокатура Греціи организована по германскому образцу. Адвокаты назначаются королемъ по представленію министра и выслушаніи главнаго прокурора. Отъ желающихъ заниматься профессіей требуются: 25-лѣтній возрастъ, выдержаніе государственнаго экзамена и годичный стажъ. Адвокаты исполняютъ функціи правозаступниковъ и судебныхъ представителей. Они пользуются монополіей веденія дѣлъ, ограничены комплектомъ и локализированы. Дисциплинарный надзоръ принадлежитъ судамъ. Гонораръ опредѣляется по таксѣ. Адвокаты обязаны имѣть шнуровыя книги и вести счеты. Отъ предлагаемыхъ имъ дѣлъ они могутъ оказываться только въ случаѣ ихъ неправоты или незаконности [3]).

§ 13.

Соединенные штаты.

Адвокатура въ Соединенныхъ штатахъ чрезвычайно походитъ на русскій институтъ частныхъ повѣренныхъ. Хотя условія для допущенія къ профессіи не совсѣмъ одинаковы въ отдѣльныхъ штатахъ,

---

[1]) Annuaire de législ. étrang. 1889, 872.
[2]) Annuaire, 1879, 657.
[3]) Οργανισμος των δικαστηριων, 1834 (Gerichts-und Notariatsordnung).

но въ общемъ они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) совершеннолѣтію (21 годъ); 2) выдержанію государственнаго экзамена; 3) удостовѣренію нравственнаго поведенія и 4) принятію присяги. Правозаступничество соединено съ судебнымъ представительствомъ, хотя прежде въ нѣкоторыхъ штатахъ, а, равнымъ образомъ, при верховномъ судѣ существовали наряду съ адвокатами (counsellors) повѣренные (attorneys) Въ 1848 г., былъ предложенъ проэктъ о введеніи абсолютной свободы адвокатуры, т. е. о предоставленіи каждому гражданину права защищать чужія дѣла. Но онъ не былъ осуществленъ [1]).

Адвокатура не ограничена комплектомъ и не локализирована. Подданный одного штата можетъ быть принятъ въ адвокаты въ другомъ. Къ практикѣ при верховномъ судѣ допускаются адвокаты, практиковавшіе не менѣе трехъ лѣтъ при судахъ своего штата.

Дисциплинарная власть принадлежитъ судамъ, которые могутъ налагать слѣдующія наказанія: выговоръ, штрафъ, уплату издержекъ и убытковъ, понесенныхъ кліентомъ, временное запрещеніе практики и исключеніе изъ списка.

Адвокаты пользуются нѣкоторыми привиллегіями: они не могутъ быть арестованы, когда исполняютъ свои обязанности, т. е., идутъ въ судъ, находятся тамъ или возвращаются (eundo, morando, redeundo); они пользуются полной свободой рѣчи и не могутъ быть привлекаемы къ уголовной отвѣтственности за то, что говорятъ по поводу разбираемаго дѣла, «какъ бы ложны, позорящи и злостны ни были ихъ слова» [2]). Имъ запрещается вести сразу дѣла обѣихъ тяжущихся сторонъ, приводить въ исполненіе рѣшеніе по тому дѣлу, которое они вели въ судѣ, покупать тяжбу, принимать на себя поручительство. Отношенія между адвокатами и повѣренными опредѣляются договоромъ довѣренности. Адвокаты подвергаются имущественной отвѣтственности предъ кліентами за понесенные послѣдними убытки вслѣдствіе ихъ грубой небрежности (gross negligence), невѣжества или неумѣлаго веденія дѣла. Гонораръ обусловливается по договору, на основаніи котораго адвокатъ можетъ предъявлять къ кліенту искъ. Въ случаѣ отсутствія договора, размѣръ вознагражденія опредѣляется судомъ, сообразно съ качествомъ адвоката, степенью отвѣтственности, количествомъ затраченнаго труда и цѣнностью тяжбы [3]).

---

[1]) *Kent*: Commentaries on American Law, 1873, I, 307.

[2]) „However false, diffamatory or malicious may be the words". The American and Englisch Encyclopaedia of Law, edit. by Merill, 1887, I; Attorney

[3]) Ibid.; Annuaire, 1878, 882.

Одной изъ отличительныхъ особенностей адвокатуры Соединенныхъ Штатовъ является допущеніе къ профессіи женщинъ, удовлетворяющихъ требуемымъ закономъ условіямъ. Онѣ могутъ практиковать даже при верховномъ судѣ [1]).

Въ нѣкоторыхъ штатахъ существуютъ сословныя учрежденія. Такъ, законъ 1871 года соединилъ нью-іоркскихъ адвокатовъ въ одну самоуправляющуюся коллегію съ тою цѣлью, что бы она «поддерживала честь и достоинство профессіи, содѣйствовала отправленію правосудія и наблюдала за добрыми отношеніями между членами сословія». Коллегія избираетъ предсѣдателя, двухъ вицепредсѣдателей, двухъ секретарей, казначея, исполнительную коммиссію, завѣдующую дѣлами сословія, и коммиссію для разрѣшенія просьбъ о допущеніи къ адвокатурѣ. Кандидаты, признанные послѣдней коммиссіей годными, баллотируются общимъ собраніемъ коллегіи, созываемымъ каждый мѣсяцъ за исключеніемъ іюля, августа и сентября. Въ случаѣ избранія они должны подписать статуты коллегіи,—иначе ихъ считаютъ отказавшимися отъ профессіи. Коллегія обладаетъ дисциплинарной властью надъ своими членами и можетъ за дурное поведеніе при исполненіи обязанностей или въ сношеніяхъ съ сословіемъ запрещать имъ практику и даже исключать изъ своей среды. Въ послѣднемъ случаѣ требуется большинство двухъ третей голосовъ коллегіи [2]).

Американская адвокатура имѣетъ блестящую исторію. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка изъ ея среды вышло много замѣчательныхъ судебныхъ ораторовъ и политическихъ дѣятелей. «Она», говоритъ Гельброннеръ: «дала народу людей, способныхъ ко всякому роду дѣятельности и воодушевленныхъ священнымъ огнемъ юности и патріотизма» [3]). Таковы были: Отисъ, оставившій должность прокурора, чтобы предаться защитѣ тѣхъ, кого правительство незаконно предавало суду, Джеферсонъ и Гамильтонъ, выдающіеся государственные дѣятели, Адамсъ, Мадисонъ, Рушъ, Бухананъ, Эдуардъ Ливингстонъ, Дуанъ, Виршъ, достигшіе высшихъ должностей, и многіе другіе [4]). «Эти знаменитые адвокаты», замѣчаетъ Гельброннеръ: «не имѣли преемниковъ съ тѣхъ поръ, какъ краснорѣчію пришлось приноравливаться къ извращенному вкусу необразованной демократіи. Краснорѣчію противны избирательныя коммиссіи на желѣзныхъ

---

[1]) Annuaire, 1880, 798; 1877, 801; 1883, 1008.
[2]) *Le Berquier*, 468, 469.
[3]) *Helbronner:* Le Pouvoir judiciare aux Etats-Unis, 1872, 26.
[4]) *Helbronner*, ib. *Rottek und Welcker:* Staatslexikon, 1845, 345.

дорогахъ, гдѣ кандидаты, которыми нерѣдко бываютъ адвокаты, ораторствуютъ на разстояніи пятидесяти лье въ теченіи десяти или двѣнадцати дней подрядъ въ аудиторіяхъ, жаждущихъ звучныхъ словъ, грубыхъ выходокъ противъ личностей и напыщенныхъ общихъ мѣстъ» [1]). Другую причину упадка адвакатуры нужно видѣть въ томъ, что адвокаты исполняютъ обязанности повѣренныхъ. «Дѣйствительно знающіе и образованные адвокаты», говоритъ Титманнъ: «въ сравненіи съ числомъ посредственныхъ и зачастую болѣе счастливыхъ рутинеровъ представляетъ собой большую рѣдкость» [2]). Слѣдствіемъ этого является, по мнѣнію того же автора, деморализація сословія, выражающаяся въ массѣ разнаго рода злоупотребленій. Гельброннеръ, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ, что «отсутствіе особаго класса повѣренныхъ, которое кажется нѣкоторымъ желательнымъ упрощеніемъ, привело къ гибельнымъ результатамъ. Американскіе нравы не всегда утруждаютъ себя разборчивостью, необходимой для того, чтобы возвысить адвоката надъ простымъ маклеромъ; юркость принимаетъ слишкомъ большое участіе въ ихъ успѣхахъ. Безъ внутренней дисциплины, безъ профессіональныхъ правилъ, адвокатура подвержена очень многимъ опасностямъ» [3]).

§ 14.

Бразилія.

Начиная съ 1843 года въ Бразиліи стали появляться добровольныя ассоціаціи адвокатовъ. Правительство не только поощряло ихъ и утверждало издаваемые ими статуты, но и предоставило ихъ членамъ разныя льготы и привиллегіи. Въ 1866 г. министръ юстиціи составилъ проэктъ адвокатскаго устава, но онъ не былъ принятъ, такъ что адвокатура до сихъ поръ не получила правильной и однообразной организаціи. Законъ 1880 г. далъ всѣмъ адвокатамъ право вести дѣла въ верховномъ судѣ (Conseil d'Etat), при которомъ раньше состояли особые адвокаты [4]).

---

[1]) *Helbronner*, 28.
[2]) *Tittmann:* Ueber Gerichtsverfassung, Strafrecht und Strafprocess in den Vereinigten Staaten von Nordamerika, 1848, § 14.
[3]) *Helbronner*, 25, 26.
[4]) Annuaire, 1881, 733.

§ 15.

Мексика и Перу.

Въ обоихъ государствахъ адвокатура организована почти одинаково. Правозаступничество предоставлено адвокатамъ, а судебное представительство повѣреннымъ. Но тѣ и другіе подчинены надзору судовъ. Гонораръ опредѣляется предварительнымъ соглашеніемъ, при отсутствіи котораго вступаетъ въ дѣйствіе такса. Судебныя бумаги, за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ, должны быть подаваемы обязательно за подписью адвоката подобно тому, какъ это принято въ Испаніи [1]).

§ 16.

Канада.

Для допущенія къ адвокатурѣ требуется выдержаніе экзамена, стажъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, если кандидатъ окончилъ университетъ, и въ теченіи пяти, если не окончилъ, и выдержаніе втораго экзамена. Всѣ адвокаты и повѣренные составляютъ одну коллегію, которая распадается на шесть отдѣленій или секцій по округамъ главныхъ городовъ Канады. Каждое отдѣленіе избираетъ дисциплинарный совѣтъ и предсѣдателя. Аппелляціонной инстанціей служитъ общій совѣтъ квебекской коллегіи, состоящій изъ предсѣдателей коллегій и депутатовъ. избираемыхъ по одному каждымъ отдѣленіемъ. Совѣтъ имѣетъ право издавать правила профессіи, устанавливать порядокъ экзаменовъ, контролировать списки отдѣленій и издавать таксы для гонорара. Экзамены производятся особой коммиссіей, избираемой совѣтами отдѣленій. Система дисциплинарныхъ наказаній, а также постановленія о несовмѣстимости построены по французскому образцу. Но гонораръ подлежитъ взысканію по суду [2]).

§ 17.

Египетъ.

При Александрійскомъ аппеляціонномъ судѣ, компетенція котораго простирается на весь Египетъ, состоитъ коллегія адвокатовъ,

[1]) *Le Berquier*, 470.
[2]) Annuaire, 1882, 822; 1886, 843.

образованная по французскому образцу. Членами ея могутъ быть лица, получившія высшее юридическое образованіе. Они пользуются монополіей веденія дѣлъ въ аппелляціонномъ судѣ. Въ судахъ первой инстанціи можетъ выступать каждое лицо, имѣющее довѣренность тяжущагося, хотя на практикѣ громадное большинство дѣлъ поручается тѣмъ же адвокатамъ. Особаго класса повѣренныхъ не существуетъ. Его обязанности исполняются самими адвокатами [1]).

[1]) *Le Berquier*, 476.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Таковы судьбы адвокатуры. Возникая почти одновременно съ судомъ на низшихъ ступеняхъ культуры и проходя чрезъ разнообразныя фазы развитія, она достигаетъ полнаго разцвѣта въ цивилизованныхъ государствахъ западной Европы. Первичной формой ея является повсюду родственная или сосѣдская адвокатура; мы ее нашли и у некультурныхъ народовъ, и въ Греціи, и въ Римѣ, и даже въ древней Англіи, Германіи и Россіи. Постепенно изъ рукъ родныхъ, сосѣдей и друзей, адвокатура переходитъ къ постороннимъ лицамъ и обращается въ профессію. Такой переходъ произошелъ въ полуцивилизованныхъ государствахъ; онъ начался, но не успѣлъ закончиться вполнѣ въ Греціи; онъ совершился въ Римѣ и во всѣхъ остальныхъ цивилизованныхъ странахъ. Обратившись въ профессію, адвокатура въ теченіи долгаго времени остается совершенно неорганизованной, доступной для всѣхъ и каждаго сферой дѣятельности. Но съ развитіемъ государственной жизни и усложненіемъ юридическаго строя начинается ея организація. Въ республиканскомъ Римѣ законодательная дѣятельность коснулась только немногихъ сторонъ профессіи. Признавая ее абсолютно-свободной, римское право опредѣлило отрицательныя условія для допущенія къ ней и разрѣшило вопросъ о гонорарѣ. Организація республиканской адвокатуры покоилась на слѣдующихъ принципахъ: отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства, абсолютной свободѣ профессіи и относительной безвозмездности ея. Съ измѣненіемъ формы правленія, измѣнилось и положеніе адвокатуры. Мѣсто только что указанныхъ принциповъ заняли другіе, прямо противоположные имъ. Правозаступничество слилось съ судебнымъ представительствомъ; профессія изъ свободной стала замкнутой; полная независимость смѣнилась подчиненностью судебно-административной власти, и гонораръ изъ добровольнаго приношенія обратился въ вознагражденіе, подлежащее требованію посредствомъ суда.

*

Въ такомъ видѣ адвокатура перешла во Францію. Но тамъ ждала ее иная судьба. Попавъ на благопріятную почву, она уже въ средніе вѣка стряхнула съ себя бремя отягощавшаго ее судебнаго представительства и развила тотъ духъ независимости и солидарности, который впослѣдствіи далъ ей возможность подняться на недосягаемую дотолѣ высоту. Въ теченіи среднихъ вѣковъ принципами ея организаціи были: отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства, относительная свобода профессіи, тѣсная связь съ магистратурой, дисциплинарная зависимость отъ судовъ и римская система опредѣленія гонорара. Новое время произвело измѣненіе въ двухъ послѣднихъ принципахъ, замѣнивъ ихъ сословной организаціей и относительной безвозмездностью.

Зародышъ адвокатуры былъ перенесенъ изъ Рима и въ другія страны Европы. Въ Англіи и Бельгіи онъ быстро привился и принесъ приблизительно такіе же плоды, какъ во Франціи: всѣ три государства выработали одинаковую форму организаціи адвокатуры.

Менѣе благопріятную почву представляли германскія земли. Въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ адвокатура была лишена въ нихъ всякой организаціи Затѣмъ, изъ абсолютно-свободной профессіи она подобно тому, какъ и въ Римѣ, обратилась въ регламентированную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность. Совмѣщеніе правозаступничества съ представительствамъ, замкнутость профессіи, дисциплинарная подчиненность судамъ и опредѣленіе гонорара по таксѣ, — вотъ принципы, выработанные германской и австрійской адвокатурой въ новое время. XIX вѣкъ произвелъ измѣненіе въ трехъ изъ нихъ: замкнутость замѣнилъ относительной свободой, дисциплинарную власть передалъ сословію, а въ вопросъ о гонорарѣ, сверхъ таксы, допустилъ взаимное соглашеніе.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, адвокатура возникла въ связи съ судебнымъ представительствомъ и до самаго послѣдняго времени таилась подъ его прикрытіемъ въ лицѣ ходатаевъ по дѣламъ. Только въ наши дни создана оффиціальная адвокатура, организованная на тѣхъ-же принципахъ, какъ и австро-германская.

Остальныя цивилизованныя государства, по принятымъ ими системамъ организаціи адвокатуры, распадаются на двѣ неравныя по числу группы: меньшая изъ нихъ, въ которую входятъ Испанія, часть Швейцаріи и нѣк. другія страны, примыкаютъ къ Англіи, Франціи и Бельгіи, а большую составляютъ всѣ остальныя страны, примыкающія къ Австріи, Германіи и Россіи.

Изъ изложеннаго видно, что судьбы судебнаго представительства тѣсно связаны съ судьбами адвокатуры: въ теченіи многовѣковой исторической жизни цивилизованныхъ государствъ оно то существовало на ряду съ правозаступничествомъ и независимо отъ него, то сливалось съ нимъ.

Его возникновеніе относится къ болѣе позднему періоду времени, чѣмъ появленіе правозаступничества. На низшихъ ступеняхъ юридическаго развитія неограниченно господствуетъ принципъ личной явки. Мы его нашли и у нецивилизованныхъ народовъ, и въ древней Греціи, и Римѣ, и даже въ государствахъ новаго міра (Франціи, Англіи, Германіи и Россіи). Въ силу жизненной потребности и съ большимъ развитіемъ гражданскаго оборота, судебное представительство стало допускаться сначала въ отдѣльныхъ случаяхъ, а затѣмъ все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе ни въ древнихъ культурныхъ государствахъ, каковы Египетъ и Индія, ни въ Греціи, ни даже въ Римѣ, не успѣла выработаться какая-либо организація судебнаго представительства. Въ однѣхъ странахъ (Египтѣ, Греціи) профессіональнаго представительства вовсе не было; въ другихъ (Индіи, Римѣ) оно вскорѣ по возникновеніи слилось съ правозаступничествомъ и прекратило самостоятельное существованіе. Только въ нѣкоторыхъ изъ цивилизованныхъ государствъ новаго міра (Франціи, Англіи, Бельгіи, Испаніи и др.) оно сохранило свою самостоятельность вплоть до настоящаго времени и вылилось въ форму отдѣльнаго отъ адвокатуры института повѣренныхъ.

Организація его основывается во Франціи и Бельгіи на принципахъ замкнутости профессіи (съ комплектомъ, локализаціей и внесеніемъ залога), опредѣленія гонорара по таксѣ и сословнаго самоуправленія въ связи съ дисциплинарнымъ надзоромъ судовъ. Въ Англіи и Испаніи не установлено комплекта; остальные же принципы приняты почти безъ измѣненій. Во всѣхъ этихъ государствахъ адвокаты стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше повѣренныхъ: какъ по образованію (отъ повѣренныхъ не требуется университетскаго диплома), такъ и по обширности сферы дѣятельности, такъ и по объему профессіональныхъ правъ и привиллегій. Адвокатура считается благородной профессіей и служитъ разсадницей государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Она находится въ тѣсной связи съ наукой, литературой и ораторскимъ искусствомъ. Все, что есть ремесленнаго въ процессѣ, что не требуетъ ни особыхъ познаній, ни высшихъ качествъ ума и души, передано въ руки повѣренныхъ, которые представляютъ собой дѣльцовъ низшаго разряда, погруженныхъ въ чисто-

практическія занятія, чуждыхъ наукѣ и литературѣ, чернорабочихъ процесса, не имѣющихъ доступа къ блестящей карьерѣ, открытой для адвокатовъ.

Такимъ образомъ, исторія выработала двѣ основныя формы организаціи адвокатуры, которыя заслуживаютъ названія: первая—англо-французской системы, а вторая — австро-германской. Всматриваясь ближе въ ихъ отличительныя черты, мы замѣчаемъ, что каждой изъ нихъ соотвѣтствуютъ особые, другъ другу противоположные типы адвокатовъ. Чтобы сдѣлать это различіе болѣе наглядымъ, сопоставимъ обѣ формы организаціи.

Англо-французская система основывается на отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства. Сообразно съ этимъ, адвокаты перваго типа — только правозаступники и больше ничего. Они занимаются юридической консультаціей и устной защитой на судѣ. Поприще ихъ дѣятельности—рабочій кабинетъ и зала суда. Вся мелкая, черновая работа, связанная съ ходатайствомъ по дѣлу, собираніемъ справокъ, подачей судебныхъ бумагъ и приведеніемъ рѣшеній въ исполненіе, лежитъ на обязанности повѣренныхъ. Не обремененные этой хлопотливой, въ большинствѣ случаевъ чисто механической работой, адвокаты имѣютъ возможность и время заниматься наукой, литературой и ораторскимъ искусствомъ. Они много читаютъ, изучаютъ и пишутъ.

Въ австро-германской системѣ правозаступничество совмѣщено съ судебнымъ представительствомъ. Адвокаты втораго типа не только ораторы и юристы, но и практическіе дѣльцы. Они дѣйствуютъ всюду: въ залѣ суда, въ канцеляріи судебнаго пристава, въ аукціонной камерѣ и въ жилищѣ должника. Они несравненно болѣе обременены занятіями и, разъ погрузившись въ ежедневную сутолоку ходатайства по дѣламъ, не имѣютъ ни охоты, ни времени продолжать свое образованіе и разрабатывать научные или литературные вопросы.

Англо-французская система построена на принципѣ относительной безвозмездности профессіи. Адвокаты ея типа считаютъ девизомъ своей дѣятельности полнѣйшее безкорыстіе въ томъ смыслѣ, что не имѣютъ права ни требовать гонорара судомъ, ни заключать условій о немъ, ни даже дѣлать кліенту какихъ бы то ни было намековъ на этотъ счетъ. Подобно тому, какъ доктора обязаны оказывать врачебную помощь независимо отъ того, когда и сколько они получатъ за свои труды, такъ и адвокатамъ предписывается принимать дѣла, обращая вниманіе только на правоту или неправоту ихъ и не соображаясь съ имущественнымъ положеніемъ кліента. Богачъ и бѣднякъ, знатный

вельможа и простой чернорабочій должны быть равны предъ лицомъ адвоката, какъ они равны предъ лицомъ закона и суда. Если ихъ требованія справедливы, если ихъ права нарушены незаконно, онъ долженъ защищать ихъ съ одинаковымъ рвеніемъ и мужествомъ все равно, будетъ ли его трудъ щедро оплаченъ или останется безъ всякаго вознагражденія, Подобно врачу, онъ безпрекословно принимаетъ тотъ гонораръ, какой ему предложитъ благодарный кліентъ, и отказъ отъ защиты вслѣдствіе неуплаты гонорара или по причинѣ незначительности его составляетъ нарушеніе профессіональнаго долга и подлежитъ дисциплинарному наказанію.

Австро-германская система видитъ въ адвокатахъ наемныхъ повѣренныхъ тяжущихся и разсматриваетъ гонораръ, какъ эквивалентъ оказываемыхъ ими услугъ. Адвокатамъ дозволено заключать условія о немъ и требовать уплаты его судомъ. Они имѣютъ право отказываться отъ дѣла единственно потому, что не сошлись съ кліентомъ въ условіяхъ. Имѣя въ виду количество получаемой выгоды, они могутъ открыто предпочитать богатыхъ кліентовъ бѣднымъ и самое вѣрное и важное дѣло оставлять безъ защиты, если у кліента нѣтъ требуемой ими суммы денегъ.

Англо-французская система установила тѣсную связь между адвокатурой и магистратурой. Адвокаты имѣютъ предъ собой въ перспективѣ блестящую карьеру. Цѣль стремленій каждаго изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы, выдвинувшись своими талантами и знаніями на поприщѣ адвокатуры, открыть себѣ дорогу къ высшимъ судебнымъ и административнымъ должностямъ въ государствѣ. Французскій адвокатъ мечтаетъ о тогѣ судьи, портфелѣ министра и даже жезлѣ президента республики. Воображенію англійскаго адвоката рисуется кресло члена верховнаго суда или печать государственнаго канцлера.

Австро-германская система закрыла своимъ адвокатамъ путь къ подобной карьерѣ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ имъ удается переходить въ магистратуру и почти никогда не случается достигать чего-либо высшаго на поприщѣ государственной службы. Единственная цѣль, которая поставлена имъ самимъ закономъ, и къ которой они стремятся по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, это денежная выгода. Ихъ идеалъ—закончить свою карьеру съ солиднымъ капиталомъ въ карманѣ.

Адвокаты перваго типа не повѣренные сторонъ, а только юридическіе помощники ихъ. Они смотрятъ на себя, какъ на служителей правосудія и уполномоченныхъ общества; они стоятъ выше тяжущихся и пользуются такими привиллегіями при исполненіи своихъ

профессіональныхъ обязанностей, какія не предоставлены самимъ тяжущимся. Они имѣютъ право говорить на судѣ все, что считаютъ нужнымъ въ интересахъ дѣла и, подобно народнымъ представителямъ въ парламентѣ, не могутъ быть подвергаемы уголовному преслѣдованію за свои слова. Равнымъ образомъ, они не отвѣчаютъ предъ кліентами за правильность и добросовѣстность своихъ совѣтовъ. Въ обоихъ случаяхъ они подлежатъ отвѣтственности только въ дисциплинарномъ порядкѣ. Они получаютъ и возвращаютъ документы безъ всякихъ квитанцій и росписокъ, и если ссылаются въ судѣ на какіе-нибудь факты, удостовѣряемые документами, то имъ вѣрятъ на слово, не контролируя ихъ утвержденій. Словомъ, ихъ всюду сопровождаетъ предположеніе, что они безусловно честны, безкорыстны и добросовѣстны, пока противное не доказано въ каждомъ данномъ случаѣ неоспоримыми фактами.

Адвокаты втораго типа являются на судѣ представителями своихъ кліентовъ и, притомъ, представителями наемными. Поэтому, ихъ права въ сущности тождественны съ правами самихъ тяжущихся. За свои рѣчи они могутъ быть привлекаемы къ уголовной отвѣтственности оскорбленными лицами; за небрежность и промахи по незнанію или ошибкѣ они подлежатъ гражданской отвѣтственности предъ своими кліентами, въ качествѣ ихъ повѣренныхъ; они обязаны вести дѣловыя книги для записыванія получаемыхъ документовъ и счетовъ съ кліентами; на судѣ ихъ утвержденія и ссылки имѣютъ не больше вѣса, чѣмъ если бы ихъ дѣлали сами тяжущіеся. Словомъ, въ качествѣ наемниковъ сторонъ, непосредственно заинтересованныхъ въ исходѣ дѣла и преслѣдующихъ чисто матеріальныя цѣли, они имѣютъ за собой презумпцію пристрастія и односторонняго отношенія къ дѣлу.

Вотъ четыре основныхъ пункта различія между обѣими разсматриваемыми формами организаціи адвокатуры и обоими типами адвокатовъ. Но изъ нихъ вытекаетъ цѣлый рядъ другихъ второстепенныхъ отличій.

Адвокаты перваго типа считаютъ унизительнымъ для себя исполнять роль повѣренныхъ, а потому не позволяютъ себѣ заниматься никакимъ другимъ родомъ дѣятельности, носящимъ одинаковый характеръ съ судебнымъ представительствомъ,—каковы, напр., агентура, маклерство, управленіе чужими имуществами и дѣлами и въ особенности торговля.

Адвокаты втораго типа, само собой разумѣется, не видятъ ничего предосудительнаго въ такихъ занятіяхъ, такъ какъ они ежедневно исполняютъ однородныя порученія своихъ кліентовъ, и потому не

стѣсняются принимать на себя обязанности агентовъ, маклеровъ, управляющихъ и даже содержать торговыя заведенія.

Отъ адвокатовъ перваго типа требуется вмѣстѣ съ абсолютнымъ безкорыстіемъ высшая степень щепетильности и деликатности въ профессіональной дѣятельности. Имъ запрещено употребленіе какихъ бы то ни было пріемовъ, направленныхъ къ пріобрѣтенію и расширенію практики. Для нихъ считается предосудительной не только реклама, но даже всякое самое отдаленное подобіе ея. Они не могутъ ни печатать объявленій въ газетахъ, ни имѣть табличекъ у воротъ, ни даже наклеивать визитныхъ карточекъ на двери своихъ квартиръ. Вы можете цѣлую недѣлю ходить по улицамъ Парижа и все-таки не откроете никакого слѣда существованія адвокатуры, за исключеніемъ развѣ того, что нѣкоторыя улицы названы именами знаменитѣйшихъ ея представителей.

Адвокаты втораго типа держатся иныхъ взглядовъ. Признавая свои адвокатскія услуги товаромъ, который продается въ обмѣнъ на денежныя цѣнности, они не видятъ причины, почему имъ нужно обладать большей щепетильностью, чѣмъ другія лица, живущія своимъ трудомъ. Поэтому, они не брезгаютъ рекламой, употребляютъ таблички и прибѣгаютъ къ помощи газетныхъ объявленій. Гуляя по улицамъ германскихъ и австрійскихъ городовъ, вы постоянно встрѣчаете на воротахъ домовъ вывѣски адвокатскихъ канцелярій, нисколько не уступающія ни по величинѣ, ни по характеру вывѣскамъ портныхъ и сапожниковъ. Ле-Беркье разсказываетъ даже со словъ одного изъ своихъ коллегъ, что въ Швейцаріи адвокаты, не довольствуясь табличками, прибѣгаютъ, съ цѣлью сдѣлать объявленія болѣе наглядными, къ помощи живописи и вѣшаютъ у своихъ дверей изображенія, вродѣ тѣхъ, какія употребляются цирюльниками и табачными торговцами [1]).

Адвокаты перваго типа совершаютъ нарушенія правилъ своей профессіи и подвергаются за это дисциплинарнымъ наказаніямъ. Разсматривая эти нарушенія [2]), можно убѣдиться, что они касаются, главнымъ образомъ, или постановленій о гонорарѣ и кліентурѣ (заключеніе условій о вознагражденіи, требованіе его, прямое или косвенное, отказъ отъ защиты вслѣдствіе неуплаты его, различные способы саморекламированія, заключеніе условій съ повѣренными, должностными лицами и маклерами о пріисканіи кліентовъ и т. п.),

[1]) *Le Berguier*, 461, rem.
[2]) *Mollot*, II, passim.

или занятія недозволенными родами дѣятельности (агентурой, управленіемъ чужими дѣлами, торговлей и т. д.). Важнѣйшія изъ этихъ проступковъ (напр., требованіе гонорара судомъ, занятіе торговлей и коммиссіонерствомъ) влекутъ за собой исключеніе изъ сословія.

Адвокатамъ втораго типа неизвѣстны эти нарушенія просто потому, что всѣ подобныя дѣйствія не запрещены имъ ни закономъ, ни правилами профессіи. Они не только могутъ, но и имѣютъ полное право заключать условія о гонорарѣ, предъявлять иски о немъ, заниматься агентурой, торговлей и т. д. Такимъ образомъ, адвокатъ перваго типа долженъ систематически совершать профессіональныя преступленія, чтобы уподобиться адвокатамъ втораго типа. Но они тоже совершаютъ проступки и не рѣже, чѣмъ адвокаты перваго типа, только проступки совершенно иного рода: злоупотребленіе довѣріемъ кліентовъ, присвоеніе и растрата ввѣренныхъ имъ капиталовъ, обманъ, мошенничество,—словомъ, всѣ имущественныя преступленія, неизвѣстныя адвокатамъ перваго типа уже въ виду того, что они не входятъ ни въ какія денежныя отношенія съ кліентами, а предоставляютъ это всецѣло повѣреннымъ.

Наконецъ, въ государствахъ, принявшихъ англо-французскую систему, адвокатура пользуется высокимъ уваженіемъ общества. Она считается благородной, либеральной профессіей, а званіе адвоката не менѣе почетнымъ, чѣмъ званіе судьи, прокурора, профессора и врача.

Наоборотъ, при австро-германской системѣ адвокатура, соединясь съ судебнымъ представительствомъ, пріобрѣла характеръ ремесла. Она считается не почетнымъ, а только прибыльнымъ занятіемъ, и общество относится къ ней съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ другимъ отраслямъ умственнаго труда.

Теперь самъ собою возникаетъ послѣдній вопросъ, долженствующій представить индуктивный результатъ всей первой части нашего изслѣдованія,—именно: каковы основныя причины, обусловившія появленіе обоихъ типовъ адвокатовъ, и чѣмъ вызвано столь рѣзкое различіе между ними?

Состояніе адвокатуры зависитъ отъ совокупности слѣдующихъ причинъ: характера народа, общихъ соціально-политическихъ условій, системы судоустройства и судопроизводства и, наконецъ, принциповъ организаціи профессіи.

Характеръ народа не можетъ играть въ разсматриваемомъ вопросѣ большой роли: германцы, австрійцы и русскіе, хотя, быть можетъ, и менѣе способны къ адвокатурѣ, чѣмъ французы, бельгійцы и англичане, однако насчитываютъ въ своей средѣ немало талантли-

выхъ и знающихъ юристовъ, могущихъ, если не блистать краснорѣчіемъ, то во всякомъ случаѣ быть хорошими адвокатами.

Общія политико-соціальныя условія, несомнѣнно отражались на положеніе адвокатуры въ ту или другую эпоху. Но во-первыхъ, они были подвержены частнымъ измѣненіямъ, такъ что не могли оказывать постояннаго вліянія въ одномъ направленіи и обусловливать выработку опредѣленнаго тица адвокатуры: французская адвокатура, напр., процвѣтала и при феодальныхъ порядкахъ, и подъ господствомъ абсолютнаго монархизма, и во времена революціи, и при свободномъ режимѣ республики; а во вторыхъ; въ настоящее время они приблизительно одинаковы во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы.

То же самое относится къ системамъ судоустройства и судопроизводства, господствовавшимъ въ разныя эпохи въ разныхъ странахъ: германская адвокатура почти такъ же прозябаетъ при современномъ гласномъ и устномъ производствѣ, какъ прозябала при тайномъ и письменномъ процессѣ дореформеннаго періода, и, наоборотъ, французская процвѣтала въ дореволюціонный періодъ, несмотря на отсутствіе формальной защиты въ уголовномъ процессѣ.

Отсюда ясно, что выработка того или другаго типа адвокатуры должна зависѣть отъ иныхъ причинъ, а именно отъ принциповъ организаціи ея. И, дѣйствительно, къ такому выводу мы пришли при изслѣдованіи причинъ состоянія адвокатуры въ отдѣльныхъ странахъ (см. гл. III, § 7, гл. IV, § 4, гл. V, § 5, гл. VI, § 2).

Въ англо-французской системѣ съ давнихъ поръ господствуютъ слѣдующіе принципы: отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства, относительная свобода профессіи, тѣсная связь съ магистратурой, сословная организація и относительная безвозмездность профессіи. Вотъ, слѣдовательно, причины, вызвавшія къ жизни первый типъ адвокатуры.

Обращаясь затѣмъ къ принципамъ, господствующимъ въ австро-германской системѣ и сравнивая ихъ съ этими принципами, мы видимъ, что два изъ нихъ, именно относительная свобода профессіи и сословная организація, общи обѣимъ системамъ, а три остальные различны. Въ нихъ-то, значитъ заключается искомая нами причина кореннаго различія между обоими типами адвокатовъ. Каковы же они? Совмѣщеніе правозаступничества и судебнаго представительства взамѣнъ отдѣленія ихъ, отсутствіе связи съ магистратурой вмѣсто наличности ея и эквивалентная возмездность взамѣнъ относительной безвозмездности.

Итакъ, индуктивнымъ путемъ мы открыли, что *появленіе болѣе высокаго въ нравственномъ отношеніи типа адвокатовъ, т. е. другими словами, сравнительное процвѣтаніе профессіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ господства въ ея организаціи тѣхъ пяти принциповъ, которые приняты англо-французской системой, и что, вдобавокъ, отсутствіе трехъ изъ нихъ (отдѣленія правозаступничества отъ судебнаго представительства, связи съ магистратурой и относительной безвозмездности способно привести адвокатуру къ упадку, несмотря на относительную свободу профессіи и сословную организацію.*

СУЩЕСТВЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
9	1		Адама.
91	15	до	послѣ
143	4	представители	предсѣдатели.

Е. В. Васьковскій.

ОРГАНИЗАЦІЯ АДВОКАТУРЫ

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

ЧАСТЬ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ПРИНЦИПОВЪ ОРГАНИЗАЦІИ АДВОКАТУРЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

2050

СОДЕРЖАНІЕ II-й ЧАСТИ.

стр.

ВВЕДЕНІЕ. § 1. Юридическая природа адвокатуры. § 2. Задачи организаціи адвокатуры. § 3. Необходимость и задачи судебнаго представительства. § 4. Предположеніе правильной организаціи адвокатуры . . . . . 1—28

ГЛАВА I. **Свобода профессіи.** § 1. Абсолютная свобода. § 2. Относительная свобода. § 3. Замкнутая профессія. § 4. Средства противъ переполненія. § 5. Свобода судебнаго представительства. 28—52

ГЛАВА II. **Внутренняя организація.** § 1. Необходимость организаціи. § 2. Государственная служба. § 3. Проекты Бентама и Каррара. § 4. Дисциплинарная подчиненность администраціи и суду. § 5. Сословное самоуправленіе. § 6. Внутренняя организація судебнаго представительства . . . . . 52—74

ГЛАВА III. **Связь съ магистратурой.** § 1. Адвокатура и магистратура. § 2. Судебное представительство и магистратура. 74—81

ГЛАВА IV. Гонораръ. § 1. Абсолютная безвозмездность. § 2. Жалованіе отъ правительства. § 3. Эквивалентная возмездность. § 4. Что такое гонораръ? § 5. Относительная безвозмездность. § 6. Доводы и возраженія. § 7. Гонораръ на выѣздъ и за консультацію. § 8. Взглядъ на литературу. § 9. Вознагражденіе судебныхъ представителей . . . . . 81—141

ГЛАВА V. **Отношеніе правозаступничества къ судебному представительству.** § 1. Доводы въ пользу отдѣленія. § 2. Доводы противъ отдѣленія. § 3. Смѣшанная система. § 4. Взглядъ на литературу. § 5. Заключительныя засѣданія . . 142—162

ГЛАВА VI. **Общій планъ организаціи адвокатуры.** § 1. Взаимодѣйствіе принциповъ. § 2. Относительная свобода профессіи. § 3. Внутренняя организація. § 4. Дополнительныя замѣчанія . . . . . 162—196

ГЛАВА VII. **Общій планъ организаціи института повѣренныхъ.** § 1. Взаимодѣйствіе принциповъ. § 2. Замкнутость профессіи. § 3. Внутренняя организація. § 4. Дополнительныя замѣчанія . . . . . 196—207

ГЛАВА VIII. Реформа адвокатуры въ Россіи . . . . . 208—213

ВВЕДЕНІЕ.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, какова была организація адвокатуры въ прошломъ, и въ какомъ положеніи она находится въ настоящее время. Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какою она должна быть. Для этого необходимо точно установить понятіе адвокатуры, опредѣлить задачи ея дѣятельности и затѣмъ отыскать наиболѣе соотвѣтствующую и цѣлесообразную форму организаціи. Если результаты, которые мы получимъ такимъ путемъ совпадутъ съ добытыми нами въ первой части настоящаго сочиненія, то мы будемъ обладать наилучшей гарантіей истинности нашихъ заключеній, какая только возможна въ области соціальныхъ наукъ.

§ 1.

Юридическая природа адвокатуры.

Въ первой части нашего сочиненія (см. введ. § 1) мы уже дали предварительное опредѣленіе адвокатуры. Мы видѣли, что подъ адвокатурой въ тѣсномъ, научномъ смыслѣ слова понимается правозаступничество, т.-е. юридическая помощь, оказываемая спеціалистами-правовѣдами своимъ согражданамъ, и что адвокатурой въ обширномъ смыслѣ обозначается правозаступничество вмѣстѣ съ судебнымъ представительствомъ. Въ виду того, что правозаступничество и судебное представительство — два особые инсти-

тута, могущіе существовать и существующіе въ нѣкоторыхъ странахъ независимо другъ отъ друга, мы будемъ разсматривать ихъ порознь и понимать слово «адвокатура» исключительно въ тѣсномъ смыслѣ.

И такъ, адвокатура есть правозаступничество, т.-е. оказываніе гражданамъ юридической помощи подобно тому, какъ врачебное искусство—оказываніе медицинской помощи. Но давая такое опредѣленіе адвокатуры, мы обозначили только ея бытовую природу, житейскую роль и не коснулись ея юридическаго характера, такъ какъ не сказали, къ какой отрасли права,—публичнаго или частнаго,—относится эта дѣятельность. Теперь намъ нужно разсмотрѣть ее спеціально съ юридической точки зрѣнія.

Съ перваго же взгляда ясно, что такія либеральныя профессіи, какъ врачебное искусство, педагогія, литература и т. д., не имѣютъ юридическаго характера. Ихъ дѣятельность относится къ тѣмъ сферамъ жизни, которыя стоятъ совершенно особнякомъ отъ правовой и только въ немногихъ пунктахъ соприкасаются съ нею. Медикъ, оказывающій помощь больнымъ, литераторъ, обсуждающій явленія жизни, педагогъ, воспитывающій дѣтей, архитекторъ, возводящій строеніе, дѣйствуютъ въ предѣлахъ своихъ спеціальныхъ сферъ и лишь тогда затрагиваютъ область права, когда нарушаютъ уголовный законъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится адвокатура. Въ качествѣ правозаступника, адвокатъ не только постоянно и исключительно вращается въ сферѣ права, но и защищая права гражданъ на судѣ, приходитъ въ соприкосновеніе съ органами государственной власти. Другими словами, правозаступничество—институтъ юридическій. А если это такъ, то спрашивается, къ какой именно области права онъ долженъ быть отнесенъ? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо разсмотрѣть роль адвокатуры на судѣ. Начнемъ съ уголовнаго процесса. «Исторія», говоритъ г. Муравьевъ: «указываетъ на двѣ основныя формы уголовнаго преслѣдованія: частную, когда преслѣдованіе это производится частнымъ лицомъ, реально пострадавшимъ отъ преступленія и преслѣдующимъ его единственно въ личномъ своемъ интересѣ, для возмѣщенія своей обиды или возстановленія своего нарушеннаго права, и публичную, когда

отвлеченнымъ, идеальнымъ субъектомъ преслѣдованія выступаетъ общество или государство, дѣйствующее во имя общаго блага и общихъ, страдающихъ отъ преступленія интересовъ, носителемъ которыхъ оно является по самой природѣ своей. Это послѣднее, публичное преслѣдованіе, смотря по непосредственному своему субъекту, можетъ быть народное, когда каждый гражданинъ, какъ таковой, пользуется юридическимъ правомъ и несетъ нравственную обязанность преслѣдовать въ общемъ интересѣ всякое преступленіе, совершенно независимо отъ личнаго къ нему отношенія, или же оффиціальное, должностное, когда преслѣдованіе преступленій дѣлается правомъ и юридической обязанностью назначенныхъ государствомъ должностныхъ лицъ. Наконецъ, оффиціальное преслѣдованіе, въ свою очередь, можетъ быть отправляемо черезъ различныхъ органовъ или субъектовъ и различными способами: такъ, оно ввѣряется тому же судьѣ-инквиренту, который въ своемъ лицѣ совмѣщаетъ всѣ функціи уголовнаго процесса, т.-е. слѣдователя, обвинителя, защитника и судьи, произносящаго приговоръ; или же уголовное преслѣдованіе возлагается на особое, призванное къ тому государственное учрежденіе, отдѣльное отъ судебной власти въ тѣсномъ смыслѣ и носящее названіе прокуратуры, въ качествѣ представителя и поборника репрессивныхъ интересовъ государства передъ этою, ни отъ кого, кромѣ закона и судейской совѣсти, независящей властью» [1]). Послѣдняя форма организаціи признана наукой наиболѣе правильной и господствуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы. Такимъ образомъ, въ настоящее время преслѣдованіе за преступленія возбуждается почти во всѣхъ случаяхъ не потерпѣвшимъ, а органомъ публичнаго обвиненія—прокуратурой, дѣятельность которой совершенно поглощаетъ дѣятельность частнаго обвинителя. Другими словами, государство взяло подъ свою опеку и покровительство терпящихъ отъ преступленій частныхъ лицъ и само сдѣлалось истцомъ въ лицѣ прокурора, являющагося его уполномоченнымъ или, какъ говорятъ въ Германіи, повѣреннымъ (Staatsanwalt).

Отвѣтчикомъ въ уголовномъ процессѣ служитъ обвиняемый или подсудимый.

---

[1]) *Н. Муравьевъ*: Задачи прокурорскаго надзора („Журн. гр. и уг. пр. 1884, № 9, стр. 2),

Пока роль истца исполняется, какъ это бываетъ на первыхъ ступеняхъ юридическаго развитія у каждаго народа и какъ практиковалось въ большинствѣ случаевъ въ Англіи вплоть до 1879 года, самимъ потерпѣвшимъ съ помощью его родныхъ, друзей и наемныхъ юристовъ, до тѣхъ поръ обвиняемый находится въ равныхъ условіяхъ борьбы съ обвинителемъ и можетъ довольствоваться такими же средствами защиты. Но когда потерпѣвшій пріобрѣтаетъ себѣ союзника въ лицѣ государства, то является вопросъ: можно ли предоставить обвиняемаго, слабаго, робкаго и неопытнаго индивидуума, собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ всемогущимъ, обладающимъ всѣми средствами преслѣдованія и обвиненія государствомъ? Въ состояніи ли онъ самъ предотвратить возможность ошибки, противодѣйствовать злоупотребленіямъ, воспользоваться всѣми предоставленными ему закономъ способами защиты?

«Даже люди, могущіе защищать другихъ», справедливо замѣтилъ Фейербахъ: «не всегда годны отстаивать самихъ себя по той же причинѣ, какъ искуснѣйшій врачъ поручаетъ иногда свое леченіе собрату». «Повидимому» говоритъ проф. Фойницкій: «подсудимый, зная лучше другихъ обстоятельства дѣла и будучи наиболѣе заинтересованъ въ оправдательномъ исходѣ его, вполнѣ способенъ вести свою защиту. Дѣйствительность далеко не подтверждаетъ этого предположенія. Знаютъ обстоятельства дѣла тѣ подсудимые, которые виновны; невиннымъ они неизвѣстны. Страхъ наказанія и позоръ преслѣдованія, а нерѣдко самая обстановка суда и присутствіе посторонникъ, волнуютъ и разстраиваютъ ихъ до такой степени, что они теряютъ хладнокровіе и самообладаніе; незнаніе существа и формъ производства побуждаетъ ихъ ссылаться на обстоятельства, не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу, и умалчивать объ обстоятельствахъ, которыя они считаютъ неважными, но которыя имѣютъ для дѣла существенное значеніе. Незнаніе законовъ лишаетъ ихъ возможности ограждать свои права и бороться противъ тонкихъ юридическихъ построеній. Къ этому присоединяется, что подсудимый, даже невинный, нерѣдко желаетъ наказанія,—для того ли, чтобы, принявъ на себя вину, освободить отъ отвѣтственности другое лицо, или же отъ отчаянія, отъ несчастій или душевнаго разстройства. Принявъ во вни-

маніе всѣ эти обстоятельства, легко видѣть, что подсудимый одними своими силами не можетъ на направленный противъ него обвинительный тезисъ предъявить суду всѣхъ возраженій, необходимыхъ для правильнаго рѣшенія дѣла; притомъ, чѣмъ менѣе онъ подготовленъ къ обвиненію, т.-е. чѣмъ болѣе онъ невиненъ, тѣмъ менѣе способенъ бороться съ нимъ. Безъ преувеличенія, поэтому, можно сказать, что процессъ, гдѣ обвиняемый поставленъ лицомъ къ лицу противъ обвинителя, вооруженнаго всесильной помощью государства, недостоинъ имени судебнаго разбирательства; онъ превращается въ травлю» [1]).

Но кто же долженъ оказать защиту обвиняемому, кто обязанъ взять его подъ свое покровительство? Быть можетъ, само государство? Оно является въ данномъ случаѣ его противникомъ и врагомъ. Частныя лица: родные, друзья, наемные помощники? Никто изъ нихъ не въ состояніи представить собой надлежащаго противовѣса всемогущему государству, такъ какъ каждый изъ нихъ такая же ничтожная единица, какъ самъ обвиняемый. Остается одно: взять его подъ охрану должно общество, понимая подъ обществомъ всю совокупность гражданъ, составляющихъ населеніе даннаго государства [2]). И въ самомъ дѣлѣ, хотя государство

---

[1]) *Фойницкій*: Защита въ уголовномъ процессѣ, 14, 15.

[2]) Съ терминомъ „общество“ соединяются въ жизни самыя разнообразныя понятія, начиная отъ всякаго рода ассоціацій и союзовъ, преслѣдующихъ какую-либо цѣль (ученую, промышленную, художественную и т. д.) и кончая всѣмъ человѣческимъ общежитіемъ (такъ поступаетъ *Іерингъ:* Цѣль въ правѣ, 1881, I. 69—73, 228—231). Такое же разнообразіе воззрѣній господствуетъ и въ наукѣ. Прежніе писатели не проводили никакого различія между обществомъ и государствомъ. Только въ нынѣшнемъ вѣкѣ начинаются попытки разграничить эти два понятія. Первое указаніе на необходимость такого разграниченія встрѣчается у Шлецера. Дальнѣйшій толчекъ былъ данъ ученіемъ французскихъ соціалистовъ и философіей Гегеля. Въ 40 годахъ почти одновременно возникли теоріи Аренса, Моля и Лоренца фонъ Штейна. Аренсъ опредѣляетъ общество, какъ „совокупность всѣхъ жизненныхъ сферъ, направленныхъ къ достиженію главныхъ цѣлей человѣческой жизни“. Такими сферами являются: государство, или организмъ юридической жизни, церковь, или организмъ религіозной жизни, организмъ нравственной жизни, наука, искуство, обученіе и воспитаніе, промышленность и торговля. (*Ahrens:* Encyklopedja prawa 1862, ks. I. rozdziat V). Моль понимаетъ подъ обществомъ „совокупность общественныхъ

охраняя правовой порядокъ, дѣйствуетъ въ интересахъ общественнаго блага, хотя оно вмѣстѣ со своимъ правомъ поставляетъ, по блестящему выраженію Іеринга, «прочный скелетъ и желѣзную обшивку» для цѣлей, достигаемыхъ обществомъ, тѣмъ не менѣе, съ другой стороны, оно преслѣдуетъ въ лицѣ обвиняемаго одного изъ членовъ этого самаго общества. Если права обвиняемаго будутъ несправедливо нарушены, если онъ пострадаетъ невинно или понесетъ несоразмѣрное наказаніе, то для всего общества, въ лицѣ всѣхъ его членовъ, возникнетъ опасность очутиться въ такомъ-же положеніи и подвергнуться столь же несправедливому нарушенію правъ. «Если»,—говоритъ Беррье:— «важно, чтобы бдительность магистратовъ предохраняла силою закона общество отъ проступковъ, угрожающихъ его спокойствію, и чтобы

группъ, въ основѣ которыхъ лежитъ какой-либо общій и постоянный интересъ. (*Mohl:* Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften, I, 88—101.) Лоренцъ фонъ Штейнъ далъ сначала широкое опредѣленіе общества: это „порядокъ общежитія, обусловленный распредѣленіемъ жизненныхъ цѣлей и благъ, охраняемый правомъ и постоянно поддерживаемый собственностью и семействомъ", но затѣмъ съузилъ его и ограничилъ сферой экономическихъ интересовъ („общество есть такая совокупность (Einheit) людей, которая единственно способна, а вслѣдствіе этого и предназначена къ тому, чтобы пріобрѣтать возможно большее количество имуществъ (Güter) и распредѣлять ихъ между отдѣльными людьми". (*Stein:* Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs, 2 Ausg., 1848, I, 23, 24). Господствующимъ въ настоящее время является воззрѣніе Моля (*Коркуновъ*: Лекціи по общей теоріи права, 1890, 214.) Присоединяясь къ Молю, мы сочли однако нужнымъ представить его опредѣленіе „общества" въ другой формѣ, для того, чтобы читателямъ было яснѣе приводимое нами различіе между обществомъ и государствомъ. Основными элементами понятія „государства" являются· территорія, населеніе и власть. Второй изъ нихъ—населеніе и представляетъ собой ту „совокупность общественныхъ группъ", которую Моль называетъ обществомъ. Такимъ образомъ, общество—элементъ государства, и ихъ нельзя отдѣлить другъ отъ друга. Но они могутъ быть логически отличаемы: такъ костяной скелетъ—элементъ человѣческаго организма, но онъ не организмъ и мысленно можетъ быть противопоставленъ ему. Исторію развитія понятія „общества" можно найти въ Handwörterbuch'ѣ der Staatswissenschaften, herausg, von Conrad, Lexis u. a. III, 838 ff. См. также указанныя сочиненія Моля, г. Коркунова; а также проф. Сергѣевича („Задача и метода государственныхъ наукъ" 1871) и Фридмана (Handbuch der Vertheidigung, 1878, I, Cap. IV).

справедливое наказаніе постигало виновниковъ злодѣяній и преступленій, то не менѣе важно для безопасности всѣхъ, чтобы несправедливыя обвиненія отвергались, чтобы человѣка не признавали виновнымъ только потому, что онъ обвиняемъ, чтобы онъ былъ энергично защищаемъ противъ ошибокъ, увлеченій, незнанія и пристрастія этихъ судей магистратовъ или присяжныхъ» [1]). Въ силу этого, общество для собственнаго своего блага, для охраны своихъ правъ, должно брать подъ свою защиту обвиняемыхъ, какъ государство беретъ потерпѣвшихъ, и отрядить для участія въ процессѣ особаго уполномоченнаго, подобнаго уполномоченному государства—прокурору. Такимъ уполномоченнымъ представителемъ общества на судѣ уголовномъ является правозаступникъ или адвокатъ.

Переходимъ къ роли адвокатуры въ гражданскомъ процессѣ, построенномъ, какъ требуетъ наука, на состязательныхъ началахъ. Истцомъ и отвѣтчикомъ являются здѣсь частныя лица; государство же въ лицѣ своихъ органовъ, судебныхъ учрежденій, исполняетъ обязанности третейскаго судьи. Каждая изъ состязающихся сторонъ преслѣдуетъ свои частные интересы; поэтому, ихъ усмотрѣнію предоставляется начинать процессъ, прекращать его въ любой стадіи производства, мириться съ противникомъ и отказываться отъ своихъ требованій. Государство не имѣетъ основанія вмѣшиваться въ ихъ дѣятельность, оно должно только гарантировать имъ возможность добиться признанія своихъ правъ путемъ суда, если они того захотятъ. Другими словами, для государства, какъ для третейскаго судьи, безразлично, которая изъ двухъ спорящихъ сторонъ одержитъ верхъ, и побѣдитъ ли она вслѣдствіе того, что дѣйствительно права, или потому, что противная сторона не хотѣла или не умѣла защищаться. Государству важно только,—какъ замѣтилъ проф. Малининъ,— «возстановить спокойное правоотношеніе, а заботиться о томъ, въ чью пользу послужитъ такое правоотношеніе, это дѣло не государства, а тяжущихся» [2]).

Иначе относится къ этому общество. Гражданскій процессъ, какъ мастерски показано Іерингомъ, представляетъ собой ничто

---

[1]) *Berryer*: Le ministère public et le barreau, 1860, X, XI.

[2]) *Малининъ*: Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ, 17.

иное, какъ легальную борьбу за право, въ которой заинтересованы не только тяжущіяся стороны, но и все общество, въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь правовой порядокъ держится на нормахъ объективнаго или абстрактнаго права. Эти нормы служатъ основаніемъ для конкретныхъ, субъективныхъ правъ частныхъ лицъ. «Однако»,—справедливо замѣчаетъ Іерингъ: «конкретное право не только получаетъ силу и жизнь отъ абстрактнаго, но и возвращаетъ ихъ ему. Сущность права заключается въ его примѣненіи на практикѣ. Правовая норма, которая никогда не примѣняется, не имѣетъ права на такое названіе; она—недѣйствующая пружина, которая не работаетъ въ машинѣ права, и которую можно вынуть, не произведя никакой перемѣны. Это положеніе имѣетъ полную силу для всѣхъ отраслей права, для государственнаго права такъ же, какъ для уголовнаго и гражданскаго. И въ то время, какъ примѣненіе публичнаго и уголовнаго права возложено въ формѣ обязанности на органы государственной власти, осуществленіе гражданскаго права предоставлено въ видѣ права всецѣло свободной иниціативѣ и самодѣятельности частныхъ лицъ. Но какъ въ первомъ случаѣ оно зависитъ отъ того, что государственныя учрежденія и чиновники исполняютъ свою обязанность, такъ во второмъ случаѣ отъ того, что частныя лица осуществляютъ свои права». Отсюда понятно, что, добиваясь признанія своего права, частное лицо тѣмъ самымъ поддерживаетъ весь правовой порядокъ и содѣйствуетъ примѣненію закона. Наоборотъ, отказываясь отъ возстановленія своего нарушеннаго права, оно уподобляется воину, убѣгающему съ поля битвы. «Если»,—продолжаетъ тотъ же авторъ:—«сражается тысяча человѣкъ, то удаленіе одного можетъ быть незамѣтнымъ, но если сотня, если даже цѣлыя сотни покидаютъ знамена, то положеніе тѣхъ, которые остались, становится все сомнительнѣе, вся тяжесть защиты падаетъ на нихъ однихъ. Въ этой картинѣ я, какъ мнѣ кажется, представилъ наглядньмъ образомъ истинную сущность дѣла. И въ области частнаго права идетъ такая борьба права противъ неправа, общая борьба, въ которой всѣ должны стойко держаться другъ друга,—національная работа,—и каждый, кто бѣжитъ, совершаетъ измѣну общему дѣлу, такъ какъ онъ придаетъ силу врагу, увеличивая его отвагу и дерзость». На этомъ

основаніи Іерингъ приходитъ къ выводу, что «защита подвергнувшагося нападенію права представляетъ собой для частнаго лица долгъ не только относительно самого себя, но и относительно всего общества» [1]).

А если это такъ, если для общества важно, чтобы каждый его членъ энергично защищалъ свои права, если даже добровольное уклоненіе отъ борьбы за право вредно отражается на немъ, то тѣмъ болѣе заинтересовано оно въ томъ, чтобы правая сторона одержала верхъ въ процессѣ, и чтобы никакія постороннія обстоятельства не мѣшали торжеству ея. Поэтому, если правый тяжущійся проигрываетъ дѣло только потому, что его противникъ опытнѣе, способнѣе, богаче или вліятельнѣе, то вмѣстѣ съ побѣжденной стороной поражается все общество. Всѣми членами его овладѣваетъ опасеніе, что и они могутъ попасть въ такое же положеніе, и что правамъ ихъ грозитъ необезпеченность и незащитимость въ случаѣ нарушенія. «Свобода въ оборотахъ, нравственность народа и миръ въ семействахъ»,—какъ вѣрно замѣтилъ Миттермайеръ,—«зависятъ отъ убѣжденія частныхъ лицъ въ справедливомъ и быстромъ окончаніи процессовъ», а это убѣжденіе подрывается всякій разъ, когда правая сторона проигрываетъ дѣло.

Въ виду такихъ обстоятельствъ общество должно для собственнаго своего блага оказывать съ своей стороны поддержку правымъ тяжущимся и помогать имъ въ процессуальной борьбѣ за право. Достигнуть этого оно можетъ тѣмъ же способомъ, какъ и въ уголовномъ процессѣ, именно давъ правому тяжущемуся помощника въ лицѣ своего уполномоченнаго, которымъ опять-таки является адвокатъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда до судебнаго разбирательства нельзя навѣрное рѣшить, которая изъ сторонъ права, общество должно дать своихъ уполномоченныхъ каждой изъ нихъ съ тѣмъ, чтобы они слѣдили за справедливымъ рѣшеніемъ дѣла и не допускали нарушенія правъ тяжущихся.

И такъ, и въ уголовномъ, и въ гражданскомъ процессѣ правозаступникъ дѣйствуетъ въ качествѣ уполномоченнаго общества и въ интересахъ его. Поэтому, адвокатура представляетъ собой не замѣстительницу тяжущихся, какъ

---

[1]) *Ihering*: Der Kampf um's Recht, 1872, 51, 56 ff.

субъектовъ процесса, а факторъ правосудія и элементъ судебной организаціи, являясь, такимъ образомъ, институтомъ той вѣтви публичнаго права, которая носитъ названіе судебнаго или процессуальнаго.

Мысль объ общественномъ значеніи и публично-правовомъ характерѣ адвокатуры не нова. Во многихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ адвокатурѣ, говорится, что адвокатъ — «общественный дѣятель» [1]), что его профессія — «общественная должность» [2]) (öffentliches Amt, fonction publique) и «институтъ публичнаго права» [3]). Нѣкоторые авторы даже доходили до признанія ее представительницей общества. Такъ, Пришль говоритъ: «ничего нѣтъ болѣе подходящаго и глубже придуманнаго относительно того положенія, на какое долженъ претендовать адвокатъ, чѣмъ знаменитыя слова Каррэ (Les lois de l'organisation de la compétence, Paris, 1826, I, 391): «если судья на своемъ трибуналѣ кажется мнѣ облеченнымъ королевской властью, воздающимъ правосудіе народу, адвокатъ при исполненіи своихъ обязанностей представляется мнѣ, въ свою очередь, — уполномоченнымъ всего этого народа, требующимъ правосудія для одного изъ его членовъ. Что такое судья? Голосъ государя. Что такое адвокатъ? Голосъ народа» [4]).

Однако всѣ эти замѣчанія высказывались мимоходомъ, въ отрывочной формѣ, не получая должнаго развитія и почти не вліяя на соображенія авторовъ относительно организаціи адвокатуры. Впрочемъ, этому нельзя особенно удивляться, такъ какъ самое понятіе «общества» получило опредѣленный смыслъ только въ недавнее время.

Впервые Фридманъ обстоятельно и послѣдовательно развилъ мысль, что адвокатъ ведетъ защиту въ уголовномъ процессѣ — не въ качествѣ частнаго лица, помогающаго тяжущемуся въ силу договора съ нимъ, а въ качествѣ уполномоченнаго общества

---

[1]) Напр., *Арсеньевъ*: Замѣтки о рус. адвок., 146.

[2]) *Berryer*: Le ministère public et le barreau, XII s. s.

[3]) *Пальховскій*: О правѣ представительства на судѣ, 1876, 215 и др.; *Коркуновъ* (реценз. на сочин. г. Пальховскаго, въ „Жур. гр. и уг. пр.“ 1876, № 3).

[4]) *Prischl*: Advocatur und Anwaltschaft, 5.

(Gesellschaftsanwalt), отправляющаго какъ-бы служебную обязанность. Къ этому сочиненію мы и отсылаемъ читателей, которые не удовлетворились бы нашимъ изложеніемъ [1]). На русскомъ языкѣ имѣется по данному вопросу интересная монографія проф. Фойницкаго, не разъ уже цитированная нами. Но и Фридманъ и проф. Фойницкій ограничиваются разсмотрѣніемъ одного уголовнаго процесса. Что же касается гражданскаго, то, сколько намъ извѣстно, никто еще не высказывалъ мнѣнія, что и здѣсь адвокаты дѣйствуютъ въ качествѣ уполномоченныхъ общества.

Весьма близокъ къ такому пониманію былъ г. Пальховскій. «Мы сказали»—говоритъ онъ:—«что адвокатура не составляетъ, подобно суду, органа государственнаго права, и что она не принадлежитъ также къ институтамъ частнаго (гражданскаго) права». Г. Пальховскому слѣдовало бы остановиться на этомъ и сказать: «значитъ она должна быть органомъ общества и институтомъ общественнаго права». Но вмѣсто этого онъ продолжаетъ: „адвокатъ можетъ быть только представителемъ науки на судѣ, органомъ, связующимъ эти двѣ категоріи правъ, служа въ то же время лишь высшимъ научнымъ интересамъ“ [2]). Но развѣ наука связываетъ частное лицо съ государствомъ, гражданское право съ государственнымъ? Вовсе нѣтъ, такимъ посредствующимъ звеномъ является общество. Помимо того, хотя адвокатъ, дѣйствительно, представитель науки, спеціалистъ въ правовѣдѣніи, тѣмъ не менѣе не въ этомъ его отличительная черта, такъ какъ судьи и прокуроры тоже спеціалисты-правовѣды. Ошибка г. Пальховскаго заключается въ томъ, что онъ принялъ бытовую природу адвокатуры за юридическую и сопоставилъ между собой, выражаясь математическимъ языкомъ, несоизмѣримыя величины. Именно государство, право, судъ понятія юридическія, а наука (въ общемъ смыслѣ) не имѣетъ никакого юридическаго характера. Сравнивать и противопоставлять ихъ другъ другу все равно, что отыскивать отношеніе между геометрической фигурой шара и запахомъ апельсина. Хотя адвокатъ—человѣкъ науки, но это об-

---

[1]) *Frydmann*: Systematisches Handbuch der Vertheidigung in Strafverfahren 1878, 1—57.

[2]) *Пальховскій*: О пр. представит., 215.

стоятельство такъ же мало опредѣляетъ юридическій характеръ адвокатуры, какъ шарообразная форма апельсина — его запахъ. Будучи послѣдовательно проведено, мнѣніе г. Пальховскаго привело бы къ совершенно несообразнымъ выводамъ. Такъ напр., если адвокатъ — представитель науки, знанія, а прокуроръ — представитель государства, то уголовный процессъ является состязаніемъ между наукой и государствомъ, или иначе, если адвокатъ служитъ органомъ знанія, то прокуроръ, въ качествѣ его противника, олицетворяетъ собой невѣжество.

Тѣмъ не менѣе за г. Пальховскимъ остается та заслуга, что онъ отвергъ коренное заблужденіе авторовъ, которыя разсматриваютъ адвокатуру съ частно-правной точки зрѣнія, и указалъ на необходимость другаго взгляда. Правда, самъ онъ не разрѣшилъ этой задачи и впалъ въ ошибку. Но ошибка, какъ сказалъ Мильтонъ, — вырабатывающаяся истина.

Воззрѣніе на адвокатуру, какъ на представительницу общества, вытекаетъ, какъ мы только-что показали, изъ самой сущности уголовнаго и гражданскаго процессовъ, разсматриваемыхъ въ отвлеченной формѣ, и изъ характера отношенія къ нимъ государства и общества. Однако нѣкоторымъ читателямъ наше изложеніе, быть можетъ, покажется недостаточно убѣдительнымъ. «Къ чему», могутъ замѣтить они: «эти юридическія тонкости? Чьимъ бы уполномоченнымъ ни былъ адвокатъ, во всякомъ случаѣ онъ защищаетъ на судѣ права частныхъ лицъ. Слѣдовательно, будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на представителя общества или просто какъ на наемнаго помощника тяжущагося, его роль на судѣ отъ этого нисколько не измѣнится».

Это возраженіе, кажущееся на первый взглядъ довольно вѣскимъ, основывается на предположеніи, что интересъ частнаго лица всегда совпадаетъ съ интересами общества, и что поэтому, адвокатъ, отстаивая право отдѣльнаго лица, тѣмъ самымъ служитъ всему обществу. Во многихъ случаяхъ это совершенно справедливо. Но принципіально между общественнымъ интересомъ и частнымъ существуетъ цѣлая пропасть.

Начнемъ съ уголовнаго процесса. Каждый подсудимый заинтересованъ въ томъ, чтобы быть оправданнымъ и избѣжать наказанія. Но для общества важно, съ одной стороны, чтобы не-

винный не понесъ незаслуженно кары, а съ другой, чтобы виновный не избѣгъ ея, такъ какъ и то и другое одинаково опасно для общественнаго порядка. Слѣдовательно, интересы подсудимаго и общества въ данномъ случаѣ не совпадаютъ, а значитъ, и задача адвоката будетъ измѣняться, смотря по тому, въ чьемъ интересѣ онъ будетъ дѣйствовать: если онъ помощникъ подсудимаго, то онъ долженъ употребить всѣ средства, чтобы оправдать его, хотя бы онъ этого не заслуживалъ; если же онъ уполномоченный общества, то его обязанность защищать преступника лишь постольку, поскольку этого требуютъ интересы общества, т.-е. поскольку представляется опасность, чтобы онъ не пострадалъ невинно или несоразмѣрно винѣ. Другими словами, въ первомъ случаѣ адвокатъ наемный „обѣлитель“, продажный „bravo“ предлагающій оружіе своего знанія и таланта въ защиту нарушителей общественнаго порядка, пособникъ и укрыватель преступника, врагъ правосудія, государства и общества. Во второмъ случаѣ онъ органъ общества, блюститель общественнаго интереса, слуга правосудія, союзникъ и помощникъ суда.

То же самое можетъ быть сказано и относительно гражданскаго процесса. Каждая изъ тяжущихся сторонъ стремится выиграть дѣло. Но для общества важно, чтобы восторжествовала та изъ нихъ, которая права. Признавъ адвокатуру служеніемъ частнымъ лицамъ, мы обратимъ адвоката въ наемнаго софиста, готоваго защищать праваго и неправаго, смотря по тому, кто больше дастъ, имѣющаго въ виду торжество своего кліента, а не истины, играющаго роль поперемѣнно то союзника, то врага правосудія, а потому дѣятеля, опаснаго для государства и общества. Наоборотъ, если считать его уполномоченнымъ общества, то онъ пріобрѣтаетъ характеръ служителя правосудія, „совѣтника сторóны, помощника тѣхъ, кто нуждается въ помощи, контролера надъ судьями, вѣчно бодрствующаго защитника угнетенныхъ, истолкователя закона“ (Миттермайеръ).

Изъ этого сопоставленія видно, какъ велика разница между обоими взглядами на адвокатуру, и какъ важно опредѣленіе ея юридической природы. Но не останавливаясь на этомъ, мы пойдемъ еще дальше и скажемъ, что только признаніе адвокатовъ уполномоченными представителями общества, а не наемными по-

собниками частныхъ лицъ, даетъ адвокатурѣ право на существованіе, и что только съ этой точки зрѣнія можетъ быть доказана ея необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, всегда находились и находятся теперь писатели, утверждающіе, что адвокатура не только излишній, но даже прямо вредный институтъ, и что было бы лучше, еслибы ея вовсе не существовало. Такъ, напр., извѣстно, что Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ не отвелъ мѣста адвокатамъ [1]). Точно также Томасъ Моръ изгналъ ихъ изъ Утопіи. „Они не имѣютъ адвокатовъ“, говоритъ онъ о жителяхъ Утопіи: «такъ какъ считаютъ ихъ классомъ такихъ людей, которые придаютъ ложный видъ дѣламъ и извращаютъ законы; поэтому, они считаютъ лучшимъ, чтобы каждый защищалъ свое дѣло лично и довѣрялъ его судьѣ, подобно тому, какъ въ другихъ странахъ кліентъ довѣряетъ его адвокату. Такимъ способомъ они вмѣстѣ и устраняютъ много проволочекъ и съ большей достовѣрностью находятъ истину» [2]). Равнымъ образомъ и Бентамъ писалъ, что «счастливъ былъ бы тотъ народъ, который имѣлъ бы законы, доступные для всѣхъ по простотѣ своей, когда бы каждый изъ гражданъ самъ могъ вести тяжбу на судѣ такъ же, какъ ведетъ и другія свои дѣла» [3]). Въ первой части нашего сочиненія мы не разъ встрѣчали осуществленіе этихъ мыслей въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ. Мы видѣли, что такими же точно соображеніями руководствовались, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, древніе египтяне, запретивъ участіе адвокатовъ въ процессѣ, и что во многихъ государствахъ Европы при господствѣ тайнаго инквизиціоннаго производства роль адвокатуры была до крайности стѣснена, въ особенности въ уголовныхъ дѣлахъ и, притомъ, въ силу опасеній, подобныхъ тѣмъ, которыя писалъ Томасъ Моръ. Хотя такія ограниченія уже отвергнуты и осуждены наукой, тѣмъ не менѣе до настоящаго времени можно встрѣтить многихъ лицъ, держащихся отрицательнаго взгляда на адвокатуру. Такъ, одинъ нѣмецкій авторъ говоритъ: «обыкновенно сопоставляютъ судью, прокурора и адвоката, какъ однородныя понятія. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе

[1]) *Plat.* de leg., L. XI, c. 15.
[2]) Forsyth: Hortensius, 16.
[3]) *Бентамъ*: О судоустройствѣ, 1860, 97.

этого воззрѣнія: судья и прокуроръ стремятся къ праву, адвокатъ же къ деньгамъ». Подобное мнѣніе высказано въ нашей литературѣ гг. И. С—вымъ и Е. Марковымъ. «Самый возвышенный идеалъ гражданской адвокатуры», восклицаетъ первый изъ нихъ: «есть ея уничтоженіе». «Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправдѣ», утверждаетъ другой: «она служитъ только какъ бы отводнымъ каналомъ для позывовъ безпринципной корысти, бродящихъ въ каждомъ обществѣ» [1]). Оба указанные автора основываются на однихъ и тѣхъ же соображеніяхъ. По словамъ г. С—ва, въ каждомъ гражданскомъ дѣлѣ одна изъ тяжущихся сторонъ неправа и находится въ заблужденіи вслѣдствіе «незнанія законовъ, или, говоря общѣе, недостаточности юридическаго развитія или ослѣпленія личными интересами». Такое заблужденіе вполнѣ извинительно. Но если тяжущіеся избираютъ себѣ адвокатовъ, то у послѣднихъ «не можетъ уже существовать ни той, ни другой причины къ заблужденію; въ огромномъ большинствѣ случаевъ, слѣдовательно, одинъ изъ нихъ непремѣнно будетъ сознательно защищать неправое дѣло». Далѣе, «положеніе бѣднаго лишаетъ его возможности предоставить адвокату значительное вознагражденіе, тогда какъ богатый въ силахъ хорошо заплатить ему». Вслѣдствіе этого, права богатаго пользуются при существованіи адвокатуры лучшей охраной. Эти же мысли только въ болѣе рѣзкой формѣ высказаны и г. Марковымъ: »адвокатъ—циникъ по необходимости и потому, что стоитъ за все, онъ не стоитъ ни за что, ни во что не вѣритъ и, поэтому, готовъ вѣрить, во что угодно... Каждая сторона имѣетъ своего адвоката, и каждый адвокатъ старается изо всѣхъ силъ оправдать своего кліента и обвинить противника. Стало быть, во всякомъ дѣлѣ, въ числѣ адвокатовъ, есть уже непремѣнно и несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, одинъ сознательный пособникъ неправдѣ... Адвокатура даетъ собою примѣръ циническаго прелюбодѣянія мысли... Адвокатура помогаетъ богатому притѣснять бѣднаго. Тутъ нѣтъ никакого парадокса, и какъ ни вертите вопросъ, вы его не выкините изъ этого опредѣленія. О

---

[1]) *Н. С—въ* въ „Рус. Вѣст.“ 1859, № 6; *Е. Марковъ* въ „Голосѣ“ 1875. №№ 136 и 137.

судьяхъ, какъ учрежденіи, этого, напр., сказать невозможно. Судьи примѣняютъ законы ко всѣмъ и чаще защищаютъ обиженнаго, чѣмъ содѣйствуютъ его обидѣ. Матеріальное положеніе ихъ не зависитъ отъ угоды сильному и вообще стоитъ внѣ всякой связи съ характеромъ ихъ рѣшеній. Судья получаетъ одинаковое жалованье и одинакую долю почета, оправдаетъ ли онъ или обвинитъ болѣе состоятельную сторону... Даже прокуратура представляетъ изъ себя силу несравненно болѣе нравственную, чѣмъ адвокатура... Она дѣйствуетъ не изъ побужденія личной выгоды для себя самой, а въ исполненіе своей обязанности предъ обществомъ... Ничего подобнаго нѣтъ въ адвокатурѣ. Адвокатура бросается спасать обвиняемаго отъ каторги не потому, что онъ правъ, не потому, что она имѣетъ своимъ призваніемъ спасать невинныхъ: она бросается на зовъ силы, на звонъ рубля... Съ точки зрѣнія обыкновенной человѣческой нравственности и съ точки зрѣнія права, лишеніе послѣдняго достоянія одинаково заслуживаетъ нашего заступничества, какъ въ размѣрахъ 10 р., такъ и въ размѣрахъ 10 милліоновъ. Судьи и законы наши основаны именно на этомъ принципѣ. Поэтому, учрежденіе, имѣющее своимъ призваніемъ совершенно противоположный образъ дѣйствій, не можетъ имѣть ничего общаго ни съ судомъ, ни съ закономъ. По характеру своему, оно должно быть причислено къ категоріи тѣхъ общественныхъ явленій, которыя являются постоянными нарушителями общественной правды, и противъ которыхъ именно общество вооружается судомъ и закономъ. Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправдѣ».

Произнося столь жестокій приговоръ надъ адвокатурой, оба автора, очевидно, исходятъ изъ предположенія, что адвокаты — наемные пособники частныхъ лицъ, помогающіе имъ въ борьбѣ съ государствомъ (въ уголовномъ процессѣ) или съ другими частными лицами (въ гражданскихъ дѣлахъ). Хотя ихъ мнѣніе не осталось безъ возраженія и вызвало обстоятельную и во многомъ справедливую критику со стороны г. Платонова [1]), тѣмъ не менѣе съ принципіальной точки зрѣнія правда на ихъ сторонѣ. Вполнѣ соглашаясь съ г. Платоновымъ, что существованіе адво-

[1]) „Журн. гражд. и угол. пр.“ 1875, №№ 5, 6 и 7.

катуры въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезно для правосудія и частныхъ лицъ, мы тѣмъ не менѣе присоединяемся къ мнѣнію гг. С—ва и Маркова и полагаемъ, что если разсматривать ее, какъ наемную служительницу интересамъ частныхъ лицъ, то она является институтомъ противуобщественнымъ и безнравственнымъ. Конечно, въ дѣйствительности многіе адвокаты могутъ быть честными людьми и содѣйствовать правильному отправленію правосудія. Но дѣло не въ этомъ, а въ принципіальномъ вопросѣ, именно въ томъ, что если видѣть въ адвокатурѣ просто наемную помощницу частныхъ лицъ, то она пріобрѣтаетъ презумпцію «организованнаго пособничества неправдѣ» на пользу богатыхъ и во вредъ бѣднымъ, презумпцію, которая будетъ сопровождать каждаго представителя профессіи, и которую ему прійдется опровергать своими поступками. Общественное мнѣніе станетъ относиться къ адвокату такъ же, какъ, напр., наше законодательство относится къ движимымъ вещамъ. Подобно ст. 534 X тома, гласящей, что «движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано», какое-нибудь постановленіе неписаннаго кодекса общественнаго мнѣнія будетъ заключать въ себѣ слѣдующее правило: «всякій адвокатъ почитается софистомъ, готовымъ защищать за деньги кого угодно и что угодно, пока своимъ образомъ дѣйствій не докажетъ противнаго». Едва ли кто-нибудь рѣшится отрицать, что подобное воззрѣніе усвоено уже значительной частью русскаго общества.

Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляется вопросъ о необходимости адвокатуры, если разсматривать ее, какъ представительницу общества на судѣ. При такомъ взглядѣ всѣ возраженія относительно ея безнравственности, безпринципности и противуобщественности падаютъ сами собой. Она пріобрѣтаетъ одинаковое значеніе съ судомъ и прокуратурой и становится наряду съ ними жрицей правосудія, служительницей общества и государства, а ея члены получаютъ такую же презумпцію честности и безкорыстія, какую имѣютъ за собой судьи и прокуроры.

Но недостаточно признать адвокатовъ уполномоченными общества; нужно создать такую организацію ихъ профессіи, которая бы давала имъ возможность отправлять свою высокую миссію. Въ противномъ случаѣ теорія разойдется съ практикой,

служеніе обществу и правосудію останется на бумагѣ, а въ жизни будетъ защита частныхъ интересовъ и преслѣдованіе личной наживы.

§ 2.

Задачи организаціи адвокатуры.

И такъ, адвокатура — представительница общества на судѣ. Какова же должна быть ея организація?

Съ перваго же взгляда ясно, что правильнѣе всего было бы организовать ее въ видѣ общественной службы, по аналогіи съ государственной службой. Адвокаты служатъ обществу подобно тому, какъ судьи и прокуроры — государству, а, слѣдовательно, наряду съ чинами прокуратуры и судебной магистратуры, долженъ былъ бы быть созданъ персоналъ общественной адвокатуры съ той только разницей, что назначеніе, контроль, содержаніе, награда и повышенія чиновъ адвокатуры зависѣли бы не отъ государства, а отъ общества.

Такова была бы самая нормальная, естественная организація. Но она невозможна по той причинѣ, что общество не имѣетъ самостоятельнаго, независимаго отъ государства юридическаго существованія, и что въ то время, какъ у государства есть въ лицѣ правительства свой органъ власти, который дѣлаетъ возможнымъ бюрократическое устройство прокуратуры и суда, общество лишено такого органа, а потому и не въ состояніи дать адвокатурѣ аналогичнаго устройства.

Въ виду этого, адвокатура должна быть организована какънибудь иначе, и, само собой разумѣется, что изъ всѣхъ возможныхъ формъ устройства наилучшей будетъ та, которая ближе всего подходитъ къ нормальной и совмѣщаетъ въ себѣ ея отличительныя черты. Къ опредѣленію этихъ чертъ мы и обратимся.

Адвокатъ въ своей профессіональной дѣятельности приходитъ въ соприкосновеніе съ тремя категоріями лицъ: кліентами, прокуратурой и судьями. Если бы онъ состоялъ на службѣ непосред-

ственно у самого общества и получалъ содержаніе отъ него, то онъ находился бы въ такомъ же независимомъ положеніи относительно кліентовъ, въ какомъ находится прокуроръ относительно потерпѣвшихъ.

Далѣе, выступая на уголовномъ судѣ въ качествѣ уполномоченнаго общества, адвокатъ пользовался бы одинаковыми правами и привиллегіями съ прокуроромъ, такъ какъ оба они были бы чиновниками, хотя различныхъ вѣдомствъ. Равнымъ образомъ, онъ былъ бы совершенно независимъ отъ суда, подчиняясь только органамъ общественной, а не государственной власти.

Итакъ, независимость отъ кліентовъ и суда и равноправность съ прокуратурой,—вотъ основныя черты организаціи адвокатуры въ видѣ общественной службы.

Посмотримъ теперь, какое значеніе имѣютъ онѣ для правильнаго отправленія правосудія. Едва ли нужно подробно распространяться о томъ, на сколько важна независимость адвокатовъ отъ кліентовъ. Выше мы уже указывали на результаты, къ которымъ можетъ привести воззрѣніе на адвокатовъ, какъ на помощниковъ частныхъ лицъ, а не представителей общества. Изъ рыцарей правосудія, ломающихъ свои копья на процессуальномъ турнирѣ во имя прекрасной царицы его—справедливости, они обращаются въ наемныхъ солдатъ, готовыхъ служить любому властелину и сражаться за кого и за что угодно, лишь бы имъ было хорошо заплочено. Точно также мы видѣли, что всѣ возраженія, которыя приводятся противъ адвокатуры, построены именно на томъ предположеніи, что она служитъ не обществу, а частнымъ лицамъ. Но для того, чтобы служить обществу, адвокатъ долженъ быть независимъ отъ кліентовъ. Только тогда онъ въ состояніи разсматривать ихъ требованія сквозь призму общественнаго интереса и защищать ихъ права лишь постольку, поскольку они заслуживаютъ защиты съ общественной точки зрѣнія. Только тогда онъ не будучи матеріально заинтересованъ въ исходѣ дѣла, не имѣетъ повода добиваться, во что бы то ни стало, торжества своего кліента и употреблять для этого недостойныя и противузаконныя средства. Словомъ, только тогда можно будетъ сказать, что онъ, подобно судьѣ и прокурору, жрецъ Ѳемиды, а не Маммона.

Изъ этого видно, что адвокаты должны быть поставлены въ такое же положеніе относительно тяжущихся и подсудимыхъ, въ какомъ находятся прокуроры относительно потерпѣвшихъ, т. е., говоря иначе, что отношенія между адвокатами и кліентами должны быть признаны не частно-правовыми, основанными на взаимномъ договорѣ, а публично-правовыми, вытекающими изъ общественно-служебныхъ обязанностей адвокатуры.

Вглянемъ теперь на отношенія адвокатуры къ прокуратурѣ и суду.

Какъ уже было замѣчено, въ уголовныхъ дѣлахъ защитникъ долженъ составлять противовѣсъ обвинителю. Судъ является безпристрастнымъ зрителемъ борьбы между уполномоченнымъ государства—прокуроромъ и представителемъ общества—адвокатомъ. Чтобы эта борьба была правильной, обѣ стороны должны находиться въ одинаковыхъ условіяхъ и обладать одинаковыми средствами защиты и нападенія. Другими словами, необходима полная равноправность ихъ, т. е. независимость прокуратуры и адвокатуры какъ другъ отъ друга, такъ и отъ суда. Въ противномъ случаѣ одинъ изъ факторовъ правосудія будетъ обладать преимуществами надъ другимъ, будетъ господствовать надъ нимъ въ качествѣ начальствующаго или контролирующаго органа власти. Справедливость этого положенія давно уже признана для отношеній между магистратурой и прокуратурой, и повсюду въ цивилизованныхъ государствахъ обвинительная власть строго отдѣлена отъ судебной и совершенно независима отъ нея. Но по отношенію къ адвокатурѣ донынѣ многіе держатся противоположнаго взгляда, считая нужнымъ ставить ее въ прямую подчиненность судамъ. При такомъ порядкѣ вещей органы обвиненія пользуются лучшимъ положеніемъ, чѣмъ органы защиты: прокуроръ видитъ въ судьяхъ постороннихъ ему и неимѣющихъ надъ нимъ никакой власти лицъ; для адвоката, наоборотъ, они представляютъ собой въ нѣкоторомъ родѣ начальниковъ. Первый можетъ мужественно исполнять свой долгъ, не боясь, что возбудитъ неудовольствіе суда; второй долженъ соблюдать большую осторожность, помня, что онъ дѣйствуетъ предъ учрежденіемъ, имѣющимъ право налагать на него дисциплинарныя наказанія. Такое положеніе не можетъ быть признано нормальнымъ и желательнымъ. «Когда

начинается борьба между обвинителемъ и защитникомъ»,—говоритъ Беррье:—«оружіе должно быть равно съ обѣихъ сторонъ. Въ варварскую эпоху судебныхъ поединковъ дворянинъ, вызвавшій на дуэль крестьянина, долженъ былъ являться пѣшкомъ со щитомъ и съ палкой, а если онъ пріѣзжалъ верхомъ и съ вооруженіемъ дворянина, у него отнимали его лошадь и оружіе, онъ оставался въ рубахѣ и былъ обязанъ сражаться въ такомъ видѣ съ крестьяниномъ [1]). Это безпристрастное примѣненіе примитивнаго равенства въ борьбѣ въ то время, когда невинность выражалась побѣдой, указываетъ на долю справедливости въ тѣ грубыя эпохи, на инстинктъ правосудія, на потребность въ истинѣ, чего мы не находимъ во фразеологіи новѣйшихъ писателей, которые хотятъ снабдить одного изъ бойцовъ судебной арены большею властью, дать ему больше свободы, внушить судьямъ борьбы больше уваженія къ его убѣжденіямъ и словамъ, чѣмъ сколько дается его противнику» [2]).

Такая же независимость требуется для адвоката относительно суда и въ гражданскомъ процессѣ. «Только вполнѣ независимый человѣкъ»,—справедливо замѣчаетъ Пришль:—«въ состояніи выступать передъ высшей государственной властью, которую отправляетъ судъ, для возстановленія нарушеннаго правового порядка или для предотвращенія грозящаго неправа съ безпощадной отвагой, которой всегда требуетъ борьба за право, и потому-то къ его головѣ такъ идетъ украшающая ее шапка, этотъ символъ свободнаго человѣка, который былъ общъ какъ римлянамъ, такъ и германцамъ:—потому что онъ служилъ внѣшнимъ выраженіемъ того, что защитникъ долженъ отправлять высокую и благородную миссію, общественную обязанность, тѣснѣйшимъ образомъ связанную съ отысканіемъ права, а не приносить просьбу за себя и за свою личность. Отъ дѣятельности полусвободнаго или неравноправнаго съ судомъ адвоката, который, подобно просителю, стоитъ со шляпой въ рукѣ предъ судьей, наперед нельзя ждать ни-

---

[1]) *Montesquieu*: De l'esprit des lois, l. XXVIII, ch. XXIV.

[2]) *Berryer* (Le ministère public et le barreau, 1860, XI, XII). Подробное разсмотрѣніе вопроса о равноправности адвокатуры и прокуратуры можно найти, кромѣ указанной только что книги, у Варги, Фридмана, Дюпэна (De la libre définse des accuses, 1824) и др. авторовъ.

какой пользы» [1]). Сверхъ того, адвокатура служитъ органомъ общественнаго контроля надъ дѣятельностью суда. Защищая права тяжущихся, она противодѣйствуетъ злоупотребленіямъ и пристрастному отношенію къ дѣлу со стороны судей и слѣдитъ за правильнымъ отправленіемъ правосудія. Отсюда ясно, что если поставить ее въ зависимость отъ судовъ, то контроль надъ ними будетъ такъ же невозможенъ, какъ надзоръ какого-нибудь чиновника за своимъ непосредственнымъ начальствомъ.

Изъ сказаннаго ясно, что только та организація адвокатуры можетъ быть признана вполнѣ соотвѣтствующей, которая въ состояніи обставить профессію условіями, гарантирующими ей независимость отъ кліентовъ и суда, а также равноправность съ прокуратурой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ этихъ юридическихъ качествъ, каждая организація должна, само собой разумѣется, гарантировать и нѣкоторыя нравственныя, именно тѣ, которыя требуются отъ другихъ факторовъ правосудія,—прокуратуры и суда: мужество, безкорыстіе и честность при исполненіи обязанностей [2]).

Какимъ же путемъ должны мы идти, опредѣляя принципы этой организаціи? Самымъ естественнымъ, несомнѣнно, будетъ тотъ, котораго мы держались бы, еслибы излагали организацію адвокатуры въ видѣ общественной службы. Въ такомъ случаѣ мы начали бы съ вопроса о принятіи на службу, затѣмъ перешли бы къ организаціи дисциплинарнаго надзора, къ правамъ и преимуществамъ по службѣ, къ окладамъ содержанія и закончили бы опредѣленіемъ сферы дѣятельности адвокатовъ. Такъ какъ въ жизни адвокатура всюду существуетъ въ видѣ либеральной профессіи, то будетъ цѣлесообразно означить перечисленныя выше рубрики другими общепринятыми по отношенію къ адвокатурѣ терминами. Именно, вмѣсто «принятія на службу» мы будемъ говорить «допущеніе къ профессіи» и первую главу назовемъ: «свобода профессіи»; «организацію дисциплинарнаго надзора» «замѣнимъ болѣе краткимъ терминомъ «внутренняя организація»; «права

---

[1]) *Prischl*: Advocatur und Anwaltschaft, 1888, 5.

[2]) Необходимость указанныхъ качествъ признается всѣми компетентными авторами. *Molloi*, I, tit. I; *Frischl*, Cap. I; *Carrara:* Programma del corso di diritto crimin., par. gen., II, § 999; *Vargha*, 840 ff.; *Zanardelli*, 113 ff. и др.

и преимущества по службѣ» означимъ «связью съ магистратурой», такъ какъ это единственная форма, въ которой они выражаются на практикѣ; взамѣнъ «окладовъ содержанія» употребимъ слово «гонораръ», и, наконецъ, «опредѣленіе сферы дѣятельности» сведемъ къ уясненію «отношеній между адвокатурой и судебнымъ представительствомъ». Такимъ образомъ, мы получимъ пять главъ. Шестую и седьмую главу нужно будетъ посвятить изложенію деталей организаціи адвокатуры и судебнаго представительства, а въ восьмой примѣнить добытые нами выводы къ вопросу о реформѣ адвокатуры въ Россіи.

§ 3.

Необходимость и задачи судебнаго представительства.

Второй элементъ адвокатуры въ обширномъ смыслѣ—судебное представительство — находится совершенно въ иномъ положеніи сравнительно съ правозаступничествомъ. Въ введеніи къ первой части (§ 1) было уже сказано, что судебное представительство есть «замѣна въ процессѣ тяжущагося другимъ лицомъ, при которой всѣ послѣдствія судебной дѣятельности представителя падаютъ непосредственно на тяжущагося», и что основная цѣль этого института заключается въ томъ, чтобы устранить неудобство личнаго веденія дѣла.

Тяжущіеся не всегда въ состояніи заниматься хожденіемъ по своимъ судебнымъ дѣламъ. Не только отсутствіе процессуальной дѣеспособности, обусловливаемое малолѣтствомъ или умопомѣшательствомъ, не только болѣзнь и дряхлый возрастъ, но и тысячи другихъ обстоятельствъ, каковы, напр., отдаленность мѣстожительства, служебныя обязанности, занятія болѣе важными дѣлами, даже просто робость и непривычка говорить публично, дѣлаютъ личную явку невозможной, затруднительной или неудобной. Чѣмъ болѣе развивается гражданскій оборотъ, тѣмъ значительнѣе становится число такихъ препятствій, и можно по справедливости сказать, что въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ существованіе судебнаго представительства является насущной необходи-

мостью. Что касается юридической природы его, то, будучи однимъ изъ видовъ того института гражданскаго права, который называется представительствомъ, оно носитъ частно-правный характеръ, и отношенія между судебными представителями и кліентами основываются на договорѣ довѣренности.

Различныя по своей природѣ, правозаступничество и судебное представительство точно также несходны и по задачамъ своей дѣятельности.

Прежде всего, правозаступникъ только помогаетъ тяжущемуся, являясь уполномоченнымъ общества. Судебный представитель, напротивъ, замѣняетъ личность тяжущагося, отождествляется вполнѣ съ нею и съ ея интересами. Другими словами, первый— только патронъ и покровитель стороны, а второй — ея процессуальный двойникъ.

Далѣе, въ уголовномъ процессѣ, какъ мы видѣли, правозаступничество играетъ въ высшей степени важную роль: оно—факторъ правосудія, равный прокуратурѣ и стоящій независимо отъ суда. Что же касается судебнаго представительства, то, по общему правилу, оно здѣсь вовсе недопустимо.

Въ интересахъ раскрытія матеріальной истины чрезвычайно важно присутствіе на судѣ уголовномъ самого обвиняемаго. Его объясненія, тонъ его рѣчи и манера держаться на судѣ, отношеніе къ показаніямъ свидѣтелей и экспертовъ, все это можетъ служить матеріаломъ для судей при постановленіи приговора. Въ силу этого замѣна подсудимаго постороннимъ, уполномоченнымъ имъ лицомъ можетъ быть дозволяема только въ видѣ изъятія для маловажныхъ дѣлъ. Такъ напр., по нашему праву заочные приговоры допускаются только по проступкамъ, за которые положено наказаніе не свыше ареста. Въ остальныхъ случаяхъ требуется личная явка [1]).

Далѣе, допустимость правозаступничества въ гражданскихъ дѣлахъ оправдывается не столько нуждами тяжущихся, сколько соображеніями общественной пользы и интересами правосудія. Совсѣмъ не то съ судебнымъ представительствомъ. Общество ничуть

---

[1]) Ст. 133 и 583 у. у. с. См. также *Barnau:* Stellvertretung im Strafrecht und Strafprocess, 1890.

не заинтересовано въ томъ, чтобы вмѣсто тяжущихся являлись на судъ ихъ представители,—предполагая, разумѣется, что эти представители не будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ спеціалистами-юристами, т.-е. правозаступниками; государство же и судъ, напротивъ, склонны требовать, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ случаяхъ личныхъ дѣйствій сторонъ [1]).

Отсюда ясно капитальное различіе между внутренней природой правозаступничества и судебнаго представительства, а вслѣдствіе этого и между задачами ихъ. Въ то время, какъ первое необходимо не только для гражданъ, но и въ интересахъ общества, государства и суда, и, содѣйствуя отправленію правосудія, является институтомъ публичнаго права, второе вызвано къ жизни потребностями частныхъ лицъ, существуетъ для ихъ удобства и, имѣя виду только служеніе частнымъ интересамъ, носитъ исключительно частно—правовой характеръ.

§ 4.

Предположенія правильной организаціи адвокатуры.

Намѣреваясь изслѣдовать вопросъ, какъ должна быть организована адвокатура, мы, другими словами, имѣемъ въ виду представить идеалъ организаціи. Но идеалъ можетъ существовать только при идеальныхъ условіяхъ. Положеніе адвокатуры зависитъ, съ одной стороны, отъ общаго культурнаго и политическаго состоянія данной страны въ извѣстную эпоху, а съ другой стороны, отъ системы судоустройства и судопроизводства, принятой въ ней. Само собой понятно, что въ странахъ съ малоразвитымъ юридическимъ бытомъ, гдѣ царитъ не право, не законъ, а произволъ деспота, какъ напр. въ Турціи и Персіи, адвокатура не можетъ подняться на надлежащую высоту по той простой причинѣ, что гдѣ нѣтъ права, тамъ нѣтъ мѣста и для правозаступничества. Точно также не требуетъ доказательствъ и то по-

[1]) Напр., во Франціи требуется, чтобы нѣкоторыя бумаги были подписываемы самими тяжущимися. Code de proc. civ., art. 147, 352, 456.

ложеніе, что если въ данномъ государствѣ все общество нравственно испорчено, если оно погрязло въ порокахъ, если всюду царитъ корыстолюбіе и жажда легкой наживы, какъ напр., было въ Римѣ въ эпоху цезаризма, то сословіе адвокатовъ, представляя собой часть соціальнаго цѣлаго, не въ состояніи уберечься отъ общей участи, какъ бы хороша ни была его внѣшняя организація. Поэтому, говоря о желательной организаціи адвокатуры, мы будемъ предполагать, что имѣемъ дѣло съ благопріятными политико-соціальными условіями и съ народомъ средняго нравственнаго уровня, способнымъ наполнять сословіе адвокатовъ лицами честными и добросовѣстными.

Съ другой стороны, важное значеніе для развитія адвокатуры имѣетъ система судоустройства и судопроизводства, господствующая въ данной странѣ. Роль адвоката въ гражданскомъ процессѣ, построенномъ на принципахъ письменности и негласности, очевидно, не та, что въ устномъ и гласномъ процессѣ. Равнымъ образомъ, тайный слѣдственный уголовный процессъ до крайности съуживаетъ кругъ обязанностей адвокатуры, тогда какъ принципы гласности и состязательности предоставляютъ ей широкое поле дѣятельности. Изслѣдованіе основныхъ принциповъ судоустройства и судопроизводства, конечно, выходитъ за предѣлы нашей задачи. Мы можемъ только намѣтить здѣсь основныя черты той системы, которая считается наиболѣе правильной.

Прежде всего намъ нужно коснуться вопроса о судебномъ персоналѣ, правильная организація котораго является необходимымъ условіемъ независимости и безпристрастія правосудія. Наука выработала слѣдующія основныя требованія, которымъ должна удовлетворять судебная организація: 1) отдѣленіе судебной власти отъ административной, 2) несмѣнимость судей, 3) юридическое образованіе ихъ и 4) матеріальная обезпеченность.

Далѣе, въ уголовныхъ судахъ должно быть отведено возможно широкое мѣсто участію присяжныхъ въ виду того, что, по признанію науки, эта форма суда представляетъ собой самую совершенную изъ всѣхъ существующихъ.

Переходя къ вопросу о судопроизводствѣ, нужно замѣтить, что какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ процессѣ желательно господство принциповъ гласности, устности и со-

стязательности. Доказательство этого положенія не входитъ въ задачу нашего труда, да и къ тому-же было бы излишне для лицъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ теоріей и исторіей судопроизводства. Намъ нужно только указать, какое значеніе имѣютъ указанные принципы для адвокатуры.

Сущность слѣдственнаго принципа заключается въ томъ, что обязанности обвинителя, защитника и судьи соединены въ одномъ лицѣ,—въ лицѣ судьи. Отсюда ясно, что адвокатурѣ нечего дѣлать въ процессѣ, построенномъ на строго слѣдственныхъ началахъ. Только въ состязательномъ процессѣ, гдѣ судъ является безпристрастнымъ зрителемъ борьбы сторонъ, для адвокатовъ, какъ уполномоченныхъ представителей общества, открывается широкое поприще дѣятельности.

Затѣмъ, тайное судопроизводство, связанное обыкновенно съ письменностью, сводитъ роль адвоката къ сочинительству судебныхъ бумагъ и даетъ ему возможность легко запутывать и затягивать дѣла съ помощью различныхъ недомолвокъ, кляузныхъ увертокъ, обнаруженіе которыхъ весьма затруднительно вслѣдствіе покрывающей ихъ процессуальной тайны. «На опытѣ оказалось», говоритъ Миттермайеръ: «что прежнее (письменное) судопроизводство въ Германіи было всего удобнѣе для того, чтобы поколебать честность не совсѣмъ твердаго адвоката, проволочить процессъ и воспрепятствовать открытію истины, если это было неблагопріятно для кліента. Самый формализмъ въ представленіи послѣдовательно извѣстныхъ письменныхъ записокъ въ опредѣленномъ порядкѣ и общія правила объ употребленіи извѣстныхъ средствъ даютъ возможность злоупотребленій, именно позволяютъ отказываться отъ фактовъ, на которые ссылается противникъ, или дать на эти факты такой неясный, двусмысленный и уклончивый отвѣтъ, что судья но знаетъ, какъ понимать его» [1]).

При гласности и устности, напротивъ, каждое дѣйствіе защитника, каждое слово, произносимое имъ въ качествѣ судебнаго оратора, открыто для контроля судебныхъ властей и, что еще важнѣе, общественнаго мнѣнія и его органа—печати. „Устное производство“, замѣчаетъ тотъ же авторъ: „лучше всего способствуетъ

[1]) *Миттермайеръ:* О сословіи адвокатовъ, 76, 77.

образованію сословія адвокатовъ, которое можетъ способному юристу дать хорошій примѣръ, внушить ему энтузіазмъ къ своему призванію и заслужить общее уваженіе; въ то же время это производство (если имъ завѣдуетъ президентъ достаточно образованный, искусный и безпристрастный) препятствуетъ неосновательному отпирательству, хитрому искаженію истины, представленію возраженій, которыя имѣютъ въ виду только проволочку, и интригамъ, и адвокатъ, который пытался бы обратиться къ этимъ недостойнымъ средствамъ, будетъ сейчасъ остановленъ» [1]).

Итакъ, приступая къ изслѣдованію принциповъ организаціи адвокатуры, мы будемъ выходить изъ того предположенія, что имѣемъ дѣло съ благопріятными соціально-культурными условіями, съ правильнымъ судопроизводствомъ и основанномъ на принципахъ устности, гласности и состязательности судопроизводствомъ.

I.

СВОБОДА ПРОФЕССІИ.

Занятіе адвокатурой можетъ быть дозволено всѣмъ дѣеспособнымъ лицамъ, обладающимъ нѣкоторыми отрицательными качествами (напр. не принадлежащимъ къ духовенству, не исключеннымъ изъ службы и т. д.) или же только тѣмъ изъ нихъ, которыя удовлетворяютъ извѣстнымъ положительнымъ требованіямъ, каковы юридическое образованіе, практическая подготовка, выдержаніе экзамена и т. п. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ абсолютной свободой профессіи, а во второмъ — съ относительной. Но возможенъ еще третій случай, когда доступъ къ адвокатурѣ открытъ даже не для всѣхъ выполнившихъ положительныя условія, а лишь для опредѣленнаго количества ихъ въ каждой отдѣльной мѣстности. Такая система, отличительными чертами которой являются комплектъ и локализація, носитъ названіе несвободной или замкнутой (geschlossene).

---

[1]) Ib., 78, 79.

§ 1.

Абсолютная свобода.

На низшихъ ступеняхъ юридическаго развитія общества адвокатура всегда представляетъ собой абсолютно свободную профессію. Подобное явленіе мы наблюдаемъ во всѣхъ некультурныхъ и полу-культурныхъ государствахъ, въ древнѣйшія эпохи исторіи цивилизованныхъ народовъ, въ дореформенной Россіи и даже въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ странъ Европы (Швеціи).

Но государства съ развитымъ и сложнымъ юридическимъ бытомъ не допускаютъ абсолютной свободы профессіи. И это вполнѣ понятно. Правозаступникъ, играя роль фактора правосудія и помощника суда, долженъ обладать цѣлымъ рядомъ качествъ: быть независимымъ отъ суда и прокуратуры, стоять наравнѣ съ ними, отличаться безкорыстіемъ и мужествомъ. Возможно-ли предположить, что каждое дѣеспособное лицо удовлетворяетъ этимъ требованіямъ? Возможно-ли допускать къ исполненію обязанностей правозаступника всякаго, не удостовѣрившись предварительно, насколько онъ годенъ для такой высокой и трудной задачи? Не каждый встрѣчный можетъ быть судьей и прокуроромъ. На какомъ же основаніи однородныя функціи правозаступничества могутъ оставаться безъ всякихъ гарантій надлежащаго исполненія ихъ? Напротивъ, адвокатура, подобно суду, институтъ публичнаго права; она—элементъ судебнаго устройства. Если же это такъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что государство во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій должно обставить дѣятельность адвокатовъ извѣстными гарантіями, должно придать имъ ту или другую организацію. Но развѣ можетъ быть рѣчь о какой бы то ни было организаціи при *абсолютной* свободѣ профессіи, когда каждое лицо имѣетъ право исполнять адвокатскія обязанности, и когда, слѣдовательно, не будетъ существовать особаго сословія адвокатовъ?

Сторонниковъ абсолютной свободы адвокатуры немного. Среди нихъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести Бентаму. Въ своемъ сочиненіи «О судоустройствѣ» онъ предлагаетъ раздѣлить адвокатуру

на два вида: уголовную, т. е. ведущую уголовныя защиты, и гражданскую, причемъ первую организовать въ формѣ государственной службы, по аналогіи съ прокуратурой, а вторую признать абсолютно-свободной профессіей. О цѣлесообразности такого раздвоенія будетъ сказано ниже (см. гл. II, § 3). Теперь же мы ограничимся разсмотрѣніемъ доводовъ, приводимыхъ Бентамомъ въ пользу послѣдней части своего проекта [1]).

Первый доводъ его заключается въ слѣдующемъ: «изъ положенія, что каждый имѣетъ право ходатайствовать по своему дѣлу или поручать ходатайство лицу, имъ же выбранному, можно вывести прямое заключеніе, что обязанности стряпчаго и адвоката могутъ быть приняты всѣми безъ различія».

Слѣдуя этому пріему, можно было бы сказать: «такъ какъ каждый можетъ лечить себя самъ или поручать леченіе другому лицу, то медицинской профессіей могутъ заниматься всѣ безъ исключенія граждане». Неправильность такого вывода очевидна. Изъ того, что кто-нибудь имѣетъ право поручать совершеніе извѣстныхъ дѣйствій другому лицу, вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый могъ принимать на себя совершеніе ихъ: если я имѣю право избирать гласныхъ, то это еще не значитъ, что всѣ могутъ быть избираемыми. Чтобы сдѣлать ошибку Бентама болѣе ясной, мы представимъ его разсужденіе въ видѣ силлогизма. Онъ даетъ намъ заключеніе («всякій имѣетъ право исполнять обязанности адвоката») и одну посылку («тяжущійся можетъ поручать веденіе своего дѣла любому лицу по своему выбору»). Отыскавъ по правиламъ формальной логики вторую посылку, мы получимъ такой силлогизмъ: большая посылка, опущенная Бентамомъ: кто избранъ тяжущимся, тотъ имѣетъ право вести его дѣло; малая посылка: тяжущійся можетъ избирать любое лицо; заключеніе: слѣдовательно, любое лицо имѣетъ право быть адвокатомъ.

Изъ этого видно, что въ заключеніи повторяется другими словами содержаніе первой посылки, т. е. иначе говоря, что молчаливо допущенное Бентамомъ положеніе представляетъ собой именно то, которое требовалось доказать (petitio principii).

---

[1]) *Бентамъ:* О судоустройствѣ, 1860, 100—104.

Второй доводъ: принятіе въ сословіе адвокатовъ всѣхъ желающихъ лицъ послѣ предварительнаго испытанія и съ извѣстнымъ разборомъ «не представляетъ достаточнаго ручательства честности и нравственнаго развитія, такъ какъ самые важные недостатки адвоката не выказываются въ началѣ его карьеры, а развиваются только впослѣдствіи, по мѣрѣ представляющихся случаевъ искушенія». Допустимъ, что это такъ. Но развѣ помимо вступительныхъ «испытаній» нѣтъ другихъ средствъ, чтобы поддержать нравственность адвокатскаго сословія? А принципы организаціи ея? А дисциплинарный надзоръ? А корпоративное устройство?

Третій доводъ: «необходимое послѣдствіе законной монополіи состоитъ въ увеличеніи издержекъ, сопряженныхъ съ дѣлами всякаго рода, въ необходимости платить ходатаямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надобности въ ихъ помощи, въ исключеніи помощи добровольной; наконецъ, въ поставленіи тяжущихся въ постоянную зависимость и въ причиненіи имъ постоянныхъ безпокойствъ».

Чтобы надлежащимъ образомъ понять эти возраженія Бентама, надо принять во вниманіе, что онъ исходитъ изъ предположенія объ обязательномъ участіи адвокатовъ въ процессѣ и недопустимости личнаго веденія дѣлъ самими тяжущимися [1]). Если отбросить это предположеніе, какъ неотносящееся къ сущности вопроса, то соображенія объ «увеличеніи издержекъ» и необходимости платить адвокатамъ даже безъ всякой надобности въ нихъ, «зависимости отъ послѣднихъ» и «безпокойствѣ, причиняемомъ ими» отпадутъ сами собой. Останется только «исключеніе помощи добровольной». Но это соображеніе слишкомъ мелко и ничтожно, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе въ принципіальномъ вопросѣ.

Четвертый доводъ: „монополія образуетъ между адвокатами связь, которая даетъ этому сословію такую силу и такое вліяніе, какими не пользуется никакая другая корпорація. Сословіе юристовъ имѣетъ одни общіе интересы, діаметрально противоположные интересамъ тяжущихся. Въ Англіи это зло доведено до высшей

[1]) Ib. 97 и сл.

степени, потому что здѣсь сословіе адвокатовъ нераздѣльно связано съ сословіемъ судей... И судья, и адвокатъ дружно поддерживаютъ злоупотребленія, изъ которыхъ одинъ извлекалъ выгоду, а другой извлекаетъ. Судья, обогатившись, благодаря недостаткамъ законодательства, не рѣшится отнять средства къ тому же у тѣхъ, которые вступаютъ на его прежнее поприще. Ему и въ голову не приходитъ нападать на систему, которой онъ, главнымъ образомъ, одолженъ своимъ значеніемъ, и съ которой онъ сжился. Отъ судьи (а, слѣдовательно, тѣмъ болѣе отъ адвоката) нельзя ожидать преобразованія законодательства".

Этотъ доводъ Бентама имѣетъ значеніе только по отношенію къ его родинѣ, гдѣ адвокаты и судьи составляютъ одно сословіе. Но подобная организація не можетъ быть признана желательной и врядъ-ли когда-либо будетъ существовать въ другихъ государствахъ [1]). Впрочемъ, даже относительно самой Англіи мнѣніе Бентама односторонне: не столько интересами судебно-адвокатскаго сословія, сколько характеромъ цѣлаго народа объясняется хаотическое состояніе англійскаго законодательства.

Другіе защитники абсолютной свободы профессіи, какими были, напр., дѣятели первой французской революціи, опирались въ своемъ мнѣніи на политико-экономическій принципъ свободы ремеслъ и промышленности. Отождествляя адвокатуру со всякой иной ремесленной дѣятельностью, они полагали, что въ интересахъ ея процвѣтанія необходимо уничтожить монополію и сдѣлать возможнымъ доступъ къ ней всѣмъ желающимъ [2]). Но они упустили изъ виду три обстоятельства. Во-первыхъ, адвокатура представляетъ собой не механическое ремесло, вродѣ столярнаго или портняжескаго, а либеральную профессію, требующую, подобно медицинѣ, педагогіи и т. п., высокаго умственнаго и нравственнаго ценза. Во-вторыхъ, профессія адвокатовъ, какъ справедливо замѣтилъ на съѣздѣ германскихъ юристовъ Виссерингъ, не можетъ быть разсматриваема съ одной экономической точки зрѣнія, такъ какъ она представляетъ собой элементъ судебной организаціи, и вопросъ объ ея устройствѣ относится не къ политиче-

[1]) См. ниже гл. III, § 1.

[2]) *Le Berquier*: Le Barreau moderne, 1882, 31.

ской экономіи, а къ юридической политикѣ [1]). Наконецъ, въ-третьихъ, абсолютная свобода адвокатуры все-таки привела бы на практикѣ къ образованію особаго класса лицъ, чувствующихъ себя наиболѣе способными къ профессіи и сдѣлавшихъ ее своимъ спеціальнымъ занятіемъ. Такой процессъ выдѣленія правозаступничества въ особую профессію мы наблюдали въ исторіи всѣхъ тѣхъ государствъ, гдѣ адвокатура появилась и развилась самостоятельно и независимо отъ иноземнаго вліянія: въ Римѣ, Германіи, Бельгіи, Россіи и др. Подобный-же процессъ совершается въ современной Швеціи, гдѣ, несмотря на абсолютную свободу профессіи, успѣлъ образоваться отдѣльный классъ адвокатовъ, самопроизвольно сплотившихся въ одну ассоціацію. Но если рано или поздно сословіе адвокатовъ должно возникнуть [2]), то несравненно лучше и цѣлесообразнѣе сразу создать его и обставить наибольшими гарантіями для того, чтобы правосудіе имѣло въ лицѣ адвокатовъ надежныхъ союзниковъ, а тяжущіеся — опытныхъ и добросовѣстныхъ руководителей.

Неоспоримая очевидность этихъ доводовъ признана повсюду на западѣ Европы, и ни въ одномъ изъ прочитанныхъ и просмотрѣнныхъ нами сочиненій иностранныхъ авторовъ-спеціалистовъ намъ не приходилось встрѣчать противоположнаго взгляда. Но въ нашей журналистикѣ раздаются голоса, если и не въ защиту абсолютной свободы адвокатуры, то въ пользу дозволенія заниматься адвокатурой наряду съ присяжными повѣренными всѣмъ дѣеспособнымъ лицамъ. „Къ чему“, говорятъ нѣкоторые: „предоставлять адвокатамъ монополію веденія дѣлъ, и на какомъ основаніи лишать тяжущихся права поручать свои дѣла тому, кому они больше вѣрятъ, все равно, принадлежитъ ли онъ къ сословію адвокатовъ или нѣтъ?“ [3])

Это возраженіе основано на явномъ недоразумѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое монополія вообще и въ чемъ заключается ея вредъ? Подъ монополіей разумѣется предоставленіе одному или

---

[1]) Verhandlungen des IV Deutschen Iuristentages, 1863, I, 68—70.

[2]) Это признаетъ и Бентамъ (О судоустройствѣ, 103).

[3]) *Марковъ*: О монополіи веденія судебныхъ дѣлъ („Жур. мин. юстиціи“, 1863, № 2, 358); *Фуксъ*: Слѣдователи, обвинители и защитники („Рус. Вѣст.“, 1886, № 1, 138; хроника „Жур. гр. и уг. пр.“, 1892, № 5, 151) и др.

нѣсколькимъ лицамъ (физическимъ или юридическимъ) исключительнаго права на занятіе какою-нибудь отраслью дѣятельности, какъ напр., фабрикаціей игральныхъ картъ, судоходствомъ въ опредѣленномъ районѣ и т. п. Монополія представляетъ собой прямую противоположность свободной конкурренціи, и вредъ ея въ томъ именно и заключается, что она устраняетъ конкурренцію со всѣми ея благодѣтельными послѣдствіями. Но развѣ можетъ быть рѣчь о монополіи въ такихъ профессіяхъ, какъ адвокатская, медицинская, педагогическая, въ томъ случаѣ, если доступъ къ нимъ открытъ для всѣхъ лицъ, обладающихъ требуемыми качествами? Развѣ „монополія“ адвокатовъ и врачей устраняетъ конкурренцію между ними? Нисколько. Опытъ западной Европы показываетъ, что конкурренція въ средѣ адвокатуры можетъ дойти до крайнихъ предѣловъ жестокой борьбы за существованіе, несмотря на предоставленную имъ „монополію“. Недопущеніе къ занятію адвокатурой всѣхъ желающихъ лицъ не уничтожаетъ конкурренціи, а только ограничиваетъ число конкурентовъ и улучшаетъ качество ихъ. И это вполнѣ естественно и разумно. Всякій согласится съ тѣмъ, что прописывать рецепты можетъ только тотъ, кто доказалъ надлежащимъ образомъ свои познанія въ медицинѣ, а преподавать науки въ учебныхъ заведеніяхъ только тотъ, кто самъ изучилъ ихъ. На какомъ же основаніи судебную защиту, обязанность не менѣе, если не болѣе, трудную и требующую спеціальной подготовки, дѣлать доступной для всякаго, кто мнитъ себя способнымъ къ ней? Конечно, нельзя отрицать, что тяжущіеся въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ чувствовать большее довѣріе къ хорошо извѣстному имъ частному лицу, чѣмъ къ незнакомому адвокату. Точно также иной разъ частное лицо можетъ вести защиту съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ адвокатъ, въ силу своего знакомства съ особенными обстоятельствами даннаго дѣла или въ силу его спеціальнаго характера [1]). Но предоставлять изъ-за этого каждому желающему право вести чужія дѣла невозможно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, это поведетъ къ образованію такъ-называемыхъ „уличныхъ“ адвокатовъ,

[1]) Проф. Фойницкій замѣчаетъ по этому поводу: „у насъ лучшая защитительная рѣчь по процессамъ печати произнесена не адвокатомъ, а подсудимымъ, человѣкомъ литературно-образованнымъ.“ (Защита въ уг. проц., 36).

т. е. такихъ профессіональныхъ защитниковъ, какъ и адвокаты, но только не обладающихъ нравственнымъ и умственнымъ цензомъ послѣднихъ. Такое явленіе наблюдается, какъ мы видѣли, у насъ и въ Германіи. Во-вторыхъ, если тяжущіеся предпочитаютъ адвокату частное лицо, то это въ большинствѣ случаевъ происходитъ не въ силу какихъ-либо положительныхъ преимуществъ послѣдняго, а просто потому, что они считаютъ его болѣе способнымъ на такіе извороты и подвохи съ цѣлью выиграть процессъ, на какіе не пойдетъ ни одинъ адвокатъ. Нѣкоторыя западно-европейскія законодательства обратили вниманіе на эти соображенія и избрали средній путь. Такъ, французскій уставъ уг. судопр. дозволяетъ подсудимому избирать себѣ на судѣ присяжныхъ защитника изъ своихъ родныхъ или друзей, но каждый разъ съ разрѣшенія предсѣдателя суда [1]). Германскій законъ, тоже допуская такое избраніе, требуетъ, кромѣ того, чтобы въ помощь защитнику, не принадлежащему къ числу адвокатовъ или преподавателей юриспруденціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, судъ назначалъ одного изъ адвокатовъ [2]). Эти постановленія заслуживаютъ полнаго сочувствія, такъ какъ они въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ интересы тяжущихся въ тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, когда замѣна адвоката постороннимъ лицомъ является полезной для подсудимаго, и такъ какъ въ то же время они предотвращаютъ опасность появленія профессіональныхъ „защитниковъ съ улицы“.

Но есть одно обстоятельство, которое дѣлаетъ иногда допущеніе къ адвокатурѣ всѣхъ дѣепособныхъ лицъ не только извинительнымъ, но даже необходимымъ: это — недостатокъ настоящихъ адвокатовъ. Въ такомъ положеніи была Россія послѣ реформы 1864 года, и составители судебныхъ уставовъ, ясно понимавшіе значеніе такъ наз. адвокатской монополіи [3]), все-таки принуждены были отказаться отъ нея въ силу необходимости.

---

[1]) Code d'instruction crimin., art. 295.

[2]) Strafprocessordnung, § 138. Это постановленіе относится къ тѣмъ случаямъ, когда участіе защитника обязательно по закону.

[3]) Во время составленія судеб. уставовъ было высказано немало возраженій противъ „монополіи“, принятой 387 ст. Уч. суд. уст. Разборъ ихъ сдѣланъ г. Платоновымъ („Жур. гр. и уч. пр.“ 1875, № 7, 158 и сл.).

За исключеніемъ подобныхъ случаевъ, неограниченное допущеніе къ адвокатурѣ всѣхъ желающихъ не оправдывается никакими сколько-нибудь основательными соображеніями и противорѣчитъ существу правозаступничества, какъ института публичнаго права и элемента судебной организаціи.

§ 2.

Относительная свобода.

Устранивъ абсолютную свободу профессіи, мы переходимъ къ относительной. При этой системѣ къ адвокатурѣ допускаются не всѣ желающіе, а только тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ положительными условіями, опредѣленными въ законѣ.

Всѣ писатели согласны съ тѣмъ, что адвокатура требуетъ, съ одной стороны, теоретической и практической подготовки, а съ другой стороны, извѣстнаго нравственнаго ценза. Въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ (см. гл. VI) объ этихъ двухъ условіяхъ будетъ сказано подробнѣе. Теперь же намъ нужно только разсмотрѣть сравнительныя достоинства и недостатки относительной свободы адвокатуры.

Въ пользу ея могутъ быть выставлены слѣдующія соображенія.

Государство, допуская къ занятію адвокатурой только тѣхъ лицъ, которыя обладаютъ высокимъ умственнымъ и нравственнымъ цензомъ, гарантируетъ въ одинаковой мѣрѣ какъ правильное отправленіе правосудія, такъ и интересы частныхъ лицъ. Судьи могутъ быть увѣрены, что дѣятельность адвокатовъ не будетъ идти въ разрѣзъ съ требованіями справедливости и государственнаго порядка, а тяжущіеся будутъ видѣть въ лицѣ своихъ патроновъ—добросовѣстныхъ, честныхъ и знающихъ руководителей. При такомъ порядкѣ вещей станетъ невозможнымъ и образованіе класса уличныхъ ходатаевъ,—одной изъ самыхъ пагубныхъ язвъ юридическаго строя [1]).

---

[1]) Verhandlugen des IV. Deut. Juristentages, 1863, I, 68—73; *Миттермайеръ*: О сословіи адвокатовъ, 1864, 81 и др.

Далѣе, относительная свобода, предоставляя доступъ къ профессіи всѣмъ, кто чувствуетъ въ себѣ способности къ ней и выполнилъ предварительныя требованія, открываетъ широкое поприще для талантливыхъ и знающихъ юристовъ. Она не ставитъ никакихъ искусственныхъ преградъ лицамъ, желающимъ посвятить себя адвокатурѣ и, поэтому, будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на развитіе и процвѣтаніе профессіи. Молодые люди, начиная карьеру, будутъ, по выраженію Миттермайера, «знать, что ихъ успѣхъ зависитъ не отъ милости какого-нибудь покровителя, не отъ прихоти какого-либо боязливаго министерскаго чиновника, но отъ собственнаго таланта и усердія» [1]). Это сознаніе служитъ самымъ лучшимъ побудительнымъ мотивомъ къ ревностному занятію избраннымъ родомъ дѣятельности.

Въ то же время относительная свобода влечетъ за собой неограниченную конкурренцію въ средѣ адвокатовъ, а конкурренція заставляетъ ихъ относиться съ большею внимательностью и добросовѣстностью къ своимъ обязанностямъ. Между ними является соревнованіе на благородномъ поприщѣ правозаступничества. Они стараются превзойти другъ друга знаніями, честностью, усердіемъ для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе кліентовъ и расширить практику, служащую основаніемъ благосостоянія каждаго изъ нихъ [2]).

Съ другой стороны, конкурренція удешевляетъ адвокатскій трудъ и дѣлаетъ юридическую защиту болѣе доступной для небогатыхъ тяжущихся. Это удешевленіе является естественнымъ результатомъ политико-экономическаго закона, по которому при одинаковомъ спросѣ цѣны уменьшаются соразмѣрно съ увеличеніемъ предложенія. Если въ данной странѣ много адвокатовъ, если конкурренція между ними сильно развита, то тяжущемуся нетрудно найти въ себѣ защитника за недорогую плату [3]).

Наконецъ, свобода профессіи является единственнымъ средствомъ противъ наблюдаемаго почти во всѣхъ государствахъ пере-

---

[1]) *Mittermaier*: Die künftige Stellung des Advokatenstandes (Archiv für civilist Praxis, 1832, XI Heft, 280, 281.

[2]) Verhandlungen, ib,

[3]) *Jaques*: Die freie Advocatur, 9.

полненія сословія юристовъ, такъ какъ она даетъ возможность каждому изъ нихъ добиться принятія въ адвокаты [1]).

Опытъ тѣхъ странъ, гдѣ признана относительная свобода правозаступничества (Франція, Англія, Бельгія, Испанія), какъ нельзя лучше подтверждаетъ всѣ указанные доводы. Въ этихъ странахъ адвокатура стала убѣжищемъ для всѣхъ талантовъ и разсадникомъ выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ юридической практики.

Противники относительной свободы адвокатуры приводятъ въ сущности одно только возраженіе, весьма, впрочемъ, важное. Они указываютъ на то, что неограниченный доступъ къ профессіи влечетъ за собой переполненіе сословія и чрезмѣрную конкурренцію среди ея членовъ. Результатомъ этого является деморализація адвокатуры. Не будучи въ состояніи добывать средства къ жизни честнымъ трудомъ, адвокаты принуждены прибѣгать къ разнымъ болѣе или менѣе предосудительнымъ способамъ: обходамъ закона, кляузничеству и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны предаваться постороннимъ занятіямъ: участвовать въ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ, принимать на себя всякаго рода агентуры, маклерскія обязанности и т. п. Словомъ, они уклоняются отъ своего истиннаго призванія, загрязняютъ и опошляютъ свою профессію. Въ примѣръ такого печальнаго положенія вещей ссылаются на Германію, Австрію и Италію [2]).

Это соображеніе въ высшей степени важно, такъ какъ оно основывается на дѣйствительно наблюдаемомъ повсюду фактѣ—переполненіи адвокатскаго сословія. Оно-то именно привело къ мысли замѣнить относительно-свободную адвокатуру—замкнутой. Но прежде чѣмъ разсмотрѣть, отъ чего зависитъ переполненіе и какъ его устранить, мы сдѣлаемъ оцѣнку замкнутой системы.

§ 3.

Замкнутая профессія.

Какъ уже было сказано, основными чертами замкнутой адвокатуры служатъ комплектъ и локализація, причемъ та и другая

[1]) Verhandlungen, 293, 294.

[2]) Verhandlungen, ib., 334—337 etc.

мѣры, хотя обыкновенно соединяются вмѣстѣ, но могутъ существовать и отдѣльно. Такъ напр., германскіе адвокаты локализированы, но не ограничены комплектомъ. Наоборотъ, число адвокатовъ можетъ быть опредѣлено для каждаго округа или даже для каждаго суда, а сфера дѣятельности ихъ не стѣснена никакими искусственными границами. По этой причинѣ, а также въ виду практическаго удобства, мы разсмотримъ отдѣльно сначала комплектъ, а затѣмъ локализацію.

Комплектъ. Установленіе комплекта адвокатовъ,—все равно будетъ ли оно сдѣлано для отдѣльныхъ округовъ или даже для каждаго суда, представляетъ выгоды въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, адвокатурѣ не грозитъ переполненіе и всѣ связанныя съ нимъ пагубныя послѣдствія. Умѣренная конкурренція не повлечетъ за собой ожесточенной борьбы за существованіе. Пользуясь большею матеріальной обезпеченностью, адвокаты будутъ въ состояніи идти прямымъ путемъ честности и деликатности. Язвы пролетаріата и деморализаціи не пристанутъ къ сословію, и отправленіе правосудія не подвергнется гибельному вліянію нравственной заразы [1]).

Во-вторыхъ, комплектъ установитъ нормальное отношеніе между спросомъ на правозаступничество и предложеніемъ его. Число адвокатовъ будетъ соотвѣтствовать потребности публики въ адвокатурѣ. Отсюда произойдутъ одинаково выгодныя послѣдствія, какъ для страны, которая не должна будетъ оплачивать содержаніе излишняго количества адвокатовъ, такъ и для самихъ адвокатовъ, такъ какъ на долю каждаго изъ нихъ прійдется болѣе значительная часть капитала, затрачиваемаго страной на юридическую помощь [2]).

Противъ этихъ двухъ доводовъ выставляются три возраженія.

Установленіе комплекта уменьшаетъ, но не уничтожаетъ конкурренціи, а потому не обезпечиваетъ вполнѣ матеріальнаго благосостоянія адвокатуры. Заработокъ адвокатовъ попрежнему будетъ неопредѣленнымъ и неравномѣрнымъ: вѣдь адвокаты не перестанутъ различаться между собой по степени талантливости, обшир-

[1]) Verhandlungen, ib., 46, 333—338; *Bamdohr*: Organisation des Adrocatenstandes, 69, ff.

[2]) *Jaques*, 104, 105.

ности знаній и краснорѣчію. Наиболѣе одаренные въ этомъ отношеніи будутъ завалены работой, а ихъ менѣе счастливые конкурренты, какъ бы мало ни было число ихъ, могутъ сидѣть совершенно безъ практики. «Намъ извѣстно», говоритъ Миттермайеръ: «что въ одномъ городѣ при судѣ было 8 адвокатовъ, изъ нихъ большая часть получала малый доходъ; пріѣхалъ молодой адвокатъ, отличившійся защитой обвиняемыхъ, и получилъ вскорѣ очень большую практику» [1]). Если бы среди этихъ адвокатовъ было еще 2—3 такихъ же талантливыхъ, какъ пріѣхавшій, то они захватили бы всю практику въ свои руки, а прочіе ихъ коллеги остались бы почти безъ куска хлѣба.

Такимъ образомъ, первый доводъ въ пользу комплекта не выдерживаетъ критики. Еще менѣе состоятеленъ второй. Конечно, было бы весьма полезно, чтобы число адвокатовъ соотвѣтствовало потребности общества въ юридической защитѣ. Но возможно ли хотя приблизительно измѣрить эту потребность? Единственнымъ указателемъ могутъ служить здѣсь статистическія свѣдѣнія о числѣ дѣлъ, производившихся въ данномъ судѣ при участіи повѣренныхъ. Такой способъ опредѣленія потребности публики въ юридической защитѣ равносиленъ, по справедливому замѣчанію Рудольфа Гнейста, тому «какъ если бы какое-нибудь медицинское вѣдомство вздумало распредѣлять докторовъ, сообразно съ цифрой смертности въ каждомъ округѣ, въ то время, какъ рѣчь идетъ о потребности живущихъ» [2]). Не всякое дѣло доходитъ до судебнаго разбирательства, да и число процессовъ не представляется неизмѣнно постояннымъ въ каждой данной мѣстности. Многія дѣла, быть можетъ, не начинаются просто потому, что тяжущіеся не довѣряютъ адвокатамъ, живущимъ въ ихъ округѣ. «Если теперь», продолжаетъ тотъ же авторъ: «при какомъ-либо судѣ три адвоката имѣютъ посредственную практику, то можно ли на этомъ основаніи отрицать, что при свободной конкурренціи шесть адвокатовъ будутъ получать большіе доходы, въ томъ случаѣ именно, когда конкурренція привлечетъ въ это мѣсто болѣе доступныхъ, усердныхъ, способныхъ адвокатовъ? Возможно даже, что и три теперешніе адвоката очутятся въ лучшемъ положеніи,

[1]) *Миттермайеръ*: О сословіи адвок., 85, прим.

[2]) *Gneist*: Freie Advocatur, 1867, 66, 67.

если три молодые конкуррента присоединятся къ нимъ, станутъ побуждать къ бо́льшему усердію, пріучатъ публику къ адвокатской помощи... Здѣсь также вполнѣ примѣнима та простая истина, что во всѣхъ учрежденіяхъ, которыя предназначены для потребности публики, только спросъ можетъ опредѣлить размѣръ этой потребности».

Помимо того, что выгоды, представляемыя комплектомъ, оказываются мнимыми, онъ имѣетъ еще одно чрезвычайно важное неудобство, именно онъ преграждаетъ доступъ къ профессіи талантливымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, желающему поступить въ адвокаты прійдется ждать вакансіи, т.-е., другими словами, терять цѣлые годы, выжидая пока кто-нибудь изъ штатныхъ адвокатовъ умретъ или выйдетъ изъ сословія. Въ результатѣ можетъ оказаться, что даровитые юристы должны будутъ бездѣйствовать или переходить въ другую сферу дѣятельности въ то время, какъ десятки бездарностей, тоже, быть можетъ, не имѣя практики, будутъ занимать штатныя мѣста [1]).

Въ виду такихъ обстоятельствъ ограниченіе числа адвокатовъ комплектомъ должно быть признано нежелательнымъ.

Смѣшанная система. Но если комплектъ не въ состояніи устранить вредныхъ послѣдствій относительной свободы профессіи, то, быть можетъ, сдѣлать это способна смѣшанная система, какая существовала въ императорскомъ Римѣ? Не будетъ ли цѣлесообразно предоставить доступъ къ адвокатурѣ всѣмъ удовлетворяющимъ законнымъ условіямъ, но съ тѣмъ, чтобы практика при низшихъ судахъ принадлежала всѣмъ имъ безъ изъятія, а при высшихъ судахъ состояло опредѣленное число штатныхъ адвокатовъ [2])? Нетрудно замѣтить, что эта система имѣетъ только одно преимущество: она не ставитъ искусственной преграды талантливымъ юристамъ, желающимъ посвятить себя адвокотурѣ. Въ остальныхъ отношеніяхъ она совмѣщаетъ въ себѣ недостатки, присущіе обѣимъ противоположнымъ системамъ, именно: штатная адвокатура

---

[1]) *Миттермайеръ*, ibid., 280; *Weinrich*: Zur Reform der deutschen Rechtsanwaltschaft, 1891, 105; *Jaques*, ibid., 20.

[2]) Подобную систему предлагалъ Штерненфельсъ (Verhandlungen, ib., 297).

подвержена всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ комплекта, а сверхштатная не избавлена отъ опасностей переполненія.

Локализація. Другимъ средствомъ противъ чрезмѣрной конкурренціи считаютъ локализацію. По словамъ ея защитниковъ, она представляетъ слѣдующія удобства.

Если дѣятельность каждаго адвоката пріурочена къ опредѣленному округу или суду, то конкурренція среди сословія хоть въ общемъ и не уменьшается, но все-таки распредѣляется равномѣрнѣе. Практика каждаго округа или суда раздѣляется только между нѣсколькими приписанными тамъ адвокатами, и конкурренціи со стороны остальныхъ коллегъ имъ нечего бояться [1]).

Затѣмъ, локализація обезпечиваетъ интересы тяжущихся, такъ какъ, довѣряя адвокату важные документы и деньги, они не будутъ бояться, что онъ переселится въ другое мѣсто и захватитъ съ собой все, что они ему дали [2]).

Въ то же время она облегчаетъ тяжущимся пріисканіе адвоката, такъ какъ приписанные при данномъ судѣ или округѣ адвокаты должны имѣть мѣсто жительства по близости [3]).

Далѣе, благодаря локализаціи судамъ легче отправлять дисциплинарный надзоръ надъ адвокатами въ виду того, что они дѣйствуютъ постоянно предъ одними и тѣми же судьями [4]).

Наконецъ, если дѣятельность адвокатовъ ограничивается однимъ опредѣленнымъ судомъ, то совпаденіе засѣданій по дѣламъ, которыя поручены имъ, не будетъ столь частнымъ, какъ безъ локализаціи. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., въ Германіи, гдѣ адвокатура все-таки отчасти локализирована, раздаются жалобы на частыя отсрочки разбора дѣлъ, происходящія вслѣдствіе того, что адвокаты не являются въ засѣданія, будучи заняты въ другихъ судахъ [5]). Это неудобство можетъ быть устранено только самой строгой локализаціей адвокатуры.

Противъ этихъ доводовъ возражаютъ:

Локализація устраняетъ конкурренцію между адвокатами, состоя-

---

[1]) *Weinrich*: l. c., 86, 87.

[2]) *Prischl*: Advocatur und Anwaltschaft, 264.

[3]) Verhandlungen der XIV Dent. Juristent., 1878, I B., I Heft, 30, 31.

[4]) Ib., 29, 30.

[5]) *Weinrich*, 84.

щими при разныхъ судахъ; но адвокаты одного и того же суда конкуррируютъ между собой по прежнему. Если еще принять во вниманіе, что число ихъ не ограничивается комплектомъ, то опасность переполненія ничуть не уменьшается. Такимъ образомъ, первый доводъ въ пользу локализаціи оказывается совершенно призрачнымъ, что засвидѣтельствовано и опытомъ современной Германіи (см. ч. 1, гл. V, § 5).

Такимъ же характеромъ отличается и второй доводъ. Локализація гарантируетъ кліентовъ отъ внезапнаго переселенія адвокатовъ въ другой округъ, но она не въ состояніи поставить никакой преграды тѣмъ изъ нихъ, которые вознамѣрились бы присвоить и растратить врученныя имъ деньги или бѣжать съ ними за границу. Помимо того, при отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства, считаемомъ нами необходимымъ (см. ниже гл. V), подобныя гарантіи совершенно излишни. Адвокаты не могутъ ничего растрачивать просто потому, что они не входятъ ни въ какія денежныя сношенія съ кліентами и не принимаютъ отъ нихъ на храненіе никакихъ суммъ: все это дѣло повѣренныхъ. Въ такомъ положеніи находится вопросъ объ отвѣтственности адвокатовъ во Франціи, Англіи и Бельгіи. Съ другой стороны, опытъ современной Германіи, какъ мы видѣли, доказываетъ, что локализація не предотвращаетъ присвоенія и растраты адвокатами чужихъ денегъ (см. ч. 1, гл. V, § 5).

Третій доводъ, именно легкость пріисканія адвоката, имѣлъ бы значеніе въ томъ случаѣ, еслибы число адвокатовъ было въ данной странѣ недостаточно. Но такъ какъ локализація имѣетъ въ виду устранить какъ разъ обратное явленіе — переполненіе, то о трудности пріисканія адвоката не можетъ быть и рѣчи.

Такъ же несостоятельны и два послѣдніе довода. Локализація облегчаетъ суду дисциплинарный надзоръ за адвокатами. Пусть такъ. Но вопросъ въ томъ, на сколько желательно и полезно предоставленіе дисциплинарной власти надъ сословіемъ адвокатовъ судамъ. Какъ мы уже видѣли, вопросъ этотъ рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ, а потому и съ этой точки зрѣнія локализація не имѣетъ опоры. Далѣе, совпаденіе засѣданій разныхъ судовъ, конечно, не будетъ имѣть значенія, если дѣятельность адвокатовъ ограничится однимъ судомъ; но вѣдь въ каж-

домъ судѣ есть отдѣленія, есть департаменты гражданскіе и уголовные. Слѣдовательно, даже при самой строгой локализаціи совпаденіе засѣданій возможно и даже неизбѣжно.

Помимо того, что локализація не представляетъ приписываемыхъ ей выгодъ, она противорѣчитъ сущности правозаступничества. На какомъ основаніи заключать дѣятельность правозаступника въ чисто искусственныя рамки? Развѣ адвокатъ, способный вести процессъ въ одномъ судѣ, не въ состояніи сдѣлать этого въ другомъ? Напротивъ, адвокатура, какъ и всякая либеральная профессія, не должна имѣть территоріальныхъ границъ. Не дико-ли было бы предписать доктору или архитектору заниматься своей профессіей только въ опредѣленномъ городѣ или въ данномъ округѣ? «Кто однажды признанъ мастеромъ своего искусства»—говоритъ Рамдоръ:—«тотъ имѣетъ за себя предположеніе, что онъ всюду сумѣетъ хорошо защитить правое дѣло» [1]). Даже болѣе. «Территорія адвоката — это земной шаръ», какъ выразился одинъ французскій писатель [2]). И дѣйствительно, тѣ государства, гдѣ правозаступничество существуетъ въ своемъ чистомъ видѣ, не только не ставятъ никакихъ искусственныхъ границъ для дѣятельности своихъ адвокатовъ, но и позволяютъ выступать въ своихъ судахъ чужеземнымъ адвокатомъ. Французскіе адвокаты нерѣдко ведутъ дѣла въ бельгійскихъ и швейцарскихъ судахъ, а иностранные адвокаты допускаются къ произнесенію рѣчей во французскихъ судахъ, и еще недавно въ Парижѣ выступалъ одинъ русскій присяжный повѣренный. «Различіе положительныхъ законодательствъ»,—справедливо замѣчаетъ Пришль:—«въ отдѣльныхъ странахъ не можетъ быть противопоставлено принципіальному признанію того, что правозаступничество заключаетъ въ себѣ слишкомъ много общечеловѣческаго и универсальнаго, чтобы оно могло быть ограничено предѣлами роднаго государства, а тѣмъ менѣе предѣлами отдѣльнаго округа» [3]). Правозаступнику, изучившему общіе принципы права, легко ознакомиться съ положительнымъ законодательствомъ каждаго дан-

[1]) *Ramdohr*: Organisation des Advocatenstandes, 78.

[2]) „L'avocat a le globe pour territoire“, (слова Darreau, цит. у Mollot, I, 455).

[3]) *Prischl*, 270.

наго государства по интересующему его вопросу. Гражданское и уголовное право цивилизованныхъ государствъ различаются между собой въ частностяхъ, но основныя положенія ихъ одинаковы: теорія или наука гражданскаго права такъ же едина, какъ и наука уголовнаго права.

Локализація, наконецъ, вредитъ интересамъ тяжущихся, такъ какъ ограничиваетъ ихъ выборъ опредѣленнымъ кругомъ адвокатовъ. «Нерѣдко»,—говоритъ Рамдоръ:—«кто-либо питаетъ особенное довѣріе къ адвокату, живущему въ отдаленной мѣстности: оно внушено ему славой или долгимъ знакомствомъ. Жестоко было бы въ такомъ случаѣ навязывать ему чужаго, менѣе извѣстнаго адвоката». Кромѣ того, мѣстные адвокаты могутъ состоять между собой и съ судьями въ какихъ-либо особыхъ, слишкомъ дружескихъ или же, наоборотъ, черезчуръ враждебныхъ отношеніяхъ, а потому,—какъ замѣчаетъ тотъ же авторъ,—«принужденіе поручать дѣла лицамъ, находящимся между собой въ такихъ отношеніяхъ, вредно для добросовѣстной защиты сторонъ и для безпристрастія въ отправленіи правосудія» [1]).

Локализація имѣла бы смыслъ вообще только въ томъ случаѣ, если бы участіе адвокатовъ было признано обязательнымъ въ процессѣ (Advocatenzwang). Тогда законъ, требуя, чтобы тяжущіеся непремѣнно поручали дѣла адвокатамъ, долженъ былъ бы облегчить имъ посредствомъ локализаціи пріисканіе защитниковъ. Такой порядокъ существуетъ въ Германіи для гражданскихъ дѣлъ въ коллегіальныхъ судахъ, и потому локализація представляется тамъ естественнымъ явленіемъ. Но такъ какъ обязательность участія адвокатовъ въ процессѣ вовсе не желательна (см. ниже гл. VI), то локализація теряетъ послѣднюю точку опоры.

Совмѣстная система. Ни комплектъ, ни локализація, взятые порознь, не представляютъ гарантіи противъ переполненія и чрезмѣрной конкуренціи. Но, быть можетъ, совмѣщеніе ихъ способно привести къ болѣе удовлетворительнымъ результатамъ?

Комплектъ ограничиваетъ конкурренцію по числу, а локализація по мѣсту. Но и соединенное дѣйствіе обѣихъ мѣръ не гарантируетъ матеріальной обезпеченности всѣхъ членовъ сословія.

---

[1]) *Ramdohr*, 75 *ff.*

Легко можетъ случиться, что, напримѣръ, изъ 20 адвокатовъ даннаго округа 2—3 наиболѣе талантливые будутъ завалены дѣлами, 5—6 будутъ имѣть порядочную практику, а остальные десять сидѣть почти безъ занятій. Притомъ, допуская, что каждый адвокатъ будетъ имѣть все-таки болѣе шансовъ на матеріальный успѣхъ, мы не должны забывать всѣхъ неудобствъ, связанныхъ съ комплектомъ и локализаціей и далеко перевѣшивающихъ выгоды ихъ. Въ виду этого, совмѣстная система тоже не можетъ быть признана желательнымъ средствомъ противъ переполненія.

§ 4.

Средства противъ переполненія.

Убѣдившись, что замкнутая система адвокатуры не въ состояніи оправдать тѣхъ ожиданій, какія возлагаются на нее ея защитниками, мы должны снова возвратиться къ вопросу: какимъ образомъ можетъ быть устранено переполненіе сословія адвокатовъ со всѣми его печальными послѣдствіями. Чтобы повліять на какое-нибудь явленіе, необходимо отыскать его причину. Въ чемъ же заключается причина переполненія адвокатуры? «Въ относительной свободѣ ея»,—говорятъ намъ. Совершенно вѣрно. Но это только ближайшая, а не основная, главная причина. Въ самомъ дѣлѣ, если въ данной странѣ мало юристовъ, то сословіе адвокатовъ не переполнится и при свободномъ доступѣ къ профессіи. Отсюда очевидно, что переполненіе адвокатуры представляетъ собой результатъ переполненія сословія юристовъ вообще, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ чрезмѣрнаго наплыва учащихся на юридическіе факультеты.

Если мы сдѣлаемъ еще одинъ шагъ назадъ и примемъ во вниманіе, что такой-же наплывъ замѣчается и въ другихъ либеральныхъ профессіяхъ (особенно медицинской), что онъ не вызванъ какими-либо временными или побочными причинами, и, что, слѣдовательно, онъ является результатомъ свободной конкурренціи въ области умственнаго труда, то мы прійдемъ къ первоисточнику зла. Если же это такъ, то единственнымъ радикальнымъ

средствомъ противъ переполненія какъ адвокатуры, такъ и другихъ свободныхъ профессій,—было-бы измѣненіе всего современнаго культурнаго строя и регламентація всѣхъ отраслей умственнаго труда.

Но такъ какъ подобная мѣра не только невозможна въ настоящее время, но и вообще была-бы пагубной для цивилизаціи и прогресса, то, оставивъ мысль о коренномъ уничтоженіи зла, нужно только прибѣгнуть къ палліативнымъ мѣрамъ. Однако, хотя онѣ и возможны, зато сопряжены съ значительными неудобствами и могутъ содѣйствовать не уничтоженію зла, а только перемѣщенію его изъ одной области въ другую. Такъ, замкнутая система адвокатуры въ состояніи уменьшить переполненіе сословія. Но, во-первыхъ, она приведетъ къ цѣлому ряду указанныхъ выше нежелательныхъ и не менѣе переполненія пагубныхъ для адвокатуры послѣдствій (прегражденіе доступа молодымъ талантамъ, вредъ для интересовъ тяжущихся), а, во-вторыхъ, она увеличитъ число неимѣющихъ никакихъ занятій юристовъ (кандидатовъ въ магистратуру и адвокатуру) и создастъ особый классъ юридическихъ пролетаріевъ. Такимъ образомъ, взамѣнъ переполненія сословія адвокатовъ явится переполненіе сословія юристовъ вообще.

Другая мѣра, которую можно было бы предложить, состоитъ въ ограниченіи числа лицъ, поступающихъ на юридическіе факультеты. Съ перваго же взгляда видно, къ какимъ послѣдствіямъ она приведетъ: сословіе юристовъ уменьшится, но зато учащаяся молодежь нахлынетъ на другіе факультеты и наводнитъ и безъ того уже переполненный профессіи врачей, архитекторовъ, литераторовъ, учителей и т. д.

Наконецъ, третье средство, это—ограниченіе доступа на всѣ факультеты или, что все равно, увеличеніе строгости экзаменовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Хотя оно и болѣе дѣйствительно, чѣмъ два первыя, но оно поведетъ за собой, во-первыхъ, переутомленіе учащихся, а, во-вторыхъ, устраненіе отъ высшаго образованія лицъ, хотя бы и талантливыхъ, но не обладающихъ филологическими способностями, которыя, главнымъ образомъ, требуются при современной системѣ средняго образованія.

Итакъ, переполненіе профессій является, повидимому, необхо-

димымъ зломъ, котораго въ настоящее время нельзя избѣжать никоимъ образомъ.

Къ счастью, адвокатура находится въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ другія свободныя профессіи: она обладаетъ средствомъ противъ переполненія. Въ самомъ дѣлѣ, переполненіе опасно не само по себѣ, а въ силу вызываемой имъ деморализаціи сословія. Слѣдовательно, вредъ переполненія будетъ устраненъ, если мы найдемъ способъ удержать сословіе отъ нравственнаго паденія. Такой способъ существуетъ. Онъ заключается въ организаціи сословія адвокатовъ, цѣль которой въ томъ и состоитъ, чтобы создать такія условія для дѣятельности адвокатовъ, которыя гарантировали бы ихъ знанія, честность и добросовѣстность. Отысканіе этихъ условій составляетъ задачу послѣдующихъ главъ настоящаго сочиненія.

И такъ, по вопросу о свободѣ адвокатуры мы пришли къ тому мнѣнію, котораго держится громадное большинство авторовъ, писавшихъ объ адвокатурѣ, именно къ необходимости организовать ее въ видѣ относительно свободной профессіи.

§ 5.

Свобода судебнаго представительства.

Судебное представительство можетъ быть, подобно правозаступничеству, организовано троякимъ образомъ: въ видѣ абсолютно свободной профессіи, или же относительно свободной, или, наконецъ, замкнутой.

Какая изъ этихъ системъ наиболѣе соотвѣтствуетъ сущности и задачамъ разсматриваемаго института? Судебное представительство имѣетъ цѣлью избавить тяжущагося отъ личнаго ходатайства по дѣлу. Оно не факторъ правосудія и не помощникъ суда, но существуетъ только для удобства тяжущихся, и отъ лицъ, выступающихъ въ роли представителей, не требуется тѣхъ высокихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, какія необходимы для правозаступника.

Въ виду такихъ соображеній казалось бы, что дозволеніе каж-

дому желающему замѣщать тяжущихся въ процессѣ вполнѣ соотвѣтствовало бы частно-правному характеру этого института. Если всякое дѣеспособное лицо можетъ являться представителемъ другого при заключеніи какой-либо юридической сдѣлки, напр., при совершеніи аренднаго договора или купчей крѣпости, то почему же не допустить его и къ ходатайству по судебному дѣлу уполномочившей его на это стороны?

Однако нѣкоторыя обстоятельства побуждаютъ насъ отвергнуть такой выводъ.

Судебное представительство, какъ учитъ исторія, должно рано или поздно обратиться въ профессіональное занятіе: хожденіе по чужимъ дѣламъ становится такимъ же ремесломъ для особаго разряда лицъ, какимъ посредничество при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ или страховыхъ операцій служитъ для маклеровъ и агентовъ. Спрашивается, можно-ли оставить это ремесло безъ всякой организаціи, предоставивъ право заниматься имъ каждому желающему? Ни въ какомъ случаѣ.

Дѣятельность представителей — дѣятельность судебная; они посредники между тяжущимися и судомъ; они приходятъ въ соприкосновеніе съ органами правосудія, затрагиваютъ не только интересы частныхъ лицъ, но и интересы правосудія, а слѣдовательно, государства.

Допустите къ занятію судебнымъ представительствомъ всѣхъ дѣеспособныхъ лицъ, безъ всякаго разбора, безъ всякихъ гарантій. Что выйдетъ изъ этого? Образуется классъ ремесленниковъ, не обладающихъ никакимъ нравственнымъ и умственнымъ цензомъ и преслѣдующимъ только матеріальныя выгоды. Заинтересованные какъ въ количествѣ дѣлъ, попадающихъ къ нимъ въ руки, такъ и въ исходѣ ихъ, они направятъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы ловить кліентовъ, возбуждать, затягивать и выигрывать тяжбы, нисколько не стѣсняясь, разумѣется, въ выборѣ средствъ для этого. Судебное представительство станетъ достояніемъ шайки кляузниковъ и ябедниковъ, которые въ качествѣ посредниковъ между судомъ и сторонами будутъ всячески затемнять истину, тормозить и направлять на ложный путь отправленіе правосудія въ угоду богатымъ тяжущимся и во вредъ бѣднымъ. Что такой результатъ неизбѣженъ, это блистательно дока-

зано многовѣковымъ опытомъ дореформенной Россіи, гдѣ судебное представительство служило ремесломъ ходатаевъ по дѣламъ (см. ч. I, гл. VII, § 1).

Но если его нельзя оставить безъ всякой организаціи, т.-е. если оно не можетъ быть абсолютно свободной профессіей, то не будетъ-ли вполнѣ подходящимъ сдѣлать его, какъ и правозаступничество, относительно свободной?

Въ пользу этой системы приводятся, какъ мы видѣли, четыре довода. Разсмотримъ ихъ въ примѣненіи къ судебному представительству.

„Нравственный и умственный цензъ, требуемый при относительной свободѣ профессіи, гарантируетъ въ одинаковой мѣрѣ какъ интересы частныхъ лицъ, такъ и правильное отправленіе правосудія“.

„Относительная свобода открываетъ широкое поприще для развитія талантовъ“.

„Она влечетъ за собой неограниченную конкурренцію со всѣми ея благодѣтельными послѣдствіями — въ смыслѣ добросовѣстнаго выполненія обязанностей и удешевленія адвокатскаго труда“.

„Она является средствомъ противъ переполненія сословія юристовъ“.

Съ перваго же взгляда ясно, что три послѣдніе довода не имѣютъ никакого отношенія къ судебному представительству: талантливые люди не соблазнятся этимъ ремесломъ, не требующимъ высшихъ качествъ ума и души; конкурренція не приведетъ къ болѣе добросовѣстному исполненію профессіональныхъ обязанностей, такъ какъ залогъ успѣха судебнаго представителя какъ разъ въ противоположныхъ качествахъ; наконецъ, представительство само по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ наукой права, и юристы не станутъ заниматься имъ, какъ бы переполнено ни было ихъ сословіе. Только одинъ первый доводъ сохраняетъ свою силу и для настоящаго случая. Но такъ какъ умственный и нравственный цензъ не является специфическимъ признакомъ относительной свободы профессіи, а существуетъ и при замкнутой системѣ, то этотъ доводъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при выборѣ той или другой формы организаціи.

Въ то время, какъ доводы въ пользу относительной свободы профессіи не имѣютъ значенія въ примѣненіи къ судебному представительству, возраженія противъ нея остаются въ полной силѣ и въ этомъ отношеніи.

Эти возраженія сводятся въ сущности къ одному пункту—переполненію сословія. Но если неограниченный доступъ къ профессіи грозитъ переполненіемъ, чрезмѣрной конкурренціей и деморализаціей для обладающихъ высокимъ нравственнымъ и умственнымъ цензомъ правозаступниковъ, то еще большую степень опасности представляетъ онъ для стоящаго во всѣхъ отношеніяхъ ниже класса судебныхъ представителей. И въ самомъ дѣлѣ, опытъ Англіи, гдѣ принята относительная свобода профессіи повѣренныхъ, показываетъ, какіе пагубные плоды можетъ принести такая система какъ для правосудія, такъ и для частныхъ лицъ (см. ч. I, гл. IV, § 3).

Остается, слѣдовательно, принять замкнутую систему. Дѣйствительно, комплектъ устранитъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшитъ опасность переполненія, а локализація ограничитъ и распредѣлитъ конкурренцію равномѣрнѣе, обезпечитъ интересы тяжущихся, довѣряющихъ своимъ представителямъ важные документы и деньги, дастъ имъ возможность легко пріискивать надежнаго повѣреннаго и облегчитъ надзоръ суда за дѣятельностью представителей. Тѣ соображенія, которыя побудили насъ признать замкнутую систему негодной для правозаступничества, утрачиваютъ все свое значеніе по отношенію къ судебному представительству. Комплектъ мало вліяетъ на равномѣрное распредѣленіе практики между правозаступниками, такъ какъ практика каждаго изъ нихъ зависитъ отъ болѣе или менѣе высокихъ личныхъ достоинствъ и талантовъ: краснорѣчія, юридическихъ познаній, мужества и т. д. Но эти качества такъ же излишни для судебнаго представителя, какъ и для судебнаго пристава, нотаріуса или биржеваго маклера. Далѣе, потребность публики въ правозаступничествѣ не можетъ быть измѣрена, хотя бы съ приблизительной точностью, а потребность въ судебномъ представительствѣ легко опредѣлить съ помощью статистическихъ свѣдѣній о числѣ гражданскихъ дѣлъ, производящихся ежегодно въ данномъ судѣ. Наконецъ, комплектъ не преградитъ доступа къ

профессіи талантамъ просто потому, что таланты не станутъ заниматься такой чисто-ремесленной дѣятельностью.

Тоже самое и съ локализаціей. Будучи связана съ комплектомъ, она въ состояніи низвести конкурренцію до минимума. Далѣе, она гарантируетъ имущественные интересы тяжущихся отъ злоупотребленій со стороны повѣренныхъ, въ особенности, если отъ послѣднихъ будетъ требоваться, какъ это принято во Франціи, внесеніе денежнаго залога. Дисциплинарный надзоръ суда, нежелательный по отношенію къ правозаступникамъ, полезенъ и необходимъ для представителей. Затѣмъ, несоотвѣтствуя сущности правозаступничества, дѣятельности высшаго порядка, локализація не противорѣчитъ задачамъ судебнаго представительства, какъ ремесленнаго занятія ходатайствомъ по дѣламъ. Наконецъ, ограниченіе тяжущихся въ выборѣ представителей не имѣетъ столь важнаго значенія, какъ стѣсненіе ихъ въ выборѣ правозаступниковъ, въ виду того, что личные таланты, знанія и ораторскія способности, играющія важную роль въ дѣятельности втораго рода, не имѣютъ значенія для первой.

Вслѣдствіе такихъ соображеній, судебное представительство, въ противоположность правозаступничеству, должно быть организовано въ видѣ замкнутой профессіи, съ комплектомъ, локализаціей и даже денежнымъ залогомъ.

II.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Адвокатура можетъ или не имѣть никакой внутренней организаціи, или же быть организованной по одному изъ трехъ типовъ: именно, въ видѣ 1) государственной службы, 2) сословія, подчиненнаго дисциплинарной власти администраціи или судовъ и 3) самоуправляющагося сословія.

§ 1.

Необходимость организаціи.

Абсолютная неорганизованность сословія адвокатовъ является въ исторіи спутникомъ абсолютной свободы профессіи. Только тамъ, гдѣ встрѣчается послѣдняя, можно видѣть отсутствіе какой бы то ни было организаціи. И это вполнѣ понятно. При абсолютной свободѣ профессіи, сословіе адвокатовъ въ собственномъ смыслѣ слова еще не существуетъ, такъ какъ каждое лицо можетъ выполнять по желанію адвокатскія обязанности. А если нѣтъ сословія, то и не можетъ быть организаціи его. Но какъ только адвокатура становится относительно свободной или замкнутой, тотчасъ же появляется и внутренняя организація въ томъ или иномъ видѣ. Исторія знаетъ одинъ лишь примѣръ совмѣстнаго существованія относительной свободы и полной неорганизованности, примѣръ, искусственно произведенный революціоннымъ правительствомъ Франціи въ 1789 г. и приведшій на практикѣ, какъ мы видѣли, къ самымъ печальнымъ результатамъ (см. Ч. I, гл. III, § 3).

Однако, несмотря на это, въ принципѣ нельзя отрицать возможности отсутствія внутренней организаціи при относительной свободѣ или даже замкнутости профессіи и, потому, представляется нелишнимъ разсмотрѣть тѣ основанія, по которымъ внутренняя организація должна признаваться необходимымъ условіемъ для правильнаго развитія профессіи.

Въ литературѣ часто проводится аналогія между адвокатурой и другими либеральными профессіями, каковы медицинская, архитектурная, литературная и т. п. Поэтому, нѣкоторые читатели будутъ, можетъ быть, склонны примѣнить ее къ настоящему вопросу. «Если другія профессіи»,—такъ могутъ подумать они:—«обходятся безъ внутренней организаціи, если врачи, архитекторы, литераторы дѣйствуютъ каждый на свой рискъ и несутъ отвѣтственность на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ, то для чего же ставить адвокатуру въ особое положеніе и дѣлать для нея изъятіе изъ общихъ правилъ?»

Прежде всего нужно замѣтить, что ссылка на другія профессіи основана на явной ошибкѣ: онѣ вовсе не лишены всякой внутренней организаціи. Доктора, напр., подлежатъ, по нашему праву, надзору врачебной управы, архитекторы—надзору строительныхъ отдѣленій городскихъ управъ и губернскихъ правленій, а литераторы—цензурнаго вѣдомства.

Далѣе, адвокатура, безспорно, представляетъ собой либеральную профессію, наравнѣ съ врачебнымъ искусствомъ или литературой. Несомнѣнно также, что во многихъ отношеніяхъ она сходна съ другими либеральными профессіями. Но не надо забывать и того, что она, принадлежала къ одному роду съ ними, имѣетъ нѣкоторыя видовыя отличія, свойственныя ей и чуждыя имъ: левъ и тигръ принадлежатъ къ семейству кошекъ, но они не кошки.

Одна изъ главныхъ особенностей адвокатуры состоитъ, какъ мы уже замѣчали, въ томъ, что она служитъ факторомъ отправленія правосудія, и что, слѣдовательно, въ то время, какъ другія либеральныя профессіи касаются въ большинствѣ случаевъ только интересовъ частныхъ лицъ и общества, ея дѣятельность всегда затрогиваетъ интересы государства. Плохой врачъ вредитъ паціенту; неискусный архитекторъ—собственнику зданія, но недобросовѣстный адвокатъ наноситъ вредъ и частнымъ лицамъ, и обществу, и государству. Помимо того, недобросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ со стороны врача или архитектора противорѣчитъ ихъ собственной выгодѣ: у плохого доктора никто не будетъ лечиться, небрежному архитектору никто не поручитъ постройки дома. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится адвокатъ. Его недобросовѣстность пагубна для противной тяжущейся стороны и для правосудія, но она приноситъ выгоду кліенту. Если докторъ или архитекторъ всецѣло проникаются интересами своего кліента и употребляютъ всѣ средства, чтобы удовлетворить его требованія, т.-е. вылечить болѣзнь или построить зданіе, то отъ этого для частныхъ лицъ и для общества не получится ничего, кромѣ пользы. Но если такого образа дѣйствій станетъ придерживаться адвокатъ, то результатъ будетъ какъ разъ противоположнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, тяжущіеся въ большинствѣ случаевъ имѣютъ въ виду только одно: выиграть процессъ. Ослѣпленные пристрастіемъ къ своимъ собственнымъ интересамъ, они или не

сознаютъ своей неправоты, или, если и сознаютъ, то все-таки ставятъ личную выгоду выше требованій справедливости. Поэтому, имѣя цѣлью, во что бы то ни стало, одержать верхъ надъ противникомъ или избѣгнуть наказанія, они склонны требовать отъ адвоката, чтобы онъ не былъ особенно разборчивъ въ средствахъ веденія дѣла и, само собой разумѣется, изъ двухъ одинаково способныхъ адвокатовъ готовы отдавать предпочтеніе тому, который будетъ лучше соблюдать ихъ интересы и меньше заботиться о добросовѣстности и законности средствъ. Благодаря такому отношенію со стороны большинства тяжущихся, адвокатамъ выгодно быть недобросовѣстными, не стѣсняться въ средствахъ защиты, обходить законъ, прибѣгать къ уловкамъ и кляузамъ и т. п. «Сочетаніе наивысшей степени талантливости»,—справедливо замѣчаетъ г. Обнинскій:—«съ наивысшей степенью недобросовѣстности всегда содѣйствуетъ успѣху адвоката» [1]). Отсюда ясно коренное различіе между адвокатурой и другими либеральными профессіями. Въ то время, какъ въ послѣднихъ конкуренція приводитъ къ большей добросовѣстности при отправленіи своихъ обязанностей, въ адвокатурѣ она стремится развить какъ разъ противоположное качество.

Затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что адвокатура, вращаясь постоянно въ сферѣ борьбы нравственнаго съ безнравственнымъ, дозволеннаго съ недозволеннымъ, справедливаго съ несправедливымъ, подвержена тысячѣ такихъ искушеній, которыя незнакомы другимъ профессіямъ. Честности врача или архитектора грозитъ испытаніе только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, честности адвоката—на каждомъ шагу. Кто будетъ предлагать доктору или архитектору вознагражденіе за то, чтобы онъ отнесся недобросовѣстно къ своей обязанности, затянулъ болѣзнь паціента, построилъ домъ изъ плохаго матеріала? Адвокаты же получаютъ подобныя предложенія чуть ли не каждый день. Выиграть процессъ, какъ бы ни былъ онъ неправъ съ нравственной или юридической точекъ зрѣнія, и какіе бы способы ни пришлось для этого употреблять, а если не выиграть, то хоть затянуть его, отсрочить платежи, увильнуть отъ взысканія, скрыть имущество

[1]) „Юрид. Вѣстникъ“ 1890, № 8, стр. 31.

отъ ареста, а въ уголовномъ процессѣ избѣгнуть наказанія хотя бы съ помощью лжесвидѣтелей и поддѣльныхъ документовъ,—вотъ съ какими просьбами обращаются нерѣдко тяжущіеся и подсудимые къ адвокату.

Если еще принять во вниманіе, что проступки врачей, архитекторовъ и т. п. легко могутъ быть обнаружены, что для репрессіи ихъ достаточно общихъ уголовныхъ законовъ, и что, напротивъ, адвокаты, какъ спеціалисты въ юриспруденціи, лучше, чѣмъ кто-либо другой, могутъ, прикрываясь законными формами, нарушать и обходить предписанія права, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что адвокатура въ отличіе отъ другихъ либеральныхъ профессій требуетъ особой и, притомъ, крѣпкой внутренней организаціи, которая бы гарантировала честность и добросовѣстность членовъ сословія.

Другими словами, необходимо существованіе особаго органа власти, который бы слѣдилъ за тѣмъ, чтобы къ адвокатурѣ допускались лица, обладающія извѣстнымъ нравственнымъ цензомъ, и въ то же время тщательно наблюдалъ за профессіональной дѣятельностью практикующихъ адвокатовъ.

Смотря по тому, на кого возлагаются функціи этого органа, адвокатура можетъ имѣть видъ: 1) государственной слубы, 2) сословія, подчиненнаго посторонней власти, именно: а) администраціи или б) суду и 3) самоуправляющагося сословія.

§ 2.

Государственная служба.

Адвокатура — представительница общества на судѣ, и самой правильной организаціей ея была бы организація въ видѣ общественной службы (см. введ. § 2). Уже изъ одного этого видно, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сдѣлана государственной должностью. Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ всесторонняго выясненія истины, мы предположимъ на время, что адвокаты защищаютъ права частныхъ лицъ въ интересахъ не общества, а самихъ этихъ лицъ, и посмотримъ, можно ли было бы въ такомъ

случаѣ обратить ихъ въ чиновниковъ. Соображенія, приводимыя въ пользу такой формы организаціи, сводятся къ четыремъ пунктамъ: матеріальной обезпеченности адвокатовъ, незаинтересованности въ исходѣ дѣла, удобствѣ для тяжущихся о бо́льшей дѣйствительности правительственнаго контроля надъ дѣятельностью сословія.

Матеріальная обезпеченность сословія является естественнымъ результатомъ того обстоятельства, что адвокаты станутъ получать отъ правительства постоянное содержаніе, подобно судьямъ и прокурорамъ. Имъ нечего будетъ заботиться о завтрашнемъ днѣ и опасаться конкурренціи со стороны своихъ коллегъ. Ни переполненія, ни чрезмѣрной конкурренціи и связанной съ нею деморализаціи,—ничего подобнаго не будетъ въ адвокатурѣ, если она сдѣлается государственной службой. Вмѣстѣ съ матеріальной обезпеченностью явится полная незаинтересованность адвокатовъ. Получая жалованіе, а не гонораръ за каждое дѣло, они, по словамъ Штейна, будутъ стоять къ процессу въ такомъ же независимомъ отношеніи, какъ и судьи [1]), и, подобно послѣднимъ, преслѣдовать не денежныя выгоды, а интересы правосудія. Отсюда произойдетъ цѣлый рядъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Адвокатамъ не представитъ никакой пользы увеличеніе числа дѣлъ. Поэтому, они станутъ побуждать своихъ кліентовъ не къ начатію тяжбъ, а скорѣе къ миролюбивому разрѣшенію ихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ потеряетъ всякое значеніе исходъ дѣлъ, и потому употребленіе разныхъ предосудительныхъ средствъ съ цѣлью выиграть процессъ или затянуть его, сдѣлается совершенно излишнимъ для нихъ. Далѣе, не получая никакого вознагражденія отъ кліентовъ, они не будутъ обращать вниманія на имущественное положеніе послѣднихъ. Права бѣдныхъ будутъ защищаемы ими съ такимъ же усердіемъ, какъ и права богатыхъ, и отправленіе правосудія приблизится къ идеалу суда «равнаго для всѣхъ» несравненно болѣе, чѣмъ оно есть въ настоящее время [2]).

Тяжущіеся тоже очутятся въ лучшемъ положеніи. Оплачи-

---

[1]) *A. Stein*: Die Verstaatlichung der Advocatur, 1885, 14.

[2]) Ib., 13—16.

вать адвокатскій трудъ будетъ казна. Взамѣнъ этого она будетъ взыскивать извѣстныя суммы съ тяжущихся, проигрывающихъ дѣла, и подсудимыхъ, признанныхъ виновными. Такимъ образомъ, сторона оказавшаяся правой, а, равнымъ образомъ, и подсудимый, оправданный по суду, будутъ свободны отъ издержекъ на наемъ адвоката. Нельзя не признать такого порядка вполнѣ справедливымъ въ виду того, что нерѣдко недобросовѣстные истцы и обвинители вводятъ противную сторону въ излишніе расходы [1]).

Наконецъ,—при бюрократическомъ устройствѣ дѣятельность членовъ сословія будетъ находиться подъ надзоромъ и контролемъ правительства. Вслѣдствіе этого, злоупотребленія и нарушенія обязанностей со стороны адвокатовъ окажутся невозможными.

На эти доводы можно возразить слѣдующее.

Если адвокаты станутъ получать жалованье отъ правительства, то, конечно, ихъ положеніе будетъ вполнѣ обезпечено, и конкурренція между ними совершенно уничтожится. Безъ сомнѣнія, это приведетъ ко многимъ благодѣтельнымъ результатамъ. Но, съ другой стороны, явятся не менѣе вредныя послѣдствія. Конкурренція одинъ изъ главныхъ стимуловъ къ дѣятельности и усовершенствованію. Уничтожьте ее, и адвокатура заглохнетъ, впадетъ въ застой и апатію. Адвокаты, не чувствуя никакой зависимости отъ кліентовъ, перестанутъ проникаться ихъ интересами, будутъ относиться къ нимъ съ бюрократической халатностью. Они станутъ стараться не о томъ, чтобы путемъ добросовѣстнаго исполненія обязанностей пріобрѣсти обширную практику, а скорѣе о томъ, чтобы имѣть меньше дѣлъ, такъ какъ число ихъ не вліяетъ на размѣръ получаемаго ими жалованья. Вмѣсто того, чтобы энергически браться за защиту правъ обращающихся къ ихъ помощи лицъ, они будутъ совѣтывать имъ отказываться отъ своихъ притязаній или оканчивать дѣла миромъ, хотя бы и на невыгодныхъ условіяхъ. Результатомъ этого будетъ меньшая обезпеченность правъ частныхъ лицъ, а потому и всего общества.

Противъ второго довода можно также замѣтить, что незаинтересованность въ исходѣ дѣлъ обоюдоострое оружіе. Устраняя мотивъ къ злоупотребленіямъ, она въ то же время уничтожаетъ стимулъ къ

[1]) *Stein*. 16; *Cicotti*: Cause ed effetti, 1889, 28.

усердному исполненію адвокатами профессіональныхъ обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ побудить ихъ обнаруживать особую внимательность къ требованіямъ кліентовъ? Сознаніе своего долга? На него нельзя полагать особой надежды, такъ какъ оно не у всѣхъ лицъ одинаково развито и зачастую сводится къ выполненію только извѣстнаго минимума обязанностей. Надзоръ со стороны начальства? Но такая дѣятельность, какъ адвокатура, гдѣ значительную роль играетъ личное убѣжденіе адвоката, его талантъ и знанія, менѣе всякой другой допускаетъ посторонній контроль. Самымъ главнымъ, самымъ могущественнымъ стимуломъ человѣческой дѣятельности всюду и всегда является личный интересъ, а онъ то играетъ весьма незначительную роль при бюрократической организаціи адвокатуры.

«Отъ защитника, получающаго постоянное жалованіе»,—говоритъ Бентамъ:—«никогда нельзя ожидать усердія и способности адвоката, получающаго плату отъ тяжущагося. Первый хотя и не огражденъ отъ опасности потерять мѣсто по распоряженію начальства, но, не ожидая никакой особенной выгоды отъ болѣе усерднаго и честнаго труда, будетъ дѣлать, что нужно для того, чтобы избѣжать порицанія; послѣдній, подстрекаемый страхомъ и надеждой, не останавливаясь на своихъ успѣхахъ, будетъ постоянно стараться превзойти самого себя. Чувство долга приводитъ въ движеніе уже существующія способности; одна надежда въ состояніи вызвать новые таланты. Сравните работу невольника съ работой свободнаго человѣка, и вы увидите разницу между побужденіемъ наказанія и побужденіемъ награды» [1]).

Съ другой стороны, тяжущіеся, видя въ адвокатахъ совершенно независящихъ отъ нихъ чиновниковъ, станутъ недовѣрять имъ. Опытъ, сдѣланный Фридрихомъ II въ Пруссіи, несомнѣнно доказалъ, что этотъ результатъ неизбѣженъ (см. ч. I, стр. 243).

Далѣе, при бюрократической организаціи издержки тяжущихся, разумѣется, уменьшатся. Но, спрашивается, не принесетъ ли это уменьшеніе вреда имъ самимъ, и не предпочли бы они больше заплатить, чтобы только быть увѣренными въ усердіи адвоката? Положимъ, что вы имѣете гражданское или уголовное дѣло, ко-

---

[1]) *Бентамъ*: О судоустройствѣ, 1860, 106.

торое вамъ трудно вести безъ адвоката, положимъ также, что, по закону, вы имѣете право или нанять себѣ любаго адвоката, или попросить судъ, чтобы онъ вамъ назначилъ безплатнаго защитника, получающаго вознагражденіе изъ казны. Какъ же вы поступите въ этомъ случаѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что если вы будете имѣть хоть какія-либо средства, чтобы заплатить адвокату, вы изберете себѣ сами такого, который, по вашему мнѣнію, заслуживаетъ наибольшаго довѣрія по своимъ знаніямъ и добросовѣстности, и что только въ случаѣ крайней нужды вы поручите защиту своихъ правъ адвокату, назначенному судомъ и нисколько не заинтересованному въ исходѣ вашего дѣла. Такимъ образомъ, уменьшеніе издержекъ на наемъ адвоката нежелательно даже для самихъ тяжущихся.

Наконецъ, дисциплинарный надзоръ за адвокатами со стороны правительства былъ бы весьма желателенъ, если бы только онъ былъ возможенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому предоставить его? Высшимъ чинамъ юридическаго вѣдомства, т.-е. министру и его товарищамъ? Они не въ состояніи услѣдить за адвокатами всей страны. Мѣстнымъ судамъ? Это значило бы поставить адвокатуру въ зависимость отъ судебной власти, зависимость, какъ мы видѣли нежелательную. Прокуратурѣ? Гдѣ же будетъ тогда равенство между защитой и обвиненіемъ, если одна изъ спорящихъ сторонъ будетъ начальствовать надъ другой?

Но кромѣ того, что выгоды, представляемыя бюрократической организаціей адвокатуры, связаны съ равносильными имъ неудобствами, существуетъ цѣлый рядъ другихъ соображеній, окончательно устраняющихъ возможность подобной формы устройства.

Прежде всего, слѣдуетъ сопоставить понятіе чиновничьей службы съ понятіемъ правозаступничества. „Государственная должность“, — говоритъ Градовскій: — „есть постоянное установленіе, предназначенное къ непрерывному осуществленію опредѣленныхъ цѣлей государства“ [1]). Можетъ ли правозаступничество, въ качествѣ защиты правъ частныхъ лицъ, быть признано одной изъ цѣлей государственнаго управленія? Отвѣтъ на это былъ данъ еще Рудольфомъ Гнейстомъ.

---

[1]) *Градовскій.* Начала рус. госуд. права, II, 1881, 5.

Дѣятельность правозаступника состоитъ изъ трехъ элементовъ: веденія гражданскихъ дѣлъ, защиты въ уголовномъ процессѣ и юридической консультаціи. „Гражданскій процессъ“,—говоритъ Гнейстъ:—требуетъ умѣлой защиты правъ сторонъ. Судья является по отношенію къ излагаемымъ со знаніемъ дѣла фактическимъ и юридическимъ доводамъ въ роли третейскаго судьи. Но какимъ образомъ можетъ быть это изложеніе правъ сторонъ государственной должностью? Какъ должна быть постановлена эта должность по отношенію къ суду: выше его, ниже или наравнѣ съ нимъ, если она не отправляетъ правительственныхъ функцій, а защищаетъ индивидуальные права и интересы? При состязательности гражданскаго процесса адвокатура въ видѣ государственной должности представляетъ неразрѣшимое противорѣчіе. Въ уголовномъ процессѣ защита правъ сторонъ организуется подобнымъ же образомъ, коль скоро возстановлена состязательная форма обвинительнаго процесса. Уголовное преслѣдованіе должно быть въ настоящее время ведено знающими право, равными судьямъ чиновниками. Это обстоятельство обусловливаетъ также необходимость для защиты юридически-образованнаго, равнаго судейской должности, персонала. Но можетъ ли быть мыслима эта защита въ качествѣ государственной должности, когда она отстаиваетъ индивидуальное право противъ преслѣдующей государственной власти? Въ юридической консультаціи, во всякой посреднической, предотвращающей тяжбу дѣятельности адвокатура дѣйствуетъ опять-таки въ качествѣ защитницы индивидуальныхъ правъ и интересовъ, что̀ при естественномъ порядкѣ вещей не можетъ быть государственной должностью“ [1]).

Неоспоримость этихъ соображеній станетъ еще яснѣе, если ихъ выразить въ болѣе рѣзкой формѣ. Въ уголовномъ процессѣ государство въ лицѣ прокуратуры является истцомъ. Если адвокатъ тоже будетъ государственнымъ чиновникомъ, то государство окажется и отвѣтчикомъ, т.-е. своимъ собственнымъ противникомъ. Въ гражданскомъ процессѣ оно играетъ роль третейскаго судьи, безпристрастно рѣшающаго дѣло. Давъ своего чиновника для защиты одного изъ тяжущихся или ихъ обоихъ, оно станетъ

[1]) *Gneist.* Freie Advocatur, 50, 51.

заинтересованной въ дѣлѣ стороной. Наконецъ, юридическая консультація такъ же мало можетъ быть задачей государственнаго управленія, какъ и медицинская.

Къ довершенію всего, государственная служба сама собой предполагаетъ комплектъ и локализацію, а, слѣдовательно, влечетъ за собой всѣ неудобства, связанныя съ замкнутой системой адвокатуры.

Изъ сказаннаго видно, что если даже смотрѣть на адвокатуру, какъ на служеніе интересамъ частныхъ лицъ, а не общества, то и въ такомъ случаѣ организація ея въ видѣ государственной службы представляется совершенно нецѣлесообразной [1]).

§ 3.

Проэкты Бентама и Каррара.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, необходимо разсмотрѣть два проэкта, имѣющіе отношеніе къ организаціи адвокатуры въ видѣ государственной службы. Одинъ принадлежитъ англійскому мыслителю Бентаму, другой итальянскому криминалисту Каррара.

Въ предыдущей главѣ было уже замѣчено, что Бентамъ проводитъ различіе между адвокатурой въ гражданскихъ дѣлахъ и адвокатурой въ уголовномъ процессѣ. Для первой, какъ мы видѣли, онъ требуетъ абсолютной свободы профессіи. Вторую онъ предлагаетъ организовать въ видѣ государственной службы. Не разбирая пока доводовъ, приводимыхъ имъ въ пользу послѣдняго предложенія, мы сначала остановимся на вопросѣ, на какомъ основаніи Бентамъ раздѣляетъ адвокатуру на двѣ части и каждой изъ нихъ даетъ особое устройство. У него мы не находимъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ только говоритъ, что «весьма важно, рядомъ съ обвинителемъ преступника, поставить защитника невинности, не давая первому преимущества передъ послѣднимъ

[1]) Интересно, что въ извѣстномъ романѣ Беллами: „Черезъ сто лѣтъ“ описывается именно такая организація адвокатуры.

и отдѣливъ эти двѣ должности отъ должности судьи, для полнаго огражденія его безпристрастія», не прибавляя однако, отчего обязанности «защитниковъ невинности» не могутъ быть исполняемы обыкновенными адвокатами. Повидимому, Бентамъ считалъ очевиднымъ и не требующимъ доказательствъ тотъ взглядъ, что роль адвокатуры совершенно различна въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ. Но мы показали во введеніи къ настоящей части, что адвокатъ, въ качествѣ уполномоченнаго общества, находится въ обоихъ случаяхъ, если не въ тождественномъ, то въ аналогичномъ положеніи: и здѣсь, и тамъ онъ является защитникомъ правъ своего кліента во имя и въ интересахъ общества. Въ виду такого единства дѣятельности предлагаемое Бентамомъ раздвоеніе адвокатуры представляется излишнимъ и неосновательнымъ.

Обратимся теперь къ соображеніямъ, которыя привели его къ мысли организовать адвокатуру въ видѣ государственной службы.

Изложивъ принципы, на которыхъ должна основываться организація судебной власти, Бентамъ переходитъ къ вопросу объ общественномъ обвинителѣ (прокурорѣ) и защитникѣ и говоритъ: «эти двѣ общественныя должности должны быть устроены согласно образцу, который мы начертали для должности судей: способъ избранія, отрѣшеніе административнымъ порядкомъ, право представительства, неутомимое занятіе службой, запрещеніе соединять нѣсколько должностей въ одномъ лицѣ, отвѣтственность, — все это имѣетъ для нихъ одинаковое значеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ оттѣнковъ, которые столь очевидны, что объ нихъ нѣтъ даже надобности говорить». Затѣмъ онъ обосновываетъ «необходимость раздѣлять эти три должности», доказываетъ, что «лицу, избравшему одно изъ этихъ поприщъ, нельзя дозволить переходить на другія» и въ заключеніи говоритъ: «какъ общественный обвинитель, такъ и общественный защитникъ не должны продавать своихъ услугъ; онѣ составляютъ достояніе общества. Опасно останавливать движеніе правосудія изъ-за частныхъ интересовъ. Дѣла бѣдныхъ людей были бы въ такомъ случаѣ часто откладываемы, потому что не были бы во время приготовляемы адвокатомъ, который время, назначенное

для неплатящихъ кліентовъ, продавалъ бы тѣмъ, которые платятъ» [1]).

Отсюда видно, что единственный доводъ, приводимый Бентамомъ въ пользу своего проэкта, — это выгоды, представляемыя содержаніемъ адвокатовъ на жалованьи. Въ предъидущемъ параграфѣ мы говорили объ этомъ подробно и приводили мнѣніе самого Бентама, весьма ясно указавшаго темныя стороны такой системы. Оказывается, слѣдовательно, что Бентамъ, рекомендуя для уголовныхъ защитниковъ такую организацію, которую призналъ для адвокатовъ вообще негодной, самъ опровергъ себя. Въ виду этого, было бы излишне останавливаться дальше на его проэктѣ.

Каррара сдѣлалъ предложеніе другаго рода. Признавая необходимымъ допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи и въ то же время опасаясь злоупотребленій со стороны адвокатовъ, онъ пришелъ къ мысли объ устройствѣ особаго органа общественной власти подъ названіемъ «трибуната защиты». Спеціальнымъ назначеніемъ этого органа должна, по мнѣнію Каррара, служить защита обвиняемыхъ на предварительномъ слѣдствіи и передъ камерой преданія суду. Трибунатъ защиты избирается пожизненно народнымъ представительствомъ, получаетъ опредѣленное жалованье, не знаетъ никакихъ наградъ и повышеній, а равнымъ образомъ, не имѣетъ права принимать вознагражденіе отъ частныхъ лицъ, пользующихся его защитой [2]).

Послѣ всего, что было сказано въ предъидущемъ параграфѣ, едва ли нужно доказывать, что проэктъ Каррара — мертворожденное дѣтище. Ни отъ кого независящій, пользующійся несмѣняемостью, не подчиненный ничьему контролю, матеріально обезпеченный и не побуждаемый къ дѣятельности ни однимъ изъ мотивовъ, которые руководятъ человѣческими поступками, ни денежнымъ разсчетомъ, ни страхомъ наказанія, ни перспективой награды и повышенія, такой органъ власти не представлялъ бы никакихъ рѣшительно гарантій добросовѣстнаго и усерднаго исполненія своихъ обязанностей. Не будучи заинтересованъ въ этомъ, онъ могъ бы относиться самымъ халатнымъ, чисто фор-

[1]) *Бентамъ*: О судоустройствѣ, 76—79.

[2]) *Carrara*: Opuscoli, v. IV, c. X.

мальнымъ образомъ къ своему занятію, и не было бы никакой возможности побудить его къ иному способу дѣйствій. Единственное, на что можно было бы надѣяться, — это сознаніе имъ своего долга. Нельзя, конечно, отрицать, что существуютъ отдѣльныя личности, руководящіяся въ своихъ поступкахъ исключительно такимъ сознаніемъ, но распространять это предположеніе на всѣхъ лицъ и основывать на немъ организацію цѣлаго института значитъ по-просту строить зданіе на пескѣ [1]).

§ 4.

Дисциплинарная подчиненность администраціи й суду.

Необходимость отдѣленія судебной власти отъ административной настолько, повидимому, сознана всѣми юристами, что никто, сколько намъ извѣстно, не предлагалъ подчинить сословіе адвокатовъ непосредственному надзору административныхъ властей [2]), и нигдѣ такая форма организаціи не была осуществлена на дѣлѣ. Въ виду этого, было бы излишне подробно доказывать невозможность ея.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится вопросъ о дисциплинарной подчиненности адвокатуры судамъ. Хотя при нашемъ воззрѣніи на адвокатовъ, какъ на уполномоченныхъ общества, нецѣлесообразность такого подчиненія очевидна (см. введ., § 2), тѣмъ не менѣе мы опять-таки допустимъ, въ интересахъ полнаго изслѣдованія вопроса, частно-правный взглядъ на адвокатуру и разберемъ доводы за и противъ.

Указанная форма организаціи существовала почти во всѣхъ государствахъ: въ императорскомъ Римѣ, въ средневѣковой Франціи, въ дореформенной Германіи, и держится по настоящее время въ

---

[1]) О проектѣ Каррара см. статью г. Вульферта въ „Юрид. Вѣст.“ 1883, №4.

[2]) При составленіи суд. уставовъ 1864 г., предлагалось учредить для надзора за присяжными повѣренными и ихъ совѣтами особое губернское присутствіе изъ судебныхъ и административныхъ чиновъ. Проэктъ этотъ, въ виду явной несообразности, былъ отвергнутъ. См. Судеб. Уст. III, 207 (изд. 1866 г.).

Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи, отчасти Россіи и многихъ другихъ странахъ. Въ пользу ея можно привести слѣдующія соображенія.

Адвокатура представляетъ собой элементъ судебной организаціи; она—спица въ колесѣ правосудія. Поэтому, справедливо и цѣлесообразно подчинить ее надзору со стороны тѣхъ учрежденій, предъ которыми она отправляетъ свою дѣятельность. „Въ противномъ случаѣ суды не будутъ имѣть должной власти для руководства судебными засѣданіями» и для поддержанія надлежащаго порядка въ нихъ [1]).

Далѣе, надзоръ за адвокатами лучше всего можетъ быть отправляемъ судьями. Кому, какъ не членамъ судебныхъ мѣстъ, предъ которыми дѣйствуютъ адвокаты, знать ихъ проступки и погрѣшности? Кто лучше судьи можетъ замѣтить недобросовѣстное или небрежное отношеніе адвоката къ своимъ обязанностямъ?

Предоставленіе надзора суду гарантируетъ безпристрастіе и справедливость дисциплинарнаго производства. Судьи не имѣютъ причинъ скрывать и заминать проступки адвокатовъ точно такъ же, какъ не имѣютъ основанія придираться къ нимъ. Усмотрѣвъ какое-либо нарушеніе адвокатомъ своихъ обязанностей, они немедленно будутъ принимать мѣры къ наказанію виновнаго, не отвлекаясь никакими посторонними соображеніями.

Противъ этого можно возразить слѣдующее:

Если подчинить адвокатуру суду на томъ основаніи, что она элементъ судебной организаціи, то съ такимъ же правомъ слѣдовало бы требовать подчиненія ему и прокуратуры. Наоборотъ, адвокатура, въ качествѣ фактора правосудія, должна быть во всѣхъ отношеніяхъ равноправна обоимъ другимъ факторамъ. Власть суда надъ адвокатами должна быть не больше той, какую онъ имѣетъ надъ прокуратурой, и предоставлять ему надзоръ за всею дѣятельностью и профессіональной жизнью адвокатовъ, это значитъ ставить одинъ изъ факторовъ правосудія въ прямую подчиненность другому и уничтожать независимость адвокатуры, составляющую одно изъ главныхъ условій ея правильной дѣятельности.

Далѣе, суду лучше, чѣмъ кому-либо извѣстны проступки адвокатовъ, но, надо прибавить, только тѣ, которые совершаются во

---

[1]) Мнѣніе австр. верх. суда (см. ч. I, гл. VI, § 1).

время засѣданій. Что же касается дѣятельности адвокатовъ внѣ стѣнъ судебнаго зала, то она такъ же мало доступна суду, какъ и любому другому органу посторонней власти. А между тѣмъ дисциплинарный надзоръ долженъ обнимать всю профессіальную жизнь адвоката, а не ограничиваться одной стороной ея и, притомъ, стороной, наиболѣе доступной при гласности процесса для контроля, публики, печати и общественнаго мнѣнія.

Безпристрастіе судей по отношенію къ адвокатамъ тоже не можетъ быть гарантировано съ полной достовѣрностью. Тѣ и другіе находятся постоянно въ дѣловыхъ сношеніяхъ между собой. Трудно ожидать, чтобы между ними никогда не произошло споровъ и личныхъ столкновеній, и, съ другой стороны, чтобы между нѣкоторыми членами обоихъ сословій не установилось дружескихъ связей. А разъ такое явленіе возможно, то не можетъ быть рѣчи о безусловно нелицепріятномъ образѣ дѣйствій со стороны судей въ вопросахъ дисциплинарнаго производства.

Кромѣ того, спрашивается насколько судьи заинтересованы въ надзорѣ за сословіемъ? Адвокаты для нихъ постороннія лица; поддержаніе корпоративной чести адвокатуры не имѣетъ для нихъ никакого значенія, — что же будетъ побуждать ихъ къ усердному надзору за адвокатами, къ преслѣдованію малѣйшихъ нарушеній, способныхъ запятнать достоинство профессіи? «Какъ бы внимательно ни относились судебныя мѣста къ обязанностямъ, возложеннымъ на нихъ по надзору за адвокатами», говоритъ г. Арсеньевъ: «надзоръ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить дѣятельности учрежденія, избраннаго корпораціей адвокатовъ». Въ подтвержденіе этого авторъ сравниваетъ положеніе русской присяжной адвокатуры съ положеніемъ частной. «Для совѣта присяжныхъ повѣренныхъ разсмотрѣніе просьбъ о принятіи въ сословіе и жалобъ на присяжныхъ повѣренныхъ составляетъ жизненный вопросъ, къ пзвильному разрѣшенію котораго направлены всѣ его силы; для суда наблюденіе за частными повѣренными — только второстепенное, побочное занятіе въ числѣ многихъ другихъ несравненно болѣе важныхъ. Совѣтъ, какъ представитель сословія, прямо заинтересованъ въ томъ, чтобы въ сословіе не проникло и чтобы въ немъ не оставалось ни одного лица, недостойнаго принадлежать къ нему; для суда

подобнаго интереса не существуетъ, потому что никакой солидарности между нимъ и частными ходатаями нѣтъ и быть не можетъ. Совѣтъ, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ обращаемыхъ къ нему жалобъ и сообщеній, самъ возбуждаетъ дисциплинарное производство, какъ только узнаетъ о поступкѣ присяжнаго повѣреннаго, позволяющемъ сомнѣваться въ его добросовѣстности; судъ, обремененный занятіяии, едва ли станетъ увеличивать ихъ обсужденіемъ дѣйствій адвоката, совершенныхъ не въ присутствіи суда и никѣмъ не обжалованныхъ. Совѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи со своими избирателями, вырабатываетъ мало-помалу правила, обязательныя для сословія. или, по крайней мѣрѣ, служащія ему руководствомъ; судъ, ничѣмъ, кромѣ чисто-формальныхъ отношеній, не связанный съ ходатаями, не можетъ вліять на нихъ иначе, какъ мѣрами карательными, репрессивными, т.-е. весьма недостаточными» [1]).

Суды не имѣютъ даже достаточно времени для того, чтобы отправлять надзоръ за дѣятельностью сословія. У нихъ и помимо этого много занятій, и взваливать на нихъ чуждую ихъ непосредственному призванію работу, значитъ, съ одной стороны, отягощать ихъ излишними трудами, а съ другой, дѣлать возможнымъ халатное отношеніе какъ къ отправленію правосудія, такъ и къ надзору за сословіемъ адвокатовъ.

Но едва ли не самое главное возраженіе противъ предоставленія дисциплинарной власти одному суду заключается въ томъ, что при такомъ порядкѣ вещей дѣлается невозможнымъ выработка сословной чести и профессіональныхъ правилъ, необходимыхъ для нравственнаго усовершенствованія представителей адвокатуры. Сословіе, подлежа дисциплинарной власти чуждаго ему органа и не имѣя права самостоятельно преслѣдовать профессіональныя нарушенія своихъ членовъ, будетъ представлять собой просто совокупность отдѣльныхъ лицъ, ничѣмъ не связанныхъ между собой и лишенныхъ всякой солидарности. Такое явленіе наблюдается, между прочимъ, въ Россіи, именно въ тѣхъ округахъ, гдѣ не введено сословное самоуправленіе.

Въ виду такихъ соображеній, дисциплинарная подчиненность сословія адвокатовъ суду не можетъ быть признана цѣлесообразной.

[1]) *Арсеньевъ:* Замѣтки о рус. адвок., 11, 12; *Пальховскій:* О пр. предст., 142.

§ 5.

Сословное самоуправленіе.

Третья возможная форма организаціи адвокатуры,—это въ видѣ самоуправляющагося сословія съ выборными органами управленія, обладающими дисциплинарной властью надъ членами сословія. Такая система господствуетъ въ большинствѣ цивилизованныхъ государствъ современной Европы: Франціи, Бельгіи, Германіи, Австріи, Италіи, Испаніи и др.

Теоретическіе доводы въ ея пользу состоятъ въ слѣдующемъ.

Сословное самоуправленіе гарантируетъ адвокатурѣ необходимую ей независимость отъ судовъ и администраціи въ томъ смыслѣ, что единственнымъ непосредственнымъ начальствомъ надъ нею служатъ ея выборные органы, и что дисциплинарнымъ судомъ является судъ товарищей по профессіи. «Сословная автономія»,—говоритъ Цанарделли: «всегда считалась дѣйствительнымъ средствомъ и надежной гарантіей такой независимости» [1]). Она служитъ залогомъ мужественнаго образа дѣйствій представителей адвокатуры при защитѣ правъ гражданъ. Не будучи подчинены судамъ и администраціи, адвокаты могутъ смѣло изобличать ихъ злоупотребленія и проступки, безъ боязни навлечь на себя немилость со стороны затронутыхъ лицъ. «Врачъ»,—удачно замѣтилъ Каррара:—«чтобы побѣдить болѣзнь, не имѣетъ надобности говорить: имя мнѣ легіонъ, и я имѣю сотню другихъ съ собою. Но адвокатъ, который хочетъ побороть злоупотребленія какого-либо органа власти, нуждается въ союзникахъ, солидарныхъ съ нимъ» [2]). «Безъ корпоративнаго устройства и самоуправленія»,—справедливо замѣчаетъ г. Платоновъ:—«адвокатура теряетъ значеніе учрежденія, контролирующаго судъ. Трудно себѣ представить, чтобы адвокатъ, подчиненный непосредственно суду, рѣшился открыто и энергически протестовать противъ такого образа дѣй-

---

[1]) *Zanardelli:* L'avvocatura, 1891, 119.

[2]) *Carrara:* Il passato, il presente e l'avvenire degli avvocati, 1874, 38.

ствій послѣдняго, за который члены его могутъ подлежать дисциплинарной отвѣтственности; а между тѣмъ такой контроль, въ интересахъ репутаціи самого суда, и еще болѣе въ интересахъ правосудія, необходимъ теперь и будетъ необходимъ всегда... Наконецъ, адвокатъ при современномъ порядкѣ судопроизводства, находится въ неминуемомъ столкновеніи съ вліятельными органами публичнаго обвиненія, вынуждается иногда оспаривать законность дѣйствій судебныхъ слѣдователей и болѣе или менѣе значительныхъ чиновниковъ административнаго вѣдомства. Очевидно, что честное отправленіе обязанностей во всѣхъ этихъ случаяхъ значительно облегчается, когда адвокатъ имѣетъ за собой многочисленное, сильное и независимое общество изъ людей одного занятія» [1]).

Сословная организація служитъ гарантіей мужественнаго исполненія профессіональныхъ обязанностей еще и въ другомъ отношеніи. Адвокатъ совершенно иначе относится къ защитѣ правъ своихъ кліентовъ противъ вліятельныхъ и могущественныхъ противниковъ, если чувствуетъ, что онъ дѣйствуетъ не одинъ, и что за его спиной стоитъ цѣлое сословіе товарищей, способныхъ оказать ему въ случаѣ надобности нравственную и даже матеріальную поддержку [2]). Необходимость такой поддержки выразилась, между прочимъ, въ обычаѣ, который существовалъ въ старое время во Франціи, и согласно съ которымъ адвокатъ, защищавшій какое-либо важное дѣло, являлся въ судъ въ сопровожденіи двѣнадцати старшихъ членовъ сословія, остававшихся все время въ засѣданіи, своимъ присутствіемъ ободряя оратора и какъ бы выражая свою солидарность съ нимъ.

Далѣе, сословіе знинтересовано больше, чѣмъ кто бы то ни было, въ поддержаніи своей чести. Въ силу этого, надзоръ самого сословія за дѣятельностью членовъ долженъ быть признанъ самымъ дѣйствительнымъ. Онъ выражается въ наблюденіи не только за исполненіемъ адвокатами своихъ юридическихъ, установленныхъ закономъ обязанностей, но и за соблюденіемъ ими нравственныхъ правилъ. Non omne quod licet honestum est.

---

[1]) *Платоновъ* („Жур. гр. и уг. пр.“ 1875, № 7, 171).

[2]) *Миттермайеръ*: О сосл. адвок., 17.

«Honestum же для адвокатовъ»,—справедливо говоритъ г. Платоновъ:—«можетъ создать только корпорація посредствомъ постепеннаго вырабатыванія въ своей средѣ добрыхъ обычаевъ и взаимнаго контроля надъ своими членами» [1]).

Точно также никто лучше самого сословія не можетъ слѣдить за профессіональной дѣятельностью своихъ членовъ. Находясь между собой въ постоянныхъ сношеніяхъ то въ качествѣ союзниковъ, то въ качествѣ противниковъ, адвокаты знаютъ, кто среди нихъ уклоняется отъ своего долга, прибѣгаетъ къ недостойнымъ средствамъ при защитѣ и вообще своими поступками позоритъ носимое имъ званіе [2]).

Противники сословной организаціи выставляютъ одно соображеніе, именно возможность произвола со стороны органовъ самоуправленія. Съ одной стороны, государство, передавъ дисциплинарную власть самому сословію и не оставивъ за собой права контролировать дѣятельность его, не будетъ имѣть никакой гарантіи въ томъ, что проступки адвокатовъ станутъ преслѣдоваться съ надлежащей энергіей и безпристрастіемъ. Съ другой стороны, частныя лица, поручающія защиту своихъ правъ адвокатамъ, тоже не будутъ увѣрены, что въ случаѣ какихъ-либо злоупотребленій со стороны послѣднихъ они могутъ получить должное удовлетвореніе, такъ какъ судьями адвокатовъ являются сами же адвокаты, склонные естественнымъ образомъ относиться снисходительно къ своимъ товарищамъ и ставить ихъ интересы выше интересовъ частныхъ лицъ. Наконецъ, сами адвокаты очутятся въ крайне шаткомъ положеніи, если ихъ судьба попадетъ всецѣло въ руки суда изъ товарищей по профессіи, которые могутъ обнаруживать къ данному члену сословія личныя симпатіи или антипатіи, находиться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ или же питать вражду или зависть, какъ къ болѣе счастливому и талантливому конкурренту, отбивающему у нихъ практику [3]).

Эти соображенія чрезвычайно важны и вдобавокъ неопровержимы. Поэтому, признавая, что сословное самоуправленіе представляетъ собой наиболѣе цѣлесообразную форму организаціи, такъ

---

[1]) *Платоновъ*: ib., 170, 171.

[2]) *Jacques*, 49.

[3]) *Jacques*, 52; *Фуксъ*: Слѣдователи, обвинит., защит. („Рус. Вѣст." 1886, № 1, 134, 135).

какъ только оно вполнѣ обезпечиваетъ независимость адвокатуры, мы должны будемъ въ своемъ мѣстѣ (см. гл. VI, § 3) вернуться къ вопросу о тѣхъ гарантіяхъ противъ произвола органовъ самоуправленія, которыя необходимо установить въ интересахъ государства, частныхъ лицъ и самихъ адвокатовъ.

§ 6.

Внутренняя организація судебнаго представительства.

Въ предыдущей главѣ было доказано, что судебное представительство, по существу своему, требуетъ организаціи въ видѣ замкнутой системы, съ комплектомъ, локализаціей и денежнымъ залогомъ, т.-е., другими словами, что для него необходимы еще болѣе строгія гарантіи, чѣмъ для правозаступничества. Отсюда само собой слѣдуетъ, что если правозаступничество не можетъ обойтись безъ внутренней организаціи, то судебное представительство и подавно. Но какой видъ должна имѣть она? Государственная служба рѣшительно не соотвѣтствуетъ характеру судебнаго представительства. Адвокатура все-таки факторъ правосудія, равный суду и прокуратурѣ, но представительство сторонъ и ихъ интересовъ на судѣ, посредничество между тяжущимися и органами власти, являясь не нужнымъ ни для правосудія, ни для государства и будучи только отступленіемъ отъ общаго правила судопроизводства, допущеннымъ исключительно для удобства частныхъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить задачей государственнаго управленія. Съ какой стати государству содержать на свои средства цѣлый штатъ чиновниковъ для того только, чтобы тяжущіеся могли безплатно пользоваться ихъ услугами и сваливать на нихъ хлопоты по веденію своихъ дѣлъ? Не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ обратить въ должностныхъ лицъ и маклеровъ по скупкѣ хлѣба и найму магазиновъ? Тѣ доводы, которые приводятся въ пользу бюрократической организаціи адвокатуры, не имѣютъ значенія по отношенію къ судебному предста-

вительству: матеріальная обезпеченность достаточно гарантируется комплектомъ и локализаціей, незаинтересованность въ исходѣ дѣла вовсе не желательна для судебныхъ представителей просто потому, что они представители именно интересовъ тяжущихся; удобство для бѣдныхъ тяжущихся не играетъ большой роли, такъ какъ судебное представительство, выражаясь экономическимъ языкомъ, предметъ не первой необходимости, а скорѣе роскоши, пользоваться которой должны, по общему правилу, только тѣ, кто въ состояніи заплатить за нее; наконецъ, бо́льшая дѣйствительность правительственнаго надзора можетъ быть достигнута и другимъ путемъ.

Равнымъ образомъ, и сословная организація въ чистомъ своемъ видѣ, т.-е. при полномъ корпоративномъ самоуправленіи, тоже не примѣнима къ судебному представительству. Въ самомъ дѣлѣ, главное ея достоинство состоитъ въ томъ, что она гарантируетъ независимость сословія отъ судовъ и администраціи. Но такая независимость, необходимая для адвокатуры, какъ фактора правосудія, совершенно излишня для такого частно-правнаго института, какъ судебное представительство. Отождествляясь съ личностью тяжущагося, повѣренный стоитъ по отношенію къ суду въ такомъ же положеніи, какъ и самъ тяжущійся, а, слѣдовательно, ни на какія преимущества не можетъ имѣть притязанія. Въ противномъ случаѣ тотъ тяжущійся, который приглашаетъ повѣреннаго, оказался бы на судѣ въ привиллегированномъ положеніи сравнительно со своимъ противникомъ, явившимся лично, а потому принципъ процессуальной равноправности сторонъ былъ бы нарушенъ. Другія соображенія, касающіяся «корпоративной чести», «заинтересованности сословія въ поддержаніи ея» и т. п., тоже неприложимы къ такой профессіи, которая представляетъ собой чисто-ремесленную, маклерскую дѣятельность и не преслѣдуетъ никакихъ высшихъ цѣлей.

Остается, слѣдовательно, дисциплинарная подчиненность суду. И, дѣйствительно, такая форма организаціи, непригодная для адвокатуры, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру судебнаго правительства. Повѣренные дѣйствуютъ на судѣ и предъ судомъ; ихъ проступки совершаются на его глазахъ; чей-же надзоръ можетъ быть желательнѣе по отношенію къ нимъ, какъ не надзоръ суда?

Правда, они будутъ подчинены ему. Но развѣ имъ нужна та независимость, какая требуется отъ правозаступниковъ? Далѣе, безпристрастіе суда по отношенію къ нимъ не можетъ быть нарушено личными столкновеніями, такъ какъ подобныя столкновенія, возможныя между адвокатурой и судомъ, какъ факторами правосудія, немыслимы между судомъ и тяжущимися или ихъ процессуальными представителями. Наконецъ, если суды не въ состояніи услѣдить за проступками, совершаемыми повѣренными внѣ засѣданія, то въ дополненіе къ дисциплинарной власти судовъ можно и полезно создать корпоративное самоуправленіе, разумѣется, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ допускается въ адвокатурѣ. Такая организація принята, какъ мы видѣли, во Франціи, Бельгіи и Англіи. Въ своемъ мѣстѣ мы поговоримъ о ней подробнѣе.

III.

СВЯЗЬ СЪ МАГИСТРАТУРОЙ.

§ 1.

Адвокатура и магистратура.

Адвокатура можетъ находиться въ троякомъ отношеніи къ *магистратурѣ*: 1) составлять единственный и исключительный путь къ судебнымъ должностямъ, 2) быть однимъ изъ источниковъ магистратуры и 3) стоять совершенно отдѣльно отъ нея, въ качествѣ особаго, ничѣмъ не связаннаго съ нею сословія. Первая система господствуетъ въ Англіи, вторая во Франціи, третья въ Австріи, Германіи, Россіи и почти всѣхъ остальныхъ государствахъ.

Принятіе той или другой системы зависитъ отъ рѣшенія принципіальнаго вопроса: должна ли вообще адвокатура быть въ связи съ магистратурой или нѣтъ?

Въ пользу утвердительнаго отвѣта могутъ быть выставлены три соображенія.

Во-первыхъ, такая связь оказываетъ благодѣтельное вліяніе на развитіе адвокатуры. Возможность получить на старость почетное и матеріально обезпеченное мѣсто судьи служитъ стимуломъ къ усердному и честному исполненію профессіональныхъ обязанностей. Имѣя предъ собой столь заманчивую перспективу, адвокатъ будетъ прилагать всѣ старанія, чтобы выдвинуться своими талантами, знаніями и честностью и пріобрѣсти право на эту высокую награду. «Малѣйшая небрежность»,—справедливо говорилъ еще Мёзеръ:—«будетъ ему вредить въ этомъ отношеніи; неумѣлость и лѣнь навлекутъ на него публичный упрекъ въ небрежности. Онъ носитъ на себѣ печать честнаго общественнаго мнѣнія, такъ какъ онъ трудится для своего благосостоянія и для своей славы: такимъ образомъ, онъ имѣетъ двойную причину быть усерднымъ. Побуждаемый постояннымъ соревнованіемъ достигнуть прежде другихъ положенной цѣли, онъ нерѣдко будетъ презирать денежную выгоду и служить только чести, будетъ стыдиться затягивать до безконечности мелкія тяжбы или впутывать богатыя и вліятельныя семьи въ ненужные процессы» [1]).

Каждый трудъ требуетъ не только матеріальнаго, но и нравственнаго поощренія. Судьи и прокуратура получаютъ не одно жалованье, но и повышенія; чинамъ администраціи даются, кромѣ того, знаки отличія, кресты и ордена. Для адвокатуры тоже необходима какая-либо награда за долгое и безупречное служеніе правосудію, а этой наградой можетъ быть только одно: переходъ на высшія должности судебной магистратуры. Уничтожьте его, и вы уничтожите единственный благородный стимулъ къ дѣятельности.

Указанный выше авторъ вполнѣ справедливо замѣтилъ относительно германской адвокатуры: «Устранивъ адвокатовъ отъ высшихъ должностей, лишили ихъ всякой надежды, а вмѣстѣ съ нею лучшаго поощренія и, по естественному порядку, всякаго рвенія показать себя великими и достойными мужами. Нашъ законодатель оставилъ такимъ образомъ имъ только путь наживы, который тѣмъ опаснѣе, чѣмъ дальше онъ идетъ, несопровождаемый честью» [2]). Въ своемъ мѣстѣ (см. Ч. I, гл. V, § 5 и гл. VI,

[1]) *Prischl:* Advocatur und Anwaltschaft, 253.

[2]) Ib., 253.

§ 2) мы видѣли, куда привелъ этотъ путь германскую и австрійскую адвокатуру. Наоборотъ, связь съ магистратурой была одной изъ главныхъ причинъ, обусловливавшихъ безкорыстное и честное служеніе правосудію со стороны французскихъ и англійскихъ адвокатовъ (см. ч. I, закл.).

Мало того. Такая связь возвыситъ сословіе адвокатовъ въ общественномъ мнѣніи. На него уже не будутъ смотрѣть, какъ на классъ лицъ, исключительно преданный низкимъ цѣлямъ денежной наживы и торгующій своимъ краснорѣчіемъ и знаніями. Адвокатура станетъ не только прибыльнымъ занятіемъ, но и почетнымъ званіемъ. Такое явленіе мы замѣчаемъ въ англо-французской системѣ, гдѣ адвокатура стоитъ такъ же высоко въ мнѣніи общества, какъ и магистратура. Наоборотъ, при австро-германской системѣ адвокаты, въ противоположность всѣмъ другимъ судебнымъ дѣятелямъ, представляются обществу въ видѣ класса ремесленниковъ, извлекающихъ изъ своей профессіи только матеріальныя выгоды.

Во-вторыхъ, связь между адвокатурой и магистратурой полезна не только для первой, но и для второй. Пусть ряды послѣдней будутъ наполнены лицами, отличившимися своими способностями, знаніями и честностью на трудномъ поприщѣ судебной защиты и обладающими громаднымъ опытомъ въ практическомъ примѣненіи законовъ, и въ результатѣ получится качественное улучшеніе судебнаго персонала. „Если“, продолжаетъ упомянутый выше авторъ (Мёзеръ): „государство призываетъ на свою службу адвоката на основаніи его публичной незапятнанной и незаподозрѣнной репутаціи и въ качествѣ опытнаго и надежнаго человѣка, то привычнымъ взглядомъ онъ будетъ разгадывать самыя запутанныя тяжбы, обсуждать ихъ съ величайшей легкостью и часто въ одинъ часъ дѣлать больше, чѣмъ другіе, воспитанные инымъ образомъ, могутъ сдѣлать въ теченіе цѣлыхъ дней и недѣль. Онъ будетъ, не колеблясь, избирать изъ различныхъ мнѣній ученыхъ юристовъ наиболѣе соотвѣтствующее, будетъ сразу открывать изворотъ плохихъ адвокатовъ и не устрашится ни предъ какой работой, какъ-бы трудна она ни была“ [1]).

[1]) Ib., 254.

Въ-третьихъ, при такомъ порядкѣ вещей не будетъ мѣста для прискорбныхъ столкновеній между чинами судебнаго вѣдомства и представителями адвокатуры, столкновеній, вредныхъ для правосудія и унижающихъ достоинство ихъ обоихъ. Судьи и прокуроры, вышедшіе изъ среды адвокатовъ, будутъ смотрѣть на нихъ какъ на своихъ бывшихъ и, можетъ быть, будущихъ коллегъ. Отсюда - взаимное уваженіе и солидарность дѣйствій. Историческій опытъ доказалъ это несомнѣннымъ образомъ, и мы въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ первой части видѣли преимущество въ этомъ отношеніи англо-французской системы предъ австро-германской.

Въ пользу полной обособленности сословія адвокатовъ отъ судебной магистратуры приводится, собственно говоря, только одно соображеніе. Именно, указываютъ на то, что отъ судей требуются совершенно не тѣ качества, какія необходимы для адвокатовъ. Въ то время какъ адвокатъ долженъ обладать ораторскимъ талантомъ, умѣніемъ развивать одну сторону вопроса, устанавливать одну точку зрѣнія на предметъ, приспособляя для этой цѣли фактическій матеріалъ дѣла, находчивостью и умѣніемъ спорить, отъ судьи требуется безпристрастіе, способность обнимать предметъ со всѣхъ сторонъ и производить сравнительную оцѣнку доводовъ за и противъ [1]). Къ этому нѣкоторые еще прибавляютъ, что адвокатъ „подавляетъ свое мнѣніе, подчиняетъ свою совѣсть интересамъ защищаемой имъ стороны и стремится къ торжеству ея, не различая права она или нѣтъ, а судья, свободный отъ всякихъ посторонніхъ побужденій, сохраняетъ невозмутимое безпристрастіе къ тяжущимся и имѣетъ въ виду осуществленіе справедливости“ [2]). Это возраженіе, весьма важное съ перваго взгляда, при ближайшемъ разсмотрѣніи теряетъ всю свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, адвокатъ—правозаступникъ и уполномоченный общества; онъ защищаетъ не интересы своего кліента, а его права, поскольку они представляются ему достойными защиты. Слѣдовательно, прежде чѣмъ принимать защиту какого-либо дѣла, онъ самъ долженъ, какъ замѣтилъ еще Квинтиліанъ [3]), поставить себя

[1]) *Ramdohr*: Organis. des Advocatenstandes, 48.

[2]) *Бентамъ:* О судоустройствѣ. 112—118.

[3]) *Quintil.* Instit. orat., L. XII, c. VIII.

въ положеніе судьи и рѣшить, основательно-ли требованіе его кліента или нѣтъ. Только убѣдясь, что оно основательно, и что доводы въ пользу его не могутъ быть опровергнуты доводами противъ, онъ идетъ въ судъ, чтобы предъ его лицомъ доказать свое мнѣніе. „Честный адвокатъ“, справедливо замѣчаетъ Пришль: „принимаетъ и защищаетъ не мнѣніе каждаго, кто желаетъ быть защищаемымъ имъ, а только то, которое самъ считаетъ истиннымъ. Но вѣдь отстаивать дознанную истину долженъ также и членъ-докладчикъ, и подающій голосъ судья“ [1]). Такимъ образомъ, для адвоката не менѣе, чѣмъ для судьи, необходимо умѣніе безпристрастно обсуждать всѣ стороны дѣла и всѣ доводы за и противъ, для того, чтобы узнать, какіе изъ нихъ имѣютъ больше значенія. Въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ потерпѣть жестокое фіаско въ засѣданіи суда отъ своего противника. Адвокатъ, такъ сказать, предварительный судья; его кабинетъ, по выраженію одного французскаго автора (Camus) [2]) частное судилище. Рѣшивъ на этомъ судилищѣ дѣло въ пользу обратившагося къ нему кліента, онъ изъ судьи обращается въ защитника. Тутъ, дѣйствительно, является надобность въ краснорѣчіи, находчивости, умѣніи спорить и другихъ качествахъ, излишнихъ для судьи. Отсюда ясно различіе между судьей и адвокатомъ: оно заключается не въ томъ, что они обладаютъ противоположными качествами, а въ томъ, что адвокатъ долженъ совмѣщать въ себѣ качества судьи и еще цѣлый рядъ другихъ способностей. Другими словами, „хорошій адвокатъ“, какъ замѣтилъ одинъ нѣмецкій авторъ, „будетъ и хорошимъ судьей, но отличный судья иной разъ совершенно не годится для роли адвоката“ [3]).

Другое выраженіе противъ связи адвокатуры съ магистратурой, высказанное Бентамомъ и состоящее, какъ мы уже говорили (стр. 31, 32), въ томъ, что при такой системѣ образуется сословіе, склонное „поддерживать недостатки законодательства, изъ которыхъ адвокаты извлекаютъ выгоды, а судьи извлекали“, относится спеціально къ англійской системѣ, гдѣ всѣ высшіе судьи

---

[1]) *Prischl.* 255.
[2]) *Dupin*: Profession d'avocat, 1834, 187.
[3]) *Prischl*, 255.

назначаются изъ адвокатовъ. Но такой способъ комплектованія магистратуры едва-ли можетъ быть принятъ, по крайней мѣрѣ, при современномъ судоустройствѣ европейскихъ государствъ, въ какой-либо другой странѣ, кромѣ Англіи. Только здѣсь вслѣдствіе господства судовъ присяжныхъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, число высшихъ судей настолько незначительно, что безъ труда можетъ быть избираемо исключительно изъ членовъ адвокатуры. Въ другихъ государствахъ дѣло стоитъ совершенно иначе. Въ то время, какъ въ Англіи ежегодно открывается не болѣе 3—4 вакансій на мѣста высшихъ судей, во Франціи въ тотъ же періодъ времени открывается отъ 140 до 180 [1]). Сверхъ того, институтъ кандидатовъ на судебныя должности, неизвѣстный въ Англіи, широко развитъ на континентѣ Европы. Да и теоретически нѣтъ основанія дѣлать адвокатуру единственнымъ путемъ къ судебнымъ должностямъ. Если отъ адвоката и требуются такія же качества, какъ отъ судьи, то вѣдь существуетъ немало лицъ, тоже обладающихъ ими, хотя и неспособныхъ къ занятію адвокатурой. Къ чему же устранять ихъ отъ судейскаго званія, если они могутъ подготовиться къ нему и помимо адвокатуры, просто въ качествѣ кандидатовъ на судебныя должности?

Въ виду изложенныхъ соображеній, мы приходимъ къ выводу, что адвокатура должна составлять одинъ изъ источниковъ магистратуры.

Въ какой формѣ можетъ быть установлена такая связь, это второстепенный вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ спеціальныхъ условій судебной организаціи въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Теоретически можно только выставить два требованья. Во-первыхъ, для того, чтобы мѣсто судьи представляло заманчивую цѣль для адвокатовъ, необходимо поставить судей въ независимое отъ администраціи и матеріально обезпеченное положеніе. Въ противномъ случаѣ выдающимся адвокатамъ не будетъ никакого разсчета мѣнять свою профессію на должность судьи. Идеаломъ въ этомъ отношеніи можетъ служить англійская система, гдѣ высшіе судьи, избираемые исключительно изъ

[1]) *Picot*: La réforme judiciaire en France, 1881, 305.

адвокатовъ, пользуются полной независимостью, несмѣняемостью и получаютъ громадное жалованье, именно, лордъ-канцлеръ около 100 тысячъ, а остальные судьи отъ 40 до 80 тысячъ рублей въ годъ. Кромѣ того, верховная власть, можетъ назначать имъ послѣ 15 лѣтъ службы и въ случаѣ неспособности продолжать ее пенсію въ размѣрѣ половины жалованья [1]). При такихъ обстоятельствахъ понятно, что назначеніе на должность судьи представляетъ собой завѣтную мечту англійскихъ адвокатовъ.

Во-вторыхъ, связь между адвокатурой и магистратурой должна быть не случайной, а постоянной. Другими словами, законодателю необходимо не только разрѣшить назначеніе судей изъ числа адвокатовъ, но и установить обязательность его въ извѣстныхъ предѣлахъ, предписавъ, напр., чтобы въ составѣ судебнаго персонала было не менѣе одной трети или одной четверти бывшихъ адвокатовъ. Иначе постановленіе закона можетъ оказаться мертвой буквой и остаться безъ примѣненія на практикѣ, какъ это произошло у насъ [2]).

§ 2.

Судебное представительство и магистратура.

Тѣ соображенія, по которымъ связь съ магистратурой признана нами необходимой для адвокатуры, совершенно неприменимы по отношенію къ судебному представительству. Имѣя задачей избавить тяжущагося отъ личныхъ хлопотъ по производству дѣла, служа только частнымъ интересамъ и не преслѣдуя никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ добыванія средствъ къ жизни своимъ ремесломъ, повѣренный стоитъ безконечно ниже членовъ магистратуры и не можетъ имѣть притязанія на одинаковое значеніе и связь съ ними.

Адвокатъ долженъ быть безкорыстенъ; поэтому ему необходимо поставить высокую цѣль, къ которой онъ могъ бы стре-

---

[1]) The Supreme Court of Judic. Act, 1873, art. 13 and 14.

[2]) Ст. 204 и прим. къ ст. 210 учр. суд. уст. почти никогда не примѣняются.

миться, презирая легкую денежную наживу. Но отъ судебнаго представителя такъ же невозможно требовать безкорыстія, какъ отъ маклера или управляющаго имѣніемъ.

Далѣе, поддержаніе общественнаго значенія адвокатуры весьма важно; достоинство-же судебныхъ представителей имѣетъ не больше значенія, чѣмъ достоинство судебныхъ приставовъ или письмоводителей.

Равнымъ образомъ, допущеніе повѣренныхъ къ магистратурѣ не только безполезно, но даже вредно для послѣдней: оно отзовется на судейскомъ персоналѣ такъ же, какъ отозвалось бы принятіе въ сословіе врачей—фельдшеровъ.

Наконецъ, связь съ магистратурой излишня и для устраненія столкновеній между обоего рода дѣятелями, такъ какъ судебные представители подчинены непосредственно суду, и никакихъ столкновеній между ними и судьями быть не можетъ.

Однако, несмотря на все это, чтобы не лишать повѣренныхъ поощренія за усердное и честное исполненіе ими своихъ обязанностей, было-бы полезно дать имъ послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ практики право на занятіе низшихъ должностей, не требующихъ тѣхъ высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, какія требуются отъ адвокатуры и судебной магистратуры, именно должностей судебныхъ приставовъ и нотаріусовъ.

IV.

ГОНОРАРЪ.

Вопросъ о гонорарѣ принадлежитъ, по общему признанію, къ числу самыхъ трудныхъ, какіе только могутъ возникнуть при организаціи адвокатуры [1]). Это зависитъ отъ того, что правильное его разрѣшеніе должно быть компромиссомъ между двумя діаметрально-противоположными требованіями. Съ одной стороны, адво-

[1]) *Ramdohr*: Organis. des Adv. stand., 1801, 355; *Prischl* Adv. und. Anw., 362 и др.

катъ, подобно судьѣ и прокурору, долженъ быть независимъ отъ тяжущихся. Съ другой стороны, получая вознагражденіе отъ кліентовъ, онъ не можетъ не чувствовать матеріальной зависимости отъ нихъ. Какъ примирить это капитальное противорѣчіе? Какъ совмѣстить зависимость съ независимостью? Возможно ли построить мостъ между этими раздѣленными цѣлою пропастью берегами?

Вотъ какая задача предстоитъ при рѣшеніи вопроса объ адвокатскомъ гонорарѣ, и неудивительно, что каждое изъ существующихъ или возможныхъ рѣшеній обладаетъ болѣе или менѣе значительными недостатками. Приступая къ изслѣдованію сравнительныхъ преимуществъ каждаго изъ нихъ, мы должны замѣтить, что они могутъ быть подведены подъ четыре главныя рубрики.

Гонораръ можетъ-быть: 1) безусловно воспрещенъ (абсолютная безвозмездность), 2) уплачиваемъ правительствомъ въ видѣ постояннаго жалованья, 3) признанъ денежнымъ эквивалентомъ, получаемымъ адвокатомъ отъ кліента за оказанную услугу (эквивалентная возмездность) и 4) разсматриваемъ какъ добровольный даръ, подносимый кліентомъ, сообразно со своими средствами (относительная безвозмездность).

Третій случай, въ свою очередь, распадается на нѣсколько видовъ, смотря по тому, какимъ способомъ опредѣляется размѣръ гонорара. Такъ, адвокаты могутъ получать его: а) по соглашенію съ кліентами, б) по опредѣленію суда, в) по опредѣленію совѣта сословія, г) по таксѣ и д) по двумъ или нѣсколькимъ изъ этихъ способовъ сразу, напр., по соглашенію, восполняемому въ нѣкоторыхъ случаяхъ таксой или опредѣленіемъ суда (смѣшанныя системы).

Абсолютная безвозмездность существовала на первыхъ ступеняхъ юридическаго развитія (Іудея, древняя Германія); жалованье адвокаты получали въ XVII—XVIII вѣкахъ въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ; система эквивалентной возмездности принята въ большинствѣ континентальныхъ государствъ, а относительная безвозмездность перешла изъ республиканскаго Рима въ англо-французскую систему организаціи адвокатуры и держится въ ней по настоящее время. Что касается способовъ исчисленія эквивалента за адвокатскій трудъ, то каждый изъ нихъ былъ

испробованъ на практикѣ. Свободное соглашеніе господствуетъ въ Россіи и Австріи; опредѣленіе судомъ употреблялось въ императорскомъ Римѣ; опредѣленіе совѣтомъ сословія примѣняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти во всѣхъ важнѣйшихъ государствахъ Европы; таксы существуютъ въ Швейцаріи и Сербіи; наконецъ, смѣшанныя системы всегда преобладали и въ настоящее время преобладаютъ въ законодательствахъ.

§ 1.

Абсолютная безвозмездность.

При полной безвозмездности адвокаты, не получая за свою дѣятельность вознагражденія отъ кліентовъ, стояли бы въ совершенно независимомъ отношеніи къ нимъ. Но не говоря уже о томъ, что въ такомъ случаѣ они не были бы нисколько заинтересованы въ добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, абсолютная безвозмездность при современномъ экономическомъ и юридическомъ строѣ представляется неосуществимой утопіей. Основное начало гражданскаго права гласитъ, что никто не можетъ обогащаться на чужой счетъ (aequum est neminem cum alterius detrimento fieri locupletiorem), т. е. употребляя обратный способъ выраженія, что никто не обязанъ предоставлять другому даромъ свое имущество и свои услуги. Адвокаты, отправляя профессіональную дѣятельность, несомнѣнно оказываютъ услуги какъ тяжущимся, такъ и обществу. Отсюда само собой слѣдуетъ, что они имѣютъ право на вознагражденіе.

Взглянемъ на этотъ вопросъ съ другой стороны и допустимъ на минуту, что по какимъ-либо причинамъ государству все-таки полезно признать адвокатуру безвозмездной. Что сдѣлается съ профессіей? Она прекратитъ свое существованіе. «Если занятія будутъ лишены вознагражденія»,—справедливо говорилъ римскому императору адвокатъ Суилій:—«то они заглохнутъ» [1]). Однако, несмотря на явную невозможность признанія адвокатуры безвозмездной, находятся писатели, не раздѣляющіе этого мнѣнія. Таковъ,

[1]) *Tacit.* Ann., II, 7.

напримѣръ, неизвѣстный авторъ русской брошюры „Безвозмездность въ адвокатурѣ» [1]). По его мнѣнію, «отсутствіе возмездности нисколько не можетъ быть препятствіемъ къ появленію профессіональныхъ адвокатовъ. Вѣдь видимъ же мы, что множество лицъ состоятъ членами благотворительныхъ или ученыхъ обществъ, множество лицъ состоятъ представителями по самоуправленію. Не получая платы, всѣ эти лица все-таки участвуютъ въ дѣлахъ, посвящаютъ себя на служеніе тому или другому дѣлу, такъ какъ есть же интересъ, кромѣ добыванія средствъ для существованія; то же можетъ быть и по отношенію къ адвокатской дѣятельности. Вовсе нѣтъ надобности, чтобы изъ этой дѣятельности были извлекаемы извѣстныя личныя выгоды, вовсе нѣтъ даже надобности въ существованіи особаго класса, живущаго на средства лицъ, которымъ приходится судиться. Такимъ образомъ, публичная адвокатская дѣятельность, чтобы идея адвокатуры могла сохраниться вполнѣ въ чистомъ видѣ, можетъ считаться лишь роскошью, доступной людямъ не нуждающимся» [2]).

Едва ли нужно доказывать, что параллель, проводимая анонимнымъ авторомъ между адвокатурой и филантропической или общественной дѣятельностью по самоуправленію, не выдерживаетъ никакой критики. Во-первыхъ, адвокатура нужна не только въ интересахъ частныхъ лицъ, но и для общества и правосудія: она не роскошь, а предметъ первой необходимости. Вслѣдствіе этого, ея существованіе нельзя ставить въ зависимость отъ благотворительныхъ прихотей богатыхъ людей. Во-вторыхъ, авторъ, вѣроятно, очень мало знакомъ съ характеромъ адвокатскаго труда, требующаго большаго напряженія умственныхъ силъ и связаннаго съ тяжелой нравственной отвѣтственностью; въ противномъ случаѣ ему не пришло бы въ голову ставить на одну доску дѣятельность адвоката съ обязанностями гласнаго думы и даже съ филантропическими затѣями какого-нибудь скучающаго благотворителя. Можно назвать многихъ обезпеченныхъ матеріально лицъ, которыя занимаются общественными дѣлами, литературой и филантропіей, даже медициной, не извлекая изъ этихъ занятій никакой выгоды

[1]) Безвозмездность въ адвокатурѣ, Казань, 1888.
[2]) Ib., 32, 33.

для себя. Но врядъ ли найдется человѣкъ, который бы изъ любви къ искусству сталъ ходить по судамъ и защищать чужіе интересы. Да если бъ даже и нашлись лица, которыя согласились бы на это ради славы и почета, то число ихъ во всякомъ случаѣ было бы не столь значительно, чтобы удовлетворить потребности всѣхъ гражданъ въ юридической защитѣ.

Но, спрашивается, какія соображенія привели анонимнаго автора къ такимъ несуразнымъ выводамъ? Прежде всего, онъ увлекся ложно понятымъ примѣромъ древняго Рима. „При самомъ возникновеніи этого института — въ древнемъ римскомъ правѣ,—онъ былъ понятъ—или, лучше сказать, онъ возникъ въ самомъ чистомъ видѣ: отношеніе адвоката къ кліенту предполагалось основаннымъ на дружественномъ расположеніи, на сочувствіи или состраданіи къ неблагопріятному положенію другого. Первоначально не возникало даже мысли не только о возможности требованія платы за заступничество судомъ, не возникало мысли о возможности условливаться о вознагражденіи, тогда не возникало даже мысли о возможности полученія его хотя бы и безъ предварительнаго соглашенія».

Это утвержденіе ошибочно. Въ своемъ мѣстѣ (см. ч. 1, стр. 53) было указано, что адвокатура въ Римѣ никогда не была безвозмездной въ полномъ смыслѣ слова. Далѣе, авторъ ссылается на то, что «принципъ возмездности въ адвокатурѣ порождаетъ такія явленія, какихъ положительно не пришлось бы наблюдать безъ него». Эти явленія слѣдующія: 1) адвокаты берутся за дѣла, хотя бы чувствовали себя недостаточно подготовленными къ нимъ; 2) принимаютъ на себя такія роли въ процессахъ, которыя не соотвѣтствуютъ назначенію адвоката (конкурсныя дѣла, безспорное и исполнительное производство); 3) не стѣсняются въ выборѣ дѣлъ, берясь за сомнительныя и безнадежныя; 4) желаютъ увеличенія процессовъ и способствуютъ этому; 5) обираютъ сколько возможно кліентовъ и 6) обусловливаютъ уплату гонорара выигрышемъ дѣла.

Нетрудно замѣтить, что всѣ эти возраженія, кромѣ втораго, направленнаго не противъ возмездности, а противъ совмѣщенія правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ, сводятся къ одному: неблагопріятному вліянію заинтересованности адвока-

товъ въ числѣ и исходѣ процессовъ на ихъ дѣятельность или, говоря иначе, къ невыгоднымъ послѣдствіямъ матеріальной зависимости ихъ отъ кліентовъ. Не отрицая важности этого довода, мы должны, однако, помнить, что устранять эту зависимость лишеніемъ адвокатовъ всякаго возмездія за ихъ трудъ все равно, что лечить мозговую болѣзнь отсѣченіемъ головы. Безкорыстіе и заинтересованность — это двѣ противоположныя крайности, между которыми нужно лавировать при рѣшеніи вопроса о гонорарѣ. Но кто совершенно не принимаетъ во вниманіе одной изъ нихъ, тотъ по выраженію поэта,

Incidit in Scyllam, cupiens vitare Charybdin.

§ 2.

Жалованіе отъ правительства.

Если адвокатскій трудъ не можетъ оставаться безъ вознагражденія, и если въ то же время адвокаты должны стоять въ независимомъ отношеніи къ кліентамъ, то не будетъ ли цѣлесообразно, чтобы они получали постоянное содержаніе отъ правительства?

Этотъ вопросъ сводится въ сущности на другой, именно, не слѣдуетъ ли организовать адвокатуру въ видѣ государственной службы, такъ какъ жалованіе отъ правительства составляетъ одинъ изъ элементовъ послѣдней. Во второй главѣ мы разсматривали уже такой способъ организаціи и нашли его нежелательнымъ. Поэтому, считая вопросъ о жалованіи адвокатовъ рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ, мы можемъ перейти къ дальнѣйшему изложенію.

Но прежде слѣдуетъ сказать пару словъ относительно одной системы, имѣющей большое сходство съ только—что устраненной нами и хотя нигдѣ не принятой, но возможной. Именно, представимъ себѣ такой порядокъ вещей: адвокатура признана относительно свободной профессіей; адвокаты не получаютъ отъ кліентовъ гонорара, а съ тяжущихся взимается вмѣстѣ съ судебными издержками извѣстная пошлина, которая поступаетъ въ особую

кассу и распредѣляется между адвокатами поровну или же пропорціонально числу и качеству веденныхъ каждымъ изъ нихъдѣлъ.

Едва ли нужно подробно доказывать несостоятельность такого способа вознагражденія. Съ перваго же взгляда видно, что при распредѣленіи общей суммы поровну получится вопіющая несправедливость: лѣнивый, бездарный и не имѣющій дѣлъ адвокатъ будетъ вознаграждаться одинаково съ трудолюбивымъ, талантливымъ и обремененнымъ занятіями. Другой способъ распредѣленія правильнѣе, но въ сущности онъ тоже лишенъ всякаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый адвокатъ будетъ получать вознагражденіе пропорціонально числу веденныхъ имъ дѣлъ, то имѣющій много мелкихъ и легкихъ дѣлъ окажется въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ тотъ, кто ведетъ большія и сложныя дѣла. Если же при исчисленіи вознагражденія будетъ принимаемо въ разсчетъ не только количество, но и качество дѣлъ, то на долю каждаго адвоката придется приблизительно та сумма, которая поступила въ кассу съ его кліентовъ. Но не проще ли, чтобы адвокатъ получалъ ее просто отъ кліентовъ, не прибѣгая къ посредничеству кассы, являющемуся совершенно излишнимъ перекладываніемъ изъ одного кармана въ другой?

§ 3.

Эквивалентная возмездность.

Остаются два рѣшенія вопроса о гонорарѣ: признаніе его денежнымъ эквивалентомъ за оказываемую въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ услугу или же приравненіе его къ добровольному подарку со стороны кліента. Откладывая сравнительную оцѣнку обоихъ воззрѣній до слѣдующаго параграфа, мы пока примемъ за истинное первое изъ нихъ и посмотримъ, возможно ли осуществить его на практикѣ. Другими словами, мы предположимъ, что гонораръ, получаемый адвокатомъ, долженъ быть такимъ же денежнымъ эквивалентомъ его услугъ, какимъ является заработная плата для всѣхъ лицъ, живущихъ трудомъ, начиная съ чернорабочихъ и мастеровыхъ и кончая учителями, архитекторами и

литераторами, и разберемъ, какой изъ предлагаемыхъ способовъ оцѣнки адвокатскаго труда вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли. Какъ уже было сказано, такихъ способовъ можетъ быть пять: а) взаимное соглашеніе, б) опредѣленіе судомъ, в) опредѣленіе совѣтомъ сословія, г) такса и д) одновременное примѣненіе нѣсколькихъ изъ этихъ способовъ вмѣстѣ (смѣшанныя системы).

А. *Соглашеніе.*

При такой системѣ опредѣленіе гонорара предоставляются взаимному соглашенію между адвокатомъ и тяжущимися.

На первый взглядъ кажется, что это самое естественное рѣшеніе вопроса. «Если»,—говоритъ г. Арсеньевъ:—«писатель, передающій другому лицу право на изданіе своего сочиненія, авторъ оперы или драмы, уполномочивающій на ея представленіе дирекцію того или другаго театра, учитель, берущій на себя преподаваніе въ школѣ, могутъ заключать и заключаютъ письменныя условія о количествѣ слѣдующаго имъ за то вознагражденія, то мы не видимъ причины, по которой заключеніе такихъ условій должно было бы считаться предосудительнымъ со стороны адвоката. Отдавая другому, по свободному соглашенію съ нимъ, свой трудъ, свое время, свои силы, онъ имѣетъ полное право обезпечить себя договоромъ, юридически-обязательнымъ» [1]).

Далѣе, адвокатъ знаетъ, сколько труда и времени прійдется ему употребить на подготовку и защиту дѣла въ судѣ, и какая сумма будетъ надлежащимъ эквивалентомъ за его услуги. Выдающійся своими способностями, краснорѣчіемъ и знаніями адвокатъ цѣнитъ свой трудъ выше, чѣмъ какой-нибудь его коллега средняго качества и, потому, будетъ имѣть возможность обусловить себѣ соотвѣтствующее своему достоинству вознагражденіе.

Съ другой стороны, никто лучше самого тяжущагося не знаетъ его имущественнаго положенія и не можетъ точнѣе опредѣлить, какую сумму онъ въ состояніи затратить на веденіе дѣла.

Такимъ образомъ, договаривающіяся стороны, соблюдая свои интересы, будутъ вырабатывать такія условія вознагражденія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ даннаго случая.

[1]) *Арсеньевъ*: Замѣтки о рус. адвок., 127.

Однако договорное опредѣленіе гонорара, представляющееся съ перваго взгляда вполнѣ правильной системой вознагражденія, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи совершенно несоотвѣтствующимъ существу дѣла.

Прежде всего, аналогія, существующая между адвокатурой и другими либеральными профессіями, не можетъ быть распространена на вопросъ о вознагражденіи. Въ самомъ дѣлѣ, государство нисколько не заинтересовано въ томъ, чтобы литераторы, композиторы и учителя были безкорыстны; для него не имѣетъ значенія ни ихъ жадность, ни ихъ умѣренность. Они могутъ, продавая свой трудъ, торговаться со своими издателями, директорами театровъ и содержателями школъ, сколько душѣ ихъ угодно. Но отъ судьи, прокурора и адвоката государство требуетъ безкорыстія и не можетъ дозволить имъ торговли своими услугами наравнѣ съ прочими гражданами, живущими личнымъ трудомъ. Не менѣе несостоятеленъ и второй доводъ: что адвокатъ лучше всѣхъ можетъ оцѣнить свой трудъ. Это далеко не такъ. Во-первыхъ, что должно служить масштабомъ при оцѣнкѣ, такой чисто интеллектуальной дѣятельности, какъ правозаступничество? Въ какую сумму цѣнить часъ труда, употребляемаго адвокатомъ на подготовку, часъ судебнаго засѣданія, въ которомъ онъ принимаетъ участіе? Сколько стоятъ на наличныя деньги его добросовѣстность, честность, репутація, краснорѣчіе, находчивость въ спорѣ? Очевидно, что все это такія вещи, которыя вообще не поддаются не только точной, но даже приблизительной оцѣнкѣ на деньги, и что самъ адвокатъ не въ состояніи произвести ея. Во-вторыхъ, такая оцѣнка, трудная вообще, становится просто невозможной, если условіе о гонорарѣ заключается до начала процесса. Сами адвокаты сознаются въ этомъ. «Я со своей стороны»,— говоритъ нѣмецкій адвокатъ Генле:—«никогда не могъ рѣшиться,— и, кажется съ большинствомъ моихъ коллегъ было то же самое, заключать напередъ съ защищаемой стороной опредѣленное условіе о будущихъ услугахъ». Потому-то другой авторъ и называетъ договорное опредѣленіе гонорара до начала дѣятельности—«тягостной необходимостью» [1]).

---

[1]) *Prischl*: l. c. 366, 367.

Значеніе третьяго довода, заключающагося въ томъ, что кліентъ лучше кого нибудь другого знаетъ свое имущественное положеніе и, потому, будетъ предлагать адвокату ту сумму, какую въ состояніи заплатить, должно быть въ немалой степени ограничено. Въ самомъ дѣлѣ, когда издатель, директоръ театра или содержатель школы заключаютъ договоръ съ авторомъ, композиторомъ или учителемъ, они преслѣдуютъ только свои матеріальные интересы и могутъ по своему произволу соглашаться или не соглашаться на предлагаемыя имъ условія, соразмѣряя ихъ со своими средствами и съ ожидаемой прибылью. Въ иномъ положеніи находится кліентъ, въ особенности, если онъ является въ роли обвиняемаго. Онъ обращается къ адвокату не съ цѣлью пріобрѣсти матеріальную выгоду, а чтобы спасти свое имущество, свободу, доброе имя, честь и даже жизнь. Онъ не равноправный контрагентъ по заключенію коммерческой сдѣлки. Въ минуту отчаянія, онъ готовъ пожертвовать всѣмъ, готовъ отдать послѣднюю рубашку, чтобы только добиться своего спасенія. Обратившись къ адвокату за помощью вслѣдствіе довѣрія къ его добросовѣстности, талантамъ и знанію, онъ нерѣдко видитъ въ немъ единственнаго человѣка, способнаго выручить его изъ бѣды, и согласиться заплатить, сколько тотъ попроситъ, лишь бы обезпечить себѣ его поддержку. «Подсудимый»,—справедливо замѣчаетъ проф. Фойницкій:—«которому грозитъ опасность наказанія, подобенъ тяжко больному; для избавленія отъ такой опасности онъ готовъ пожертвовать свыше мѣры услуги, и получать отъ него въ этотъ моментъ какія-бы то ни было обязательства, значитъ употреблять во зло его угнетенное душевное состояніе» [1]). На этомъ основаніи еще Квинтиліанъ весьма метко замѣтилъ: «обычай торговаться съ тяжущимися сторонами и набавлять цѣну, смотря по сомнительности дѣла, свойственъ однимъ морскимъ разбойникамъ (mos piraticus): такой гнусный торгъ даже въ человѣкѣ, не особенно разборчивомъ, непростителенъ, а тѣмъ болѣе въ ораторѣ, защищающемъ людей честныхъ и по дѣламъ правымъ» [2]).

---

[1]) *Фойницкій:* Защита въ уг. проц., 52. См. также *Lachapelle-Montmoreau:* Etudes sur la profession d'avocat, 1880, 35, 36.

[2]) *Quint.* Inst. orat., l. XII, c. VII, § 2.

Итакъ, обѣ договаривающіяся стороны находятся въ ненормальныхъ условіяхъ: одна должна быть безкорыстной, другая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ психическаго принужденія; одна не должна преслѣдовать своихъ личныхъ интересовъ, другая не въ состояніи заботиться о своихъ. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ сказать, что «контрагенты, соблюдая свои интересы, будутъ вырабатывать условія вознагражденія, наиболѣе соотвѣтствующія данному случаю?» Вовсе нѣтъ. Эти условія будутъ опредѣляться, съ одной стороны, степенью произвола и жадности адвоката, а съ другой стороны большею или меньшей уступчивостью кліента, которая находится въ прямой зависимости отъ степени грозящей ему опасности. Мало того. Если вспомнить общее начало гражданскаго права, по которому одной изъ причинъ недѣйствительности договоровъ служитъ психическое принужденіе, и принять во вниманіе, что подсудимые нерѣдко находятся именно въ такомъ состояніи, то окажется, что договоры между адвокатами и кліентами обладаютъ презумпціей недѣйствительности, и что римское право вполнѣ основательно запретило всякія сдѣлки о гонорарѣ до окончанія процесса. (См. ч. I, стр. 61).

Отсюда ясно, что договорное опредѣленіе гонорара можно было бы признать цѣлесообразнымъ только при томъ предположеніи, что всѣ адвокаты отъ природы безкорыстные и деликатные люди. Но такъ какъ подобное предположеніе нелѣпо, то система вознагражденія по взаимному соглашенію не можетъ быть принята въ виду того, что она является, какъ справедливо замѣтилъ еще Рамдоръ, «источникомъ неотвратимыхъ злоупотребленій и непреоборимымъ препятствіемъ охранить кліентовъ отъ притѣсненій со стороны адвокатовъ, а адвокатовъ отъ упрековъ въ недозволенномъ корыстолюбіи» [1]).

Б. *Опредѣленіе судомъ.*

Сознаніе капитальныхъ недостатковъ опредѣленія гонорара по взаимному соглашенію привело къ мысли предоставить его судамъ. При такой системѣ судъ, постановляя рѣшеніе, долженъ вмѣстѣ

[1]) *Ramdohr*: l. c. 255.

съ тѣмъ означить сумму, которую адвокатъ имѣетъ право потребовать съ кліента за веденіе даннаго дѣла. Хотя на практикѣ этотъ способъ опредѣленія почти всегда соединялся съ другими (съ соглашеніемъ въ Австріи, таксой въ дореформенной Германіи), но мы должны разсмотрѣть его отдѣльно, чтобы лучше оцѣнить свойственные ему достоинства и недостатки. Въ виду этого мы будемъ предполагать, что судъ опредѣляетъ размѣръ гонорара не по таксѣ, а по собственному усмотрѣнію и основываясь на обстоятельствахъ даннаго случая.

Не трудно замѣтить, что главнымъ его достоинствомъ является отсутствіе произвола со стороны адвокатовъ. Злоупотребленія и вымогательства большихъ гонораровъ станутъ невозможными. Вслѣдствіе этого, кліенты очутятся въ несравненно лучшемъ положеніи. Да и для адвокатовъ, или, по крайней мѣрѣ для наиболѣе совѣстливыхъ изъ числа ихъ гораздо удобнѣе сложить съ себя тягостную оцѣнку своего труда и передать ее въ руки безпристрастныхъ судей. Вообще, судъ, видя, съ одной стороны, сколько труда и усердія потратилъ адвокатъ на защиту своего кліента, а съ другой стороны, зная важность и сложность дѣла и, равнымъ образомъ, имущественное положеніе тяжущагося, въ состояніи назначить вполнѣ справедливую сумму вознагражденія.

Но противъ этихъ доводовъ можно выставить не менѣе важныя возраженія. Подобная система устраняетъ произволъ адвокатовъ, но взамѣнъ его она ставитъ произволъ судей. Если самъ адвокатъ не въ состояніи въ большинствѣ случаевъ сдѣлать справедливую оцѣнку своего труда, то что же сказать о постороннемъ лицѣ и, притомъ, обремененномъ другими, болѣе важными обязанностями? Судъ слышитъ рѣчь адвоката и читаетъ составленныя имъ бумаги. Можетъ-ли онъ по этимъ даннымъ съ точностью измѣрить количество времени и труда, потраченнаго на ихъ приготовленіе? «Кто самъ не былъ адвокатомъ»,—справедливо замѣчаетъ одинъ авторъ:—«тотъ вовсе не знаетъ, трудна ли данная работа или нѣтъ» [1]).

«Опредѣленіе гонорара»,—писалъ судья Рамдоръ еще въ 1801 г.:—«въ сравненіи съ рѣшеніемъ дѣла всегда останется по-

[1]) *Prischl*: l. c. 372, (Passauer Aphorismen).

бочнымъ занятіемъ для суда, и въ качествѣ такого, будетъ выполняемо небрежно. Вслѣдствіе этого, съ судебной таксировкой неразлученъ вредный для адвоката и для стороны произволъ. Труднѣйшая работа адвоката никогда не доходитъ до свѣдѣнія судьи. Что извѣстно ему о томъ, съ какимъ трудомъ онъ и кліентъ стали понимать другъ друга, сколько времени, какое невѣроятное терпѣніе требовалось для того только, чтобы вывѣдать истинную цѣль требованія, не говоря уже о самомъ фактѣ... Вы или отдадите судьбу адвоката и сторонъ въ руки одного отдѣльнаго судьи, и тогда уменьшеніе или увеличеніе гонорара будетъ зависѣть отъ мягкости или жесткости характера судьи, отъ хорошаго или дурнаго настроенія, нерѣдко отъ слабости или силы его пищеварительныхъ органовъ, или же вы допустите аппелляцію въ высшія инстанціи, потребуете доклада отъ нѣсколькихъ референтовъ, совокупныя обсужденія всѣхъ членовъ суда. Вы замедлите отправленіе правосудія и обратите суды въ какія-то оцѣночныя коммиссіи» [1]).

Помимо того, произволъ судей зависитъ и отъ другихъ обстоятельствъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ личныя отношенія между адвокатами и судьями, симпатіи и антипатіи послѣднихъ, зависть или вражда, питаемыя ими къ адвокатамъ.

«Несомнѣнно»,—говоритъ одинъ германскій авторъ о своемъ отечествѣ: —«что искусный адвокатъ зарабатываетъ больше, чѣмъ сколько получаетъ жалованья членъ низшаго суда; а эти судебные чиновники часто думаютъ, что они должны трудиться больше адвокатовъ. Отсюда происходитъ зависть,—и эти лица стараются дать почувствовать свою власть въ такой степени, въ какой адвокаты, какъ имъ кажется, превосходятъ ихъ въ имущественномъ отношеніи... Съ другой стороны, нельзя отрицать, что судьи, если ихъ рѣшенія, и въ особенности мотивы оспариваются въ аппелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобахъ или, какъ часто должно случаться, рѣзко критикуются и порицаются, и преимущественно если это производится публично въ печатныхъ статьяхъ, должны проникнуться нерасположеніемъ и враждой къ адвокатамъ, и, потому, понятно, что они становятся нерасположенными къ цѣлому

---

[1]) *Ramdohr*: l. c., 260.

сословію и стараются удержать адвокатовъ отъ жалобъ и порицательныхъ критикъ презрительнымъ обращеніемъ съ ними, уменьшеніемъ гонорара и дисциплинарными наказаніями». Нерѣдко также судьи питаютъ зависть къ талантамъ и славѣ адвоката. «Если адвокатъ превосходитъ судью умомъ и знаніями, и если, однако, первый подчиненъ послѣднему, то является почти неизбѣжнымъ, что послѣдній стремится возстановить равновѣсіе примѣненіемъ своей власти» [1]).

Такимъ образомъ, при опредѣленіи гонорара судомъ, адвокатура, представляющая собой одинъ изъ факторовъ правосудія, попадаетъ въ матеріальную зависимость отъ другаго фактора— суда. Куда же дѣнется равноправность ихъ? Опытъ тѣхъ государствъ, гдѣ господствовало судебное опредѣленіе гонорара, достаточно ясно показалъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ способно оно привести.

«Если что-нибудь особенно содѣйствовало», — говоритъ Гансъ о германской адвокатурѣ: — «полному подавленію адвокатуры и глубокому ея паденію, то несомнѣнно это учрежденіе, которое должно было сдѣлать адвоката и его имущество совершенно зависимымъ отъ произвола и милости судьи и побудить его ставить благорасположеніе судьи выше добродѣтели, чести и справедливости... Въ Германіи нѣтъ ни одного поденщика, который не могъ бы послѣ исполненной работы разсчесть свой заработокъ; но адвокатъ можетъ въ теченіе цѣлыхъ дней и недѣль трудиться съ напряженнымъ усердіемъ, и произволъ судьи лишаетъ его вознагражденія безъ всякой другой причины, кромѣ того, что считаетъ его работу безполезной, и что онъ не заслужилъ его одобренія. Кто зависитъ своей честью и имуществомъ отъ другаго, тотъ необходимо долженъ сдѣлаться рабомъ этого господина, тотъ долженъ всѣ свои старанія обратить на пріобрѣтеніе благоволенія этого господина, а безъ такого благоволенія, какъ, увы, показываетъ опытъ, погибать. Требовать отъ такого адвоката, чтобы онъ безъ страха передъ силой и превосходствомъ помогалъ бѣднымъ и угнетеннымъ, защищалъ ихъ даже противъ своего господина и дѣйствовалъ только по своей присягѣ и совѣсти, значитъ

[1]) Passauer Aphorismen, cit. von *Prischl* (372, 373).

побуждать его къ исполненію обязанностей, которыя не могутъ быть выполнены безъ пожертвованія честью и имуществомъ» [1]).

Далѣе, суду такъ же мало извѣстно имущественное положеніе тяжущагося, какъ и количество затраченнаго адвокатомъ на подготовку дѣла труда. Судъ не имѣетъ ни времени, ни возможности справляться о величинѣ имущества, принадлежащаго каждому тяжущемуся, и дохода, получаемаго имъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ эти вещи никому, кромѣ самого тяжущагося, неизвѣстны, въ особенности, если онъ принадлежитъ къ торговому или ремесленному сословію.

Итакъ, предоставлять опредѣленіе адвокатскаго гонорара суду значитъ ставить интересы адвоката и кліента въ зависимость отъ произвола третьяго лица, неспособнаго надлежащимъ образомъ оцѣнить ни труда перваго, ни имущественнаго положенія послѣдняго, въ зависимость, вдобавокъ, несовмѣстимую съ характеромъ адвокатуры, какъ фактора правосудія, который долженъ быть независимъ отъ другаго фактора—суда.

В. *Опредѣленіе совѣтомъ сословія.*

Но если не судъ, то быть можетъ органъ сословнаго самоуправленія въ состояніи дѣлать справедливую оцѣнку адвокатскаго труда и опредѣлять размѣръ вознагражденія?

Такая система въ чистомъ видѣ не встрѣчается нигдѣ, но въ качествѣ дополнительнаго способа исчисленія гонорара примѣняется почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ.

Ея достоинства и недостатки станутъ ясными, если мы сравнимъ ее съ только что разобранной системой.

Совѣтъ сословія, состоящій изъ адвокатовъ, конечно, лучше судей можетъ оцѣнивать адвокатскій трудъ. Въ виду этого, а также вслѣдствіе отсутствія матеріальной зависимости отъ суда, интересы и достоинство адвокатовъ будутъ вполнѣ обезпечены. Но за то кліенты очутятся въ худшемъ положеніи. Чѣмъ будутъ они гарантированы, что члены совѣта не станутъ оказывать преимущества своимъ товарищамъ, которые въ свою очередь, могутъ

[1]) *Gans*: Von dem Amte der Fürsprecher, 1827, 227.

когда-либо занять ихъ мѣста въ совѣтѣ и отплатить услугой за услугу? Тяжущійся для совѣта посторонній человѣкъ, а адвокатъ свой. Кто поручится, что совѣтъ не приложитъ стараній, чтобы «порадѣть родному человѣчку»? Ужъ если поручать опредѣленіе гонорара третейскому суду, то слѣдовало бы составить его изъ равнаго числа представителей обѣихъ сторонъ, т.-е. изъ адвокатовъ и тяжущихся поровну, а никакъ не изъ однихъ адвокатовъ. Иначе окажется, что „овецъ-то и не спросили». Если даже предположить, что совѣты во всѣхъ случаяхъ будутъ дѣйствовать абсолютно безпристрастно, то и это вѣдь не можетъ избавить ихъ отъ нареканій со стороны тяжущихся, а такія нареканія, хотя бы они были и неосновательны, унижаютъ достоинство адвокатуры въ общественномъ мнѣніи. Чтобы устранить это неудобство, можно было бы дозволить аппелляцію на постановленія совѣта въ подлежащія судебныя мѣста. Но въ такомъ случаѣ нужно предположить, что рѣшеніе суда будетъ справедливѣе, а потому гораздо проще предоставить опредѣленіе гонорара прямо судамъ.

Несостоятельная теоретически, эта система рѣшительно неосуществима на практикѣ. Мыслимо-ли возложить на совѣты сословія обязанность опредѣлять размѣръ гонорара всѣмъ членамъ сословія за всѣ принимаемыя или оконченныя ими дѣла? Совѣты были бы завалены работой, и, навѣрно, никто изъ адвокатовъ не пожелалъ бы вступить въ число членовъ ихъ, не желая тратить такую массу труда и времени на безполезное для него занятіе.

Если опредѣленіе гонорара совѣтомъ и можетъ существовать, то только въ видѣ дополнительнаго способа, сохраняя, притомъ, всѣ присущіе ему недостатки.

Г. *Такса.*

Третье средство для устраненія произвола адвокатовъ, это установленіе постоянной таксы или тарифа, подобнаго тому, какимъ опредѣляется вознагражденіе нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ.

Главное достоинство ея заключается въ томъ, что кліенты гарантированы отъ вымогательствъ адвокатовъ. Имѣя въ рукахъ

таксу, они до начала процесса могутъ опредѣлить съ приблизительной точностью, сколько имъ прійдется заплатить за веденіе его, и потому заранѣе рѣшить, вести-ли дѣло лично или пригласить адвоката.

Далѣе, адвокатъ избавленъ отъ непріятныхъ переговоровъ съ кліентами относительно размѣра вознагражденія. Онъ знаетъ напередъ, сколько получитъ за данное дѣло, и если найдетъ, что размѣръ гонорара не соотвѣтствуетъ требующемуся въ данномъ случаѣ труду, то можетъ отказаться отъ дѣла.

Наконецъ, существованіе таксы дѣлаетъ невозможными недоразумѣнія, споры и пререканія между адвокатомъ и кліентомъ, возникающія по окончаніи дѣла, и въ особенности въ случаѣ проигрыша его, и одинаково непріятныя для нихъ обоихъ.

Всѣ эти соображенія основываются на молчаливо допускаемомъ предположеніи, что можно составить таксу, которая была бы хоть приблизительно справедлива въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но такое предположеніе совершенно ложно. «Всѣ»,—справедливо замѣчаетъ Бешорнеръ:— «кто размышлялъ о сущности таксы, пришли къ искреннему, неопровержимому убѣжденію, что такса, удовлетворяющая всѣмъ справедливымъ требованіямъ, представляетъ собой проблемму, которая никогда не можетъ быть разрѣшена [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если гонораръ — эквивалентъ за оказанную услугу, то онъ долженъ прежде всего соотвѣтствовать количеству и качеству труда, затрачиваемаго адвокатомъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Слѣдовательно, задача таксы состоитъ въ томъ, чтобы, принявъ за масштабъ этотъ признакъ, распредѣлить всѣ дѣла на группы, сообразно съ количествомъ и качествомъ требуемаго каждой изъ нихъ адвокатскаго труда. Съ перваго же взгляда видно, что этого невозможно сдѣлать, такъ какъ адвокатскій трудъ не поддается объективному измѣренію и измѣняется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Такимъ образомъ, составитель таксы принужденъ поставить въ основу ея какой-нибудь другой признакъ, доступный точному измѣренію. И, дѣйствительно, мы видѣли, что во всѣхъ существующихъ на практикѣ таксахъ, каковы германская, русская и нѣ-

[1]) *Beschorner* (cit. von Prischl, 375, 376).

которыя другія, главнымъ масштабомъ для опредѣленія адвокатскаго гонорара служитъ цѣна иска: адвокаты получаютъ опредѣленный процентъ со всей исковой суммы. Къ этому основному масштабу прибавляются еще и другіе. Такъ, при одинаковой цѣнѣ иска гонораръ то уменьшается, то увеличивается, сообразно съ родомъ и инстанціей судовъ (обще-гражданскіе и коммерческіе, первой инстанціи, апелляціонные и кассаціонные), исходомъ дѣла, фазисомъ процесса, на которомъ оно заканчивается и т. п. Но такъ какъ цѣна иска и всѣ эти побочныя обстоятельства не имѣютъ никакого отношенія ни къ количеству, ни къ качеству адвокатскаго труда, то произвольность таксы, построенной на такихъ шаткихъ основаніяхъ, очевидна. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ двухъ дѣлъ, за исключеніемъ, конечно, безспорныхъ, которыя, будучи одинаковы по цѣнѣ иска и подлежа разбору одной и той же инстанціи, требовали бы отъ адвоката равнаго количества труда. А между тѣмъ, вознагражденіе его будетъ одинаково, все равно приготовлялся ли онъ къ дѣлу въ теченіе цѣлыхъ дней и недѣль или же импровизировалъ защитительную рѣчь безъ всякой подготовки.

Но несправедливая для гражданскихъ дѣлъ, такса становится въ уголовныхъ дѣлахъ чистѣйшимъ абсурдомъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ внѣшнимъ признакомъ соизмѣрять величину адвокатскаго труда? Съ родомъ преступленія, совершеннаго подсудимымъ, защиту котораго ведетъ адвокатъ? Но нерѣдко дѣло объ убійствѣ представляетъ меньше трудностей для защитника, чѣмъ обвиненіе въ простой кражѣ или личной обидѣ. Въ такомъ случаѣ съ тяжестью наказанію, грозящаго подсудимому? Но и она не имѣетъ никакого отношенія къ трудности и сложности дѣла. Какъ же быть? Русская такса умалчиваетъ совершенно и, конечно, вполнѣ разумно о вознагражденіи за уголовныя защиты, предоставляя ихъ взаимному соглашенію. Германская такса принимаетъ за масштабъ гонорара различіе инстанцій: чѣмъ выше инстанція, тѣмъ больше вознагражденіе адвоката. Съ перваго же взгляда видно, что этотъ масштабъ чисто внѣшній, не имѣющій отношенія ни къ труду адвоката, ни къ сложности дѣла. Отсюда видно, что установленіе сколько-нибудь справедливой таксы совершенно невозможно, и что существующія на практикѣ таксы основаны на

произволѣ и одинаково невыгодны какъ для адвокатовъ, не вознаграждаемыхъ за труды и таланты, такъ и для кліентовъ, имущественное положеніе которыхъ не принимается въ разсчетъ.

Д. *Смѣшанныя системы.*

Ни одинъ изъ разобранныхъ нами способовъ исчисленія адвокатскаго гонорара не выдерживаетъ критики. Но, быть можетъ, не состоятельные порознь, они окажутся цѣлесообразными, если ихъ соединить вмѣстѣ? Эта мысль не разъ была осуществляема на практикѣ, и до настоящаго времени смѣшанныя системы удерживаются на континентѣ Европы.

Разсмотримъ ихъ по порядку.

Римская система. По законамъ Юстиніана (см. ч. I, стр. 65), адвокатскій гонораръ опредѣляется двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, адвокаты имѣли право заключать условія съ кліентами, но не до начала процесса, а по окончаніи судебнаго слѣдствія. Во-вторыхъ, если такого соглашенія не было, то по иску адвоката судъ опредѣлялъ гонораръ, сообразуясь съ родомъ дѣла, талантомъ адвоката, обычаями адвокатуры и важностью судебной инстанціи. Въ обоихъ случаяхъ размѣръ гонорара не долженъ былъ превосходить опредѣленной суммы (500 рублей).

Поскольку при этой системѣ допускается судебное опредѣленіе гонорара, постольку неудовлетворительность ея представляется ясной съ перваго взгляда. Что же касается второго элемента,—договорнаго опредѣленія, то онъ въ виду своего особаго характера требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Говоря выше объ опредѣленіи гонорара по соглашенію, мы имѣли въ виду соглашеніе до начала процесса и убѣдились, что оно даетъ широкій просторъ для произвола со стороны адвоката по отношенію къ психически-угнетенному кліенту. Но очевидно, что послѣ окончанія дѣла положеніе обѣихъ сторонъ измѣняется. Кліентъ выходитъ изъ тягостнаго состоянія неизвѣстности и боязни; его судьба свершилась; правосудіе произнесло свой приговоръ. Слѣдовательно, нравственная зависимость его отъ адвоката прекратилась, и онъ можетъ вступить въ договоръ съ полнымъ сознаніемъ и свободой выбора. Съ другой стороны, адво-

катъ уже исполнилъ свою обязанность, уже оказалъ кліенту услугу. Слѣдовательно, вступленіе въ договоръ относительно веденія дѣла для него невозможно, такъ какъ это веденіе уже закончено имъ, и онъ лишенъ свободы выбора. Въ виду этого, условіе, заключаемое послѣ рѣшенія дѣла, представляетъ собой уже не двустороннее, а одностороннее обязательство, не договоръ, а послѣдующее признаніе долга, равносильное тому, какъ если бы кто-нибудь, занявъ деньги на честное слово, впослѣдствіи выдалъ формальное обязательство. Отсюда ясно, что въ то время, какъ при соглашеніи до начала процесса кліентъ находится въ зависимости отъ произвола адвоката, при римской системѣ, наоборотъ, адвокатъ зависитъ отъ произвола кліента, который можетъ не только не согласиться на предложенныя адвокатомъ условія, но и просто не дать ему никакого обязательства. Какъ размѣръ адвокатскаго гонорара, такъ и уплата его ставится на благоусмотрѣніе кліента. Если онъ честенъ, если онъ умѣетъ чувствовать признательность и цѣнить оказываемыя ему услуги, то онъ вознаградитъ адвоката, какъ слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, гонораръ, получаемый адвокатомъ, представляетъ собой не эквивалентъ за будущую услугу, а добровольный подарокъ въ благодарность за уже исполненное дѣйствіе. Сущность подарка нисколько не измѣняется отъ того, имѣетъ ли онъ видъ наличныхъ денегъ или обязательства, а потому, договорное опредѣленіе гонорара послѣ процесса тождественно съ относительной безвозмездностью, которая будетъ нами разсмотрѣна ниже.

Германская система основана на принципѣ свободнаго соглашенія, восполняемаго таксой, опредѣленіемъ совѣта сословія и суда (см. ч. I, стр. 273).

Такса вступаетъ въ дѣйствіе въ двухъ случаяхъ: 1) если не заключено письменнаго условія, и 2) если кліентъ, не желая заключать его, требуетъ опредѣленія гонорара по таксѣ. Первый случай имѣетъ мало практическаго значенія, такъ какъ при свободѣ соглашенія каждый адвокатъ предпочтетъ выговаривать себѣ большее вознагражденіе, чѣмъ слѣдуетъ по таксѣ. Это подтверждается, какъ мы видѣли, и опытомъ (см. стр. 280). Второй случай имѣетъ еще меньше значенія. Съ перваго взгляда ясно,

что если кліентъ не захочетъ вступать въ соглашеніе о гонорарѣ, а потребуетъ опредѣленія его по таксѣ, то адвокатъ можетъ согласиться или отказаться, т. е. другими словами, въ данномъ случаѣ тоже будетъ соглашеніе.

Опредѣленіе гонорара совѣтомъ сословія дѣлается только по требованію кліента, въ случаѣ недоразумѣнія между нимъ и адвокатомъ, а потому, носитъ совершенно случайный характеръ. Точно также судъ вмѣшивается въ денежные разсчеты между ними по просьбѣ кліента; но за то онъ имѣетъ право уменьшать гонораръ, даже обусловленный письменнымъ соглашеніемъ, если найдетъ, что адвокатъ «переступилъ границу умѣренности». Судебное опредѣленіе должно, такимъ образомъ, служить гарантіей противъ произвола адвоката. Но такъ какъ «граница умѣренности» весьма неопредѣленное и растяжимое понятіе, то ясно, что произволъ адвоката смѣняется въ данномъ случаѣ не менѣе произвольнымъ усмотрѣніемъ суда.

Такимъ образомъ, ни основной принципъ германской системы — свободное соглашеніе,—ни поправки, внесенныя въ него другими тремя принципами, не выдерживаютъ критики.

Русская система (см. стр. 330) мало чѣмъ отличается отъ германской. Основнымъ началомъ ея служитъ — письменное соглашеніе. Если оно не заключено, то гонораръ опредѣляется или по таксѣ, причемъ споры по этому поводу рѣшаетъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, или, если такса непримѣнима къ данному дѣлу (напр., когда оно не подлежитъ оцѣнкѣ), то судомъ. Такимъ образомъ, въ русскомъ законѣ не установлено даже той гарантіи противъ произвола адвокатовъ, какая имѣется въ германскомъ.

Въ австрійской системѣ (см. стр. 297) пока еще нѣтъ таксы, хотя послѣдняя уже выработана, и, быть можетъ, будетъ введена. Въ остальныхъ отношеніяхъ господствуютъ тѣ же принципы, какіе приняты въ германской и русской системахъ: взаимное соглашеніе, а при отсутствіи его опредѣленіе судомъ или, по желанію одной изъ сторонъ, совѣтомъ сословія.

Въ дореформенной Германіи (см. стр. 239) господствовали двѣ системы: въ Брауншвейгѣ и Ганноверѣ письменное соглашеніе, восполнявшееся таксой, а въ остальныхъ государствахъ

таксы, примѣняемыя судами. Первая система одинакова съ австрійской. Вторая еще менѣе состоятельна, чѣмъ первая, такъ какъ основывается на двойномъ произволѣ: таксы и судебнаго опредѣленія.

Возможныя смѣшанныя системы. Четыре принципа (соглашеніе, опредѣленіе судомъ, опредѣленіе совѣтомъ и такса) могутъ быть соединены между собой самымъ различнымъ образомъ, причемъ число всѣхъ возможныхъ сочетаній, какъ учитъ математика, равняется шестидесяти. Изслѣдованіе всѣхъ ихъ порознь было бы и черезчуръ утомительно и, къ счастію, совершенно излишне, такъ какъ напередъ можно было сказать, что ни одно изъ нихъ не будетъ цѣлесообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, соединеніе двухъ элементовъ можетъ принести лучшіе результаты, чѣмъ каждый изъ нихъ взятый порознь, только въ томъ случаѣ, если невыгодныя стороны и недостатки одного парализуются и вознаграждаются соотвѣтствующими достоинствами другаго: такъ кислородъ и водородъ, неспособные въ отдѣльности поддерживать органическую жизнь, смѣшавшись, образуютъ необходимую для ея развитія среду. Но что мы видимъ въ данномъ случаѣ? Главный недостатокъ каждаго изъ четырехъ указанныхъ способовъ опредѣленія размѣровъ гонорара — произвольность. Отсюда понятно, что какъ-бы ни комбинировать ихъ между собой, ничего, кромѣ произвольности, не можетъ получиться. Разница будетъ только въ томъ, кому достанется главная роль: произволу-ли адвокатовъ, судей, совѣта сословія или таксы.

Итакъ, въ концѣ концовъ мы приходимъ къ заключенію, что ни одинъ изъ способовъ опредѣленія гонорара, какъ эквивалента адвокатскаго труда, не удовлетворяетъ своей цѣли.

§ 4.

Что такое гонораръ?

Въ предыдущемъ параграфѣ мы все время предполагали, что вознагражденіе, получаемое адвокатомъ, должно быть въ каждомъ данномъ случаѣ точнымъ эквивалентомъ оказанной имъ частному

лицу услуги. Теперь намъ нужно разсмотрѣть принципіальный вопросъ о томъ, какъ слѣдовало бы вознаграждать адвокатовъ, и что такое въ сущности адвокатскій гонораръ. Отвѣта на этотъ вопросъ мы будемъ искать не въ какихъ-либо побочныхъ обстоятельствахъ и практическихъ соображеніяхъ, а въ самой сущности института правозаступничества: только такимъ путемъ возможно найти правильное рѣшеніе. Въ другомъ мѣстѣ (см. ч. II, введ., §§ 1 и 2) было показано, что правозаступничество—институтъ публичнаго права, что оно представляетъ собой служеніе обществу, и что адвокаты являются, какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ процессѣ «уполномоченными общества» подобно тому, какъ прокуроры — представители государства. Отсюда само собой слѣдуетъ, что содержаніе адвокатовъ должно взять на себя общество точно такъ-же, какъ содержаніе прокуроровъ принято государствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличается дѣятельность адвокатовъ, если ее разсматривать, какъ общественное служеніе, отъ дѣятельности прокуратуры. Рѣшительно ничѣмъ. Адвокаты защищаютъ индивидуальныя права гражданъ и приносятъ имъ пользу. Но и прокуроры тоже оказываютъ пользу частнымъ лицамъ, защищая на судѣ интересы потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ и преслѣдуя нарушителей ихъ правъ. Они являются, такимъ образомъ, адвокатами частныхъ обвинителей, и дѣйствительно, исторія учитъ, что много времени прошло прежде, чѣмъ прокуроры изъ защитниковъ частныхъ лицъ обратились въ служителей государства и представителей его карательной власти (см. введ., § 2), и что въ Англіи вплоть до 1879 года ихъ обязанности исполнялись обыкновенными адвокатами, которые выступали, смотря по обстоятельствамъ, въ защиту то подсудимыхъ, то потерпѣвшихъ и получали вознагражденіе то отъ первыхъ, то отъ вторыхъ. Однако такое частно-правное воззрѣніе на прокуратуру признано во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ ошибочнымъ; прокуратура сдѣлана государственнымъ учрежденіемъ, содержится казной, и прокуроры не только не получаютъ вознагражденія отъ частныхъ лицъ, которымъ оказываютъ услуги, но и подлежатъ наказанію, если бы вздумали принять отъ кого-либо изъ нихъ простой подарокъ. Ихъ содержитъ государство, потому что они служатъ прежде всего ему и дѣйствуютъ во имя его.

Въ аналогичномъ положеніи должна была бы, собственно говоря, находиться и адвокатура. Правозаступникъ—представитель общества: онъ защищаетъ интересы частныхъ лицъ, но лишь по стольку, поскольку эти интересы заслуживаютъ охраны права, т.-е., поскольку они соотвѣтствуютъ общественному благу, а слѣдовательно, дѣйствуя во имя общества, онъ и содержаніе долженъ получать отъ него, а не отъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, какую бы пользу ни приносила послѣднимъ его дѣятельность. Другими словами, самымъ правильнымъ способомъ вознагражденія адвокатовъ было бы, чтобы они состояли на постоянномъ жалованіи у общества, какъ прокуроры состоятъ на жалованіи у государства, и чтобы кліенты могли пользоваться ихъ услугами безвозмездно.

Изъ этого видно, что предположеніе, изъ котораго мы исходили въ предыдущемъ параграфѣ, именно, что гонораръ долженъ представлять собой точный эквивалентъ оказываемой адвокатомъ частному лицу услуги, совершенно ложно, такъ какъ оно противорѣчитъ сущности правозаступничества, какъ служенія обществу, а не частнымъ лицамъ.

Но какимъ же образомъ устроить содержаніе правозаступничества на общественный счетъ? Этотъ вопросъ находится въ прямой зависимости отъ другаго, именно отъ того, какъ организовать адвокатуру въ формѣ «общественной защитительной власти», наряду съ государственной обвинительной властью. Въ своемъ мѣстѣ (см. введ., § 1) мы указывали уже, что такая организація, представляется, по крайней мѣрѣ, въ наши дни невозможной. Поэтому, въ настоящее время остается только пріискать такой способъ вознагражденія, который наиболѣе приближаясь къ нормальному и не противорѣча сущности правозаступничества, могъ бы быть примѣненъ къ адвокатурѣ, организованной въ видѣ относительно свободной, связанной съ магистратурой и самоуправляющейся профессіи.

Такой способъ существуетъ: это — относительная безвозмездность.

§ 5.

Относительная безвозмездность.

Содержаніе правозаступниковъ должно бы было взять на себя, какъ мы только что показали, общество подобно тому, какъ содержаніе прокуратуры принято государствомъ. Если бы это возможно было осуществить, то спрашивается откуда и какимъ образомъ общество почерпало бы необходимыя денежныя средства? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно посмотрѣть, какъ поступаетъ въ подобномъ случаѣ государство.

Доходы государства раздѣляются на промысловые, извлекаемые имъ изъ своихъ имуществъ, капиталовъ и предпріятій, въ качествѣ частнаго юридическаго лица, и непромысловые или публично-правовые, которые оно взимаетъ съ подданныхъ въ силу своей верховной власти въ видѣ налоговъ и пошлинъ. О промысловыхъ доходахъ общества не можетъ быть рѣчи въ виду того, что общество не существуетъ въ видѣ самостоятельнаго юридическаго лица и никакихъ собственныхъ имуществъ и капиталовъ не имѣетъ. Обложить всѣхъ своихъ членовъ налогомъ или взимать съ нихъ пошлины за пользованіе услугами адвокатовъ оно тоже не въ состояніи, такъ какъ, съ одной стороны, оно не имѣетъ необходимой для этого власти надъ своими членами, а съ другой стороны, подобное взиманіе требуетъ особой и весьма сложной организаціи. Остается сдѣлать одно: постановить, чтобы каждое лицо, пользующееся услугами адвоката, уплачивало за это извѣстную пошлину, подобную той, какая платится за пользованіе государственными учрежденіями,—административными и судебными, но уплачивало не общественной казнѣ, которой нѣтъ и въ настоящее время не можетъ быть, а непосредственно тому адвокату, который оказалъ данную услугу.

При такомъ воззрѣніи, гонораръ, получаемый адвокатами отъ кліента, представляетъ собой замаскированную пошлину за пользованіе правозаступничествомъ, какъ общественнымъ учрежденіемъ.

Но если это такъ, если гонораръ пошлина, то онъ долженъ удовлетворять всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ нея.

Въ виду этого, намъ необходимо войти въ разсмотрѣніе сущности пошлинъ.

Съ теоретической точки зрѣнія не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что единственнымъ вполнѣ справедливымъ и правильнымъ источникомъ государственнаго дохода является подоходный налогъ [1]). Всѣ же остальные сборы, взимаемые на практикѣ, оправдываются только невозможностью получить необходимыя средства изъ этого источника. Такимъ образомъ, и пошлины, т.-е. сборы, взимаемые съ гражданъ, пользующихся услугами государственныхъ учрежденій, представляютъ собой не болѣе, какъ подспорье, безъ котораго въ настоящее время нельзя обойтись.

Съ этой точки зрѣнія онѣ и разсматриваются финансовой наукой, которая, принимая во вниманіе ихъ второстепенную роль, выставляетъ три главныя требованія: 1) чтобы онѣ были умѣрены и необременительны для гражданъ; 2) чтобы съ бѣдныхъ лицъ онѣ совсѣмъ не взимались, и 3) чтобы высота ихъ соразмѣрялась съ количествомъ труда и времени, затрачиваемыхъ правительственнымъ учрежденіемъ на данную услугу, а не съ важностью этой услуги. Таковы основныя черты научной теоріи пошлинъ, установленной впервые Умпфенбахомъ [2]).

Изъ сказаннаго видно, что эта теорія построена на томъ предположеніи, что пошлины только побочный, дополняющій налоги источникъ дохода. Между тѣмъ, для нашей цѣли нужно опредѣлить, какимъ условіямъ должны бы были удовлетворять пошлины, если бы онѣ являлись единственнымъ источникомъ государственнаго дохода. Попытаемся сдѣлать это. Какъ только-что было сказано, самой справедливой формой государственныхъ сборовъ является подоходный налогъ. Слѣдовательно, если бы государство получало всѣ средства, необходимыя для содержанія своихъ учрежденій, исключительно изъ пошлинъ, то и пошлины

---

[1]) Объясненіе см. у *Вредена* (Финансовый кредитъ, 1871, гл. IV).

[2]) *Umpfenbach*: Lehrbuch der Finanzenwissenschaft, 1859, I, 58 ff. Его теорія принята всѣми послѣдующими авторам. См. *Pay*: Основныя начала финанс. науки, 1867, 258; *Потлаевскій*: Курсъ финанс. пр. 1885, 115; *Иловайскій*: Конспектъ лекцій по финанс. пр., 1889, 78.

должны были бы, прежде всего, въ интересахъ справедливости, удовлетворять тому-же условію, какъ и подоходный налогъ, т.-е. соразмѣряться съ платежной способностью гражданъ. Вотъ первый принципъ пошлиннаго обложенія. Согласно съ нимъ, за одно и то же дѣйствіе органа правительственной власти совершенно неимущіе граждане могутъ ничего не платить, бѣдные—вносить небольшую плату, а богатые—пропорціонально бо́льшую.

Однако одного этого принципа недостаточно; необходимо еще найти масштабъ для опредѣленія размѣровъ пошлины за услуги разнаго качества и разной цѣнности. Такимъ масштабомъ можетъ служить либо сравнительная важность данной услуги для гражданина, либо количество времени и труда, затрачиваемое органомъ власти на эту услугу. Въ господствующей теоріи пошлинъ преимущество отдается послѣднему принципу [1]). Но такъ какъ мы выходимъ изъ другаго предположенія и считаемъ пошлину единственнымъ источникомъ дохода, то должны принять другое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если пошлина—суррогатъ подоходнаго налога, то основнымъ свойствомъ ея должна быть соразмѣрность платежной способности гражданъ. А такъ какъ количество затрачиваемаго времени и труда на данную услугу нисколько не вліяетъ на увеличеніе этой способности, то, слѣдовательно, не можетъ имѣть отношенія и къ размѣру пошлины. И въ самомъ дѣлѣ, очень важныя для гражданъ услуги могутъ требовать отъ органовъ власти ничтожнаго труда и незначительнаго времени, а совершенно неважныя — поглощать очень много времени и труда. Такъ, утвержденіе духовнаго завѣщанія или купчей крѣпости на милліонъ рублей легко выполнить, между тѣмъ какъ какой-нибудь грошевый процессъ изъ-за неисполненія обязательства крайне запутанъ и труденъ для разрѣшенія. Если бы опредѣлять пошлины по этому масштабу, то многіе граждане не могли бы пользоваться услугами государственныхъ учрежденій вслѣдствіе громадныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ этимъ. А такой результатъ вреденъ, такъ какъ государственныя учрежденія созданы для всѣхъ гражданъ, а не для нѣкоторыхъ. Наоборотъ, если принять за масштабъ важность услугъ, то подобное явленіе не мо-

[1]) *Umpfenbach*, I 66; *Pay*, 258; *Потлаевскій*, 118.

жетъ произойти. Каждая услуга приноситъ гражданину извѣстную большую или меньшую, матеріальную или нематеріальную пользу и, такимъ образомъ, иногда непосредственно увеличиваетъ его платежную способность (напр., присужденіе опредѣленной суммы, утвержденіе въ правахъ наслѣдства и т. п.), а иногда косвенно вліяетъ на его благосостояніе (охрана нарушеннаго права). Въ обоихъ случаяхъ гражданинъ получаетъ отъ дѣйствій правительственнаго учрежденія извѣстную выгоду. Поэтому, вполнѣ справедливо, чтобы взимаемая съ него пошлина соразмѣрялась съ этой выгодой.

Примѣняя эти соображенія къ адвокатскому гонорару, мы придемъ къ выводу, что въ качествѣ пошлины онъ долженъ соразмѣряться: 1) съ платежной способностью кліента и 2) съ важностью для него оказанной адвокатомъ услуги.

Но, спрашивается, кому же предоставить опредѣленіе размѣровъ гонорара въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Взаимному соглашенію между адвокатомъ и кліентомъ? Оно имѣло бы еще смыслъ, если бы гонораръ былъ эквивалентомъ оказанной адвокатомъ услуги, но такъ какъ количество и качество адвокатскаго труда не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія размѣровъ гонорара, и такъ какъ, слѣдовательно, личный интересъ адвоката не принимается въ разсчетъ, то и заключеніе какихъ бы то ни было сдѣлокъ о гонорарѣ не можетъ быть допустимо. Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ мы уже показали, что такія сдѣлки носятъ на себѣ презумпцію недѣйствительности, въ виду неодинаковаго положенія договаривающихся сторонъ (см. § 3, А). Точно также невозможно предоставить опредѣленіе гонорара суду или совѣту сословія, такъ какъ они не имѣютъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы судить объ имущественномъ положеніи тяжущихся и важности для нихъ той или другой услуги. Такса тоже не въ состояніи служить подходящимъ способомъ опредѣленія гонорара въ виду того, что ни платежная способность, ни важность услугъ не поддаются точному измѣренію и не могутъ быть подведены подъ заранѣе установленныя рубрики. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже адвокатскія услуги были раздѣлены въ таксѣ на группы сообразно съ важностью ихъ и было означено, какой процентъ годоваго дохода должны уплачивать тяжу-

щіеся, въ качествѣ гонорара, то и тогда пришлось бы въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять платежную способность кліента и сравнительную важность для него этой услуги, такъ что такса сама по себѣ была бы недостаточной. Мало того. Важность услуги для тяжущагося — понятіе чисто субъективное, не поддающееся посторонней оцѣнкѣ: для одного выигрышъ дѣла въ 100 руб. или освобожденіе отъ недѣльнаго ареста важнѣе, чѣмъ для другаго выигрышъ тысячнаго процесса или избавленіе отъ пятилѣтняго тюремнаго заключенія. Точно также платежная способность зависитъ не только отъ количества получаемаго дохода, но и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ, какъ то сословнаго положенія, семейной обстановки, потребностей жизни и т. п., обстоятельствъ, которыя тоже не могутъ быть точно измѣрены и выражены въ цифрахъ. Въ виду этого, составленіе таксы по указаннымъ двумъ масштабамъ рѣшительно невозможно.

Остается, слѣдовательно, предоставить опредѣленіе размѣровъ гонорара самому кліенту, какъ единственному лицу, которому извѣстна истинная его платежная способность и субъективная важность оказанной ему услуги. Другими словами, адвокатъ долженъ принимать отъ кліента гонораръ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ему предлагаетъ самъ кліентъ. При такомъ порядкѣ гонораръ принимаетъ внѣшній видъ подарка. Этой системѣ мы дали названіе относительной безвозмездности въ виду того, что она занимаетъ среднее мѣсто между абсолютной безвозмездностью и эквивалентной возмездностью.

Но теперь возникаетъ важный вопросъ: какъ же быть, если кліентъ оказывается неблагодарнымъ и не даетъ адвокату никакого вознагражденія?

Чтобы дать правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно снова вспомнить, что такое въ сущности адвокатскій гонораръ. Это вознагражденіе, слѣдующее адвокату съ общества и уплачиваемое ему въ видѣ пошлинъ самимъ кліентомъ. Несомнѣнно, что адвокатъ, служа обществу, въ правѣ требовать отъ него вознагражденія за свои труды. Но такъ какъ уплата его возложена обществомъ на отдѣльныхъ лицъ, прибѣгающихъ къ услугамъ адвоката, то послѣдній имѣетъ право искать этотъ гонораръ съ нихъ. Говоря иначе, адвокатъ могъ бы предъявлять искъ о го-

норарѣ къ обществу, а, слѣдовательно, можетъ предъявлять его и къ кліенту.

На первый взглядъ можетъ показаться, что допущеніе такого иска противорѣчитъ тому положенію, что адвокатъ долженъ принимать вознагражденіе, подносимое кліентомъ по своему собственному усмотрѣнію, т.-е., что гонораръ является въ нѣкоторомъ родѣ добровольнымъ подаркомъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Въ вопросѣ о гонорарѣ надо различать два элемента: размѣръ и уплату. Если опредѣленіе размѣра предоставляется кліенту, то только потому, что кліентъ лучше кого-либо другаго знаетъ свои средства и важность полученной услуги. Но уплата или неуплата гонорара не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ его воли въ виду того, что гонораръ является своего рода пошлиной на содержаніе правозаступничества, а потому взносъ ея обязателенъ. Мало того. Если государство караетъ штрафомъ лицъ, уклоняющихся отъ уплаты пошлинъ въ случаяхъ, когда эта уплата требуется закономъ, то вполнѣ справедливо, чтобы и недобросовѣстные кліенты, не вознаградившіе совершенно адвоката, подвергались такому же штрафу, который поступалъ бы въ общую кассу адвокатскаго сословія. Такимъ путемъ можно было бы искоренить неблагодарность кліентовъ.

Адвокату должно быть предоставлено право иска еще въ одномъ случаѣ, именно, когда кліентъ предлагаетъ вознагражденіе, явно несоразмѣрное своимъ средствамъ и важности оказанной услуги, такъ напр., если милліонеръ даетъ такую сумму, какую обыкновенно уплачиваютъ за дѣла даннаго рода люди средняго состоянія. Недопущеніе иска о добавочномъ гонорарѣ дало бы возможность недобросовѣстнымъ кліентамъ безнаказанно эксплуатировать трудъ адвокатовъ, такъ какъ каждый изъ нихъ могъ бы лишить адвоката права на искъ, уплативъ ему хотя бы самую ничтожную сумму и даже оскорблять его присылкой грошевого вознагражденія за самое важное дѣло.

Опредѣливъ, когда искъ о гонорарѣ допустимъ, нужно также рѣшить, когда онъ не можетъ быть допущенъ. Размѣръ гонорара есть произведеніе двухъ факторовъ: платежной способности кліента и важности оказанной ему услуги. Отсюда ясно, что если одинъ изъ факторовъ равенъ нулю, то и размѣръ гонорара долженъ

обратиться въ нуль. Другими словами, если кліентъ абсолютно бѣденъ, то онъ имѣетъ право пользоваться услугами адвокатовъ безвозмездно. Правильность этого вывода не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ если бы даже адвокатовъ содержало само общество, то и тогда онъ все-таки не участвовалъ бы въ этомъ содержаніи, такъ какъ, не имѣя имущества, не платилъ бы никакого налога. Съ другой стороны, адвокатъ не можетъ требовать гонорара судомъ, если важность его услуги равна нулю, а это бываетъ въ томъ случаѣ, когда дѣло проиграно. Такой порядокъ долженъ быть признанъ вполнѣ справедливымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Если бы адвокаты содержались обществомъ, то размѣръ ихъ вознагражденія точно такъ-же не зависилъ бы отъ исхода дѣлъ, какъ и жалованіе прокуроровъ. Но адвокаты не имѣли бы тогда никакого повода браться за неосновательныя и завѣдомонеправыя дѣла. Между тѣмъ при организаціи правозаступничества въ видѣ свободной профессіи перспектива денежнаго заработка можетъ побуждать ихъ къ принятію подобнаго рода процессовъ. Въ виду этого, допущеніе иска о гонорарѣ при проигрышѣ дѣла можетъ повлечь за собой неразборчивость при выборѣ дѣлъ, подстрекательство кліентовъ къ неосновательнымъ искамъ и защиту завѣдомо-виновныхъ и незаслуживающихъ снисхожденія съ точки зрѣнія общественнаго интереса преступниковъ. Кромѣ того, было бы противно гуманности дозволять адвокатамъ судебное требованіе гонорара съ кліентовъ, приговоренныхъ судомъ къ уголовнымъ наказаніямъ, и отягощать матеріальными издержками ихъ и безъ того крайне тяжелое положеніе. Равнымъ образомъ, несправедливо было бы принуждать кліента, проигравшаго процессъ и терпящаго, поэтому, матеріальный ущербъ, къ уплатѣ гонорара адвокату, который, быть можетъ, побудилъ его начать дѣло и тѣмъ вовлекъ въ убытки. Правда, во многихъ случаяхъ проигрышъ дѣла зависитъ не отъ незнанія или небрежности адвоката, а отъ другихъ причинъ, какъ-то отъ ошибки суда, отъ случайно открывшихся новыхъ обстоятельствъ, представленныхъ противной стороной и неизвѣстныхъ дотолѣ доводовъ и т. п. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ возможности опредѣлить степень виновности адвоката въ проигрышѣ дѣла, то цѣлесообразнѣе всего предоставить рѣшеніе этого щекотливаго вопроса совѣсти кліента.

Если онъ убѣжденъ въ усердіи и честности своего адвоката, если онъ видитъ, что процессъ потерянъ не по его винѣ, то онъ не оставитъ его трудовъ безъ вознагражденія. Но принуждать его къ благодарности при неудачномъ исходѣ дѣла было бы несправедливо и нецѣлесообразно въ виду возможныхъ злоупотребленій со стороны адвокатовъ.

Остается еще рѣшить, кому должно быть предоставлено опредѣленіе размѣровъ гонорара въ случаѣ предъявленія иска о немъ. Здѣсь могутъ быть два способа: или поручить это всецѣло усмотрѣнію суда съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно испрашивалъ мнѣнія совѣта адвокатскаго сословія, или же установить таксу. Въ виду того, что усмотрѣніе суда дало бы просторъ произволу, и что мнѣніе совѣта имѣетъ значеніе только для правильной оцѣнки труда, затраченнаго адвокатомъ, и при нашемъ воззрѣніи на гонораръ, не играющаго никакой роли, то проще и цѣлесообразнѣе установить таксу. Въ гражданскихъ дѣлахъ она должна соразмѣряться съ цѣною иска, служащей хоть отчасти мѣриломъ важности оказываемыхъ адвокатами услугъ, а въ уголовныхъ (и не подлежащихъ оцѣнкѣ) опредѣлять минимумъ и максимумъ вознагражденія, въ предѣлахъ которыхъ судъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, принимая во вниманіе имущественное положеніе кліента и важность услуги. А такъ какъ два послѣднія обстоятельства лучше всего извѣстны суду, разбиравшему дѣло, за которое требуется гонораръ, то ему должны быть и подсудны такіе иски. Разбирательство можетъ быть упрощеннымъ, безъ вызова сторонъ, на основаніи письменнаго заявленія адвоката и по истребованіи отъ кліента объясненій.

Что касается, наконецъ, бѣдныхъ тяжущихся, то какъ мы сказали, они имѣютъ право не платить гонорара. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы каждый адвокатъ обязанъ былъ принимать защиту дѣлъ всякаго такого кліента, обратившагося къ нему. Бѣдные граждане могутъ пользоваться безпошлинно адвокатурой, какъ общественнымъ учрежденіемъ, подобно тому, какъ пользуются государственными учрежденіями—судами. Слѣдовательно, принять ихъ права подъ свою защиту должна вся адвокатура, т. е. все сословіе адвокатовъ, а не единичные члены его. Съ этой цѣлью необходимо организовать защиту по назначенію въ такомъ видѣ,

чтобы лицамъ, пользующимся на судѣ правомъ бѣдности, давались совѣтомъ сословія безплатные защитники. Обязанности такихъ защитниковъ должны по очереди исполнять всѣ безъ исключенія члены сословія. Тогда тягость этой общественной повинности распредѣлится между ними поровну и не будетъ обременительна ни для кого изъ нихъ.

Назначеніе адвокатовъ на защиту должно производиться еще въ одномъ случаѣ, именно, когда тяжущійся не можетъ найти себѣ адвоката. Подобные случаи будутъ нерѣдки въ виду того, что адвокаты, рискуя лишиться гонорара при проигрышѣ процесса, станутъ принимать только вполнѣ правыя и вѣрныя дѣла. Для того, чтобы лица, имѣющія хотя сомнительныя, но все-таки не безнадежныя дѣла, не оставались безъ защитника, имъ должно быть предоставлено право просить у совѣта сословія назначенія адвоката, внесши предварительно въ сословную кассу опредѣленную сумму. Совѣтъ назначаетъ одного изъ адвокатовъ по очереди и вручаетъ ему внесенный гонораръ за вычетомъ извѣстнаго процента въ пользу кассы сословія. По окончаніи дѣла кліентъ можетъ предложить адвокату дополнительный гонораръ, но адвокатъ не имѣетъ права требовать его судомъ, такъ какъ кліентъ уже уплатилъ пошлину авансомъ.

Въ концѣ концовъ мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Гонораръ представляетъ собой замаскированную пошлину за пользованіе правозаступничествомъ, какъ общественнымъ учрежденіемъ. Въ силу этого, онъ долженъ соразмѣряться съ платежной способностью кліента и важностью полученной имъ услуги. Всякія сдѣлки между адвокатомъ и кліентомъ относительно вознагражденія недѣйствительны. Адвокатъ обязанъ принимать гонораръ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ему предлагаетъ кліентъ. Если кліентъ не даетъ ничего или даетъ вознагражденіе, явно несоразмѣрное своему имущественному положенію и важности полученной услуги, то, въ случаѣ выигрыша дѣла, адвокатъ имѣетъ право предъявлять искъ о гонорарѣ. Въ такомъ случаѣ размѣръ его опредѣляется судомъ по таксѣ, и, вдобавокъ, кліентъ, уклонившійся отъ платежа, подвергается штрафу.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію доводовъ и возраженій, которые могутъ быть приведены въ пользу относительной безвозмездности и противъ нея, нужно устранить одно недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что въ первой части настоящаго сочиненія мы называли относительной безвозмездностью систему, господствующую во Франціи, Бельгіи и Англіи, при которой гонораръ разсматривается какъ почетный даръ, подносимый кліентомъ и недопускающій искового требованія. Между тѣмъ въ настоящее время мы подъ относительной безвозмездностью понимаемъ приравненіе гонорара къ пошлинѣ на содержаніе правозаступничества, уплата которой обязательна и можетъ быть вынуждена по суду.

Разница между обоими взглядами на гонораръ очевидна: она заключается въ признаніи права на искъ о гонорарѣ. Какъ же устранить это явное противорѣчіе? Очень просто. Дѣло въ томъ, что это различіе существуетъ только въ теоріи; на практикѣ же оно не имѣетъ почти никакого значенія и вотъ почему. Хотя искъ о гонорарѣ воспрещенъ въ Англіи закономъ, а во Франціи и Бельгіи сословными правилами профессіи, зато адвокаты этихъ странъ имѣютъ другіе, косвенные способы, вполнѣ замѣняющіе имъ прямое требованіе. Такъ, въ Англіи, по свидѣтельству Форсита, принадлежащаго къ сословію адвокатовъ, «гонораръ всегда опредѣляется повѣреннымъ и обозначается на оборотной сторонѣ акта, посылаемаго барристеру». Такъ какъ, по установившемуся обычаю, адвокатъ не входитъ въ личныя сношенія съ кліентами, а всѣ дѣла ведутся при участіи и посредствѣ повѣреннаго, то понятно, что адвокатъ рискуетъ не получить гонорара только въ случаѣ недобросовѣстности повѣреннаго. «Но, конечно», — замѣчаетъ Форситъ: — «онъ можетъ отклонить принятіе дѣла отъ повѣреннаго, честность котораго кажется ему подозрительной, если гонораръ не будетъ уплоченъ немедленно» [1]).

Французскіе адвокаты прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ, чтобы обезпечить себя отъ недобросовѣстности кліентовъ. Прежде всего, за уплатой гонорара адвокату обязанъ слѣдить повѣренный, ведущій дѣло вмѣстѣ съ нимъ. Онъ можетъ вознаградить адво-

[1]) *Gundermann*: Richteramt und Advocatur in England, 1870, 43, 44.

ката изъ собственныхъ средствъ, а затѣмъ требовать возмѣщенія расхода съ кліента. Далѣе, на практикѣ образовался обычай уплачивать часть гонорара до начала дѣла, въ видѣ аванса. Наконецъ, если кліентъ покидаетъ одного адвоката и обращается къ другому, то правила профессіи предписываютъ послѣднему не принимать дѣла, не удостовѣрившись сначала, что прежній адвокатъ удовлетворенъ вполнѣ [1]).

Въ Бельгіи уплата гонорара авансомъ не дозволяется, но за то принято, чтобы кліентъ оставлялъ гонораръ, въ видѣ залога, у повѣреннаго, который бы послѣ окончанія тяжбы передавалъ его адвокату [2]). Другіе два способа, употребляющіеся во Франціи, приняты и въ Бельгіи.

Такимъ образомъ, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Бельгіи гонораръ только въ теоріи считается необязательнымъ подаркомъ, а на самомъ дѣлѣ кліенты понуждаются къ уплатѣ его, хотя и не прямыми, а косвенными способами. Не отсутствіе иска о гонорарѣ составляетъ главную характеристическую черту, отличающую англо-французскую систему отъ австро-германской, а непризнаніе гонорара эквивалентомъ и запрещеніе всякихъ сдѣлокъ о немъ.

Но такъ какъ эта же черта составляетъ сущность предлагаемой нами системы, то мы въ правѣ признать ихъ тождественными и дать имъ одинаковое названіе — относительной безвозмездности.

§ 6.

Доводы и возраженія.

Въ пользу относительной безвозмездности можетъ быть приведенъ цѣлый рядъ соображеній.

Прежде всего, изъ всѣхъ разобранныхъ нами способовъ вознагражденія эта система наиболѣе подходитъ къ «общественному содержанію» правозаступничества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы показали, правильнѣе всего было бы, чтобы адвокаты состояли на

[1]) См. стр. 154, 155 и соч. *Mollot*, I, 119.

[2]) *Lachapelle-Montmoreau*, 54.

постоянномъ жалованіи у общества, и чтобы общество почерпало необходимыя для содержанія ихъ средства изъ подоходнаго налога, который бы уплачивался всѣми его членами. Отличительными чертами такой системы служили бы три обстоятельства: 1) расходы на содержаніе правозаступниковъ несли бы всѣ граждане; 2) несли бы соразмѣрно своей платежной способности, и 3) количество труда и времени, затрачиваемаго адвокатомъ въ каждомъ данномъ случаѣ, не имѣло бы для нихъ никакого значенія. Ни одно изъ этихъ условій не выполняется разсмотрѣнными нами раньше системами эквивалентнаго вознагражденія (по соглашенію, по опредѣленію суда или совѣта сословія, по таксѣ и по смѣшаннымъ способамъ), такъ какъ при нихъ гонораръ уплачивается не всѣми членами общества, а только нѣкоторыми, платежная способность кліентовъ почти или вовсе не принимается въ разсчетъ, а главную роль играетъ количество труда и времени, затрачиваемаго адвокатомъ, т.-е. какъ разъ тотъ элементъ, который не долженъ оказывать никакого вліянія на размѣръ вознагражденія. Между тѣмъ, при относительной безвозмездности не существуетъ только первое условіе, а два остальныя сохраняютъ полную силу: адвокатъ принимаетъ то, что даетъ кліентъ, а кліентъ, разумѣется, даетъ столько, сколько позволяютъ ему средства, и сообразуясь съ большей или меньшей важностью оказанной ему адвокатомъ услуги, а не съ количествомъ потраченнаго имъ труда.

Далѣе, разбираемая система вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію правозаступничества, какъ общественнаго служенія. Что такое адвокатъ? Уполномоченный общества на судѣ. Общество беретъ подъ охрану тѣхъ своихъ членовъ, которые въ качествѣ подозрѣваемыхъ и обвиняемыхъ преслѣдуются каратѣльной властью государства, а равнымъ образомъ, и тѣхъ, которые добиваются осуществленія своихъ справедливыхъ требованій въ гражданскомъ судѣ, и даетъ обоимъ, въ качествѣ защитниковъ, своихъ уполномоченныхъ представителей—адвокатовъ (см. введ., § 1). Отсюда слѣдуетъ, что каждый гражданинъ, заслуживающій того, чтобы общество взяло его подъ свое покровительство, имѣетъ одинаковое право пользоваться услугами правозаступниковъ, все равно, будетъ ли онъ богатъ или бѣденъ, знатенъ и вліятеленъ или ничтоженъ по своему положенію. Если только его права и инте-

ресы могутъ быть защищаемы съ точки зрѣнія общественнаго блага, адвокатъ долженъ принять его дѣло и приложить всѣ старанія, чтобы оно было выиграно. Если судъ долженъ быть правымъ и равнымъ для всѣхъ, если прокуратура обязана преслѣдовать всѣ нарушенія уголовнаго закона, кѣмъ бы они ни были произведены, то и адвокатура не имѣетъ права руководствоваться при защитѣ подсудимыхъ какими-либо иными соображеніями. Для судьи, прокурора и адвоката не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни сильныхъ, ни слабыхъ, а только виновные и невинные, правые и неправые. Теперь предположимъ, что гонораръ, получаемый адвокатомъ, представляетъ собой денежный эквивалентъ оказанной имъ услуги, т.-е., что размѣръ его пропорціоналенъ количеству труда и времени, затраченныхъ на данную услугу. Что окажется въ результатѣ? А то, что бѣдныя лица очутятся въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ богатыя, такъ какъ многія адвокатскія услуги, которыя легко могутъ быть вознаграждены послѣдними, будутъ недоступны для первыхъ. Устройство безплатной защиты по назначенію для лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, не въ состояніи вполнѣ предотвратить этого результата въ виду того, что правомъ бѣдности пользуются совершенно неимущіе граждане, между тѣмъ какъ есть много лицъ, хотя имѣющихъ кое-какія средства, но все-таки бѣдныхъ и не могущихъ уплатить адвокату требуемаго имъ при соглашеніи или слѣдуемаго ему по таксѣ, опредѣленію суда или совѣта сословія эквивалента за оказанную услугу. Такимъ образомъ, права бѣдныхъ гражданъ будутъ или оставаться совсѣмъ безъ защиты или защищаться плохими адвокатами, довольствующимися вознагражденіемъ, непропорціональнымъ своему труду; адвокатура же, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, будетъ служить богатымъ, помогая имъ своими знаніями и талантами притѣснять бѣдныхъ. Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется дѣло при относительной безвозмездности профессіи. Гонораръ перестаетъ уже быть эквивалентомъ адвокатскаго труда, а пріобрѣтаетъ характеръ подарка, подносимаго кліентомъ, сообразно со своими средствами. При такомъ порядкѣ, каждый гражданинъ можетъ пользоваться услугами правозаступниковъ, такъ какъ опредѣленіе размѣровъ гонорара предоставлено ему самому и нисколько не зависитъ отъ ко-

личества времени и труда, требующагося отъ адвокатовъ въ данномъ случаѣ. Отсюда понятно, что адвокатура перестаетъ быть наемницей богатства, а становится служеніемъ обществу и правосудію.

Затѣмъ, слѣдуетъ указать еще на то обстоятельство, что относительная безвозмездность профессіи наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости. Если правозаступничество можетъ быть поставлено, по характеру своей дѣятельности, наряду съ какой-нибудь либеральной профессіей, такъ это съ врачебнымъ искусствомъ. И докторъ, и правозаступникъ охраняютъ драгоцѣннѣйшія блага человѣчества: одинъ жизнь и здоровье, другой— жизнь, честь, доброе имя, свободу и имущество. Какъ же вознаграждается за свои труды врачъ? Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ вошло въ обычай, чтобы врачъ принималъ отъ паціентовъ вознагражденіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они считаютъ возможнымъ предложить ему. И такой обычай вполнѣ справедливъ, такъ какъ если бы допустить противное и обязать больныхъ уплачивать докторамъ эквивалентъ ихъ труда, то бѣдные люди остались бы безъ медицинской помощи. Но если паціентъ, излечившись отъ болѣзни, оказывается неблагодарнымъ, то, по всѣмъ законодательствамъ [1]), врачу предоставлено право иска о гонорарѣ. Равнымъ образомъ, если паціентъ уплачиваетъ вознагражденіе, явно несоразмѣрное своимъ имущественнымъ средствамъ и важности оказанной ему медицинской помощи, то врачъ можетъ искать по суду дополнительнаго гонорара [2]). Это тоже вполнѣ справедливо, такъ какъ, оказывая помощь бѣднымъ безплатно или за малое вознагражденіе, врачъ можетъ требовать, чтобы богатые вознаграждали его и за себя, и за бѣдныхъ. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда леченіе окончилось неудачно, и паціентъ умеръ, врачъ лишается права на искъ, хотя и можетъ принять добровольно присланный ему гонораръ. Что же касается докторскихъ таксъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ странахъ, то онѣ опредѣляютъ только средній размѣръ гонорара и имѣютъ цѣлью

[1]) Code civ. fran., art. 2272; *Smith*: A manual of Common Law, 1887, 519, 520.

[2]) Такой случай былъ недавно въ нашей практикѣ. См. „Юрид. Газ.“ 1892, № 86.

служить руководствомъ для паціентовъ и масштабомъ для опредѣленія гонорара, въ случаѣ предъявленія иска о немъ. Изъ этого видно, что чувство естественной справедливости привело на практикѣ къ той именно системѣ вознагражденія докторовъ, которую мы на основаніи анализа юридической природы правозаступничества предлагаемъ для адвокатовъ, и которая принята въ тѣхъ странахъ, гдѣ правозаступничество существуетъ въ чистомъ видѣ.

Нельзя также оставить безъ вниманія еще и того обстоятельства, что относительная безвозмездность свободна отъ недостатка, которымъ обладаютъ всѣ другіе способы опредѣленія гонорара. Произволъ адвоката при взаимномъ соглашеніи крайне опасенъ для тяжущагося. Произволъ судей, совѣта сословія и неизмѣннаго тарифа вредно отражается и на адвокатѣ, и на кліентѣ. При относительной же безвозмездности, хотя тоже господствуетъ произволъ, но произволъ кліента, руководимый чувствомъ признательности къ правозаступнику, какъ спасителю его имущества, свободы, чести и даже жизни, и потому представляющійся наименѣе опаснымъ для адвоката и, разумѣется, совершенно безвреднымъ для кліента.

До сихъ поръ мы говорили о преимуществахъ разбираемой системы съ точки зрѣнія общественной пользы. Но если мы взглянемъ на нее со стороны ея выгодности для самихъ адвокатовъ, то придемъ къ не менѣе благопріятнымъ выводамъ. Для адвоката, какъ общественнаго дѣятеля, какъ образованнаго человѣка, какъ участника въ отправленіи правосудія, стоящаго наравнѣ съ судьей и прокуроромъ, важно, чтобы вознагражденіе, получаемое имъ за свои труды, во-первыхъ, соотвѣтствовало этимъ трудамъ, а, во-вторыхъ, уплачивалось ему такимъ способомъ, который не унижалъ бы его достоинства. Вотъ два требованія, которымъ должна удовлетворять система вознагражденія съ точки зрѣнія самихъ адвокатовъ. Разсматривая различные способы исчисленія гонорара, мы легко можемъ убѣдиться, что только одна относительная безвозмездность въ состояніи выполнить оба эти требованія. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣленіе гонорара по взаимному соглашенію въ матеріальномъ отношеніи чрезвычайно выгодно для адвоката, такъ какъ даетъ широкій просторъ его усмотрѣнію и позволяетъ выговаривать себѣ большія суммы. Но оно не соот-

вѣтствуетъ его личному достоинству, обращая его изъ служителя правосудія въ наемника частнаго лица, давая поводъ общественному мнѣнію заподозривать его местность и безкорыстіе и ставя его далеко ниже судей и прокуроровъ, которые своей дѣятельностью преслѣдуютъ только осуществленіе справедливости, а не личный интересъ (см. гл. IV, § 3, А). Опредѣленіе гонорара судомъ еще невыгоднѣе для адвоката: съ одной стороны онъ вознаграждается хуже, чѣмъ при свободномъ соглашеніи, а съ другой стороны, попадаетъ въ унизительную матеріальную зависимость отъ судей (см. гл. IV, § 3, Б). Несравненно лучшіе результаты могло-бы дать опредѣленіе совѣтомъ сословія, но оно возможно только въ качествѣ дополнительнаго способа (см. § 3, В). Что касается таксы, то и она устанавливаетъ въ большинствѣ случаевъ чисто произвольный размѣръ вознагражденія, непропорціональный дѣйствительному труду адвоката, и, помимо того, не соотвѣтствуетъ достоинству адвокатуры, подвергая его высокій, чисто интеллектуальный и направленный къ преслѣдованію важнѣйшей задачи общежитія—осуществленію справедливости трудъ произвольной оцѣнкѣ по заранѣе установленному тарифу, наравнѣ съ трудомъ какого-нибудь извощика или посыльнаго. Но при относительной безвозмездности профессіи, когда адвокатъ, подобно врачу, получаетъ вознагражденіе въ видѣ подарка, и матеріальный, и нравственный интересъ его обезпечивается одинаковымъ образомъ. Если неимущія лица не даютъ ему ничего, а бѣдныя предлагаютъ меньше, чѣмъ бы ему слѣдовало, за то богатыя съ избыткомъ вознаграждаютъ его и за себя, и за другихъ. Хорошій адвокатъ находится въ такомъ-же положеніи, какъ хорошій врачъ: за одну и ту же услугу онъ получаетъ разное вознагражденіе, смотря по имущественному положенію кліента, но въ общемъ его годовой заработокъ не только равняется жалованію судьи или прокурора, но и въ большинствѣ случаевъ далеко превышаетъ его. Что же касается плохихъ адвокатовъ, то они должны перемѣнить профессію: ихъ, какъ и плохихъ врачей, не спасетъ отъ гибели ни такса, ни свободное соглашеніе о гонорарѣ, ни опредѣленіе его судомъ или совѣтомъ сословія просто потому, что они не будутъ имѣть практики. Съ другой стороны, относительная безвозмездность наиболѣе соот-

вѣтствуетъ достоинству адвокатуры, какъ служенія обществу и правосудію. Когда гонораръ заранѣе обусловленъ или когда извѣстно, что размѣръ его будетъ опредѣленъ по окончаніи дѣла судомъ, совѣтомъ сословія или по таксѣ, въ зависимости отъ потраченнаго адвокатомъ труда, то въ глазахъ общественнаго мнѣнія и суда адвокатъ является наемникомъ тяжущагося, преслѣдующимъ въ своей дѣятельности непосредственно матеріальную выгоду. Его старанія при защитѣ правъ кліента, его краснорѣчіе и паѳосъ истолковывается въ смыслѣ желанія получить возможно большій гонораръ. «Судьи и публика»,—справедливо замѣчаетъ Варга:—«слишкомъ склонны недовѣрять его оцѣниваемымъ на гульдены и крейцеры словамъ, и чѣмъ больше послѣднія стоютъ на деньги, тѣмъ меньше оказываемое ими вліяніе. Современное общественное мнѣніе не признаетъ принципа «turpe est lingua empta reos defendere» (постыдно защищать тяжущихся проданнымъ языкомъ) и не требуетъ также никакого закона Цинція; оно дозволяетъ даже адвокату предварительное вознагражденіе подобно тому, какъ не видитъ ничего предосудительнаго въ жалованіи судей; но чего оно требуетъ отъ достойнаго защитника,—это такта, такого образа дѣйствій въ вопросѣ о гонорарѣ, чтобы можно было смотрѣть на алтарь невинности,—столъ защитника,—не слыша звяканья кошелька и не вспоминая объ обычаяхъ рынка» [1]). А это возможно только въ томъ случаѣ, если никакія сдѣлки о гонорарѣ между адвокатомъ и кліентомъ не допускаются, и если вознагражденіе уплачивается ему по окончаніи процесса въ видѣ подарка и въ размѣрѣ, опредѣляемомъ самимъ кліентомъ сообразно со своими средствами. Тогда оно не служитъ непосредственной цѣлью дѣятельности адвоката, а только косвеннымъ результатомъ ея, сопровождающимъ оказываемую адвокатомъ услугу подобно тому, какъ пошлины сопровождаютъ, но не вызываютъ услуги государственныхъ учрежденій [2]). Тогда адвокатъ становится въ одинаковое положеніе съ судьей: оба они преслѣдуютъ осуществленіе спра-

[1]) *Vargha:* Die Vertheid. in Strafsachen, 837.

[2]) Государственныя учрежденія дѣйствуютъ не для пріобрѣтенія матеріальныхъ выгодъ, а для осуществленія высшихъ задачъ управленія и взимаютъ пошлины не въ качествѣ эквивалента за свои услуги.

ведливости, оба они взимаютъ съ тяжущихся вознагражденіе за свои труды, одинъ—въ видѣ судебныхъ пошлинъ, другой—въ видѣ гонорара, тоже представляющаго собой пошлину, но съ той разницей, что судья отдаетъ пошлины казнѣ, а потомъ уже получаетъ часть ихъ обратно въ видѣ жалованья, а адвокатъ удерживаетъ у себя, такъ какъ «общественной казны», куда онъ долженъ былъ бы вносить ихъ, не существуетъ. Словомъ, тогда адвокатъ, защищающій дѣло, еще не зная, получитъ-ли что-нибудь за это, и если получитъ, то сколько, является въ глазахъ суда и общества человѣкомъ, который стремится къ раскрытію истины, помогаетъ отправленію правосудія, исполняетъ публичную обязанность и говоритъ по совѣсти и убѣжденію, а не распинается за своего кліента только потому, что долженъ отработать полученное, обѣщанное или слѣдуемое ему вознагражденіе.

Важное значеніе такой системы вполнѣ сознано французскими, англійскими и бельгійскими адвокатами, справедливо считающими ее залогомъ «уваженія со стороны кліентовъ и магистратуры» (см. ниже § 8).

Таковы доводы въ пользу относительной безвозмездности.

Перейдемъ теперь къ возраженіямъ.

Всѣ они сводятся къ одному: къ непрактичности такого способа вознагражденія. Съ одной стороны, если адвокаты будутъ воздерживаться отъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ относительно гонорара, то они рискуютъ очутиться въ невыгодномъ матеріальномъ положеніи. Большинство тяжущихся, желая, чтобы издержки по веденію дѣла были возможно меньше, станетъ уплачивать имъ самое незначительное вознагражденіе, отговариваясь неимѣніемъ средствъ, и адвоката должны будутъ принимать его, такъ какъ провѣрка заявленій кліентовъ и затруднительна, и зачастую невозможна.

Съ другой стороны, адвокаты легко могли бы обходить постановленіе закона и заключать съ кліентами условія, если не письменныя, то словесныя, и, вдобавокъ, чтобы гарантировать себя отъ нарушенія такихъ договоровъ, стали бы требовать уплаты гонорара впередъ. „Французское воззрѣніе, перенесенное на нашу почву“ говоритъ г. Арсеньевъ: «дало бы слѣдующіе результаты: недобросовѣстные тяжущіеся стали бы постоянно уклоняться отъ

исполненія обѣщаній, данныхъ ими при началѣ дѣла; къ вознагражденію за адвокатскій трудъ прибавилось бы нѣчто въ родѣ страховой преміи, т.-е. оно возвысилось-бы настолько, насколько полученіе его сдѣлалось бы невѣрнымъ и затруднительнымъ; это увеличеніе вознагражденія пало бы всей своей тяжестью на честныхъ тяжущихся, которые платили бы такимъ образомъ и за себя, и за другихъ. Присяжные повѣренные во многихъ случаяхъ стали-бы требовать уплаты впередъ всего условленнаго вознагражденія или извѣстной части его, затрудняя начатіе и веденіе дѣлъ для небогатыхъ тяжущихся. Отправленіе правосудія сдѣлалось бы болѣе дорогимъ и менѣе доступнымъ, а это, въ свою очередь, не могло бы не уронить адвокатское сословіе въ глазахъ общества» [1]).

Наконецъ, относительная безвозмездность, при легкости обхода ея, не обезпечиваетъ кліентовъ отъ вымогательства адвокатовъ.

Обращаясь къ первому возраженію, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что, при всей своей кажущейся справедливости, оно противорѣчитъ даннымъ опыта. Въ самомъ дѣлѣ, если бы оно было вѣрно, если бы относительная безвозмездность профессіи не гарантировала въ достаточной мѣрѣ вознагражденія адвокатовъ за ихъ труды, то французскіе, англійскіе и бельгійскіе адвокаты должны были бы находиться въ сравненіи съ своими австрійскими, германскими и русскими коллегами въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи. Между тѣмъ, что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? «Нигдѣ»,—писалъ еще 1820 г. нѣмецкій адвокатъ Гансъ:—«не вознаграждается адвокатъ хуже, чѣмъ въ Германіи, и нигдѣ не получаетъ онъ своего вознагражденія менѣе достойнымъ образомъ. Мы удивляемся, слыша о громадныхъ суммахъ, которыя зарабатываютъ адвокаты Франціи и Англіи, и это можно объяснить только тѣмъ уваженіемъ, которымъ они пользуются, и прекраснымъ обычаемъ, по которому они принимаютъ только добровольный гонораръ отъ кліентовъ, вознаграждающихъ, въ свою очередь, съ большой охотой человѣка, который публично защищаетъ ихъ дѣло своимъ краснорѣчіемъ и знаніемъ. Если мы слышимъ иной разъ, что

---

[1]) *Арсеньевъ:* Замѣтки 128 129.

какой-нибудь нѣмецкій адвокатъ пріобрѣлъ себѣ своей практикой маленькое состояніе, то онъ обязанъ имъ, навѣрное, не своимъ трудамъ въ качествѣ адвоката, но такимъ занятіямъ, которыя вовсе не относятся къ адвокатской профессіи, какъ-то, кураторствомъ, управленіемъ имуществами, опеками, торговлей и т. д., а чаще всего богатство и состоятельность отдѣльныхъ нѣмецкихъ адвокатовъ происходитъ отъ приданаго ихъ женъ и наслѣдствъ. Настоящая же юридическая практика ведетъ въ нашемъ отечествѣ не къ богатству, а едва къ обыкновенному достатку“ [1]). Слова Ганса, какъ удостовѣряетъ Пришль, сохранили свою силу и по настоящее время относительно Германіи и Австріи [2]), и за немногими изъятіями въ пользу отдѣльныхъ лицъ, могутъ быть примѣнены и къ русскимъ присяжнымъ повѣреннымъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся адвокаты Англіи, Франціи и Бельгіи. Еще въ средніе вѣка, когда германскихъ адвокатовъ приравнивали къ ремесленникамъ и ставили на ряду съ баньщиками и рѣзниками свиней, Реньо д'Аси зарабатывалъ ежегодно по 200 тысячъ фр., а дю-Брюейль оставилъ послѣ себя состояніе въ 15—20 милл. фр. (см. ч. I, стр. 92). Въ новое время дѣло нисколько не измѣнилось. Извѣстно, что Жербье за одинъ процессъ получилъ 300 тыс. фр., Дюводье за другой процессъ пожизненную ренту въ 40 тыс. фр. въ годъ [3]), а послѣ смерти Дюпэна старшаго осталось имущества на 5 милл. фр. [4]). Ни одинъ австрійскій или германскій адвокатъ, несмотря на всѣ свободныя соглашенія, таксы, судебныя присужденія и понудительныя исполненія, не заработалъ, быть можетъ, даже въ теченіи всей своей жизни такой суммы, какую Жербье, Дюводье и многіе другіе получали за одинъ процессъ, въ качествѣ добровольно подносимаго подарка со стороны признательнаго кліента.

Чѣмъ же объяснить это противорѣчіе между тѣмъ, что должно было быть по теоріи, и тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ? Прежде всего, противники относительной безвозмездности, исходя изъ предположенія о неблагодарности, свойственной всѣмъ людямъ, забы-

[1]) *Gans*: Von dem Amte der Fürsprecher, 230.
[2]) *Prischl*, 388.
[3]) *Berryer*: Souvenirs, I, 88.
[4]) „Журн. Мин. Юст.“ 1865, № 12.

ваютъ, что человѣческая природа, какъ и весь міръ, по выраженію Гете, «полна противорѣчій», и что на ряду съ неблагодарными встрѣчаются среди людей способные на самую глубокую признательность. Пусть двадцать кліентовъ окажутся недобросовѣстными, за то двадцать первый вознаградитъ адвоката въ сто разъ больше, чѣмъ могли бы вознаградить они всѣ вмѣстѣ.

Затѣмъ, другая психологическая истина гласитъ, что лучшій способъ сдѣлать человѣка заслуживающимъ довѣрія,—это выказать довѣріе къ нему: онъ постарается оправдать и поддержать его. Такъ поступаютъ наши конвойные солдаты, которые, сопровождая ссыльно-каторжныхъ въ Сибирь, освобождаютъ ихъ на честное слово отъ кандаловъ и очень рѣдко обманываются въ своемъ довѣріи [1]). Точно также извѣстно, что никакіе долги не уплачиваются такъ аккуратно, какъ «долги чести» — карточные проигрыши. Предоставьте уплату гонорара и опредѣленіе размѣра его совѣсти самого кліента, сдѣлайте эту уплату долгомъ чести, и вы можете быть увѣрены, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ ваши труды и заботы будутъ оцѣнены гораздо лучше и щедрѣе, чѣмъ рѣшились бы сдѣлать вы сами, или чѣмъ могъ бы сдѣлать самый безпристрастный судья и самая идеальная такса: потому что кліентомъ будетъ руководить не только математическое исчисленіе дѣйствительной стоимости вашихъ заслугъ, но и чувство преданности и признательности, не признающее никакихъ выкладокъ и разсчетовъ.

Наоборотъ, если адвокатъ получаетъ гонораръ въ качествѣ не подарка, а денежнаго эквивалента за услугу, то тяжущемуся неловко предлагать ему какую-либо надбавку сверхъ слѣдуемой суммы, а адвокату неудобно принимать ее. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что Жербье за тотъ процессъ, о которомъ мы говорили, слѣдовала бы громадная сумма, положимъ, 5 тыс. франковъ, все равно по письменному ли соглашенію, по таксѣ или по опредѣленію суда и совѣта сословія. Эти деньги представили бы собой въ глазахъ какъ адвоката, такъ и кліента эквивалентъ труда по веденію дѣла. Настаетъ минута расплаты; кліентъ доволенъ исходомъ дѣла и старательностью адвоката; онъ чувствуетъ бла-

[1]) *Ядринцевъ:* Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ, 1872, 273.

годарность къ нему и готовъ выразить ее прибавкой къ слѣдуемой адвокату суммѣ денегъ. Но онъ колеблется, онъ боится обидѣть адвоката; онъ знаетъ что профессоръ, дающій уроки его сыну, обидѣлся бы, если бы ему сверхъ условленной платы подарили еще сто-двѣсти франковъ, и что онъ самъ почувствовалъ бы себя оскорбленнымъ, если бы кто-нибудь предложилъ ему незаработанныя имъ деньги. Однако онъ рѣшается попробовать. Но сколько предложить Жербье? «Его трудъ»,—разсуждаетъ онъ:—«оцѣненъ въ пять тысячъ франковъ. Если я прибавлю сюда еще тысячу, то это будетъ по истинѣ царская щедрость». И онъ подноситъ Жербье лишнюю тысячу франковъ. Но само собой понятно, что Жербье, какъ честный и уважающій себя человѣкъ, отказывается принять его подарокъ. «Адвокаты»,—говоритъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства:—«берутъ только то, что имъ слѣдуетъ за ихъ труды. Получать на водку и на чай мы предоставляемъ лакеямъ и извощикамъ». Итакъ, въ результатѣ оказалась бы, что вмѣсто добровольнаго подарка въ 300 тысячъ франковъ Жербье получилъ бы въ видѣ эквивалента всего 5 тысячъ и долженъ былъ бы поступиться своимъ достоинствомъ, чтобы принять еще тысячу.

Наконецъ, если даже допустить, что при относительной безвозмездности кліенты станутъ слишкомъ часто уклоняться отъ платежа гонорара или предлагать незначительное вознагражденіе, то и въ такомъ случаѣ адвокаты не останутся въ безпомощномъ положеніи, такъ какъ они могутъ пользоваться искомъ о гонорарѣ или о дополнительномъ вознагражденіи.

Второе возраженіе, указывающее на легкость обхода относительной безвозмездности и на возможность словесныхъ договоровъ о гонорарѣ съ требованіемъ уплаты его впередъ, не имѣетъ большаго значенія по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, нѣтъ такого закона, котораго нельзя было бы такъ или иначе нарушить и обойти. Требованіе гонорара впередъ возможно и при письменномъ соглашеніи, и при таксѣ, и при опредѣленіи судомъ, такъ какъ адвокатъ, говоря съ кліентомъ съ глазу на глазъ, всегда въ состояніи поставить принятіе дѣла и веденіе его въ зависимость отъ предварительной уплаты какой-либо суммы. Но вѣдь съ глазу на глазъ можно также безнаказанно нанести личное

оскорбленіе и совершить любое преступленіе. Однако изъ-за этого никто не отрицаетъ необходимости законовъ, ограждающихъ честь и другія блага гражданъ. Если бы возможность обхода и нарушенія нормы права препятствовала установленію ея, то пришлось бы уничтожить все законодательство. Но для того-то именно и существуетъ карательная власть государства и уголовное право, чтобы слѣдить за осуществленіемъ нормъ. Подобнымъ же образомъ гарантіей противъ обходовъ и нарушеній адвокатами правилъ своей профессіи долженъ быть дисциплинарный надзоръ за ними. Во-вторыхъ, если даже адвокатъ будетъ иной разъ указывать кліенту сумму, какую желалъ бы получить за веденіе дѣла, то въ этомъ еще нельзя видѣть большой бѣды. Лишь бы только всякіе договоры между ними и обязательства, выдаваемыя кліентомъ до окончанія процесса, были признаны закономъ недѣйствительными, и требованіе гонорара впередъ запрещено подъ страхомъ дисциплинарнаго наказанія, а словесныя соглашенія, имѣющія значеніе нравственныхъ обязательствъ и не подлежащія понудительному исполненію, не представляютъ опасности для кліентовъ.

Что касается, наконецъ, третьяго возраженія, состоящаго въ томъ, что относительная безвозмездность не предотвращаетъ возможности вымогательства чрезмѣрно большихъ гонораровъ, то оно тоже устраняется только-что приведенными соображеніями относительно дисциплинарной отвѣтственности адвокатомъ. Кромѣ того, чтобы окончательно обезпечить интересы тяжущихся, необходимо организовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ защиту по назначенію сословія съ тѣмъ, чтобы, какъ было уже указано, каждый тяжущійся могъ, внесши опредѣленную сумму въ кассу сословія, просить о назначеніи себѣ защитника (см. выше § 5). Такимъ образомъ, ни одно изъ возраженій противъ относительной безвозмездности не выдерживаетъ критики.

Итакъ, вопросъ о гонорарѣ рѣшенъ нами въ смыслѣ относительной безвозмездности. Въ началѣ настоящей главы мы указали, что правильное рѣшеніе его должно примирить двѣ противоположныя крайности: зависимость адвоката отъ кліентовъ съ независимостью отъ нихъ. Относительная безвозмездность, занимая среднее мѣсто между абсолютной безвозмездностью и эквивалентной

возмездностью и ближе всего подходя къ общественному содержанію правозаступниковъ, представляетъ собой искомый компромиссъ, такъ какъ не уничтожаетъ матеріальной заинтересованности адвокатовъ и въ то же время ставитъ ихъ въ сравнительно независимое положеніе отъ тяжущихся.

§ 7.

Гонораръ за веденіе дѣлъ на выѣздъ и за консультацію.

До сихъ поръ, говоря о вознагражденіи адвокатовъ, мы предполагали, что оказываемыя ими услуги состоятъ въ веденіи дѣлъ на судѣ и, притомъ, въ мѣстѣ ихъ постояннаго жительства. Но какъ быть, если адвокату предлагаютъ защиту въ другомъ городѣ? Съ перваго же взгляда ясно, что принципъ относительной безвозмездности требуетъ въ такомъ случаѣ нѣкотораго ограниченія. Покидая мѣсто своего постояннаго жительства, адвокатъ несетъ, во-первыхъ, путевыя издержки, а во-вторыхъ, лишается возможности на время отсутствія принимать кліентовъ. Другими словами, каждый отъѣздъ сопряженъ для него съ несомнѣнными и нерѣдко значительными расходами и убытками. Поэтому, было бы справедливо, чтобы, принимая такого рода дѣло, онъ могъ обезпечить себѣ возвращеніе предстоящихъ ему расходовъ, т. е. потребовать уплаты ихъ впередъ или выдачи въ обезпеченіе ея какого-либо обязательства. Но,—какъ справедливо замѣтилъ Массоль, въ эту сумму не долженъ входить гонораръ за веденіе даннаго дѣла. Въ противномъ случаѣ, принципъ относительной безвозмездности былъ бы совершенно нарушенъ и замѣненъ договорнымъ опредѣленіемъ, которое противорѣчитъ сущности правозаступничества, какъ общественнаго служенія. Массоль думаетъ даже что адвокатъ долженъ выговорить—себѣ только издержки на проѣздъ, не включая сюда предполагаемыхъ убытковъ вслѣдствіе отлучки изъ дому; но намъ кажется, что постановлять такое правило значило бы требовать отъ адвоката слишкомъ большихъ жертвъ, въ особенности если отлучка можетъ продолжиться значительное время и повліять на уменьшеніе его практики [1]).

[1]) *Massol:* Des honoraires des avocats, 1879, 52, прим.

Въ иномъ положеніи находится вопросъ о гонорарѣ за консультацію. Хотя, подавая юридическіе совѣты, адвокатъ является уже не уполномоченнымъ общества, а просто спеціалистомъ въ наукѣ права, и хотя, такимъ образомъ, вознаграждать его должно не все общество, какъ цѣлое, а только тѣ лица, которыя прибѣгаютъ къ его помощи, однако, принявъ во вниманіе, что адвокатъ, подающій совѣты, ничѣмъ не отличается отъ прописывающаго рецепты врача, и что наиболѣе справедливой системой вознагражденія врачей повсюду признана относительная безвозмездность (см. стр. 118), нужно прійти къ заключенію, что она должна быть примѣнена и къ юридической консультаціи. Въ виду этого, принципъ относительной безвозмездности необходимо оставить въ полной силѣ и безъ всякихъ ограниченій. Сверхъ того, для лицъ, которыя не въ состояніи предложить никакого вознагражденія или же, если и въ состояніи, то располагаютъ суммой, слишкомъ незначительной и явно несоразмѣрной требующемуся отъ адвоката труду по изученію документовъ, ознакомленію съ обстоятельствами дѣла и т. п., нужно устроить консультаціонныя бюро, гдѣ бы адвокаты дежурили по очереди и подавали совѣты какъ безплатно, такъ и за незначительное вознагражденіе (сравн. стр. 112).

§ 8.

Взглядъ на литературу.

Относительная безвозмездность, какъ мы знаемъ, была принята въ республиканскомъ Римѣ и господствуетъ въ настоящее время во Франціи, Бельгіи и Англіи. Но напрасно было бы искать у туземныхъ писателей теоретическаго обоснованія этой системы, вродѣ того, какое представлено нами. Всѣ они, не касаясь юридической природы правозаступничества, какъ общественнаго служенія и института публичнаго права, либо основываются на очевидности того обстоятельства, что адвокатура не можетъ быть продажнымъ ремесломъ, либо исходятъ изъ частно-право-

выхъ соображеній о характерѣ отношеній между адвокатомъ и кліентомъ.

Считаемъ нелишнимъ привести мнѣнія авторитетнѣйшихъ писателей по этому вопросу.

Квинтиліанъ въ своемъ трактатѣ объ ораторскомъ искусствѣ говоритъ слѣдующее: «кто не знаетъ, что гораздо благороднѣе и достойнѣе свободныхъ профессій и величія души, какого мы требуемъ отъ оратора, не продавать своихъ услугъ и не возвышать важности столь высокаго благодѣянія? Многія вещи вѣдь теряютъ, повидимому, свое достоинство отъ того, что за нихъ назначается цѣна. Это, какъ говорится, и слѣпому ясно. Оттого всякій ораторъ, имѣющій необходимыя для себя средства (а они не велики), не можетъ требовать вознагражденія за свои труды, не подвергая себя обвиненію въ корыстолюбіи. Но если его домашнія дѣла требуютъ издержекъ, превышающихъ его средства, то по всѣмъ законамъ мудрыхъ, онъ можетъ принять предложенное ему вознагражденіе, такъ какъ и Сократу приносили жизненные припасы, а Зенонъ, Клеанѳъ и Хризиппъ принимали вознагражденіе отъ своихъ учениковъ. Да я и не вижу правильнѣйшаго способа зарабатывать, чѣмъ благороднѣйшимъ трудомъ и отъ тѣхъ лицъ, которымъ оказаны важныя услуги, и которыя были бы недостойны защиты, если бы остались неблагодарными. Такое вознагражденіе кажется мнѣ не только справедливымъ, но даже необходимымъ, такъ какъ трудъ и время, употребляемыя на чужія дѣла, отнимаютъ возможность пріобрѣтать средства иными способами. Но и здѣсь нужно знать мѣру и разбирать, отъ кого, за что и сколько можно получить. Обычай уславливаться съ тяжущимися и набавлять цѣну, смотря по сомнительности дѣла, свойственъ однимъ морскимъ разбойникамъ: такой гнусный торгъ и въ человѣкѣ, не слишкомъ разборчивомъ, непростителенъ, а тѣмъ болѣе въ ораторѣ, защищающемъ людей честныхъ и по дѣламъ правымъ. Онъ не останется безъ вознагражденія, и если бы даже сдѣлалъ одолженіе неблагодарному, то пусть лучше погрѣшитъ въ этомъ одолженный, а не одолжившій. Итакъ, ораторъ не долженъ брать больше, чѣмъ сколько достаточно для него и даже, будучи бѣднымъ, не принимать ничего въ видѣ вознагражденія, а только въ знакъ благодарности, если онъ сдѣлалъ

болѣе, чѣмъ дѣлаютъ для него. Такія благодѣянія не должны ни продаваться, ни пропадать даромъ» [1]).

Изъ приведеннаго отрывка видно, что Квинтиліанъ, разсматривая гонораръ, какъ добровольно подносимый кліентомъ подарокъ, опирается на очевидность того положенія, что для адвоката «честнѣе, благороднѣе и достойнѣе» не продавать своихъ услугъ. То же самое повторяетъ Форситъ. «Съ самыхъ раннихъ временъ и въ каждой странѣ, гдѣ была извѣстна адвокатура», говоритъ онъ: «было въ обычаѣ считать дѣятельность адвоката безвозмездной, а вознагражденіе, уплачиваемое кліентомъ, чисто почетнымъ, вытекающимъ не изъ законнаго обязательства, а только изъ долга признательности. Едва ли можно сомнѣваться, что это воззрѣніе вызвано и удерживается ревнивымъ опасеніемъ чтобы профессія не выродилась въ низкое и продажное ремесло, такъ какъ одна особенность отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ профессій, именно — неодобреніе, съ какимъ люди смотрятъ на предполагаемую готовность принимать и поддерживать доводами любую сторону вопроса. Это обстоятельство столь противно для обыкновеннаго чувства долга и такъ пагубно для различія права и неправа, что всегда чувствовалась неохота допустить, чтобы кто-либо имѣлъ право продавать за деньги свои интелектуальныя силы безразлично, въ защиту-ли добродѣтели или порока» [2]).

Такимъ же образомъ и Крессонъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса, просто говоритъ, что «знаніе, краснорѣчіе и честность адвоката не должны быть продаваемы» [3]).

Едва ли нужно доказывать, что соображенія всѣхъ трехъ авторовъ, при всей своей справедливости, не могутъ служить основаніемъ для принятія относительной безвозмездности профессіи. Уже то обстоятельство, что въ большинствѣ государствъ господствуетъ какъ разъ противоположное воззрѣніе, приравнивающее гонораръ адвоката къ эквиваленту за оказанную услугу, свидѣтельствуетъ, насколько они заблуждаются, думая, что безвозмездность адвокатуры очевидная и всѣми признанная вещь.

---

[1]) *Quint.*, l. XII, c. III, § 2.
[2]) *Forsyth:* Hortensius, 361.
[3]) *Cresson:* Règles de la prof. d'avocat, I, 305.

Болѣе подробно, хотя не совсѣмъ послѣдовательно, разсуждаетъ Молло, прибавляющій къ соображеніямъ указанныхъ авторовъ доводы съ точки зрѣнія частнаго права.

Доказавъ, что отношенія между адвокатомъ и кліентомъ не могутъ быть опредѣляемы ни договоромъ довѣренности, такъ какъ адвокатъ не является представителемъ тяжущагося, ни договоромъ личнаго найма, который, по крайней мѣрѣ, по французскому праву не распространяется на либеральныя профессіи, онъ продолжаетъ: «тѣмъ не менѣе я не думаю, что эти отношенія лишены всякаго законнаго характера. Я твердо убѣжденъ, что они связываютъ ихъ обязательствомъ или взаимнымъ молчаливымъ соглашеніемъ, хотя бы оно не было ни личнымъ наймомъ, ни даже (исключая случая бѣдности) обязательствомъ благотворительности. Это обязательство или безымянный договоръ, какихъ существуетъ много, по природѣ своей, относится къ числу тѣхъ, которые состоятъ въ оказаніи съ извѣстными жертвами услуги или дѣйствія по службѣ, и которые порождаютъ, по меньшей мѣрѣ, законную обязанность справедливаго возмездія или награды на счетъ стороны, просившей и получившей услугу или служебное дѣйствіе» [1]).

Вслѣдъ затѣмъ Молло признаетъ, что адвокатъ вправѣ требовать этого вознагражденія по суду на основаніи «квази-контракта», состоявшагося между нимъ и кліентомъ, «если бы», замѣчаетъ онъ: «этому не противилась деликатность его профессіи» [2]). Но въ другомъ мѣстѣ, противорѣча себѣ, онъ говоритъ: «мы доказали, что дѣятельность адвоката не основывается ни на мандатѣ, ни тѣмъ болѣе на личномъ наймѣ въ законномъ смыслѣ этого термина. Гонораръ, предлагаемый ему кліентомъ, представляетъ собой награду за оказанную услугу, доказательство признательности. Слѣдовательно, онъ не можетъ допускать ни таксы, ни принужденія» [3]). Такимъ образомъ, Молло, признавъ раньше, что адвокатъ вправѣ требовать гонорара, хотя и не долженъ дѣлать этого, теперь высказываетъ какъ разъ противоположное мнѣніе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи

---

[1]) *Mollot*, I, 13.
[2]) *Mollot*, I, 14.
[3]) Ib., 1, 29.

Молло запутывается еще больше и вмѣсто того, чтобы доказывать, что гонораръ не есть эквивалентъ услугъ адвоката, ополчается противъ иска о гонорарѣ. «Безъ сомнѣнія», говоритъ онъ: «по дѣйствующему праву искъ о гонорарѣ дозволенъ адвокату, и нѣкоторыя провинціальныя адвокатскія коллегіи разрѣшаютъ или терпятъ его; но извѣстно, что въ Парижѣ мы освятили ненарушимое правило нашей древней адвокатуры, по которому всякое судебное требованіе уплаты гонорара запрещено адвокату подъ страхомъ исключенія изъ сословія. Должны ли мы удерживать эту старую традицію, не взирая на нѣкоторое разногласіе? Что до меня, то я не колеблюсь отвѣтить утвердительно, такъ какъ она въ духѣ и цѣли ордонанса 1822 г. (ст. 45), подтверждающаго всѣ безъ изъятія старые обычаи, освящая и обобщая обычаи парижской адвокатуры. Въ ней состоитъ честь нашей профессіи. Въ ней именно заключается и причина того, что эта профессія не походитъ ни на какую другую. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, каковы будутъ послѣдствія противоположнаго мнѣнія. Если вы допустите искъ объ уплатѣ гонорара. вы глубоко исказите, вы уничтожите функціи адвоката; вы превратите ихъ въ возмездный мандатъ или въ личный наемъ; вы подвергнѣте его требованіе и, слѣдовательно, его дѣйствія, его заслуги, его достоинство, быть можетъ, даже его нравственность публичному, сомнительному, унизительному обсужденію; вы подвергнете его отвѣтственности, которая будетъ тѣмъ болѣе сурова, что она будетъ соразмѣряться съ требуемой платой; вы заставите его выдавать квитанціи объ уплатѣ гонорара, принимать росписки относительно возвращенія документовъ, подтверждать или даже доказывать его и т. д. Что станется тогда съ нашими правилами и нашими прерогативами, съ духомъ приличія и безкорыстія, характеризующимъ и облагораживающимъ нашу профессію, дающимъ ей право на уваженіе со стороны кліентовъ и даже самой магистратуры? Это было бы гибелью для профессіи!» [1]).

Приведенныя возраженія противъ допустимости иска о гонорарѣ имѣютъ силу только при томъ предположеніи, что гонораръ представляетъ собой эквивалентъ услуги, и что, предъявляя искъ,

[1]) Ib., I, 113, 114.

адвокатъ долженъ доказать, сколько труда и времени потрачено имъ на веденіе дѣла. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, между нимъ и кліентомъ могли бы возникнуть непріятныя и уничтожающія его достоинство пререканія. Но при предлагаемомъ нами порядкѣ разбирательства исковъ о гонорарѣ ничего подобнаго не можетъ быть (см. стр. 112). Помимо того, соображенія о «достоинствѣ адвокатуры» и о характерѣ отношеній между адвокатомъ и кліентомъ съ точки зрѣнія частнаго права не въ состояніи служить прочнымъ основаніемъ для признанія относительной безвозмездности профессіи, и неудивительно, что одинъ почтенный русскій авторъ не удовлетворился объясненіемъ Молло и нашелъ, что «этотъ взглядъ грѣшитъ искусственностью» и проистекаетъ изъ «фальшиваго идеализированія умственнаго труда» [1]).

Ошибочнаго смѣшенія относительной безвозмездности съ недопустимостью иска о гонорарѣ избѣжали Дюшенъ и Пикаръ. «Намъ кажется труднымъ», говорятъ они: «запретить общимъ правиломъ и безусловно всякій искъ о гонорарѣ подъ страхомъ дисциплинарнаго наказанія. Безъ сомнѣнія, чувство деликатности, побуждающее адвоката лучше отказаться отъ того, что онъ заработалъ, чѣмъ оспаривать цѣну благодарности кліента, дѣлаетъ честь и человѣку, поступающему такъ, и корпораціи, къ которой онъ принадлежитъ. Несомнѣнно, болѣе благородно переносить неблагодарность, чѣмъ вырывать силой вознагражденіе за услугу и подвергать себя несправедливымъ встрѣчнымъ обвиненіямъ, къ которымъ побуждаетъ недобросовѣстнаго человѣка желаніе избѣгнуть платежа своего долга. Но нужно помнить, что не всякому дано осуществлять эти принципы великодушной любви къ ближнему, и не слѣдуетъ прибавлять къ огорченію того, кто находится въ печальной необходимости прибѣгнуть къ правосудію, чтобы понудить забывчивыхъ людей къ признательности за свои труды, еще неодобреніе его коллегъ и порицаніе совѣта сословія. Брюссельскій совѣтъ адвокатовъ формулировалъ принципъ, который долженъ руководить нами слѣдующимъ образомъ: «въ виду того, что отъ адвокатовъ зависитъ требовать по суду отъ кліентовъ уплаты должнаго гонорара, ихъ обязан-

[1]) *Арсеньевъ:* Замѣтки, 122.

ность состоитъ въ томъ, чтобы начинать и производить это преслѣдованіе со всею осмотрительностью, какой требуютъ чувства чести и деликатности, составляющія основу ихъ профессіи». Прибавимъ также къ чести адвокатуры нашей страны, что если немилосердное уничтоженіе подобнаго иска и казалось ей невозможнымъ, тѣмъ не менѣе стало обще-соблюдаемымъ обычаемъ воздерживаться отъ него» [1]).

Хотя мнѣніе Дюшена и Пикара болѣе правильно, тѣмъ не менѣе и оно не даетъ теоретическаго обоснованія относительной безвозмездности.

Другіе писатели тоже не представляютъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ объясненій на этотъ счетъ. Даже Фридманъ, мастерски разъяснившій общественное значеніе правозаступничества, не съумѣлъ примѣнить этого воззрѣнія къ вопросу о гонорарѣ. «Хотя»—замѣчаетъ онъ:—«защитникъ исполняетъ общественную обязанность, но такъ какъ государство не можетъ вознаградить его такимъ же образомъ, какъ обвинителя, то отсюда вытекаетъ обязанность отдѣльныхъ лицъ, прибѣгающихъ къ защитѣ адвоката, вознаграждать его за труды». Какъ видно изъ этихъ словъ, Фридманъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой: онъ считаетъ адвокатовъ уполномоченными общества, а между тѣмъ содержаніе ихъ хотѣлъ бы возложить не на общество, а на государство. Дальнѣйшія его разсужденія относятся спеціально къ австрійскому законодательству [2]).

Такъ же поверхностно касается этого вопроса Варга. Принявъ французское воззрѣніе на гонораръ, какъ за почетный подарокъ, а не эквивалентъ, онъ продолжаетъ: «это благородное воззрѣніе находитъ себѣ полное оправданіе въ настоящее время и найдетъ въ будущемъ; однако слѣдствія, выведенныя изъ него парламентскими адвокатами, подверглись вслѣдствіе перемѣнившихся обстоятельствъ жизни различнымъ видоизмѣненіямъ. Нынѣ, когда господствуетъ мнѣніе, что трудъ не теряетъ своего благородства вслѣдствіе лежащаго въ его основѣ стремленія къ честному заработку, никто не колеблется признать за адвокатомъ прямое, а,

[1]) *Duchaine et Picard:* Manuel pratique de la profession d'avocat, 1869, 155, 156.

[2]) *Frydmann:* Handbuch der Vertheidigung, 1878, 396, 397.

смотря по обстоятельствамъ, и осуществляемое путемъ суда право на вознагражденіе. Защитникъ можетъ предоставить опредѣленіе размѣра и способа уплаты гонорара своему кліенту и его роднымъ или обозначить свои требованія относительно этого до процесса, во время его или послѣ» [1]). Что касается вопросовъ, можетъ-ли адвокатъ заключать письменное условіе о гонорарѣ, и кто будетъ опредѣлять размѣры его въ случаѣ предъявленія иска, то на нихъ Варга не даетъ отвѣта.

Гораздо глубже въ суть разбираемаго вопроса проникаетъ Пришль. «Отношеніе правозаступника къ сторонѣ»,—говоритъ онъ:«—не можетъ быть подведено ни подъ одно изъ опредѣленій, взятыхъ изъ области частнаго права, а выходитъ далеко за его предѣлы: оно вообще представляетъ собой не юридическое, а нравственное отношеніе, въ силу котораго правозаступникъ помогаетъ кліенту своими юридическими познаніями и опытностью и употребляетъ все, что есть у него и въ немъ, чтобы защитить нарушенное индивидуальное право. Это жертвованіе собственной личностью для спасенія чужаго имущества чужой чести, свободы и даже жизни представляетъ собой дѣйствіе, выходящее далеко за предѣлы того, что можетъ служить предметомъ чьего-либо права, или относительно чего мыслимо юридическое обязательство. Если принять, что правозаступникъ находится въ такомъ же отношеніи къ тяжущемуся, какъ благотворитель къ бѣдному или врачъ къ больному, то нельзя ни на минуту сомнѣваться въ томъ, какого названія заслуживалъ бы его поступокъ, если бы онъ, прежде чѣмъ согласиться на оказаніе помощи, пожелалъ настаивать на заключеніи договора о гонорарѣ и сдѣлать послѣднее условіемъ для перваго: такой образъ дѣйствій рѣзко противорѣчилъ бы понятію правозаступничества, какъ профессіи, основывающейся на чести и безкорыстіи. Напротивъ, принятіе адвокатомъ подносимаго, по свободному побужденію, кліентомъ гонорара, безъ сомнѣнія, дозволено, и всюду, гдѣ адвокатура является въ дѣйствительности, а не только по имени почетнымъ званіемъ, выработалось обыкновеніе уплачивать гонораръ впередъ безъ всякаго даже упоминанія объ этомъ» [2]). Изъ этихъ словъ видно, что Пришль, отри-

[1]) *Varyha:* Die Vertheidigung, 331, 333, 837.

[2]) *Prischl:* Advocatur und Anwaltschaft 320, 365.

цая частно-правный характеръ отношеній между адвокатомъ и кліентомъ, былъ близокъ къ истинѣ, но впалъ въ ошибку, такъ какъ призналъ эти отношенія не публично-правовыми, а нравственными.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ авторовъ наиболѣе близкое къ истинѣ мнѣніе высказалъ Лашапелль-Монтморо, хотя и онъ исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ не изъ юридической природы адвокатуры, а изъ постановленій римскаго и французскаго права и практическихъ соображеній. Доказавъ, что всякія соглашенія относительно гонорара должны быть признаваемы недѣйствительными, и что требованіе гонорара впередъ тоже должно быть запрещено, онъ считаетъ необходимымъ предоставить адвокатамъ право иска о гонорарѣ. Недопущеніе этого иска во Франціи привело, по его словамъ, къ косвеннымъ способамъ понужденія кліента къ благодарности, которыя иной разъ недостаточны, а иной разъ болѣе предосудительны, чѣмъ прямое судебное требованіе. «Прибѣгая къ посредничеству авуэ и заставляя его дѣйствовать вмѣсто себя, адвокатъ вредитъ своему достоинству больше, чѣмъ если-бы онъ шелъ прямо къ цѣли и дѣйствовалъ самъ, «одинъ подъ открытымъ небомъ». Скрываясь за подставнымъ лицомъ, онъ, напротивъ, даетъ поводъ подозрѣвать своему должнику, что хочетъ получить больше, чѣмъ слѣдуетъ, а третьимъ лицамъ.— всегда злорадной публикѣ,—что требуетъ то, чего ему не должны». Съ другой стороны, «адвокатъ, который не предъявляетъ исковъ о гонорарѣ, и который, чтобы никогда не дѣлать этого, требуетъ опредѣленнаго выкупа наугадъ съ того, чьи самые важные интересы онъ долженъ защищать, лицемѣръ и фанфаронъ безкорыстія» [1]). Однако Лашапелль-Монтморо не указываетъ, кто долженъ опредѣлять размѣръ гонорара въ случаѣ предъявленія иска. По-видимому, онъ считаетъ правильной римскую систему.

Такое же точно мнѣніе, какъ Лашапелль-Монтморо, высказываетъ и Массоль съ точки зрѣнія римскаго и французскаго права [2]).

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать пару словъ относительно взглядовъ тѣхъ писателей, которые придерживаются теоріи эквивалентной возмездности.

---

[1]) *Lachapelle-Montmoreau*: Etudes sur la profession d'avocat, 1880, 58, 59, 75.

[2]) *Massol*: Des honoraires des avocats, 1879.

Миттермайеръ, указавъ, что «всѣ постановленія о таксахъ, а, равнымъ образомъ, и судебныя опредѣленія гонорара — дѣло произвола», предлагаетъ установить свободное соглашеніе о гонорарѣ, но никакихъ положительныхъ доводовъ не представляетъ [1]). Точно также поступаетъ и Рудольфъ Гнейстъ, ссылающійся только на то, что «наше время вообще нерасположено ко всѣмъ ограниченіямъ промышленнаго труда» [2]). Жакъ просто замѣчаетъ, что при свободной конкурренціи среди адвокатовъ нѣтъ надобности ставить какія-либо преграды договорному опредѣленію гонорара [3]).

Г. Арсеньевъ обосновываетъ эту систему соображеніями частно-правового характера. «Фактически», — говоритъ онъ: — «адвокатъ представляетъ лицо тяжущагося на судѣ, дѣйствуетъ согласно его указаніямъ, поддерживаетъ его требованія, отстаиваетъ его интересы, получая за это вознагражденіе, во многихъ случаяхъ заранѣе опредѣленное. Дѣятельность его совмѣщаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, всѣ характеристическія черты дѣятельности повѣреннаго, отношенія его къ кліенту — всѣ характеристическія черты отношеній между повѣреннымъ и довѣрителемъ» [4]). Эти соображенія относятся не къ адвокатамъ, въ смыслѣ правозаступниковъ и органовъ общественнаго служенія, а къ судебнымъ представителямъ, дѣйствительно являющимся на судѣ повѣренными кліентовъ. «Нежеланіе признать эту простую истину», — продолжаетъ тотъ-же авторъ: — «обусловливается, какъ намъ кажется, фальшивымъ идеализированіемъ умственнаго труда, въ силу котораго матеріальное вознагражденіе, въ особенности заранѣе опредѣленное, считается унизительнымъ для лица трудящагося». Нѣтъ, здѣсь дѣло не въ идеализированіи умственнаго труда, а въ томъ, что правозаступничество институтъ публичнаго права, что отношенія между адвокатомъ и кліентомъ публично-правовыя, и что частно-правное начало свободнаго соглашенія такъ же неприменимо къ нимъ, какъ и къ отношеніямъ между прокуроромъ и потерпѣвшимъ.

---

[1]) *Миттермайеръ*: О сословіи адв., 88—93.
[2]) *Gneist*: Die freie Advocatur, 55.
[3]) *Jacques*: Freie Advocatur, 62, 63.
[4]) *Арсеньевъ*: Замѣтки, 122.

Г. Бельза, указавъ, что адвокатъ служитъ не только кліенту, но и обществу, продолжаетъ: «поэтому, онъ долженъ, съ одной стороны, обращать больше, чѣмъ кто-либо другой, вниманія на принципы деликатности въ денежныхъ отношеніяхъ съ кліентомъ, а, съ другой стороны, онъ стоитъ на одной линіи съ представителями другихъ либеральныхъ профессіи и имѣетъ право не только на вознагражденіе за трудъ, не только на соглашеніе о вознагражденіи, но въ крайнихъ случаяхъ и на взысканіе его понудительными способами, если не можетъ получить его безъ тяжбы. Это намъ представляется естественнымъ и это мы возводимъ въ принципъ» [1]). Въ другомъ мѣстѣ было уже показано (см. § 3, А), что аналогія между адвокатурой и другими либеральными профессіями не можетъ быть распространяема на вопросъ о гонорарѣ, и что хотя адвокатъ имѣетъ право получать вознагражденіе и требовать его судомъ, но не можетъ заключать о немъ предварительныхъ условій (§ 5). Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Бельза высказываетъ мнѣніе, что гонораръ долженъ въ каждомъ данномъ случаѣ соразмѣряться съ количествомъ требуемаго отъ адвоката труда и имущественнымъ положеніемъ кліента, но не обосновываетъ своего мнѣнія теоретически, а только ссылается на постановленіе польской конституціи 1768 г., которое, впрочемъ, предписывая адвокату «не требовать излишняго вознагражденія, а довольствоваться тѣмъ, что даетъ кліентъ», очевидно, устанавливаетъ относительную безвозмездность и вовсе не имѣетъ отношенія къ договорному опредѣленію гонорара [2]).

§ 9.

Вознагражденіе судебныхъ представителей.

Насколько правильное рѣшеніе вопроса о гонорарѣ трудно по отношенію къ адвокатурѣ, настолько оно легко въ примѣненіи къ судебному представительству. Въ самомъ дѣлѣ, существованіе повѣренныхъ не нужно ни для общества, ни для государ-

[1]) *Belza*: Wynagrodzenie za prowadzenie spraw, 1887, 82, 83.
[2]) *Belza:* ib., 84.

ства, а вызвано исключительно интресами отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Отсюда слѣдуетъ, что содержаніе этого института должно падать на этихъ лицъ. Далѣе, судебные представители оказываютъ своей дѣятельностью услуги тяжущимся, избавляя ихъ отъ хлопотъ по веденію дѣла, а потому вознагражденіе, получаемое ими, должно соотвѣтствовать количеству затрачиваемаго ими труда, т. е., другими словами, быть денежнымъ эквивалентомъ его.

Какимъ же способомъ производить опредѣленіе размѣровъ этого эквивалента?

Такъ какъ отношенія между судебными представителями и ихъ кліентами основываются на договорѣ довѣренности, то съ перваго взгляда можно думать, что и размѣръ гонорара долженъ быть опредѣляемъ по взаимному соглашенію. Но при ближайшемъ изслѣдованіи такой способъ оказывается неподходящимъ. Дѣло въ томъ, что судебные представители отличаются отъ всѣхъ другихъ лицъ, дѣйствующихъ на основаніи договора довѣренности, какъ-то разнаго рода агентовъ, маклеровъ, управляющихъ и т. п., тѣмъ, что поприщемъ ихъ дѣятельности является судъ, и что она затрагиваетъ интересы правосудія. Принимая во вниманіе, что при современномъ развитіи гражданскаго оборота большинство тяжущихся не въ состояніи вести своихъ дѣлъ лично, а должно прибѣгать къ услугамъ судебныхъ представителей, и что свободное соглашеніе о гонорарѣ дало бы возможность послѣднимъ, въ особенности въ томъ случаѣ, когда число ихъ ограничено комплектомъ, злоупотреблять стѣсненнымъ положеніемъ тяжущихся и вымогать громадные гонорары, чѣмъ тормозилось бы отправленіе правосудія, надо признать, что государство должно поставить преграду произволу судебныхъ представителей и ограничить право свободнаго соглашенія о гонорарѣ. Лучше и проще всего можно достигнуть этого установленіемъ постоянной таксы. И, дѣйствительно, не примѣнимая къ оцѣнкѣ адвокатскаго труда (см. § 3, г), она вполнѣ цѣлесообразна по отношенію къ судебному представительству. Въ то время, какъ интеллектуальный трудъ адвоката не поддается оцѣнкѣ на деньги, чисто ремесленная дѣятельность повѣреннаго въ большинствѣ случаевъ вполнѣ справедливо можетъ быть вознаграждаема по заранѣе установленному тарифу. Обязанности судебнаго представителя заключаются въ томъ,

чтобы замѣстить тяжущагося въ процессѣ. Слѣдовательно, въ уголовномъ процессѣ, гдѣ требуется по общему правилу личная явка подсудимаго, повѣренные могутъ выступать только по маловажнымъ дѣламъ. Для такихъ дѣлъ легко установить справедливую норму вознагражденія. Такъ напр., у насъ она могла бы быть опредѣлена въ 10 рублей. Что касается гражданскихъ дѣлъ, то они распадаются на безспорныя и спорныя. Въ первыхъ дѣятельность повѣреннаго состоитъ въ томъ, чтобы написать прошеніе, явиться въ судъ, получить исполнительный листъ и произвести взысканіе. Всѣ эти дѣйствія могутъ быть оцѣнены заранѣе, сообразно съ условіями каждой данной страны. Такъ, у насъ за написаніе прошенія по безспорному дѣлу, не требующее никакого особеннаго труда и производимое по установленной закономъ формѣ и даже на печатномъ бланкѣ, можно назначить полтинникъ; за приготовленіе копій съ него и съ документовъ по 25 к. съ листа бумаги; за подачу прошенія — полтинникъ; за явку въ засѣданіе—рубль; за полученіе исполнительнаго листа—полтинникъ; за исполненіе рѣшенія—извѣстный процентъ съ взысканной суммы. Такимъ же точно образомъ можетъ быть опредѣлено по таксѣ и вознагражденіе повѣреннаго за веденіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, именно за явку въ судъ, подачу бумагъ, присутствіе на засѣданіи, полученнаго исполнительнаго листа и приведеніе рѣшенія въ исполненіе. Равнымъ образомъ, нетрудно установить справедливую таксу за внѣ-судебныя дѣйствія повѣренныхъ: мелкую консультацію, составленіе бумагъ, заключеніе мировыхъ сдѣлокъ и т. п., причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., при посредничествѣ, исполненіи не-юридическихъ порученій) можетъ быть допущено свободное соглашеніе, такъ какъ интересы правосудія въ такихъ случаяхъ не затрагиваются.

V.

ОТНОШЕНІЕ ПРАВОЗАСТУПНИЧЕСТВА КЪ СУДЕБНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ.

Правозаступничество можетъ находится въ троякомъ отношеніи къ судебному представительству. Оно можетъ быть, во-первыхъ, совершенно отдѣлено отъ послѣдняго. Такая система господствуетъ, какъ мы видѣли, въ Англіи, Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ (Бельгіи, Испаніи), и мы ее назвали англо-французской. Во-вторыхъ, правозаступничество можетъ быть нераздѣльно слито съ судебнымъ представительствомъ. Эта система принята въ Германіи, Австріи, Россіи и многихъ другихъ государствахъ и заслуживаетъ названія австро-германской. Наконецъ, правозаступничество можетъ быть соединено съ представительствомъ не вполнѣ, а только отчасти. Подобный порядокъ вещей, который слѣдуетъ назвать смѣшанной системой, существовалъ въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи.

Такимъ образомъ, намъ нужно рѣшить слѣдующій вопросъ: должно-ли быть правозаступничество предоставлено одному классу лицъ, а судебное представительство другому, или же обѣ функціи могутъ быть совмѣщены въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ и, притомъ, вполнѣ или же только отчасти?

Сначала мы разсмотримъ доводы за отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства, затѣмъ доводы противъ такого отдѣленія или, что все равно, въ пользу совмѣщенія обѣихъ функцій и въ заключеніе сдѣлаемъ оцѣнку смѣшанной системѣ.

§ 1.

Доводы въ пользу отдѣленія.

Правозаступничество и судебное представительство — два совершенно различные института. Они, какъ было показано нами во введеніи къ первой части, вызваны къ жизни разными по-

требностями, сферы ихъ дѣятельности не совпадаютъ и, по существу своему, они не имѣютъ ничего общаго между собой.

Правозаступничество — результатъ спеціализаціи знаній. Оно имѣетъ цѣлью оказаніе помощи гражданамъ, не обладающимъ спеціальными свѣдѣніями въ области юриспруденціи. Правозаступники даютъ нуждающимся юридическіе совѣты и защищаютъ права тяжущихся на судѣ. Дѣятельность ихъ аналогична дѣятельности всякаго рода образованныхъ спеціалистовъ: докторовъ, архитекторовъ, учителей, живописцевъ и т. п. Кому нужно лечиться, тотъ обращается къ доктору; кто хочетъ обучать сына нѣмецкому языку, тотъ приглашаетъ спеціалиста-учителя; кто рѣшилъ перестроить домъ, тотъ зоветъ архитектора; кто имѣетъ дѣло въ судѣ, тотъ проситъ совѣта у правозаступника.

Судебное представительство, напротивъ, имѣетъ задачей замѣстить тяжущагося въ процессѣ, т.-е. избавить его отъ личнаго ходатайства по своему дѣлу, отъ явокъ въ судъ, отъ собственноручной подачи разныхъ прошеній, жалобъ, аппелляцій, отъ присутствія на засѣданіяхъ и отъ всѣхъ подобныхъ дѣйствій, чрезвычайно затруднительныхъ для занятаго человѣка. Тяжущійся обращается къ повѣренному не потому, что нуждается въ помощи спеціалиста, а потому, что самъ не имѣетъ времени, возможности или даже просто охоты ходить по судамъ. Дѣятельность повѣреннаго однородна съ дѣятельностью маклеровъ, агентовъ и другихъ посредниковъ и представителей, облегчающихъ заинтересованнымъ лицамъ совершеніе всякаго рода сдѣлокъ.

Другими словами, правозаступничество по своей сущности либеральная профессія или свободное искусство, а судебное представительство—ремесло [1]).

Изъ этой коренной противоположности между обоими институтами вытекаетъ цѣлый рядъ другихъ, въ высшей степени важныхъ, отличій.

Правозаступничество, по самой идеѣ своей, предполагаетъ спеціальное образованіе. Только юристъ можетъ оказывать юри-

[1]) Подъ либеральными профессіями (artes liberales) разумѣются всѣ тѣ роды дѣятельности, въ которыхъ главную роль играетъ умственный трудъ. Имъ противоположны ремесла (artes illiberales), основанныя преимущественно на механическомъ, ручномъ трудѣ.

дическую помощь, какъ только врачъ—медицинскую. Но судебный представитель, будетъ ли то отецъ, опекунъ или повѣренный, имѣя задачей избавить тяжущагося отъ личнаго хожденія по дѣлу, почему-либо невозможнаго или затруднительнаго для него, вовсе не долженъ обладать большей юридической подготовкой, чѣмъ самъ тяжущійся.

Точно также различны характеръ и задачи дѣятельности обоихъ институтовъ. Правозаступничество учрежденіе публичнаго права, а судебное представительство одинъ изъ видовъ частноправнаго института представительства. Правозаступникъ—уполномоченный общества, факторъ правосудія и помощникъ суда; повѣренный—представитель тяжущагося, его процессуальный двойникъ.

Далѣе правозаступникъ стоитъ выше тяжущагося; онъ патронъ, т.-е. покровитель и защитникъ, а тотъ — кліентъ, т.-е. покровительствуемый. Наоборотъ, судебный представитель находится къ кліенту въ отношеніи повѣреннаго къ довѣрителю; для него кліентъ — принципалъ, глава.

Всѣ отношенія между правозаступникомъ и кліентомъ, какъ-то кругъ дѣятельности, зависимость отъ воли кліента, отвѣтственность предъ нимъ и т. д., опредѣляется по началамъ публичнаго права (см. ниже, гл. VI, § 3). Наоборотъ, судебный представитель связанъ съ довѣрителемъ частно-правнымъ договоромъ довѣренности или порученія (мандата), и всѣ законныя постановленія объ этомъ договорѣ примѣнимы къ нему. Въ силу этого, представитель обязанъ дѣйствовать въ предѣлахъ даннаго ему полномочія, отвѣчаетъ за превышеніе его, за нерадѣніе и ошибки, тогда какъ отвѣтственность адвоката такова же, какъ и каждаго должностнаго лица.

Правозаступникъ долженъ быть независимъ отъ суда и прокуратуры и стоять рядомъ съ нимъ, въ качествѣ равноправнаго имъ фактора правосудія. Наоборотъ, тяжущійся, какъ частное лицо, какъ проситель, преслѣдующій личныя цѣли, всегда стоитъ и долженъ стоять ниже этихъ двухъ органовъ государственной власти. Въ такомъ же положеніи находится и повѣренный, являющійся полнымъ представителемъ тяжущагося.

Отъ правозаступника требуется подобно тому, какъ отъ судьи и прокурора, безкорыстіе при отправленіи своихъ профессіональ-

ныхъ обязанностей. Его идеалъ — служеніе правосудію во имя справедливости и закона, а не изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ. Но можно ли прилагать такія требованія къ повѣренному, имѣющему въ виду только избавить тяжущагося отъ хлопотъ по производству дѣла и получить, такимъ образомъ, какую-нибудь денежную выгоду подобно тому, какъ маклеръ получаетъ куртажъ за посредничество при заключеніи сдѣлки?

Изъ всего сказаннаго понятно, что совмѣщеніе правозаступничества съ представительствомъ въ рукахъ одного класса лицъ приводитъ къ цѣлому ряду неразрѣшимыхъ противорѣчій. Оказывается, что такія лица должны обладать въ одно и то же время самыми различными и въ большинствѣ случаевъ прямо противоположными свойствами. Имъ приходится одновременно быть представителями свободной профессіи и ремесленниками, являться на судѣ уполномоченными общества и вмѣстѣ съ тѣмъ наемными замѣстителями частнаго лица, быть патронами кліентовъ и видѣть въ нихъ принципаловъ, ни въ чемъ не зависѣть отъ нихъ и находиться въ полной зависимости, стоять наравнѣ съ судомъ и прокуратурой и въ то же время ниже ихъ, безкорыстно служить общественному благу и преслѣдовать свою личную выгоду.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на это сопоставленіе, чтобы убѣдиться, что оба указанные института, такъ рѣзко различаясь по своей сущности, требуютъ различной организаціи. И дѣйствительно, мы уже видѣли, что организація того и другаго должна основываться на прямо противоположныхъ принципахъ. Въ то время какъ правозаступничество для своего процвѣтанія требуетъ относительной свободы профессіи, полнаго сословнаго самоуправленія, тѣсной связи съ магистратурой и относительной безвозмездности, для судебнаго представительства необходимы комплектъ, локализація и внесеніе залога, дисциплинарная подчиненность судамъ и опредѣленіе вознагражденія по таксѣ, восполняемой соглашеніемъ. Сливая оба института вмѣстѣ, пришлось бы совмѣстить и принципы ихъ организаціи или прибѣгнуть къ компромиссу между ними. Но развѣ можно совмѣстить столь противоположныя начала, какъ свобода профессіи и комплектъ, самоуправленіе и непосредственная подчиненность судамъ, относитель-

ная безвозмездность и такса? И какъ найти средній путь между этими, расходящимися въ разныя стороны, дорогами?

Мало того. Раздѣленіе этихъ функцій имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякое раздѣленіе труда. Повѣренный принимаетъ на себя хлопоты по дѣлу, мелкую подготовительную работу, а адвокатъ, избавленный отъ всего этого, имѣетъ больше времени, чтобы обдумать юридическіе способы веденія дѣла и надлежащимъ образомъ приготовиться къ устной защитѣ. Если взвалить на адвоката всю черновую работу, то онъ не будетъ въ состояніи посвящать себя всецѣло своему прямому призванію [1]).

Благодаря раздѣленію труда, адвокатъ имѣетъ время и возможность заниматься наукой, слѣдить за ея развитіемъ и даже содѣйствовать ему. Между тѣмъ, если заставить его исполнять обязанности повѣреннаго, то механическая, рутинная работа, отнимающая массу времени, и силъ, обратитъ его мало по малу въ простаго ремесленника [2]).

Тѣмъ не менѣе соединеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ имѣло бы, несмотря на коренное различіе между ними, нѣкоторый смыслъ, если бы въ каждомъ процессѣ требовались обѣ функціи. Но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Во-первыхъ, по общему правилу, въ уголовномъ процессѣ, гдѣ правозаступничеству отведено широкое поле, требуется личная явка подсудимаго, а потому судебное представительство здѣсь почти совсѣмъ не допускается. Во-вторыхъ, есть цѣлый рядъ гражданскихъ дѣлъ, въ которыхъ представительство полезно, а правозаступничество совершенно излишне. Таковы дѣла, разсматриваемыя въ порядкѣ безспорнаго производства (упрощеннаго, исполнительнаго и т. п.). Для того, чтобы получить исполнительный листъ по закладной или описать съ судебнымъ приставомъ имущество должника, вовсе не нужно быть ученымъ юристомъ. Такимъ образомъ, остается только одна группа дѣлъ, гдѣ правозаступники участвуютъ вмѣстѣ съ повѣренными, именно дѣла спорныя, разбираемыя въ общемъ порядкѣ производства и требующія преній сторонъ. Но во-первыхъ, эти дѣла составляютъ незначительную

---

[1]) Verhandlungen des IV deut. Juristentages, I, 319.

[2]) Ib., 319; *Gundermann*: Richteramt und Advocatur, 35 и др.

часть въ общей массѣ гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, такъ что изъ-за нихъ нѣтъ основанія смѣшивать столь различныя по своему существу функціи, какъ правозаступничество и представительство, а во-вторыхъ, и въ этихъ дѣлахъ очень легко провести границу между обѣими функціями: правозаступникъ защищаетъ юридическую сторону дѣлъ, т.-е. формулируетъ исковое требованіе или возраженіе и разрабатываетъ на судѣ доказательства, а повѣренный, какъ представитель стороны, принимаетъ на себя все хожденіе по дѣлу, начиная съ собиранія матеріала и кончая исполненіемъ рѣшенія.

Но допустимъ, что совмѣщеніе правозаступничества и судебнаго представительства все-таки желательно въ силу какихъ-либо особыхъ соображеній, и что оно не будетъ связано съ черезчуръ большими неудобствами. Что произойдетъ тогда?

Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ опытъ тѣхъ государствъ, гдѣ принята австро-германская система организаціи адвокатуры. Во-первыхъ, невозможность примирить противоположныя требованія, которымъ должна удовлетворять организація каждаго изъ этихъ институтовъ, привела на практикѣ къ цѣлому ряду нецѣлесообразныхъ компромиссовъ, отступленій и обходовъ. Такъ, правозаступничество должно быть относительно-свободной профессіей, а судебное представительство—замкнутой. Стараясь найти выходъ изъ этого противорѣчія, германское законодательство ограничило свободу адвокатуры локализаціей, противорѣчащей сущности правозаступничества, а русское и австрійское приняли относительную свободу, вредную для судебнаго представительства. Кромѣ того, ни одно изъ нихъ не рѣшилось установить внесенія залога адвокатами, которое необходимо для обезпеченія кліента на случай растраты ввѣренныхъ имъ адвокату суммъ. Отсюда вышло то, что злоупотребленія довѣріемъ кліентовъ, присвоенія и растраты ихъ денегъ, неизвѣстныя во Франціи, гдѣ отвѣтственность повѣренныхъ гарантирована вносимымъ ими залогомъ, встрѣчаются нерѣдко въ Австріи, Германіи и Россіи [1]). Затѣмъ, правозаступничество требуетъ независимости отъ судовъ

[1]) См. стр. 278 и заключ. I части, а относительно Россіи „Юрид. Газ.“ 1892 г., № 14 и нашу статью въ „Одес. Вѣст.“ 1892, 13 марта.

и сословнаго самоуправленія, а судебное представительство—подчиненности судамъ въ связи съ корпоративнымъ устройствомъ. Совмѣщая эти принципы, всѣ континентальныя государства дали сословію адвокатовъ самоуправленіе, но поставили его въ зависимость отъ судовъ [1]). Далѣе, для правозаступничества нужна относительная безвозмездность профессіи, а для представительства свободное соглашеніе о гонорарѣ въ связи съ таксой. И вотъ законодательства австро-германской системы, не рѣшаясь предписывать адвокатамъ безкорыстія, неумѣстнаго для ремесленниковъ-повѣренныхъ, допустили въ гонорарѣ соглашеніе и таксу, несовмѣстимыя съ характеромъ и задачами правозаступничества. Наконецъ, они побоялись также установить связь съ магистратурой, необходимую для правозаступничества, но невозможную для судебнаго представительства, опасаясь вводить въ составъ послѣдней лицъ, которыя представляютъ собой наполовину ремесленниковъ и преслѣдуютъ только матеріальныя цѣли.

Во-вторыхъ, совмѣщеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ вредно отражается на достоинствѣ адвокатуры. Правозаступникъ и судебный представитель—два особые типа судебныхъ дѣятелей, причемъ первый изъ нихъ долженъ отличаться несравненно высшими качествами, чѣмъ второй. Соедините ихъ вмѣстѣ и вы получите третій типъ, представляющій собой нѣчто среднее между ними, вродѣ того, какъ мулатъ является срединой между бѣлолицымъ европейцемъ и чернокожимъ негромъ. Мулатъ уже не негръ, но и не европеецъ; его кожа не такъ темна, какъ у негра, но за то онъ безвозвратно утратилъ бѣлизну европейца. Таково же будетъ положеніе и адвоката, исполняющаго функціи правозаступника и судебнаго представителя. Онъ станетъ образованнѣе, безкорыстнѣе, независимѣе, даже быть можетъ, честнѣе, чѣмъ обыкновенный повѣренный по ремеслу, но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ будетъ гораздо ниже правозаступника въ чистомъ его видѣ, безъ примѣси ремесленнаго элемента и связанныхъ съ нимъ качествъ низшаго разбора. Что такой результатъ неизбѣ-

---

[1]) Не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи даже Франція, гдѣ подчиненность сословія адвокатовъ судамъ обусловливается, какъ мы видѣли, политическими причинами. См. ч. I, стр. 148 и 149.

женъ, это доказано историческимъ опытомъ и подробно изложено нами въ другомъ мѣстѣ (см. заключеніе 1 части). Во Франціи, Англіи, Бельгіи, Испаніи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ представители адвокатуры (въ обширномъ смыслѣ) распадаются на двѣ расы: бѣлую (адвокаты) и черную (повѣренные). Наоборотъ, въ Германіи, Австріи, Россіи и большинствѣ остальныхъ государствъ профессія находится въ рукахъ одной расы — мулатовъ адвокатуры. Намъ не разъ уже приходилось отмѣчать печальныя послѣдствія такого смѣшенія (см. стр. 276, 304 и заключ.), и потому, теперь мы можемъ ограничиться только однимъ резюмэ того, что говорилось нами въ другихъ мѣстахъ нашего сочиненія, именно, что исполненіе правозаступниками обязанностей судебныхъ представителей отвлекаетъ ихъ отъ истиннаго призванія, ставитъ въ зависимость отъ кліентовъ и судовъ, уменьшаетъ ихъ безкорыстіе и щепетильность въ денежныхъ дѣлахъ, развиваетъ вкусы и привычки, несоотвѣтствующія достоинству ихъ профессіи, словомъ, изъ представителей свободной и благородной профессіи, изъ уполномоченныхъ общества и служителей правосудія стремится обратить въ ремесленниковъ, преслѣдующихъ частные интересы своихъ кліентовъ и имѣющихъ въ виду только денежную наживу.

Таковы доводы въ пользу отдѣленія правозаступничества отъ судебнаго представительства. Посмотримъ теперь, что говорятъ противъ него, и насколько состоятельны эти возраженія.

§ 2.

Доводы противъ отдѣленія.

Веденіе процесса на судѣ представляетъ собой единую дѣятельность, цѣль которой заключается въ томъ, чтобы доказать на судѣ справедливость требованій кліента. Къ чему же раздѣлять функціи тѣснѣйшимъ образомъ связанныя между собой? [1]).

[1]) Verhandlungen des IV deut. Jur.-tag., I, 44, 320 etc. *Gundermann*: l. c. 35; *Gneist.* Freie Advocatur, 91; *Миттермайеръ* О сословіи адвокатовъ, 99; *Weinrich:* Zür Reform der deut. Rechtsanw., 68; *Бентамъ*: О судоустройствѣ; *Seligmann.* Quelles sont les réformes etc., 1855, 51, и мн. др.

Если дѣло сначала попадаетъ въ руки повѣреннаго, который собираетъ фактическій матеріалъ и доказательства, сочиняетъ судебныя бумаги и вообще распоряжается дѣломъ, какъ хозяинъ, то не будучи спеціалистомъ, онъ можетъ упустить изъ виду много важныхъ обстоятельствъ; между тѣмъ адвокатъ, опираясь на собранный повѣреннымъ матеріалъ, не въ состояніи поправить дѣла на судѣ. «Сколько разъ»,—говоритъ французскій адвокатъ Одилонъ Барро:—«мои товарищи и я, приглашенные защищать дѣло, сожалѣли о томъ что не участвовали въ предварительной письменной подготовкѣ его» [1]).

«Есть извѣстная аналогія»,—говоритъ г. Стояновъ:—«между работой адвоката и профессора. Трудно представить себѣ, во что бы обратилось университетское преподаваніе, если бы профессорское сословіе отдѣлилось отъ сословія, положимъ, ассистентовъ, которые бы изготовляли, на подобіе атторнеевъ, сокращенныя записки или rosumé изъ источниковъ для словесныхъ перорацій почтенныхъ магистровъ и докторовъ разныхъ наукъ. Сравненіе это вовсе не такъ отдаленно, какъ можетъ показаться съ перваго раза. И адвокатъ тоже долженъ самъ изслѣдовать матеріалъ своего дѣла изъ первыхъ рукъ, если онъ желаетъ, чтобы мнѣнія, доводы и заключенія его получили устойчивость» [2]).

Это соображеніе, которому германскіе теоретики придавали большую важность, на самомъ дѣлѣ не касается сущности вопроса. Во-первыхъ, оно имѣетъ значеніе только для тѣхъ дѣлъ, гдѣ правозаступники и повѣренные дѣйствуютъ совмѣстно, т.-е. для гражданскихъ спорныхъ дѣлъ, и не относится ко всѣмъ прочимъ. Во-вторыхъ, если предоставленіе повѣреннымъ предварительной подготовки, дѣйствительно, нецѣлесообразно, то это неудобство весьма легко устранить, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, не полнымъ уничтоженіемъ института повѣренныхъ, а измѣненіемъ границъ между дѣятельностью ихъ и адвокатовъ. Что касается «единства веденія дѣла», то это пустая фраза. Веденіе дѣла, конечно, требуетъ одного опредѣленнаго плана защиты или нападенія, но самый процессъ веденія распадается на нѣсколько

---

[1]) *Odilon Barrot:* De l'organisation judiciaire en France, 1872, 181.

[2]) *Стояновъ* („Юрид. Вѣст." 1880, 604).

независимыхъ стадій. Единство веденія необходимо въ томъ смыслѣ, чтобы отъ подачи прошенія до постановленія судомъ рѣшенія одно лицо руководило юридической стороной дѣла. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы это лицо само подавало всѣ бумаги, уплачивало пошлины, просило о назначеніи или отсрочкѣ дѣла, приводило рѣшеніе въ исполненіе, описывало имущество должника и т. п. Всѣ подобныя дѣйствія въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ внутреннимъ единствомъ процесса и могутъ быть предоставлены другому лицу. «Адвокатъ», справедливо замѣчаетъ г. Пальховскій: «въ дѣлѣ построенія и веденія процесса долженъ играть роль архитектора: ему принадлежитъ планъ, ему принадлежитъ опредѣленіе юридической устойчивости употребляемаго матеріала, ему принадлежитъ опредѣлить условія юридическаго равновѣсія, на его обязанности лежитъ управлять ходомъ процессуальныхъ дѣйствій, ему принадлежитъ и послѣдній coup de maître—рѣчь во время и въ заключеніе преній. Роль же каменьщиковъ и штукатуровъ, конечно, должны взять на себя другія лица» [1]).

Въ связи съ первымъ доводомъ находится другой, заключающійся въ томъ, что участіе повѣренныхъ въ процессѣ удваиваетъ издержки производства, ложащіяся тяжелымъ бременемъ на тяжущихся [2]). Подобно первому, онъ тоже относится только къ гражданскимъ спорнымъ дѣламъ, такъ какъ въ безспорныхъ дѣйствуютъ одни повѣренные, а въ уголовныхъ одни адвокаты. Однако нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы и въ этихъ дѣлахъ издержки производства сколько-нибудь возросли. Въ самомъ дѣлѣ, писатели, выставившіе разбираемый доводъ, исходили изъ предположенія, что гонораръ долженъ опредѣляться по взаимному соглашенію. Съ этой точки зрѣнія они были, разумѣется, правы, такъ какъ само собой понятно, что наемъ двухъ лицъ,—адвоката и повѣреннаго,—стоитъ дороже, чѣмъ наемъ одного адвоката-повѣреннаго. Но если принять во вниманіе, что при отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства гоно-

---

[1]) *Пальховскій*: О правѣ представительства на судѣ, 168.

[2]) Verhandlungen, ib. *Gneist*, 91; *Миттермайеръ*, 99; *Weinrich*, 71; *Бентамъ*, 108, 109; *Séligmann*, 52, и др.

раръ повѣренныхъ опредѣляется таксой, а адвокаты, подобно врачамъ, получаютъ вознагражденіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ найдетъ возможнымъ предложить кліентъ, то станетъ ясно, что при такой системѣ кліенты находятся не только не въ худшемъ, но даже въ гораздо лучшемъ положеніи. И дѣйствительно, опытъ показываетъ, что во Франціи издержки тяжущихся на адвокатовъ и повѣренныхъ въ общемъ меньше, чѣмъ въ Германіи, гдѣ адвокаты-повѣренные получаютъ по соглашенію солидныя суммы (см. стр. 280). Притомъ, если въ гражданскихъ спорныхъ дѣлахъ издержки даже немного увеличатся, зато въ безспорныхъ онѣ станутъ значительно меньше, такъ какъ само собой разумѣется, что веденіе дѣлъ послѣдняго рода повѣренными, получающими, вдобавокъ, вознагражденіе по таксѣ, будетъ обходиться несравненно дешевле, чѣмъ веденіе ихъ образованными спеціалистами-правозаступниками, вознаграждаемыми по соглашенію.

Участіе двухъ лицъ въ процессѣ, говорятъ далѣе, ведетъ къ раздѣленію отвѣтственности [1]). Кліентъ не знаетъ, кого винить въ неудачномъ исходѣ процесса: адвоката или повѣреннаго. Во Франціи и въ Англіи отвѣтственность несетъ, по общему правилу, повѣренный, считающійся хозяиномъ тяжбы, но повѣренный легко можетъ снять съ себя всякую отвѣтственность, если спроситъ по данному вопросу совѣта адвоката, который, въ свою очередь, не отвѣчаетъ ни за небрежность, ни за незнаніе.

Этотъ доводъ тоже имѣетъ значеніе только для гражданскихъ спорныхъ дѣлъ. Но и здѣсь установленіе точной границы между дѣятельностью адвокатовъ и повѣренныхъ можетъ устранить неудобство раздѣленія отвѣтственности.

Опытъ показываетъ, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, что въ тѣхъ строкахъ, гдѣ правозаступничество отдѣлено отъ представительства, адвокаты легко попадаютъ въ тягостную матеріальную зависимость отъ повѣренныхъ [2]). Дѣло въ томъ, что тяжущіеся обращаются раньше къ повѣреннымъ, которые уже по своему усмотрѣнію дѣлаютъ выборъ адвоката и приглашаютъ по

---

[1]) Verhandlungen, ib., 44, 318; *Бентамъ*, 109, 110; *Séligman*, 52; *Миттермайеръ*, *Weinrich* и др.

[2]) Verhandlungen ib., *Séligman*, 55 и др.

большей части такого, съ которымъ состоятъ въ какихъ-либо особыхъ отношеніяхъ.

Этотъ доводъ, имѣющій, дѣйствительно, фактическое основаніе (см. ч. I, стр. 179 и 217), далеко не такъ важенъ, какъ кажется на первый взглядъ. Если во Франціи и Англіи адвокаты попадаютъ въ зависимость отъ повѣренныхъ, то это происходитъ отъ того, что въ обѣихъ странахъ участіе повѣренныхъ обязательно въ гражданскомъ процессѣ, и что, кромѣ того, они являются маклерами, агентами и ходатаями по уголовнымъ дѣламъ. Будь имъ предоставлено одно судебное представительство, ничего подобнаго не могло бы произойти. Адвокаты дѣйствовали бы совершенно самостоятельно въ уголовномъ процессѣ, и нѣкоторая зависимость отъ повѣренныхъ въ гражданскихъ спорныхъ дѣлахъ не имѣла бы большаго значенія, въ особенности если бы законъ не требовалъ обязательно участія повѣренныхъ въ процессѣ.

Вотъ всѣ возраженія, приводимыя противъ отдѣленія правозаступничества отъ судебнаго представительства. Какъ видно изъ нашего разбора, ни одно изъ нихъ не касается сущности вопроса и потому, конечно, не имѣетъ сколько-нибудь вѣскаго значенія. Всѣ они направлены противъ частностей, противъ нѣкоторыхъ практическихъ неудобствъ, якобы связанныхъ съ раздѣленіемъ обѣихъ функцій. Но, какъ мы показали, эти неудобства легко устранимы. Такимъ образомъ, въ виду явнаго и громаднаго перевѣса на сторонѣ доводовъ въ пользу отдѣленія, мы должны прійти къ заключенію, что правозаступничество должно быть отдѣлено отъ судебнаго представительства.

§ 3.

Смѣшанная система.

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, нужно сказать пару словъ относительно смѣшанной системы, которая въ прежнее время была принята въ нѣкоторыхъ странахъ. Такъ напр., въ Брауншвейгѣ и Ганноверѣ существовали адвокаты и адвокаты-повѣренные. Первые были только правозаступниками, а

вторые правозаступниками и судебными представителями вмѣстѣ. Адвокаты давали совѣты и вели устную защиту; адвокаты-повѣренные, помимо этихъ функцій, занимались сочиненіемъ судебныхъ бумагъ и ходатайствомъ по дѣламъ. Каждый адвокатъ-повѣренный долженъ былъ обладать такимъ же образовательнымъ цензомъ, какъ и адвокатъ, и не могъ отказываться отъ устной защиты въ тѣхъ дѣлахъ, которыя велъ въ качествѣ повѣреннаго. Адвокатура считалась свободной профессіей, а адвокаты-повѣренные были ограничены комплектомъ и локализированы [1]).

Не трудно замѣтить, что смѣшанная система, по скольку она допускаетъ совмѣщеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ въ лицѣ адвокатовъ-повѣренныхъ, подлежитъ тѣмъ же возраженіямъ, какъ и австро-германская система (см. § 1). Что же касается отличительной особенности ея,—именно отдѣльнаго класса адвокатовъ, то въ этомъ никакъ нельзя усмотрѣть какого-либо противовѣса коренному недостатку организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, адвокаты-повѣренные являются привиллегированнымъ сословіемъ, такъ какъ обладаютъ болѣе широкими правами и, потому, могутъ захватить большую часть практики въ свои руки. Въ то же время адвокаты представляютъ собой нѣчто вродѣ сверхштатныхъ правозаступниковъ, къ которымъ тяжущіеся будутъ обращаться только въ рѣдкихъ случаяхъ, предпочитая, естественнымъ образомъ, поручать свои дѣла адвокатамъ-повѣреннымъ, которые могутъ не только вести устную защиту, но и замѣщать стороны въ процессѣ. Такимъ образомъ, классъ адвокатовъ, поставленный въ столь ненормальныя условія, станетъ для юристовъ только переходной ступенью къ полученію мѣста адвоката-повѣреннаго. Единственный доводъ, который можетъ быть приведенъ въ пользу смѣшанной системы, заключается въ томъ, что существованіе особаго класса адвокатовъ усилитъ конкурренцію и устранитъ вредное вліяніе монополіи адвокатовъ-повѣренныхъ [2]). Но этотъ доводъ касается только одной и, притомъ, второстепенной стороны разсматриваемой системы и потому не имѣетъ большаго значенія.

---

[1]) Advocatenordnung für Herzogth. Braunschweig, 1850, §§ 1, 2; *Jaques*: Die fr. Adv., 119.

[2]) Verhandlungen des IV Jur.-tag., 45—49; *Gneist:* Freie Adv., 92.

§ 4.

Взглядъ на литературу.

Вопросъ объ отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства не разъ подвергался обсужденію и рѣшался въ разномъ смыслѣ. При очевидномъ перевѣсѣ доводовъ въ пользу отдѣленія, подобное разногласіе представляется нѣсколько страннымъ и требуетъ особаго разсмотрѣнія. Оно обусловливается, по нашему мнѣнію, двумя главными причинами. Во-первыхъ, споривше упускали изъ виду сущность вопроса и обращали вниманіе только на не играющія важной роли частности, а, во-вторыхъ, они черпали свои доводы изъ разсмотрѣнія современнаго порядка вещей, существующаго въ разныхъ странахъ, не допуская, повидимому, мысли, что этотъ порядокъ очень легко можетъ быть исправленъ и улучшенъ. Въ доказательство нашего объясненія мы приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 258), вопросъ о раздѣленіи правозаступничества и судебнаго представительства разсматривался на IV съѣздѣ германскихъ юристовъ. Ни одинъ изъ референтовъ и членовъ съѣзда, принимавшихъ участіе въ преніяхъ, не высказался въ пользу отдѣленія. Но просматривая тѣ доводы, которые приводились ими, можно убѣдиться, что никто изъ нихъ не пытался сдѣлать анализа юридической природы институтовъ, подвергавшихся обсужденію. Одни толковали объ единствѣ веденія дѣла и раздѣленіи отвѣтственности, другіе объ увеличеніи судебныхъ издержекъ и зависимости адвокатовъ отъ повѣренныхъ во Франціи, но вопроса о томъ, что такое по своему существу правозаступничество, и какая пропасть лежитъ между нимъ и судебнымъ представительствомъ не коснулся рѣшительно никто.

Съ такой же узкой точки зрѣнія смотрѣли на этотъ предметъ Бентамъ, Миттермайеръ, а затѣмъ и Рудольфъ Гнейстъ, который, основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, полагалъ, что «возвращеніе къ существовавшему раньше въ Германіи раздѣленію обѣихъ функцій представлялось бы каждому совершенно непонятнымъ» [1]).

[1]) *Gneist*, ib., 91.

Несравненно шире и правильнѣе взглянулъ на указанный вопросъ Пришль, и можно только пожалѣть, что недостаточно систематическое и слишкомъ страстное изложеніе затемняютъ ходъ его аргументаціи. Онъ останавливается, главнымъ образомъ, на коренномъ различіи между обоими институтами и, не анализируя всѣхъ доводовъ за и противъ, доказываетъ только, что для процвѣтанія адвокатуры, для поддержанія ея достоинства, независимости и безкорыстія необходимо избавить ее отъ функцій судебнаго представительства [1]).

Французскіе и итальянскіе писатели, отрицающіе важность раздѣленія, имѣютъ въ виду только порядки своего отечества, при которыхъ адвокаты попадаютъ въ зависимость отъ повѣренныхъ и испытываютъ неудобства отъ того, что предварительная подготовка дѣлъ принадлежитъ не имъ [2]).

Въ Англіи въ пользу соединенія обѣихъ функцій агитировали одни повѣренные (см. стр. 222), которымъ желательно было бы захватить въ свои руки всю совокупность процессуальныхъ обязанностей адвокатуры. Но ихъ агитація не имѣла успѣха и врядъ-ли когда-нибудь будетъ имѣть.

Что касается русскихъ авторовъ, писавшихъ объ адвокатурѣ, то нѣкоторые изъ нихъ тоже касались разсматриваемаго нами теперь вопроса. Такъ, профессоръ Малышевъ сдѣлалъ ясную и полную характеристику правозаступничества и судебнаго предста-

---

[1]) Читателямъ, не удовлетвореннымъ нашимъ изложеніемъ, мы рекомендуемъ познакомиться съ книгой Пришля, въ особенности съ третьей главой ея. *Prichl:* Advocatur und Anwaltschaft, 1888. Къ мнѣнію Пришля присоединился проф. Kohler (см. его рецензію въ „Zeitschrift für vergleich. Rechtswissenschaft, 1891, X B. I Heft, 150). Возраженія, сдѣланныя Пришлю Вейнрихомъ (*Weinrich*: Zur Reform der deutschen Rechtsanwaltschaft, 1891) и Клейнфеллеромъ (*Kleinfeller* въ „Kritische Vierteljahrschrift für Gesetzgeb. und Rechtswiss. 1891, № 3, 364) не прибавили ничего новаго къ тому, что было говорено противъ отдѣленія правозаступничества отъ судебнаго представительства Миттермайеромъ, Гнейстомъ и членами IV съѣзда германскихъ юристовъ, и что опровергнуто самимъ Пришлемъ.

[2]) O*dilon Barrot:* De l'organis. judiciaire en France 1872; Clèry: Souvenirs de Palais, 1891; Séligman: Quelles sont les réformes etc. 1855 и др.; *Mortara:* Instituzioni di ordinamento giudiziario, 1890, 254, 255.

вительства и указалъ на коренное различіе между ними; но личнаго своего взгляда на вопросъ о раздѣленіи ихъ не высказалъ [1]). Г. Арсеньевъ только мимоходомъ затронулъ этотъ вопросъ; изъ нѣкоторыхъ его выраженій видно, что онъ склоняется въ пользу совмѣщенія [2]).

Гораздо полнѣе и опредѣленнѣе высказался г. Пальховскій. Приведя разсужденіе г. Малышева, онъ говоритъ слѣдующее: «Понятіе, соединяемое нами съ адвокатурой, какъ представительницей знанія, науки, не можетъ, да и не должно быть распространено на всѣхъ безъ исключенія лицъ, которыя играютъ роль представителей сторонъ при совершеніи тѣхъ или другихъ судебныхъ дѣйствій, при веденіи тѣхъ или другихъ исковъ, при защитѣ тѣхъ или другихъ обвиняемыхъ. Вамъ нужно, напримѣръ, навести какую-нибудь справку на судѣ, взять копію съ рѣшенія, получить исполнительный листъ, представить его судебному приставу, получить взысканныя деньги, представить ко взысканію просроченную закладную, заемное письмо, вексель, представить къ утвержденію вполнѣ правильно составленное духовное завѣщаніе, просить судъ о вводѣ во владѣніе, быть при вводѣ, или вамъ нужно продать домъ, купить землю и совершить всѣ установленныя закономъ дѣйствія по укрѣпленію и отчужденію недвижимыхъ имуществъ, или, наконецъ, вамъ необходимо явиться въ судъ, положимъ, по обвиненію полиціею въ неочисткѣ ретирадныхъ мѣстъ вашего дома, — неужели во всѣхъ этихъ случаяхъ вы непремѣнно должны обращаться къ адвокату, какъ къ представителю науки, знанія? Неужели вы не можете уполномочить на совершеніе этихъ судебныхъ дѣйствій всякое лицо, къ которому имѣете простое, обыкновенное довѣріе, не основывая послѣднее ни на обширной эрудиціи лица, ни на его высокихъ нравственныхъ достоинствахъ? Всѣ эти дѣйствія требуютъ почти исключительно только умѣнія подписать свою фамилію и наличнаго присутствія въ судѣ; никакихъ объясненій, никакихъ разсужденій въ данныхъ случаяхъ отъ повѣреннаго не требуется, — онъ можетъ пребывать въ совершенномъ молчаніи, и дѣло совершится

---

[1]) *Малышевъ*: Курсъ гражд. судопр., I, 1874, 205 и сл.

[2]) *Арсеньевъ*: Замѣтки о рус. адвок., 123, 110 и др.

такъ же хорошо, какъ если-бы его велъ первѣйшій правовѣдъ въ мірѣ... Нѣтъ никакого разумнаго, на серьезныхъ соображеніяхъ построеннаго основанія вводить всѣ эти дѣйствія въ сферу адвокатской дѣятельности, какъ исключительную его принадлежность; адвокату тутъ дѣлать нечего, мѣсто его можетъ быть занято всякимъ» [1]). На этомъ основаніи г. Пальховскій предлагаетъ «безспорные иски, дѣла по охранительному судопроизводству, по приведенію рѣшеній въ исполненіе, а также сношенія съ нотаріатомъ и мелкія уголовныя дѣла» изъять изъ вѣдѣнія адвокатуры и право ходатайства по нимъ предоставить всѣмъ правоспособнымъ лицамъ. Другими словами, онъ полагаетъ, что отдѣльнаго класса повѣренныхъ не должно существовать, а всѣ функціи его могутъ быть исполняемы каждымъ желающимъ. Насколько такой порядокъ вещей желателенъ и цѣлесообразенъ, мы уже показали въ I главѣ (см. стр. 49). Что-же касается адвокатуры, то ей г. Пальховскій оставляетъ веденіе гражданскихъ спорныхъ дѣлъ и защиту въ уголовномъ процессѣ. На первый взглядъ можетъ показаться, что его мнѣніе совершенно тождественно съ нашимъ, но на самомъ дѣлѣ между ними существуетъ небольшое, но довольно важное различіе. Оно заключается въ томъ, что г. Пальховскій не допускаетъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ участія повѣренныхъ наряду съ адвокатами, а считаетъ послѣднихъ вмѣстѣ и правозаступниками и представителями сторонъ. «Что тяжущіеся нуждаются въ адвокатахъ, какъ въ правовѣдахъ», — говоритъ онъ: — «это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но чтобы они въ то же время нуждались еще въ представителяхъ — неправовѣдахъ или плохихъ правовѣдахъ, какими были римскіе cognitores, procuratores, или многіе изъ французскихъ avoués, это весьма сомнительно. Всякій гражданскій процессъ необходимо требуетъ: 1) яснаго и совершенно правильнаго представленія о существованіи и нарушеніи права; 2) доказательствъ въ пользу существованія и нарушенія этого права; 3) представленія этихъ доказательствъ суду, и 4) защиты своихъ доводовъ и опроверженія доводовъ противной стороны передъ судомъ. Это четыре неразрывные періода, черезъ которые

[1]) *Пальховскій*: О правѣ представит. на судѣ, 168, 169.

проходитъ гражданскій процессъ... Предоставить право принимать на себя веденіе дѣлъ тяжущихся, входить съ ними въ объясненія, узнавать отъ нихъ объ основаніяхъ тяжбы, подвергать юридическому анализу эти основанія, собирать доказательства въ пользу иска или отвѣта, наконецъ, формулировать исковое требованіе или отвѣтъ на него и представить все это суду по принадлежности,—предоставить все это совершить лицу представителя (въ смыслѣ французскаго avoué, англійскаго solicitor'a, attorney'я), а лицу защитника (въ смыслѣ французскаго avocat или англійскаго barrister'a, serjeant'a at law) предоставить право только давать совѣты тяжущимся и устно защищать ихъ на судѣ,—такое дѣленіе не можетъ быть названо раціональнымъ. Участіе лица, завершающаго процессъ своею рѣчью, необходимо и въ самомъ началѣ процесса—и это одинаково какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ дѣлѣ. Судебныя пренія всегда основываются на предварительно собранномъ и заготовленномъ матеріалѣ, которымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и обусловливается ихъ успѣшность или неудача» [1]). Съ этими соображеніями нельзя не согласиться, и мы уже раньше замѣтили, что отъ подачи искового прошенія или, все равно, возраженія до постановленія судомъ рѣшенія юридической стороной дѣла должно руководить одно лицо. Но вѣдь и до подачи прошенія, и во время производства, и, наконецъ, послѣ постановленія рѣшенія можетъ явиться потребность въ совершеніи такихъ дѣйствій, которыя не имѣютъ ничего общаго съ задачами адвокатуры. Такъ, прежде чѣмъ формулировать исковое требованіе въ прошеніи, зачастую приходится наводить всякаго рода справки, брать удостовѣренія у разныхъ должностныхъ лицъ, получать копіи нужныхъ бумагъ въ разныхъ учрежденіяхъ, разыскивать мѣсто жительства отвѣтчика и свидѣтелей, убѣждаться въ достовѣрности показаній послѣднихъ, словомъ, приходится подготовлять фактическій матеріалъ для процесса. Далѣе, во время производства дѣла можетъ понадобиться дополнительное собираніе подобнаго же матеріала. Наконецъ, послѣ рѣшенія нужно получить исполнительный листъ и присутствовать при исполненіи по нему. Всѣ

[1]) *Пальховскій*, 166, 167.

подобныя дѣйствія, какъ признаетъ, между прочимъ, и самъ г. Пальховской, но только относительно исполненія рѣшенія [1]), не требуютъ ни того высокаго юридическаго образованія, ни тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя являются отличительной чертой правозаступника, и совершенно не соотвѣтствуютъ его достоинству, какъ представителя общества на судѣ. Поэтому, нѣтъ никакого основанія взваливать на него подобную черновую работу. Исполнять ее долженъ или самъ тяжущійся, или то лицо, которое нанято имъ для этого, т. е. повѣренный.

§ 5.

Заключительныя замѣчанія.

Изъ изложеннаго видно, что при нашей системѣ веденіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ можетъ происходить по одному изъ слѣдующихъ четырехъ способовъ: 1) тяжущійся, будучи увѣренъ въ своихъ собственныхъ силахъ и въ правотѣ своего дѣла и въ то же время имѣя возможность ходатайствовать лично, не приглашаетъ ни адвоката, ни повѣреннаго; 2) тяжущійся увѣренъ въ выигрышѣ процесса, но не имѣетъ возможности или времени заниматься хожденіемъ по дѣлу, а потому, не прибѣгая къ помощи адвоката, нанимаетъ только повѣреннаго; 3) тяжущійся, имѣя надобность въ юридической помощи и желая лично вести дѣло, приглашаетъ адвоката и дѣйствуетъ совмѣстно съ нимъ, безъ участія повѣреннаго; 4) тяжущійся нуждается въ поддержкѣ адвоката и не можетъ вести дѣла лично, а потому приглашаетъ и адвоката, и повѣреннаго.

Первый случай не требуетъ никакихъ разъясненій. Второй случай возбуждаетъ вопросъ, не станутъ ли повѣренные, выступая безъ адвокатовъ, захватывать ихъ функцій? По общему началу, принятому во Франціи, Англіи и другихъ странахъ, право участія въ преніяхъ на судѣ принадлежитъ тяжущемуся или его адвокату. Повѣренный же долженъ ограничиваться изложеніемъ

[1]) *Онъ же*, 169.

требованія кліента и давать на вопросы суда разъясненія относительно фактической стороны дѣла. Такой порядокъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ цѣлесообразенъ, такъ какъ, благодаря ему, повѣренные лишены возможности совмѣщать въ своемъ лицѣ обязанности представителей и правозаступниковъ.

Третій случай вызываетъ другаго рода вопросъ: кого считать хозяиномъ дѣла,—адвоката или тяжущагося? Несомнѣнно, самого тяжущагося. Онъ заинтересованное лицо; онъ можетъ примириться съ противной стороной во всякомъ положеніи дѣла, можетъ отказаться отъ своего требованія, признать справедливость иска противника и т. п. Адвокатъ только помощникъ, только юридическій совѣтникъ стороны. Исполненіе его совѣтовъ такъ же необязательно для тяжущагося, какъ исполненіе предписаній врача для больнаго. Но какъ врачъ, совѣты котораго не исполняются, можетъ отказаться отъ леченія паціента, такъ и адвокатъ, котораго не слушаетъ кліентъ, вправѣ отклонить отъ себя защиту дѣла на судѣ.

Въ четвертомъ случаѣ требуетъ разъясненія аналогичный вопросъ объ отношеніи адвоката къ повѣренному. Здѣсь дѣло представляется нѣсколько въ иномъ видѣ. Повѣренный можетъ дѣлать признанія, прекращать дѣло миромъ и отказываться отъ иска, если онъ уполномоченъ на это стороной, выдавшей ему довѣренность. Но что касается совѣтовъ и распоряженій адвоката, принявшаго на себя защиту дѣла, то повѣренный долженъ исполнять ихъ немедленно и безпрекословно подъ страхомъ дисциплинарнаго наказанія и имущественной отвѣтственности передъ довѣрителемъ. Въ противномъ случаѣ тяжущіеся не были бы гарантированы отъ злоупотребленій и небрежности со стороны повѣренныхъ.

По поводу предлагаемой нами системы можетъ быть сдѣлано существенное возраженіе. «Эта система», могутъ замѣтить: «вовсе не гарантируетъ единства веденія процесса, такъ какъ легко предположить, что тяжущіеся станутъ, какъ это принято во Франціи и Англіи, обращаться сначала къ повѣреннымъ, которые, подготовивъ дѣло и предъявивъ искъ, будутъ приглашать адвокатовъ только для устной защиты на судѣ». Дѣйствительно, это можетъ иногда случиться и даже привести къ тому, что тяжущійся по-

теряетъ процессъ; но противъ этого также точно нельзя ничего подѣлать, какъ нельзя заставить больныхъ обращаться при самомъ началѣ болѣзни къ врачу, а не пользоваться до послѣдней крайности совѣтами фельдшера. Если иной тяжущійся будетъ настолько неблагоразуменъ, что положится вполнѣ на знанія повѣреннаго, то пусть онъ пеняетъ на самого себя въ случаѣ проигрыша дѣла. Что же касается адвоката, то, познакомившись съ дѣломъ и увидѣвъ, что оно плохо подготовлено, онъ можетъ или исправить промахи, если еще есть время и возможность, или же отклонить отъ себя защиту.

Такимъ образомъ, мы пришли къ слѣдующему результату. Въ интересахъ правосудія, а равнымъ образомъ, и для процвѣтанія адвокатуры необходимо отдѣлить правозаступничество отъ судебнаго представительства. Правозаступничество должно принадлежать адвокатамъ; судебное представительство—повѣреннымъ. Обязанности адвокатовъ состоятъ въ подачѣ юридическихъ совѣтовъ и устной защитѣ по уголовнымъ и спорнымъ гражданскимъ дѣламъ.

Повѣреннымъ принадлежитъ ходатайство по гражданскимъ дѣламъ, причемъ, въ безспорныхъ самостоятельно, а въ спорныхъ съ участіемъ адвокатовъ, и, кромѣ того, веденіе тѣхъ маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ не требуется личная явка обвиняемаго.

VI.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ ОРГАНИЗАЦІИ АДВОКАТУРЫ.

Изслѣдованіе принциповъ организаціи адвокатуры привело насъ въ предыдущихъ главахъ къ выводу, что наиболѣе соотвѣтствующими сущности и задачамъ правозаступничества слѣдуетъ признать относительную свободу профессіи, сословное самоуправленіе, связь съ магистратурой, относительную безвозмездность и отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства. Этотъ выводъ тождественъ съ тѣмъ, къ которому мы пришли въ

первой части настоящаго сочиненія. Такое совпаденіе результатовъ, добытыхъ разными методами, служитъ наилучшей гарантіей истинности ихъ. Теперь намъ остается разсмотрѣть указанные принципы въ ихъ взаимодѣйствіи и нѣсколько подробнѣе развить вытекающія изъ нихъ послѣдствія.

§ 1.

Взаимодѣйствіе принциповъ.

Въ § 2 введенія ко II части мы показали, что правозаступники, какъ представители общественной защитительной власти, должны отличаться слѣдующими качествами: 1) независимостью отъ кліентовъ, 2) независимостью отъ судовъ и прокуратуры и равноправностью съ ними во всѣхъ отношеніяхъ и 3) мужествомъ, безкорыстіемъ и честностью при отправленіи своей профессіи. Представляютъ ли принятые нами принципы организаціи необходимыя для развитія всѣхъ этихъ качествъ условія?

Независимость отъ кліентовъ гарантируется, во-первыхъ, отдѣленіемъ правозаступничества отъ судебнаго представительства, вслѣдствіе котораго адвокатъ является не повѣреннымъ, а патрономъ кліента, во-вторыхъ, относительной безвозмездностью профессіи, при которой всякія сдѣлки относительно размѣровъ гонорара безусловно воспрещаются, и, въ третьихъ, связью съ магистратурой, открывающей адвокатамъ перспективу почетнаго и обезпеченнаго положенія въ награду за безкорыстное служеніе правосудію.

Независимость отъ судовъ и прокуратуры обезпечивается невмѣшательствомъ ихъ въ сословное самоуправленіе. Равноправность съ ними, основывающаяся на одинаковомъ умственномъ и нравственномъ цензѣ, дѣлается возможной, благодаря относительной свободѣ профессіи.

Мужество адвокатовъ при отправленіи своихъ обязанностей имѣетъ оплотъ въ корпоративной организаціи; безкорыстіе обусловливается относительной безвозмездностью и связью съ магистратурой, а честность гарантируется какъ нравственнымъ цензомъ, такъ и сословной дисциплиной.

Посмотримъ теперь, какъ вліяютъ принципы организаціи другъ на друга.

Относительная свобода профессіи требуетъ отъ адвокатовъ умственнаго и нравственнаго ценза, открываетъ поприще для развитія талантовъ, влечетъ за собой конкурренцію, которая, въ свою очередь, улучшаетъ качество адвокатскаго труда и удешевляетъ его цѣнность. Но этотъ принципъ имѣетъ и свою темную сторону, именно—возможность переполненія, а потому чрезмѣрной конкурренціи и деморализаціи. Самъ по себѣ онъ не въ состояніи поставить преграды злу, такъ какъ нравственный и умственный цензъ, требуемый для допущенія къ занятію адвокатурой, еще не представляетъ вполнѣ надежной гарантіи въ виду того, что, по справедливому замѣчанію Бентама, «самые важные недостатки адвоката не выказываются въ началѣ его карьеры, а развиваются только впослѣдствіи, по мѣрѣ представляющихся случаевъ искушенія» (см. гл. I, § I). Эта-то недостаточность относительной свободы восполняется другими принципами организаціи: сословная дисциплина слѣдитъ за профессіональной дѣятельностью адвокатовъ, связь съ магистратурой отвлекаетъ ихъ отъ преслѣдованія однѣхъ матеріальныхъ выгодъ на путь безкорыстія и чести, отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства облагораживаетъ профессію, устраняя изъ нея ремесленный элементъ, а относительная безвозмездность предписываетъ имъ безкорыстное служеніе обществу.

Сословное самоуправленіе гарантируетъ адвокатурѣ независимость отъ судовъ и прокуратуры, развиваетъ чувство профессіональной чести и создаетъ бдительный надзоръ со стороны товарищей. Но эти благодѣтельные результаты могутъ получиться только при томъ условіи, если отдѣльные члены адвокатуры или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ будутъ люди честные и достойные своего званія. Въ противномъ случаѣ отъ сословнаго самоуправленія адвокатовъ можно ожидать не лучшихъ плодовъ, чѣмъ отъ корпоративной организаціи какой-нибудь шайки воровъ или червонныхъ валетовъ. Отсюда ясно, что сама по себѣ сословная организація не служитъ гарантіей противъ деморализаціи адвокатуры, но что она, напротивъ, можетъ оказаться пагубной безъ посторонняго подспорья. Такимъ подспорьемъ слу-

жатъ: относительная свобода профессіи, требующая отъ адвокатовъ умственнаго и нравственнаго ценза и отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства, которое препятствуетъ имъ обратиться въ практическихъ дѣльцовъ и ремесленниковъ, преслѣдующихъ чисто матеріальныя выгоды. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что безъ послѣдняго принципа невозможно было бы допустить сословное самоуправленіе въ полномъ объемѣ, какъ доказывается опытомъ Германіи, Австріи и Россіи, на томъ основаніи, что если адвокаты исполняютъ обязанности повѣренныхъ, то они должны находиться подъ надзоромъ судовъ, такъ какъ судебное представительство, по своей сущности, требуетъ такого надзора (см. гл. II, § 6).

Связь съ магистратурой, имѣющая важное значеніе для правильнаго развитія адвокатуры и возвышенія ея достоинства въ глазахъ общества, тоже была бы невозможна безъ относительной свободы профессіи, гарантирующей умственный и нравственный цензъ адвокатовъ, и безъ отдѣленія правозаступничества отъ представительства. Благодаря послѣднему, адвокатъ перестаетъ быть наемнымъ повѣреннымъ, стоящимъ неизмѣримо ниже судей, становится уполномоченнымъ общества и равноправнымъ суду и прокуратурѣ факторомъ правосудія. Опытъ показываетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ адвокаты занимаются судебнымъ представительствомъ, общественное мнѣніе, правительство и члены магистратуры смотрятъ на адвокатовъ, какъ на служителей частнымъ интересамъ тяжущихся, а не правосудію и ставятъ ихъ ниже судейскаго и прокурорскаго персонала, для котораго, поэтому, принятіе въ свою среду адвокатовъ было бы и непріятно, и обидно.

Относительная безвозмездность, ближе всего подходящій къ общественному содержанію правозаступничества и наиболѣе достойный адвокатовъ способъ вознагражденія, становится практически-осуществимой только при связи адвокатуры съ магистратурой, открывающей адвокатамъ, кромѣ пути наживы,—путь чести, и при отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства, такъ какъ трудъ адвокатовъ, если они дѣйствуютъ въ качествѣ повѣренныхъ, долженъ вознаграждаться по таксѣ, восполняемой взаимнымъ соглашеніемъ (см. гл. IV, § 9).

Наконецъ, отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства, безъ котораго адвокатура не въ состояніи остаться органомъ общественнаго служенія и неминуемо обращается въ служеніе интересамъ частныхъ лицъ, само собой предполагаетъ относительную свободу профессіи, требующую отъ правозаступниковъ знанія права, и находитъ себѣ опору въ связи съ магистратурой, связи, дающей адвокатурѣ возможность сохранить свой истинный характеръ въ незапятнанной чистотѣ.

Таково перекрестное взаимодѣйствіе принциповъ организаціи. Вдумавшись въ него, легко объяснить себѣ тѣ два индуктивные вывода, къ которымъ мы пришли въ первой части настоящаго сочиненія, именно, что сравнительное процвѣтаніе адвокатуры во Франціи, Бельгіи и Англіи зависитъ отъ господства въ этихъ трехъ странахъ всѣхъ пяти указанныхъ принциповъ, и что упадокъ адвокатуры въ другихъ государствахъ не могъ быть предотвращенъ ни относительной свободой профессіи, ни сословной организаціей. Какъ мы только что видѣли, оба эти принципа сами по себѣ не представляютъ гарантіи противъ деморализаціи и приносятъ благотворные результаты только при совмѣстномъ дѣйствіи съ остальными принципами: отдѣленіемъ правозаступничества отъ судебнаго представительства, связи съ магистратурой и относительной безвозмездностью.

§ 2.

Относительная свобода профессіи.

Занятіе адвокатурой должно быть дозволено, въ силу принятой нами системы относительной свободы, всѣмъ гражданамъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ, заранѣе установленнымъ въ законѣ условіямъ. Эти условія могутъ быть трехъ родовъ: юридическія, умственныя и нравственныя.

Что касается первыхъ, то они сводятся къ процессуальной дѣеспособности: только тотъ, кто имѣетъ право вести свои дѣла, можетъ принимать на себя и защиту чужихъ. Это положеніе настолько ясно, что не нуждается въ поясненіяхъ и доказательствахъ. Изъ него вытекаетъ, что адвокатурой не могутъ

заниматься: 1) несовершеннолѣтніе, 2) состоящіе подъ опекой по какому-бы то ни было поводу (вслѣдствіе расточительства, безумія и т. п.), 3) лишенные всѣхъ правъ состоянія, и 4) несостоятельные должники [1]). Умственныя и нравственныя условія, обыкновенно называемыя цензомъ, требуютъ особаго разсмотрѣнія.

А. *Умственный цензъ.*

Правозаступники должны быть равноправны судьямъ и прокуратурѣ. Отсюда слѣдуетъ, что имъ необходимо обладать такой-же подготовкой, какъ и послѣдніе. Эта подготовка распадается на теоретическую и практическую. Относительно первой всѣ писатели и законодательства согласны, что она должна заключаться въ высшемъ юридическомъ образованіи. Въ иномъ положеніи находится вопросъ о второй. Прежде всего существуетъ мнѣніе, что практическая подготовка къ адвокатурѣ совершенно излишняя. Такъ, проф. Геппертъ полагаетъ, что юристъ, окончившій университетъ, долженъ быть немедленно допущенъ къ занятію адвокатурой, подобно тому, какъ допускаются къ практикѣ врачи, учителя и лица духовнаго званія [2]). Съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться по двумъ соображеніямъ. Во-первыхъ, если бы врачи, учителя и духовные дѣйствительно получали въ университетахъ, подобно юристамъ, только теоретическое образованіе, то отсюда слѣдовало бы не то, что юристы должны быть избавлены отъ всякой практической подготовки, а то, что такую подготовку слѣдуетъ установить и для врачей, и для учителей, и для духовныхъ. Иначе, въ какомъ положеніи очутились-бы граждане, если бы ихъ лечили медики, знакомые съ болѣзнями только по книгамъ, если бы ихъ дѣтей обучали педогоги, не имѣющіе понятія о способахъ преподаванія, и если бы имъ отправляли служеніе и говорили проповѣди богословы, не знающіе, куда ступить, и не умѣющіе сказать связно нѣсколькихъ словъ?

Во-вторыхъ, проф. Геппертъ ошибается, думая, что указы-

[1]) Такъ и установлено въ нѣкоторыхъ законодательствахъ. См. ч. I, стр. 260, 293, 323 и др.

[2]) Verhandlungen des XI deut. Iuristentages, 1873, I, 78.

ваемыя имъ категоріи дѣятелей не получаютъ практической подготовки. Напротивъ, медицинскіе факультеты имѣютъ цѣлью подготовлять именно врачей, и потому немалую роль играютъ въ нихъ практическія занятія; а богословы и учителя, для которыхъ практическая подготовка имѣетъ меньше значенія, все-таки допускаются на службу послѣ предварительныхъ испытаній. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся адвокаты. Университетъ даетъ имъ только теоретическую подготовку, потому что онъ имѣетъ въ виду образованіе не адвокатовъ, а юристовъ вообще. Поэтому, дозволить занятіе адвокатурой всѣмъ юристамъ съ университетскимъ образованіемъ, все равно, что дать лицамъ, окончившимъ математическій факультетъ, право строить наравнѣ съ инженерами мосты и желѣзныя дороги.

Такимъ образомъ, необходимость практической подготовки очевидна. Почти всѣ законодательства признали это. Но установленныя ими системы чрезвычайно разнообразны. Прежде чѣмъ разбирать ихъ, мы посмотримъ, какимъ требованіямъ должна удовлетворять каждая организація подготовки. Для того, чтобы дать на этотъ вопросъ правильный отвѣтъ, необходимо точно установить цѣль, которую должна преслѣдовать подготовка. Каждая дѣятельность требуетъ отъ лицъ, занимающихся ею, извѣстныхъ качествъ Если ихъ нѣтъ на лицо, то они должны быть созданы и развиты, и въ этомъ именно заключается подготовка. Отъ адвокатовъ требуются, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ (см. гл. III, § 1), съ одной стороны, такія-же качества, какъ отъ судей, т. е. знаніе законовъ и умѣніе правильно примѣнять ихъ, а съ другой, еще рядъ другихъ качествъ, спеціально необходимыхъ для судебной защиты, именно способность развивать въ устной рѣчи одну сторону вопроса, находчивость и умѣніе спорить. Отсюда слѣдуетъ, что задача подготовки къ адвокатурѣ состоитъ въ томъ, чтобы развить въ кандидатахъ всѣ указанныя качества. Знаніе законовъ какъ матеріальныхъ, такъ и процессуальныхъ и умѣніе примѣнять ихъ, пріобрѣтаемое отчасти въ университетахъ, можетъ быть развито посѣщеніемъ судебныхъ засѣданій и практическими занятіями при судахъ. Въ этомъ долженъ состоять первый элементъ подготовки къ адвокатурѣ. Діалектическія способности могутъ быть упражняемы и совершенствуемы

только однимъ путемъ, именно съ помощью юридическихъ преній, которыя и представляютъ собой второй элементъ подготовки. Оба указанные элемента могутъ быть совмѣщены и существовать одновременно. Но несравненно удобнѣе и цѣлесообразнѣе раздѣлить ихъ въ виду того, что качества перваго рода (знаніе законовъ и умѣніе примѣнять ихъ) должны служить почвой для развитія качествъ втораго рода (діалектическихъ способностей). Поэтому, наиболѣе правильнымъ былъ бы такой порядокъ: всѣ юристы, окончившіе университетъ и желающіе посвятить себя практической дѣятельности, должны прослужить опредѣленное время въ качествѣ кандидатовъ на судебныя должности, а затѣмъ тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ сдѣлаться адвокатами, обязаны подвергнуться спеціально-адвокатской подготовкѣ.

Если разсмотрѣть съ этой точки зрѣнія господствующія въ цивилизованныхъ государствахъ системы подготовки къ адвокатурѣ, то окажется, что ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ своему назначенію. Въ самомъ дѣлѣ, французскій и бельгійскій стажъ съ конференціями и собраніями колоннъ (см. ч. I, стр. 139—142) заключаетъ въ себѣ только второй элементъ подготовки. Наоборотъ, въ Германіи, гдѣ отъ адвокатовъ требуется такая же подготовка, какъ и отъ судей (см. стр. 259), онъ совершенно отсутствуетъ. Болѣе правильна австрійская система, страдающая, однако, двумя недостатками: непомѣрно долгимъ срокомъ (7 лѣтъ) и отсутствіемъ конференцій кандидатовъ въ адвокатуру (см. стр. 293). Что касается Россіи, то въ тѣхъ округахъ, гдѣ существуютъ сословныя учрежденія, подготовка организована по французскому образцу; въ остальныхъ-же она почти совсѣмъ отсутствуетъ (см. стр. 324 и 346).

Переходя къ деталямъ рекомендуемой нами системы, мы должны замѣтить, что наиболѣе правильной организаціей кандидатуры на судебныя должности представляется та, которая установлена у насъ закономъ 24 дек. 1891 г. и послѣдовавшимъ за нимъ циркуляромъ г. министра юстиціи [1]). Согласно этимъ постановленіямъ, кандидаты раздѣляются на младшихъ и старшихъ. «Младшіе кандидаты»,—говорится въ циркулярѣ:— «какъ лица, только что начинающія зна-

[1]) „Юрид. Газета“ 1892, № 11.

комиться на практикѣ съ судебнымъ дѣломъ, очевидно, не могутъ безъ вреда для интересовъ послѣдняго исполнять самостоятельныя и отвѣтственныя по службѣ порученія, а потому и дѣятельность ихъ, по необходимости, должна быть ограничена занятіями въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, имѣя главнѣйшею цѣлью не восполненіе недостатка въ численномъ составѣ служащихъ, а дѣловое ознакомленіе кандидатовъ со службою, подготовленіе научно-образованныхъ юристовъ къ практической судебной дѣятельности. Наименьшій срокъ такого подготовленія, согласно 409 ст. учр. суд. уст., положенъ въ $1^1/_2$ года». По прошествіи этого срока кандидаты могутъ приступить къ экзамену въ коммиссіи, состоящей изъ трехъ членовъ: предсѣдателя суда или его товарища, члена суда и лица прокурорскаго надзора. Испытаніе должно носить чисто практическій характеръ, и въ циркулярѣ совершенно справедливо говорится, «что въ число предъявляемыхъ на испытаніи требованій полезно включить: 1) устное изложеніе обстоятельствъ и хода одного уголовнаго и одного гражданскаго дѣла, съ поясненіемъ и группировкой главнѣйшихъ данныхъ, служащихъ въ пользу оправданія подсудимаго или удовлетворенія ходатайства истца, или-же наоборотъ, представляющихъ основаніе къ обвиненію или отказу въ искѣ; 2) составленіе записки съ изложеніемъ главнѣйшихъ обстоятельствъ и хода предложеннаго дѣла, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго; 3) составленіе по предложеннымъ дѣламъ проектовъ: мотивированнаго постановленія судебнаго слѣдователя, обвинительнаго акта, заключенія прокурорскаго надзора и приговора или рѣшенія въ окончательной формѣ, и 4) устное изложеніе соображеній и заключенія по предложенному вопросу процессуальнаго или матеріальнаго права.

Лицамъ, обнаружившимъ при испытаніи достаточную подготовленность къ самостоятельной судебной дѣятельности и получившимъ въ томъ удостовѣреніе отъ подлежащаго судебнаго мѣста (ст. 409), присвоивается званіе старшаго кандидата на должности по судебному вѣдомству».

Получивъ званіе старшаго кандидата, молодой юристъ можетъ просить о допущеніи себя къ спеціальной подготовкѣ въ адвокаты. Этого рода подготовка требуетъ организаціи на иныхъ

началахъ. Развитіе діалектическихъ способностей, составляющее ея задачу, достигается двумя способами: упражненіемъ въ преніяхъ съ товарищами и веденіемъ судебныхъ защитъ. Само собой понятно, что первый способъ долженъ предшествовать второму. Только тѣ кандидаты, которые привыкли къ устному обсужденію юридическихъ вопросовъ въ кругу своихъ коллегъ, могутъ быть допускаемы къ защитѣ чужихъ правъ на судѣ. Въ силу этого, вторая часть подготовки должна, въ свою очередь, распадаться на два періода: въ теченіе перваго кандидаты обязаны исключительно заниматься діалектическими упражненіями, а во второмъ могутъ уже вести дѣла въ судахъ, по крайней мѣрѣ, низшихъ, и принимать безплатныя защиты по назначенію суда или совѣта сословія. Продолжительность перваго періода можно опредѣлить въ шесть мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого времени кандидатъ участвовалъ опредѣленное число разъ въ юридическихъ диспутахъ, а продолжительность втораго — въ одинъ годъ. Этого времени будетъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы кандидаты могли пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ къ публичнымъ преніямъ. Остальное — уже дѣло ихъ таланта и вопросъ личной пользы. Организація диспутовъ должна быть сдѣлана по образцу французскихъ конференцій (см. ч. I, стр. 141). Никакихъ экзаменовъ, разумѣется, не нужно въ виду того, что государство обязано гарантировать тяжущимся знаніе и честность адвокатовъ, а не ихъ ораторскія способности, которыя не допускаютъ такихъ испытаній, какъ знанія, и, притомъ, лучше всего могутъ быть оцѣнены самой публикой. Можно только, чтобы побудить кандидатовъ къ усердному участію въ конференціяхъ, установить такое правило: «за неаккуратное посѣщеніе конференцій совѣтъ сословія имѣетъ право увеличить продолжительность срока подготовки на шесть мѣсяцевъ, а если кандидатъ и послѣ этого продолжаетъ небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ, то еще на годъ».

Но, спрашивается, нельзя ли организовать вторую часть подготовки въ видѣ такъ называемаго личнаго патроната, принятаго въ австро-германской системѣ, именно: не устанавливая никакихъ конференцій, просто предписать, чтобы каждый адвокатъ имѣлъ при себѣ, въ качествѣ помощника, одного или нѣсколькихъ кандидатовъ въ адвокатуру и руководилъ ихъ занятіями? Такая си-

стема неудовлетворительна по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, она не въ состояніи замѣнить конференцій, пріучающихъ кандидатовъ къ юридическимъ преніямъ. Во-вторыхъ, она налагаетъ тяжкое бремя на адвокатовъ, заставляя ихъ пріискивать занятія для своихъ помощниковъ и слѣдить за ними. Въ-третьихъ, въ большинствѣ случаевъ она обратится, какъ засвидѣтельствовано опытомъ, въ пустую формальность, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда помощникъ приписанъ къ адвокату, имѣющему незначительную практику. Въ виду этого, было бы нецѣлесообразно замѣнять сословный патронатъ личнымъ. Тѣмъ не менѣе оба они могутъ существовать совмѣстно, именно въ той комбинаціи, какая принята во Франціи: сословный патронатъ безусловно обязателенъ, а личный предоставленъ усмотрѣнію самихъ адвокатовъ. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ обширную практику, могутъ принимать къ себѣ, въ качествѣ помощниковъ и секретарей, молодыхъ кандидатовъ, изъявившихъ желаніе на это.

Остается затронуть еще одинъ вопросъ: въ какихъ случаяхъ срокъ подготовки можетъ быть сокращенъ и даже низведенъ къ нулю?

Едва ли нужно доказывать, что это возможно только тогда, если данное лицо, въ силу прежней своей дѣятельности, пріобрѣло тѣ качества, развитіе которыхъ составляетъ задачу подготовки. Такъ какъ знаніе права и умѣніе примѣнять законы достигается исключительно теоретическимъ изученіемъ и практическими упражненіями, то въ адвокатуру могутъ быть принимаемы, кромѣ лицъ, окончившихъ университетъ (или выдержавшихъ университетскій экзаменъ) и затѣмъ получившихъ званіе старшаго кандидата на судебныя должности, также профессора и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній по каѳедрамъ гражданскаго и уголовнаго права.

Что касается втораго элемента подготовки, то умѣніе говорить публично и діалектическія способности могутъ быть пріобрѣтены помимо конференцій. Такъ, чины прокурорскаго надзора, члены суда и профессора постоянно упражняются въ устномъ изложеніи юридическихъ вопросовъ. Поэтому, было бы вполнѣ справедливо освобождать ихъ отъ спеціальной подготовки къ адвокатурѣ, если, разумѣется, они прослужили въ своихъ должно-

стяхъ столько времени, сколько требуется для этой подготовки отъ старшихъ кандидатовъ на судебныя должности.

Б. *Нравственный цензъ.*

Изъ равноправности адвокатуры съ прокуратурой и судомъ слѣдуетъ, что всѣ эти три фактора правосудія должны обладать одинаковымъ нравственнымъ цензомъ. Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ отъ лицъ, допускаемыхъ къ судебнымъ должностямъ, требуется незапятнанная репутація. На этомъ основаніи не могутъ быть судьями лица, исключенныя изъ службы по суду, изъ духовнаго вѣдомства, изъ среды сословій и обществъ, къ которымъ они принадлежали, приговоренныя къ позорящимъ наказаніямъ. Эти же категоріи лицъ не должны быть допускаемы и не допускаются, по дѣйствующимъ законодательствамъ, въ сословіе адвокатовъ. Но, быть можетъ, кромѣ такихъ отрицательныхъ признаковъ нравственной безупречности, нужно установить еще какія-либо положительныя условія, вродѣ того, какъ напр.. во Франціи для внесенія въ списокъ требуется удостовѣреніе въ безукоризненной нравственности, выдаваемое предсѣдателями колоннъ, или въ Австріи собираніе справокъ относительно того, насколько кандидатъ «надежный» человѣкъ? При рекомендуемой нами системѣ подготовки къ адвокатурѣ подобныя правила представляются излишними. Въ самомъ дѣлѣ, адвокатура будетъ наполняться двумя разрядами лицъ: во-первыхъ, старшими кандидатами на судебныя должности, окончившими успѣшно стажъ, и, во вторыхъ, профессорами и бывшими членами судебной магистратуры. Если какое-либо лицо перваго разряда по своему поведенію недостойно быть принятымъ въ адвокаты, то совѣтъ сословія долженъ былъ подвергнуть его дисциплинарному преслѣдованію и исключить изъ числа кандидатовъ въ адвокатуру. Такимъ образомъ, уже одинъ тотъ фактъ, что кандидатъ безпрепятственно отбылъ срокъ подготовки, служитъ доказательствомъ его нравственной благонадежности. Что же касается лицъ втораго разряда, то профессора, состоящіе на государственной службѣ, и чины судебной магистратуры, вышедшіе въ отставку по собствен-

ному желанію, предполагаются безукоризненными въ нравственномъ отношеніи, и всякія иныя доказательства этого не нужны.

В. *Порядокъ допущенія къ адвокатурѣ.*

Разсмотрѣвъ условія, которымъ должны удовлетворять лица, желающія быть допущенными къ занятію адвокатурой, мы должны теперь опредѣлить порядокъ этого допущенія. Такъ какъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ Англіи, гдѣ господствуетъ оригинальная, но, впрочемъ, неудовлетворительная система (см. ч. I, стр. 214), дѣйствуютъ приблизительно одинаковыя и, по нашему мнѣнію, вполнѣ цѣлесообразныя правила, то, не входя въ подробное обсужденіе ихъ, можно ограничиться бѣглымъ очеркомъ.

Лицо, желающее быть допущеннымъ къ подготовкѣ или занятію адвокатурой, подаетъ объ этомъ прошеніе въ совѣтъ сословія съ приложеніемъ необходимыхъ документовъ. Совѣтъ разсматриваетъ ихъ и удостовѣряется, удовлетворяетъ ли кандидатъ всѣмъ установленнымъ въ законѣ положительнымъ и отрицательнымъ условіямъ. Относительная свобода профессіи, принятая нами, требуетъ, чтобы отказъ въ допущеніи могъ основываться только на отсутствіи одного изъ этихъ условій. Поэтому, во избѣжаніе произвола со стороны совѣта сословія, такой отказъ долженъ быть мотивированъ и подлежать обжалованію со стороны кандидата. Аппелляціонной инстанціей можетъ служить или судъ, въ округѣ котораго дѣйствуетъ данный совѣтъ, или, еще лучше, центральный верховный судъ (у насъ сенатъ), постановленія котораго уже окончательны.

§ 3.

Внутренняя организація.

Адвокатура должна быть организована въ видѣ самоуправляющагося сословія. Слѣдовательно, намъ нужно прежде всего разсмотрѣть устройство органовъ самоуправленія, затѣмъ опредѣлить

объемъ принадлежащей имъ дисциплинарной власти надъ членами сословія, порядокъ дисциплинарнаго производства и систему наказаній, установить гарантіи противъ произвола органовъ самоуправленія и въ заключеніе коснуться дисциплинарной власти судовъ и вмѣшательства прокуратуры въ дѣла сословія адвокатовъ.

А. *Органы самоуправленія.* Сущность самоуправленія заключается въ томъ, что адвокаты не знаютъ надъ собой никакой посторонней власти, а подчиняются общей волѣ своего сословія. Эта общая воля образуется изъ воли всѣхъ членовъ сословія. Поэтому, самымъ естественнымъ выраженіемъ ея является постановленіе, принимаемое всѣмъ сословіемъ in corpore. Другими словами, главнымъ органомъ самоуправленія является общее собраніе адвокатовъ. Второй органъ—это комитетъ или совѣтъ, избираемый на опредѣленное время общимъ собраніемъ для разрѣшенія текущихъ дѣлъ. Онъ имѣетъ значеніе постоянно и непрерывно дѣйствующаго учрежденія. Третій органъ — предсѣдатель совѣта, считающійся вмѣстѣ съ тѣмъ единоличнымъ представителемъ сословія подобно тому, какъ городской голова — представитель думы и города. Способы и сроки избранія имѣютъ второстепенное значеніе. «Хорошій личный составъ совѣта, измѣняющійся не слишкомъ быстро, но не остающійся и вовсе безъ перемѣны — вотъ»,—какъ справедливо говоритъ г. Арсеньевъ:—«необходимое условіе для успѣшной дѣятельности совѣта» [1]). Этому требованію наиболѣе удовлетворяетъ германская система выборовъ (см. ч. I, стр. 267, 268), которую и можно рекомендовзть въ данномъ отношеніи.

Несравненно важнѣе вопросъ о сферѣ компетенціи каждаго органа самоуправленія. Принявъ во вниманіе, что совѣтъ и предсѣдатель дѣйствуютъ по препорученію общаго собранія, которое является единственнымъ выразителемъ истинной воли сословія, слѣдуетъ признать, что главнымъ начальствующимъ органомъ и высшей инстанціей по всѣмъ дѣламъ, касающимся всего сословія, должно быть общее собраніе, и что остальные органы обязаны ему представлять отчеты о своей дѣятельности.

Избраніе дополнительныхъ органовъ, каковы секретарь совѣта, казначей, библіотекарь, можетъ быть производимо совѣтомъ.

[1]) *Арсеньевъ*: Замѣтки о руск. адв., 77.

Б. *Дисциплинарная власть*. Прежде, чѣмъ говорить о томъ, кому слѣдуетъ предоставить дисциплинарную власть, необходимо точно установить понятіе ея. Сущность его превосходно разъяснена г. фонъ-Резономъ. „Право наказанія»,—говоритъ онъ:— «принадлежитъ, по общему правилу, въ теперешнихъ цивилизованныхъ обществахъ, одному государству или, точнѣе, — главѣ его, какъ представителю или олицетворенію государственной идеи. Поэтому, и наказанія, въ техническомъ смыслѣ этого слова, могутъ быть наложены лишь тѣми спеціальными органами, которые на это уполномочены верховною властью, т.-е. судами. Но ежедневный опытъ насъ убѣждаетъ, что помимо государственныхъ наказаній возможна еще карательная дѣятельность другаго рода. Человѣческая жизнь не исчерпывается отношеніями нашими къ государству, подданными котораго мы состоимъ, или въ границахъ котораго мы временно находимся. Мы рождаемся членами извѣстной семьи, извѣстнаго сословія, мы входимъ въ сношенія съ частными лицами и подчиняемся до нѣкоторой степени ихъ власти; мы становимся членами разныхъ союзовъ или учрежденій; мы поступаемъ на государственную службу и тѣмъ входимъ въ особыя отношенія къ государственной власти и т. д. и т. д. Всѣ эти отношенія даютъ намъ извѣстныя спеціальныя права, не вытекающія изъ нашего общегражданскаго положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и налагаютъ на насъ обязанности. Несомнѣнно, что нарушенія ихъ должны вызвать реакцію, которая, однако, въ виду свойства самихъ нарушеній, можетъ исходить не отъ государства, а лишь отъ тѣхъ лицъ или союзовъ, противъ благъ которыхъ они были направлены. Даже само государство въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ дѣло съ нарушеніемъ со стороны своихъ агентовъ одного служебнаго порядка, отказывается отъ своей карательной функціи, т.-е. налагаетъ на нихъ взысканія не въ общемъ уголовномъ порядкѣ, а создаетъ для этой цѣли особые органы, особое производство и даже отчасти особыя взысканія.

Такимъ образомъ, рядомъ съ общими преступленіями, наказуемыми государствомъ, въ силу принадлежащаго ему jus puniendi, существуетъ цѣлая область нарушеній, различающихся отъ нихъ, какъ самымъ содержаніемъ защищаемыхъ благъ, такъ и держателемъ карательнаго права. Нарушенія эти извѣстны подъ назва-

ніемъ нарушеній дисциплины или нарушеній дисциплинарныхъ; право или власть налагать за нихъ взысканія мы называемъ властью дисциплинарною, а правила, опредѣляющія объемъ, условія и способы дѣятельности этихъ властей — дисциплинарнымъ правомъ» [1]).

Примѣнивъ эти общія соображенія къ занимающему насъ вопросу, мы прійдемъ къ слѣдующимъ выводамъ. Адвокаты, подобно должностнымъ лицамъ, могутъ своей дѣятельностью нарушать либо общіе уголовные законы (напр., совершать убійство, кражу), либо спеціальныя обязанности, налагаемыя на нихъ самой ихъ профессіей (напр., требовать уплаты гонорара впередъ). За дѣянія перваго рода они подлежатъ преслѣдованію карательной власти государства и наказываются уголовнымъ судомъ. Преслѣдованіе же проступковъ втораго рода составляетъ обязанность дисциплинарной власти, которая въ силу сословнаго самоуправленія должна быть предоставлена какому-нибудь изъ его органовъ. Но какому именно? Общему собранію? Это было бы чрезвычайно неудобно въ виду многочисленности членовъ его и невозможности часто созывать ихъ. Предсѣдателю сословія? Въ такомъ случаѣ доброе имя, честь и даже вся судьба отдѣльныхъ членовъ сословія находились бы въ рукахъ одного лица, не связаннаго никакой отвѣтственностью и не представляющаго надежныхъ гарантій безпристрастія. Остается одно изъ двухъ: или предоставить дисциплинарную власть совѣту сословія, или создать новый органъ въ видѣ особаго «суда чести». Первая система господствуетъ во Франціи, Бельгіи и у насъ, а вторая въ Германіи и Австріи (см. ч. I, стр. 145, 272, 301 и 326). Разсматривая ихъ, легко убѣдиться, что разница между ними только по названію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ совѣты, такъ и дисциплинарные суды представляютъ собой выборные органы, а въ Германіи судъ избирается даже изъ самихъ членовъ совѣта. Слѣдовательно, принятіе той или иной системы не имѣетъ существеннаго значенія. Можно только замѣтить, что если число членовъ совѣта слишкомъ велико, такъ что частый созывъ ихъ затруд-

[1]) *Фонъ-Резонъ*: О дисциплинарномъ правѣ („Журн. гр. и угол. права“ 1889 г., № 9, с. 1, 2).

нителенъ, то въ виду практическаго удобства полезно учреждать особый судъ въ составѣ трехъ или пяти членовъ.

Итакъ, дисциплинарному суду подвѣдомственны профессіональные проступки адвокатовъ; но, спрашивается, всѣ ли безъ исключенія или только нѣкоторые, и какіе именно? Чтобы отвѣтить на это, нужно разсмотрѣть общій вопросъ о границахъ между уголовной и дисциплинарной властью.

Наукой признано, что уголовному преслѣдованію должны подлежать не только общегражданскія преступленія, но и нѣкоторыя изъ служебныхъ, т.-е. совершаемыхъ при исполненіи обязанностей по службѣ, хотя, впрочемъ, до сихъ поръ отдѣльные писатели расходятся въ опредѣленіи признака, по которому слѣдуетъ различать, какіе именно служебные проступки должны быть признаны дисциплинарными, а какіе уголовными. По мнѣнію нѣкоторыхъ, къ области уголовныхъ преступленій относятся умышленныя нарушенія, а къ области дисциплинарныхъ—неосторожные. Другіе обращаютъ вниманіе на то, соединены ли данные проступки съ желаніемъ нарушить права государства или частныхъ лицъ, или же нѣтъ. Третьи разграничительнымъ признакомъ считаютъ большую или меньшую тяжесть наказанія, положеннаго за то или иное нарушеніе. Наиболѣе правильный взглядъ высказалъ Гельшнеръ, который различаетъ двѣ группы служебныхъ проступковъ: въ одну входятъ противозаконныя злоупотребленія порученными данному лицу служебными правами, а въ другую нарушенія внутренняго служебнаго порядка, не связанныя съ такими злоупотребленіями. Сообразно съ этимъ, такіе проступки судей, какъ напр. неправосудіе, взяточничество, относятся къ уголовнымъ, а неявка изъ отпуска въ срокъ или совершеніе какихъ-либо хотя и непротивозаконныхъ, но несовмѣстныхъ съ достоинствомъ судейскаго званія дѣйствій, въ родѣ появленія въ пьяномъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, участіе въ скандалахъ и т. п.,—къ дисциплинарнымъ. Подобное разграниченіе вполнѣ естественно, такъ какъ въ случаяхъ перваго рода должностныя лица нарушаютъ не только служебный, но и государственный порядокъ, посягая на ввѣренные имъ интересы государства, а въ случаяхъ втораго рода ихъ проступки касаются однихъ только служебныхъ отно-

шеній. Мнѣніе Гельшнера принято г. фонъ-Резономъ и подробно развито въ примѣненіи къ русскому законодательству.

Приложимъ эти общія начала къ интересующему насъ вопросу. Правозаступничество—общественная служба. Слѣдовательно, профессіональные проступки адвокатовъ представляютъ собой въ сущности служебные проступки и могутъ быть двоякаго рода, смотря потому, заключаютъ ли они въ себѣ злоупотребленіе профессіональными правами или же нарушеніе внутренняго порядка профессіональной дѣятельности. Первые подлежатъ вѣдѣнію карательной власти государства и уголовному суду, вторые — дисциплинарной власти органовъ сословнаго самоуправленія. Первые должны быть точно опредѣлены въ уголовномъ кодексѣ. Что же касается вторыхъ, то относительно ихъ этого сдѣлать невозможно. «Дисциплинарное дѣяніе»,—справедливо говоритъ г. фонъ-Резонъ: «представляетъ собой не нарушеніе защищаемыхъ государствомъ путемъ наказаній нормъ, а нарушеніе извѣстныхъ спеціальныхъ обязанностей, порядка, требованій нравственности, благопристойности и т. д. Первымъ нормамъ можно составить точный списокъ, ибо государство всегда можетъ и даже должно опредѣлить, что преступно и наказуемо; поэтому, 1 статья нашего проэкта уголовнаго уложенія совершенно правильно опредѣляетъ, что никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, не запрещенное во время его совершенія закономъ уголовнымъ подъ страхомъ наказанія. Но не такъ легко поддаются перечисленію нормы нравственности и другія нормы, нарушаемыя дисциплинарными дѣяніями, ибо оцѣнка сихъ дѣяній и рѣшеніе вопроса, составляютъ ли они дѣйствительно нарушеніе указанныхъ нормъ, въ большинствѣ случаевъ зависитъ совершенно отъ личныхъ взглядовъ и индивидуальныхъ убѣжденій, сложившихся подъ вліяніемъ воспитанія, извѣстной среды и т. д. Весьма часто, напр., мы видимъ, что одни и тѣ же поступки дѣтей въ разныхъ семьяхъ вызываютъ со стороны родителей самую разную оцѣнку; что члены союза разнаго мнѣнія о томъ, слѣдуетъ ли дѣяніе товарища признать безнравственнымъ, нарушающимъ его профессіональныя или другія спеціальныя обязанности или нѣтъ, и т. д. Поэтому, въ сферѣ дисциплинарнаго права, по самому существу его, немыслимо составленіе такого точнаго списка подлежащихъ карѣ дѣяній, какъ въ уголовномъ правѣ,

а приходится ограничиться общими, болѣе или менѣе неопредѣленными указаніями: родители вправѣ принимать дисциплинарныя мѣры противъ дѣтей строптивыхъ и неповинующихся, за порочную жизнь ихъ и за другіе явные пороки; мастеръ имѣетъ въ домѣ своемъ права хозяина надъ подмастерьями и учениками, но не долженъ наказывать безъ вины ихъ; дворянство имѣетъ право исключить изъ собраній своихъ дворянина, котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ; въ общественныхъ собраніяхъ преслѣдуются нарушенія порядка, требованія вѣжливости, и, вообще, дѣйствія, нетерпимыя въ образованномъ обществѣ; лица судебнаго вѣдомства могутъ быть удалены отъ должности за противные нравственности или предосудительные поступки, несовмѣстимые съ достоинствомъ судебнаго званія и т. д. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ постановленіяхъ встрѣчается не опредѣленіе существенныхъ признаковъ наказуемаго дѣянія, а простая ссылка на нормы нравственности и т. п.» [1]).

Все сказанное имѣетъ полную силу и по отношенію къ адвокатурѣ. Это сознано положительными законодательствами, которыя, не перечисляя дисциплинарныхъ проступковъ адвокатовъ, просто предоставляютъ право совѣтамъ сословія наказывать въ дисциплинарномъ порядкѣ тѣ дѣйствія адвокатовъ, которыя не соотвѣтствуютъ достоинству ихъ званія (см. ч. I, стр. 145, 265, 301 и др.). Опредѣленіе и классификація дисциплинарныхъ проступковъ составляетъ задачу такъ называемой адвокатской этики, которая является кодексомъ правилъ личнаго поведенія адвокатовъ при отправленіи своихъ профессіональныхъ обязанностей и внѣ его. Такъ какъ воззрѣнія на задачи адвокатуры и организаціи ея не во всѣхъ странахъ одинаковы, то вполнѣ понятенъ тотъ фактъ, что такое же различіе наблюдается и въ правилахъ профессіи. Исторія, выработавъ два типа адвокатовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ создала и двѣ системы адвокатской этики: англо-французскую и австро-германскую. Мы уже указывали (см. ч. I, заключ.), что первая превосходитъ вторую какъ возвышенностью взгляда на дѣятельность адвокатуры, такъ и строгостью требованій, предъявляемыхъ къ нравственности членовъ профессіи.

[1]) *Фонъ-Резонъ*: у. с., стр. 38, 39.

Выше всѣхъ въ этомъ отношеніи стоятъ французскіе и бельгійскіе адвокаты, обладающіе въ трудахъ Молло, Ліувилля, Крессона, Дюшена, и Пикара полными сводами своей этики (см. ч. I, стр. 149). Затѣмъ слѣдуютъ англичане, хотя и неимѣющіе подобныхъ писанныхъ кодексовъ, но выработавшіе себѣ традиціи, сходныя съ французскими и бельгійскими. Что же касается адвокатовъ австро-германскаго типа, то совмѣщеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ, понизивъ общественное значеніе адвокатуры и повредивъ ея достоинству, отразилось неблагопріятнымъ образомъ и на профессіональной этикѣ. Вслѣдствіе этого, тѣ поступки, которые считаются французскими адвокатами несоотвѣтствующими достоинству профессіи и подвергаются дисциплинарному преслѣдованію, какъ, напр., занятія торговлей, агентурой, управленіемъ чужими дѣлами, требованіе гонорара, употребленіе табличекъ, и т. п., не представляютъ въ глазахъ нѣмецкихъ, австрійскихъ и русскихъ адвокатовъ ничего предосудительнаго и совершаются ими со спокойной совѣстью.

Изслѣдованіе принциповъ адвокатской этики выходитъ за предѣлы настоящаго труда и составитъ предметъ особаго сочиненія. Но чтобы точнѣе опредѣлить сферу компетентности дисциплинарной власти, полезно будетъ перечислить тѣ служебные проступки адвокатовъ, которые подлежатъ вѣдѣнію уголовнаго суда. Для этого нужно посмотрѣть, какія права предоставлены адвокатамъ при отправленіи профессіи, и въ чемъ можетъ выразиться злоупотребленіе ими.

Адвокаты занимаются юридической консультаціей и судебной защитой. Другими словами, они имѣютъ, во-первыхъ, право подавать совѣты и, во-вторыхъ, право произносить на судѣ рѣчи. Что касается перваго права, то сразу видно, что никакихъ подлежащихъ уголовному преслѣдованію злоупотребленій имъ не можетъ быть, такъ такъ право совѣта не есть власть, допускающая какія-либо превышенія. Если адвокатъ побудитъ кліента своимъ совѣтомъ къ совершенію преступленія или къ такому дѣйствію, которое принесетъ кліенту матеріальный ущербъ, то въ первомъ случаѣ онъ совершитъ не служебное, а обще-гражданское преступленіе и будетъ подлежать отвѣтственности въ качествѣ подстрекателя или пособника, а во-

второмъ случаѣ кліентъ можетъ искать съ него вознагражденія за убытки и требовать дисциплинарнаго наказанія.

Въ иномъ положеніи находится право судебной защиты. Оно допускаетъ злоупотребленія двоякаго рода: относительно 1) кліентовъ, 2) участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Кліентъ, поручая защиту своихъ правъ адвокату, знакомитъ его съ обстоятельствами дѣла и нерѣдко посвящаетъ его въ самыя интимныя подробности своей личной и семейной жизни, знаніе которыхъ необходимо въ интересахъ защиты, а слѣдовательно, и въ интересахъ правосудія, немыслимаго безъ правильной защиты. Но для того, чтобы кліентъ могъ быть вполнѣ откровеннымъ со своимъ адвокатомъ, необходимо дать ему увѣренность, что всѣ открытыя имъ обстоятельства будутъ держаться въ строгомъ секретѣ и ни въ какомъ случаѣ не получатъ огласки. Отсюда возникаетъ для адвокатовъ обязанность такъ называемой профессіональной тайны, существующей и въ другихъ профессіяхъ, каковы медицинская, акушерская, аптекарская, духовная. «Обязанность тайны», —справедливо замѣчаетъ Фостэнъ Эли, — «установлена въ общемъ интересѣ, ея нарушеніе оскорбляетъ не только лицо, которое довѣрило тайну, но и все общество, такъ какъ оно лишаетъ профессіи, служащія опорой общества, того довѣрія, которое должно окружать ихъ» [1]). Въ виду публично-правоваго характера этой обязанности, нарушеніе ея должно быть обложено уголовнымъ наказаніемъ. Такъ и поступаютъ нѣкоторыя дѣйствующія законодательства. Французскій кодексъ наказываетъ это преступленіе тюремнымъ заключеніемъ отъ одного до шести мѣсяцевъ и штрафомъ отъ 100 до 500 франковъ, а германскій, — штрафомъ до 1500 марокъ или тюремнымъ заключеніемъ до трехъ мѣсяцевъ [2]).

Далѣе, адвокатъ можетъ совершить другое, еще болѣе важное преступленіе по отношенію къ кліенту, именно измѣнить ему. Эта измѣна можетъ имѣть двоякую форму: или адвокатъ является въ одномъ и томъ же процессѣ совѣтникомъ обѣихъ тяжущихся

---

[1]) *Crenon:* Usages et règles, I, 266.

[2]) Code pén. fr., art. 378 et Cass. 24 mai 1862; Strafgesetzbuch, § 300.

сторонъ или, войдя въ соглашеніе съ противной стороной, дѣйствуетъ во вредъ своему кліенту. Такъ какъ преступленія обоего рода нарушаютъ правильное отправленіе правосудія и, потому, являются посягательствами на правовой строй государства, то и они должны подлежать уголовному преслѣдованію. Такъ и поступило германское законодательство, помѣстивъ это преступленіе въ уголовномъ кодексѣ и обложивъ первый видъ его тюремнымъ заключеніемъ до трехъ мѣсяцевъ, а второй — заключеніемъ въ смирительномъ домѣ до пяти лѣтъ [1]). По нашему уложенію, измѣна кліенту наказуется, какъ мошенничество [2]). Французскій законъ, а равнымъ образомъ и профессіональныя правила совершенно умалчиваютъ о второмъ видѣ разбираемаго преступленія. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, насколько высока нравственность французскихъ адвокатовъ: ни сами они, ни даже законодатели, иной разъ недовѣрчиво относившіеся къ нимъ, не допускаютъ возможности измѣны кліенту со стороны какого-нибудь члена адвокатуры. Первый видъ измѣны подлежитъ дисциплинарному преслѣдованію [3]).

Наконецъ, третье нарушеніе профессіональныхъ обязанностей по отношенію къ кліентамъ выражается въ формѣ вымогательства гонорара или какихъ-либо обязательствъ до окончанія процесса, когда кліентъ находится въ нравственной зависимости отъ адвоката (см. ч. II, стр. 90).

Это преступленіе, по своему характеру, аналогично взяточничеству со стороны судей и прокуроровъ, такъ какъ адвокатъ, являющійся факторомъ правосудія, требуетъ за усердіе при исполненіи своей служебной обязанности особаго вознагражденія отъ тяжущагося. Дѣйствующія уголовныя законодательства не упоминаютъ о вымогательствѣ адвокатовъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ господствуетъ договорное опредѣленіе гонорара, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о подобномъ преступленіи. Въ странахъ же, принявшихъ относительную безвозмездность, оно наказывается, но только въ дисциплинарномъ порядкѣ.

---

[1]) Strafgesetzbuch, § 356.

[2]) Улож. о наказ., ст. 1709.

[3]) *Mollot*: Règles de la profession d'avocat, I, 93.

Переходя къ нарушеніямъ адвокатами профессіональныхъ обязанностей относительно другихъ лицъ, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе въ своей дѣятельности, мы можемъ легко убѣдиться, что всѣ эти нарушенія сводятся къ одному типу: оскорбленію чести. Въ самомъ дѣлѣ, адвокаты до судебнаго засѣданія не входятъ въ непосредственныя сношенія ни съ противниками, ни съ ихъ защитниками, ни съ судьями, ни съ прокурорами, ни съ другими участвующими въ процессѣ лицами: они знаютъ только своихъ кліентовъ и больше никого. Они не въ состояніи даже совершить какого-либо проступка при посредствѣ подаваемыхъ суду состязательныхъ бумагъ, такъ какъ, не будучи представителями тяжущихся, они не имѣютъ права подписывать этихъ бумагъ, а потому и отвѣтственность за содержащіяся въ нихъ оскорбительныя выраженія падаетъ или на самого тяжущагося, или на его повѣреннаго. Единственный способъ, какимъ они могутъ нарушить права перечисленныхъ выше лицъ, это—нанести имъ обиду въ устной рѣчи на судѣ.

Съ перваго взгляда кажется, что въ такихъ случаяхъ адвокаты должны подлежать уголовному преслѣдованію, такъ какъ они злоупотребляютъ предоставленной имъ свободой слова. Но при ближайшемъ изслѣдованіи вопроса слѣдуетъ прійти къ другому выводу. Адвокатъ отправляетъ общественную обязанность. Въ интересахъ вѣрнѣйшаго раскрытія истины на судѣ ему, какъ и прокурору, должна быть предоставлена полная свобода слова. А для того, чтобы она была осуществлена на дѣлѣ, необходимо гарантировать ему безопасность, т. е. дать ему право говорить все, что онъ считаетъ нужнымъ въ интересахъ защиты, не боясь подвергнуться за это уголовному преслѣдованію. «Въ каждомъ почти дѣлѣ»,—говорили мы въ другомъ мѣстѣ:—«адвокату приходится критиковать показанія свидѣтелей и экспертовъ, признавать ихъ незаслуживающими уваженія, хотя бы даже они были даны подъ присягой, касаться нравственной подкладки процесса, дѣлать съ этой точки зрѣнія характеристику противной стороны и т. п. Весьма легко можетъ случиться, что кто-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ оскорбится замѣчаніями адвоката. Неужели же возможно предоставить каждому изъ нихъ право привлекать адвоката къ отвѣтственности? «Въ какомъ положеніи»,—

спрашиваетъ «Суд. Газета»:—«оказалось бы дѣло правосудія, если бы всѣ тѣ прокуроры, которые громятъ своими рѣчами подсудимыхъ, знали, что оправданный подсудимый можетъ привлечь ихъ къ суду за клевету?» А развѣ дѣятельность адвоката не аналогична дѣятельности прокурора? Развѣ онъ исполняетъ свои профессіональныя обязанности не въ интересахъ правосудія, государства, общества? И если, отправляя свою высокую миссію, онъ по благородному увлеченію при защитѣ чужихъ правъ или даже по какой-либо ошибкѣ уклонится отъ должнаго пути, то развѣ справедливо ввергать его за это въ темницу, какъ злостнаго клеветника, наравнѣ съ заклейменными позоромъ мошенниками, ворами, убійцами и прочими врагами общественнаго порядка? Но, съ другой стороны, нельзя оставить безъ охраны и чести частныхъ лицъ отъ злоупотребленій свободою рѣчи, и потому нѣкоторыя иностранныя законодательства (французское, англійское, бельгійское, сѣверо-американское), запрещая уголовное преслѣдованіе адвокатовъ, дозволяютъ наказывать ихъ въ дисциплинарномъ порядкѣ [1]). Не нужно думать, что дисциплинарная отвѣтственность слишкомъ легка, и что интересы частныхъ лицъ гарантируются ею недостаточно полно. Нисколько. По французскому закону, наприм., судъ можетъ въ дисциплинарномъ порядкѣ запретить адвокату практику на два мѣсяца, а въ случаѣ повторенія проступка въ томъ же году—на шесть мѣсяцевъ».

Въ виду такихъ соображеній, слѣдуетъ признать, что злоупотребленія адвокатами свободой рѣчи должны быть преслѣдуемы исключительно въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Итакъ, въ результатѣ изслѣдованія профессіональныхъ проступковъ адвокатовъ мы приходимъ къ тому заключенію, что только три изъ числа ихъ, именно обнаруженіе профессіональной тайны, измѣна кліенту и вымогательство, гонорара могутъ быть признаны уголовными; всѣ же остальные относятся къ дисциплинарнымъ.

В. *Порядокъ производства.* На практикѣ существуютъ двѣ системы дисциплинарнаго производства: одна принята во Фран-

---

[1]) Loi du 29 juillet 1881, art. 41; Code pen. belge, art. 452; *Forsyth*: Hortensius, 348; The american and englisch encyclop. of law: attorney.

ціи, Англіи, Бельгіи и отчасти Россіи. а другая въ Германіи и Австріи (см. ч. I, стр. 145, 216, 272, 303, 327 и др.). Первая отличается простотой и отсутствіемъ формализма и носитъ, такъ сказать, частный, семейный характеръ; вторая же, наоборотъ, построена всецѣло по образцу обыкновеннаго уголовнаго процесса и мало чѣмъ рознится отъ него. Которую изъ нихъ слѣдуетъ признать болѣе цѣлесообразной?

Дисциплинарныя нарушенія представляютъ собой посягательства на нормы профессіональной этики, т. е. на правила внутренняго порядка служебной дѣятельности, приличія и благопристойности. Нужно ли производство о нихъ обставлять всѣми тѣми гарантіями, которыя соблюдаются въ уголовномъ процессѣ? Слѣдуетъ ли производить дознаніе, предварительное слѣдствіе, составлять форменный обвинительный актъ, устраивать судебное слѣдствіе со всѣми его атрибутами, — преніями сторонъ, повѣркой доказательствъ, и т. п. по поводу такихъ проступковъ, какъ напр., употребленіе факторовъ для пріисканія кліентуры, появленіе въ пьяномъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, грубое обращеніе съ тяжущимся или оскорбленіе словами противника? Съ перваго же взгляда видно, что прилагать къ этого рода дѣламъ сложныя формы уголовнаго процесса значитъ дѣлать изъ мухи слона. Мало того. Уголовный судъ имѣетъ задачей точное примѣненіе установленныхъ законодателемъ общихъ нормъ къ индивидуальнымъ случаямъ. Дисциплинарный же судъ не только примѣняетъ правила профессіональной этики, но и создаетъ ихъ, такъ какъ они не кодифицированы, да и вообще не поддаются кодификаціи. Такимъ образомъ, онъ играетъ роль не только суда, но и законодателя. Отсюда понятно, что его дѣятельность нельзя стѣснять такими формальными рамками, въ какія должно быть заключено отправленіе уголовнаго правосудія.

Въ виду такихъ соображеній, слѣдуетъ отдать предпочтеніе англо-французской системѣ дисциплинарнаго производства, принятой въ настоящее время и у насъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ существуютъ сословныя учрежденія.

Г. *Система наказаній.* «Дисциплинарное взысканіе»,—говоритъ г. фонъ-Резонъ:—«какъ и государственное наказаніе, есть порицаніе и осужденіе виновнаго за содѣянный имъ проступокъ,

выражающееся въ причиненіи ему извѣстнаго физическаго или нравственнаго вреда или страданія. Но дисциплинарное взысканіе имѣетъ свое собственное спеціальное содержаніе, обусловленное характеромъ дисциплинарнаго дѣянія, а именно: такъ какъ послѣднимъ нарушается не общегосударственный, а частный правопорядокъ, то и порицаніе нарушенія не можетъ имѣть того авторитетнаго характера, какъ порицаніе, выраженное государствомъ за нарушеніе защищаемыхъ имъ нормъ; напротивъ, дисциплинарное взысканіе является только осужденіемъ частнымъ, кружковымъ, такъ сказать, относительнымъ. Поэтому, самыя мѣры взысканія должны имѣть тотъ же частный характеръ и поражать лишь тѣ блага, которыя виновный пріобрѣтаетъ, какъ послѣдствіе спеціальныхъ отношеній къ данному держателю дисциплинарной власти» [1]).

Этотъ принципъ получилъ примѣненіе на практикѣ, и почти во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ приняты одинаковыя постановленія. Въ виду этого, мы можемъ ограничиться только бѣглыми указаніями, не входя въ подробное обсужденіе этого вопроса. Самое тяжелое дисциплинарное наказаніе — исключеніе изъ сословія, лишающее адвоката навсегда права заниматься профессіей. Само собой разумѣется, что оно должно быть налагаемо за наиболѣе важные проступки, позорящіе честь и достоинство сословія. Самымъ легкимъ взысканіемъ является предостереженіе, которое должно примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, когда адвокатъ совершилъ незначительный проступокъ или только покусился на какое-либо нарушеніе. Между этими двумя предѣлами находятся еще нѣсколько наказаній, именно выговоръ, денежный штрафъ и временное запрещеніе практики. Примѣненіе того или другого изъ нихъ зависитъ отъ дисциплинарнаго суда, который долженъ сообразоваться съ обстоятельствами каждаго даннаго случая. Общихъ правилъ на этотъ счетъ нельзя выставить. Можно только замѣтить, что временное запрещеніе не должно превышать опредѣленнаго и, притомъ, небольшаго срока, напр., полугода, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно можетъ фактически обратиться въ исключеніе изъ сословія, и что денежные штрафы умѣстны въ тѣхъ случаяхъ, когда адвокатъ совершилъ проступокъ изъ

[1]) *Фонъ-Резонъ*: у. с., стр. 48, 49.

корыстныхъ побужденій. Штрафъ долженъ поступать въ общую кассу сословія.

Д. *Гарантія противъ произвола.* Во II главѣ (см. стр. 71) разсматривая вопросъ о корпоративной организаціи, мы указали на необходимость установить въ интересахъ государства, кліентовъ и самихъ адвокатовъ гарантію противъ злоупотребленій и произвола органовъ сословнаго самоуправленія. Самой естественной гарантіей въ этомъ отношеніи можетъ служить право обжалованія постановленій даннаго органа. Но кто долженъ исполнять роль аппелляціонной инстанціи? Здѣсь слѣдуетъ различать два случая. Постановленія органовъ самоуправленія могутъ касаться или дисциплинарнаго надзора за адвокатами, или какихъ-либо иныхъ интересовъ сословія (хозяйственныхъ, научныхъ и т. п.). Что касается постановленій втораго рода, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что аппелляціонной инстанціей для нихъ должно служить общее собраніе сословія, такъ какъ никто лучше его самого не въ состояніи соблюсти интересовъ сословія, и такъ какъ ни государство, ни кліенты не могутъ отъ этого пострадать въ какомъ бы то ни было отношеніи. Иначе обстоитъ дѣло съ дисциплинарными приговорами. Они, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы: одни относятся къ нарушеніямъ профессіональной этики, а другіе къ тѣмъ злоупотребленіямъ профессіональными правами, которыми нарушаются интересы частныхъ лицъ, и которыя только по исключенію отнесены къ дисциплинарнымъ проступкамъ (оскорбленіе во время преній). Приговоры первой группы не должны подлежать аппелляціи. Дѣйствительно, аппелляціонной инстанціей могъ бы быть или органъ посторонней власти или общее собраніе сословія. Ни то ни другое одинаково нежелательно и нецѣлесообразно: первое потому что вопросы адвокатской этики разрѣшались бы учрежденіемъ, нисколько не компетентнымъ въ нихъ и не заинтересованнымъ въ поддержаніи нравственнаго достоинства сословія, а второе потому, что приговоры совѣта сословія представляютъ больше гарантій правильности и основательности, чѣмъ постановленія общаго собранія. Послѣднее обстоятельство прекрасно разъяснено г. Арсеньевымъ въ примѣненіи къ нашему законодательству. «Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ»,—говоритъ онъ:—«состоитъ изъ лицъ,

избираемыхъ на весьма короткій, годовой срокъ, и, притомъ, хорошо извѣстныхъ избирателямъ. Побужденій, которыя могли бы произвести быстрый, рѣзкій переворотъ въ образѣ мыслей и дѣйствій члена совѣта, нельзя себѣ представить, потому что никакихъ выгодъ отъ такой перемѣны онъ пріобрѣсти не можетъ, никакихъ давленій извнѣ не испытываетъ, никакимъ соблазнамъ не подвергается. Нѣсколько повліять на него можетъ развѣ долговременное пользованіе властью; но возобновленіе или невозобновленіе данныхъ ему полномочій совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія избирателей. Избирая въ совѣтъ лучшихъ своихъ членовъ, сословіе не имѣетъ; такимъ образомъ, никакого основанія не довѣрять имъ, стѣснять, связывать ихъ какими-либо условіями или обязательствами... „Сосредоточивая судебно-дисциплинарную власть надъ присяжными повѣренными въ рукахъ совѣта», сказано въ отчетѣ С.-Петербургскаго Совѣта за 1870—71 г., законодатель безъ сомнѣнія руководствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что для всесторонняго разсмотрѣнія и правильнаго разрѣшенія судебныхъ дѣлъ необходимо коллегіальное учрежденіе, не слишкомъ многочисленное, постоянно (въ теченіе извѣстнаго срока) дѣйствующее въ одномъ и томъ же составѣ и несущее полную нравственную отвѣтственность за свои постановленія. Предоставленіе общимъ собраніямъ, многочисленнымъ, случайно составленнымъ и безотвѣтственнымъ, права обсуждать во всякое время дисциплинарныя постановленія совѣта лишило бы эти постановленія необходимаго нравственнаго авторитета и перенесло бы центръ тяжести дисциплинарной власти, вопреки намѣренію законодателя, изъ совѣта въ общее собраніе» [1]). Въ силу такихъ обстоятельствъ, перепроизводство дисциплинарныхъ дѣлъ въ общемъ собраніи представляется совершенно нецѣлесообразнымъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы приговоры совѣта сословія были во всѣхъ отношеніяхъ окончательными. Какъ мы уже замѣтили, совѣтъ исполняетъ не только судебную, но и законодательную функцію: онъ не только налагаетъ наказаніе за нарушеніе нормъ профессіональной этики, но и создаетъ эти нормы. Если въ качествѣ судебнаго учрежденія онъ дѣйствуетъ независимо отъ общаго собранія и не подчиняется его контролю, то только потому, что его при-

[1]) *Арсеньевъ*: Замѣтки, 78—80.

говоры обставлены лучшими гарантіями справедливости и основательности. Но его законодательная дѣятельность находится въ иномъ положеніи. Являясь немногочисленной группой членовъ сословія, совѣтъ не можетъ быть признанъ выразителемъ убѣжденій всего сословія. Поэтому его постановленія должны подлежать обжалованію въ той части, которая касается наказуемости совершеннаго адвокатомъ проступка. Тогда общее собраніе сословія, не входя въ обсужденіе фактической стороны даннаго дѣла, высказываетъ только свое мнѣніе относительно того, слѣдуетъ ли считать совершенное обвиняемымъ дѣяніе профессіональнымъ проступкомъ, а если слѣдуетъ, то соотвѣтствуетъ ли ему положенное совѣтомъ взысканіе. Другими словами, по жалобѣ обвиненнаго адвоката, общее собраніе можетъ: 1) утвердить приговоръ совѣта, 2) отмѣнить его совершенно, не признавъ въ поступкѣ адвоката нарушенія профессіональной этики, 3) уменьшить мѣру наказанія и 4) увеличить ее.

Само собой разумѣется, что обжалованіе приговоровъ совѣта можетъ быть допускаемо только въ важнѣйшихъ случаяхъ, именно, когда ими налагается запрещеніе практики и исключеніе изъ сословія. Иначе отправленіе дисциплинарнаго правосудія было бы замедлено и затруднено, такъ какъ частый созывъ общихъ собраній адвокатовъ неудобенъ.

Обратимся теперь къ обжалованію тѣхъ приговоровъ совѣта, которые относятся къ злоупотребленіямъ адвокатами свободой слова. Такъ какъ этими злоупотребленіями нарушаются права частныхъ лицъ, и такъ какъ преслѣдованіе ихъ только по исключенію изъято изъ сферы уголовнаго суда, то необходимо, по крайней мѣрѣ, создать аппелляціонную инстанцію, которая представляла бы достаточныя гарантіи безпристрастія какъ для потерпѣвшихъ лицъ, такъ и для обвиняемыхъ адвокатовъ. Единственное возможное рѣшеніе этой задачи состоитъ въ томъ, чтобы аппелляціонное производство по такимъ дѣламъ принадлежало какому-нибудь совершенно постороннему органу власти, напр., дисциплинарной коммисіи, состоящей изъ членовъ высшаго суда данной страны.

Е. *Дисциплинарная власть судовъ.* «Необходимость поддержанія порядка въ публичныхъ мѣстахъ и собраніяхъ»,—говоритъ

проф. Таганцевъ:—«требуетъ нерѣдко принятія какихъ-либо особыхъ мѣръ и наложенія взысканій на нарушителей спокойствія, не дожидаясь вмѣшательства судебной власти въ общемъ порядкѣ отвѣтственности» [1]).

Право принимать такія мѣры предоставлено и предсѣдательствующимъ въ судебныхъ засѣданіяхъ по отношенію ко всѣмъ лицамъ, которыя присутствуютъ въ залѣ суда, не исключая и защищающихъ дѣла адвокатовъ. Объемъ этой власти и система взысканій представляютъ собой вопросъ, относящійся къ организаціи профессіональной дѣятельности адвокатовъ, а не сословія ихъ, а потому выходитъ за предѣлы нашей задачи. Для насъ важно только обратить вниманіе на одно обстоятельство: если адвокатура—факторъ правосудія, равноправный прокуратурѣ, то дисциплинарная власть предсѣдателя суда должна быть совершенно одинакова, какъ надъ одной, такъ и надъ другой. Вотъ главное требованіе, которому должно удовлетворять то или иное рѣшеніе разбираемаго вопроса, такъ какъ нарушеніе его вредно отзовется на процессуальной равноправности сторонъ и, создавъ привиллегію въ пользу одной изъ нихъ, унизитъ достоинство и уменьшитъ значеніе другой [2]).

Ж. *Вмѣшательство прокуратуры.* Многія законодательства, и въ числѣ ихъ даже французское даютъ прокуратурѣ право вмѣшиваться въ дисциплинарныя дѣла сословія адвокатовъ (см. ч. I, стр. 147—149, 272, 327 и др.). Такой порядокъ вещей, помимо того, что противорѣчитъ принципу независимости адвокатуры отъ прокурорскаго надзора и равноправности съ нимъ (см. ч. II, стр. 20), несостоятеленъ по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, прокуроръ является представителемъ карательной власти государства, а такъ какъ кругъ ея вѣдѣнія ограничивается нарушеніями общихъ уголовныхъ законовъ (см. выше стр. 176), то ясно, что никакіе дисциплинарные проступки, кѣмъ бы они ни были совершены, не могутъ подлежать преслѣдованію со стороны прокурорскаго надзора. Во-вторыхъ, предметъ дис-

[1]) *Таганцевъ*: Карательная дѣятельность государства („Журн. гр. и уг пр.“ 1882, № 1, 37).

[2]) Подробное изслѣдованіе этого вопроса см. у Варги (§§ 192, 193 400 и друг.).

циплинарнаго производства составляетъ нарушенія правилъ профессіональной этики, т. е. поступки, несовмѣстныя съ достоинствомъ званія, требованіями благоприличія, нравственности и т. п., словомъ, такія дѣянія, въ оцѣнкѣ которыхъ зачастую расходятся сами члены сословія, и въ которыхъ постороннее лицо, какимъ является прокуроръ, не можетъ быть компетентнымъ судьей. Наконецъ, въ третьихъ, вмѣшательство прокурорскаго надзора унижаетъ достоинство адвокатуры, такъ какъ, съ одной стороны, указываетъ на недовѣріе законодателя къ сословію адвокатства, а съ другой, возлагаетъ поддержаніе сословной чести на незаинтересованный въ этомъ посторонній, вдобавокъ, некомпетентный и даже иной разъ враждебно-настроенный органъ власти.

Съ этой точки зрѣнія наибольшаго порицанія заслуживаетъ германская система (см. ч. I, стр. 278, 279), допускающая въ самыхъ широкихъ размѣрахъ участіе прокуратуры въ дисциплинарномъ преслѣдованіи адвокатовъ.

Но, отрицая въ принципѣ полезность подобнаго вмѣшательства, мы должны указать на одно исключеніе, касающееся тѣхъ профессіональныхъ проступковъ, которые заключаютъ въ себѣ злоупотребленіе правами, и которые только въ силу особыхъ соображеній отнесены нами къ дисциплинарнымъ (см. стр. 179). Такъ какъ ими нарушаются интересы государства или частныхъ лицъ, то будетъ вполнѣ цѣлесообразно, чтобы относящіеся къ нимъ приговоры совѣта сословія сообщались прокуратурѣ и подлежали обжалованію съ ея стороны въ аппелляціонную инстанцію, т.-е. дисциплинарную коммиссію при высшемъ судѣ.

Кромѣ того, не будетъ отступленіемъ отъ принципа невмѣшательства, если всѣ вообще дисциплинарные приговоры станутъ доводиться до свѣдѣнія прокуратуры съ тѣмъ, чтобы она слѣдила за приведеніемъ ихъ въ исполненіе.

§ 4.

Дополнительныя замѣчанія.

Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ относительную свободу профессіи и внутреннюю организацію ея. Три остальные прин-

ципа (связь съ магистратурой, относительная безвозмездность и отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства) въ достаточной степени выяснены нами и не требуютъ болѣе подробнаго изложенія. Намъ остается, слѣдовательно, коснуться нѣсколькихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ хотя и не входитъ въ нашу непосредственную задачу, но будетъ небезполезно для полноты предлагаемаго плана организаціи адвокатуры.

Къ числу такихъ вопросовъ относятся слѣдующіе: несовмѣстимость, имущественная отвѣтственность адвокатовъ и обязательность участія ихъ въ процессѣ.

А. *Несовмѣстимость.* Вопросъ о томъ, какія занятія несовмѣстимы съ званіемъ адвоката разрѣшается весьма различно на практикѣ и въ литературѣ [1]). Но съ принятой нами точки зрѣнія на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, если правозаступникъ органъ общественнаго служенія и факторъ правосудія, во всѣхъ отношеніяхъ равный прокурору и судьѣ, то отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что онъ не можетъ занимать никакой иной служебной должности, такъ какъ нельзя служить сразу двумъ господамъ, а во-вторыхъ, что онъ не долженъ предаваться такимъ постороннимъ его профессіи занятіямъ, которыя считаются предосудительными для судей и прокуроровъ. Согласно съ первымъ принципомъ, адвокатура несовмѣстима со всякаго рода службой. Исключеніе составляютъ почетныя и безплатныя должности, а равнымъ образомъ профессура въ виду того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ профессіональная независимость адвоката не терпитъ сколько-нибудь значительнаго ущерба. Слѣдуя второму принципу, нужно запретить адвокатамъ занятія торговлей, агентурой, маклерствомъ, судебнымъ представительствомъ и тому подобными видами ремесленной дѣятельности.

Б. *Имущественная отвѣтственность.* Выше было говорено объ уголовной и дисциплинарной отвѣтственности адвокатовъ. Теперь необходимо коснуться гражданской. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: можетъ ли кліентъ искать съ адвоката вознагражденія за вредъ и убытки, происшедшіе по винѣ послѣдняго?

---

[1]) См. ч. I, стр. 143, 276, 298, 331 и др., а также сочин. г. Арсеньева (I, гл. VII).

Онъ рѣшается весьма просто въ тѣхъ странахъ, гдѣ правозаступничество совмѣщено съ судебнымъ представительствомъ: отношенія между адвокатами и кліентами разсматриваются какъ основанныя на договорѣ довѣренности (въ Германіи, Россіи) или личнаго найма (Австріи, Италіи), а потому и отвѣтственность адвокатовъ опредѣляется по общимъ началамъ обязательственнаго права.

Иначе стоитъ вопросъ во Франціи и Бельгіи: тамъ господствуетъ возвышенное правило, по которому адвокатъ такъ же не отвѣтственъ за свои совѣты и рѣчи, если они даны добросовѣстно, какъ судья за свои рѣшенія, и если своими дѣйствіями онъ причиняетъ кліенту ущербъ, то для него возникаетъ только нравственная обязанность вознаградить кліента. «Примѣры такой деликатной честности»,—замѣчаютъ Дюшенъ и Пикаръ:—«случались нерѣдко». [1]).

Какое же изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній правильнѣе?

Хотя адвокатъ не связанъ съ кліентомъ никакимъ гражданско-правовымъ договоромъ, такъ какъ отношенія между ними носятъ публично-правовой характеръ (см. ч. II, стр. 20), тѣмъ не менѣе подавая совѣты или руководя ходомъ процесса, адвокатъ вслѣдствіе незнанія или небрежности можетъ причинить кліенту матеріальный ущербъ. Несправедливо было бы въ такихъ случаяхъ снимать съ него всякую отвѣтственность. Но, съ другой стороны, нецѣлесообразно и давать кліенту право гражданскаго иска, такъ какъ каждый адвокатъ, проигравшій процессъ, подвергся бы опасности явиться въ роли отвѣтчика по иску своего кліента, а это отразилось бы неблагопріятно на достоинствѣ адвокатуры, какъ органа общественнаго служенія. Поэтому, правильнѣе будетъ избрать средній путь, по которому идетъ англійское законодательство: не дозволяя предъявлять къ адвокатамъ гражданскихъ исковъ, оно разрѣшаетъ привлекать ихъ къ дисциплинарной отвѣтственности и, въ случаѣ надобности, присуждать въ дисциплинарномъ порядкѣ къ возмѣщенію кліентамъ понесенныхъ убытковъ (см. ч. I, стр. 217). Аппелляціонной инстанціей для такихъ дѣлъ должно служить дисциплинарное присутствіе высшаго суда.

---

[1]) *Duchaine et Picard*: Manuel, 308, 309; *Mollot*. Règles I, 107.

B. *Обязательное участіе въ процессѣ.* Адвокатурой, въ тѣсномъ смыслѣ слова, называется правозаступничество, а въ обширномъ—какъ правозаступничество, такъ и судебное представительство. Поэтому, подъ выраженіемъ «обязательнее участіе адвокатуры» можно разумѣть обязательное участіе 1) правозаступниковъ, 2) повѣренныхъ и 3) тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Въ настоящее время рѣчь будетъ идти только о первой системѣ.

Въ уголовномъ процессѣ адвокатъ, въ качествѣ уполномоченнаго общества, долженъ составлять противовѣсъ прокурору, какъ представителя карательной власти государства (см. ч. II, стр. 4—7, 20, 21). Отсюда слѣдуетъ, что въ интересахъ общественнаго блага и правосудія участіе адвокатуры желательно во всѣхъ тѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ обвинителемъ является прокуратура, и что въ важнѣйшихъ изъ этихъ дѣлъ оно должно быть даже признано по закону обязательнымъ. Такой взглядъ и усвоенъ новѣйшими законодательствами. Французскій и австрійскій кодексъ требуютъ участія адвокатовъ на судѣ присяжныхъ, итальянскій—въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ (но не нарушеніяхъ); германскій—въ имперскомъ судѣ, на судѣ присяжныхъ и въ окружномъ судѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый глухъ, нѣмъ или моложе 16 лѣтъ [1]). Совсѣмъ другое нужно сказать о гражданскомъ процессѣ. Адвокатъ является здѣсь тоже уполномоченнымъ общества. Но общество заинтересовано не въ томъ, чтобы каждый тяжущійся имѣлъ адвоката, а, напротивъ, чтобы адвокаты выступали только со стороны правыхъ тяжущихся (см. ч. II, стр. 7—9). Между тѣмъ, заставляя гражданъ обязательно поручать свои дѣла адвокатамъ, необходимо будетъ облегчить имъ пріисканіе защитниковъ, а для этого постановить, какъ и было въ дореформенной Пруссіи (см. ч. I, стр. 245), что адвокаты могутъ отказываться отъ веденія дѣлъ только по указаннымъ въ законѣ причинамъ, т.-е., другими словами, что имъ разрѣшается принимать защиту даже такихъ процессовъ, которые представляются имъ неправыми или сомнительными. Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей обязанности адвокатуры совершенно извра-

[1]) Code d'instr. crim., art. 294; Oester. Strafpr.—ordn., § 44; Codice di proc. penale, art. 274, 275; Deut. Strafpr.—ordn., § 140. См. *Vargha*, 295 ff.

щаются, и изъ общественнаго служенія она грозитъ обратиться въ «организованное пособничество неправдѣ». Вслѣдствіе этого, обязательное участіе адвокатовъ въ гражданскомъ процессѣ должно быть признано несоотвѣтствующимъ задачамъ адвокатуры. Соображенія, приводимыя въ пользу такой обязательности, будутъ разсмотрѣны ниже, въ связи съ вопросомъ объ участіи повѣренныхъ въ процессѣ (см. гл. VII, § 4).

VII.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ ОРГАНИЗАЦІИ ИНСТИТУТА ПОВѢРЕННЫХЪ.

Въ противоположность адвокатурѣ, судебное представительство должно быть оранизовано въ видѣ замкнутой профессіи, самоуправляющейся, но въ то же время подчиненной дисциплинарному надзору суда и вознаграждаемой по таксѣ. Это именно тѣ принципы, которые принесли лучшіе результаты на практикѣ (см. заключ. I части). Помимо того, съ цѣлью поднятія нравственнаго достоинства повѣренныхъ, мы считаемъ цѣлесообразнымъ открыть имъ въ видѣ награды за честное исполненіе своихъ обязанностей доступъ къ низшимъ должностямъ по юридическому вѣдомству, каковы мѣста нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ. Взглянемъ теперь на взаимодѣйствіе этихъ принциповъ и начертаемъ общій планъ организаціи института повѣренныхъ.

§ 1.

Взаимодѣйствіе принциповъ.

Судебное представительство требуетъ организаціи въ видѣ замкнутой профессіи. Это значитъ, что повѣренные не только должны обладать извѣстнымъ цензомъ, но и быть ограничены опредѣленнымъ комплектомъ, локализированы и обязаны вносить денежный

залогъ. Допущеніе къ профессіи лицъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ, установленнымъ въ законѣ требованіямъ гарантируетъ знаніе и нравственныя качества повѣренныхъ. Комплектъ уменьшаетъ конкурренцію между ними и, низводя ее въ связи съ локализаціей до минимума, устраняетъ въ значительной мѣрѣ опасность деморализаціи. Съ другой стороны, локализація облегчаетъ судамъ надзоръ за дѣятельностью повѣренныхъ и вмѣстѣ съ внесеніемъ залога гарантируетъ интересы кліентовъ, передающихъ повѣреннымъ важные документы и денежныя суммы.

Дисциплинарный надзоръ суда въ связи съ корпоративнымъ самоуправленіемъ служитъ залогомъ добросовѣстнаго исполненія повѣренными своихъ обязанностей. Хорошимъ побудительнымъ стимуломъ къ этому является связь съ низшей магистратурой, замѣняющая повѣреннымъ повышенія и награды по службѣ.

Наконецъ, опредѣленіе гонорара по таксѣ, вознаграждая ихъ пропорціонально затрагиваемому труду, предотвращаетъ возможность вымогательства несоразмѣрныхъ гонораровъ.

Словомъ, совмѣстное дѣйствіе указанныхъ принциповъ обставляетъ профессію условіями, гарантирующими знаніе, честность и добросовѣстность ея представителей,—всѣ тѣ качества, которыя требуются отъ нихъ въ интересахъ правильнаго отправленія правосудія, и въ то же время побуждаетъ ихъ къ усердному выполненію своихъ обязанностей.

§ 2.

Замкнутость профессіи.

Опредѣленіе комплекта, та или иная форма локализаціи и назначеніе размѣра денежнаго залога, который долженъ быть представляемъ повѣреннымъ при допущеніи къ профессіи, — все это второстепенные вопросы, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій каждаго государства и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ—каждой отдѣльной провинціи его. Но вопросъ о правилахъ допущенія къ профессіи имѣетъ общее значеніе и долженъ быть разсмотрѣнъ здѣсь.

Итакъ, какимъ условіямъ должны удовлетворять лица, допускаемыя къ занятію судебнымъ представительствомъ?

Прежде всего несомнѣнно, что, подобно адвокатамъ, повѣренные должны обладать процессуальной дѣе-способностью (см. стр. 166). Этимъ положеніемъ исчерпываются юридическія условія.

Далѣе, умственный или образовательный цензъ имѣетъ задачей гарантировать спеціальныя познанія повѣренныхъ, а потому онъ находится въ зависимости отъ характера ихъ дѣятельности. Мы уже говорили (см. стр. 162), что обязанности повѣренныхъ сводятся къ веденію безспорныхъ гражданскихъ дѣлъ и къ ходатайству по гражданскимъ спорнымъ и мелкимъ уголовнымъ процессамъ. Отсюда видно, что для нихъ вполнѣ достаточно обладать нѣкоторыми чисто практическими свѣдѣніями по юриспруденціи, именно: быть знакомыми съ формами составленія судебныхъ бумагъ, сроками, порядкомъ исполненія рѣшеній и т. п. Для пріобрѣтенія такихъ свѣдѣній не нужно ни оканчивать университетъ, ни подвергаться подготовкѣ въ качествѣ кандидатовъ на судебныя должности. Слѣдуетъ только лицъ, выставляющихъ свою кандидатуру на мѣста повѣренныхъ, подвергать практическому экзамену, подобному тому, какой существуетъ у насъ для нотаріусовъ.

Правда, во Франціи (см. ч. I, стр. 169) и Англіи (стр. 220) установлены болѣе строгія требованія. Но это обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ обѣихъ странахъ кругъ дѣятельности повѣренныхъ значительно шире, чѣмъ слѣдовало бы отвести имъ. Именно, на нихъ возложена тамъ вся письменная подготовка процессовъ, т.-е. сочиненіе состязательныхъ бумагъ, какъ въ спорныхъ, такъ и въ безспорныхъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлахъ. Такого порядка вещей нельзя признать желательнымъ: сочиненіе состязательныхъ бумагъ вещь настолько важная для процесса и столь тѣсно связанная съ ходомъ его, что отдѣлять ее отъ устной защиты и предоставлять повѣреннымъ значитъ разрушать необходимое въ интересахъ тяжущихся единство веденія дѣла (см. стр. 150). Судебная бумага (прошеніе, возраженіе, аппелляція, кассація, частная жалоба и т. п.) служитъ, при господствѣ устности въ процессѣ, тезисомъ, который

развивается въ засѣданіи суда, или, еще лучше, программой, которую сторона выполняетъ своею рѣчью. Отдавать выборъ тезиса и составленіе программы одному лицу, вдобавокъ, мало компетентному въ этомъ, а развитіе тезиса и выполненіе программы возлагать на другое лицо—значитъ ставить въ неудобное положеніе адвоката и подвергать опасности интересы тяжущагося. Юридической стороной спорнаго гражданскаго дѣла отъ подачи прошенія до постановленія рѣшенія долженъ руководить адвокатъ; повѣренному же можетъ быть предоставлено только собираніе фактическаго матеріала, хожденіе по дѣлу и исполненіе рѣшенія. Таково общее начало; болѣе же точное опредѣленіе границы между дѣятельностью адвокатовъ и повѣренныхъ можетъ быть сдѣлано только сообразно съ особыми условіями судоустройства и судопроизводства каждой отдѣльной страны.

Обращаясь къ нравственному цензу, можно только замѣтить, что тѣ отрицательныя условія, которымъ должны удовлетворять адвокаты, вполнѣ достаточны и для повѣренныхъ (см. стр. 173).

Въ иномъ положеніи находится вопросъ о самомъ порядкѣ допущенія къ профессіи въ виду того, что число повѣренныхъ должно быть ограничено комплектомъ. Главный вопросъ, возникающій здѣсь, заключается въ слѣдующемъ: кому предоставить назначеніе кандидата на открывшуюся вакансію?

Если на нее претендуютъ нѣсколько лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требуемымъ условіямъ и могущихъ внести установленный залогъ, то для правительства и для суда совершенно безразлично, кто изъ нихъ попадетъ на это мѣсто. Наоборотъ, для сословія повѣренныхъ важно, чтобы въ среду его поступали наиболѣе достойныя лица. Поэтому, было бы цѣлесообразно установить такой порядокъ. Кандидаты на открывшуюся вакансію должны подать совѣту сословія заявленія и затѣмъ подвергнуться баллотировкѣ въ общемъ собраніи повѣренныхъ. Получившій наибольшее число голосовъ представляется суду и получаетъ свидѣтельство на право исполнять обязанности повѣреннаго.

§ 3.

Внутренняя организація.

Органы самоуправленія у сословія повѣренныхъ должны быть тѣ же, какъ и у сословія адвокатовъ, — именно общее собраніе повѣренныхъ, постоянный совѣтъ и предсѣдатель. Равнымъ образомъ, и взаимное отношеніе всѣхъ этихъ органовъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ указанное нами (см. предыд. главу, стр. 175). Дисциплинарная власть совѣта ограничивается тѣми проступками повѣренныхъ, которые заключаютъ въ себѣ нарушеніе требованій профессіональной этики. Общія же преступленія, а также профессіональные проступки, состоящіе въ противозаконномъ злоупотребленіи служебными правами, какъ-то разглашеніе тайнъ кліента, измѣна ему, вымогательство гонорара сверхъ таксы, присвоеніе и растрата денегъ, принадлежащихъ кліенту и т. п., подлежатъ уголовному суду. Что касается порядка дисциплинарнаго производства и системы взысканій, то нѣтъ основанія дѣлать какія-либо измѣненія сравнительно съ правилами, установленными въ этомъ отношеніи для адвокатуры (см. стр. 185). Но гарантія противъ произвола органовъ самоуправленія требуетъ иной формы. Аппелляціонной инстанціей для постановленій совѣта относительно дѣлъ не дисциплинарныхъ, а также для приговоровъ, касающихся поступковъ повѣреннаго не при исполненіи профессіональныхъ обязанностей, можетъ служить общее собраніе сословія повѣренныхъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ не затрагиваются интересы государства и частныхъ лицъ. Но приговоры относительно нарушенія профессіональныхъ обязанностей должны, во-первыхъ, сообщаться прокурорскому надзору, и, во-вторыхъ, подлежать обжалованію съ его стороны въ дисциплинарное присутствіе того суда, при которомъ состоитъ данная коллегія повѣренныхъ. Кромѣ того, судъ имѣетъ право примѣнять къ повѣреннымъ дисциплинарныя мѣры, необходимыя для поддержанія порядка въ засѣданіи. Если адвокаты пользуются въ этомъ отношеніи такимъ же привиллегированнымъ положеніемъ, какъ и прокуроры, то только потому, что они — органы общественнаго

служенія и факторы правосудія. Между тѣмъ, повѣренные просто замѣстители тяжущихся, ихъ процессуальные двойники, а вслѣдствіе этого не могутъ обладать большими правами, чѣмъ сами тяжущіеся.

§ 4.

Дополнительныя замѣчанія.

Въ дополненіе къ начертанному плану организаціи института повѣренныхъ намъ нужно еще сказать пару словъ о несовмѣстимости, имущественной отвѣтственности и обязательномъ участіи повѣренныхъ въ процессѣ.

Несовмѣстимость. Правозаступничество какъ мы видѣли, несовмѣстимо: 1) со всякаго рода службой, способной ограничить профессіональную независимость и 2) съ низшими отраслями дѣятельности, несоотвѣтствующими достоинству его. Оба эти принципа примѣняются, хотя въ болѣе умѣренной степени, и къ судебному представительству. Въ самомъ дѣлѣ, если и нѣтъ основанія особенно заботиться о профессіональной независимости повѣренныхъ и опасаться, что они будутъ занимать должности на государственной службѣ, просто въ виду того, что это и для нихъ было бы неудобно, да и подлежащимъ начальствомъ зачастую не было бы разрѣшаемо, тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе могущихъ произойти столкновеній между профессіональными и служебными обязанностями ихъ и для сохраненія института судебнаго представительства въ надлежащей чистотѣ, полезно воспретить повѣреннымъ всякаго рода государственную и общественную службу, за исключеніемъ, конечно, безплатныхъ и почетныхъ должностей. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно несовмѣстимости втораго рода. На первый взглядъ кажется, что нѣтъ никакого основанія не дозволять повѣреннымъ занятій маклерствомъ, агентурой, торговлей и т. п., такъ какъ всѣ эти отрасли дѣятельности, по своему характеру, однородны съ судебнымъ представительствомъ: сущность всѣхъ ихъ заключается въ юридическомъ посредничествѣ при совершеніи какихъ-либо дѣйствій. Но отличительной чертой дѣятельности повѣренныхъ слу-

жить то обстоятельство, что они являются посредниками не при заключеніи экономическихъ сдѣлокъ, а при отправленіи правосудія; отправленіе же правосудія такая вещь, которая должна быть какъ можно дальше отъ всего, что носитъ на себѣ слѣды торговли и промысла, такъ какъ понятіе «торговли», будучи поставлено рядомъ съ понятіемъ «правосудія» весьма легко сливается съ нимъ и обращается въ «торговлю правосудіемъ». По этой причинѣ мы не можемъ согласиться съ тѣми авторами [1]), которые считаютъ правильной англійскую систему организаціи, при которой канцеляріи повѣренныхъ представляютъ собой конторы для исполненія всякаго рода нотаріальныхъ, коммиссіонныхъ, маклерскихъ и торговыхъ порученій. Отправленіе правосудія, повторяемъ мы, переиначивая слова Буше д'Аржи, сказанныя имъ относительно адвокатуры,— такая чистая вещь, что малѣйшая примѣсь ее грязнитъ и портитъ. Непопулярность института повѣренныхъ въ Англіи и крайне неблагопріятное отношеніе къ нему со стороны общественнаго мнѣнія (см. ч. I, стр. 222) объясняются, главнымъ образомъ, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что повѣренные не стѣснялись вносить въ ходатайство по судебнымъ дѣламъ тѣ гешефтмахерскіе пріемы и замашки, которые употреблялись ими въ ихъ маклерской, агентурной и коммиссіонерской дѣятельности.

Имущественная отвѣтственность. Такъ какъ отношенія между повѣренными и кліентами основываются на договорѣ довѣренности, то имущественная отвѣтственность первыхъ опредѣляется согласно съ законными постановленіями объ этомъ договорѣ, анализъ которыхъ составляетъ предметъ гражданскаго права.

Обязательное участіе въ процессѣ. Въ первой части нашего сочиненія мы указывали, что въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напр., во Франціи, Италіи и Испаніи, участіе повѣренныхъ предписано закономъ для всѣхъ дѣлъ, разбираемыхъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ (см. ч. I, стр. 164, 265, 297 и др.). Этотъ принципъ принятъ австрійскимъ и обще-германскимъ уставами, но такъ какъ въ двухъ послѣднихъ странахъ правозаступничество совмѣщено съ судебнымъ представительствомъ, то обязательное участіе повѣренныхъ обратилось здѣсь въ участіе адво-

[1]) *Prischl*: Advocatur und Anwaltschaft, 38, 39, 45.

катовъ-повѣренныхъ. Разсмотримъ сначала французскую систему, а затѣмъ австро-германскую.

Съ перваго взгляда обязательное участіе адвокатуры въ процессѣ представляется совершенно непонятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, лишать гражданина права вести лично свои гражданскія дѣла значитъ просто ограничивать его процессуальную и дѣеспособность, ставитъ все населеніе въ положеніе лицъ несовершеннолѣтнихъ, навязывать ему опекуновъ и подрывать гражданскую свободу [1]).

«Если»—говоритъ Бентамъ:—«существуетъ такъ называемое врожденное право, носящее въ себѣ очевидный характеръ равенства и справедливости, то это, кажется, есть право самому быть ходатаемъ въ судѣ по своему дѣлу или прибѣгать для этого къ помощи другаго. Зачѣмъ принуждать меня отдать мою участь во власть адвоката, если я ни одному изъ адвокатовъ не довѣряю въ такой степени, какъ самому себѣ? Зачѣмъ заставлять меня покупать себѣ помощь, которую я надѣюсь найти въ самомъ себѣ, или за которую я почти не въ состояніи заплатить?» [2]).

Доводы, приводимые въ пользу обязательнаго участія повѣренныхъ въ процессѣ [3]), распадаются на двѣ группы: одни касаются выгоды тяжущихся, а другіе—публичнаго интереса.

Для тяжущихся въ высшей степени полезно, если ихъ дѣла ведутся опытными и свѣдущими въ правѣ людьми. При современной сложности законодательства, формы процесса, установленныя для лучшаго отправленія правосудія, могутъ обратиться для неопытныхъ тяжущихся въ искусственную преграду, мѣшающую имъ при малѣйшей оплошности добиться признанія своихъ правъ. Подготовить надлежащимъ образомъ дѣло, воспользоваться всѣми процессуальными правами и съ успѣхомъ вести пренія на судѣ можетъ только опытный въ этомъ человѣкъ и спеціалистъ въ

---

[1]) *Séligman.* Quelles sont les réformes etc., 1855, 127.

[2]) *Бентамъ*: О судоустройствѣ, 98.

[3]) *Silberschlag:* Ueber den Anwaltszwang und dessen Rechtvertigung („Arch. für civil. Praxis, B, L., 328); *Бентамъ*: ib., 98 и сл.; *Séligman*: ib. 130—138; Die Gesammten Materialien zu den Reichsjustizgesetzen (herausg. von Halm), II B., I Liefer., 1878, 185, 186; *Katz:* Schriftsätze und Anwaltszwang, 1883, 42 ff.

юриспруденціи. Кромѣ того, благодаря участію повѣренныхъ въ процессѣ сглаживается природное неравенство между тяжущимися въ смыслѣ большей или меньшей опытности, обширности познаній и т. п., такъ какъ процессъ ведется лицами, получившими одинаковую спеціальную подготовку.

Не трудно замѣтить, что всѣ эти соображенія, совершенно правильныя сами по себѣ, доказываютъ только, что участіе повѣренныхъ въ процессѣ полезно для тяжущихся, но изъ нихъ вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно должно было быть признано обязательнымъ. Въ гражданскомъ процессѣ тяжущіеся преслѣдуютъ осуществленіе своихъ частныхъ правъ, своихъ личныхъ выгодъ. Они могутъ поступать, какъ найдутъ удобнымъ для себя: энергично отстаивать свои права или отказываться отъ нихъ, бороться съ противникомъ до послѣдней возможности или мириться въ срединѣ процесса, лично вести защиту или приглашать повѣреннаго. Все это ихъ частное дѣло, и государство не имѣетъ ни основанія, ни надобности навязывать имъ, во что бы то ни стало, помощниковъ и, вдобавокъ, еще платныхъ. Если бы государство стало руководствоваться и въ другихъ своихъ дѣйствіяхъ частной пользой отдѣльныхъ гражданъ, то оно должно было бы предписать имъ не курить, не употреблять спиртныхъ напитковъ, рано ложиться спать и въ случаѣ малѣйшаго нездоровья призывать врача; все это не менѣе, если не болѣе полезно для гражданъ, чѣмъ и веденіе ихъ гражданскихъ дѣлъ спеціалистами-повѣренными.

Изъ того, что участіе повѣренныхъ въ процессѣ выгодно для тяжущихся, можно вывести только одно заключеніе, именно, что государство обязано создать классъ лицъ, обладающихъ достаточнымъ умственнымъ и нравственнымъ цензомъ, чтобы заниматься веденіемъ судебныхъ дѣлъ съ пользой для гражданъ и для правосудія. А будутъ ли тяжущіеся всегда пользоваться ихъ услугами или нѣтъ,—это ихъ частное дѣло, въ которомъ имъ должна быть предоставлена полная свобода.

Перейдемъ къ доводамъ въ пользу обязательнаго участія повѣренныхъ съ точки зрѣнія общественнаго интереса. Они распадаются на два разряда, смотря потому, касаются ли интересовъ правосудія или интересовъ суда.

Во-первыхъ, говорятъ, благодаря обязательному участію повѣренныхъ, предотвращается начатіе явно неосновательныхъ и несправедливыхъ дѣлъ, которыхъ повѣренные не станутъ принимать. Вслѣдствіе этого, недобросовѣстные тяжущіеся не будутъ вовлекать противниковъ въ излишніе расходы по веденію дѣла, а судъ избавится отъ непроизводительнаго труда. Далѣе, при господствѣ въ процессѣ состязательнаго принципа, исключающаго вмѣшательство суда въ дѣйствія сторонъ, отъ тяжущихся требуется въ интересахъ правосудія образованность, честность и опытность, такъ какъ въ противномъ случаѣ судъ вводится въ заблужденіе и постановляетъ неправильное рѣшеніе. Во избѣжаніе этого, необходимо предписать, чтобы тяжущіеся дѣйствовали при посредствѣ повѣренныхъ, которые удовлетворяютъ всѣмъ указаннымъ качествамъ.

Во-вторыхъ, обязательное участіе повѣренныхъ чрезвычайно полезно для самаго суда. Съ одной стороны, оно облегчаетъ работу судей. Тяжущіеся далеко не всегда умѣютъ представлять свои требованія и подтверждающія ихъ юридическія доказательства въ такомъ видѣ, чтобы суду было ясно, кто изъ нихъ правъ. Не обладая спеціальными познаніями, они не могутъ отличить обстоятельствъ, важныхъ для оцѣнки дѣла, отъ тѣхъ, которыя не имѣютъ никакого значенія въ этомъ отношеніи. Чтобы разобраться въ хаосѣ фактовъ и доводовъ, судъ долженъ употребить не мало труда и времени. Между тѣмъ, если дѣло ведется при участіи адвокатовъ, задача суда становится несравненно болѣе легкой: сырой матеріалъ дѣла, подвергшійся предварительно юридической обработкѣ со стороны адвокатовъ, преподносится ему уже въ готовой, легко усваиваемой формѣ; зерна, по выраженію Бентама, отдѣлены отъ плевелъ; факты классифицированы, доводы за и противъ расположены въ стройной системѣ, и суду остается только сдѣлать сравнительную оцѣнку ихъ важности. Съ другой стороны, страстность, запальчивость, которыя лично заинтересованные тяжущіеся склонны вносить въ пренія, а, равнымъ образомъ, ихъ юридическое невѣжество не соотвѣтствуетъ достоинству суда и важному значенію судебнаго засѣданія. Въ этомъ отношеніи обязательное участіе адвокатуры въ процессѣ является лучшимъ, если даже не единственнымъ

средствомъ удержать надлежащій порядокъ во время судоговоренія.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этихъ доводовъ, замѣтимъ, прежде всего, что соображенія относительно «удобствъ для суда» не могутъ имѣть въ данномъ вопросѣ никакого значенія, какъ справедливо указано еще Бентамомъ. «Это доказательство»,—говоритъ онъ: — «основано на началѣ, которое не рѣшаются высказать откровенно, но которому безмолвно слѣдуютъ, а именно то, что тяжущіеся созданы для судей, а не судьи для тяжущихся. Пожалуй еще скажутъ, что главной цѣлью должно быть избавленіе судей отъ непріятности выслушивать нескладныя объясненія, что люди бѣдные и несвѣдущіе, не владѣя хорошимъ слогомъ, недостойны приблизиться къ судьѣ, и что необходимо нанимать ораторовъ, чтобы сдѣлать для него отправленіе его обязанностей болѣе пріятнымъ и легкимъ. Что же касается до взрывовъ гнѣва, которые могутъ подать поводъ къ непристойнымъ сценамъ, то ничто не можетъ такъ удерживать тяжущихся въ этомъ отношеніи, какъ присутствіе судьи, окруженнаго многочисленной публикой и облеченнаго властью, необходимой для воздержанія и наказанія подобныхъ выходокъ. По тѣмъ же причинамъ судьи не должны бы были выслушивать свидѣтелей, потому что эти послѣдніе могутъ обнаруживать такіе же недостатки, какъ и тяжущіеся, и когда имъ сильно надоѣдаютъ допросами, могутъ произвести такіе же безпорядки» [1]).

Гораздо важнѣе соображенія относительно интересовъ правосудія. Но и они при ближайшемъ разсмотрѣніи не выдерживаютъ критики. Прежде всего, обязательное участіе повѣренныхъ въ процессѣ не только не предотвращаетъ начатія неправыхъ дѣлъ, но, напротивъ, скорѣе способствуетъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, если государство требуетъ, чтобы тяжущіеся непремѣнно дѣйствовали на судѣ черезъ представителей, то оно обязано облегчить имъ пріисканіе ихъ. Съ этой цѣлью французское и итальянское законодательство дозволяетъ повѣреннымъ отказываться отъ принятія дѣлъ только въ особо указанныхъ случаяхъ (см. ч. I, стр. 175 и 369), т.-е., другими словами, прямо предписываетъ имъ

[1]) *Бентамъ*: О судоустройствѣ, 99.

браться за всѣ процессы безъ всякой разборчивости. Между тѣмъ, если участіе повѣренныхъ необязательно, но законъ можетъ не только требовать отъ нихъ, чтобы они не принимали неправыхъ дѣлъ, но и подвергать ихъ, въ случаѣ нарушенія этого требованія, дисциплинарному наказанію. Затѣмъ, то обстоятельство, что повѣренные образованнѣе, опытнѣе и честнѣе тяжущихся теряетъ всякое значеніе, если принять во вниманіе, что повѣренные дѣйствуютъ самостоятельно только въ безспорныхъ дѣлахъ, гдѣ честность и образованность не играетъ никакой роли, а въ спорныхъ не имѣютъ права вести преній, для которыхъ должны приглашать адвоката (см. ч. II, стр. 162).

Такимъ образомъ, ни интересы частныхъ лицъ, ни интересы правосудія не оправдываютъ обязательности участія повѣренныхъ въ процессѣ. Если оно для кого-нибудь нужно, такъ только для выгоды самихъ повѣренныхъ и для удобства судей, но ни то ни другое не можетъ быть принимаемо во вниманіе, такъ какъ отправленіе правосудія производится для блага гражданъ, а не повѣренныхъ и судей.

Въ предыдущей главѣ мы показали, что обязательное участіе адвокатовъ въ гражданскомъ процессѣ нежелательно. Теперь мы пришли къ такому же выводу относительно повѣренныхъ. Но положеніе, справедливое для каждаго изъ двухъ фактовъ, взятыхъ порознь, остается такимъ же и въ томъ случаѣ, если они берутся одновременно. Другими словами, если обязательность участія въ процессѣ нежелательна со стороны адвокатовъ и повѣренныхъ порознь, то она сохраняетъ тотъ же характеръ, когда тѣ и другіе дѣйствуютъ въ процессѣ совмѣстно, причемъ все равно, исполняются ли функціи правозаступничества и представительства двумя классами лицъ, какъ въ Испаніи (см. стр. 374), или же однимъ, какъ въ Германіи и Австріи.

VIII.

РЕФОРМА АДВОКАТУРЫ ВЪ РОССІИ.

Организація русской адвокатуры примыкаетъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ (см. ч. I, гл. VII, § 2) къ австро-германской системѣ и, потому, не соотвѣтствуетъ тому идеалу, который начертанъ нами въ предшествующихъ главахъ. Проэктъ реформы, выработанный въ послѣднее время и ожидающій утвержденія, не въ состояніи произвести сколько-нибудь существенной перемѣны въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно, разсматривая его (см. ч. I, стр. 357), мы видѣли, что онъ оставляетъ въ силѣ основные принципы организаціи и касается только второстепенныхъ частностей. Въ немъ говорится о сословной организаціи, о монополіи адвокатовъ, о подготовкѣ къ профессіи и т. п. Но ни объ относительной безвозмездности, ни объ отдѣленіи правозаступничества отъ судебнаго представительства въ немъ нѣтъ даже и рѣчи, и если проектъ получитъ силу закона, то все-таки организація адвокатуры по прежнему будетъ примыкать къ австро-германской системѣ, которая признана нами неправильной. Въ виду этого, не отрицая, что проэктъ содержитъ въ себѣ много цѣлесообразныхъ постановленій, которыя улучшатъ положеніе адвокатуры, и что онъ представляетъ собой шагъ впередъ, мы должны тѣмъ не менѣе признать его недостаточнымъ. Организація русской адвокатуры нуждается не въ усовершенствованіи второстепенныхъ деталей, а въ коренной реформѣ. Никакія передѣлки и надстройки не помогутъ тамъ, гдѣ нужно перемѣнить фундаментъ. Роль такого фундамента играютъ тѣ пять принциповъ, которые господствуютъ въ англо-французской системѣ, и которые признаны нами необходимыми элементами правильной организаціи адвокатуры.

Но возможно-ли примѣнить ихъ у насъ? Мы не колеблемся дать утвердительный отвѣтъ. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Относительная свобода профессіи и сословная организація существуютъ уже и теперь; остается только строже и послѣдовательнѣе провести ихъ. Связь съ магистратурой тоже признана закономъ; надо лишь позаботиться, чтобы она не оставалась

мертвой буквой. Для этого можно просто установить, чтобы въ окружныхъ судахъ и палатахъ опредѣленное число членовъ избиралось изъ бывшихъ адвокатовъ (см. ч. II, стр. 80).

Далѣе, относительная безвозмездность не можетъ вызвать никакихъ недоумѣній. Если она принята у насъ по отношенію къ медицинской профессіи, то нѣтъ причины думать, что ее нельзя примѣнить къ адвокатурѣ, при томъ условіи, разумѣется, что адвокаты избавятся отъ обязанностей судебнаго представительства и станутъ заниматься только юридической консультаціей и устной защитой дѣлъ на судѣ. Законъ долженъ будетъ только, запретивъ всякія соглашенія о гонорарѣ, установить среднюю норму его. Это необходимо въ видахъ предотвращенія разнаго рода недоразумѣній, могущихъ возникнуть на практикѣ. Хотя подобной нормировки не существуетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ принята относительная безвозмездность профессіи, тѣмъ не менѣе тамъ средній размѣръ гонорара установился самъ собой путемъ многовѣковаго обычая. У насъ же онъ, въ силу необходимости, долженъ быть сразу созданъ законодательнымъ путемъ. Намъ кажется, что было бы справедливо и сообразно съ современнымъ положеніемъ вещей установить такую норму: минимумъ гонорара за подачу простаго совѣта—1 руб., за устную защиту въ мировыхъ учрежденіяхъ (или у земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и т. п.)—10 руб., въ окружномъ и коммерческомъ судахъ и палатѣ 15 или 20 руб., а съ присяжными или сословными представителями и въ сенатѣ 25 или 30 руб. Эта такса должна имѣть такое же значеніе, какъ и докторская: ею опредѣляется только средній размѣръ вознагражденія для руководства тяжущимся и вмѣстѣ съ тѣмъ означается предѣлъ гонорара, меньше котораго кліентъ безъ согласія адвоката не имѣетъ права платить, а адвокатъ не обязанъ принимать. Тогда адвокаты очутятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся въ настоящее время врачи. На практикѣ установился обычай не давать доктору за совѣтъ меньше рубля. Вы можете, конечно заплатить, ему и пять, десять, двадцать, сто,—сколько вамъ угодно, и сколько вы можете по своимъ средствамъ. Но если вы предложите ему двугривенный, то онъ имѣетъ право не принять его и потребовать добавки до рубля. Конечно, порядочный врачъ поступитъ такъ только тогда, когда

убѣжденъ, что паціентъ въ состояніи заплатить ему нормальный гонораръ; въ противномъ случаѣ онъ или ничего не возьметъ, или будетъ довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ. Такого же образа дѣйствій обязанъ придерживаться и порядочный адвокатъ. Сверхъ того, если кліентъ настолько бѣденъ, что не въ состояніи заплатить даже установленнаго таксой минимума гонорара и, потому, не можетъ найти себѣ адвоката, то онъ долженъ обратиться въ совѣтъ сословія съ просьбой назначить ему защитника безъ возмездія, если онъ пользуется правомъ бѣдности, или за пониженное вознагражденіе.

Несравненно болѣе сомнѣній и затрудненій создаетъ принятіе пятаго принципа, отдѣленія правозаступничества отъ судебнаго представительства, такъ какъ оно кореннымъ образомъ измѣнитъ сферу дѣятельности адвокатуры и вмѣстѣ съ тѣмъ весь ея характеръ. Какъ только функціи адвокатовъ будутъ ограничены юридической консультаціей и судебной защитой, большинство представителей профессіи, въ особенности средняго уровня, очутится въ несравненно худшемъ матеріальномъ положеніи. Наиболѣе доходныя статьи адвокатской практики, какъ-то взысканія по безспорнымъ обязательствамъ, вводы во владѣніе и наслѣдство, исполненіе рѣшеній съ описью имущества и аукціонными продажами и т. п., все это перейдетъ къ судебнымъ представителямъ, или повѣреннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ адвокаты должны будутъ отказаться отъ несовмѣстимыхъ съ характеромъ правозаступничества побочныхъ занятій, каковы, напр., участіе въ конкурсномъ производствѣ, служба въ правленіяхъ различныхъ торговыхъ и промышленныхъ компаній, агентуры, маклерскихъ обязанностей и т. п.

Этого обстоятельства ни въ какомъ случаѣ нельзя игнорировать. Благодаря ему, отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства является почти неосуществимымъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Германіи, Австріи и Италіи, сословіе адвокатовъ до того переполнено, что члены его, несмотря на предоставленную имъ монополію и даже обязательное участіе въ процессѣ, не въ состояніи жить съ одной практики, а принуждены предаваться всякимъ побочнымъ занятіямъ. Запретить имъ такія занятія и съузить сферу дѣятельности значило бы разо-

рить и пустить по міру сотни адвокатовъ и ихъ семействъ. Къ счастью, Россія находится въ несравненно лучшихъ условіяхъ. Адвокатура у насъ не только не переполнена, но даже, по численности, не соотвѣтствуетъ потребности населенія въ юридической защитѣ (см. ч. I, стр. 339, 340). Помимо того, чтобы вознаградить адвокатовъ за отнятіе у нихъ функцій судебнаго представительства и побочныхъ занятій, слѣдуетъ предоставить имъ, какъ это сдѣлано всюду на западѣ Европы, монополію веденія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ и признать обязательнымъ участіе адвокатуры въ уголовномъ процессѣ, по меньшей мѣрѣ, въ дѣлахъ, разбираемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Что касается контингента будущихъ правозаступниковъ и судебныхъ представленій, то онъ уже готовъ: присяжные повѣренные, по своему умственному и нравственному цензу, вполнѣ годны для роли правозаступниковъ, а частнымъ повѣреннымъ можетъ быть предоставлено судебное представительство. Такой порядокъ, помимо всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, связанныхъ съ отдѣленіемъ правозаступничества отъ судебнаго представительства (см. гл. V), принесетъ еще и ту выгоду, что институтъ частныхъ повѣренныхъ перестанетъ играть роль язвы, разъѣдающій нашъ юридическій бытъ. Если ихъ дѣятельность ограничится ходатайствомъ по безспорнымъ дѣламъ, исполненіемъ рѣшеній и представительствомъ сторонъ на судѣ, то тѣ злоупотребленія, къ которымъ они прибѣгаютъ въ настоящее время съ цѣлью выиграть процессъ (см. ч. I, стр. 352, 353), станутъ въ значительной степени невозможными. Равнымъ образомъ, раздѣленіе функцій правозаступничества и представительства разрѣшитъ жгучій вопросъ о національности въ адвокатурѣ. Проэктъ реформы предполагаетъ ограничить число адвотовъ нехристіанскихъ исповѣданій, т.-е., говоря точнѣе, евреевъ, десятью процентами. Съ точки зрѣнія развитыхъ въ настоящемъ трудѣ положеній, такое ограниченіе не выдерживаетъ критики, такъ какъ противорѣчитъ принципу относительной свободы адвокатуры, по которому къ занятію профессіей должны быть допускаемы всѣ лица, удовлетворяющія извѣстному юридическому, умственному и нравственному цензу. Ни религія, ни національность не могутъ играть въ данномъ вопросѣ никакой роли,

какъ не играютъ въ медицинской, архитектурной, литературной и другихъ либеральныхъ профессіяхъ. «Къ какой бы странѣ и націи кто ни принадлежалъ, для всѣхъ есть мѣсто въ адвокатурѣ», такъ выразилъ этотъ принципъ французскій адвокатъ Луазель еще въ половинѣ XVII вѣка [1]). Составители проэкта, очевидно, исходятъ изъ того предположенія, что упадокъ нравственности въ современной русской адвокатурѣ зависитъ, между прочимъ, отъ переполненія ея евреями, которые вносятъ въ отправленіе своихъ адвокатскихъ обязанностей тотъ коммерческій духъ гешефтмахерства и стремленія къ наживѣ, который является характеристической чертой ихъ въ экономической дѣятельности. Если даже это вполнѣ вѣрно, то и въ такомъ случаѣ процентное ограниченіе нецѣлесообразно, во-первыхъ, потому, что оно не уничтожитъ зла, а только уменьшитъ его, а во-вторыхъ, потому, что оно, значительно сокративъ численность адвокатуры, и безъ того недостаточную и несоотвѣтствующую потребности населенія, затруднитъ тяжущимся пріисканіе адвокатовъ и повыситъ цѣнность адвокатскаго труда. Между тѣмъ, отдѣлите правозаступничество отъ судебнаго представительства, и не зачѣмъ будетъ вводить начала нетерпимости въ организацію такого, посвященнаго служенію обществу и человѣчеству института, какимъ является адвокатура. Въ самомъ дѣлѣ, если адвокатамъ будетъ запрещено заниматься судебнымъ представительствомъ и всѣми родственными ему видами дѣятельности, какъ-то маклерскими обязанностями, агентурой, участіемъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ и т. п., то само собой понятно, что профессіоннальная дѣятельность, ограничиваясь исключительно юридической консультаціей и судебными защитами, съ одной стороны, станетъ несравненно болѣе трудной и гораздо менѣе прибыльной, а съ другой, не будетъ представлять почвы для гешефтмахерскихъ операцій. Тогда всѣ лица, обладающія гешефтмахерскими наклонностями и стремленіемъ къ наживѣ, все равно, будутъ ли это христіане или нехристіане, сами покинутъ адвокатуру и предпочтутъ ей болѣе доходныя отрасли дѣятельности: торговлю, промышленность, маклерство и т. д. Адвокатура же,

[1]) *Loisel*: Pasquier, 1652, 179.

сдѣлавшись болѣе почетной, чѣмъ прибыльной профессіей станетъ достояніемъ людей высшаго достоинства, готовыхъ честно и безкорыстно служить обществу и правосудію, отодвигая свои личныя выгоды на задній планъ.

Что такой результатъ дѣйствительно произойдетъ, и что не наплывъ евреевъ, а совмѣщеніе правозаступничества съ судебнымъ представительствомъ деморализуетъ адвокатуру, это доказано опытомъ западной Европы. Евреи одинаково допускаются къ адвокатурѣ какъ во Франціи и Бельгіи, такъ и въ Германіи и Австріи. Но въ то время какъ въ первыхъ двухъ странахъ, гдѣ адвокатура сохранила въ чистомъ видѣ характеръ правозаступничества, еврейскій вопросъ никогда не подымался и не подымается въ адвокатурѣ, въ Германіи и Австріи раздаются такія же нареканія на развращающее вліяніе іудейскаго элемента, какъ и у насъ [1]).

Итакъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ препятствій къ коренной реформѣ русской адвокатуры на указанныхъ нами началахъ. Мало того. Мы полагаемъ, что она должна быть произведена безотлагательно и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ противномъ случаѣ будетъ упущенъ благопріятный моментъ: сословіе адвокатовъ умножается съ каждымъ годомъ, и когда оно переполнится, то отдѣленіе правозаступничества отъ судебнаго представительства станетъ такъ же труднооосуществимымъ, какимъ оно является въ настоящее время въ Германіи и Австріи.

Распространяться о деталяхъ предлагаемой реформы и наиболѣе удобныхъ способахъ перехода отъ нынѣшняго порядка вещей къ новому мы считаемъ преждевременнымъ. Въ этомъ представится надобность только въ томъ случаѣ, если развитые въ настоящемъ сочиненіи взгляды найдутъ себѣ признаніе со стороны компетентныхъ лицъ.

---

[1]) *Prischl:* Advocatur und Anwaltschaft, 451—453.